ЭДУАРД ЭРРИО

ИЗ ПРОШЛОГО

МЕЖДУ ДВУМЯ ВОЙНАМИ

1914—1936

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Имя Эдуарда Эррио хорошо известно советским читателям. Видный французский политический и общественный деятель, бывший многократно главой правительства и министром Третьей республики, почетный председатель Национального собрания в Четвертой республике, лидер Республиканской партии радикалов и радикал-социалистов, член Французской академии, эрудит и тонкий знаток французской и мировой культуры, Эдуард Эррио пользовался заслуженным признанием и широкой известностью не только на своей родине, но и далеко за ее пределами. В течение многих десятилетий, особенно в период между двумя мировыми войнами, он был в самом центре крупных политических событий своей родины, а также в значительной мере и всей международной политической жизни. Он был не только ее современником и наблюдателем, но во многом и ее участником. Среди мемуаристов той эпохи мало найдется таких, кто был бы также хорошо осведомлен о всех сложных перипетиях политической борьбы, о ее тайных скрытых пружинах и закулисных маневрах, как Эдуард Эррио. Он много видел и много знал. Уже с этой точки зрения его мемуары представляют большой интерес. Не будет преувеличением сказать, что всякий, кто хочет изучить развитие политической борьбы во Франции, или историю международных отношений 20-30-х годов нынешнего столетия, или даже просто ознакомиться с этой эпохой, не сможет пройти и мимо мемуаров Эррио.

- Эдуард Эррио
  - Вступительная статья
  - Во время войны
    - I. Первые картины драмы (1 августа – 30 ноября 1914 года)
    - II. Действовать! (30 ноября 1914 года – март 1917 года)
    - III. Вклад Лиона (март 1917 года – 16 ноября 1919 года)
    - В меньшинстве (16 ноября 1919 года – 11 мая 1924 года)
  - Правительство 11 мая
    - В поисках мира. Лондонская конференция
    - В поисках мира. Женевский протокол
    - Признание Советов
    - Внутренняя политика. Диктатура денег

        - Протокол свидания с г-ном председателем совета министров.
    - Кабинет Пуанкаре (июль 1926 года – июнь 1928 года)
        - Единая школа
        - В оппозиции (ноябрь 1928 года – 1932 год)
    - Правительство 1932 года
        - I. До образования кабинета (1 мая – 4 июня 1932 года)
        - II. Лозаннская конференция (4 июня – 22 июня 1932 года)
        - III. Послание Гувера
        - 6 февраля 1934 года
    - Правительство Думерга
        - I. Нота от 17 апреля 1934 года (9 февраля – 21 апреля 1934 года)
        - I. Германский меморандум от 19 января 1934 года
        - II. Разоружение и перевооружение
        - III. Советы вступают в Лигу наций
        - IV. Нота Барту от 17 марта
        - V. Конференция в Доме инвалидов (14 и 17 апреля)
        - VI. Нота от 17 апреля
        - II. Провал разоружения (21 апреля – 28 сентября 1934 года)
        - III. Государственная реформа (28 сентября – 8 ноября 1934 года)
        - Проект пересмотра конституции
    - Правительство Фландена
        - I. Итальянский вопрос (8 ноября 1934 года – 21 февраля 1935 года)
        - II. Военная проблема (21 февраля – 1 апреля 1935 года)
        - III. Франко-советский договор (1 апреля – 31 мая 1935 года)
        - Протокол подписания
        - I
        - II
        - III
        - IV
        - Кризис (31 мая – 7 июня 1935 года)
    - Правительство Лаваля
    - Заключение
- notes

- ○ 1
- ○ 2
- ○ 3
- ○ 4
- ○ 5
- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44

- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88

- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132

- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176

- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209

Эдуард Эррио
Из прошлого: Между двумя войнами. 1914-1936

Вступительная статья

Имя Эдуарда Эррио хорошо известно советским читателям. Видный французский политический и общественный деятель, бывший многократно главой правительства и министром Третьей республики, почетный председатель Национального собрания в Четвертой республике, лидер Республиканской партии радикалов и радикал-социалистов, член Французской академии, эрудит и тонкий знаток французской и мировой культуры, Эдуард Эррио пользовался заслуженным признанием и широкой известностью не только на своей родине, но и далеко за ее пределами. В нашей стране Эдуарда Эррио знали и ценили не только как крупного государственного деятеля, человека многосторонних дарований и широких горизонтов, но и как друга советского народа, убежденного и настойчивого поборника политики франко-советского сотрудничества и дружбы.

Эдуард Эррио прожил долгую жизнь. Он родился в 1872 году в городе Труа, департамент Об, в северо-восточной Франции, в семье офицера, выходца из крестьян, дослужившегося до небольших офицерских чинов. Эдуард Эррио учился сначала в народной школе, затем благодаря обнаруженным им на школьной скамье способностям ему была предоставлена стипендия для продолжения образования в лицее, а затем для завершения его в Высшей нормальной школе в Париже – одном из лучших высших учебных заведений страны. В Высшей нормальной школе молодой Эррио занимался на историко-филологическом факультете греческой литературой под руководством известных французских историков литературы – Брюнетьера и Буасье.

В 1897 году вышла в свет первая крупная печатная работа молодого филолога – монография о Филоне Александрийском, философе-идеалисте, жившем в первые десятилетия новой эры[1]. Работа эта была удостоена премии Французской академии. Через семь лет был опубликован новый большой труд Эррио, двухтомное сочинение о мадам Рекамье и ее салоне[2] – историко-литературное повествование о нравах, быте, общественных настроениях и литературных вкусах парижского общества времен Директории в камерном восприятии красавицы Рекамье и ее друзей.

Тематика этих первых больших литературных выступлений Эррио, рассчитанная на узкий круг избранных, могла создать впечатление, что автор их – сноб и эстет, обративший свой взор в прошлое и вполне равнодушный к волнующим вопросам современности. Но такое впечатление было бы обманчивым. В

действительности было не так.

Эдуард Эррио был выходцем из демократических низов. С детских лет он познал жизнь не с парадного фасада, а с ее тыловой стороны. Он не только видел нужду и материальные лишения окружающих – он сам испытал на школьной скамье горечь положения стипендиата, выделявшего его среди беспечных детей состоятельных родителей. В течение ряда лет после окончания Высшей нормальной школы Эррио работал преподавателем средней школы в провинциальных городах Франции, и это позволило ему вновь наблюдать жизнь народа в ее повседневных будничных заботах, с ее короткими преходящими радостями и постоянной нуждой и тяготами.

Идейное формирование Эррио происходило в бурное и в известном смысле переломное для Третьей республики время. В годы его детства у всех окружающих еще был свеж в памяти «страшный год» – год разгрома Франции в войне с Пруссией, год вторжения немецких завоевателей, потери Эльзас-Лотарингии. Конфликты, провоцируемые дипломатами и милитаристами кайзеровской Германии, в семидесятых и второй половине восьмидесятых годов, «военные тревоги» 1874, 1875, 1877, 1887 годов порождали ощущение неуверенности, страха перед возможностью нового удара со стороны германского милитаризма. Эти настроения, которые, естественно, были особенно сильны в семье французского офицера, наложили свой отпечаток на формирующееся мировоззрение юного Эдуарда Эррио. Он не стал «антинемцем», каким был, например, Жорж Клемансо, представлявший, правда, значительно более старшее поколение; демократические традиции, в которых он воспитывался, предохранили его и от крайне воинствующего национализма, которым были заражены многие его современники из буржуазных кругов. И все же эти первые впечатления Детских лет, подкрепленные, впрочем, наблюдениями и последующим опытом, он пронес через всю жизнь; эти впечатления превратились в убеждения: Эррио стал убежденным противником германского милитаризма. Автор «Жизни Бетховена» – сочинения, проникнутого глубоким уважением к немецкому национальному гению, в то же время прочно – и, надо признать, с должным основанием – уверовал в то, что германский милитаризм, в какой бы внешней форме он ни выступал, всегда остается силой, угрожающей жизненным интересам Франции, интересам народов других европейских стран.

Эта концепция (очерченная здесь, понятно, в самой общей форме), которой Эррио оставался верен на протяжении всей своей долгой жизни, играла всегда очень большую, а часто решающую

роль при определении позиций, занимаемых им в сложных перипетиях политической борьбы.

Девяностые годы, когда молодой Эррио вступал в общественную жизнь, были временем напряженной борьбы между силами реакции и силами демократии. Реакция наступала. Финансовая олигархия, военщина, клерикалы, вчерашние монархисты, присоединившиеся к буржуазной республике, и буржуазные республиканцы из правых, охотно протягивающие руку примирения своим бывшим противникам, теперь объединились и сплотились в единый лагерь, перешедший в наступление против самых основ буржуазной демократии, завоеванной в результате долголетней борьбы народных масс. Это наступление реакции встретило отпор со стороны демократических сил. Сопротивление так называемым «злодейским законам», формально направленным против анархистов, а в действительности против социалистов, приход к власти и отставка «президента реакции» Казимира Перье, затем бурная борьба в связи с делом Дрейфуса, переросшим в дело Золя, – таковы были важнейшие этапы этого все более расширявшегося сражения между передовыми силами общества и лагерем реакции. К концу 90-х годов, когда борьба приняла такой ожесточенный характер, что Франция, казалось, стояла на пороге гражданской войны, в Третьей республике уже никто не мог оставаться нейтральным: общество разделилось на два лагеря.

Естественно, что эти бурные события, волновавшие всех современников, не могли оставить равнодушным юного студента, а затем молодого учителя. Более того, они оказали решающее влияние на идейное формирование Эдуарда Эррио. Под воздействием этих событий зачатки демократизма, обусловленные его происхождением и воспитанием, окрепли и развились; именно под влиянием этой первой школы большой политической борьбы Эррио стал, как он сам себя считал, убежденным демократом.

Однако лагерь демократии 90-х годов и начала XX века был, разумеется, и в классовом и в политическом отношении неоднороден. В его ряды входили и честные представители буржуазной интеллигенции и средней буржуазии, готовые отстаивать основы буржуазной демократии и принципы республиканизма, и многочисленные группировки мятущейся мелкой буржуазии, и рабочий класс, составлявший его главную опору и отнюдь не довольствовавшийся защитой буржуазной демократии, а стремившийся идти в своей борьбе значительно дальше – до ниспровержения буржуазного строя и замены его высшим и более справедливым общественным порядком –

социализмом.

Эррио воспринимал общественные конфликты 90-х годов сквозь призму Высшей нормальной школы – сугубо буржуазного высшего учебного заведения, которому он обязан не только знаниями в области классической филологии, но и своим буржуазным мировоззрением, связями в буржуазных кругах и т. п. Он оставался во власти этой буржуазной среды и на начальном этапе своей самостоятельной работы в качестве преподавателя лицеев Нанта и Лиона. Эти различные влияния, в известном смысле даже противодействовавшие друг другу, – демократическое и буржуазное – определили место молодого Эррио в политической борьбе. Он стал буржуазным демократом и примкнул к партии радикал-социалистов.

Продолжая свои занятия классической филологией и публикуя работы на темы, очень далекие от острых вопросов современности, Эррио в то же время принимал близко к сердцу большие политические и социальные проблемы; волновавшие его соотечественников. В 1904 году Эррио был избран по списку партии радикал-социалистов членом муниципалитета города Лиона. В следующем, 1905 году он был избран мэром Лиона и с тех пор почти беспрерывно, в течение полувека, занимал этот пост.

Лионский муниципалитет был одним из передовых во Франции. В 1905 году Лион, как и другие города Франции, горячо откликнулся на события русской революции 1905-1907 годов. Лионские трудящиеся развернули широкое движение солидарности с русским народом, творившим революцию. По примеру Парижа в Лионе было создано «Общество друзей русского народа», организовавшее в феврале 1905 года ряд собраний в защиту русской революции. Среди выступавших местных деятелей был и Эдуард Эррио.

Лион в жизни Эррио всегда занимал большое место. Он посвятил ему специальные сочинения. Вопросам, относящимся к его деятельности в качестве мэра Лиона, уделено много места в первом томе мемуаров Эррио; немалое внимание уделяет он им и в настоящем томе.

Но как ни весома и ни почетна была роль мэра Лиона, все таки до тех пор, пока Эррио оставался по преимуществу в сфере интересов своего города, его партия, а тем более широкие общественные круги рассматривали его как крупного, но все же провинциального деятеля. Во всяком случае, в годы расцвета партии радикалов в десятилетний период ее почти непрерывного пребывания у власти (1902-1912) мэр-радикал города Лиона в правительство не привлекался.

Лишь в 1912 году Эррио был избран членом сената от департамента Роны, а в 1916 году был привлечен и в состав правительства Бриана, где ему были поручены весьма трудные и ответственные в условиях войны обязанности министра общественных работ, транспорта и снабжения.

С этого времени он уже выходит на большую политическую арену и становится крупным политическим деятелем общегосударственного значения, роль которого в общественной жизни Франции год от года все возрастает.

Об этом периоде, начиная с первых дней мировой войны 1914 года, Эррио рассказывает во втором томе своих мемуаров, предлагаемом советским читателям, и поэтому последующая его деятельность в этих вводных строках может быть освещена кратко.

В 1919 году Эррио впервые был избран членом палаты депутатов и с тех пор постоянно переизбирался в этот высший представительный и законодательный орган Франции.

И в рядах партии радикалов и радикал-социалистов, и особенно в ее парламентской фракции, Эррио начинает играть руководящую роль.

В 1922 году Эррио предпринимает путешествие в Советскую страну. Все виденное им произвело на него большое впечатление и укрепило его убеждение в необходимости изменения политики Франции по отношению к Советской республике, в жизненной важности восстановления нормальных дипломатических, а затем и дружеских отношений между двумя странами.

Отражая растущее недовольство общества реакционной и авантюристической политикой «Национального блока», Эррио, как и другие радикалы, выступил с критикой политики, проводимой Мильераном и Пуанкаре. Эррио принадлежала немалая роль и в создании так называемого «Левого блока», выступившего на выборах 1924 года против правобуржуазных партий. Мы вернемся к вопросам, связанным с организацией и деятельностью «Левого блока», и к той характеристике, которую дает ему Эррио на страницах своих мемуаров, несколько позже. Пока же напомним лишь, что победа на майских выборах 1924 года «Левого блока» привела к падению правительства Пуанкаре, досрочной, вынужденной отставке с поста президента республики Александра Мильерана и образованию первого правительства Эррио – правительства «Левого блока».

Это правительство, породившее столько надежд своими широкими обещаниями, которые партии «Левого блока» так щедро раздавали во время избирательной кампании, оказалось, однако, весьма недолговечным. Оно просуществовало менее

года – с 14 июня 1924 года по 10 мая 1925 года.

Правда, за время пребывания на посту премьер-министра Эдуард Эррио, совмещавший этот пост с другим, почти столь же ответственным – министра иностранных дел, совершил важный политический акт: 23 октября 1924 года были восстановлены дипломатические отношения между Союзом ССР и Францией.

Но во многих иных вопросах, и в первую очередь в финансовом, правительство Эррио оказалось бессильным разрешить те задачи, которые оно само поставило. Этого не смогли сделать и преемники Эррио на посту премьер-министра – Пенлеве и Бриан, опиравшиеся также на «Левый блок». 19 июля 1926 года Эррио образовал свое второе правительство, но оно продержалось всего 3 дня: раздираемый внутренними противоречиями «Левый блок» развалился. К власти пришло опиравшееся на правые партии так называемое правительство «Национального единения», возглавляемое Раймондом Пуанкаре, и вчерашний премьер-министр и глава «Левого блока» Эдуард Эррио занял в нем скромный пост министра просвещения и искусств.

В июне 1932 года Эррио вновь занял пост премьер-министра и министра иностранных дел, которые он сумел удержать, однако, лишь в течение полугода: в декабре того же года правительство Эррио вынуждено было уйти в отставку. Тем не менее и это кратковременное пребывание Эррио у власти было отмечено актом немалого политического значения. 29 ноября 1932 года был подписан советско-французский договор о ненападении.

Победа фашизма в Германии и рост фашистской опасности в самой Франции, особенно усилившийся после попытки фашистского путча в феврале 1934 года, побудили Эррио, как и других радикалов, примкнуть к антифашистскому Народному фронту, вдохновителем и инициатором которого была Французская коммунистическая партия. В интересах истины надо сказать, что в рядах Народного фронта Эррио примыкал к его правому крылу, и, когда в конце 30-х годов радикалы и социалисты пошли на срыв Народного фронта, а затем и на репрессии против коммунистической партии, позиция Эррио мало чем отличалась от позиции других лидеров партии радикалов, осуществлявших этот курс.

Эррио был председателем палаты депутатов в роковой для Франции 1940 год – год германского вторжения и разгрома, измены реакционных правящих кругов, агонии и конца Третьей республики. Он был интернирован вишистскими властями и затем передан немецким властям, заключившим его в один из

своих концентрационных лагерей. Весной 1945 года Эррио был освобожден из заключения. Он получил свободу из рук советских воинов; одна из частей Советской Армии, преследуя отступавшие под ее ударами немецко-фашистские силы, освободила узников фашистского лагеря; среди заключенных был и Эдуард Эррио. Он был вывезен в СССР и ему была предоставлена возможность возвратиться отсюда на родину, во Францию.

Во Франции Четвертой республики Эррио был председателем, а затем почетным председателем Национального собрания. Он сохранил также пост почетного председателя партии радикалов и радикал-социалистов. Преклонный возраст не позволял ему принимать столь активное участие в политической жизни, как в прежние годы. Однако, когда дело заходило о жизненно важных для судеб Франции, для ее будущего решениях, Эррио не оставался в стороне. Преодолевая груз своего восьмидесятилетнего возраста, старейший и авторитетнейший французский парламентарий спешил присоединить свой голос к тем, кто выступал против угрожавшей интересам Франции опасности. Так, во время крайне острой борьбы во Франции по вопросу о ратификации боннского и парижского соглашений 1952 года, предусматривавших создание так называемого «европейского оборонительного сообщества» и возрождения в составе «европейской армии» германского вермахта, престарелый Эдуард Эррио со всей решительностью выступил против этих гибельных для Франции планов. Памятуя уроки истории, живым свидетелем которых он был, Эррио до конца своих дней оставался убежденным противником политики возрождения германского милитаризма.

Эррио оставался верен и другой политической идее, которую он отстаивал на протяжении долгих лет своей деятельности, – идее франко-советского сотрудничества, франко-советской дружбы. Он заявлял об этом в ряде своих публичных выступлений. Знаменательно, что и заключительные строки публикуемой книги мемуаров – последнего большого литературного произведения, написанного Эррио перед смертью, – он посвящает проблеме франко-советских отношений и их значению в мировой политике.

«Наконец, как я многократно указывал в этой книге, – писал Эррио, – я был другом русских. Наша дружба не была чем-либо омрачена, хотя я ни в коей степени не являюсь коммунистом. Это хорошо известно в Москве. Но я считаю, что дружба с Советским Союзом необходима для поддержания прочного мира…»

Эррио принимал участие в деятельности общества «Франция – СССР»; он до последних дней своей жизни с живым

интересом и сочувствием следил за всем происходящим в нашей стране.

Эдуард Эррио умер в 1957 году, в возрасте 85 лет.

* * *

Даже из этого беглого очерка политической биографии Эррио должно быть очевидно, сколь значительный интерес представляют мемуары этого крупного французского государственного и общественного деятеля.

Эдуард Эррио прожил долгую и большую жизнь. В течение многих десятилетий, особенно в период между двумя мировыми войнами, он был в самом центре крупных политических событий своей родины, а также в значительной мере и всей международной политической жизни. Он был не только ее современником и наблюдателем, но во многом и ее участником. Среди мемуаристов той эпохи мало найдется таких, кто был бы также хорошо осведомлен о всех сложных перипетиях политической борьбы, о ее тайных скрытых пружинах и закулисных маневрах, как Эдуард Эррио. Он много видел и много знал. Уже с этой точки зрения его мемуары представляют большой интерес.

Не будет преувеличением сказать, что всякий, кто хочет изучить развитие политической борьбы во Франции, или историю международных отношений 20-30-х годов нынешнего столетия, или даже просто ознакомиться с этой эпохой, не сможет пройти и мимо мемуаров Эррио.

Но мемуары Эдуарда Эррио интересны еще и в ином отношении.

Во Франции жанр политических мемуаров весьма распространен. Почти всякий деятель, игравший большую или меньшую роль на политической сцене, покинув ее, спешит поведать потомству о виденном им, а еще более о содеянном им. Многие из мемуаров, вышедших из-под пера крупных государственных деятелей Франции, имеют узкоограниченный интерес: он определяется лишь ответственным постом, который занимал их автор в исторически важное время. В качестве примера мемуаров такого рода можно указать на десятитомные воспоминания Раймонда Пуанкаре – «На службе Франции»[3]. Они представляют интерес главным образом благодаря тому обширному документальному материалу, который был доступен лишь автору в силу занимаемой им должности премьер-министра и президента республики и который широко воспроизводился им

на страницах мемуаров. В остальном они бесцветны, сухи, невыразительны, даже при всей их ярко выраженной тенденциозности.

В галерее политических деятелей буржуазной Франции Эррио был одной из наиболее колоритных фигур.

Более полустолетия провел Эррио в рядах партии радикалов, причем все последние десятилетия он был ее наиболее почитаемым лидером. Эту одну из старейших буржуазных партий, находившуюся в течение многих десятилетий в той или иной форме у власти и сохранявшую в то же время довольно широкую и пеструю социальную базу, включавшую и мелкую и среднюю буржуазию, почти на протяжении всей своей истории, вплоть до нынешних дней, раздирали внутренние противоречия. Быть долголетним лидером такой партии, конечно, нелегко. Но им и нельзя было бы быть, не разделяя вместе со своей партией все присущие ей противоречия. Эти противоречия, заложенные в самой социальной природе партии радикалов, были присущи Эррио, может быть, более, чем кому-либо из его товарищей по партии.

Конечно, Эррио на протяжении своей долгой политической жизни всегда был и оставался буржуазным деятелем. Он был очень далек от рабочего класса – этого истинного оплота и защитника демократии. Ему были в полной мере присущи предрассудки и предубеждения буржуазии. Возглавляя левобуржуазную партию, выступая в свое время одним из главных инициаторов и руководителей так называемого «Левого блока», Эррио наивно полагал, что можно создать «Левый блок» и вести «левую политику» без рабочего класса и его авангарда – компартии и даже в значительной мере – против них. Жизнь опровергала не один раз эти ложные, порочные в самой своей основе попытки, но эти уроки не перевоспитали Эррио. Он не совершил той большой идейной эволюции – справа налево, которую, например, проделал до него, в конце XIX века, Жорес, а на его глазах – его бывший соратник по 30-м годам, министр ряда правительств Пьер Кот, пришедший к сотрудничеству с коммунистами. Эррио оставался все на тех же – внутренне противоречивых – позициях. Ему случалось не раз совершать политически ошибочные шаги и высказывать суждения, которые затем опровергала сама жизнь.

Однако Эррио всегда оставался последовательным республиканцем, горячим поборником республиканско-демократических институтов и учреждений, завоеванных в результате долголетней борьбы французского народа.

Конечно, и демократизм и республиканизм Эррио были

всегда вполне буржуазными и хорошо укладывались в рамки Третьей республики. Но в историческую эпоху, когда большинство буржуазных политических деятелей открыто переходило под знамена империализма и реакции, когда многие из них ради спасения прибылей и привилегий своего класса и из страха и вражды к народу своей страны были готовы уничтожить традиционные демократические учреждения Франции и заменить парламентско-республиканский строй каким-либо вариантом фашистской или полуфашистской диктатуры, – демократизм Эррио в среде руководящих политических деятелей представлял собой довольно редкое явление. В своих мемуарах Эррио неоднократно решительно осуждает предпринимавшиеся в разное время попытки пересмотра конституции, имевшие целью подорвать республику и прерогативы ее органов, и прежде всего Национального собрания.

Итак, Эррио был буржуазным демократом. Он был убежден в незыблемости и исторической правоте «великих принципов 1789 года», то есть принципов Великой буржуазной революции XVIII века. Безоговорочная преданность «принципам 1789 года» мешала ему понять их историческую ограниченность, несоизмеримое с ними величие и прогрессивность «принципов 1917 года» – принципов Великой Октябрьской социалистической революции, то, что сумели понять его старшие современники или ровесники: Анатоль Франс, а позднее Ромен Роллан и Поль Ланжевен, закончившие свой жизненный путь под знаменами компартии. Но он с полной убежденностью готов был отстаивать «принципы 1789 года», то есть буржуазно-демократический строй, не только от его критиков слева, но и от покушающихся на его основы справа, от реакционной буржуазии, изменившей этим принципам.

К тому же в отличие от своего предшественника по руководству партией радикалов – Жозефа Кайо Эррио никогда не был человеком банков. Для финансовой олигархии, для «двухсот семейств» крупнейших денежных магнатов Эррио не был «своим человеком». Эрудит, знаток классической и французской литературы, тонкий ценитель музыки, поклонник Бетховена и Шопена, Эррио, совмещая свои интеллектуальные увлечения с почти профессиональными занятиями политикой, оставался, вместе с тем человеком, не забывшим о том, что он вышел из низов.

Его мемуары выгодно отличаются от многих иных воспоминаний видных французских политических деятелей. Они не ограничиваются критикой лиц; на это охотно идут многие мемуаристы из отставных политических деятелей, сводящие старые счеты со своими былыми соперниками или противниками,

которых они не могли уничтожить иначе, как на бумаге, в запоздалых литературных воспоминаниях. В мемуарах Эррио эта критика лиц занимает весьма скромное место и она намеренно сдержанна. Но тем значительнее та ясно ощутимая критическая тенденция, которая проходит через все его мемуары.

На протяжении пространных воспоминаний Эдуарда Эррио эта критическая нота звучит не всегда одинаково громко. Чаще всего она приглушена. Но порою автор, не будучи в силах сдержать своих чувств и забывая об усвоенной им осмотрительной сдержанности, формулирует свои мысли вполне откровенно. Так, рассказывая о крушении политики «Левого блока» и о той кампании, которую повели против возглавляемого Эррио правительства влиятельные финансовые круги, приставившие, по его выражению, «нож к горлу», автор мемуаров пессимистически признается: «Я лишний раз убедился в том, как в трагические минуты власть денег торжествует над республиканскими принципами…» Несколькими страницами дальше он говорит не менее выразительно: «…и все же несомненно, что политическая свобода была, как мне представлялось, вновь жестоко ущемлена. Во Франции и в других странах держатели ценных бумаг, банкиры стояли над политическими деятелями, они были подлинными хозяевами Франции, незримыми, но вездесущими».

Таковы многозначительные признания Эррио, тем более авторитетные и ценные, что они исходят от политического деятеля, являвшегося многократно министром, премьер-министром и председателем палаты депутатов в Третьей республике.

Таких горьких критических признаний немало в мемуарах Эррио. Но чаще автор, для которого эти признания являются не только критикой, но в известной мере и самокритикой, старается уклониться от обобщающих выводов. Он предпочитает излагать факты или описывать свои впечатления, воздерживаясь от суммарных заключений или определенных оценок. Как в своей политической жизни, так и в мемуарах, рассказывающих о ней, Эррио старается придерживаться некоей «средней линии», политики сглаживания острых углов. Здесь нет надобности вдаваться в характеристику и оценку такой политики: ее действительное содержание давно известно, ибо непримиримость и ожесточенность классовой борьбы не оставляют места для «средней линии». В данной связи важно отметить иное. Даже тогда – а это случается чаще всего, – когда Эррио не дает оценок излагаемым им фактам или не строит на основании их обобщающих выводов, его рассказ, его историческое

повествование остаются не только весьма интересными по их конкретному содержанию, но и крайне поучительными. В самом рассказе Эррио о политической эволюции Франции между двумя мировыми войнами – хочет ли того автор или нет – постоянно чувствуется критическое обличительное жало. И то, что не договаривает бывший премьер-министр, что остается в тени в изображении главы партии радикалов, без труда – даже на основании только тех фактов, которые сообщает Эррио, – восстанавливает и ставит на свое место политически развитый читатель.

В этом критическом, или, если угодно, даже разоблачительном (возможно, вопреки желанию автора), характере его мемуаров заключается их большое общественное значение и познавательная ценность.

Мемуары Эррио написаны в двух различных формах – в форме дневника, повседневной записи с обильным воспроизведением документов, и в форме просто воспоминаний, также нередко содержащих большой документальный материал. Эти две формы перемежаются. Впрочем, и в первом и во втором случае текст явственно носит на себе отпечаток более позднего времени – конца 40-х или начала 50-х годов нынешнего столетия, когда автор либо редактировал свои записи более ранних лет, либо, опираясь на них, писал заново свои воспоминания.

Мемуары Эррио – том II – печатаются в переводе на русский язык полностью, без каких-либо изменений, с прижизненного французского издания 1952 года.

Требуется, однако, сделать еще несколько предварительных замечаний по самому существу публикуемых мемуаров Эррио.

* * *

Второй том мемуаров Эдуарда Эррио охватывает исторический период от 1 августа 1914 года до начала 1936 года, то есть время от начала первой мировой войны до преддверия второй мировой войны. Не случайно подзаголовок книги гласит: «Между двумя войнами».

Сначала Эррио наблюдает бурное течение общественной жизни сквозь сравнительно узкие окна мэрии города Лиона. Конечно, и в Лион доходят отголоски драматического развития грандиозных мировых событий, но войну, потрясшую Европу, а затем и весь мир Эррио еще воспринимает главным образом с точки зрения возросших забот мэра большого, но все же провинциального тылового города. Его кругозор еще ограничен.

Заметим попутно, что оценка Эррио первой мировой войны не выходит за пределы банального буржуазного патриотизма. Ему чуждо понимание империалистического характера войны 1914-1918 годов. Он крайне далек и от гневного протеста против войны Анри Барбюса в его знаменитой книге «Огонь», «беспощадно правдивого», как назвал его Горький, и от сурового осуждения войны Ромен Ролланом и другими представителями передовой французской интеллигенции. Их голоса до него не доходят. Конечно, как демократ, как честный человек, Эррио не может не возмущаться некоторыми разнузданными актами реакции, как, например, процессом Мальви, который он негодующе называет «омерзительной пародией на правосудие». Но в то же время с присущей ему противоречивостью он находит слова глубокого уважения к Пуанкаре – одному из наиболее правых буржуазных политиков; он пишет в тоне теплой симпатии о генерале Лиоте, который был одним из наиболее ярких представителей французского колониализма, и, возмущаясь преследованием Мальви или Кайо, он обходит молчанием жестокие репрессии правительства против левых интернационалистов, участников антивоенной борьбы, против солдат, восставших летом 1917 года.

Эта противоречивость, двойственность проходит через все мемуары Эррио независимо от политических событий или исторического периода, который он изображает.

К концу войны рамки политической арены, которую Эррио наблюдает не как сторонний зритель, а как действующее лицо, раздвигаются. С 1916 года, когда он становится членом правительства, министром, а тем более после окончания войны, когда он возглавляет в палате депутатов партию, перешедшую в оппозицию к правившему «Национальному блоку» и уверенно идущую к власти, он находится уже в самом центре политической жизни страны. Он совершает политические визиты (не просто туристские путешествия, а поездки, имевшие международный резонанс) в ряд стран: Советский Союз, Соединенные Штаты Америки и т. д. Его слово становится веским и в вопросах международной политики.

Эррио участвует – причем как одно из главных действующих лиц – во многих важных международных конференциях – Лондонской, Женевской, Лозаннской, в ответственных двусторонних и многосторонних дипломатических и политических переговорах.

Эта возросшая личная роль Эррио – политического деятеля, иногда прямо, иногда косвенно стоявшего в центре важнейших событий мировой истории, позволяет ему в его мемуарах

рассказать о многих важных или интересных фактах международной политической жизни.

Однако читателю следует обратить внимание не только на то, о чем Эррио рассказывает, но также и на то, о чем он умалчивает.

Конечно, мемуары – это не историческое исследование и даже не историческое повествование. Автор мемуаров почти всегда субъективен и в изображаемой им исторической эпохе отмечает прежде всего то, что ему кажется по разным причинам важнее всего. Эррио в этом отношении не составляет исключения.

В мемуарах Эррио много действующих лиц и имен, крупных, сохранившихся в истории, второстепенных и совсем незначительных – случайных собеседников или попутчиков, встретившихся на его долгом жизненном пути. Но нельзя не отметить, что в воспоминаниях Эррио – демократа по убеждениям, как он многократно сам о том заявлял, – нет главного защитника демократии – французского рабочего класса и его авангарда – коммунистической партии и даже, более того, почти нет французского народа. Конечно, на страницах своих воспоминаний Эррио не раз упоминает о народе. Но эти упоминания остаются общими словами, потому что он не показывает народ в действии, в его революционной борьбе, как главную силу и оплот демократии. во Франции.

Такие крупные события в истории Франции, как революционный подъем 1918-1920 годов, как революционная борьба французских рабочих, солдат, моряков и других трудящихся в защиту Советской России и против интервенции стран Антанты, как образование в 1920 году Французской коммунистической партии, как борьба возглавляемых коммунистами народных масс против оккупации Рура в 1923 году и против колониальных войн в Марокко и Сирии в 1925-1926 годах и ряд других крупных народных движений, выпадают из поля зрения автора мемуаров.

Французскому народу, французскому пролетариату и коммунистической партии, как известно, принадлежит крупнейшая заслуга перед международным рабочим движением. Французский пролетариат по инициативе и под руководством коммунистов дал отпор попыткам фашистского путча в феврале 1934 года. Французская коммунистическая партия выступила организатором и вдохновителем создания единого рабочего, а затем Народного антифашистского фронта, сделавшего невозможным дальнейшие успехи фашизма во Франции. Тем самым французский пролетариат во главе с компартией первый в капиталистической Европе после победы фашизма в Германии показал и доказал, как можно преградить дорогу фашизму.

В мемуарах Эррио есть глава, специально посвященная фашистскому путчу 1934 года, и в следующих за нею главах он не раз возвращается к вопросу об опасности со стороны германского и французского фашизма.

Не приходится сомневаться в искренности антифашистских убеждений и чувств Эррио; они бесспорны. И в то же время вопреки этим чувствам и общеизвестным фактам истории Эррио не видит или не хочет видеть решающей роли французского пролетариата и коммунистов в организации отпора силам фашизма и в последующем контрнаступлении против него.

Читатель найдет на страницах мемуаров Эррио ряд второстепенных подробностей о событиях 6 февраля 1934 года и последующих дней, о формировании и первых шагах правительства Думерга, о личных трениях, о парламентских комбинациях, продолжавшихся и в эти ответственные часы истории Франции. Но тщетно стал бы он искать в этом повествовании рассказ о том, как рабочие-коммунисты, установив на практике в совместной борьбе против фашистских молодчиков единство действий с социалистическими рабочими, нанесли первый удар фашистам, как прокатилась по всей стране грандиозная антифашисткая всеобщая забастовка 12 февраля, нагнавшая страх на фашистских мятежников, как выковывался, вдохновляемый коммунистами, Единый и Народный антифашистский фронт. Несколько слов, как бы вскользь, мимоходом брошенных по этому поводу, отнюдь не дают представления о действительном месте и значении борьбы рабочего класса против фашистской опасности; скорее, напротив, они искажают, затемняют подлинную историю борьбы против фашизма во Франции в 30-х годах.

Сказанное относится не только к освещению Эррио истории борьбы против фашистских групп внутри Франции, но также и к изображению им опасности со стороны германского фашизма.

Освещая круг вопросов, связанных с этой проблемой, Эррио склонен их трактовать как узковнешнеполитические вопросы, а иногда даже и как дипломатические, не показывая реально существовавшей связи между угрозой Франции со стороны германского фашизма и опасностью, исходившей от французских фашистских организаций – «Огненных крестов», «Патриотической молодежи», «кагуляров» и профашистских элементов внутри правительственных кругов. Соответственно этому Эррио игнорирует и роль народных масс в борьбе против угрозы со стороны германского фашизма и в решении задач национальной безопасности Франции.

Эррио, например, услышал и отметил на страницах своих

мемуаров «реплики и выкрики коммунистов» при выступлении Думерга в палате депутатов в 1934 году. Но он не расслышал мощного голоса народа, устами коммунистов предостерегавшего против грозной опасности со стороны германского фашизма, против тайных пособников политики фашистской агрессии, вроде Лаваля, против преступной и гибельной для Франции политики уступок и сговора с гитлеровской Германией и фашистской Италией.

Даже там, где Эррио рассказывает о вопросах, связанных с политикой сближения Франции с Советским Союзом, вопросах, в которых он превосходно осведомлен, так как ему самому принадлежала немалая заслуга и в постановке их, и в положительном их решении, он все же недосказывает нечто весьма существенное. Он не говорит о том, что политика сближения и сотрудничества Франции и СССР была требованием широчайших народных масс, настойчиво добивавшихся изменения к лучшему отношений между Францией и СССР и справедливо видевших в сближении этих двух держав мощный фактор обуздания фашистских агрессоров и сохранения мира в Европе.

Таким образом, картина развития классовой и политической борьбы во Франции в 20-30-х годах нынешнего столетия, даваемая Эррио в его воспоминаниях, всегда, или почти всегда, остается неполной. Некоторые, и притом весьма существенные, стороны общественных процессов отсутствуют, тем самым, естественно, нарушается и историческая правда и действительная история классовой борьбы во Франции между двумя мировыми войнами, такой, какой она была в реальной жизни, а не в представлении мемуариста.

Читатель, знакомящийся с историей Франции по мемуарам Эррио, не должен забывать и о тех общественных процессах и классовых силах, которые, играя важную роль в действительной жизни, в подлинной живой истории, оказались за пределами картины прошлого, воссоздаваемого под пером Эррио.

* * *

Односторонность, неполнота в изображении прошлого, умалчивание о многом важном, столь характерные для мемуаров Эррио, не следует объяснять его злой волей. Было бы глубоко неправильным, нелепым подозревать Эррио в намеренном искажении действительности. Он описывал жизнь, и политическую жизнь прежде всего, такой, как он ее видел и

воспринимал.

Но неполнота и односторонность, неспособность увидеть в общественной борьбе то, что в ряде случаев было главным, тот общественный класс, который стал ведущей силой социального прогресса и национального величия Франции, – пролетариат были результатом глубокой противоречивости мировоззрения Эррио и отстаиваемой им политической линии, ограниченности его буржуазного мировоззрения.

Быть в наш век последовательным демократом можно только перейдя на позиции высшей – пролетарской демократии. Эррио был от этого очень далек. Он всегда оставался только буржуазным демократом. Он отнюдь не стремился уничтожить старый буржуазный мир, кричащие пороки которого были ему хорошо известны и вызывали его искреннее негодование. Но он тешил себя иллюзиями, что эти пороки можно устранить, он верил в то, что рядом реформ и преобразований можно усовершенствовать существующий общественный строй, освободить его от наиболее вопиющих социальных пороков и недостатков. Каков этот общественный строй, Эррио никогда не говорил; он не называл капитализм его именем. Нетрудно, однако, понять, что все эти планы реформ, воодушевлявшие Эррио, независимо от их неосуществимости, химеричности, представляли собой, в сущности, попытки реформировать, «улучшить» старый капиталистический мир, то есть продлить тем самым его существование.

Но стремясь «улучшить», сохранить и продлить капиталистический строй, который воспринимался Эррио не как таковой, а как некая «французская демократия», нарушаемая или угнетаемая финансовой олигархией (Эррио это признавал), он оставался равнодушным, а порою даже враждебным к пролетариату – классу, непримиримому к капитализму, стремящемуся его не улучшить, а уничтожить и заменить более высоким и справедливым общественным строем – социализмом.

Отсюда и то игнорирование роли французского пролетариата и французской компартии, которое так бросается в глаза при чтении воспоминаний Эррио.

Но слабость и противоречивость позиции Эррио в том и заключались, что все его, даже самые скромные и умеренные, планы реформ могли быть осуществлены в рамках буржуазного государства лишь в том случае, если бы их поддерживали рабочий класс и широкие народные массы, если бы они были навязаны народом снизу.

Эррио же, как и вся партия радикалов, пытался решить свои более чем скромные задачи реформ без народа, помимо народа, а

нередко и против народа.

Оставаясь же целиком на почве узких парламентских комбинаций – а читателю нетрудно заметить, что взор Эррио обращен прежде всего к трибуне или кулуарам палаты депутатов, – Эррио и как лидер партии радикалов и как глава правительства неизбежно терпел крушение в своих начинаниях.

В сущности, повествуемая Эррио на страницах его мемуаров история его политической деятельности – это история политических неудач, несбывшихся надежд, провалов и поражений. Здоровый природный оптимизм Эррио, присущее ему чувство юмора в какой-то мере прикрывают и смягчают горечь повествования, но и они не могут изменить его существа. И в вопросах внутренней и в вопросах внешней политики широкие планы, надежды, иллюзии, воодушевлявшие в свое время Эррио, – все одно за другим потерпели со временем крушение.

В своих мемуарах (читатель должен быть об этом предупрежден) Эррио уклоняется от обобщения главных уроков своего политического опыта и от глубокого анализа причин многократных своих поражений. Более того, он строит свое изложение таким образом, чтобы у читателя не возникло подозрения о закономерности этих поражений и неудач. В его воспоминаниях они представляются как частные отдельные случаи, объясняемые всякий раз также вполне частными причинами.

Мотивы, побуждавшие Эррио давать такое поверхностное и неудовлетворяющее читателей объяснение причин неудач в его политической деятельности, как и нежелание видеть их повторяемость и закономерность, вполне понятны. Помимо более общих причин, связанных с мировоззрением автора, они объясняются тем, что Эррио писал свои мемуары, видимо, в конце сороковых, в самом начале пятидесятых годов, когда и он сам и возглавляемая им по-прежнему партия радикалов играли активную политическую роль и усиленно стремились вернуть себе былое политическое значение, существенно поколебленное в годы второй мировой войны и первые послевоенные годы. Мемуары Эррио были не только историческим сочинением, повествованием о прошлом; в момент их выхода в свет (начало 1952 года) они должны были стать для его партии и боевым документом политической борьбы.

Но вопреки стараниям автора мемуаров уйти от тягостных обобщений, от глубокого анализа и раскрытия истинных коренных причин неудач его политической линии и закономерности провалов многих его политических начинаний сами факты, сообщаемые им в его воспоминаниях, сопоставление

их с другими общеизвестными фактами истории Франции и Европы периода между двумя мировыми войнами приводят читателей к иным выводам.

В самом деле, возьмем, например, вопрос о «Левом блоке», о его возникновении, победе и поражении. Вопрос этот занимает в мемуарах Эррио большое место, и это надо признать вполне закономерным.

Кто станет отрицать, что когда Эдуард Эррио и его политические друзья из «Левого блока» выступили с критикой реакционнейшего «Национального блока» и стоявшего у власти с 1922 года правительства Пуанкаре, то в критике этой, хотя и недостаточной, было много справедливого и верного? Именно критика политики правительства Пуанкаре и выдвигаемая Эррио и другими деятелями «Левого блока» политическая программа, предусматривавшая резкое изменение и внутриполитического и внешнеполитического курса и проведение ряда реформ, и обеспечили победу «Левого блока» на майских выборах 1924 года.

Эта победа «Левого блока» и образование первого правительства Эдуарда Эррио были расценены современниками как крупное событие не только в жизни Франции, но и в политической жизни Европы. Это не была простая, столь частая в Третьей республике очередная смена кабинета, сводящаяся к персональным перемещениям, перераспределению министерских портфелей, но решительно ничего не менявшая в существе или даже форме проводимой политики. Нет, приход к власти «Левого блока» воспринимался как нечто необычное и новое. Он и ознаменовался необычными событиями: вынужденной, под давлением «Левого блока», досрочной отставкой с поста президента Александра Мильерана, справедливо считавшегося в то время одним из самых реакционных политиков, так сказать персональным воплощением антинародной, империалистической, антисоветской политики!

Правительство «Левого блока», начавшего с низвержения Пуанкаре и Мильерана, выступавшего как антитеза «Национального блока» и его реакционной политики, представало как правительство «нового курса». Совпадение во времени победы «Левого блока» на выборах и формирования правительства Эррио с образованием (несколько ранее – в январе 1924 года) первого лейбористского правительства Макдональда в Англии дало повод для шумных восторгов и громогласных заявлений о наступлении новой исторической эпохи, новой «эры демократического пацифизма», о коренном повороте во всей мировой политике. Сколько иллюзий, сколько надежд, пробужденных в сердцах легковерных или слишком доверчивых людей, сколько

оптимистических предсказаний отражала на своих страницах французская левобуржуазная и социалистическая печать весной 1924 года!

И что же? Было бы неправильным, конечно, утверждать, что правительство Эррио ничего не сделало, ничего не выполнило из широкой программы реформ, преобразований, нововведений, из всех тех обещаний, которые так щедро раздавались во время избирательной кампании 1924 года. Достаточно напомнить хотя бы о том, что правительство Эррио возобновило нормальные дипломатические отношения между Францией и СССР, что являлось одним из наиболее популярных в массах программных обещаний «Левого блока» и что действительно стало крупным событием и французской и международной политики. В своих мемуарах Эррио старательно отмечает и подробно характеризует и все другие – гораздо меньшего значения – меры, которые удалось осуществить возглавляемому им правительству или его преемникам из «Левого блока». И все же даже Эррио не может скрыть в своих воспоминаниях огромного несоответствия между широкими обещаниями и их осуществлением на практике, между большими замыслами лидеров «Левого блока» и их воплощением в действительности.

С горечью, которую не уменьшили даже долгие годы, рассказывает Эррио о кратковременном пребывании «Левого блока» у власти, о возрастающих трудностях, которые он встречал на своем пути, о его агонии и бесславном конце. Правительство Эррио, так триумфально пришедшее – после майской победы на выборах и свержения Мильерана – к власти, продержалось всего лишь около года; пришедшие ему на смену другие правительства «Левого блока» – Пенлеве, Бриана оказались еще более кратковременными. Второе правительство Эррио продержалось лишь несколько дней, или, точнее говоря, даже несколько часов. В 1926 году, два года спустя после блистательной победы «Левого блока» на выборах и при том же составе палаты депутатов, который приветствовал избрание Эррио главою правительства, было образовано правительство Раймонда Пуанкаре – противника «Левого блока», и в это откровенно правое, реакционное правительство вошел в качестве одного из скромных министров Эдуард Эррио – бывший лидер растаявшего, самоликвидировавшегося «Левого блока».

В соображениях, высказываемых Эррио о причинах краха «Левого блока», есть несомненно много справедливого. Эррио с полным знанием обстоятельств дела указывает на то, что наибольшее сопротивление «Левый блок» встретил в области финансовой политики и что именно на этой почве начались его

главные затруднения. С горечью и негодованием говорит Эррио о всевластии банкиров, финансовой олигархии в Третьей республике, о громадном влиянии банковских кругов на ход политической жизни. Эти признания Эррио имеют значение свидетельства, тем более важного и авторитетного, что оно исходит от бывшего главы правительства.

В суждениях Эррио о поведении политических партий и в персональных оценках есть также немало справедливого, немало метких характеристик – результат наблюдений зоркого глаза. Со скрытым, но все же явственно ощущаемым сарказмом, прикрываемым внешней благожелательностью, пишет Эррио о политической эквилибристике социалистической партии и ее лидера Леона Блюма. Рассказывая о двусмысленном поведении социалистической партии в дни кризиса «Левого блока» и комментируя одно из писем к нему Леона Блюма, излагавшего свой план преодоления кризиса, Эррио со сдержанной иронией справедливо замечает: «В подобных взглядах нельзя было усмотреть ничего специфически социалистического».

Все это так. Однако, несмотря на справедливость ряда частных суждений или наблюдений Эррио, нетрудно видеть, что автор мемуаров, говоря о многих частных явлениях, не говорит о главных, основных причинах банкротства «Левого блока», поражения правительства Эррио в 1932 году и о последующих неудачах проводимой им политики.

Эта главная, основная причина заключалась в том, что «Левый блок», созданный без самого левого общественного класса – пролетариата, а в значительной мере и против него, не мог быть и не был в действительности тем, чем он назывался; он был «Левым блоком» только по названию, в кавычках, но не на деле.

Подлинный левый блок был бы возможен только при участии и активной ведущей роли рабочего класса; тогда он был бы в состоянии решить и задачи гораздо большего размаха, чем те, которые ставил возглавляемый радикалами блок в 1924 году.

Эррио преувеличивает трудности и препятствия, стоявшие на пути «Левого блока» в 1925 и следующих годах. Они вовсе не были так неодолимы, как он хочет в том убедить своих читателей. Все это сопротивление финансовых кругов и их политической агентуры было бы преодолено, если бы правительства Эррио и его преемников из «Левого блока» опирались бы на подлинно левые силы – на рабочий класс и широкие народные массы.

Отказавшись от поддержки народных масс и их авангарда – пролетариата, строя свою политику без них, а на деле и против них, партии «Левого блока», несмотря на возвышенные и

благородные помыслы некоторых своих лидеров, оказались в действительности в полной зависимости от финансового капитала и его политической агентуры.

Столкнувшись с сопротивлением финансовых кругов, Эррио и другие деятели буржуазного «Левого блока» не решились обратиться за поддержкой к народу и сдались без боя. Эррио склонил голову и вступил в правительство, возглавляемое Пуанкаре, которое и выполнило в финансовой области то, что требовали крупные банки.

Сколько пылкого негодования, сколько горестных суждений ни высказывал бы Эррио на страницах своих мемуаров, это ничего не меняет в реальном существе проводимой им политики.

Эта политика являлась следствием страха перед «хирургией революционных методов», против которой, как он сам признается в мемуарах, он предостерегал своих современников. Эррио продолжал тешить себя иллюзией, даже после отрезвляющих уроков поражений «Левого блока», о возможности некоей «средней линии». «Мы осуждали как старые формулы свободной конкуренции, так и насильственные революции», – писал он, характеризуя свою позицию в начале 30-х годов.

В лучшем случае, это было повторением прежних иллюзий. Жизнь не оставляла места для «средней линии». Попытки осуществления уже более скромной по сравнению с 1924 годом программы реформ в 1932 году, когда Эррио вновь возглавил правительство, почти сразу же натолкнулись на сопротивление, и цикл, пройденный Эррио и его политическими друзьями в 1924-1926 годах, был вновь повторен с незначительными частными изменениями в 30-х годах.

Но и этот повторный горестный опыт не перевоспитал, не излечил Эррио от его попыток найти воображаемую «среднюю линию», которая на практике в критических обстоятельствах неизбежно сползала вправо и смыкалась с линией тех общественных сил, против которых Эррио вчера еще воевал. Искренность демократических убеждений и антифашистских чувств Эррио побудила его, как и большинство других радикалов, вступить, преодолев свои предубеждения против коммунистов, в организованный по инициативе компартии Народный антифашистский фронт. В своих мемуарах Эррио рассказывает об этом довольно глухо и скороговоркой, предпочитая ничего не говорить о роли в Народном фронте компартии или высказывать свое мнение о ней крайне скупо. Но Эррио обрывает свои воспоминания и не рассказывает о том финале, которым завершилось сотрудничество радикалов с коммунистами в Народном фронте. Как известно, когда развитие событий и

логика борьбы внутри Народного фронта заставили входившие в его состав политические партии и их лидеров выбирать дорогу направо или налево, Эррио в силу все той же закономерности оказался вместе с другими радикалами и социалистами отнесенным вправо. На развилке политических дорог его «средняя линия» вновь – в который раз – сомкнулась с линией вправо…

Глубокая внутренняя противоречивость политических позиций, отстаиваемых Эррио на разных этапах его долгого жизненного пути, явственно чувствуется и на страницах написанных им мемуаров. Сам автор мемуаров, естественно, не хочет или, вернее, не может признать этой противоречивости, как не может сделать и обобщающих заключений, подсказываемых его долголетним политическим опытом.

Но то, что не сделал автор, должен сделать вдумчивый читатель его мемуаров.

* * *

Значительное место в книге воспоминаний Эррио занимают вопросы внешней политики. Это понятно, поскольку в период между двумя мировыми войнами эти вопросы приобрели особенно большое значение.

Он был одним из немногих французских буржуазных политических деятелей, кто в самом начале 20-х годов, когда иным из французских политиков кружила голову мысль об установлении французской гегемонии в Европе, сумел увидеть грозящую Франции опасность со стороны германского милитаризма; он уже тогда опасался, что германская военная мощь будет вскоре восстановлена и обратится против соседей Германии.

При чтении глав, посвященных вопросам международной политики второй половины 20-х годов, читатель не может не обратить внимания на то, что Эррио, привлекая внимание к ряду сравнительно второстепенных вопросов, в то же время обходит молчанием многое весьма существенное.

Наряду с верными наблюдениями и мыслями, на страницах мемуаров можно встретить и иные, порою противоположные суждения, свидетельствующие о том, что их автор обольщал себя наивными иллюзиями. Так, в том же 1924 году, накануне Лондонской конференции, он говорил, что «Англия и Франция совместными усилиями заставят Германию идти в своем развитии по мирному пути».

Выступая против опасности германского милитаризма, Эррио в то же время одобряет, например, план Дауэса, в огромной степени содействовавший возрождению военнопромышленной мощи империалистической Германии. Локарнские соглашения, выражавшие ту же политику западных держав, стремившихся направить германскую агрессию против СССР, Эррио считает «знаменитыми» и всячески расхваливает их. Эррио не видел пагубных последствий этой политики в отношении империалистической Германии для самой Франции.

Позже, в 30-х годах, когда германская угроза значительно возросла (а у Эррио, как показывают мемуары, не было недостатка в самых точных сведениях о военных приготовлениях Германии), он, внутренне осуждая проводимую политику попустительства агрессору, в то же время не решался гласно выступить против нее, а порою и косвенно покрывал ее, входя в состав правительства, ведшего такую политику. Так, например, он рассказывает о мучившем его сознании двойственности его позиции при заключении соглашения Хора – Лаваля: он осуждал его всем, сердцем, но не мог выступить против него, будучи связан министерской солидарностью. Невольно возникает вопрос: ради чего?

Эти противоречивость и двойственность, присущие и самой политике Эррио и повествующим о ней мемуарам, мы можем проследить в мемуарах до конца, до последней страницы и последних строк.

Эррио был одним из. первых французских буржуазных политических деятелей, кто сумел понять и оценить огромное значение для Франции и для сохранения мира в Европе сближения Франции с Советской Россией.

Эррио провозгласил эту важную политическую идею еще в ту пору, когда правящие французские круги проводили воинствующий антисоветский курс. Эррио рассказывает в своих мемуарах, что он укрепился в мысли о необходимости восстановления нормальных дипломатических отношений с Советской Россией и последующего укрепления дружбы с «новой Россией» во время Генуэзской конференции и в особенности под влиянием Раппальского договора, произведшего на него огромное впечатление.

Осенью 1922 года Эррио, как мы уже указывали выше, совершил путешествие в нашу страну. Он не был единственным из французских политических деятелей, посетивших в ту пору молодую Советскую республику. Их было тогда еще, правда, очень немного. И все же из всех политических визитов в Советскую Россию в те годы именно приезд Эдуарда Эррио,

формально носивший вполне частный характер, приобрел наибольшее политическое значение.

Эррио изложил свои впечатления от виденного в Советской республике в книге «Новая Россия»[4], привлекшей к себе в свое время большое внимание. Коротко он рассказывает о своем путешествии и на страницах мемуаров. Иностранец, прибывший впервые в неведомую страну, о которой рассказывалось столько самых невероятных легенд, он, естественно, во многом не мог разобраться: ни в значении и роли тех лиц, с которыми ему довелось встречаться, ни во многом услышанном, ни даже в увиденном. Кроме того, как пишет сам автор, он не имел возможности побеседовать с больным В. И. Лениным и потому вынужден был ограничиться беседами с Троцким, Каменевым и Зиновьевым. Конечно это также помешало Эррио получить правильное представление о многом увиденном в Советской России. Он неправильно оценивает деятельность Троцкого, Каменева и Зиновьева, считая, например, Троцкого чуть ли не «создателем» Красной Армии, а Каменева «самым значительным лицом в республике» и т. д. Для каждого знакомого с историей нашей страны ясно, что работа по созданию Советской Армии и все руководство Советской республикой осуществлялись Коммунистической партией во главе с В. И. Лениным. Эррио не смог правильно оценить провокационную и антипартийную позицию Троцкого, Каменева и Зиновьева в период переговоров о Брест-Литовском мире; не понял значения нэпа, полагая, что Россия эволюционирует к широкому восстановлению частной собственности; не понял необходимости для Советской республики борьбы с контрреволюцией, внутренней и внешней, и многое другое.

Но при всех ошибках и промахах Эррио он сумел увидеть в нашей стране, сумел почувствовать главное – это неодолимую силу нового общественного строя, созданного в Советской России, пробуждение к жизни многомиллионных масс, охваченных могучим порывом творческого созидания, глубокую преданность народа новым, выкованным революцией формам государственной власти. «Когда я вернулся во Францию, – пишет Эррио, – я имел смелость утверждать в маленькой книге «Новая Россия», что старая Россия умерла навсегда и что новый режим устойчив».

Конечно, Эррио ни в малой мере не стал коммунистом, ни «большевизаном», как его называла французская реакционная печать, но как человек широкого кругозора, как искренний французский патриот он сумел сделать из своих наблюдений и впечатлений важные выводы.

После возвращения из Советской России, после того как его

умозрительные предположения под влиянием личных наблюдений превратились в прочные убеждения, он окончательно укрепился в мысли о необходимости, о жизненной важности для Франции, для укрепления мира в Европе франко-советского сближения и сотрудничества, дружбы между Францией и СССР.

Этой важной политической идее Эррио оставался верен всю свою жизнь.

Эта неизменная верность Эррио идее франко-советской дружбы не была результатом только дружеских чувств к советскому народу и Советскому Союзу, хотя и эти чувства играли определенную роль. В основном она была результатом правильно понятых национальных интересов Франции и задач обеспечения мира в Европе.

Эррио многократно на страницах своих мемуаров признается в том, как беспокоила его мысль о внешнеполитической изоляции Франции, о необходимости найти для нее надежного и могучего союзника.

В его мемуарах можно найти много чрезвычайно лестных суждений о политике западных держав, главным образом Англии и США. Он явно идеализирует эти страны, их политику и политиков, а также порядки в этих странах, особенно это касается США. Он многократно подчеркивает, как он высоко ценит дружбу со странами «западного мира».

И все-таки, подходя к решению коренных проблем французской внешней политики, он видит его прежде всего в сотрудничестве Франции и СССР. Он признается в своих мемуарах, что в 30-х годах, когда над Францией и Европой уже нависла тень германской опасности и он вглядывался в карту, чтобы прочесть на ней ответ, он видел на карте прежде всего одну страну – Советский Союз. В другом месте он говорит, что полностью разделял мнение Литвинова о том, что «франко-советская дружба является краеугольным камнем стабильности Европы».

Это решающее для интересов Франции и для обеспечения дела мира в Европе значение франко-советского сотрудничества Эррио отстаивал не только в своих политических выступлениях, но и в своей практической деятельности. Напомним еще раз, что его имя связано с актом восстановления нормальных дипломатических отношений между Францией и СССР в 1924 году, что явилось крупным политическим событием, имевшим большое значение не только для Франции и СССР, но для всей международной политики новейшего времени. То, что этот акт был скреплен с французской стороны подписью Эррио, навсегда осталось значительным событием в его политической биографии,

и до конца своих дней он вспоминал о нем с чувством законного удовлетворения. 29 ноября 1932 года был подписан советско-французский договор о ненападении. Хотя переговоры о заключении этого соглашения были начаты еще до образования правительства Эррио и сам этот договор, знаменовавший определенный шаг во франко-советском сближении, был продиктован требованиями новой, ухудшившейся для Франции международной обстановки, тот факт, что и этот документ был также скреплен подписью Эррио, был сам по себе показателен. Эррио оставался верен провозглашенной им политике. Он принимал также активное участие в подготовке франко-советского пакта 1935 года.

Заслуги Эдуарда Эррио в развитии и укреплении франко-советского сотрудничества чрезвычайно велики, и публикуемые ныне мемуары вновь подтверждают это со всей убедительностью.

И вместе с тем, при всей политической прозорливости Эррио, при благородстве и чистоте его побуждений патриота и демократа страницы мемуаров, посвященные внешнеполитическим вопросам, свидетельствуют о той же противоречивости и двойственности политики этого крупного государственного деятеля.

Его мемуары свидетельствуют о том, как, правильно определив грозящую Франции и Европе опасность, определив средства ее предотвращения и даже сделав в этом направлении первые практические шаги (франко-советский договор 1935 года), Эррио остался сторонним свидетелем, а до известной степени и пассивным соучастником политики, уничтожавшей все то, за что он боролся.

Эррио обрывает свои мемуары на 1936 годе. Все последующее известно. Трагедия, которую пережила Франция в 1940 году, была в значительной мере следствием предательства изменников, «могильщиков Франции». Но в какой-то степени она была и возмездием за противоречивость и слабость политики тех государственных деятелей Франции, у которых не хватило решимости и сил воспрепятствовать тому политическому пути, который они осуждали.

Мемуары Эррио воссоздают образ их автора таким, каким он был: со всеми сильными чертами видного государственного и политического деятеля и с присущими ему слабостями и недостатками. Как и всякие мемуары, они весьма субъективны. Но при всем том они рассказывают о весьма важном, богатом событиями периоде в истории Франции и Европы, о критическом двадцатилетии между двумя мировыми войнами.

Воспоминания Эдуарда Эррио, несомненно, займут свое

место в мемуарной литературе и будут должным образом оценены и советскими читателями.

А. З. Манфред.

Во время войны

I. Первые картины драмы (1 августа – 30 ноября 1914 года)

Суббота, 1 августа 1914 года. «Началось», – сказал мне префект, которому я позвонил, чтобы узнать новости. 15 часов 45 минут. Мгновение спустя я получаю и распубликовываю приказ о мобилизации. Толпа на улицах рукоплещет; в течение всего кризиса она продолжала вести себя превосходно – никаких бурных проявлений. Весь вечер перед вывешенным официальным объявлением мирно сменяются группы людей. С наступлением ночи – то же спокойствие. Горожане прогуливаются, задерживаются у столиков кафе; молодые люди проходят, распевая «Марсельезу». Германский консул покидает город.

2 августа. Я занят реорганизацией своих служб. Я должен оставить выставку открытой по причине страхования; реликвии, в числе которых находится шляпа Наполеона, немедленно будут убраны в Библиотеке. Правительство приказало по телеграфу префекту оказывать доверие всем французам и никого не арестовывать, даже анархистов, даже антимилитаристов, даже г-на Пьера Лаваля, числящегося в списке Б[5]. Абсолютное спокойствие. Я получаю инструкции относительно иностранцев.

Немедленно организуются столовые общественного питания. Запасов зерна в Лионе хватит на один месяц (его ежедневное потребление около трех тысяч центнеров); мяса в районе хватит на тридцать дней. Военные власти решают оставить меня в мэрии и в моем распоряжении – моего генерального секретаря. Разрешено отсрочить минимум на тридцать дней призыв солдат территориальной армии и резервистов, являющихся по своей профессии пекарями и помощниками пекарей, если только они не принадлежат к сельским формированиям.

В 16 часов 30 минут мне позвонил военный министр Мессими: «Граница Франции нарушена сегодня утром немецкими войсками в трех пунктах: возле Лонгви, в Сире, под Люневилем, и около Бельфора. Тем самым война фактически объявлена. Попытка сохранить мир, предпринятая в воззвании президента, оказалась напрасной. В течение восьми дней г-н де Шён[6] старался усыпить нас слащавыми мирными заверениями. А в это время Германия тайно мобилизовывалась. Отныне – это борьба цивилизации против варварства. Все французы должны быть едины не только в сознании долга, но и в ненависти к врагу, у которого только одна цель: уничтожить нацию, выступающую перед лицом всего мира как борец за право и свободу». На этом

заканчивалось собственно сообщение министра. В ответ на мои вопросы он добавил: «Этой ночью пять корпусов нашей армии прикрытия заняли позиции. Они будут сдерживать неприятеля до подхода главных сил. Россия нас поддерживает. В настоящий момент меня уверяют, но я не могу этого утверждать, что английский и французский флот будто бы закончили сосредоточение своих сил».

Мессими советует мне напомнить девяносто третий год. Префектам будет разослан циркуляр, обязывающий их учреждать кантональные комиссии для оказания помощи семьям. Очень спокойным голосом министр попросил меня прокомментировать эти новости при сообщении их прессе. Я информировал журналистов в присутствии губернатора и префекта.

В 21 час заседание муниципального совета. Организация столовых общественного питания. Итальянский консул только что просил меня помочь его согражданам; я согласился, попросив его напомнить своим соотечественникам об их долге братства в отношении Франции.

3 августа. 4 часа 30 минут утра. Полное спокойствие.

По площади Комедú в одиночку и маленькими группами молча и быстро проходят мобилизованные. Я обмениваюсь с ними приветствиями. До 3 часов звучали песни… Теперь – глубокая тишина. Можно подумать, что эти люди идут на работу. 5 часов утра. Военный министр звонит моему генеральному секретарю Серлену: «Ничего нового. Незначительные стычки. Нельзя сказать, когда начнутся серьезные действия. В районе Бельфора – действия немногочисленных дозорных отрядов. Вопрос об участии Англии находится все еще в стадии дипломатических переговоров». Не хватает молока, а его необходимо 8 тысяч литров в день. Прощание на вокзалах: уезжающие поручают мне своих жен и детей.

Объявлено осадное положение. Генерал Мёнье назначен военным губернатором. Комиссия по снабжению работает над установлением максимальных цен на продукты.

Префект сообщил нам новости дня. Граница нарушена в нескольких пунктах. Итальянское правительство заявило о своем нейтралитете. Г-н Готье, морской министр, подал в отставку по состоянию здоровья; его заменили г-ном Оганьером. Г-н Альбер Сарро становится министром народного просвещения. Г-н Рене Вивиани сохранил пост премьер-министра без портфеля. Г-н Думерг назначен министром иностранных дел.

К нам будут поступать дети, лишившиеся родителей; и мы должны будем разместить их в муниципальных приютах, в приюте Маньен-Фурне и в принадлежащем городу приюте для

слепых и глухонемых в Виллёрбанне.

4 августа. Получены первые новости: немцы дважды добились «большого успеха»: в Меце они убили старика, а в Берлине арестовали женщину – вдовствующую русскую императрицу. В 12 часов префект официально сообщил мне, что Германия объявила Франции войну[7]. Ни одно сообщение не сможет быть опубликовано, если оно не исходит от военных властей или префектуры. На площади Комедú проливной дождь, в городе царит абсолютное спокойствие. Из своего кабинета я слышу лишь приглушенные голоса прохожих и звонки трамваев. В ресторане, где я сообщил эти новости, это не вызвало никакого волнения. Видный чиновник из Эна, генеральный казначей, говорит мне: «Немцы не умеют себя вести. Они не читают Лаведана»[8].

В 15 часов 5 минут генерал-губернатор Алжира сообщил, что четырехтрубный крейсер (полагают, что это. «Бреслау») выпустил около шестидесяти снарядов по Бону, убив одного человека и повредив несколько домов. Президент республики обратился с посланием к палатам.

У меня только что состоялось продолжительное свидание с генералом д'Амад; я был поражен мягкостью его взгляда и улыбки. Он получил телеграмму следующего содержания, подписанную *«Петерсон»,* а в действительности посланную генералом Френчем: «We are slow, but we are sure; we come now»[9].

Речь Дешанеля в которой он восхвалял убитого Жореса и утверждал, что среди французов нет больше противников, послание президента республики и декларация премьер-министра, сообщающая, что Англия мобилизовала свой флот и сухопутную армию, произвели в Лионе огромное впечатление. С энтузиазмом комментируют фразу Вивиани: «Мы без страха и упрека».

5 августа. Визит английского консула; я тронут его словами о Франции. Без двадцати двенадцать он позвонил мне: «Англия объявила войну Германии»[10]. Визит Жана де Бонфона, приехавшего из Смоленска, – он виделся с генералом Пестичем, главнокомандующим русской армии[11]; он описал мне порядок движения его войск: веером, ромбом и углом вперед. Бельгийский консул сообщил мне, что. в его стране объявлен призыв всех возрастов, начиная с 1897 года рождения.

Я представил муниципальному совету свой план помощи.

Все операции по мобилизации проходят у нас в полном порядке и с большим спокойствием. Разведотряды германской кавалерии и пехоты во многих местах переходят нашу границу.

Семнадцать эльзасцев, пытавшихся пробраться во Францию, были расстреляны в Мюлузе.

4 августа в 8 часов 30 минут Германия объявила войну Бельгии; Бельгия подверглась нападению; противник производит скорые расправы; дирижабли летают над Брюсселем, ожесточившееся население которого устраивает патриотические демонстрации.

6 августа. Торговая палата Лиона под председательством Жана Куанье приняла ряд финансовых мер для поддержания торгово-промышленной деятельности на определенном уровне и для обеспечения гражданского населения работой. Французскому банку только что разрешили довести выпуск кредитных билетов до 12 миллиардов франков. Его просят возобновить операции по учету коммерческих векселей. Наш посол в Берлине, г-н Жюль Камбон, столкнулся при возвращении во Францию с величайшими трудностями, в то время как г-н де Шён был отправлен к границе специальным поездом. Атаки немцев против Льежа все усиливаются.

Лионская комиссия по снабжению старается избежать злоупотреблений реквизиций. Она опасается установить такие цены, с которыми не согласились бы торговцы и которые отвлекли бы товары на другие рынки, так как это может повредить снабжению города продовольствием; но она хочет избегнуть всякой спекуляции. Цены, установленные ею, смогут постоянно пересматриваться. Цена на хлеб останется довоенной. Что касается мяса, то значительные размеры заготовок позволяют впредь до нового распоряжения сохранить соотношение спроса и предложения; при первых признаках искусственного вздорожания цен на мясо на него также будут установлены твердые цены и будет разрешена его продажа на открытых рынках, что явится лучшим средством борьбы против злоупотреблений. На период мобилизации максимальная цена на картофель установлена в размере 25 сантимов за кило; мы создаем запасы картофеля. Максимальная цена пиленого сахара – 90 сантимов за кило. Лионская федерация снабжения оказывает мне безоговорочную поддержку.

Между тем мобилизация в России продолжается. Льеж держится, король Альберт принял командование своими армиями.

7 августа. Принят декрет о режиме военных ассигнований. Многие итальянцы просят принять их добровольцами во французскую армию на время войны. Эльзасцы и лотарингцы наводнили мобилизационные пункты.

Муниципальный совет занят возобновлением работы на

заводах, реорганизацией труда, посылкой городской рабочей силы в деревню и беженцами: к нам прибыло 2400 человек из Эпиналя.

8 августа. Войска отправляются с песнями. Под моими окнами возникла настоящая биржа новостей. Форты Льежа все еще сопротивляются. Началась высадка английских войск. Я узнаю, что Жюль Камбон прибыл в Копенгаген; на какой-то станции около датской границы с него потребовали 3600 марок. Он предложил подписать чек на один из крупных германских банков, в чем ему было отказано; тогда он собрал четыре тысячи франков золотом, устроив сбор среди своих спутников. Белград подвергся бомбардировке. Отовсюду мы получаем предложения организовать полевые лазареты, госпитали, дома для выздоравливающих, детские молочные пункты, ясли, убежища для раненых, больных, женщин и детей.

9 августа. Я послал телеграмму бургомистру Брюсселя Адольфу Максу. Он мне ответил: «Горячо благодарю вас за чувства, которые вы мне выразили. Бельгия горда тем, что она сражается рука об руку с Францией против грубой силы в защиту права. Она выполнит свой долг до конца. Искренне ваш».

Беженцев с востока разместили в приюте святой Елизаветы. Я организую прививки населению. Отправляюсь на рынок де Вез приветствовать 3-й полк африканских стрелков, прибывший из Константины. В четверг в Сет выгрузился первый эшелон алжирских войск численностью в 14 тысяч человек. Он прибыл в Сет в сопровождении эскадры адмирала Буэ де Лапейрера.

После Альткирка наши войска заняли при общем ликовании Мюлуз; огромная толпа приветствовала наших солдат. Мессими поздравил генерала Жоффра, который в свою очередь обратился к «сынам Эльзаса» с замечательным воззванием. «После сорока четырех лет скорбного ожидания французские солдаты вновь вступили в пределы вашей благородной страны. Они – первые труженики в великом деле реванша; какой восторг и какую гордость испытывают они! Чтобы завершить это дело, они жертвуют своею жизнью. Их единодушно поддерживает вся Франция. На их знаменах начертаны волшебные слова: «Право и Свобода».

Я получил от бежавшего в Женеву германского консула в Лионе Лёвенгарда письмо, в котором он предоставляет в мое распоряжение под лазареты или женские трудовые мастерские свой дом и завод; он просит устроить его жену, француженку по происхождению, на работу в организации Красного Креста, что невозможно. Свирепствует лихорадка подозрительности. Безумцы и глупцы дают о себе знать. Про мои отношения с Лёвенгардом,

которые всегда носили строго официальный характер, выдумывают самые нелепые вещи. В подобные времена воображение общества ищет удовлетворения, где только может. Процветают клевета и ложные слухи.

Понедельник, 10 августа. Комиссия при префекте. Разместить в деревне оставшихся без работы лионцев оказалось трудным. Как говорит Бонневе, оставшихся крестьян достаточно, чтобы собрать урожай; они не доверяют горожанам. Максимальная цена на муку в департаменте установлена следующая: 52 франка за 125 кг. Г-н Казенёв настаивает, чтобы технический персонал заводов был мобилизован на месте в те отрасли промышленности, которые нужны для национальной обороны; комиссия поддерживает это предложение лишь в отношении солдат территориальной армии и резервистов. Я думаю предпринять работы в новом госпитале Гранж-Бланш. Мы устанавливаем порядок в ассигновании средств и снабжении Лиона продовольствием. И хотя мы погружены в свои местные заботы, мы с волнением следим за обороной Льежа, за перипетиями сражения в Эльзасе; узнали про оккупацию Германского Того. Г-н Даниель Жерар сообщил мне точные сведения об операциях в Бельгии.

11 августа. Французское правительство отозвало своего посла в Вене г-на Дюмена и вручило паспорта графу Созену. Мобилизация во Франции заканчивается. Первые сообщения благоприятны; они поддерживают в жителях Лиона мужество и оптимизм. Между тем утверждают, что германский дирижабль каждый вечер летает над Лионом; военные власти говорят об этом как о совершенно достоверном факте.

Среда, 12 августа. Доктор Ноэль Мартен, из Константины, привез нам сведения о бомбардировке Филиппвиля. По его словам, германский крейсер шел под русским флагом, отсалютовал форту и попросил лоцмана. Затем он спустил свой флаг и открыл огонь. Тридцать солдат из 3-го полка зуавов были убиты или тяжело ранены. В результате этого события некто г-н Бланк, лейтенант резерва, горный инженер, сошел с ума и на транспорте, который перевозил войска, ранил офицера, убил доктора и метрдотеля и угрожал доктору Мартену; после этого его самого убили.

Наши войска повсеместно приходят в соприкосновение с противником. Палата депутатов получила телеграмму от русской Думы.

Вместе с торговой палатой мы стараемся как можно шире возобновить промышленную деятельность. Председатель Куанье просит, чтобы банки возобновили выдачу авансов под ценные бумаги. Торговая палата произведет выпуск купюр на два

миллиона франков, требуемый муниципальной приходной кассой складами. Г-н Жозеф Жилле сообщил мне, что у него 600 безработных. Вот уже десять дней как он не получал ни одного килограмма товаров и ни одного франка по своим кредитам; он надеется, что торговля с Англией немного восстановится.

13 августа. Организация медицинской службы. Вместе с генералом Сент-Клер Девилем я навестил раненых в госпитале Деженет. Лейтенант Бракман из 11-го драгунского полка ранен при атаке Альткирка выстрелом из подвала. 45-й батальон пеших стрелков, сформированный в Ремирмоне, сильно пострадал при отступлении от Мюлуза на Альткирк. Я навестил раненых солдат 23-го и 35-го полков. Унтер-офицер 5-го артиллерийского полка показал нам пулю, которую только что извлекли у него из раны. «Немцы не знают, что такое обратный скат», – говорит он генералу. Из префектура нам сообщили о бомбардировке Понт-а-Муссона, сопротивлении фортов Льежа, о насилиях немцев над населением и мэрами; но вообще до настоящего времени дело ограничивается стычками аванпостов.

Я ходатайствую перед премьер-министром, чтобы банк «Креди фонсьер» отпустил городу суммы, которые он ему должен и которые сейчас крайне необходимы.

14 августа. Смерть моего дорогого коллеги Марка Буфье. Вместе с саперами я организую земляные работы. В Дуэ сооружают мощную радиостанцию, которая позволит нам начиная с 10 сентября сноситься непосредственно с Бобруйском в России. Начиная с сегодняшнего вечера металлическая мачта сможет принимать русские телеграммы. Мы провели часть ночи, наблюдая за небом и осматривая соседние с Лионом высоты – нет ли там световых сигналов, Воображение разыгрывается даже у военных.

Суббота, 15 августа. Цена на хлеб повышена на один сантим. Отряд 4-го полка африканских стрелков проходит по площади Комедѝ. Теперь к этим передвижениям войск привыкли; народ рукоплещет без прежнего волнения и беспорядка. Мы узнали, что правительство решило издавать ежедневный военный бюллетень, предназначенный исключительно для войск. Премьер-министр, говоря о нем, сказал следующее: «О юноши, и вы, мои дети, светлые и темноволосые, смешавшиеся в одну великую вооруженную толпу, обратите свои взоры к Прошлому! Вы прочтете там, в нашей Истории, про освободительную роль Франции, которую всегда ненавидели варвары, ибо она воплощает в себе вечное Право. Обратите свои взоры к будущему, и вы увидите Европу, освобожденную от гнуснейшей тирании, обеспеченный мир, возрождение мирного труда в добре и

любви… Вперед, сыны отчизны, вы – Право, вы – большинство; завтра вы будете победой…» Мы узнали, что значительные силы французских войск вступили в Бельгию через Шарлеруа.

Воскресенье, 16 августа. Префект сообщил мне следующий приказ: «Немедленно телеграфируйте положение с безработицей в Лионе, можно ли ее уменьшить с помощью общественных и частных работ, кажется ли Вам необходимой организация кассы для безработных». Упорядочение реквизиций. Изучение вопроса снабжения углем и горючим.

Посещение вокзала де Перраш, около 17 часов. Прибыло около 200 раненых из 35, 58, 23, 42, 44, 132 и 60-го пехотных полков, а также из 2-го и 11-го драгунских полков, состояние духа у всех превосходное. Сегодня утром провели шесть военнопленных, из которых один, лотарингец, сам сдался в плен. Мобилизация проведена в превосходных условиях. График движения поездов был составлен очень точно; его выполнение обошлось без всяких инцидентов. Через Перраш проходило до 300 поездов за день. Движение пассажирских поездов было прервано только на пять дней; отныне возобновляется регулярное сообщение. Поезда в Париж идут через Сен-Жермен-де-Фоссе (в 22 часа 08 минут и в 7 часов 15 минут). Оттуда возвращаются поездом, который отправляется в 20 часов 05 минут и прибывает в 5 часов 49 минут. Перевозки малой скоростью еще не восстановлены, но доставка молока обеспечена. Идет проливной дождь. Во время одного из просветов проходит санитарный обоз 14-го корпуса. Люди, лошади, экипажи – в цветах; солдаты поют «Марсельезу»; какой-то священник идет рядом с ними с зонтиком в руке. В 19 часов ко мне приезжает попрощаться генерал д'Амад; он уезжает этой ночью.

Цена на зерно установлена в 27 франков; на муку – 40 франков, на овес – 20 франков. Убой телят запрещен (с некоторыми исключениями), я добился угля для населения. Нам предложено сообщать прокурору республики о всех попытках скупки товаров. Трамвайная компания будет прицеплять вагоны для товаров ко всем пассажирским вагонам. Мы производим учет школьников и бывших школьников, пригодных для полевых работ.

Понедельник, 17 августа. Проблема безработицы осложняется. Объявляют набор 400 человек, а приходят просить работы 4 тысячи. Избегают, насколько возможно, реквизиции дойных коров, производителей, премированных на конкурсах, животных, записанных в племенных книгах, и слишком молодых животных.

Первая военная медаль была присвоена одному лионцу, драгуну-ефрейтору Эскофье, «смело атаковавшему врага и

получившему несколько ранений». – Он из 12-го драгунского полка. Я только что прочел его прекрасное и очень простое письмо, адресованное родным, проживающим на улице Сен-Жорж, д. 108.

Правительство благоразумно запретило продажу абсента.

Вторник, 18 августа. Генеральный совет Роны работает регулярно. Телеграммы, передаваемые префектурой, поддерживают оптимизм.

Среда, 19 августа. Посещение госпиталя Деженет. Раненые 14 августа. Они все заявляют, что наша 75-мм пушка превосходна. Один из них привез с собой каску и серую шинель улана. Рентгеноскопия облегчает операции и лечение. Главнокомандующий послал вчера военному министру телеграмму, исполненную энтузиазма.

Вечером, около 22 часов, я посетил вместе с генералом Гуагу и майором инженерных войск Кампа радиопост, устроенный в усадьбе Сент-Олив в Фурвьере и возглавляемый капитаном колониальной артиллерии Гарнашем. Это только приемный пост. Я слышал, как он принимал длинную шифрованную телеграмму, передаваемую Эйфелевой башней в Санкт-Петербург, затем кодированную телеграмму из английского адмиралтейства. Пост перехватил также сообщения немецких полевых станций – из Польду (Корнуай), из Науэна, возле Берлина, и Норддейха, около Эмдена. Телеграмма из Норддейха передана клером; вчерашняя телеграмма передавала соболезнования императора Франца-Иосифа князю Бюлову по поводу потери брата, погибшего в каком-то сражении; в сегодняшней, передаваемой с перебоями (в течение нескольких минут слышны были только позывные), комментировались венские и константинопольские новости.

Военное министерство отказалось от активного проведения оборонительных работ в Лионе, считая, что он вне опасности.

Четверг, 20 августа. Г-н Жорж Леви, с улицы Мартиньер, д. № 5, покинул Баккара 16-го, в полдень. По его свидетельству, произошли серьезные бои; 17-й и 20-й батальоны стрелков, 17-й линейный полк и эскадрон 4-го полка конных стрелков приняли на себя удар в районе Бламон – Сире, где ранее укрепились немцы. Он с негодованием рассказал мне о бесчинствах немцев и подтвердил важность результатов, достигнутых нашей 75-мм пушкой. 62-й артиллерийский полк отбил карьеры Мервиль, не потеряв при этом ни одного человека и ни одной лошади. Дух войск великолепен.

Директор санитарной службы только что сообщил мне, что роль Лиона как госпитального центра значительно расширена вследствие отказа от организации альпийской армии. Он просил

меня о немедленном содействии: ему нужно 50 тысяч коек при армии и 20 тысяч в департаменте Роны. Военное министерство, помимо военных госпиталей, располагает лишь больницами и учреждениями Красного Креста. Очевидно, потребуются значительные усилия; я обратился с первым призывом к населению.

Возникло затруднение: американцы отказались выполнять контракты на поставку зерна, заключенные до войны, и требовали уплаты золотом вперед. Я опасаюсь нехватки манной крупы и зерна. К тому же в принципе реквизиция должна прекратиться на 21-й день мобилизации.

Визит барона Клозеля, секретаря венского посольства, вернувшегося из Швейцарии, где он выполнял конфиденциальное поручение. По его мнению, посол Германии в Вене г-н Чиршки является одним из лиц, ответственных за начало войны. Мэр Вены во многом способствовал распространению ложных слухов о революции во Франции и убийстве президента республики. Г-н Маккио, начальник отдела в министерстве иностранных дел, жаловался г-ну Дюмену[12] на французских летчиков, летавших над Нюрнбергом. «Они достаточно смелы для этого», – будто бы сказал де Маккио. – «Да, но они не настолько глупы», – будто бы ответил Дюмен. Г-н Бо был уполномочен заключить со Швейцарией соглашение о ежедневном снабжении через нее нашей страны.

Посещение госпиталя Деженет. В Лион прибыл сегодня первый эшелон с ранеными немецкими солдатами: 130 человек, которые поровну распределены между госпиталями Виллеманзи и Деженет. Приехали они голодные: теперь едят и спят. Их взяли в плен в Данмари; большинство из них принадлежит к 111-му пехотному, 22-му драгунскому, 3-му и 5-му кониострелковым полкам.

Толпа лионцев продолжает каждый вечер приходить под мои окна в ожидании новостей, которые мне сообщают. Она удивительно послушна, хотя собирается до двух тысяч человек; я сообщаю им новости, и они тотчас расходятся.

* * *

Пятница, 21 августа. Капитан Дюпюи, из 14-го эскадрона территориальных войск Трэна, прислал мне эльзасского аиста, пойманного ефрейтором Готье; у птицы на шее красная лента. К несчастью, начинают поступать дурные вести; в Лотарингии наши авангарды оттеснены к Сей; немецкая кавалерия заняла Брюссель;

бельгийская армия отступает к Антверпену. Лион познал первый день ожидания и тревоги. На вокзал Бротто прибыло два больших эшелона с ранеными из района Мюлуза; раненые в основном из 159, 163, 97, 372 и 157-го пехотных полков. Тяжело ранен генерал Плессье. Только что ходил за новостями на радиостанцию, так как официальные сообщения от 21-го поистине чересчур кратки. Вчера радиостанция в Норддейхе сообщила о большой победе немцев, одержанной кронпринцем Баварским, они захватили несколько тысяч пленных и много орудий; это дополнение противной стороны к уже известной нам французской телеграмме об отступлении к Сей.

Суббота, 22 августа. Радиостанция в Фурвьере перехватила около двух часов утра немецкую телеграмму, сообщающую, что германские корабли потопили подводную лодку и повредили четыре английских контрминоносца. На суше будто бы добилась успеха немецкая кавалерия, захватившая под Тирлемоном пятьсот пленных, батарею и четыре знамени. Лейтенант Гонне (улица Сала, д. № 25) из 30-го батальона гренобльских стрелков убит 19 августа под Мюнстером. Снова посещение раненых. Первая группа была помещена в больнице, другая в ветеринарной школе. Все чувствуют себя хорошо, за исключением одного бедняги из предместья Лиона (Монтэ де ла Бют), который умирает от инфицированной раны в плечо. Вечером, около 23 часов, прибывает новый эшелон с ранеными, почти целиком из 159-го пехотного полка; с ними привезли четырех немецких офицеров. В Лотарингии наши войска отступают; наш левый фланг прикрывает передовые укрепления Нанси, а правый располагается на Дононском массиве. Намюр частично окружен; враг продвигается на запад.

Воскресенье, 23 августа. Драма осложняется. Угроза нищеты; я организовал муниципальные женские трудовые мастерские для борьбы с безработицей среди женщин. Радиостанция из Науэна передавала сегодня, что немецкие войска занимают рубеж Бламон – Люневиль. Насколько возможно, я умалчиваю о дурных новостях, которые неизвестны моим согражданам; в прекрасную погоду они мирно прогуливаются по улице, чувствуя себя совершенно спокойными. Посещение госпиталя Союза французских женщин, устроенного в женском педагогическом институте; 126 раненых. Известие о том, что 97-й Шамберийский пехотный полк серьезно пострадал и потерял много офицеров, подтвердилось. Все сообщения сходятся на превосходстве нашей полевой артиллерии; один из раненых говорит, что немецкие снаряды рвутся, точно разбрасывают зерна кукурузы; другой, с говорком южанина, уверяет, что «артиллерия врага рассчитана на

бабочек». Телеграф в Нанси был вынужден прекратить на несколько часов свои сообщения – дурной признак. Но растет и самоотверженность. Полицейские сообщили мне о своем решении в течение всей войны уплачивать ежемесячно определенный взнос. Двести членов итальянской колонии явились ко мне, чтобы выразить свои симпатии Франции. Говорят, что сербская армия энергично преследует австрийцев, а русская армия добилась успеха под Гумбинненом. Около 11 часов я отправился на радиостанцию в Фурвьер. Из Шарлеруа никаких новостей; известно лишь, что главные англо-французские силы ведут бои против главных сил немецкой армии. Радио сообщает, что враг в течение двух дней бомбардирует Намюр; по сведениям противника, в районе Меца идут бои; нас оттеснили к Лонгви и угрожают Люневилю.

Понедельник, 24 августа. В телеграмме из Науэна (три часа утра) говорится: «Немцы движутся на Лилль фронтом от Халля до Алоста». Население ничего не знает, но инстинктивно беспокоится. Я получаю много писем относительно немецких военнопленных; одни находят наше обращение с ними слишком хорошим, другие, наоборот, возмущаются нашим плохим с ними обхождением, в действительности же мы строго придерживаемся норм войны и распоряжений министерства. Я навестит лейтенанта Россиньоля, одного из наших пожарных; его ранили под Шарлеруа; его 2-й полк зуавов должен был отбросить немцев, перешедших через Самбр, назад, в их окопы; дело оказалось кровопролитным; под убийственным пулеметным огнем полк подошел на 150 метров к вражеским окопам; тут его сменил 6-й полк алжирских стрелков. Люневиль занят, но форты Льежа все еще держатся. Французские сообщения неопределенны и запутанны. Сенатор Жерве в газете «Матэн» обвиняет одну из дивизий 15-го корпуса. Министр Мессими призывает французов к терпению; но население относится ко всему недоверчиво и тревожится.

Конечно, работа – лучшее лекарство против этой тревоги. Я приказал проводить земляные работы, заложить и построить новый госпиталь; артиллерия и саперы завербовали тысячу рабочих. Я привлекал безработных женщин в трудовые мастерские. Публика нервничает; некоторое волнение вызвала газета «Нувелист», частично опубликовавшая статью Жерве. Да и как не волноваться? Наша армия перешла в наступление и завязала генеральное сражение. Официальная телеграмма протестует против утверждений парижской газеты.

Вторник, 25 августа. Я стараюсь узнать новости. Около часа ночи капитан Гарнаш известил меня: радиостанция в Польду

сообщила об отступлении французов на свою границу. Я позвонил в агентство Гавас: оно передало мне официальное коммюнике; у бедного Серлена тряслись руки, пока он его записывал. Какой удар! Но отныне надо их переносить с твердостью. Волнующая тишина города. Бьет два часа: я думаю о пробуждении, которое ждет моих сограждан. Около трех часов утра я отправился повидаться с префектом; мы информируем губернатора. Об отдыхе не могло быть и речи. Идет дождь; но движение возобновилось, пошли трамваи, послышались выкрики продавцов газет; я пробую уяснить себе, знают ли уже мои сограждане эту новость. В 8 часов 15 минут Науэнская радиостанция уточняет: кронпринц Баварский преследует французскую армию; захвачено еще 150 орудий; кронпринц продолжает продвигаться на север от Лонгви; князь Вюртембергский[13] разбил наголову одну из наших армий около Нёшато, захватил много пушек и знамен, взял пленных; английская кавалерийская бригада, высадившаяся в Бельгии, разбита. Именно это поражение 23 и 24 августа признает в завуалированных выражениях официальная французская телеграмма от 25-го, признающая одновременно значительные потери и неудачу нашего наступления. Когда вечером под дождем, льющим как из ведра, я читаю толпе мало что значащее второе коммюнике от 25-го, она выглядит уже не нервной, как вчера, а печальной. Генерал Пурадье-Дютей сообщил мне об ужасном действии тяжелых орудий, о чем наш генеральный штаб как будто и не подозревал.

Среда, 26 августа. «Наступление остановлено», – заявляет официальная телеграмма; идет сражение в Куронне де Нанси; Мюлуз эвакуируется; русские продвигаются к Восточной Пруссии. Японский консул только что сообщил мне, что его страна объявила войну Германии. Я отправляюсь в госпиталь Шаритэ навестить раненых эльзасцев. Юный Мюзи (улица Лонг, д. № 23), каптенармус 372-го пехотного полка, был захвачен немцами и отправлен в Германию; насколько я знаю, это первый лионец, попавший в плен. Снова тревожный день – известий нет; агентство Гавас сообщает лишь малозначащие подробности. 18 часов: под моими окнами собралась большая толпа; я вынужден им сказать, что я не имею никаких сведений; видно, насколько велико ее разочарование. Я страдаю оттого, что не могу ободрить этих славных людей, которых я видел охваченных таким энтузиазмом, а сегодня таких растерянных. 22 часа: префект предлагает мне принять меры для эвакуации «лишних ртов» и организации снабжения на случай осады.

Четверг, 27 августа. Ко мне поступают первые похоронные извещения: Гийермье, сержант 44-го пехотного резервного полка;

Жан Пуше, капрал 44-го полка; Пьер Гуассе, младший лейтенант 44-го полка; Виктор Франьон, рядовой 44-го полка; Жюль Муиссе, капрал 44-го полка. Все убиты под Альткирком 7 августа. Визит г-на Дюфурне, адвоката из Люневиля; он покинул Жарвиль-Нанси утром во вторник, 25-го; 23-го положение Нанси было угрожающим; бой шел в Домбале. В субботу вечером Нанси охватила паника; толпа наводнила вокзал. 20-й корпус вел себя великолепно. Дюфурне сказал мне, что в Моранже мы потерпели серьезное поражение, которого могли бы избегнуть. Из немецкой телеграммы, передававшейся прошлой ночью, узнаем о взятии Лонгви. Генерал Плессье умер от полученных ран. Официальное сообщение утверждает, что наше наступление развивается, но признает, что наш правый фланг вынужден был отступить в районе Сен-Дье и что на севере англо-французские войска «были несколько отведены назад».

Г-н Вивиани реорганизовал свой кабинет, назначив г-на Мильерана военным министром, г-на Бриана – министром юстиции, г-на Делькассе – министром иностранных дел, г-на Рибо – министром финансов, г-на Марселя Самба – министром общественных работ, г-на Думерга – министром колоний и г-на Жюля Геда – министром без портфеля. Издан декрет о назначении генерала Галлиени командующим парижской армией и военным губернатором.

Г-н Эннемон Морель, из торговой палаты, вернувшийся из Милана, узнал от сенатора Гавацци, что министру Саландра пришлось дать отпор герцогу д'Арварна, итальянскому послу в Вене. Нейтралитет Италии нам будто бы обеспечечивают слабость ее флота и длина ее береговой линии; на нее произвело впечатление движение «русского ледника».

Мадам Альбер Леви (улица Огюст Конт, д. № 41) видела, как 10 апреля занимали Бремениль под Бадонвилле. Баварцы (1, 3 и 8-й полки) удерживали деревню до пятницы, 14-го; они совершали зверства. Они пришли, говорит она, в 9 часов; а в 9 часов 15 минут один офицер приказал 4-й роте 1-го баварского полка спалить целую улицу. Мэр, г-н Тиокур, был ранен пулей в руку; его помощник был сначала арестован, затем выпущен. Домовладелец Колен, семидесяти лет, пытавшийся потушить пожар, был расстрелян. Г-на Барбье, лежачего больного, за которым ухаживала его мать, убили в постели ударом приклада; семидесятичетырехлетнюю мать расстреляли на глазах у дочери. Напротив была мельница, где, как утверждали немцы, они нашли мундир стрелка 20-го пехотного полка. Мадам Альбер Леви рассказывает, что мельник вместе с г-ном Птидеманжем были закопаны живыми; их головы, торчавшие из земли, служили

мишенью. Мельницу тут же сожгли. Случаи грабежа не идут в счет; деревню освободили в пятницу, 14 августа, 92, 105 и 135-й пехотные и 16-й артиллерийский полки. В этот же день, 14-го, шли бои около Сире. В 19 часов 30 минут французы были вынуждены с боями отступить перед корпусом баварской армии. Жителей Бремениля эвакуировали. Мадам Леви видела кронпринца Баварского с сигарой во рту и револьвером в руке, проезжавшего в автомобиле; солдаты простирались перед ним ниц: сила и варварство немцев произвели на нее ужасное впечатление.

Убит юный Гольштейн.

Общественное мнение несколько успокоилось, по крайней мере внешне, возможно, потому, что официальная телеграмма сообщила 27-го о русских и сербских победах.

Я нахожу работу безработным женщинам; в женские трудовые мастерские я допускаю всех, у кого мужья сражаются под французским или союзными знаменами, за исключением тех, кто получает военное пособие. Минимальный возраст – пятнадцать лет. Я рассчитываю на 7 тысяч мест.

Пятница, 28 августа. Саперная служба завербовала дополнительно 250 землекопов. Союз лионских предпринимателей помогает мне в реорганизации работы. Немцы бомбардировали Сен-Дье, который является открытым городом.

Насколько я знаю, генерал Плессье – это первый французский генерал, убитый в эту войну. Он был помощником верховного командующего обороны и мог бы остаться в Лионе; но он захотел немедленно уехать. Мадам Плессье с замечательным спокойствием и мужеством рассказывала мне, со слов ординарца, как он был ранен. 19 августа он командовал 88-й пехотной бригадой, составленной из 159-го и 97-го полков, которая понесла жестокие потери. При выступлении из Альткирка он расспросил детей, которые уверили его, что в соседней деревне противника нет. Он послал группу разведчиков, из которых никто не вернулся; тогда, обеспокоенный, он сам поднялся для рекогносцировки на бугор. Разрывом снаряда был убит офицер для поручений капитан Ферри, еще один офицер и ранен генерал; тринадцать часов он пролежал без всякой помощи, пораженный пулей в позвоночник. В тот же день бригада атаковала деревню. Немцы укрылись в траншеях. Утверждают, что какие-то люди звонили в колокола, чтобы предупредить их.

Дух раненых далеко не тот, что был вначале.

Я слежу за прениями в палате общин. Уинстон Черчилль заявляет, что британское правительство сочло необходимым высадить в Остенде значительные контингента морской пехоты.

Г-н Асквит огласил донесение генерала Френча, который отразил превосходящие силы противника; его войска сражались великолепно. Английская *«Белая книга»,* один экземпляр которой мне прислали, содержит отчет сэра Э. Гошена от 8 августа сэру Эдуарду Грею[14]; он уведомляет об условиях разрыва с Германией и о грубых заявлениях фон Ягова[15], который цинично признал, что нарушение бельгийского нейтралитета было вызвано стратегическими соображениями.

Мадемуазель Диссар сообщает мне новости из Лилля. Г-н Бувар Клод, младший лейтенант резерва 371-го полка, раненный при первой эвакуации Мюлуза, спасся, бежав с помощью одного эльзасца, унтер-офицера немецкой армии.

Сообщают об успехах русских в Восточной Пруссии и об удачных действиях британского флота.

Суббота, 29 августа. Мы получили декларацию нашего нового правительства. Похороны генерала Плессье; глубокое волнение толпы. Я узнал из достоверных источников, что немцы вышли на Сомму. Краткость и двусмысленность официального коммюнике этой ночи достойны сожаления; мне кажется, оно произведет как в Лионе, так и в Париже очень плохое впечатление. Замечания Клемансо о недостатке доверия правительства к стране мне кажутся вполне оправданными.

Капрал Нуаро Оноре-Марсель из 44-го пехотного полка в Лон-ле-Сонье (улица Сен-Пьер де Вез, д. № 14) убит в Альткирке 7 августа 1914 года. Я снова встретился с тремя беженцами из Сире; по их рассказу, 15 и 16 августа деревню защищал 105-й Риомский пехотный полк. «Немцы, – говорят они мне, – еще больше озверели, чем в 1870 году». Только подумать, что и в такое время находятся люди, способные добиваться академических значков! Один солдат территориальной армии юго-запада добивается его, чтобы «избегнуть нарядов, неотделимых от его звания солдата второго класса».

Воскресенье, 30 августа. Как сдержанна официальная телеграмма! Сражаются в Гизе, под Ла-Фер. Лион спокоен, но очень мрачен; кажется, что население не отдает себе ясного отчета в серьезности событий. Какая разница между оживлением во время мобилизации и трагическим молчанием теперь, когда война мало-помалу открывает свой ужасный лик. Несмотря на отсутствие новостей, маневр немцев представляется мне ясным: 1) выйти в долину Уазы по дороге вторжения – Льеж, Намюр, Шарлеруа, Монс, Валансьенн, Сен-Кантен, Ла-Фер, Компьен; 2) выйти в долину Эны.

Интендантство сообщило мне размеры запасов, которые лионские торговцы должны обеспечить для нужд укрепленного

района: 30 тысяч центнеров муки, 50 тысяч центнеров зерна, 22 тысячи гектолитров вина, 10 тысяч центнеров соломы и т. д.

31 августа. Уже имеется по меньшей мере 6 тысяч раненых. Мне предложено организовать муниципальные госпитали, помимо уже существующих. Наши мастерские (ouvroirs) выпускают спальные мешки и соломенные тюфяки. Город будет получать 2 франка 50 сантимов на каждого больного в день.

Похоронное извещение о Сирилле, солдате второго класса 42-го пехотного полка (улица Вьен, д. № 44).

Официальное телеграфное сообщение: успешные действия наступающего немецкого фланга вынуждают нас отходить.

Заседание совета. Семь человек на трибуне для публики.

Убит Верле-Аню, командир 13-го егерского батальона.

Вторник, 1 сентября. Столовые общественного питания обошлись нам с 4 по 31 августа в 136 тысяч франков. Из предместья Парижа приехали 600 рабочих, сопровождавших часть персонала и имущества завода Шалэ-Мёдона; мне придется их разместить.

Вчера вечером общественное мнение было взбудоражено; слух, что германская армия отрезана, держался так упорно, что толпа до полуночи ждала под моими окнами его подтверждения.

Солдат Фавье из 371-го пехотного полка (улица Дижон, д. № 35) пропал без вести в бою под Мюлузом в ночь с 9 на 10 августа. Как сообщает сегодня официальная телеграмма, наши войска отступили частично к югу и частично к юго-западу; враг «временно» остановлен в районе Ретеля.

2 сентября. Один из германских кавалерийских корпусов продвинулся до рубежа Суассон – Анизи-ле-Шато.

Четверг, 3 сентября. С раннего утра мы узнаем об отъезде правительства и о его воззвании[16]. Как это воспримет Лион? Новость всех ошеломила – таково было, как мне кажется, первое впечатление. Множество полученных мной писем говорит о том, что под внешним спокойствием скрывается сильное возбуждение умов; жалуются, что слишком много солдат остается в городе. Лион мрачен. Генерал Пурадье-Дютей, отстраненный от командования, возвращается из Парижа чрезвычайно огорченный тем, что генерал По оказался там тоже без должности.

19 августа в Гюнсбахе были убиты стрелок Кутюрье (улица Дуаенне, д. № 46) и стрелок Бенуа Гонтар (улица Нейре, д. № 13). Солдат Луи Перрен из 333-го пехотного полка (улица Дезире, д. № 19) скончался в госпитале французских женщин Дижона.

Собрание в ратуше по поводу расширения больничных организаций. Предполагалось вначале, что 14-й район будет служить эвакуационным каналом. С 18 августа он стал центром

распределения; поднявшаяся волна эвакуации еще не остановлена. Верхняя Савойя закрыта в качестве нейтральной зоны. Без промедления организуются многочисленные муниципальные госпитали.

Предпринимаются попытки наладить справочное бюро о раненых.

Пятница, 4 сентября. Правительство запросило мое мнение по поводу пользы конференций в Лионе; в случае надобности кто-нибудь из членов кабинета принял бы в них участие. Я. ответил отрицательно: общественное мнение желает прежде всего, чтобы правительство выполняло свои прямые функции. К нам прибывают беженцы из Парижа; в общем они очень растеряны. Визит сенатора Пьера Бодена; он сообщил мне, что решено не оборонять Париж; он видел генерала Галлиени, который твердо решил сделать все возможное; он верит в хладнокровие Жоффра. Он рассказал мне о героической смерти Пьера Гужона: дважды раненный, он продолжал идти вперед и был сражен пулей в голову.

Морель Филибер из 235-го полка (улица Мольера, д. № 67) убит под Монтрё 13 августа.

Визит председателя и директора компании «Париж – Лион – Средиземное море». Они приехали разместиться в Лионе, масса людей из их персонала прибывает из захваченных немцами районов; по их словам, немцы подвергли бомбардировке Шато-Тьерри и, возможно, Шалон-на-Марне. Управление военных заводов также переводится в Лион.

В 18 часов мне нанес визит генерал Джузеппе Гарибальди, капитан Риччиотти Гарибальди, младший лейтенант Бруно Гарибальди и профессор Карло Эмилио Бацци; они просят меня устроить им встречу с правительством; они хотят поступить в армию (впоследствии, утром 26 декабря, Бруно Гарибальди был убит в Аргоннах, в лесу Грюери; Бацци был ранен).

Суббота, 5 сентября. На сегодняшний день мы имеем уже около 17 тысяч раненых, эвакуированных в Лион; смертельных случаев мало. Скоро откроются вновь организованные муниципальные госпитали.

Согласно официальному телеграфному сообщению от 5 сентября, противник будто бы собирается пренебречь Парижем, дабы попытаться осуществить обходный маневр; он достиг Ла-Ферте-су-Жуар, обошел Реймс и продвигается вдоль Аргонн. Мобеж подвергся жестокой бомбардировке. Отмечают победу русских под Лембергом[17].

«Ле Журналь» обосновывается в Лионе; меня только что информировал об этом Эжен Лемер; он сообщил мне, что Ретель

и Компьенский лес были сожжены.

Воскресенье, 6 сентября. Согласно официальному сообщению, обходное движение врага как будто предотвращено. В Лондоне правительства Великобритании, Франции и России обязались не заключать сепаратного мира.

Понедельник, 7 сентября. Сегодня в главной квартире в Нёв-Мезон генерал Кастельно упомянул в приказе по 2-й армии лионца Вуатюре, «ефрейтора 2-го драгунского полка, который во время сражения 29 августа 1914 года проявил необыкновенную смелость в разведке. Смертельно раненный разрывом снаряда, он показал пример изумительного мужества, воскликнув: «Да здравствует Франция! Я счастлив, что умираю за нее!» Он умер с «Марсельезой» на устах.

Меня навестил г-н Жюль Камбон[18]. То, что он рассказал для печати, составляет лишь малую часть его злоключений. Его сначала направили в Австрию, куда он отказался ехать; ему стоило большого труда не допустить осмотра своего багажа. У него сложилось впечатление, что его хотели задержать так же, как его военного атташе. Женщины, ехавшие с ним, значительно меньше пострадали от грубости солдат, чем от немок из Красного Креста, проявивших неимоверную лютость. По его мнению, император несет ответственность за войну, но народ ее также желает. Германия хотела бы аннексировать все наши колонии. В Лондоне г-н Жюль Камбон видел одного министра. Англия будет бороться до конца; она просит Францию сыграть ту роль, которую сыграла Испания для Наполеона[19], и отступать, если потребуется, до Биаррица. «Русская перина ничего не боится».

Вторая беседа с Жюлем Камбоном. Утром того самого дня, когда ему вручили паспорта, с ним пришел повидаться фон Ягов и, так как толпа угрожающе ревела и свистела перед посольством, лукаво сказал ему: «Что бы сказали эти глупцы, *мой дорогой друг,* если бы увидели, как мы с вами беседуем, сидя на одном диване». Г-н Жюль Камбон был вынужден покинуть Берлин, не повидавшись с г-ном Бетман-Гольвегом[20], с которым он был дружен и которому одалживал книги, главным образом труды Жюля Леметра. Рассказ нашего посла относится к 3 августа; он продолжает настаивать, что за войну несет ответственность сам император, сильно завидовавший своему сыну и раздосадованный неудачей своей политики любезностей в отношении Франции. Он вновь говорил мне о своих злоключениях при отъезде. Сначала ему предлагали выехать в Швейцарию; он согласился. Тогда его известили, что он поедет через Австрию; он согласился на это при условии, что ему выдадут пропуск, так как его звание посла не обеспечивало ему неприкосновенности в этой стране. Ему выдают

этот документ, затем объявляют, что он должен выехать через Данию. Начинаются мелочные придирки.

Атташе были предупреждены, чтобы они больше не обедали в своих обычных ресторанах. Отель «Бристоль» отказался даже их кормить без формального разрешения правительства. Так же поступили в отношении русского посольства, с которого запросили сто марок за десять эскалопов. Специальный поезд был лишен каких-либо удобств. За восемь километров от границы пассажиров заперли по одному в их купе; шторы на окнах были спущены, и у двери поставлен солдат с револьвером в руке. Пассажирам запретили держать руки в карманах. Г-н Жюль Камбон для вида читал; когда он попытался поднять штору, ему помешали. За поезд с него потребовали 3600 франков золотом, обещая впоследствии возвратить их испанскому послу. Такую же сумму потребовали с русского дипломата; он ответил, что она будет оплачена по счету после войны. Возле границы в поезд сел некий норвежский коммерсант, на самом деле это был, несомненно, сыщик, которого французы встречали затем в отелях, где они останавливались.

В Копенгагене г-н Жюль Камбон было тайно принят королем. Дания терроризирована Германией.

Мне нанес визит мой друг Эуженио Киеза, итальянский депутат, также отправляющийся в Бордо.

Смерть солдата Мишалле Жюль-Жозефа из 340-го пехотного полка. Жена главного раввина Лиона сообщила мне, что ее муж был убит, когда помогал раненым выбираться через окно из бомбардируемого госпиталя.

Официальная телеграмма от 6-го сообщала, что левый фланг наших армий при благоприятных условиях вошел в соприкосновение с правым флангом противника на берегах Гран-Морена и что наши войска продвинулись до реки Урк. Вечерняя телеграмма от 7-го сообщала, что началось общее сражение по линии Мо, Сезанн, Витри-ле-Франсуа, простирающейся до Вердена. Уже сообщают об отходе немцев. В тот же день в 23 часа 30 минут сообщили, что союзные войска наступают и что части передовой обороны Парижа вели в районе реки Урк успешные бои.

Вторник, 8 сентября. 26 августа под Сен-Дье убит сержант Леон Монье из первого полка горной артиллерии. В районе Саля убит Феликс Трилла, экспедитор бюро труда, младший лейтенант 61-го резервного егерского батальона.

Официальная телеграмма от 8-го вечером сообщала, что на нашем левом фланге армии союзников вместе с частями передовой обороны Парижа непрерывно продвигаются вперед,

начиная от берегов Урка вплоть до района Монмирай; что враг отходит в направлении Марны, между Мо и Сезанном; что англо-французские войска захватили много пленных; что в центре нашего фронта завязались ожесточенные бои между Фер-Шампенуаз, Витри-ле-Франсуа и южной оконечностью Аргонн и что мы нигде не отступили; что атака немецкой дивизии на нашем правом фланге отбита.

Официальная телеграмма утром 9-го сентября была поистине драматична. На левом фланге в ходе отступления немцы перешли Пти-Морен и принялись яростно и бесплодно атаковать ту часть наших войск, которая находится на правом фланге от реки Урк. Англичане продолжают свое наступление в направлении Марны. На плоскогорьях к северу от Сезанна наши войска, хотя и с трудом, продвигаются вперед. В центре идут ожесточенные бои с переменным успехом. Вторая телеграмма подтверждала отступление немцев перед англичанами на нашем левом фланге и наше медленное, но общее наступление в центре. Третья, в 23 часа, уточняла, что английская армия перешла Марну и что враг отступил приблизительно на сорок километров.

Лионское население проявляло замечательную твердость, несмотря на то, что вначале его вводили в заблуждение ложными радостными известиями. Тем временем траур надевали все новые семьи; 23 и 24 августа в Сент-Мари-о-Мин пропали без вести четыре лионца: Дюран, с улицы Бюго; Фоллье, с улицы Пьер Корнель; Бушардон, с улицы Вандом; Боеро, с улицы Вьен. 28 августа был ранен в колено капитан Ятовский, из наших пожарных. Убит солдат Луи-Марк Гайар из 140-го полка.

Четверг, 10 сентября. Визит генерала Лакруа. Он выразил сожаление, правда весьма сдержанно, что пренебрегли его планом – разместить маневренную армию в районе Ретеля на случай вторжения со стороны Бельгии.

Визит г-на Эмиля Летреппа, мэра Сиссонна. Он покинул свою общину 2 сентября, бросив в лагере изрядные запасы продовольствия, которыми, очевидно, завладели немцы; он видел, как проходили французские войска: 1-й кадровый корпус, 1-й резервный корпус, 10-й корпус, 4-я кавалерийская дивизия, 1-й полк тяжелой артиллерии, – и утверждает, что моральный дух их еще превосходен; они выглядят, говорит он, как на маневрах. Он рассказал мне про англичан и про их замечательные самолеты. По его словам, Голландия пропустила через свою территорию тяжелые гаубицы немцев; это утверждение весьма серьезного характера, и его надо будет впоследствии проверить.

Отсутствие 15-часового коммюнике вызвало острую тревогу у населения. Официальная вечерняя телеграмма от 10-го сообщила,

что на нашем левом фланге англо-французские войска перешли Марну между Ла-Ферте-су-Жуар, Шарли и Шато-Тьерри. Прусская гвардия отброшена на север от Сен-Гонских болот. Ожесточенные бои продолжаются между пунктом Майи и Витри-ле-Франсуа. На берегах Орна и в Аргоннах положение без перемен. Враг несколько продвинулся по шато-саленской дороге; но мы продвинулись в лесу Шампену. Значительные потери с той и с другой стороны; моральный дух и санитарное состояние войск по-прежнему превосходны.

Пятница, 11 сентября. Моншармон, солдат из 14-го обоза, прибывший из района Нанси, излагал мне на свой лад то, что происходит на линии огня. Люди жалуются главным образом на то, что им не доставляют писем; но моральное состояние их превосходно. Солдаты знают лишь то, что происходит непосредственно перед их глазами, они жалуются на обилие шпионов, хвалят санитаров-носильщиков из духовенства и сестер милосердия, восхищаются смелостью колониальных войск и приводят в пример 54-й артиллерийский полк. Очень популярны генералы Кастельно и По. Офицеры по-братски живут со своими подчиненными. «Когда нет боев, – говорит мне Моншармон, – мы отправляемся удить рыбу».

Еще несколько лионцев пропало без вести: Лаброс Жан из 1-го горнострелкового полка, Руссель-Галль Эдмон из 235-го полка и Фор Филипп из того же полка.

В 17 часов агентство Гавас сообщило нам хорошие вести; я своими глазами видел, как они возникали, слово за словом, на телеграфной ленте. Население вздохнуло с облегчением. Победа на Марне имеет для страны такое же значение, как некогда победа при Рокруа[21]. Работать стали спокойнее, меньше тревоги. Правительство поручило сенатору Куйба изучить вопрос продовольственного снабжения и возобновления работы. Он только что объехал Запад. В Бар-сюр-Об он видел Жоффра, неизменно спокойного и уверенного. В Труа не хватает некоторых продовольственных товаров. В Шомоне все обстоит благополучно. Населению Эпиналя и Бельфора не хватает продуктов. Существует две причины свертывания экономической жизни: отсутствие транспортных средств и недостаток кредита. В Марселе военные власти запретили вывоз товаров. Восток нуждается в муке, вине, рисе, картофеле, в горючем, в растительном масле, в угле, сахаре, спичках. Мы пришли к согласию относительно той роли, которую сможет играть Лион в качестве поставщика пострадавших районов после того, как будет обеспечено его собственное снабжение.

На стройке нового госпиталя агитаторы сеяли беспорядки. Я

остановил работы, чтобы положить конец их проделкам.

11 сентября. В 14 часов официальная телеграмма сообщила о грандиозной битве на Марне, завязавшейся 6 сентября на фронте протяжением от Парижа до Вердена: правый фланг немцев под командованием фон Клука, достигший района севернее Провена, был брошен против нашего охватывающего крыла, на север от Марны и на восток от Урка; наши войска устояли и тем самым позволили продолжить наше наступление в других местах. Враг отступает к Эне и Уазе; за четыре дня он откатился на 60-75 км. Англо-французские силы вышли к северу от Шато-Тьерри. Фон Клук и фон Бюлов отходят[22]. Противник прекратил бой между Сен-Гонскими болотами и районом Сомм-су. Это еще только первая фаза сражения; но общее положение уже совершенно изменилось. Телеграмма, переданная в 23 часа, подчеркивает наш успех; в центре враг отступил по всему фронту; он удерживается только в Аргоннах.

Число убитых лионцев все возрастает: майор Моранжье; капрал Жюль Шмит; младший лейтенант Жан-Поль-Альбер Прете; солдат Феликс Гилле; капрал Жан-Марсель Долле. Беженцы всё прибывают; г-н Хелли, комиссар полиции, сказал мне, что видел, как 80 тысяч их приехало в Перраш.

Визит г-на Вейля, депутата рейхстага от Меца; он прикомандирован к генералу Мёнье для информации; его спокойный оптимизм меня радует, но он не скрывает, что у немцев под ружьем около 4 миллионов солдат, из которых 2 миллиона брошены против Франции, и что в армию вступает много добровольцев. Он подтвердил мне, что Германия была уверена, что заручилась благодаря своему послу, князю Лихновскому, английской дружбой.

12 сентября, 15 часов. Немцы начали общее отступление между Уазой и Марной. Они эвакуировали Витри-ле-Франсуа и начали отступать в Аргоннах. Они оставили Сен-Дье. Сербы заняли Землин. – 23 часа. Англо-французские войска достигли нижнего течения Эны. Мы перешли Марну и вновь заняли Люневиль. Лион с восторгом принял приказ Жоффра по армии от 6 сентября.

Воскресенье, 13 сентября. Снова похоронные извещения: Дешам Луи, капитан Саньер, Антонин Форе.

Понедельник, 14 сентября. Новости, которых так жаждет население, задерживаются. Ставка верховного командования молчит. Между тем нас уверяют, что «продвижение вперед союзных армий продолжается по всему фронту». Военный министр сообщил содержание телеграммы, полученной от генерала Жоффра: «Все более и более выявляется полнота нашей

победы. Враг повсюду отступает… Правительство республики может гордиться армией, которую оно подготовило».

Письма, которые я получаю, полны волнующих подробностей. Резервист 55-го егерского батальона Мариус Мартен, глава семьи, мать которого живет на улице Ней, д. № 36, пишет мне, желая рассказать, что сделал для него мэр Корби:

> «Я с несколькими товарищами был окружен немцами, но сумел вырваться; мы оказались в Морланкуре, деревне, занятой уланами; жители снабдили нас штатской одеждой и посоветовали идти в Корби, маленький городок с 5 тысячами жителей, где нам было бы легче спрятаться и выждать, пока путь будет свободным. Прибыв в Корби, мы оказались прямо в гуще немецких войск. Мэр, рискуя головой, спрятал нас и дал возможность жить, устроив кого дорожным сторожем, кого садовником или на другую работу у жителей; так прошло пять дней. Он поручил людям объехать на велосипедах разные дороги и наметил нам маршрут, следуя которому мы смогли достигнуть линии французских войск, а оттуда – резервных частей; и теперь мы ждем, когда сможем присоединиться к своим товарищам, которые находятся на передовых позициях».

Официальная телеграмма от 14-го в 16 часов 20 минут сообщила, что на нашем левом фланге враг покидает свои оборонительные рубежи, что он отступает за Реймс и в Аргоннах; что он отходит от Нанси до Вогезов. В 23 часа стало известно, что немцы как будто хотят оказать сопротивление на фронте вдоль Эны и дать отпор на высотах к северу от Реймса. Весь день в городе царило большое оживление; улицу Республики запрудила толпа, исполненная доверия и почти радостно настроенная. Но мы ожидаем наплыва раненых. Санитарная служба требует от меня новых госпиталей. На заседании совета на местах для публики присутствовало пять человек.

Вторник, 15 сентября. Шесть новых похоронных извещений. Немцы действительно оказывают сопротивление севернее Эны и Реймса; они просачиваются между Аргоннами и Маасом; на нашем правом фланге они отступают на Этен и Мец.

Мой друг Госсорг, из газеты «Журналь», вернувшийся из Бордо, сообщил мне, что в коммюнике генерала Жоффра имелись слова: «блистательная и полная победа». Правительство изъяло «блистательная». Точно так же Жоффр писал: «Правительство республики может гордиться *своими* армиями». Заменили: «армией, которую оно подготовило».

Толпы народа посещают выставку, чтобы осмотреть военные трофеи.

Визит г-на Рене Ламбера, бывшего первого помощника мэра Витри-ле-Франсуа, который приехал вместе с многими своими согражданами в Лион искать приюта. Ставка верховного командования находилась в Витри с 9 августа по 2 сентября, потом она переезжала последовательно в Бар-сюр-Об, в Шалон-на-Марне, в Шатильон на Сене. Она все время проявляла полную уверенность. Немцы, очевидно, вошли в Витри 5 или 6 сентября.

Я просматриваю британские сводки. Мы говорим: *немецкие зверства;* реакция чувств. Френч говорит: *немецкие глупости;* реакция разума. Русские сводки показались мне несколько расплывчатыми, несколько *«мазовецкими».*

Я организую еще 1500 коек для раненых.

Среда, 16 сентября. Список убитых все удлиняется. Сегодня семь похоронных извещений. Противник обороняется теперь на подготовленных позициях.

Мои итальянские друзья шлют мне немецкие листовки и настаивают на учреждении в Милане французского информационного бюро.

Четверг, 17 сентября. 12 похоронных извещений. Кажется, наше наступление остановлено. Немцы прикрываются тяжелой артиллерией.

Пятница, 18 сентября. Лионские газеты будут выходить, лишь пройдя предварительную цензуру военных властей. Три новых похоронных извещения. Я получаю первые письма от французских военнопленных; раненые, заключенные в Гейдельберге, просят меня пересылать родным их корреспонденцию, которая поступает ко мне вскрытой.

Лион увидел сегодня первый отряд английских солдат; группа флегматичных кавалеристов проминала своих лошадей вдоль парка. Я смог поговорить во дворе ратуши с тремя сержантами из «Intelligence Corps»; они спокойны, веселы, энергичны, малоразговорчивы; они хладнокровно рассказывают нам о зверствах немцев в Монсе и сообщают некоторые потрясающие подробности.

Положение на фронте определенно стабилизируется.

Суббота, 19 сентября. Двое убитых и 11 пропавших без вести.

Что происходит в Италии? Мне сообщили о прекрасном письме Гульельмо Ферреро, исполненном пыла и любви к Франции. Итальянские газеты разделились. «Секоло» очень симпатизирует нашему оружию и резко выступает против министра Сан-Джулиано[23]! «Коррьере делла Сера» придерживается беспристрастного тона с оттенком симпатии к

Тройственному союзу: она сообщает о взятии Мобежа, чего мы во Франции еще не признали. В телеграмме генерала Гинденбурга императору от 15 сентября объявляется, что Виленская русская армия наголову разбита и преследуется в Мазурских озерах. Гродненская армия серьезно пострадала под Луцком. Немцы будто бы вторглись в Россию, и Сувалковская губерния подчинена немецкой администрации.

Собор в Реймсе подвергся бомбардировке.

Воскресенье, 20 сентября. 6 похоронных извещений.

Понедельник, 21 сентября. 12 похоронных извещений и извещений о пропавших без вести.

Вторник, 22 сентября. 5 похоронных извещений и извещений о пленных. Приближается зима; необходимо, чтобы наши войска были в изобилии снабжены теплыми вещами. Мы создаем для них большой бельевой склад в ратуше, где собираем вещи, которые затем направляем на фронт.

И к нам сюда доходят печатные бюллетени, выпускаемые немецкой пропагандой, с печатью «Бюро съезда немецких торговых палат». В них нападают на Англию; в одном из них помещена тронная речь императора от 4 августа. «Настоящее положение, – заявил он, – не является результатом столкновения каких-либо интересов или дипломатических группировок, но является следствием недоброжелательства, питаемого в течение долгих лет к мощи и процветанию Германской империи. *Нас принудили защищаться, и мы беремся за меч с чистой совестью и незапятнанными руками».* Какой цинизм! На том же заседании 4 августа в рейхстаге имперский канцлер заявил: «Мы теперь имеем законное право обороняться, а необходимость не знает законов». Депутат от социалистов Гаазе поддержал правительство. Норвежский писатель Бьёрнстьерне Бьёрнсон поздравил «этот великий народ, счастливый своей непоколебимой верой в неоспоримость своих прав». В бюллетене от 27 августа говорится, что «наступательная сила франко-английских войск (sic!) совершенно сломлена». Этот же документ обличает «жестокость бельгийского населения».

Среда, 23 сентября. 6 похоронных извещений.

Я получил от мэра Реймса следующую телеграмму: «Весьма тронуты выражением соболезнования муниципального совета Лиона по поводу ужасного несчастья, постигшего в нашем лице цивилизацию, надеемся, что весь мир отнесется так же, как вы, к этому бедствию, которое не поколебало нашей веры в конечное торжество Родины. С дружеской и братской благодарностью».

Четверг, 24 сентября. Военный министр требует для армии теплых вещей и одеял.

Снова 6 похоронных извещений о лионцах.

Пятница, 25 сентября. 3 похоронных.

На фронте изменений мало, если не считать, что враг укрепился на высотах Мааса и продвинулся в направлении Сен-Мийеля.

Суббота, 26 сентября. Нам начинают сообщать имена погибших в сражении на Марне. Убит мой родственник Франсуа Монсеран, сержант 216-го линейного полка.

Мы оказались втянутыми в войну, которая, по всей вероятности, будет длительной. Нам надо вновь наладить обучение, попросив военные власти частично вернуть нам школьные здания, занятые по мобилизации или превращенные в госпитали. Я получаю с фронта трогательные письма. Сержант 54-го артиллерийского полка и люди его подразделения пишут мне из района Сенона, откуда, как они знают, родом моя семья. Лионские резервисты, раненные в сражении на Марне и лежащие в госпитале в Монтаржи, в своих письмах одобряют действия своих командиров; под письмом подпись: Эжен Крссе, художник-юморист. 28-го 15 похоронных извещений, 29-го – 8; четырнадцать – 30-го; шестнадцать – 1 октября; семь – 2-го; двенадцать – 3-го; пятнадцать – 4-го. Мне случается наткнуться в госпиталях на солдат, о которых мне официально сообщали, что они убиты; так получилось с артиллеристом Бужролем из Алье. Солдат Блондель с улицы Кольбера, числившийся как пропавший без вести, оказывается, лечится в Монпелье.

Отныне мне придется отказаться от переписывания день за днем слишком обширных списков убитых или пропавших без вести лионцев; имена их с благоговением сохраняются, чтобы позднее быть высеченными на памятнике, который город Лион не преминет им воздвигнуть. Мы отправляем на фронт наши первые посылки с теплыми вещами. 8 октября 14 извещений о погибших и пропавших без вести; 9 октября – 19; 10 октября – 18. Мой помощник Рего пишет мне, что в его батальоне осталось всего 5 офицеров из 25 и 3 унтер-офицера из 45; что касается рядовых, то их убито и ранено более 1250 человек. Мой бывший ученик Сетье Жозеф входил в состав взвода связистов из двенадцати человек, на который в Нантёй-ле-Одуэн неожиданно напала рота немцев; он упал, пораженный прямо в сердце. Мы узнаем о взятии Антверпена. 11 октября – 19 извещений об убитых и пропавших без вести. Только наши муниципальные госпитали предоставили в распоряжение санитарной службы 2400 коек. 12 октября – 20 извещений; 13-го – 15; 14-го – Id; 15-го – 29; 16-го – 30 извещений. Ко мне продолжают поступать мерзкие бюллетени, напечатанные «Бюро съезда немецких торговых палат». Бюллетень

от 15-го утверждает, что нейтралитет нарушили Англия и Бельгия. «В насилии над Бельгией виновна она сама». В самом деле, ложь, дополненная жестокостью, является основным пороком немцев; на протяжении всей своей истории они оставались верны себе. В своей деятельности по осуществлению декрета от 27 сентября о наложении ареста и секвестра на немецкое, австрийское и венгерское имущество мы сталкиваемся с многочисленными случаями, когда торговые фирмы скрывают свою подлинную национальную принадлежность, выдавая себя за французские общества. За два дня наша «Служба труда» зарегистрировала более семидесяти деклараций немецких фирм в Лионе. Наша пропаганда еще недостаточно хорошо организована, чтобы успешно бороться с ложью врага. Я принял Сержа Перского, переводчика Ибсена и Горького; он намеревается посвятить себя этому делу.

В Лион приезжает депутат Альбер Тома, чтобы контролировать производство снарядов, организованное лейтенантом Лушером в обширных помещениях, предназначенных нами для боен. Я был поражен умом и решительным характером этого молодого артиллерийского офицера, которому помогает младший лейтенант Фадей Натансон. Он потребовал у меня помещений для производства очень важных боеприпасов. Я предоставил ему выбирать самому. Без колебаний он попросил у меня большое крытое помещение, сооруженное по проекту Тони Гарнье для торговли скотом; он завладевает также пристройками, собирается выселить нашу выставку, заказывает в Соединенных Штатах машины. Вся эта масса недавно законченных зданий скоро станет огромным военным арсеналом. Скоро Лион сможет внести значительный вклад в дело военного оснащения страны. Немецкий бюллетень № 6 объявил, что «на обоих театрах войны – как на западе, так и на востоке – скоро пробьет решающий час» и «что можно рассчитывать в ближайшем будущем на крушение французской обороны в районе Вердена». Ну что ж, увидим.

На 27 октября 1914 года убито 400 лионцев и 150 пропало без вести. Я работаю в полном и неизменном согласии с генералом Гуагу, комендантом города и главой обороны. Это военный с очень широким кругозором; он помог мне наладить выпечку хлеба, поставленную под угрозу мобилизацией многих пекарей. Хотя Лион представляет собой укрепленный лагерь, Гуагу помог мне превратить его в центр по приему несчастных бельгийцев, жестоко пострадавших из-за своего героизма. Для них основана организация защиты и помощи. Сколько бедствий! Мои приемы в ратуше – это вереница несчастных, вдов в трауре,

безработных. При виде стольких несчастий и после рассказов о них воображение разыгрывается и клевета не знает удержу; меня она тоже не обошла; оказывается, я принимал кронпринца! Как будто недостаточно одной правды – беженцы, раненые и отпускники рассказывают страшные вещи. Я приветствую лейтенанта Грайя из 238-го пехотного полка, встретив его в госпитале «Оратуар». 13 сентября, в сражении под Вик-сюр-Эн, пуля прошла через виски, повредив ему сетчатку обоих глаз и лишив его почти полностью зрения; и тем не менее, когда он лежал на поле боя, два немца учинили над ним расправу – они в упор выстрелили ему два раза в голову; следы ясно видны и сейчас; лишь чистая случайность спасла его от смерти.

У г-на Жюля Камбона, посетившего Лион проездом из Италии, где он был с поручением, сложилось впечатление, что наш сосед останется нейтральным. Народ на нашей стороне; высшие же классы, включая и интеллигенцию, как будто симпатизируют Германии. В США в «Нью-Йорк таймс» от 2 октября было опубликовано обращение почетного президента Гарвардского университета Чарльза В. Элиота. Американцы, говорится в нем, не одобряя методов и средств Бисмарка, приветствовали успех его дела национального объединения; они безоговорочно восхищались быстрым подъемом промышленности и торговли Германии; они благодарны ей за тот замечательный вклад, который она внесла за последнее столетие в область науки, литературы и народного образования; американцы признают, что немецкая администрация – лучшая в мире; по их мнению, достигнутые результаты должны вызывать уважение и восхищение, за исключением тех случаев, когда они были достигнуты ценой ограничения и недопустимого угнетения личной свободы. Однако вся сила общественного мнения Америки в настоящей войне на стороне союзников. Оно решительно и безоговорочно выступает против известной практики немецкого правительства, являющейся завершением прусских теорий, восторжествовавших в Германии в течение последнего столетия. Американский народ не может допустить, чтобы важные решения, от которых зависит внешняя политика нации, были бы навязаны ему постоянной исполнительной властью, будь то царь, кайзер или король, по тайному совету профессиональных дипломатов. Он не может допустить, чтобы право объявлять мобилизацию или войну, без предварительного согласования и эффективного сотрудничества с народным собранием, было сосредоточено в руках главы государства, кем бы он ни был. Любой договор должен подвергнуться публичному обсуждению и быть ратифицированным. Мощь армии не может

быть основой истинного величия нации. Американцы не могут допустить расширения территории с помощью силы; они протестуют против нарушения международных договоров, ибо убеждены, что прогресс цивилизации будет зависеть в будущем от всеобщего уважения святости договоров; они требуют учреждения верховного суда международного права, эффективно поддерживаемого интернациональными силами; они порицают нарушение бельгийского нейтралитета, осуждают бомбардировку открытых городов, разрушение памятников искусства, вымогательство выкупов, захват заложников. В конце концов борьба закончится поражением Германии и Австро-Венгрии. Сила не создает права. Это обращение Чарльза В. Элиота, одного из самых почитаемых граждан Соединенных Штатов, было датировано 28 сентября 1914 года. Мне кажется, что оно будет иметь важные последствия для будущего. В письме, опубликованном в «Энформасьон» 1 ноября, я прошу нашего министра иностранных дел бороться с немецкой пропагандой, с их статьями о «культуртрегерстве», где подпись Эрнста Геккеля, профессора зоологии, стоит рядом с подписью г-на Зигфрида Вагнера, байрёйтского торговца нотами. Двадцать два немецких университета разослали заграничным университетам обращение, где утверждается, что германская армия не является ордой варваров. Недостаточно противопоставить этой кампании голую брань, Председатель торговой палаты Парижа известил меня, что он разделяет мое мнение. Профессор Эмиль Дюркгейм заявил, что он подписывается под этим проектом, равно как и г-н Лависс; он сам готовит листовку о причинах войны в ответ на немецкую листовку; ему помогает профессор Дени, который, как никто другой, знает историю Восточной Европы. «Бюллетень Французского Союза» выражает ту же озабоченность. Сообщения, полученные мною из Италии, укрепили меня в моем мнении, Само собой разумеется, не следует злоупотреблять рассказами о зверствах. Но вот, после тех замечаний, которые я мог сделать, свидетельство доктора Луи Дора; он лечит раненого, Огюста Ростэна из 159-го полка, которому пуля выбила левый глаз и который лежал на поле боя; какой-то немец, вернувшийся, чтоб прикончить раненых, пронзил ему штыком ягодицу до седалищного нерва, врач видел рану. А в письмах, которые немцам удается передать французам, звучит все та же тема, о которой нам так часто приходится слышать: обе нации должны были бы объединиться против Англии. «Но где, – пишет 21 октября с севера Франции крупный промышленник из Крефельда, – те дипломаты, которые успешно осуществят этот план? До настоящего момента я думал, что у нас самые глупые

дипломаты в мире, но с начала войны, в которой семь государств, по-видимому, решили, что смогут победить два государства, я считаю дипломатов этих семи государств такими же глупыми…» Затем утверждается, что армия ведет себя вполне корректно: «Не пострадал ни один дом, ничье имущество; еще меньше причиняли мы зла живым людям».

Подобные утверждения опровергаются множеством свидетельств. Один из наших служащих, Марандон, пишет 4 ноября: «…Немцы ничего не щадят, когда вынуждены оставлять позиции; они разрушают или сжигают все фермы, все деревни; ломают или совсем сносят колокольни. Для жителей, которые к тому же остаются бездомными, это означает разорение и нищету…» Мой помощник, лейтенант Рего из 11-го батальона альпийских стрелков, тоже сообщает 27 октября из приюта «Имени командира Верле-Аню» о бессмысленных разрушениях, грабежах и поджогах. Он приводит факты, очевидцем которых был сам. Один крестьянин, которого заставили показывать немцам дорогу во время ночной атаки, ускользнул от них и достиг наших аванпостов; на следующее утро немцы расстреляли его жену, имевшую восемь детей, одного из которых она кормила грудью. На северном склоне ущелья Кюш Рего вошел в одну лачугу: женщина, сидя на чурбаке, плакала, ее старшую дочь сначала изнасиловали, а затем убили; на следующий день дом был сожжен. В деревне Визембах немецкий майор не разрешил оказать помощь раненым французам; жены немецких офицеров оказались еще более алчными в грабеже, чем их мужья. Рего (я знаю, что он неспособен лгать) утверждает, что французские солдаты никогда не обращаются дурно с ранеными и пленными.

Вместе с морским министром г-ном Оганьером я посетил госпитали. В женском педагогическом институте находится преподаватель Гренуйа, капрал 367-го полка. Он был ранен и вместе с пятью своими солдатами попал в плен 21 сентября в Пювенельском лесу в департаменте Мёрт и Мозель. Одного из солдат, уже взятого в плен, уложили на месте ударами прикладов. Четырех других отвели на 400 метров от линии фронта, где их перестрелял из револьвера офицер 111-го баварского полка.

Впрочем, мало-помалу организуется наша информационная служба. Мой товарищ Хагенен, вчера еще преподаватель французского языка в Берлинском университете, работает в ней в Бордо вместе с Фурнолем, бывшим депутатом, Понсо, главой пресс-бюро, и Робером де Ке. Г-н Леви Брюль и г-н Ребельо занимаются интеллигенцией; Клодель, наш выдающийся писатель, хотел бы, чтобы увеличили количество листовок.

Меня посетил г-н Марсэн, полковник крепостной артиллерии в Льеже, который прибыл в Лион, чтобы руководить в Форт-Ламот бельгийским призывным пунктом; по его словам, только перед одним укреплением погибло будто бы 20 тысяч немцев. Он информировал меня о 420-мм орудии и 280-мм гаубицах. «У немцев, – говорит он, – две религии: император и палка».

Мой коллега Жюльен Рэ сообщил мне о своих впечатлениях о Гавре, где он видел бельгийских официальных лиц, которые держались спокойно и уверенно. Он описал мне панику в Руане в конце августа, когда к городу подошли немцы. Бельгийские министры разместились в здании, на фронтоне которого надпись: «Учреждено Дюфе». Англичане создали в Монтивилье, под Гавром, превосходно организованный, особенно с санитарной точки зрения, лагерь. Около берега много госпитальных судов.

Г-н Антуан, преподаватель лицея и муниципальный советник в г. Нанси, прибыл в Лион, чтобы достать зерна и сахара. В его городе спокойно; но сколько бедствий вокруг! В Жербевилле одному старику угрожали расстрелом; его юная дочь бросилась к нему, умоляя немцев пощадить его; они схватили ее, изнасиловали на глазах отца, а затем бросили в огонь; после этого они расстреляли старика.

Префект Мирман вел себя очень достойно; его едва не убили в Номени.

Г-н Фужера, директор нашего городского водопровода, вернулся из Бетюна; он видел крестьян, работавших под артиллерийским обстрелом; опасаются только бомб с самолетов, которые угрожают вокзалу. Весь район занимают англичане. Но больше всего волнуют несчастья эмигрантов, беженцев из Антверпена и прочих мест.

Мадемуазель Жермен и мадемуазель Мария-Луиза Руссель, уроженки Лиона, преподавательницы французского языка, покинули Белград 8 августа, в самый разгар бомбардировки; они потеряли все свое имущество. Сколько страдания! Сколько женщин без всякого положения, без работы и средств к существованию! Мадемуазель Генриетту Буасуди, племянницу адмирала, преподавательницу, арестовали 1 августа в Германии и интернировали во Франкфурте; ее продержали четыре дня в карцере; она уверяет, что с нею очень плохо обращались, обвиняли в шпионаже, держали на хлебе и воде.

Визит г-на Огюста Брюне, губернатора Новой Каледонии, который едет на фронт в качестве переводчика с индийской кавалерийской дивизией, только что прибывшей в Марсель. Назначенный генеральным комиссаром республики на Тихом океане, г-н Брюне уже теперь озабочен окончательным

урегулированием. Австралийский флот захватил германские колонии: Самоа, Новую Гвинею, Марианские острова, Каролинские острова. Австралия скоро пошлет на континент тридцать тысяч волонтеров; она предоставила пять превосходных кораблей; война там очень популярна; в Австралии ненавидят немцев.

Мне принесли путевой дневник немецкого резервиста Лаутеншлегера из 66-го пехотного полка. Он прошел всю Бельгию и вступил на территорию Франции. Он записывает свои впечатления. «В одной деревне мы обшарили несколько домов. Ничего не нашли, кроме белья, масла, сахара, варенья и вина. Кажется, что здесь не имеют понятия о колбасе и ветчине. С одной только фермы мы унесли около сотни бутылок вина».

Г-н барон Дюррьё находился в Реймсе с 12 по 19 сентября по поручению Общества помощи раненым. Каждый день город подвергался бомбардировке. В госпитале Лаонского предместья, находившегося под защитой флага Красного Креста, немцы убили двух санитарок (мадам Фонтен-Фодье и мадемуазель Госс Жермен, 20 лет) и подростка шестнадцати лет, Леона Бобанриета, помогавшего раненому. Г-н Дюррьё приводит мне слова солдата, который видел, как возле паперти упал снаряд 28-см пушки: «В самом деле, у них снаряды начинены не г…»

Французская лига прав человека и гражданина напечатала за подписью своего президента, Фердинанда Бюиссона, замечательное обращение, взывающее к патриотическим чувствам. «В сущности, то, что разразилось сегодня, – это смертельный поединок двух религий: религии Силы и религии Права. Это освободительный крестовый поход демократии…»

Германия и во время войны не забывает о торговле. Берлинская электрическая компания «Санита» с Фридрихштрассе, 131, пишет женевской фирме «Феликс Бадель»:

> «Наша модель раздвижного костыля – модель военная и представляет предмет первой необходимости, и мы Позволим себе рекомендовать его вам как предмет для ежедневного пользования. Мы хотим поэтому привлечь все ваше внимание к вопросу экспорта этих костылей за границу; у вас, без сомнения, имеется возможность вести дела с Францией и Россией и сбывать туда наши раздвижные костыли, которые скоро станут очень выгодным товаром».

Списки убитых лионцев все увеличиваются. 11 ноября – 22 извещения об убитых и пропавших без вести. Убит мой бывший ученик Шарле, преподаватель в Пюи. 14 ноября – еще 30 имен.

19-го – 24 имени.

Снабжение города доставляет мне теперь много забот. Не хватает угля; многочисленные предприятия, прежде снабжавшиеся из-за границы, вынуждены теперь обращаться в департамент Луары. Мелкий уголь (штыб) продается еще по обычной цене 4 франка 75 сантимов за 100 кг; но подвоз по рекам с севера и из Германии прекратился, а он составлял ежегодно около 500 тысяч тонн – приблизительно 200 судов по 250 тонн каждое, – не считая угля из Бланзи[24], доставка которого также прекратилась. Лиону нужно около 20 тысяч тонн угля в месяц для отопления домов. Департамент Луары может дать нам 10 тысяч тонн ежемесячно; следовательно, нам придется покупать английский уголь. Бензола не хватает; мы его заказываем в Америке. Технического спирта больше почти нет; зерна не хватает. Цены торговой палаты Марселя слишком высокие. Мука обходится 54 франка за 125 кг, если считать, что цена зерна составляет 29 франков 50 сантимов. Установлена цена хлеба в 45 сантимов. Растет число мобилизованных пекарей.

Вот и первый снег. Я делаю все что могу для несчастных беженцев из Реймса, которых так много в нашем городе. Организую первую школу переобучения для раненых.

Визит Далимье, товарища министра изящных искусств, которого сопровождает Робер де Флер. Он приехал просить моего содействия в организации выставки в Сан-Франциско – президент Вильсон выразил пожелание, чтобы Франция была на ней представлена; там будет показано то состояние, в котором находятся сейчас Реймс, Аррас и Суассон. По его словам, Франция к сегодняшнему дню потеряла 150 тысяч убитыми и 500 тысяч человек, выбывших из строя; наш наличный состав, включая тыловые службы, насчитывает будто бы 2500 тысяч человек. Он подозревал, что г-н Титтони, итальянский посол, ненавидит нашу страну. Он долго рассказывал мне о Жоффре; перед мобилизацией он пришел в совет министров изложить свой план с таким видом, как будто речь шла о плане поездки. Президент республики и г-н Мильеран приехали в ставку повидаться с ним: «Извините меня, – сказал он им, – я сейчас занят». А вот солдатские словечки. Дорожный патруль заявил Флеру: «Пока у вас зеленая карточка, вы не проедете». Офицер резерва, увидев Далимье в автомобиле, которым управлял Флер, приветствовал его: «Вы, несомненно, г-н Кайаве»[25]. Какой-то старый солдат рассуждает: «Как жаль, что у нас не было семидесятипятимиллиметровок в семидесятом году! Они на пять лет запоздали». В час завтрака какой-то гаврош следит глазами за «Таубе»[26]: «Швыряй-ка свою бомбу, чтоб мы могли пойти

закусить».

Далимье рассказал мне также о спешном отъезде в Бордо министров, которых предупредили в 7 часов, а в 11 часов они должны были уже выехать с Отейского вокзала. Он увез с собой в маленькой сумке королевские брильянты. Один из хранителей Лувра забеспокоился, увидев, как снимают картины: «Если придут немцы и увидят пустые стены, они расстреляют меня!» – «Вы правы, но вас я могу заменить, а картины Рембрандта нет». Фадей Натансон, бывший директор «Ревю Бланш», ныне лейтенант артиллерии, привел мне слова, на этот раз трогательные. Солдат получил наконец письмо от своей семьи. «Читай вслух, – говорит ему товарищ, – всем будет хорошо послушать». В Лилле один инженер, родом из Лиможа, увидал, как на его завод зашел немецкий офицер. «Вы говорите по-французски?» – спрашивает он его со своим провинциальным акцентом. – «Лучше вас, сударь», – отвечает непрошеный гость.

В субботу, 28 ноября, завтрак с военным министром, находящимся в Лионе проездом. Он возвращается из Танна, где испытал сильнейшее в жизни волнение, наблюдая, как солдаты территориальных войск обучали маленьких детей эльзасцев: это дополнение к рассказу Доде. Он сообщил мне, что в настоящее время у нас на фронте приблизительно 1500 тысяч человек. У англичан – 150 тысяч. Китченер[27] обещал к маю 700 тысяч. «Наши союзники великолепно ведут себя на фронте, но тянут с отправкой на фронт и отдыхают, когда им заблагорассудится; отсюда некоторые трения». Министр горячо одобрил мою идею создать школу для переобучения раненых.

Начала налаживаться пропаганда. После моих статей я стал получать множество советов. Из Швейцарии и Швеции мне присылают ценнейшие сведения. Французский институт во Флоренции проводит свою работу в кругах интеллигенции и открыл филиал в Милане; франко-итальянская лига предоставила себя в наше распоряжение. В Испании положение сложнее: вице-консул этой страны в Марселе, прибывший сюда с поручением, рассказал мне о состоянии общественного мнения. 1) Карлисты, ненавидя наши идеалы, относятся к Фанции враждебно, хотя дон Хаиме служит в русской армии; 2) партия Маура, представленная «ABC»[28], является германофильской; 3) либеральная партия графа Романонеса на стороне Франции (газеты «Геральдо», «Эмпарсиаль», «Корреспонданс д'Эспань»); 4) республиканцы, естественно, симпатизируют нам.

Наши муниципальные организации военного времени: столовые общественного питания, женские трудовые мастерские, бюро по найму – работают нормально. Наши три бесплатных

ресторана для кормящих матерей посещает сейчас втрое больше народу. На фронте некоторое затишье, солдаты много пишут; мы посылаем им все, что они просят, даже осветительные ракеты.

Мне довелось прочесть и сохранить драгоценное письмо из Парижа от 26 ноября 1914 года от нашего бывшего губернатора, генерала Галлиени, майору Капрону, помощнику военного интенданта в Ницце. Оно содержит ценнейшие сведения о центральном событии всего первого периода войны – о победе на Марне. Письмо стоит того, чтобы его привести здесь:

> «Дорогой господин Капрон, очень рад получить от вас хорошие известия. Я спрашивал себя, где вы были. Что до меня, то я обосновался здесь. Надеюсь, что мы встретимся… в Германии.
>
> Как вы, вероятно, знаете, я принял военное командование Парижем при тяжелых обстоятельствах, поскольку немцы находились всего в нескольких километрах от наших аванпостов. Кроме того, правительство оставило меня один на один с населением, обманутым ложными сообщениями, в то время как нашей армии грозило окружение и она вот-вот могла быть отрезана. К счастью, в это время в мое распоряжение поступила армия Монури, правда, она была в довольно скверном состоянии после девятидневного отступления с боями и потери значительной части наличного состава и снаряжения. Я направил ее на наш северный фронт и за два дня восстановил ее боеспособность с помощью офицеров, солдат, снаряжения и боеприпасов, которыми мы располагали. Покончив с этим, я, чтобы отразить опасность, угрожавшую нашей армии, все еще продолжавшей отступать, направил ее на Урк, против правого фланга немцев, а сам поехал в Мелён торговаться с англичанами, чтобы побудить их прекратить отход и перейти в наступление. Враг, не ожидавший этого наступления с фланга, начал было проявлять признаки некоторого недоумения, затем решился послать против нас один за другим пять своих корпусов со всей их тяжелой артиллерией. В то же время, использовав быстроходные транспортные средства, которыми меня снабдил Париж, – автобусы, такси и грузовики, – я отправил на север, к Виллер-Котре, на коммуникации немцев, прибывшие ко мне с юга

подкрепления: одну алжирскую дивизию и одну дивизию 4-го корпуса. Короче говоря, враг, которому в свою очередь угрожали с фланга и с тыла, вынужден был дать нам сражение на Марне, где мы, как и он, понесли большие потери, но в конце концов он освободил левый фланг нашей армии и откатился до Эны. Я считаю поэтому, что моя парижская армия существенно помогла спасти не только Париж, но и всю страну. Я хотел бы теперь принять какое-нибудь командование на фронте, но, оказывается, парижане уверовали в меня. Несмотря на переживаемые времена, они ведут себя паиньками и хотят сохранить меня еще на некоторое время… Галлиени».

Я храню этот документ как реликвию. В нем я узнаю того замечательного человека, которого я знал в Лионе; с широким кругозором и здравым умом: сама добродетель в лице воина.

II. Действовать! (30 ноября 1914 года – март 1917 года)

«Бюллетень французов, проживающих за границей», выходящий теперь регулярно, подводит итог событиям последних недель. Огромные усилия немцев, сначала для того, чтобы обойти наш левый фланг, а затем – чтобы прорвать его, не имели успеха. Германия признается в своих замыслах. Максимилиан Гарден пишет в «Цукунфт»: «Мы не перед судом Европы; мы не признаем подобной юрисдикции; *наша сила создаст новый закон в Европе».* Франции все еще противостоят пятьдесят армейских корпусов. Чтобы выжить – надо организовываться. Накануне зимы судьба наших пленных заботит нас так же, как и судьба наших солдат. Следует создать организацию, которая помогала бы им, посылала бы им теплую одежду и продукты. Мы уже знаем о существовании двух десятков складов; мы создаем постоянный орган для отправки посылок и должны также (об этом нас просит министр внутренних дел) помогать французским и бельгийским семьям, лишившимся своих очагов. Я принимаю г-на Блюменталя, бывшего мэра Кольмара. Наш дорогой профессор Анрижан прислал нам из Льежа замечательное письмо; он лечит французских раненых; он отказался снять свою ленточку Почетного легиона. Я наблюдаю вокруг себя следующую закономерность: люди, у которых настоящее горе, держатся превосходно, те же, у кого мелкие неприятности, – несносны. Масса анонимных писем.

Г-н Луи Пуле, служащий мэрии Лилля, рассказывает мне, что этот город занимали несколько раз. Сначала, 1 сентября, около одиннадцати часов во двор мэрии въехал на автомобиле офицер Ван Оппельс солдатом, объявив, что на следующий день подойдут 60 тысяч солдат. 2-го – никого; оба немца уехали. В среду, 3 сентября, в 10 часов 45 минут подъехали два автомобиля, в каждом сидело по шесть человек. Лейтенант Ван Оппель расположился во дворе мэрии и занял выходы. Между 12-ю и 13-ю часами прибыло еще полсотни солдат. Лейтенант сделал замечание мэру, что невежливо стоять, заложив руки за спину. 3 сентября служащие вынуждены были уйти; мэр остался. Немцы ушли 5 сентября и вернулись 10 октября.

Вице-президент администрации гражданских приютов написал мне 30 ноября из Реймса, что обстрел города обязывает его отправить детей в безопасное место; он спрашивает, могу ли я принять всех 400 воспитанников или часть их. Я тотчас же

телеграфировал о своем согласии. Для эльзасцев и лотарингцев устроено постоянное представительство.

Г-н Жозеф Дени, преподаватель немецкого языка в лицее, встретил 26 июля в Инсбруке немецкого полковника, которого тогда призвали и который сказал ему: «Нейтралитет чего-то стоит лишь в мирное время».

Список убитых все удлиняется. Несколько счастливых ошибок: солдат Фенилль, числившийся убитым 25 августа, оказался у себя дома, на улице Вобан; солдат Жильбер, о котором мы получили похоронное извещение, оказался в своей резервной части. Организуется школа раненых; 16 декабря должны прибыть первые двадцать ампутированных.

Визит лионца Франсуа Ривье, прибывшего из Папеэте, где он находился во время бомбардировки 22 сентября, продолжавшейся с 6 часов 30 минут до 11 часов. Два корабля, «Гнейзенау» и «Шарнгорст», сделали 155 выстрелов: 102 – по форту и 53 – по «Зели». Китайский квартал был пощажен. Двое мужчин было убито. Форт, который защищали тридцать человек из судовых команд, ответил двумя выстрелами из пушек. Ривье, санитарный агент, сопровождал доктора Башимона в качестве санитара-добровольца. Мэр выдал ему такое свидетельство: «Под вражеским огнем направился на батарею и оставался там в течение всего боя, до ухода вражеских кораблей».

Возобновились заседания парламента. 22 декабря состоялось волнующее заседание сената. Все собрание встает, чтобы выслушать надгробное слово сенатору Реймонду. Мой коллега Фике, мэр Амьена, рядом с которым я сижу, очень спокоен, несмотря на все перенесенные им испытания: немцы были с ним вежливы, но очень надменны. Я сговариваюсь с Морисом Барресом относительно организации школ для раненых, которыми занимаются в Нанси доктор Гастон Мишель, профессор медицинского факультета, и банкир Жан Бюффе.

В день рождества к нам прибывают из Реймса эвакуированные дети, 243 человека.

Существуют пацифисты вроде добряка Шарля Жида, которые не желают слушать рассказов о зверствах немцев. Другие их отрицают. Я получил среди прочих свидетельств письмо от г-на Огюста Ватра, землевладельца из Лонжо (Верхняя Марна); у него призваны пять сыновей, самого младшего, раненного в бедро, прикончили ударом штыка. Он пишет мне: «Я трое суток ночевал в деревне Сен-Реми, расположенной в глубине Шипотского ущелья, у г-на Констана Ферри. Мадам Ферри видела своими глазами, как на улице, напротив ее дома, пруссаки добивали раненых ударами прикладов и штыков». Со своей стороны г-н

Марсель Шофф, мэр Пфастата в Эльзасе, передал мне памятную записку о жестокостях, установленных им лично.

Наша организация по отправке посылок военнопленным начинает действовать. Военное министерство требует еще тысячу коек в Лионе сверх тех 15 тысяч, которые уже имеются, считая и места в военных госпиталях. В конце декабря к нам прибыло много больных и раненых.

Опасаются налетов дирижаблей на Лион. Военные власти предписывают мне принять некоторые меры.

Я не без труда составил городской бюджет на 1915 год. Доходы значительно уменьшились. Но наши столовые, наши рестораны для кормящих матерей, наши молочные пункты, наши госпитали, наши трудовые женские мастерские, наши посылки с бельем солдатам приносят большую пользу. Мы создали 28 муниципальных госпиталей и каждый день даем работу более чем 8 тысячам женщин. Мадам Жоссеран, человек с большим сердцем, воодушевляет наши женские организации, внося в это дело столько же порядка, сколько и рвения. Моя жена отдает этому делу всю себя.

* * *

В начале января 1915 года в общественном настроении Лиона наблюдается какой-то спад. Кажется, на солдат территориальной армии, которых держат в окопах, большое влияние оказывают те дни, которые они проводят в кругу семьи. Несколько офицеров, приехавших с фронта, уверяют, что наша линия обороны неприступна, но и немецкую было бы очень трудно прорвать. Председатель совета министров Вивиани сделал в парламенте важное заявление. Он напомнил о существенном факте. Когда по инициативе английского правительства всем заинтересованным государствам было предложено прекратить свои военные приготовления и начать переговоры в Лондоне, 31 июля 1914 года, то Франция и Россия поддержали этот проект. Мир мог бы быть спасен даже в этот решающий час, если бы Германия пошла навстречу этому предложению. Впрочем, она не замедлила с ответом и 1 августа объявила войну России. В конце декабря парламент единогласно проголосовал за утверждение испрашиваемых правительством кредитов. Но уже началась полемика. Г-н Ж. Клемансо направил нам свою статью «Синдикат бездарностей», предназначенную для «Л'ом аншене» («Скованного человека») от 4 января 1915 года и не пропущенную цензурой. «Я требую, – писал он, – от военных комиссий палаты депутатов и

сената, чтобы они немедленно взяли в свои руки дело наших солдат, ставших жертвой бездарности…» Американская нота от 29 декабря 1914 года вызвала некоторое волнение. Президент Вильсон брал под защиту ущемленную и расстроенную американскую торговлю; он не оспаривал права осмотра судов, но заявлял, что воюющие стороны не должны вмешиваться, если нет налицо установленной ими презумпции вины. Правда, во второй ноте президент напоминал американским судовладельцам, что, если они хотят пользоваться защитой, они должны проявлять абсолютную лояльность и не скрывать военную контрабанду.

Я восхищаюсь безукоризненной честностью англичан в торговле. Из Лондона приехали страховые агенты, чтобы урегулировать со мной дело о выставке. За несколько часов они просмотрели все документы. Благодаря им Лион не пострадает от финансовых последствий тех событий, которые разбили наши начинания. При подсчете они даже ошиблись в ущерб себе на 25 тысяч франков; они не приняли в расчет валютного курса. Я известил их об этом по телеграфу уже после их отъезда. В ответ они сообщили, что передают эту сумму на наши организации помощи.

Неожиданно я узнал о том, что около Парижа умерла моя любимая сестра Мари, друг моего детства и юности.

Сколько она выстрадала! После смерти нашего отца именно ей пришлось взять на себя, при бедственном положении нашей семьи, воспитание наших младших брата и сестры и притом продолжать свое образование. Насколько у нее больше заслуг, чем у меня! Наша мать с трудом продолжает вести хозяйство на своей ферме в равнине Шелифф. Она жила в Оране в такой нужде, иногда совсем без денег, что ей как-то пришлось свести детей в виноградник после сбора урожая, чтобы поискать необобранные гроздья! Она вышла замуж за доброго малого, служившего в войсках алжирских зуавов, и потеряла первого ребенка, умершего потому, что у нее не было молока. И никогда ни одной жалобы, ни одного горького слова, ничто не омрачало ее ясного ума. Имею ли я право, когда люди так страдают, сказать, что у меня разрывается сердце? Моя бедная сестра! Тебя убили переживания окружавшей тебя войны; ее нашли мертвой в постели, хотя ничего не предвещало ее близкого конца. Траур повсюду. Я представляю себя на месте маленьких детишек из Реймса, которые более ста дней жили под обстрелом, среди огня, трупов, умирающих, раненых. Многие из них сироты. В их городе бомбардировки не прекращаются. Каждый день отправляем на фронт теплые вещи. Не надо обольщаться относительно той веселости, которой солдаты поддерживают свою храбрость. Один

из них, капитан Жарико, пишет мне, что проволочные заграждения напоминают ему про теннис. Это война на измор. Сводки сообщают лишь об отдельных мелких операциях: в Аргоннах, «пожирателе людей», в снегах Арраса, на плато Лорет. Следует признать, что настроение населения мрачное. Распространяются гнусные доносы.

Наши муниципальные организации помощи очень расширились; семьи, кажется, оценили нашу организацию помощи военнопленным, которая уже в состоянии дать много справок и отправляет в лагери много посылок. Устраивается профессиональная школа для раненых.

29 января 1915 года – визит г-на Поля Гиманса, бельгийского министра. Он рассказал мне про ужасную ночь, с 2 на 3 августа, которую провел бельгийский совет министров в Брюсселе после получения немецкого ультиматума. Гиманс участвовал в составлении ответа. Он очень хвалил мне короля, который ни на минуту не утратил хладнокровия. Он описал мне его: застенчивый, физически немного неуклюжий, но сильный, с массивными руками, неразговорчив, но всегда выражается очень точно, чрезвычайно образован, силен, главным образом благодаря г-ну Ваксвейлеру, в экономических и социологических вопросах и, пользуясь выражением Поля Бурже, человек «героической честности». Г-н де Броквиль сыграл очень полезную роль; этот человек, чья рыцарская учтивость во время парламентских прений несколько раздражала, приобрел теперь героический ореол, поскольку его утонченные манеры выдержали испытание в самых тяжелых обстоятельствах. Бельгийская армия сейчас восстанавливается. Союзники сражаются на Изере в дюнах.

Судя по полученному мною списку, много лионцев, солдат 159-го пехотного полка, убито при Ауспахе 25 декабря.

Рене Базен описывает 7 февраля в «Эко де Пари» Лион военного времени, оживленный, как всегда, но в толпе преобладают солдаты всех родов оружия, здоровые и калеки. Много костылей; много рук на перевязи. «Но боевой дух не иссяк… Лион выглядит как укрепленный лагерь!»

Война продолжается в своем трагическом однообразии: каждый день сводка, впрочем довольно бессодержательная, и жуткий список убитых. Беженцы и беглецы рассказывают в ратуше об ужасах, свидетелями которых они были или которые они пережили. Они говорят бесстрастно, скорбно. Г-н Франсуа Лакруа, из Шарлеруа, с улицы Эгалите, д. № 76, был арестован немецким патрулем около Гента и увезен с эшелоном французских военнопленных. В поезде несчастных почти трое суток не кормили; лишь в Лакене, под Брюсселем, они получили

немного пищи благодаря заботам Красного Креста. Когда они прибыли в Гёттинген, их встретила на вокзале двухтысячная толпа женщин и детей, угрожавших отрубить им всем головы; в лагере их поместили в полотняных палатках, на гнилой соломе. В полдень они получали суп, приготовленный из кормовой свеклы, или горячую воду, в которой была разведена картофельная мука; вечером на ужин – желудевый кофе. В самые сильные холода им выдавали на барак, на 120 человек, четыре кило угля в день. 1 декабря возле кухни застали нескольких английских солдат, поедавших картофельные очистки; двоих из них застрелили в упор. Русские солдаты умирают от холеры. «Я видел, – заявляет г-н Лакруа, – как некоторых из них хоронили, когда они еще дышали».

Пленные меняли на хлеб свои золотые обручальные кольца и шинели.

6 марта меня посетили шесть американских летчиков, приехавших служить Франции, – г-да Кертис, Коуден, Хоол, Бэч, Соу, Принс. В их эскадрилье добровольцев всего шестьдесят человек.

Г-н Ж. Кайо, депутат Сарты, бывший премьер-министр, подвергся нападкам определенной части прессы, несмотря на «Священное единение»[29]. Его обвиняют в том, что «он участвовал в дипломатических интригах, имевших целью заставить Францию заключить постыдный мир или побудить ее покинуть союзников и поступиться, таким образом, своею честью, которая как для личности, так и для целого народа дороже жизни!» Утверждают также, будто он задержал приказ о мобилизации на сорок восемь часов и при голосовании был против предоставления необходимых военных кредитов. Ему ставят в упрек и договор от 4 ноября 1911 года[30], который, однако, означал для Германии дипломатическое поражение. Реакция никогда не складывает оружия; она использует все, даже страдания родины. Г-н Кайо ответил на все это в печати «Письмом к избирателям округа Мамер» от 14 марта 1915 года. Он мужественно и здраво утверждал, что дело Франции – это дело всех демократий и что ее победа будет их победой.

Цены на продовольственные товары поднялись по всей стране. Это неизбежно в силу увеличения потребления на фронте, роста числа потребителей, а также ошибок реквизиционных комиссий, которые платят слишком дорого. Мне необходимо позаботиться о снабжении Лиона мясом. В нормальное время потребление составляло 160 г в день на горожанина, то есть 57 кг в год, а на крестьянина 90 г в день, то есть 35 кг в год («Journal officiel», 14 mars 1915, p. 1354). Положение в Лионе с зерном в

конце апреля было таким, что я должен был встретиться с премьер-министром и министром торговли. Они согласились немедленно передать мне на первый случай 15 тысяч центнеров американского зерна по 32 франка за центнер франко-вагон Бордо и затем предоставить 20 тысяч центнеров зерна «Хардвинтер» по 35 франков франко Лион.

В апреле военный министр Мильеран приезжает инспектировать наши организации помощи военнопленным, розысков пропавших без вести и помощи французским и бельгийским военнопленным. К несчастью, в Лионе цереброспинальный менингит: с 1 января по 1 апреля 1915 года имело место 22 случая заболевания гражданских лиц.

Мы надеемся на выступление Италии. В сенате г-н Бриан сказал мне: «Можете считать это дело решенным».

Мне удалось послать во французскую миссию в Сербии моего друга доктора Гарена, профессора Лионского университета. 22 апреля он написал мне из Грабоваца письмо, некоторые фразы которого вымараны цензурой. «Вот я и в Сербии, уверяю вас, в самом центре Сербии, в деревне, в двадцати километрах от Крагуеваца (ставка верховного командования). Я ждал прибытия сюда, чтобы поблагодарить вас за ваше содействие, так как обязан вам тем, что вошел в состав французской миссии в Сербии… Как наша, так и вообще все палатки миссии остались по ошибке в Салониках, и я был вынужден вместе с товарищем, моим помощником, остановиться в пустующем здании школы. Наши походные кровати и полы обильно смазаны керосином. Почти невозможно ничего достать в этой разоренной стране: яйцо стоит 4 су; литр вина – полтора франка; иногда бывают цыплята и свинина. Прибавьте к этому довольно много кукурузы, которой кормят лошадей и людей, и изредка картофель. Таково положение врачей с двумя нашивками, размещенных по деревням. Однако им еще повезло, так как население приходит к ним, восхищается ими и радо тому, что они здесь. Значительно хуже положение врачей кадровой армии в более высоких чинах; они остались в городах, так как им поручено направлять деятельность своих коллег из запаса. Этих сербы держат на расстоянии по нескольким причинам: они не привезли с собой необходимых материалов… дело в том, что мы (я имею в виду миссию) ничего не привезли с собой в Сербию, кроме наших мундиров и нескольких тысяч ампул с вакциной против оспы и тифа; а здесь умирают от сыпного тифа. Приходится все остальное просить у сербских властей: серу, дезинфицирующие вещества, дезинфекционную аппаратуру.

Англичане – те привезли все, даже продовольствие на три

месяца; они получили от Сербии поезд с кухней, салон-вагонами, спальными вагонами и вагоном для гидротерапии. Они отказываются покидать свой поезд; население должно приходить к ним, чтобы делать прививки против холеры (английская вакцина превосходна, она давно уже зарекомендовала себя в Индии) и дезинфицировать свои вещи. Вот здесь мы доказали превосходство наших душевных качеств. Англичане отказываются заниматься тифом и жить среди сербов. У нас же, у нас нет ничего, но мы находимся в деревнях… мы войдем, мы уже входим в их дома; мы соприкасаемся с больными. Я все же должен вам сказать, что, для того чтобы избегнуть катастрофы или, вернее, неприятностей для тех, кто отвечает за нашу «шкуру», мы получили *«приказ не приближаться к больным».* Я убежден, что все мои коллеги так же, как и я, возмущены этим приказом и нарушат его. Таким образом, мы, как видите, несмотря на почти полное отсутствие медикаментов, поработаем во славу Франции. Крестьяне увидят, что мы находимся среди них. Они сохранят память о «французски». Я организую в деревнях санитарные команды для дезинфекции домов; они начнут с тех, где уже имели место смертельные случаи».

Молодой офицер прислал мне часть своего жалованья для нашей школы переобучения раненых. Он выбрал нас, так как не хочет, чтобы его имя фигурировало в большой парижской газете, где взносы носят характер церковных пожертвований: «1 франк 25 сантимов – пусть святой Агапит помирит меня с моим зятем; 5 франков – пусть бог займет во Франции место, которое ему подобает; 10 франков – от Тити, Коко и Нэнэ, чтобы святая Тереза покровительствовала кутенку Кики».

В Риме 11 мая состоялась большая демонстрация на площади Колонна за вступление Италии в войну. Толпа приветствовала премьер-министра г-на Саландра. Г-н Джолитти – сторонник нейтралитета. Г-н Соннино олицетворяет собой идейное движение за вступление в войну.

Немецкие подводные лодки производят неожиданные опустошения. Командир контрминоносца пишет мне с борта своего корабля 18 мая 1915 года:

> «Высадка на Галлипольском полуострове – совершившийся факт. Операция оказалась очень трудной; все, что я узнал во время моего пребывания в Мудросе о грандиозных укреплениях, сооруженных немцами на полуострове, к несчастью, подтвердилось. Проволочки со стороны англичан позволили немцам осуществить эту подготовку и чрезвычайно затруднить

продвижение на Константинополь. Несчастный генерал д'Амад, которого обвиняют в том, что он погубил слишком много людей и растратил чрезмерное количество боеприпасов, познал это на собственном горьком опыте. Но все эти затруднения ничего не значили бы, если бы не сообщение о приходе в Средиземное море больших немецких подводных лодок, которых должно быть пять. Эти опасные суда угрожают напасть с тыла на наши объединенные военно-морские силы перед Дарданеллами и сделать их совместные действия с сухопутными войсками весьма проблематичными; то же касается и пополнения людьми и снабжения боеприпасами. Пока что присутствие этих подводных лодок заставило эскадру адмирала Буэ де Лапейрера оставить якорные стоянки около берегов Греции и держаться в открытом море, где она вынуждена теперь находиться, подвергаясь тем не менее опасности встретиться с этими грозными противниками. Мы разыскиваем на всех островах Средиземного моря стоянки, где могли бы заправляться немецкие подводные лодки. Полагают, что, миновав Гибралтарский пролив, они, должно быть, нашли мазут на берегах Испании или на Балеарских островах. Одну подводную лодку заметили возле Мальты, другую – возле островов Греческого архипелага. Оказывается, уже удалось обнаружить два пункта снабжения подводных лодок и разрушить их; но, несомненно, немецкая изобретательность подготовила значительное число этих пунктов, и поэтому наша задача еще далеко не завершена.

Эти подводные лодки намного осложнили наши действия в Средиземном море, и теперь большому кораблю будет опасно останавливать торговое судно для осмотра. Следовательно, военная контрабанда будет процветать, если только Италия не присоединится к нам, и тогда можно будет интернировать все встречные торговые суда.

Ужасная катастрофа с *«Леоном Гамбетта»*[31] произвела во флоте более сильное впечатление, чем потеря *«Бувe»*; ибо последний погиб в бою, а первый попросту держал курс на Мальту. Кажется, адмирала де Лапейрера считают единственным ответственным за эту

потерю; не желая бросить тень на память погибших, я все же считаю, что они совершили ошибку, не набрав полной скорости при спокойном море и полной луне, когда ночь казалась днем. Командир корабля всегда отвечает за меры предосторожности, которые он принимает для обеспечения своей безопасности. Вся беда в том, что во французском флоте нет боевых единиц, которые могли бы обеспечить выполнение лежащих на нем обязанностей. Министры военно-морского флота стремились расходовать свои кредиты на строительство броненосцев, броненосных крейсеров и контрминоносцев, то есть на те группы кораблей, единственной целью которых было послужить мощной боевой силой, способной противостоять австро-итальянской коалиции. При этом они думали, что морская битва произойдет в самом ближайшем времени. Но как у англичан, так и у нас получилось иначе; и в результате у нас нет кораблей, способных осуществить блокаду побережья в наилучших условиях и при наименьшей затрате средств. Иными словами, мы используем наших «Леонов Гамбетта» там, где было бы достаточно небольшого крейсера тоннажем в три раза меньше. У нас нет также достаточного количества больших контрминоносцев, способных осуществлять наблюдение над всем Средиземным морем и методически обследовать все острова и все бухты. Мне кажется, что в настоящее время адмирал де Лапейрер наилучшим образом использует силы, находящиеся под его командованием, и что никакой другой французский адмирал не обладает такими данными, как он, чтобы взять на себя такое важное командование и такую большую ответственность, с которыми он справляется так энергично».

Список убитых, поступивший 18 мая, показывает, что 159-й пехотный полк понес 17, 19, 20 и 22 апреля значительные потери.

Среди писем, получаемых мною с фронта, наиболее сердечными, быть может, являются письма моего ученика лейтенанта Лорана Вибера. Находясь в ста метрах от немецких траншей, он читает; во время сражения под Аррасом он вспоминает Шатобриана, слушавшего канонаду Ватерлоо. Он винит себя, что взял с разрушенных снарядами чердаков несколько книг, чтобы спасти их: подлинное издание «Вер-Вер», «Жиль Блас» Дидо[32], мемуары графа Рошфора. «Я обдумываю, –

пишет он мне, – небольшую работу об окопной войне при Цезаре, с картами. И, сменив тогу на оружие, я остался, поверьте, вашим любящим и преданным учеником». Именно перечитывая это письмо и другие, еще более трогательные, я решительно отказываюсь верить оскорбительным словам на мой счет, которые г-н Шарль Моррас впоследствии приписал Лорану Виберу.

Генерал Лиоте просит моего содействия для организации выставки труда в Касабланке. Какой умный человек! «Вы понимаете, – пишет он мне, – что дело не в том, чтобы устроить показную выставку и поднять вокруг нее большую шумиху, а в том, чтобы использовать исключительный случай и свести французского импортера с марокканским экспортером и дать нашим соотечественникам возможность прочно занять здесь то преобладающее положение, которое занимала немецкая торговля и которое нельзя оставить за ней снова после заключения мира».

5 июня 1915 года Эдуард Даладье передал мне в свою очередь волнующий рассказ об атаке 9 мая, проведенной его 1-м иностранным полком к северу от Арраса. «Это была, – говорит он, – необыкновенная эпопея. Накануне и за два дня перед атакой наши волонтеры, стоящие лагерем у подножия холма, пели свои национальные песни и танцевали под звуки флейты. 9 утром по данному сигналу легион одним броском преодолел под пулеметным огнем две первые линии немецких траншей; за три четверти часа были захвачены укрепления на четыре километра в глубину… Если бы этой атаке оказали мощную поддержку, мы бы на следующий день были в Дуэ… Трудности, которых мы не знаем, но которые, очевидно, были непреодолимы, объясняют это опоздание, но это не может служить основанием для критики командования – оно было, напротив, замечательным». Затем Даладье с большой проницательностью комментировал вступление в войну Италии, его характер и его значение. «Я хотел бы, – заявляет он, – чтобы наш Делькассе, вдохновившись древней и великой идеей равновесия, которой руководствовались все наши государственные деятели, от Ришелье до Тьера, и которая коснулась даже Дантона, помог восторжествовать требованиям сербов и греков… До свиданья, до дня, когда будет основана новая Европа, организованная, насколько возможно, на разумной основе и, что бы ни случилось, сообразно с интересами Франции».

На заседании 1 июня 1915 года торговая палата Лиона проявила тревогу о судьбе Сирии; она требует, чтобы наши права там были обеспечены. Сирия, страна – производитель шелка, зависит от нашего большого лионского рынка, который со времени открытия Суэцкого канала стал самым важным мировым

центром по операциям с шелком. Она посылает нам, в круглых цифрах, 500 тысяч килограммов шелка в год, стоимость которых в нормальный год составляет 25 миллионов франков. Наши сограждане сами основали в Ливане прядильни. Операции по закупке коконов, которые требуют каждую весну значительных капиталов, производятся на авансы. Лион и Марсель – вот два названия, которые для всей Сирии, как в горах, так и вплоть до границ пустыни, олицетворяют Францию. Портов Яффа, Хайфа и Бейрут недостаточно, чтобы открыть для нашей морской торговли глубинные районы страны. Богатая равнина Адана и плоскогорья к северу от Алеппо, если улучшить там методы орошения и обработки земли, дадут урожаи, для вывоза которых потребуется порт Александретта. Торговая палата Лиона требует для Франции преимущественного положения во всей Сирии. Она остается верной традиции, которая всегда побуждала наших сограждан устраивать торговые конторы и открывать отдаленные рынки. Видный адвокат Шарль Жакье написал мне 10 января 1916 года следующее прекрасное письмо:

> «Господин мэр, сегодня утром газеты донесли до нас эхо слов – таких актуальных и патриотических, – которые вы только что произнесли в Сорбонне. Что от того, что эти слова не слышат и главное не понимают те наши сограждане, из-под пера и с уст которых с некоторых пор не исходит ничего, кроме призывов к розни и ненависти, и которые не боятся, даже стоя на краю окопов, говорить о братоубийственной каре и мести, стремясь превратить «Священное единение» в безбожную ложь, усугубленную кощунственной злобой. Мне лично ваша речь доставила истинную радость, которую, могу прибавить, разделяют все мои друзья. Надеюсь, что мои искренние и прямодушные заверения не покажутся вам навязчивыми. Мы будем всегда счастливы присоединить наши цвета к национальному флагу, и, я надеюсь, за нами последуют отныне. В самом деле, какое мы себе готовим завтра, если бы, закончив войну на границах, начали бы ее внутри страны, между собой! Нет, этого не должно быть, и, чтобы отвратить это, мы объединим и умножим свои усилия. Примите, господин мэр, мои искренние уверения в чувстве высокого уважения и действительной преданности делу, которое нам дорого».

Ожидают вступления в войну Румынии. Оно всецело зависит от урегулирования вопроса о Банате. Ведутся переговоры также с

болгарами, которые требуют себе Скопле. Положение наших войск в районе Дарданелл чрезвычайно тяжелое. Г-н Рене Пинон из генерального штаба армии просит меня использовать мои дружеские связи в Румынии, в то время как «Швейцарская Ассоциация изучения основ договора о длительном мире» (Association suisse pour l'étude des bases d'un traité de paix durable) просит меня присутствовать на встрече, организуемой в Женеве или Лозанне. Я остерегаюсь действовать без согласия нашего министра иностранных дел, которое я считал бы несвоевременным. Дипломатическая ситуация еще так запутанна! Итальянское правительство хранит в тайне свои связи с Германией. В злободневной пьесе Анни Виванти «Захватчик», премьера которой только что состоялась в Милане, цензура изъяла все сцены, где появляются немецкие мундиры, и вычеркнула само упоминание Германии. Что это значит? Итальянские германофилы не сложили оружия, и тяжелое положение на фронтах способствует их пропаганде.

Наша школа для раненых работает теперь регулярно. В ней обучаются следующим профессиям: счетоводству плюс стенография и печатанье на машинке, сапожному делу, портняжному ремеслу, мелкой столярной работе, переплетному мастерству и брошюровке. Ученики, обучающиеся этим ремеслам, вечером проходят курс начального обучения. Бельгийский беженец г-н Базег, бывший преподаватель в Шарлеруа, руководит заведением, а медицинское наблюдение осуществляет доктор Карл. Г-н Морис Пикар, профессор права, руководит в ратуше справочным бюро, помогающим в поисках родных, потерявших друг друга. Г-н Анри Фосийон, профессор словесности, занимается устройством беженцев на работу. Г-н Люсьен Пади наводит справки о пропавших без вести.

* * *

В эти дни, над которыми тяготели, как похоронная мелодия, жуткие списки убитых, затянувшаяся война заставляла нас (лишенных информации, но находящихся в Лионе, в этом прекрасном наблюдательном пункте, где визиты и письма, получаемые нами, позволяли составить себе хотя бы частичную картину того, что происходило на различных театрах военных действий) размышлять и изучать. Нам надо было трезво взглянуть на проблемы внешней политики, которые ставило перед нами развитие военных действий. Именно Лион принял у себя и приютил на длительное время изгнанный черногорский

двор. Благодаря своей поездке в Цетинье я настолько заслужил доверие короля, что его премьер-министр поручил мне составить телеграмму на имя президента республики, чтобы отблагодарить его за французский прием. Я имел честь познакомиться с г-ном Лаховари, румынским посланником в Париже. Когда его страна решилась выступить на стороне Франции, он попросил меня сейчас же негласно уведомить об этом г-на Делькассе. Вновь всплыли столь знакомые французам имена Братиану, Ионеску; вновь изучают историю Трансильвании, терзаемой Венгрией.

Наши отношения с Италией определились и развиваются, поскольку ее генеральный штаб расквартировывается в Лионе. Впоследствии меня часто обвиняли во враждебном отношении к этой стране, так как я отказывался склониться перед Муссолини и королем, готовым на все. Если бы это обвинение было обоснованно, я был бы недостоин называться культурным человеком! В действительности я испытываю самую горячую симпатию непосредственно к итальянскому народу, который требует своей доли в риске, предпринятом свободными народами, и хочет связать окончательное освобождение своей родины с окончательным разгромом Австрии. Италия для меня – страна Рисорджименто, похода «тысячи краснорубашечников»[33], героев Марсалы и Пармы, это Италия, о которой мне рассказывал мой отец и за которую он сражался; Италия, которой стал служить Эдуард Локруа, после того как он сопровождал Ренана в Иудею; Италия Гарибальди и его сыновей, убитых немцами в наших французских лесах; Италия римского права, которой я так часто восхищался, стоя у подножия Капитолия, у развалин форума или ростральных колонн. И я еще раз встречаюсь с Полем Клоделем, посланным с поручением по ту сторону Альп, который призывает нас помочь вырвать нашего соседа из-под немецкого влияния. В результате греческих событий я познакомился с Венизелосом[34], стать другом которого мне впоследствии выпала честь. Начиная с октября 1916 года я вижу его на первом плане огромной сцены. Вместе с адмиралом Кондуриотисом он отправился на героический Крит, чтобы спасти то, что осталось от греческой души, чтобы как-то смыть позор Каваллы и заявить свой протест против войск, позволяющих увести себя в рабство. По крайней мере на Крите, на скалах Корбо, где я потом увидел высеченное его изображение, патриот мог свободно вздохнуть вдали от интриг и тяжелой немецкой опеки. Венизелос расстроил замыслы королевской полиции, уехав под предлогом ночного пира у Платона (не у философа, а у фалерского ресторатора). На рейде у Кании его встретили с триумфом. Именно на Крите будет вновь решаться судьба эллинизма. Освобожденная от всей

трагикомической путаницы Афин личность Элефтерия Венизелоса встает во весь рост. Он пришел просить убежища и совета у старой и надежной земли, где некогда, в 1864 году, он родился в крестьянской хижине (которой я еще приду поклониться) под сенью миндаля; у земли, которую он защищал в дни своей юности, вдохновляя словом и примером повстанцев-паликаров. Венизелос может считать себя носителем эллинского духа; именно он боролся в определенные периоды против всей Европы, чтобы присоединить Крит к Греции. Чтобы высказать свое мнение, он не ждет одобрения большинства – такова одна из черт его характера. Такой человек сам принимает решения, невзирая на угрозы и покушения, а затем заставляет с собой считаться. В нем причудливым образом соединяется трезвость реального политика с непреклонной волей революционера; эти два важнейших свойства составляют основу его просвещенного, дальновидного и вдумчивого патриотизма. Он умеет отойти на задний план и диктовать свою волю, замедлять и ускорять ход событий, действовать уговорами и оружием; восприимчивость к малейшим нюансам отличает его ум, который умеет казаться бесстрастным. Венизелос – государственный деятель в полном смысле этого слова, для которого власть – средство, закон – цель, родина – венец всего. В нем Греция познает и прославляет себя.

Но и другие нации оживают или пробуждаются. С 1916 года создана лига, которая поставила своей целью просить французское правительство вписать в качестве одного из необходимых условий мирного договора полную независимость Чешского государства. Я вступил в нее. Эта нация, славянская по своему происхождению, пришедшая некогда с берегов Вислы в Богемию и говорящая на языке, представляющем вместе с польским западную ветвь славянских языков, нация, которую германизм всегда пытался и будет пытаться разобщить, является в действительности одной из наиболее энергичных и спаянных наций Европы. Она сыграла значительную роль в развитии человеческих идей; во всех областях, и особенно в области мышления, она утвердилась с большим мужеством. Богемия – это «клин, вбитый в тело Германии». Она боролась против германизма с помощью церкви, школы и своей замечательной организации «Сокол». Я горжусь тем, что с сентября 1916 года требовал независимости чешского народа, независимости страны, которая дала в лице Яна Люксембургского[35] единственного иностранного короля, погибшего за Францию, и после нашего поражения в 1870 году, когда Европа в страхе молчала, потребовала, чтобы Эльзас и Лотарингия остались французскими. Я не могу забыть пророческих слов Бисмарка: «Кто владеет

Богемией, тот хозяин Европы». У меня установились отношения с патриотом Эдуардом Бенешем; с ним меня впоследствии связала дружба, которую не поколебали самые тяжкие испытания.

Существует также польский вопрос. Австрия и Германия хотят восстановить Польшу и под покровительством Центральных держав направить против России. Австрия, опираясь на «Польский клуб», с выгодой использует свои отношения с галицийцами и помощь, которую оказывает ей епископ монсеньер Бандурский. Германия старается искоренить у поляков чувство традиционной симпатии к Англии и Франции; германофил Грабовский опубликовал широко разошедшуюся книгу, где он излагает планы захватов, которые должно было бы осуществить берлинское правительство. Бедной Польше никак не удается прокормить себя. Напрасно комиссия Рокфеллера в Варшаве пытается оказать помощь бесчисленной армии неимущих. А немцы, само собой, расстреливают: это их забава. Вопль терзаемой Польши доносится до нас, бередит наши сердца демократов и свободных французов, мучает наше сознание, возбуждает наш гнев. Россия встревожена этим; она принимает беженцев из захваченных губерний. В Думе, при ее открытии 9 и 22 февраля, представитель польского коло заверил в верности его нации делу союзников. Немцы открыли в Варшаве университет и политехническую школу, где преподавание будет вестись на польском языке. Архиепископ Каховский отслужил по случаю открытия торжественный молебен; на церемонии присутствовали ректор университета и князь Любомирский… Нужно, чтобы поляки услышали голос Франции, который ободрил бы тех несчастных студентов, которые вынуждены петь по приказу перед фон Безелером скорбный «Gaudeamus igitur».

Друзья Польши требуют от Франции и Англии, чтобы они побеспокоились и действовали. В Париже господа Газиоровский и Дерезенский издают еженедельный журнал «Полониа». Надо добиться от России, чтобы Польша стала независимой. Я счел необходимым написать 18 августа 1916 года:

> «Чего мы желаем в подобных обстоятельствах? Если позволительно вас предупреждать, то что мы посоветуем вам? Чтобы вы оставались самими собой, верными тем требованиям, которые вы выдвинули и которые должны возвратить целостность вашей стране. Видите ли, драма, подобная настоящей, не допускает решений, продиктованных уступчивостью, или полумер. В настоящее время угнетенные национальности ставят на карту все. Конечно, вы особенно страдаете, ваши муки

сходны с муками Бельгии. Как взволнованно писал ваш Сенкевич, сыны вашей родины вынуждены сражаться под знаменами трех враждебных армий и убивать друг друга. Огонь превратил ваши поля в пустыню, где бродит голод; рабочий и пахарь без работы и почти без хлеба. Мать смотрит рыдая, как гибнет ее сын, не в силах помочь ему. Но именно подобные страдания всегда приводят к великому возрождению. Вы замечательный народ, чей голос, торжествующий или подавленный, не раз звучал во всем цивилизованном мире. Будьте и на этот раз самими собой; не соглашайтесь больше ни с каким рабством, откуда бы оно ни исходило, чтобы наши глаза, ослепленные потоками крови, смогли бы наконец с восторгом узреть недалекий день, когда свершится чудо, в котором мы уже отчаялись: *«свободная и восстановленная Польша…»* Это твой поэт Мицкевич требовал восемьдесят лет тому назад в «Книгах пилигримства польского» «всеобщей войны за свободу народов». Эта война идет – веди ее вместе с нами до конца».

* * *

Таким образом, мы старались остаться верными великой освободительной традиции Франции; дальнейшие события совпали с нашими желаниями. Но мы знали также, что для победы недостаточно сокрушить военное и даже политическое могущество Германии. Нужно большее. Эта Германия, столь жестокая, сохранившая вкус к убийствам и страсть к грабежам, обладала неоценимыми качествами. Об этом надо было сказать французскому народу, и мы сделали это в апреле 1916 года с трибуны «Анналов», заявив, что самый доброжелательный интерес к ней соответствует нашей доброй воле. За железным занавесом, которым армия отгораживает страну, последняя не должна походить на пустую сцену; надо действовать и там; самый текст декларации от 28 марта 1916 года, принятый на недавнем совещании союзников, на котором присутствовали Жоффр, Кастельно, Кадорна и. лорд Китченер, провозглашал солидарность военных, дипломатических и экономических действий. Некогда, спасая Францию, Конвент дал ей ту современную организацию, которой она живет с тех пор.

Беррье[36] имел право сказать в разгар Реставрации: «Конвент спас мою страну». Между тем Германия противопоставляет нам, помимо грозной армии, внушительную организацию. Она извлекает пользу из всего, черпая во всех областях практики и мысли. Ее металлургическая промышленность процветает в разгар войны, ее угольный рынок стабилен; хорошо работает и химическая промышленность. Она требует экономического объединения Центральной Европы, как это было сформулировано в книге Фридриха Науманна «Срединная Европа», изданной в Берлине в 1916 году[37]; впоследствии Гитлер в своей теории «нового порядка» ограничился тем, что воспроизвел ее основные идеи.

Благодаря войне я познакомился в самом Лионе с очень интересной личностью, премьер-министром Австралии Уильямом Моррисом Юзом, бывшим школьным учителем, золотоискателем, сельскохозяйственным рабочим, погонщиком скота, мелким торговцем, который, несмотря на свое чрезвычайно слабое здоровье и даже тягостный физический недостаток, сумел завоевать своим красноречием и тяжким трудом доверие австралийских трудящихся, был избран депутатом в Законодательное собрание Нового Южного Уэльса, дисциплинировал рабочую партию и завоевал министерство иностранных дел. Какой воодушевляющий пример! Я вижу его на приеме, устроенном в его честь, недоверчивым, замкнувшимся, как бы отстраняющим вас взглядом или жестом, чтобы что-то обдумать. Он одним ударом избавил свою страну от немецкого охвата; он заставил аннулировать немецкие контракты, упразднить немецкие патенты, изгнать немецких акционеров. Образ этого австралийца стоит у меня перед глазами.

У нас, французов, задача более сложная. Нам надо бороться против уменьшения населения, защищать матерей и детей, улучшать жилищные условия рабочих, вести войну с алкоголизмом и туберкулезом, создавать министерство национального здравоохранения, модернизировать всю нашу старую административную машину, демократизировать нашу устаревшую систему обучения. Германия стремится основать единую школу (Nationale Einheitschule), отбор учеников в которую определялся бы их способностями, а не имущественным положением. Неужели мы окажемся менее смелыми, чем она? Один преподаватель в Мюнхене требует бесплатного обучения на всех ступенях. Я укрепляюсь в убеждении, которое я отныне буду защищать в течение всей моей жизни, В апреле 1916 года я говорил читателям «Анналов»: «Нам представляется безнравственным лишать далее благ среднего образования детей

простого народа, которые дали столько доказательств своего мужества и жизнеспособности во время этой войны. Вернем богатым семьям их маленьких лодырей, которые отравляют наши лицеи; будем учить полноценных ребят, которые добиваются лишь одного – возможности развиваться; *правильно понятая демократия не является режимом, искусственно поддерживающим между людьми несбыточное равенство; это режим свободного отбора, который не ставит иных пределов продвижению в обществе, кроме усилий и воли индивидуума!»*

В своем «Будущем науки» Эрнест Ренан писал, «что движение, войны, тревоги – вот подлинная среда, в которой развивается человечество, что мощное развитие гения возможно только в бурю и что все великие творения мысли возникли в смутные времена. Только любитель красноречия может предпочесть спокойную и искусственную книгу писателя обжигающему, истинному произведению, которое само по себе является действием и появилось в свое время как стихийный крик героической или страстной души». Так давайте действовать, давайте работать! Г-н Вильгельм Оствальд, профессор химии Лейпцигского университета, сказал следующую фразу: «Другие народы живут еще при режиме индивидуализма, тогда как мы живем уже при режиме организации». Так организуемся и мы и не позволим Германии осуществить свою программу – организовать Европу на свой образец, согласно теории Фридриха Листа, Трейчке и Бисмарка. Вернемся к старому французскому порядку Кольбера. Попытаемся осуществить синтез этого порядка со свободой, без которой мы, французы, не можем обойтись. Создадим то, чего нам не хватает. «Судьба нации – дело ее рук. Никакие удачи не приходят сами собой. Служат ей те, кто развивает ее внутреннюю силу. С 1870 по 1914 год республика так же, как некогда Учредительное собрание, создавала главным образом *формы.* Отныне ей нужны *действия,* институты, способные омолодить ее и обеспечить ей новый расцвет».

Война открыла нам глаза на важнейшие проблемы. Было легко, взывая к национальным чувствам, организовать благотворительные учреждения для солдат, раненых, для несчастных слепых, для пленных. Необходимо большее. Надо предохранить от туберкулеза не только военных, но и гражданских лиц. Выявилась роль добровольных сестер милосердия. Обнаружилась вся нищета женщин-работниц, особенно тех, кто не получает пособия; настало время твердо заявить, что они имеют право на существенный заработок. Война не должна быть антрактом, после которого мы вернемся к своим прежним привычкам. Необходимо, чтобы она стала поводом к

определенной реформе, к возрождению; необходимо, чтобы она дала новый толчок развитию страны. Надо согласовать действия внутри страны с действиями армии. Республиканская дисциплина восторжествовала; но после этого ужасного кровопускания интересы Франции требуют, и на долгие годы, чтобы все партии подчинились разумному режиму.

Прежде всего необходимо обогатить Францию путем правильной политики оздоровления, развивая нашу производительность и нашу торговлю, реорганизуя наш кредит, улучшая наше посредственное техническое образование, переделывая наши методы торговли и нашу банковскую систему! Владелец металлургических заводов г-н Пьер Арбель пишет следующее: «Ограничивая свою деятельность исключительно помещением наших сбережений в государственные бумаги, в ценные бумаги городов или делая вклады в иностранные банки, приносившие на первый взгляд более или менее высокую прибыль, наши финансовые органы все же нанесли этим значительный ущерб развитию наших промышленных и торговых дел, так как самым эффективным образом содействовали предприятиям наших врагов, помогая им деньгами, которые были им доверены». Вот серьезное обвинение, высказанное крупным французским промышленником. Парижское общество коммерческой географии говорит то же. Германия обязана своим процветанием в основном организации своего «Дейче банка». Банкир г-н Жан Бюффе пытается в свою очередь примирить патриотизм с финансами. Он наметил программу, достойную государственного деятеля: поощрять развитие экспорта; способствовать осуществлению необходимых общественных работ широкого масштаба и использованию белого угля; придать сельскому хозяйству более научный характер Г-н Раймон Пуанкаре, министр финансов[38], высказался в том же смысле. Г-н Рибо сказал 7 мая 1915 года в палате депутатов: «Великая держава не живет на ренту или за счет помещения ценностей, а живет трудом и промышленностью». Пример Лотарингии дал нам урок, которым мы очень плохо воспользовались. А между тем от экономической зависимости до политической один шаг.

Надо также реорганизовать нашу химическую промышленность, нам необходимо техническое обучение. В армии к химикам относятся так же, как к саперным офицерам во времена Вобана; выдающиеся ученые не имеют ни звания, ни степени; г-н Пенлеве справедливо назвал их «бедными родственниками». Число наших технических школ сокращается, в то время как его следует увеличивать. Наша система обучения, целиком основанная на глупой системе баккалавров, отвергнута

даже Китаем; один министр опрокинул этот нелепый порядок, главная цель которого – устроить получившего образование в Академию или в какое-либо безопасное место.

Таким образом, во всех областях мысли и практики война кажется нам поводом для возрождения Франции. Мы изложили нашу точку зрения в сборнике статей, опубликованном под названием «Действовать» и встреченном общественным мнением благосклонно. Не по этой ли причине г-н Аристид Бриан предложил мне в конце 1916 года войти в состав его кабинета?

Прибыв в Париж, я отправился повидаться с Брианом на Кэ д'Орсе[39]. Это было в воскресенье. Он сообщил мне о своем намерении включить меня в свой новый кабинет вместе с молодым инженером, по имени Лушер, о котором он слышал много хорошего. Он предложил мне министерство сельского хозяйства, потому что, как сказал он, я был сенатором. Я указал ему, что назначение на этот пост мэра большого города вызовет критику. Тогда он предложил мне министерство торговли, на что я согласился. Но, выходя, я встретил Клемантеля, дежурившего у решетки. Между нами произошел короткий диалог: «Вы видели Бриана? Он берет вас в свой кабинет?» – «Да». – «Какой портфель он вам предложил»? – «Ваш». – «Но это невозможно.

Я только что заключил с союзниками ряд соглашений. Необходимо, чтобы я остался, чтобы обеспечить их выполнение». – «Тогда повидайтесь с премьером и сговоритесь с ним. Я очень привязан к своей лионской мэрии и оставляю ее с сожалением». Вечером я вновь встретился с Клемантелем. Он уверяет меня; что Бриан предоставил ему полную свободу сговориться со мной. От его имени он просит меня принять министерство, которое включало бы снабжение, общественные работы и транспорт. Я начинаю ощущать, хотя и смутно, трудности предстоящей задачи. Я решился благодаря одной фразе моего генерального секретаря Серлена. Он сопровождал меня. «Вы ведь приехали, – сказал он, – чтобы взяться за нелегкую работу. И если она оказалась еще более трудной, чем вы ожидали, это ведь не причина для отказа». Я согласился. Не надеваю ли я сам себе на шею веревку!

За три месяца пребывания в третьем кабинете Бриана я не имел никакого влияния на общее направление дел. Я был слишком занят работой и слишком робел! Я чувствовал себя пришельцем. Я плохо знал парламент. За столом совета министров, где с холодной серьезностью председательствовал Пуанкаре, я видел нескольких ветеранов республики. Бриан руководил своим кабинетом с испытанной опытностью, но держал при этом себя благосклонно, сохраняя улыбку даже перед лицом

худших событий. Министр финансов Рибо, который, как шутил Вивиани, играл в правительстве роль мужа в доме, сетовал на бедственное положение казны и заявлял о необходимости бережливости. Меня это взволновало. Когда же я в соответствии с его точкой зрения взял на себя введение хлебных карточек, только он обрушился на меня с упреками, что совершенно сбило меня с толку. Я сидел рядом с Рене Вивиани, которого всегда считал лучшим оратором республики; меня восхищали классические обороты его цицероновского красноречия; я восхищался им, несмотря на его вспышки гнева и резкости. Лиоте я доверялся охотнее всего, с ним мы были действительно дружны. Один молодой министр оказывал на совет влияние, которого у меня не было: Альбер Тома был не только самым бдительным, но и самым пунктуальным администратором. Он никогда не терялся и был очень находчив. Однажды Бриан поручил ему информировать его о каком-то съезде социалистов, вызывавшем беспокойство. На следующем заседании совета Тома отчитывался; он перечислил всех присутствовавших лиц. «В общем, – оборвал его Бриан, – там были все ренегаты». «Не все, – возразил Тома, – там не было вас». Бриан от души смеялся.

С 13 декабря 1916 года по 20 марта 1917 года я возглавлял министерство общественных работ, транспорта и снабжения, к которому позднее присоединили и морскую торговлю. С точки зрения интересов страны подобная концентрация была чрезмерной. В силу декрета от 31 декабря я должен был одновременно обеспечивать снабжение гражданского населения и армии.

В начале военных действий сельское хозяйство, как и военную промышленность, лишили рабочих рук; крестьяне, относящиеся к старшим призывным возрастам территориальной армии, оставались незанятыми в своих резервных частях. В то время как в 1913 году мы производили около 87 миллионов центнеров зерна, в 1915 году мы собрали урожай не более чем в 60 миллионов, а в 1916 году – 58 миллионов центнеров. Урожай ржи, ячменя и овса упал в такой же пропорции. Урожай картофеля, составлявший в 1913 году 135 миллионов центнеров, в 1915 году был не более 93 миллионов, а в 1916 году – не более 91 миллиона центнеров. Даже занятие некоторых департаментов врагом не оправдывало такого спада. Снизился урожай с одного гектара.

Положение с поголовьем скота столь же неудовлетворительно. У нас было в 1913 году 3200 тысяч лошадей, а летом 1915 года – 2200 тысяч; что касается крупного рогатого скота, то его поголовье уменьшилось на 2 миллиона

голов; овец стало меньше на 4 миллиона голов, а свиней – на 2,5 миллиона. Так как мы производили недостаточно, то нам приходилось ввозить. Наш импорт, достигавший в августе 1914 года 1200 тысяч тонн, в конце 1916 года превышал пять миллионов тонн в месяц. Отсюда кризис транспорта, усугубленный подводной войной.

До войны водоизмещение торгового флота мира составляло приблизительно 50 миллионов тонн. За вычетом судов на отстое, реквизированных и затопленных, в распоряжении мировой торговли остался флот тоннажем менее 35 миллионов тонн. Поскольку этот флот не поддерживали в хорошем состоянии, дефицит нельзя было покрыть. Фрахтование судов производилось беспорядочно. Фрахт угля Кардифф – Марсель, составлявший в июле 1914 года 8 франков 50 сантимов, резко поднялся, превысив 100 франков.

Попытки установить фрахтовую таксу отпугивали судовладельцев нейтральных стран.

Из 350 тысяч вагонов, принадлежавших Франции в начале мобилизации, враг захватил 54 тысячи. Компании основных железнодорожных магистралей не могли их больше строить. Паровозы не ремонтировались. В то же время железнодорожное движение превышало на 45-60 процентов уровень мирного времени. Кредитов для покупки вагонов не хватало. Использование речного судоходства не было предусмотрено; роль водного транспорта была сыграна на 61-й день мобилизации. На буксирах не было команд; лошади были реквизированы; не было механиков для погрузочных и разгрузочных механизмов. Много судов осталось в захваченных департаментах. В начале 1917 года 1200 груженых барж, многие из которых были нагружены углем, стояли в Руанском порту.

Между тем надо было снабжать восточную экспедицию[40] и бороться с последствиями подводной войны. Германии дали возможность сделать запасы; так, хлопок, например, был объявлен военной контрабандой только 22 августа 1915 года. Враг пытался нас блокировать с помощью своих подводных лодок (к концу 1916 года у него их было более 150, и, кроме того, он выпускал по одной каждую неделю). С начала войны и до конца октября 1916 года Англия потеряла корабли общим водоизмещением в 2 миллиона тонн; у нас было потоплено 28 кораблей, то есть около 200 тысяч тонн. Что касается судов-угольщиков, то мы потеряли с июля по декабрь 1916 года 140 тысяч тонн; процент потерь все возрастал. На складах Соединенных Штатов оставалось лежать 300 тысяч тонн стали, так как не было возможности перевезти их. Министерство

вооружений требовало в срочном порядке 225 тысяч тонн стали для гранат, колючей проволоки и пр. Управление морских перевозок могло предложить к январю 1917 года интендантству и службе снабжения всего 175 тысяч тонн. Сталеплавильные заводы не могли больше доставлять чугун из Англии.

Нехватка угля повлекла за собой закрытие некоторых военных заводов. При потребности в 4 миллиона тонн в месяц мы требовали 2 миллиона от национальной добычи и 2 – от импорта. Таким образом, мы должны были ввозить извне ежегодно 24 миллиона тонн. Отечественные шахты давали в 1916 году всего около 19 миллионов тонн. В том же году мы получили извне только 21 миллион тонн. Ввиду этой нехватки военные заводы находились под серьезной угрозой.

Потребление зерна с августа 1915 года по август 1916 года потребовало 6500 тысяч центнеров в месяц, то есть 78 миллионов центнеров в год, помимо 8 миллионов центнеров для посева, – итого 86 миллионов центнеров. Как мы видели, урожай составил 58 миллионов центнеров. В соответствии с соглашением от 3 декабря Англия, Франция и Италия решили совместно купить 30 миллионов центнеров, из которых 8 миллионов предназначались нам. Превратности войны еще более осложняли трудности. После того как в январе 1917 года одна английская мельница была сожжена в результате взрыва соседнего завода боеприпасов, английское правительство обратилось к нам с просьбой срочно отправить ему муку, которую мы разгружали в Дюнкерке и Руане. В декабре и январе мы потеряли из-за действий подводных лодок 80 тысяч тонн тоннажа наших перевозок. Немецкие пираты топили в Атлантическом океане парусники, ходившие из Ла-Платы во Францию. Судовладельцы не решались отправлять свои суда. Немецкие агенты в Аргентине делали запасы зерна. Забастовки шахтеров в Австралии заставляли нас грузить суда тем углем, который предназначался для обратного рейса (charbon de retour). Правительство Индии запретило вывоз зерна. Виды на урожай во Франции в 1917 году были плохие.

Таково было положение. Нам советовали расширить национальное производство, найти возможности для зафрахтовывания новых судов, дополнить прежнее соглашение с английским правительством от 3 декабря 1916 года, максимально использовать суда, заказать новые вагоны, принять более эффективные меры против подводной войны, заставить сажать картофель, поощрять возделывание огородов. У сенатора Анри Шерона не было недостатка в превосходных советах и в критике. Но, по правде говоря, необходимые меры требовали длительного времени.

Я делал все, что было в моих силах, чтобы расширить отечественное производство. По моей просьбе в декабре 1916 года совет министров решил послать в шахты юношей 1900, 1901 и 1902 года рождения, то есть сделать максимум того, что допускало военное положение. В мое распоряжение предоставили 6 тысяч пленных. Но эти меры принимались чрезвычайно медленно. На 1 января 1917 года на фронте было еще приблизительно 25 тысяч шахтеров. В феврале верховный главнокомандующий прислал мне еще 8 тысяч человек; это было для фронта серьезной жертвой. Я решил расширить добычу бурого угля в Буш-дю-Рон. Из-за недостатка рабочей силы производство бассейнов Фюво и Гарданн было очень низким. 25 января Бетюнская шахта 10 вновь подверглась бомбардировке.

Мы старались расширить яровые посевы будущей весны, распределив для этого между земледельцами пшеницу «Манитоба». Но не хватало удобрений. Пороховое управление заявило, что не может уступить аммиак. В 1916 году мы получили только треть необходимого урожая бобов. Мы организовали посадку картофеля на участках, расположенных на окраинах городов. На побережье Сент-Адрес рота морской пехоты проделала очень интересный опыт. Всем школам Франции было направлено воззвание, просившее французскую молодежь о помощи.

Забастовки, почти неизвестные в 1914 и 1915 годах, вновь появились в 1916 году. Их было еще больше в Германии. Но для нас уже тот факт, что в 1916 году было 307 забастовок с 43 тысячами участников, в то время как в 1915 году было 98 забастовок и 9 тысяч участников, говорил о том, что необходимо вмешаться и ликвидировать положение, внушающее опасение за дело национальной обороны. Альбер Тома издал свой декрет от 17 января 1917 года относительно урегулирования коллективных конфликтов.

Наличие стольких трудностей настоятельно диктовало необходимость проведения строгой политики твердых цен и ограничений. 5 января 1917 года сэр Альберт Стенли, руководивший управлением торговли, весьма настойчиво говорил мне об этом. Англия, ограничивавшая себя во всем, поражалась размерами наших заграничных закупок кофе, целлюлозы, леса, лошадей. Бриан, не особенно жаловавший статистику и даже, осмелюсь сказать, программы, посылал меня несколько раз в Англию требовать дополнительных поставок сверх предусмотренных нашими соглашениями. Однажды я имел счастливую возможность обратиться к моему другу сэру Даниелю Стивенсону, председателю исполнительного комитета, который

некогда так хорошо принял меня, будучи прево Глазго. Он в частном порядке дал мне все, в чем отказывал официально. В другую поездку мне поручили просить суда у самого Ллойд Джорджа. Меня в первый раз провели в маленькое здание на Даунинг-стрит, где мне так часто приходилось бывать впоследствии. В ожидании премьер-министра я осматривал историческую комнату. На полках – бесчисленные папки с надписью «государственные документы». На полочке рядом с портретом Бэкона – подковка на счастье, перевязанная лентой. Вошел Ллойд Джордж. Я изложил мою просьбу как можно лучше. Он выслушал меня молча, затем ответил: «Судов нет», закрыл свой министерский портфель и вышел. Впоследствии я напомнил ему об этой краткой встрече; он долго смеялся.

25 января 1917 года я созвал представителей синдикатов по снабжению Парижа и ресторанного промысла; вместе мы выработали меры, запрещавшие подавать одному лицу за один раз более двух блюд, причем лишь одно мясное, другое – суп или закуску, сыр или десерт.

Декрет от 9 февраля 1917 года запретил продажу хлеба свежей выпечки. Предписывалось примешивать к пшенице маис, рожь, ячмень и мелкие бобы. Благодаря правительственным мерам цена на хлеб удерживалась с начала войны на уровне 45 сантимов, но булочники требовали ее увеличения. Чтобы сберечь наши запасы, было предписано кондитерским закрываться на два дня в неделю. Себестоимость зерна превышала продажную цену; мелкие земледельцы не покрывали своих затрат, что приводило к забрасыванию земель. В 1912 году Франция получила 91 миллион центнеров зерна, а в 1916 году – только 58 миллионов. Нам советовали унифицировать сорта хлеба; но, вопреки распространенному предрассудку, продажа хлебной мелочи дает прибыль как булочнику, так и казне. Если запретить выпечку булочек, надо поднимать цену на весовой хлеб. Чего надо добиться, так это унификации сортов муки, а не хлеба. Я высказался за хлебные карточки.

У нас не хватало вагонов. Заводы, расположенные на захваченной территории, не могли выполнять своих заказов. На заводах неоккупироваиной территории не хватало людей и материалов. Мы были вынуждены обратиться к промышленности Соединенных Штатов, Англии, Канады и Испании. Но министерство финансов ограничивало наши закупки. Положение на железных дорогах севера было чрезвычайно тяжелым. Ставка верховного командования прислала нам 15 февраля очень суровую ноту, требуя уволить высший обслуживающий персонал железнодорожной компании. Английское правительство

направило нам меморандум, подчеркивавший, что транспортные затруднения могут замедлить наступление. Не имея достаточного количества рельсов, мы стали изымать их из внутренних районов страны. Грузовые автомобили оказали нам очень ценную услугу, но этого было недостаточно.

Проблема морского транспорта вызывала особенную тревогу. 23 и 24 января 1917 года в Лондоне собралась Межсоюзническая морская конференция. На ней было решено создать Международный комитет навигации, в чьи обязанности входило получать и обмениваться исчерпывающей информацией об использовании торговых судов, принадлежащих союзным державам, контролируемых или используемых ими. Комитет должен был путем установления согласованных программ или другими средствами увеличить возможности морского торгового транспорта союзников.

Военные действия немецких подводных лодок ставили перед нами огромные трудности. Их операции начались 20 октября 1914 года захватом и уничтожением около берегов Норвегии «Глитры». В следующем месяце было потоплено два парохода около Гавра. С января 1915 года действия немцев приобретают методический характер. С августа 1915 года они распространились и на Средиземное море. За один только день, 29 января 1917 года, мы потеряли торпедированными 5 судов, не считая трех судов, затопленных и поврежденных взрывом в Архангельске. В ноябре и декабре 1916 года навигация между угольными английскими портами и Францией была прервана более чем на две недели. Повышение таксы страхования в Норвегии повлекло за собой уменьшение тоннажа, предоставляемого нейтральными странами для наших перевозок. Загроможденность французских портов снижала производительность транспортных операций. Британское адмиралтейство организовало плавание охраняемыми группами согласно системе «контролируемого судоходства» (Controlled Sailing); не могло быть и речи о конвоируемых кораблях, так как это подвергло бы нейтральные суда немецким санкциям.

Публика не отдавала себе отчета в наших затруднениях. Нас завалили жалобами. Департаменты, города, общества и частные лица присылали бесчисленные резкие жалобы. «Мы умираем от холода в Медоне», писал мне мой друг Огюст Роден. Надо мной издевались за мой двухблюдный режим и дни без пирожных. Они еще не отдавали себе отчета в том, что во Франции положение с хлебом было еще лучше, чем в других странах Европы. На 1 января 1917 года Великобритания не располагала никакими запасами; она не имела еще распределительной организации,

подобной нашей. Франция была единственной страной в мире, где цена на хлеб не поднималась с начала войны. Люди же ничего не видели, кроме своих лишений. Хлебные карточки, к которым пришлось потом привыкнуть, вызывали бурные возражения. Ставилось в вину, что они похожи на немецкие. Они напоминали о «карточках в булочную» в январе 1871 года[41]. От «Священного единения» ничего не осталось, кроме названия. Отмена политической цензуры повлекла за собой возобновление полемики, следы которой можно было ежедневно наблюдать в газетах. Это нельзя было считать нормальной жизнью партий. Происходили столкновения отдельных лиц; угадывались скрытые или явные конфликты самолюбий.

Никакие самые сложные и самые детальные административные решения не могли разрешить проблему нехватки. Суровые холода усилили наши ежедневные тревоги. Внезапно 23 января 1917 года положение с углем в Париже ухудшилось. Улицы заполнили демонстранты; надписи, начертанные на снегу, грозили мне смертью. В палате мне сделали запрос. Я распорядился производить чрезвычайные выдачи из городских запасов. Снабжались непосредственно мелкие торговцы кварталов. На 25-е положение сделалось настолько тревожным, что я предложил совету министров рассматривать его как дело государственной важности и пойти на необходимые денежные жертвы, чтобы обеспечить для отопления жилищ Парижа достаточные запасы. Было решено, что в мое распоряжение предоставят тысячу грузовиков для доставки угля из Па-де-Кале. Опыт был начат в тот же день. От холода замерзала вода в радиаторах; много выведенных из строя машин осталось на дороге.

26-го, ясным и холодным днем, – новое осложнение. Движение по западному участку опоясывавшего Париж кольца дорог становится все более трудным из-за перегруженности дороги. Оно еще более осложняется к вечеру. Отменяется большое число поездов. Чтобы пропускать эшелоны с углем, экспрессы были превращены в пассажирские поезда, останавливающиеся на каждой станции. Военные власти пришли мне на помощь. Генерал Дюбай, военный губернатор Парижа, предложил военачальникам помогать всеми силами муниципалитетам.

В воскресенье, 28-го, на Сене начинается ледостав. Уаза приносит много льда. Я вынужден затребовать саперный материал из Авиньона, чтобы предохранить суда от плывущих льдин, и открыть шлюзы, чтобы не возник ледяной затор. Теперь имеется риск, что Сена обмелеет. Большие шаланды уже

вынуждены остановиться, а баржи не могут плавать с полным грузом. Мы из одной опасности попадаем в другую. Теперь я надеюсь только на потепление.

29-го экономический совет под председательством Вивиани принимает меры, продиктованные обстоятельствами. Следовало принять предосторожности уже в июне; в то время объявление о снижении цен и отрицание всех опасений нехватки продуктов побудили покупателей ждать. А теперь взывают к интендантству и обращаются к неприкосновенному запасу продовольствия. 30 января прекратилась навигация на большей части судоходных путей, особенно на севере и по Сене. Река, по которой перевозилось 2500 тонн в день, все больше заполняется льдом; невозможно закрыть шлюзы и обеспечить нормальное судоходство. Между тем мне приходится отвечать на многочисленные запросы требовательной, встревоженной и недоверчивой палаты. Я переношу лирическую недоброжелательность г-на Пате́ и ледяную, как погода, суровость г-на Пьера Лаваля. Клемансо, по своему обычаю, оскорбляет нас изо дня в день.

31-го движение по северной железнодорожной сети становится невозможным. Бассейн Па-де-Кале, запасы которого поддерживались на высоком уровне благодаря интенсивной добыче, не может отправлять уголь. Большие французские города познали ужасную беду. Мэр Нанси вынужден закрыть многие школы. Лотарингская электрическая компания, снабжающая энергией военные заводы, заявила, что ее запасы подходят к концу. В Лионе в результате снегопада были остановлены не только угольные транспорты, но и транспорты с зерном и мукой. Задержка с голосованием закона о повышении заработной платы железнодорожникам раздражает переутомленный персонал; многие машинисты больны; замерзают паровозные котлы. 3 февраля я совсем потерял надежду на потепление. Семьи, привыкшие к достатку, дежурят у народных магазинов, чтобы получить мешки по десять кило; у дверей магазинов удлиняются очереди. Были случаи, когда лопались рельсы. В каменноугольных копях севера застряло около трех тысяч груженых вагонов. Сотня поездов на запасных путях не может быть сдвинута за неимением паровозов. Вход в порты запрещен из-за немецких мин. Военные заводы объявляют о скором своем закрытии. На 12 февраля положение с судоходством не улучшилось.

Между тем надо любой ценой спасти электростанции Парижа и предместий, которые снабжают энергией большую часть военных заводов, то есть приблизительно 40 процентов общего

производства вооружения Франции: боеприпасов, пушек, танков, тяжелых тракторов. На этих заводах занято 200 тысяч рабочих. Расходы армий растут со дня на день. Только 15 февраля потеплело. Чудесное солнце! По крайней мере тысячетонное солнце! Я вздохнул; я даже осмелился спать, рискуя лишиться разговора с ночным сторожем, чиновником негордым: он останавливался перед моим рабочим столом, тихонько покачивая свой фонарь; его философские высказывания склоняли меня к покорности судьбе в этом обширном кабинете, утонувшем в тени, куда в результате какого-то удивительного, в силу моего невежества, явления природы доносился рев пушек с фронта.

На своем заседании 8 февраля 1917 года сенат благосклонно оценил предпринятые мной усилия. Собрание, к которому я принадлежал, представило много критических замечаний; но меня лично оно не затронуло. Не так обстояло дело в палате 9 марта, где мне пришлось ответить на пять интерпелляций и множество вопросов. Наиболее едким из моих противников оказался г-н де Монзи; он потребовал, чтобы я заменил управление снабжения закупочным центром; я отказался это сделать, не желая поступаться ролью и правами государства. Я попытался пункт за пунктом ответить на все запросы. Но по этой причине моя речь, перегруженная фактами и цифрами, даже мне самому показалась очень тяжелой. Я указал на то, что был первым осмелившимся ввести ограничения и согласившимся установить твердые цены и провести реквизиции, первым посягнувшим на сложившиеся привычки и вкусы и заставившим страну пойти на жертвы. Я напомнил, что я боролся против холода и последствий подводной войны. «Мы достигли того момента, – сказал я, – когда стало совершенно очевидно, что экономический фактор будет иметь для окончания войны, быть может, такое же значение, как военный фактор». Палата продолжала упрямиться. Один из присутствовавших, отправившийся осведомить г-на Пуанкаре – в связи с чем я удостоился чести быть упомянутым в его знаменитых «Мемуарах», – заявил ему, что я изрядно надоел собранию. Это было правильно. Мой друг Эмиль Бандер тщетно меня поддерживал. Г-н Эмиль Фавр упрекнул меня, что я «пришел слишком поздно и в слишком старое министерство». Волнение г-на Клотца, за маневрами которого в палате я следил, обращало на себя внимание. С премьер-министром, выступившим в конце прений, обошлись ничуть не лучше, чем со мной, особенно социалисты. Очевидно, правительство находилось при последнем издыхании. Г-н Мариус Муте обличал тех, кто яростно нападал на людей, находящихся у власти, а сам не мог представить ни

малейших конструктивных предложений.

Приблизительно в то же время в Лионе меня обвинял перед «Республиканской социалистической федерацией»[42] г-н Оганьер, противник кабинета Бриана. Изрядную долю своих оскорблений он припас для меня; он издевался над недавно опубликованной мною книгой под названием «Действовать», встретившей довольно благосклонный прием. Он, впрочем, отказался, несмотря на настойчивые требования, дать объяснения по поводу трагической Дарданелльской истории[43], в которой он, как военно-морской министр, сыграл определенную роль и за которую нес свою долю ответственности. «Я жду, – заявил он, – чтобы оправдаться, конца войны». Это было, конечно, благоразумно.

Свергнуть этот шатающийся кабинет выпало на долю военного министра. 14 марта 1917 года палата собралась при закрытых дверях. Лиоте, который был туг на ухо, попытался увернуться от прений, он послал кого-то вместо себя, решив вернуться только тогда, когда возобновятся публичные заседания, чтобы произнести речь. Мне хотелось быть с ним в это время. Уже в кулуарах я услышал выкрики; потасовка была в полном разгаре. Лиоте не смог продолжать свою речь. Я сохранил ее оттиск, который он мне дал, со следующим заголовком и посвящением: «Речь, которую генерал Лиоте собирался произнести на заседании 14 марта 1917 года и чтение которой было прервано. Моему другу Эррио, в знак полной общности чувств и мыслей, искренней дружбы и полного доверия, глубокой любви к нашей стране и абсолютной веры в ее предназначение».

Изложив свои взгляды на авиацию и заявив о своей полной солидарности с главнокомандующим армиями, Лиоте просил палату оставить правительство «работать со спокойной душой», изменить свои методы и не затруднять нелегкой работы министров. «Я вижу, – сказал он, – что их беспокоят в любое время, что они с трудом урывают минуты для подлинно эффективной работы, что на их долю выпала самая тяжелая работа, какую когда-либо приходилось делать людям, что их беспрерывно отрывают от дела в тяжелой и подавляющей атмосфере инквизиции и подозрений. Я вижу их постоянно в роли обвиняемых… Если вы не верите нам, мне, – смените нас, ведь это так просто! Достаточно листка бумаги, опущенного в урну. Но если вы оставляете нас на наших постах, ради бога, окажите нам доверие и дайте нам возможность работать для Франции, для вас самих. Вы все, я знаю это, и очень многие из вас говорили мне об этом, слышали этот единодушный крик из траншей и с полей, умоляющий о тишине, порядке и руководстве… Я действительно

хотел бы, чтобы этот день был для всех нас часом решительной проверки нашей совести… Война повсюду; все вопросы, поднимаемые ею, – экономические, сельскохозяйственные, промышленные, равно как и военные, – взаимосвязаны и составляют единую проблему». Лиоте просил палату отказаться от непрерывных запросов и от перманентных обвинений министров.

Нынче утром, очень рано, мой друг, ночной сторож, пришел разбудить меня, чтобы сказать: «Я очень огорчен тем, что мне нужно сообщить г-ну министру: г-н министр больше не министр». «Тогда, – сказал я ему, – помогите мне уложиться». Единственными знаками уважения, оказанными мне при отъезде, был приход делегации, состоявшей из привратников и моего шофера, старого солдата территориальной армии. Оратор группы поблагодарил меня «от имени французского народа»; для меня это значило многое. Будучи уполномоченным составить кабинет, г-н Рибо послал ко мне г-на Мальви, чтобы объявить мне, что он разделил находившиеся в ведении моего министерства дела (в чем он был прав), и просил меня сохранить ту его часть, которая мне больше всего подходит. Я уклонился от этой чести. Я видел, что мой метод не имел у палаты успеха, я не мог делать ни лучше, ни больше. Кроме того, меня мало прельщало служить под началом г-на Рибо; я был на него очень зол за его нападки в совете министров на те меры, которые я принял, наивно поверив его жалобам.

Вступление в войну Америки внушает мне особенную уверенность. Оно должно было бы положить конец очень тяжелому положению не только со снабжением, но и с деньгами и с численным составом армии. Я узнал об этом событии в Лизьё, возвращаясь с торжественного открытия завода в Кане. Был очень холодный день, замерзли даже стекла нашего вагона. Шерон, сойдя на вокзале, вернулся, чтобы сообщить нам новость. Какое облегчение! Моя преданность Соединенным Штатам будет в значительной степени обусловлена воспоминанием о тех бедах, которые они так действенно помогли нам изжить.

Когда на смену «суженному» министерству Бриана, насчитывавшему всего девять членов, пришел «расширенный» кабинет Рибо, в котором их было четырнадцать, Леон Байльби в «Энтрансижан» от 20 марта 1917 года высказал суждение, которое мне извинительно привести и на которое я должен сослаться, чтобы отвести его последующие нападки. «Три человека, – писал он, – отметили своей яркой индивидуальностью состав предыдущего правительства: г-н Бриан, чьи предсказания в военной области как будто сбываются ныне; генерал Лиоте, этот

первоклассный организатор, чья методическая деятельность начинала приносить свои положительные результаты; г-н Эррио, назначенный министром среди ужасной сумятицы и чью инициативу и полезные решения мы сумеем оценить лишь впоследствии… Здесь, где стремятся судить власть совершенно независимо, отмечают, что Бриан, Лиоте и Эррио заслужили народную признательность и пользовались ею».

Пока я находился в министерстве, я научился ценить Рене Вивиани, чьим соседом я был в совете. Из всех его качеств и талантов меня особенно восхищало его красноречие; по-моему, он был первым оратором Франции и в этом отношении был выше Бриана. Он говорил мне, что постоянно изучает Цицерона; обычно резкий и даже грубый, он удивлял классической чистотой речи. 21 марта 1917 года он передал мне следующую записку:

> «Я не смог увидеться с вами со времени нашей разлуки. Я хотел бы сказать вам о том огорчении, которое это мне причинило. За три месяца совместной работы я научился лучше понимать ваш тонкий и деликатный характер, чем за годы, когда перерывы между встречами отдаляют людей. Я знаю, насколько вы выше дрязг нашей политической жизни, и поэтому мне нет надобности говорить вам, что человек, подобный вам, уходит не в отставку, а лишь на отдых».

В качестве сенатора я присутствовал на процессе Мальви[44]. Омерзительная пародия на правосудие! Я вспомнил о придирках в армии, когда новобранца обвинили в том, что он утерял ключ от полигона. Когда вынуждены были признать, несмотря на свидетельства кучки убийц, сутенеров и сводниц, что Мальви не предатель, против него состряпали обвинение в должностном преступлении. Я отказался участвовать в подобной гнусности.

III. Вклад Лиона (март 1917 года – 16 ноября 1919 года)

Дело Кайо[45] взволновало общественное мнение страны. Я присутствовал на заседании совета грозных министров, когда о нем впервые упомянули. Кайо энергично защищался. Он весь ершился тщеславием. «Я, – говорил он мне, – вовсе не злой человек, а старый избалованный ребенок». Во время агадирского инцидента[46] он спас мир. Ему мы обязаны подоходным налогом. Он был, несомненно, и демократом, но с манерами аристократа, коробившими невежественных и дурно воспитанных демагогов. Его упрекали в высокомерии. «Недостаточно быть лысым, чтобы походить на Юлия Цезаря». Он не делал уступок внешним приличиям. Короче говоря, это был государственный деятель.

8 июля 1917 года он писал одному из моих бывших учеников, уже ставшему профессором: «Мой старый друг Виктор Баш сообщил мне о вашем письме и, наверно, поставил вас в известность, что я вам отвечу. Как можете вы, сударь, брать на веру клубок сплетен, переданных вам из Парижа и о которых Баш сказал, зачитывая их мне: «Это пахнет Леоном Доде[47]?» К сожалению, даже не им! Я обретаю в них всю желчную глупость бульваров, дух систематической клеветы, которую неудачники и посредственности разносят по кафе, модным барам и бирже. Ну, а в печати распространяются гнусности про человека, само собой разумеется, без тени доказательств. С какой радостью их встречают, особенно если человек, в которого метят, захотел провести демократические реформы, стеснительные для трутней, жужжащих вокруг крупных газет, парламента и биржи!

На что ссылаются они сегодня, выступая против меня? На историю моего путешествия в Италию? Но, сударь, разве вы не прочли моих последовательных опровержений и, в частности, моего длинного письма лорду Нордклиффу, директору «Таймс», о диктатуре клеветы? Разве вы не знаете того, что этому письму, перепечатанному большинством французских газет, и особенно «Эко де Пари», никто не противопоставил и даже не пытался противопоставить ничего похожего на опровержение? Если вы не знаете этих фактов, я сообщаю их вам и прошу судить.

Хотите, чтобы я уточнил? Говорят, что я сказал в Риме: «сепаратный мир». Кому? Где? Как? Пусть ответят!

Говорят, что я агент мировых финансовых кругов. По правде говоря, эта клевета наиболее распространенная и чаще всего повторяемая по моему адресу. Каким же низким должен быть

умственный уровень тех, кто не видит, что поддерживать подоходный налог и заставлять за него голосовать вряд ли наилучший путь для завоевания благоволения «мировых финансовых кругов», существование которых, кстати говоря, представляется мне сегодня до странности проблематичным.

Что еще? Давайте-ка, сударь, попросите вашего корреспондента собрать все мелкие гнусности, которые распространяют те, кому моя деятельность испортила пищеварение… Выложите передо мной все содержимое мусорного ящика. Я отвечу так, как ответил в июле 1914 года во время тяжелого для меня процесса[48], когда мои противники льстили себя надеждой уничтожить меня и когда все сплетни, все обвинения рухнули из-за ничтожества доказательств… Спустя несколько месяцев я совершал поездку по Южной Америке, у меня было поручение; главный редактор самой большой газеты Буэнос-Айреса «Ла Пренза» сказал мне: «Мало государственных деятелей, чью жизнь можно было бы выставить напоказ, отдать, на суд неумолимых противников и которые могли бы, подобно вам, выйти из зала суда так, чтобы ни одно пятно грязи к ним не пристало».

Я дал волю своему перу, сударь, но еще не рассказал вам о том чувстве, которое я испытал, когда мой друг Баш читал мне ваше письмо. Как может просвещенный человек, стиль которого обнаруживает возвышенный дух мыслей, профессор французского университета, придавать какое-либо значение россказням, вроде тех, о которых вам писали? Понимаете ли вы, что, видя эту восприимчивость к клевете, начинаешь бояться за будущее нашей страны? Значит, достаточно, чтобы какие-то журналисты распустили лживые слухи, а вертопрахи разнесли неизвестно откуда идущую молву, чтобы хорошие, порядочные, честные люди, дорожащие своей родиной и демократией, почесали в затылке и сказали: «Ну-ну! Нет дыма без огня». И их душа, *скорая на строгое суждение о тех, которых она должна была бы защищать, но чья популярность, без сомнения, стеснительна,* множит недоумения, порождает сомнения.

Решительно, я не ошибался. Она в высшей степени страшна, эта диктатура клеветы, страшна, потому что брошенное на ветер семя находит благоприятную почву, принимается и произрастает.

Я только что говорил вам о Южной Америке, сударь. Я вынес оттуда замечательные слова, проникнутые смертельной усталостью, глубокий смысл которых я сейчас постигаю лучше, чем когда-либо. Я представляю их на ваше суждение. «Те, кто служил великому делу революции, пахали море», – сказал умирая Боливар». Кайо искупал свою независимость, силу, высокий ум и

замечания, часто язвительные.

* * *

Помимо своего участия в усилиях всей нации, Лион делал во время войны и свое собственное дело. Он создал 28 муниципальных госпиталей, центр помощи для 25 тысяч беженцев, бельевой склад для солдат, организацию помощи для французских пленных, которая снабжала тридцать тысяч наших пленных и большое число пленных союзников. Особой заслугой моих сограждан является то, что они собрали более 20 миллионов франков, не прибегая к муниципальному бюджету.

Мы точно так же организовали снабжение города, не затрагивая коммунальных фондов. Когда в марте 1917 года я оставил министерство, мои коллеги по совету проголосовали за ассигнование значительных сумм для покупки продовольствия. Я предложил другой метод. Я создал совместно с представителями потребителей и торговцев расширенную комиссию, которая, собираясь каждую неделю, регулировала спрос и предложение. Группа лионских банкиров предоставила в наше распоряжение все необходимые средства. Такое сочетание административной власти с инициативой и компетенцией отдельных лиц дало наилучшие результаты. Мы покупали даже в колониях и за границей; мы даже организовали поезда для доставки свежей рыбы.

Мы действовали таким же образом и в вопросе отопления жилищ населения. Мы пустили в эксплуатацию заброшенные угольные шахты и карьеры бурого угля. Мы производили рубку леса, используя для доставки его населению электрический транспорт. Я с гордостью могу сказать, что благодаря такой организации во время войны 1914-1918 годов никто в Лионе не страдал от голода и холода. Мы не только не затронули коммунальный бюджет, но подобное руководство принесло нам прибыль, превысившую 2 миллиона. Эту сумму мы разделили на две части. Она позволила нам закончить для детей Лиона оборудование имения Сибень и субсидировать организацию рабочих производственных обществ; одно из них – «Будущее», организованное каменщиками, – стало благодаря превосходному ведению дела одним из наиболее мощных предприятий Лионского района.

Но в конце войны правительство г-на Клемансо относилось ко мне явно недоброжелательно, встречая при этом поддержку со стороны некоторых депутатов от Лиона. Я иногда в шутку

говорил, что в тот период я был единственным спекулянтом, подвергавшимся преследованиям. Я предстал перед Государственным контролем. По правде говоря, я никогда не мог понять, как это управление частными капиталами может подлежать такой высокой юрисдикции. Но общественный деятель должен всегда охотно идти навстречу любой проверке своих действий. Я охотно подчинился этой недостойной процедуре. Впрочем, все лионские организации – от торговой палаты до биржи труда – открыто меня поддержали. Я подсчитал коробки сардин и мешки с сухими овощами, которые я роздал. Дело дошло до сената. Г-н Памс, министр внутренних дел, осмелился вполне серьезно заявить, что мои закупки риса в Испании были хитростью, чтобы сноситься с врагом. В то время сотрудничество с Германией не пользовалось благосклонностью правительства. Оно приводило не в министерство, а на виселицу. Один генеральный прокурор, г-н Луба, пострадал за отказ войти в игру готового на все префекта, направленную против моего управления. Меня допрашивали, проверяли, инспектировали, обо мне наводили справки. Государственный контроль вынес мне безоговорочное оправдание. Когда, свободный от всяких подозрений, я пошел поздороваться с докладчиком, к которому остерегался подходить во время следствия, он показал мне комнату, наполненную папками дел, что было вызвано моим процессом. Очень возможно, что следствие, наряженное против мэра, виновного в том, что он хотел защитить население своего города, избавило от опасности нескольких могущественных спекулянтов, какими всегда кишит навоз войны.

* * *

Нас очень беспокоила проблема, возникшая в связи с большим числом инвалидов войны. Нам казалось, что в этом плане нужно было добиться значительных сдвигов. Конечно, учреждение Дома инвалидов, которое относится примерно к 1670 году, свидетельствовало о благородных намерениях. До этого славными жертвами военного долга вовсе не интересовались. Долгое время солдат-инвалид, «костыльник», вынужден был нищенствовать. Франция XVI века была полна этими несчастными. Впервые помощь раненным на поле боя была организована в нашей армии, каждый полк сопровождал хирург. Им был метр Симон, который лечил раненого Блеза де Монлюк; им был наш великий Амбруаз Паре; на следующий день после осады Меца он помогал монсеньеру де Гиз эвакуировать раненых.

Но после того, как раненого, по выражению Паре, перевяжет хирург и исцелит бог, его снова предоставляли его горькой участи, и он был вынужден бродяжничать. Отец иезуит Дю Серсо, специалист по школьным трагедиям, разжалобил своих учеников судьбой бедняка, вынужденного похваляться тем, что он сделал для пользы государства, и говорить: «Сжальтесь над бедным калекой».

Гравюры Калло рисуют нам его тяжело опирающимся на пару костылей, одетым в грязные лохмотья, с подвешенной на боку сумой и таким жалким, несмотря на украшенную султаном фетровую шляпу, с помощью которой он напрасно пытается сохранить воинственный вид. Некоторых подбирали монастыри, где они жили как набожные светские лица, другие становились разбойниками.

Генрих IV и Людовик XIII начали собирать инвалидов войны в несколько приютов. Но узаконил их положение Лувуа[49]. Он предписал указом от декабря 1668 года произвести перепись всех аббатств и приорств королевства; те из них, которые имели более тысячи ливров дохода, он обложил налогом, поступления от которого шли «на содержание дома для раненных и искалеченных на войне или состарившихся на службе солдат, дабы положить тем самым конец всяким злоупотреблениям». Лувуа постановил отчислять в пользу этого заведения при уплате чрезвычайных военных налогов 2 денье с ливра. В 1670 году инвалиды получили свое первое пристанище в Париже на улице Шерш-Миди. Четыре года спустя их перевели в прекрасный дворец, построенный для них Брюаном на равнине де Гренель. Наполеон щедро отпускал средства на содержание этого дома, где теперь покоится он сам. Но уже Вольтер, воздавая хвалу Дому инвалидов, указывал в своих «Наставлениях принцу королевской крови», что надо изменить это учреждение. Освобожденный от службы солдат «может еще, – писал он, – пахать или заниматься полезным ремеслом, он может дать родине детей».

На долю Лиона выпала честь создать, под покровительством Жоффра и Фоша, первые школы для переобучения искалеченных солдат. Я должен сказать, как у меня возникла эта мысль. В октябре 1913 года я посетил в Шарлеруа великолепный Университет труда, созданный по инициативе г-на Пастюра, постоянного депутата от Эно. Я был чрезвычайно поражен этим учреждением, целью которого было обучить не нескольких отборных рабочих, привилегированных единиц, но обучить, поднять всю массу, снабдить местную промышленность крепкими кадрами, дать ей войско, солдат, армию. То было замечательное проявление бельгийского гения. Его поддерживал патронат. Г-н

Эрнест Сольве, король соды, и угольный король г-н Рауль Вароке щедро одаривали его. Руководил этим учреждением уверенно и твердо г-н Омер Бюиз.

Это посещение дало мне возможность сопоставить и наглядно увидеть убожество нашего французского технического образования и принять, по крайней мере в отношении Лиона, несколько радикальных мер. Один пример: обучение водопроводчика занимало пять лет; разумеется, речь идет о подготовке настоящих мастеров, владеющих старинными и славными методами своего ремесла, применявшимися при возведении наших великолепных построек средних веков, но умеющих одновременно и приспособить свои методы ко всем требованиям современной науки, в особенности санитарной техники. Кроме того, начали восстанавливать старые промыслы, вроде совсем было исчезнувшего гончарного производства в Буффиуле. Другое следствие: рабочий, который прошел обучение на совершенных машинах Университета, побуждает хозяина модернизировать оборудование предприятия. Таким образом, самые разнообразные виды производства, как типографское и хлебо-кондитерское производства, преобразились по всей области под влиянием этого подобия практической ремесленной академии.

Я обратил особое внимание на показанную мне достойным бургомистром Шарлеруа г-ном Деврё школу для калек. Именно в память этого посещения я разместил однажды в зимний вечер в одном из домов, принадлежащих городу, несколько раненых солдат. Начало было очень скромным. Преподаватель в отставке отечески заботился об этих молодых людях. Сначала мы устроили маленькую сапожную мастерскую. Затем число преподаваемых профессий стало расти.

Мы даже смогли организовать маленькую фабрику игрушек, производству которых содействовало лионское население. В дальнейшем я часто встречал бывших воспитанников школы Жоффра и школы Фоша, которые смогли вновь наладить свою независимую и достойную жизнь. Это было прекрасной наградой.

В 1916 году мы создали организацию по разбивке муниципальных рабочих садов.

Война не прервала нашей работы по градостроительству. Госпиталь Гранж-Бланш строили сначала безработные, потом военнопленные. Постепенно строился мост Вильсона; он должен был быть торжественно открыт американским отрядом. Мы заложили фундамент прекрасного стадиона по проекту Тони Гарнье.

Первая лионская ярмарка образцов открылась 1 марта 1916

года в то самое время, когда начиналось сражение под Верденом. Примерно в середине 1915 года двое жителей Лиона, г-н Антуан Ривуар, член торговой палаты, и г-н Арло, пришли ко мне в мэрию с предложением создать учреждение, способное конкурировать со знаменитой «Messe» в Лейпциге. Я и сейчас вижу их, принесших в мой кабинет, чтобы проиллюстрировать свой план, каталог, отражавший немецкое предпринимательство. Это была смелая мысль – бороться с торговым рынком, созданным, по словам историков, в XII веке и получившим свой окончательный статут от императора Максимилиана, жестоко каравшего разбойников, осмелившихся напасть на караваны, направлявшиеся на эту ежегодную ярмарку. Во второй половине XIX века немцы превратили Лейпцигскую ярмарку в контору образцов, где фабрикант заключал с покупателем оптовые сделки. Дело было не в выставке; гнались не столько за количеством посетителей, сколько за их значимостью; благодаря такой организации заводы и мастерские Германии получали заказы со всего мира. Производитель развивал и изменял свои орудия труда, применяясь к нуждам и вкусам своей клиентуры. В 1897 году на ярмарке перед пасхой собралось около 1300 участников, а в 1914 году – 4200.

До войны многие французы указывали на исключительное значение этой ярмарки. Но тщетно Жюль Юре посвятил ей главу в своей книге о Баварии и Саксонии. Он рассказывал о людях-рекламах, расхаживающих со своими плакатами по Петерштрассе, Гриммештрассе и по прилегающим к ним улицам. Одни из них обвешаны напечатанными объявлениями, другие целиком исчезли под символическими гигантскими картонами; этот целиком закрыт фотографическим аппаратом; другой, весь обмотанный медной цепью, работает у фабриканта часов. Днем весь Лейпциг в лихорадке; вечером там все пьяны от веселья и пива. Заключаются крупнейшие сделки. По книгам и мехам Лейпциг занимает, в частности благодаря своей ярмарке, одно из первых мест.

Я изучал это немецкое учреждение по обстоятельному докладу одного из наших консулов, г-на Леона Аркé; из него я узнал, что некоторые наши большие магазины и универмаги закупали в Лейпциге парижские товары. Англия создала Лондонскую и Бирмингамскую ярмарки. Я попытался наделить подобным преимуществом и нашу страну. Анонимное общество с капиталом в 300 тысяч франков взяло на себя расходы по созданию, пропаганде и организации. Уже на первом собрании в феврале к нам примкнули 650 французских и иностранных фирм. Мы построили на обоих берегах Роны 683 лавки. Пришлось

соорудить дополнительные помещения для многочисленных фирм, запоздавших с записью.

Сражение под Верденом было в самом разгаре. Занимаясь своим делом, мы трепетали; в редкие минуты передышек мы с тревогой склонялись над картой генерального штаба. Дуомон, Во, Бетэнкур – священные названия! – с каким воодушевлением обращались к вам наши мысли! И все же мы видели какую-то связь между героической битвой и нашим торговым сражением. Нам казалось, что мы преследовали, хотя заслуги наши были меньше, ту же цель: освободить и защитить гений Франции, ее производство, ее труд. Впрочем, создавая этот институт для будущего, мы возвращались к старой лионской традиции. В XV веке и в первой половине XVI века торговцы и банкиры Италии, Германии, Фландрии, Испании и Леванта собирались четыре раза в год у слияния Соны и Роны. Лионские ярмарки были тогда одним из наиболее оживленных центров международной торговли. Поступавшие сюда товары освобождались от налогов, все валюты имели здесь свободное хождение. Здесь вырабатывалась специальная юрисдикция, из которой впоследствии возникло торговое право. Любопытная параллель: ярмарка создавалась в 1420 году, то есть в эпоху, когда Париж был занят англичанами и бургундцами, Нормандия захвачена, часть страны порабощена английским королем, а Франция, ожесточенно защищая свой национальный гений и жизнь, сплотилась вокруг дофина, который, казалось, воплотил в себе дух страны. Карл VII расширил привилегии ярмарки; они были подтверждены Людовиком XI, сделавшим так много для обогащения Лиона. Лионским ярмаркам пришлось сначала бороться против ярмарки в Женеве, затем против ярмарок в Труа, в Бурже, в Туре, в Париже. Благодаря им Лион стал крупным центром распределения товаров и занял первое место в Европе по обменным и банковским операциям. Сами короли приезжали сюда в поисках кредита и денег. Обмен мыслями сопутствовал обмену товарами. Лишь в конце XVI века лионские ярмарки начали приходить в упадок. Но они еще долго процветали. Там покупали меховые изделия, кожи, металл, соболей, доставленных из Германии, рысей и черных ласок, листовое железо, сталь, медь, латунь, лес, страусовые перья, губки, шерсть и хлопок, серый янтарь, музыкальные инструменты, галантерею, драгоценности. Здесь торжествовали книготорговля и шелковые товары. Торговцы, расположившиеся на берегах Соны, наводняли таверны: «Под тремя полумесяцами», «У папессы» и «Миланский замок». Платежи регулировались в обменной конторе. Какую радость испытывал я, пытаясь вернуть Лиону эту изобильную

жизнь, трудясь над промышленным освобождением Франции!

Первым оказал нам содействие генерал Лиоте. Он сообщил мне о согласии Марокканского протектората быть участником Лионской ярмарки и велел вписать в его бюджет 30 тысяч франков для этой цели. Впрочем, у нас с генералом с тех пор установилась полная общность взглядов по всем международным вопросам. Я тогда только что опубликовал в «Радикаль» две статьи о Востоке. 6 января 1916 года он написал мне: «Для меня, которого эти вопросы так близко затрагивают в силу занимаемой мною должности, было большим облегчением, что человек с вашим авторитетом бьет тревогу по поводу Востока. «В Сербии, – пишет цитируемый вами корреспондент, – находится центр тяжести всей войны и будущего века». Эту формулу, мне кажется, можно еще расширить и распространить на всю зону от Сербии до Египта, включая Дамаск и Сирию. Именно туда, к мусульманской точке зрения, которая единственно меня интересует, приковано все мое внимание, я чуть не сказал – тревога. *Caveant Consules!*[50] Как вы говорите, «Германия нисколько не импровизирует». И я согласен с вами. «Настоящее положение требует самого решительного исследования и самой твердой воли. Ничто не потеряно, но угроза велика. Все может спасти неукротимая и вооруженная знанием энергия».

Чтобы Лионская ярмарка получила тот размах, которого можно было ожидать после ее первого съезда, нужен был бы общенациональный план экономического развития. Вместо того чтобы все предоставить воле случая (единственный министр, которого никогда у нас не свергали), надо было распределить обязанности и роли. Я осмелился писать 20 августа 1916 года: «Страна только тогда будет экономически организована, когда каждый из ее районов будет заинтересован в процветании всех остальных». Германия специализировала производство своих крупных городов: Гамбурга, Мюнхена, Франкфурта, Лейпцига. Нам тоже, казалось бы, следовало усилить роль Марселя – как золотых ворот Востока, Бордо – как экспортера за океан, Парижа – как центра производства предметов роскоши, оставив Лиону его роль железнодорожного поворотного круга и внутреннего рынка. Но с ярмарками поступали также, как с портами. Каждый город захотел иметь свою. Наш индивидуализм препятствовал тому сосредоточению, которое необходимо, чтобы привлечь хотя бы иностранных оптовых покупателей. Тем не менее международная Лионская ярмарка жила и процветала. Чего я не предвидел, так это того, что наступит такой день (в 1941 году), когда там на почетном месте выставят портрет Гитлера и гербовый щит со свастикой, и это в тот самый год, когда нашего дорогого

генерального секретаря г-на Тузо, оказавшего столько услуг ярмарке, убьют немцы.

* * *

Война, подстегнув наше воображение, побудила нас выдвинуть и другую проблему Франции, проблему общего устройства Роны, которую я изложил 5 ноября 1916 года в Женеве, в Виктория-холл. Организованные нами туристские поездки позволили нам оценить живописную прелесть реки. Надо было сделать лучшее – попытаться обуздать этот мощный поток.

В своих «Письмах с Рейна» Гюго рассказывает о впечатлении, которое произвела на него река, когда он в расцвете своих двадцати лет направлялся в Швейцарию. «С тех пор, – пишет он, – Рона вызывает в моем воображении мысль о тигре, а Рейн – о льве». В детстве отец заставлял меня читать труды инженера Лантерика о «Мертвых городах Лионского залива, или о Морском Провансе»; так я впервые мельком познакомился с великолепием Арля и поэзией Эгморта. В течение десятков лет наблюдал я, как под моими окнами несется громадный поток, шум которого сопровождал прилежные мечтания Кине и Альфонса Доде. Я часто думал, что если Пювис де Шаванн сумел вложить столько простора в свои пейзажи, то это отчасти потому, что он наблюдал эту обширную гладь, перерезанную островами, и, может быть, даже с того места, с которого пришлось созерцать ее мне.

Меня неотступно преследовала мысль о бесполезности такой силы. Каково же было состояние Роны накануне войны? Ее объявили сплавной рекой между швейцарской границей и Шато дю Парк и судоходной в остальном течении; но сплавная часть теперь заброшена. Вверх по течению от Лиона лишь единичные суда еще перевозят строительные материалы. Во время поездки на гидроглиссере из Лиона в Экс-ле-Бен по каналу Савьер, который соединяет через Шолань озеро Бурже и Рону, мы не встретили, граф Ламбер и я, ни одного судна. Судоходный маршрут по Роне от Лиона до моря дальше продолжается по Соне. В течение веков Рона постоянно изменяла свое русло посреди косогоров, ограничивающих ее долину; там, где она пересекает аллювиальную равнину, она дробится на несколько рукавов, или «лон». Таким образом, когда фарватер не укреплен с помощью соответствующих работ, река изменяет его, размывая песок и гальку дна. Кое-где Рона пробивается через узкие ущелья, например в Пьер-Шатель или в Донзере. Необходимая для судоходства глубина поддерживается или создается посредством

кладки подводного фундамента, запруд и усов. На Верхней Роне в Со пришлось сделать ответвление; в одном месте нужно тянуть суда бечевою. В межень из-за некоторых мостов приходится останавливать навигацию – либо из-за узости арочных проемов, либо из-за огромных каменных нагромождений, предназначенных для защиты быков. Таков великолепный мост Сент-Эспри, оправданием которому служит то, что он был сооружен в XIV веке орденом святых братьев.

Для Роны характерны значительные уклоны и изменчивость режима реки. Бурные притоки вроде Эны и Изера откладывают в ее русло наносы, которые еще больше затрудняют судоходство. От места впадения Эны до места впадения Соны уклон составляет 80 см на километр и равен 77 см от слияния с Изером до слияния с Ардешем. Природа русла, характер берегов способствуют отложениям, создавая целую цепь бьефов, порогов и водопадов, изменяющихся из года в год и в зависимости от сезона; холод приводит к понижению уровня воды в верховьях, в то время как жара и засуха уменьшают количество воды, которое несет Сона. На этой дьявольской реке сплошные контрасты. Приходится даже удивляться и радоваться тому, что паводки притоков не совпадают; если бы они совпали по времени, они бы произвели ужасные опустошения. «Нет такого города на берегу Роны, – говорится в одном официальном документе, – который был бы в этих обстоятельствах застрахован от вторжений реки. Во время знаменитых наводнений 1856 года паводок Верхней Роны превзошел все предыдущие, но на Соне подъем воды не превышал обычного». Эти отрывочные сведения подтверждают определение Гюго: Рона – тигр. В течение последнего столетия судоходство сходило на нет. Фредерик Мистраль говорит об этом в своей восхитительной «Поэме о Роне». «О времена дедов, веселые времена, времена простоты, когда на Роне ключом била жизнь, когда мы, дети, приходили смотреть, как по водной глади гордо проплывают мимо, держа в руках штурвал, кондрильоты! Они превратили Рону в огромный улей, наполненный шумом и деятельностью. Все это ныне мертво, немо и пустынно, и от всего этого оживления, увы, остался только след на камнях – борозда, которую сделала в них бечева, да слегка изношенный камень – вот все, что осталось от навигации, чьим девизом была Империя!»

Рона была огромным ульем,
Полным шума и труда.
Все теперь мертво, немо, пустынно.
Увы, от всего этого шума и труда
Остались только след и борозда,

Которые протерла бичева на камнях.

Нашей задачей было вернуть жизнь этому великому покойнику. Тут было чем воодушевить лионского мэра, убежденного в том, что интересы такого города нужно отстаивать далеко за его пределами и что проблема Роны является национальной или даже интернациональной проблемой.

Уже в 1911 году г-н Эмиль Арле указывал, что пороги Роны на участке между швейцарской границей и Женисья представляют источник энергии, достаточно мощный, чтобы снабдить энергией столицу и весь район Франции между верхним течением реки и Парижем.

В статье, опубликованной в лионской «Салю пюблик» 6 июня 1918 года, профессор Морис Циммерманы, этот выдающийся географ, изложил сущность всей этой проблемы Роны, за которую мы так долго боролись. Прежде проблема Роны ограничивалась вопросом навигации. Уже в 1878 году И. Б. Крантц настаивал на сооружении обводного канала. Инженер Х. Жирардон преобразовал реку ниже Лиона, проведя работы, не уступавшие по эффективности тем, которые произведены на Рейне и на Эльбе. Вскоре после 1880 года появился белый уголь. Берже на своем заводе в Лансей предвосхитил революцию, которой предстояло привлечь промышленную энергию к горам и их потокам. Ипполит Фонтен и Марсель Депре своими памятными опытами 1885 года между Визилем и Греноблем показали, что энергия может передаваться на расстояние. Отныне энергия, порожденная белым углем, становилась таким же поддающимся перевозке товаром, как каменный уголь или зерно. В то же время не переставали развивать оросительную систему на берегах Нижней Роны, особенно на прованском; таким образом, к судоходству и источнику энергии прибавилась третья форма использования. Итак, между 1898 и 1900 годами, когда торговые палаты юго-востока стали изучать вопрос постройки обводного канала, вся проблема представлялась уже в новом аспекте. Дело шло уже не только о навигации, но о *полном преобразованиии Роны от Лиона до моря.*

Профессор Циммерманн указывал, что этот новый способ понимания проблемы делал ее более сложной. В самом деле, условия, необходимые для судоходного канала, для ирригационного канала и для энергетического канала, зачастую противоречивы. Любой судоходный канал должен иметь очень малый уклон (0,1 м на километр в среднем по водной сети Франции). Канал электростанции, напротив, требует всегда

довольно большого среднего уклона. Наконец, что касается ирригационных каналов, то над всеми остальными соображениями превалирует вопрос себестоимости: она должна быть возможно более низкой. В технических кругах эти вопросы обсуждались и мнения разделились. К тому же стоимость запроектированного обводного канала должна была быть очень высокой; искали более экономичных решений, стремясь непосредственно использовать реку, выправив ее русло. В течение семнадцати лет придерживались высказанного в 1901 году междепартаментской комиссией пожелания в пользу обводного канала.

Вопросу было суждено претерпеть еще одну эволюцию. Проблема Верхней Роны внезапно приобрела драматический аспект. С 1900 года г-да Блондель, Арле и Маель выдвинули мысль о грандиозной плотине в Женисья, чтобы использовать энергетические ресурсы реки при ее прохождении через Юрские горы для снабжения парижского района. На своем заседании 3 октября 1900 года торговая палата Лиона высказалась в пользу осуществления этого проекта; она просила правительство сделать выбор между предложенными проектами. Однако перед лицом объединенной оппозиции, выражавшей местные интересы, правительство хранило молчание. Во время войны проблема приобрела международный характер из-за интереса, проявленного к ней Швейцарией. Отныне речь шла о подлинной борьбе между Роной и Рейном. С тех пор как немцы благодаря работам инженера Гельпке довели навигацию по Рейну до Базеля и Рейнфельдена, Швейцария призывала нас на помощь и выдвинула программу «Из Роны в Рейн». Швейцарцы собирались устроить путь вдоль Ааре и питающих его озер, открыть начатый и незаконченный в 1640 году канал Антрерош и переместить центр навигации до Лозанны и Женевы при условии, что Франция откроет Рону от Лиона до Женевы. Базелю, являющемуся внутренним портом для Роттердама, соответствовала бы Женева, внутренний порт для Марселя.

Я изо всех сил настаивал на том, чтобы решение было принято до окончания войны. «Необходимо, – заключал профессор Циммерманн, – чтобы государство создало совет более широкого состава, где были бы представлены не только интересы прибрежных жителей, но национальные и международные интересы, отныне неотделимые от этой проблемы». Мне пришлось заняться этой проблемой, когда я стал, в конце 1916 года, министром общественных работ. Я изо всех сил старался форсировать исследования. Но существовало много трудностей. Эксперты, в частности, обсуждали вопрос о способности меловых

известняков, составлявших русло Верхней Роны, выдержать тяжесть фундаментов запроектированной плотины в Женисья.

* * *

Одним из результатов нашего руководства снабжением в течение войны 1914-1918 годов был дар имения Сибень около Треву, в департаменте Эн, который мы смогли сделать городу Лиону. Меня больше чем когда-либо поражала солидарность горожан и сельских жителей, проявлявшаяся в это трудное время и так часто непризнаваемая. Я, насколько возможно, облегчал последним доступ на наши рынки. Но мне хотелось большего. Я считал необходимым вернуть деревне, дав им хорошее общее и техническое образование, детей тех, кого город захватил своими щупальцами, используя их на разных службах: на железных дорогах, в трамвайной, газовой и электрической сети, в банках и т. п. Я решил купить с этой целью большое имение, заплатив за него из наших доходов.

Некоторое время мы – г-н муниципальный советник Дарм, г-н генеральный секретарь Серлен и я сам – искали. Наш выбор остановился на замке, принадлежавшем семье Сибень, очень известной в истории Лиона. При своем посещении мы застали пожилую даму, изысканно вежливую, которая лущила горошек перед своим очагом, между фамильными портретами и морским пейзажем Жозефа Верне. Она очень легко согласилась на то, чтобы уступить большому городу поместье, от которого она должна была все равно отказаться. Один торговец недвижимостью взялся собрать разрозненные земли поместья и присоединить к нему фермы, которые от него когда-то отпали.

Труднее всего было организовать самую школу. Меня всегда поражала неудовлетворительность методов действия, используемых во Франции. Если хочешь что-нибудь создать, то, по-моему, для этого существует два метода: один состоит в том, чтобы разработать настолько совершенный план, который достаточно было бы затем лишь осуществить на практике. Это теоретический метод. Другой заключается в том, чтобы подражать законам жизни, посадить росток, наблюдать за его развитием, следить за ростом. Именно этот метод я всегда предпочитал. Я успешно использовал его в случае со школой инвалидов и с домом для матерей. Я прибег к нему и когда дело коснулось Сибень. 11 ноября 1918 года я послал туда нескольких детей и преподавателей, поручив руководство одному преданному и мужественному человеку. Начало было трудным;

ученики, которых мне поручали, были иногда малопригодны для этого то по состоянию здоровья, то из-за характера. Но мало-помалу ошибки были исправлены, пробелы заполнены и фермы организованы. Я сам отправился на Бернскую ярмарку за быком знаменитой симментальской породы. Он был настолько хороших статей, со своей почти прямой линией спины, безукоризненным поставом ног, сочленением без выпуклости хвоста со спиной, посадкой головы, что позднее я признал его в выставленной в Малом дворце фигуре бронзового быка, вылепленной нашим достойным анималистом Помпоном. Он стоит теперь на городской площади в Сольё. Мы поставили на широкую ногу производство молока, снабжая им наши больницы и ясли. Надо мной, как водится, немало посмеялись. Сельскохозяйственное управление в Лионе делало все от него зависящее, чтобы воспрепятствовать мне. И все же школа год от года расширялась.

* * *

В 1919 году я создал в бывшей крепости Жерлан дом для матерей; снижение рождаемости во время войны пугало меня. Цель этого учреждения была изложена в опубликованной заметке: «Мэр Лиона напоминает брошенным матерям, что в их распоряжении имеется в замке Жерлан учреждение, где они могут находиться перед родами и воспитать своего ребенка в отличных условиях, не опасаясь огласки. Лица, которые будут просить, чтобы их приняли в дом для матерей, не обязаны себя называть. Для неимущих матерей содержание бесплатное».

Наконец, Лион помогал восстановлению Лаона и Сен-Кантена. Мы считали, мои сограждане и я, что то, что мы сами сохранили свое имущество, накладывало на нас особые обязательства по отношению к тем из наших братьев, которые в течение трех лет страдали от столкновений с захватчиками; лично я постоянно думал о своем дорогом коллеге Эрмане, чья прямая и гордая натура должна была подвергнуться тяжкому испытанию. Нам было известно от нейтральных лиц, какие страдания переносили захваченные города. С января 1916 года с населением Сен-Кантена обращались крайне сурово; предместье Сен-Мартен было разрушено; не хватало продуктов питания; людей силой заставляли работать и в случае отказа избивали и бросали в тюрьмы. Несколько штатских лиц было расстреляно; враг грабил заводы и фабрики, отправляя оборудование в Германию; скот, продукты, металлы непрерывно забирали по реквизициям; металлические деньги исчезли из обращения. Сен-

Кантенская община была эвакуирована при продвижении наших войск в марте 1917 года; жителей перевезли на север и в Бельгию. В Лаоне наши соотечественники были свидетелями грабежей, терпели лишения. В день рождения императора немецкие власти устроили шествие французских пленных; тех, кто не обнажал головы при звуках гимна рейха, били саблями и сапогами. В области были срублены все ореховые деревья, из которых делали ружейные приклады. От всех этих несчастий сжималось сердце. Лион хотел выказать свое сочувствие по меньшей мере двум городам-мученикам.

В 1925 году муниципалитет Лиона подвел итог своей двадцатилетней деятельности: созданы девятнадцать школьных групп; национальная профессиональная школа, объединенная со школой в Мартиньере; дом для студенток и дом для студентов; учреждены стипендии для средней школы, назначаемые лучшим ученикам начальной школы по представлению учителей; техническая женская школа, подготавливающая работниц для торговли и промышленности; муниципальные интернаты для мальчиков и девочек; сельскохозяйственная школа в Сибене; таков был наш вклад в интеллектуальное воспитание народа. Для физического воспитания г-н Тони Гарнье построил нам замечательный стадион Ла Муш.

Полиостью была восстановлена эксплуатация боен и рынка, использовавшихся во время войны для производства снарядов. Мост Вильсона был торжественно открыт в 1918 году отрядом американских войск. Город разрабатывал для своих нужд большой карьер в районе залегания гранита на Роне. Помогая своим крестникам – Лаону и Сен-Кантену – восстанавливать свое хозяйство, мы одновременно заботились и о квартирах для наших сограждан: приток новых жителей вызвал трудности в этом вопросе. Город учредил общественное бюро дешевых жилищ. Он организовал электробусное движение для общественных перевозок. Он преобразовал и усовершенствовал водопровод, разрешив сразу как проблему количества, так и проблему качества воды. На городе тяжело сказывались последствия знаменитого постановления Бордо, согласно которому города выплачивали огромные возмещения концессионным компаниям.

К этому перечню сделанного Лионом во время войны следует прибавить устройство франко-китайского университета в крепости Сент-Ирене.

В конце октября 1918 года по случаю заявления, сделанного несколькими группами крайне левых, партия радикалов, по моему настоянию, высказалась за твердую политику, что вовлекло меня в полемику с г-ном Марселем Кашеном. 30 октября

я писал в «Энформасьон»:

> «Тогда как так называемые демократы Германии нисколько не придерживались обязательств, взятых ими на себя в Берне; тогда как они примирились с насилием над Бельгией, пожаром Лувена, избиениями в Динане, убийством мисс Кавель[51]; тогда как они допустили, чтобы мирное население подвергали мучениям, которые, казалось, не могла оправдать даже сама война; тогда как они ничего не предприняли, чтобы смягчить ужасную участь наших военнопленных; тогда как они не прекращали разжигать против нас ненависть – оказывается, будет преступлением против демократии предостеречь тех славных людей, которых столь много во Франции: «Берегитесь западни! Не верьте Максу Баденскому[52], вчерашнему милитаристу, сегодняшнему пацифисту! Не верьте этим неожиданным превращениям, этой мнимой любви к свободе! Вспомните, как обошлись люди этой же породы с нашей молодой республикой 1871 года, умолявшей о пощаде! Французы, ради всего святого, не будьте похожими на этих варваров! Изгоните из ваших сердец неразумную ненависть! Но примите необходимые меры предосторожности. Не доверяйте!» Партия радикалов и радикал-социалистов требовала полного и безоговорочного возвращения Эльзаса и Лотарингии Франции, без всякого плебисцита, потому что эльзасцы и лотарингцы, наиболее привязанные к своей матери-родине, вот уже пятьдесят лет рассеяны по всему миру, не только во Франции, но и в Соединенных Штатах, в колониях, в Южной Америке.
>
> То было время, когда итальянский король в сопровождении своего сына, принца Пьемонтского, посетив приветствовавший его Париж, навестил раненых в госпиталях и своего тестя, черногорского короля (по отношению к которому он был столь мало великодушен), принял фуражира 3-го полка зуавов и произнес речь, в которой выражал уверенность, «всегда коренившуюся в его сердце». «Узы, которые связывают наши две страны, – заявил он, – имеют глубокие и нерушимые корни в самой душе наших народов, и прочность этих связей стоит выше превратностей политики и политических комбинаций и не зависит от них. Инстинкт народа никогда не обманывает его. Две великие

средиземноморские нации, которым судьба доверила великую миссию цивилизации и прогресса во всем мире, могут идти только в полном согласии, рука об руку по лучезарным дорогам истории. Эти чувства, эта завершенность составляют сущность духа, сближающего наши две нации между собой в общественном мнении всех слоев. Государственным людям, мудростью которых руководствуются правительства, надлежит воздвигнуть на этой основе здание из вечного гранита, величию которого не будет равного в веках».

В 1919 году я попытался подытожить в двух томах, опубликованных под названием «Созидать», те уроки, которые я извлек из войны. Я вполне искренне старался отыскать в них грядущие законы Франции, средство восстановить то, что наши старые писатели называли «славной обителью галлов», возродить страну, увенчанную славой и обильно политую кровью. Нельзя всегда жить героизмом. Мы желаем преобразования Франции, основанного на науке и только на науке, аналитического исследования ее нужд, усилий, подобных тем, которые прилагали удивительные люди 40-х годов, воодушевленные появлением демократии, вроде гениального Константена Пекера[53]. Это было возвращение к программе Ренана и к «Будущему науки», к программе Герберта Спенсера и Бертело. Чтобы осуществить такую реформу во Франции, нужно было обладать авторитетом, которого у нас не было, голосом Пастера, продолжающим и развивающим те уроки, которые он нам преподал после нашего поражения 1870 года. Как бы ни уважали слова г-на Эрнеста Лависса, основавшего «Французскую лигу», они не могли вызвать такого порыва, как призывы, брошенные некогда Мишле. Тем более наше терпеливое изучение не могло приобрести того ореола, которым мы хотели бы окружить план обновления Франции.

По крайней мере мы пытались рассмотреть в рамках взаимозависимости наций великие французские проблемы: проблему расы и населения, проблему природных богатств и ресурсов, проблему сельского хозяйства, проблему морских промыслов, исследования великих законов современной промышленности, организацию торговли и финансов, административную реформу, положение женщины, возрождение искусства, созидательную роль Франции за пределами страны.

Мы были особенно озабочены проблемой обучения. В 1919 году наше техническое образование, весьма неудовлетворительно поставленное и до войны, развалилось совсем. Мы оставались

верны своей склонности к универсальной культуре, которая казалась нашим отцам лучшим средством для достижения утонченности ума. Француз любит общие идеи, но пробавляется более словами, чем фактами. Тщетно требовала «Энциклопедия» отвести первостепенное место в государстве «механическим искусствам», напрасно Д'Аламбер и Дидро боролись за эту реформу. «Эмиль» Руссо вызвал только кратковременное увлечение. В этой области нас далеко опередила Германия; в этом истинная причина ее силы. К счастью, нашелся человек, г-н Эдмон Лаббе, занимавшийся во время войны вместе с г-ном Гувером снабжением оккупированных областей, который в дальнейшем, в мирное время, организовал техническое обучение. Но и его великолепных усилий оказалось недостаточно, чтобы убедить Францию, что нация, если она не может взять количеством, должна развить в себе дух качества.

В центре всего стоит проблема всеобщего обучения. Нельзя ли сломать этот режим «признания прежних порядков», который отказывает новым поколениям в методах, соответствующих их нуждам? Образование должно одновременно отвечать извечному народному гению и его эволюции. Наша система обучения остается враждебной распространившемуся теперь во всем мире принципу, согласно которому культура должна быть достоянием всех классов общества. В Мексике генерал Порфирио Диас заявил уже в 1896 году: «Распространение знания – вопрос жизни и смерти для наций, приверженных демократическим институтам». У нас Кондорсе начертал когда-то дивный план, который наши педанты на официальных постах осмеивают или просто не знают. Наших детей еще разделяет гнусное неравенство. В дальнейшем, когда у нас появилась возможность, мы объявили о великой реформе, о так называемой «единой школе», о системе набора учеников по способностям. Мы нашли себе в помощь такого человека, как Раймон Пуанкаре; но мы столкнулись с циничным эгоизмом привилегированных и с равнодушием самого народа. И настал день, когда носители социальных предрассудков с восторгом разрушили по грубому приказу своих хозяев ту малую толику справедливости, которую мы попытались дать детям, сблизившимся на поле брани и разделенным в разных, враждебных друг другу школах.

В меньшинстве (16 ноября 1919 года – 11 мая 1924 года)

16 ноября 1920 года я выступил в палате против возобновления дипломатических отношений с Ватиканом. Я изложил свою точку зрения в выражениях, которые, мне кажется, следует привести здесь, так как они определяют мою постоянную точку зрения на религиозную проблему. «Я хочу уважать все убеждения, и в частности, поскольку дело идет о них, католические убеждения. Статья 10 Декларации прав человека[54] провозглашает, что никого нельзя преследовать за его воззрения, даже религиозные, если только их проявление не нарушает общественного порядка, установленного законом… Закон об отделении церкви от государства[55], который я буду защищать, подтвердил эти принципы, обеспечив свободу всех верований, всех религий… Разве я не признаю величия института католицизма? Ничего подобного. Пока римская церковь, следуя воле своих основателей, ставила своей целью защиту принципов добра и милосердия против вечных фарисеев; пока она оставалась верной мысли Того, кто сказал, изгоняя торгующих из храма: «Дом мой домом молитвы наречется; а вы сделали его вертепом разбойников»; пока христианская община, переступив границы, в которых замыкались нации, исповедовавшие культ силы, посвящала себя установлению царства справедливости и защите прав духа; пока она устанавливала правила человеческого братства, борясь против догмы государственной религии, первой жертвой которой была она сама; пока она объявляла, что раб равен господину и что рабы не нужны; пока она, в период крушения империи и в ночи варварства, собирала первые элементы гражданской жизни, защищала культуру и искусство, открывала больницы и давала приют человеческой мысли под защитой каменных сводов римской церкви; пока она не так давно говорила устами Ламенне, Монталамбера или Лакордера – даже ее противники отдавали католической церкви дань уважения, к которому я присоединяюсь». Я выразил свое уважение к поступку Льва XIII, признавшего факт демократии и обратившего свои взоры к нищете обездоленных. Я отдал должное сестрам милосердия.

Но проблема, поставленная в 1920 году, не является религиозной проблемой, это вопрос внешней политики. Я нисколько не хотел совершить антиклерикальный поступок. Мое противодействие восстановлению посольства объясняется

четырьмя причинами. Первая причина. Поведение папы во время конфликта. В интервью, данном г-ну Латапи из «Либерте» в июне 1915 года, когда Италия только что вступила в войну, Бенедикт XV отказался осудить нарушение бельгийского нейтралитета, поджог Лувена и бомбардировку Реймса. Он ограничился тем, что послал кардиналу Люсону банальнейшее письмо с выражением соболезнования. «Тан» квалифицировала его поведение как «недоброжелательный нейтралитет»; г-н Альфред Капюс объявил его неприемлемым для любого француза. Газета Ватикана «Оссерваторе романо» осмелилась писать, что война, объявленная Австрии, является войной агрессивной, и заявить, что это происки масонов. Епископы Флоренции, Лекко и Анконы прилагают все усилия, в то время как папа остается нейтральным. В Бельгии убивают священников, а отец всех верующих по-прежнему нейтрален. Среди жестокостей VI века великий папа Григорий, простой монах, которого против его воли вытащили из его кельи на Авентинском холме и посадили на престол Петра, взошел на стены Рима, чтобы защитить свой город от ломбардцев, чтобы восстать против увековечивания рабства и потребовать возвращения евреям их синагог. Он приказал своим священникам: «Обуздайте насилие; ибо обуздать насилие мирян не значит идти против закона; это значит помогать закону». Бенедикт XV остается нейтральным. И мой патриотизм восстал против его поведения.

Вторая причина. Статья 2 Закона об отделении церкви от государства гласит: «Республика не признает, не оплачивает и не субсидирует ни один культ». Между тем ничто не налагает на государство таких внешнеполитических обязательств, как назначение посла, представителя его суверенитета. Согласно международному публичному праву, это назначение уже само по себе порождает юридические узы. Но Ватикан не признает культовых ассоциаций, предусмотренных французскими законами. Кардинал статс-секретарь не признал, по ходатайству некоторых епископов, режима отделения церкви.

Третья причина. Говорят: надо учредить посольство, хотя бы для того, чтобы обеспечить эльзасцам применение конкордата или пойти навстречу их пожеланиям. Но в письме от 3 января 1872 года статс-секретарь, кардинал Антонелли, заявил епископу Страсбургскому, что «конкордат 1801 года потерял силу с того дня, как Эльзас стал частью Германской империи». Фактически муниципальный совет города Страсбурга выразил пожелание, чтобы французская республика не посылала посла в Рим. Муниципальный совет Мюлуза «видит в возобновлении разорванных дипломатических отношений первый шаг к отмене

одного из основных законов республики: Закона об отделении церкви от государства». Да и сама Сирия, для управления которой будто бы необходим конкордат, является не более как перекрестком, где встречаются и сталкиваются религии и расы. Нам же нужно все ее население. Вообще же говоря, у Франции нет вне ее границ другого права, как права глубоко уважать все свободы и даже, в некоторых случаях, религиозные разногласия народов. «Мы, люди Запада, направили все наши усилия к тому, чтобы отделить понятие нации от понятия расы, так же как духовной власти от светской». «В глазах этих народов Франция больше себе повредила, чем принесла пользы, отказавшись предстать перед ними в качестве великой державы свободы, демократии и эмансипации».

Меня, наконец, беспокоила возможность обоснования в Париже при отсутствии конкордата нунция (на что, впрочем, г-н де Монзи не соглашался). Но даже при гарантиях конкордата постановление в период Консульства от 18 жерминаля X года предусматривало в отношении легата-кардинала самые строгие меры предосторожности. Вступая в должность, он должен был сделать следующее заявление: «Генерал первый консул, ваше желание определит продолжительность моего пребывания при вас. Я удалюсь отсюда не раньше, чем передав в ваши руки вещественные результаты этой важной миссии, при исполнении которой – вы можете быть в этом уверены – я не позволю себе ничего, что противоречило бы правам Правительства и Нации». Прежняя монархия, ее министры и парламент всегда принимали на этот счет самые тщательные меры предосторожности.

Заканчивая свою речь, я сослался на авторитет г-на Аристида Бриана, объявившего 21 марта 1905 года, что отношения с Ватиканом не будут возобновлены, и на г-на Луи Барту, высказавшегося в том же смысле. Я искренне оставался верен этим обязательствам. Я привел памятные инструкции Ришелье Шомбергу: «Интересы государства, которые связывают монархов, отличны от интересов спасения наших душ». «Мы верим, – обратился я к большинству, – в идеи, которые вы отказываетесь признать в своем понимании внешней политики. Мы верим в справедливость тех либеральных идей, тех социальных идей, которые начертаны в программе нашей республики… Когда Французская республика обращается к народам мира, она разговаривает с ними не на коленях, а стоя».

Программа работ по преобразованию Роны, от швейцарской границы до моря, с тройной целью – использования ее энергетических ресурсов, судоходства и для нужд сельского хозяйства – была наконец одобрена законом от 27 мая 1921 года.

Это был результат усилий пятнадцати лет. Река была разделена на шесть участков. Вся совокупность намеченных работ должна была стать объектом единой концессии, предоставленной декретом на 75 лет. В программу работ входило: во-первых, переустройство реки в целях использования ее гидроресурсов и одновременного оборудования судоходного пути; во-вторых, усовершенствование и в случае необходимости строительство речных портов, связанных с железными дорогами; в-третьих, разграничение орошаемых периметров, определение необходимого для них количества воды и энергии, разбивка точек забора воды и сооружение первичных каналов, отводящих воду, и насосных станций; в-четвертых, определение запасов энергетических ресурсов для будущего использования их на иные нужды (помимо орошения); в-пятых, сооружение распределительной сети, обеспечивающей связь генераторных подстанций между собой и присоединение созданной таким образом сети к Парижу. Общие расходы будут покрыты выпуском акций и облигаций. Акционерный капитал, полностью выпущенный по подписке, будет покрыт заинтересованными группами населения или общественными учреждениями, местными промышленными предприятиями и отдельными лицами. По меньшей мере две трети административного совета должны состоять из представителей государства, департаментов и коммун, а две пятых – только из представителей государства. В случае заключения департаментом Сены соглашения с прибрежными коллективами Роны ему будет предоставлено право первому использовать полученную энергию, но не свыше 200 тысяч киловатт. Работы будут организованы таким образом, чтобы устройство гидроэлектростанций, судоходного пути и сооружение первичных ирригационных каналов и насосных станций всегда велись параллельно.

С другой стороны, мы были озабочены оказанием помощи русским ученым, интеллигентам и артистам, пострадавшим от революции[56], и поддержкой комитета, возглавляемого Николаем Чайковским, бывшим председателем северного правительства. Во Франции, и особенно в Париже, находились мужчины и женщины самой высокой культуры, с достоинством переносившие положение поистине трагическое. То были Гронский, профессор права, бывший депутат Думы, левый кадет; Метальников, биолог, питомец нашего Пастеровского института; священник Константин Бальмонт[57], энциклопедически образованный, король современных русских лириков, и, сверх того, превосходный переводчик Шелли, Кальдерона, Бодлера; романист Куприн, автор знаменитой повести «Поединок»; Иван Бунин, тоже писатель; поэт

Толстой, нечто вроде славянского Анри Ренье.

Из этой группы смелостью и широтой мысли выделялся один человек: Дмитрий Мережковский. Образованные французы и раньше знали по переводам и исследованиям Сержа Перского этого ученого-писателя, последователя самого чистого гуманизма, влюбленного в красоту, обновившего основные темы античности и создавшего знаменитую трилогию: «Смерть богов», «Воскресшие боги», «Петр и Алексей». Он был одержим одной идеей: борьба язычества и христианства, богочеловека и человекобога, радостная жизнь в свободе и жертва во имя веры. Он сумел в форме широких фресок воссоздать вокруг Леонардо да Винчи весь лиризм Возрождения. Вылепив фигуры Петра Великого и его сына Алексея, с воображением, выходящим за пределы исторической правды и часто ее видоизменяющим, он противопоставил два направления, между которыми билась Россия на протяжении нескольких веков. Эрудиция и вымысел сочетались в мозгу этого дерзновенного творца, в манере, присущей ему одному, без строгого порядка, но с богатством вымысла, разнообразием красок, с роскошью деталей и образностью выражений, которые придают его произведениям подлинную зримость. Умышленно парадоксальный, обобщающий до предела, превосходно образованный, этот русский, не признававший некоторых своих великих предшественников, но походивший на них своей отвагой, был, конечно, в то время писателем, наиболее способным воодушевить всякую благородную и любознательную душу. Г-н Дмитрий Мережковский был женат на Зинаиде Гиппиус, поэтессе и прозаике со своеобразным талантом, горячем друге Франции. Именно она писала 3 июня 1918 года в «Новых ведомостях»: «Может случиться, что немцы искалечат «Город-Светоч». Но они его никогда не победят».

Нам удалось создать вокруг г-на Поля Буайе, великодушного директора Национальной школы живых восточных языков, общество, чье название говорит о его цели – «Комитет снабжения русских ученых, литераторов и артистов в Петрограде». Мы прочли волнующий призыв Максима Горького: придите к нам на помощь. Пошлите нам побыстрее все, что можно есть. Через некоторое время будет слишком поздно; последний из нас, наверное, умрет с голоду. Уэллс видел невзгоды этих русских интеллигентов; за исключением драматических артистов, все они, собранные в приютах вроде Дома науки, в бывшем дворце великой княгини Марии Павловны, терпели крайние лишения. Павлов, лауреат Нобелевской премии, продолжал работать, сидя в рваной одежде в своем кабинете, где были свалены картофель и

морковь, выращенные им самим. Композитор Глазунов упорно работал, невзирая ни на что. В колонии большая смертность. Меня давно привлекала личность Максима Горького, за чьим столом на его загородной даче я имел честь сидеть впоследствии. Какую роль он сыграл в революции? Я не мог ее ясно понять. По словам Уэллса, Максим Горький работал над спасением «детей солнца», аристократов духа, которым он посвятил одну из своих драм. Не примыкая к коммунизму, сохраняя полную свободу мысли и высказываний, он держал себя очень свободно по отношению к крайним и как будто пользовался уважением большевиков, старался расширить культурные связи с Западом. Он опубликовал свои замечательные «Несвоевременные мысли» против непримиримых из Смольного, против массовых убийств и репрессий. Мои друзья и я ответили на его призыв. Я думал, что Разум поможет необходимому сближению Франции и России.

Летом 1921 года я отправился в Швецию. Стокгольм не очень приветлив, особенно если там высадишься в воскресенье, когда улицы безлюдны и обширные набережные пустынны. Только ритмичный звон колоколов, нескольких добрых больших крестьянских колоколов, немного оживляет этот пейзаж, омраченный торжественной неподвижностью монументов. Королевский дворец, на бесконечном фасаде которого, по уверению немецкой критики, можно найти следы стиля Возрождения, подавляет своей тяжестью остров Стаден; там можно еще созерцать, при наличии скверного вкуса, парад в прусском духе. Бронзовые изображения славы загромождают сады, где медленно прохаживается несколько пехотинцев в треуголках. В Женеве веселее. Здесь же дома напоминают казармы, несмотря на дорогой материал, из которого они построены; их желтые или красные фасады лишены грации. «Рыцарский дом» со своим маленьким цветником во французском стиле осмеливается напоминать о том времени, когда ценили наше искусство; но мюнхенская школа декоративного искусства породила подражание без красоты и скульптуры в духе Конго.

Подобная страна не лишена холодного великолепия. Улицы печальны, унылы; повсюду вода, которая отражает все оттенки небес; она почти кольцом окружает город, сопровождает вас всюду в дороге, обрисовывает острова, бухты; густая зелень сосен, берез, буков, возникающая среди глыб гранита, напоминает о том, что эта столица – творение человеческой воли и центр труда и обмена – стоит на месте, отвоеванном у природы, которая долгое время была дикой. Конечно, никакого очарования; но сила и величие. Здесь я понял Стриндберга[58], его суровые усилия, смысл того колорита, который он придавал переделанным им

формулам Бальзака и Золя, эту концентрированную чувствительность, эту упрямую гордость, всю совокупность качеств, за которые его прозвали Жиль Бласом без веселости.

Швеция представляется мне одним из самых важных наблюдательных пунктов Европы. Стокгольм смотрит и наблюдает за Финляндией, за еще закрытой Россией, за балтийскими городами: Ревелем, Ригой, Либавой, Мемелем, которые все еще ищут свою судьбу. Я встретил здесь комиссара большевистской делегации г-на Керженцева. После нескольких минут ожидания в вестибюле, озаряемом глазами Ленина, среди мебели, заваленной изящными дорожными вещами, – признак недавней поездки, – среди приходящих и уходящих машинисток я беседую с человеком лет тридцати, одетым с тщательностью, доходящей до утонченности, тщательно выбритым, за исключением крохотной полоски над губой, с мягким лицом, мягким голосом и мягкими жестами. Г-н Керженцев убедительно говорил мне о страданиях в Поволжье, но неизменно любезно, с улыбкой. Если он и жаловался на Францию, которая была «не слишком добра» к России, то в очень сдержанных выражениях; он выразил свое желание, чтобы наши отношения стали более «любезными». Он еще не принят в дипломатических кругах; когда он недавно устроил обед, его посетил только делегат Эстонии, что уменьшило как его расходы, так и надежды.

19 января 1922 года из Дижона мне написал Жозеф Кайо, сообщая, что он согласен встретиться со мной в воскресенье 29-го. «Существует только одна трудность: я не могу приехать в Лион. Постановление Верховного суда и его истолкование, в котором глупость спорит с беззаконием, запрещает мне доступ в великий город, мэром которого вы являетесь. Но я могу встретиться с вами в Вильфранше, куда я приеду ночевать вечером в субботу 28-го и где я буду в вашем распоряжении весь день 29-го. Я попросил бы извинения за причиняемое вам беспокойство, если бы меня не вынуждала к этому непроходимая глупость остракизма, которому я подвергнут…» И действительно, мы встретились с ним в Маконе, в снежный день, в гостинице «Англия», где он предавался размышлениям в темноте, сидя перед скудным маленьким очагом.

На пасху, угрюмую пасху 1922 года, я видел в Генуе собрание правительств[59]. Город, посвятивший себя миру, был, казалось, на осадном положении. Карабинеры охраняли двери отелей и выходы из тупиков, из глубины которых кротко смотрели мадонны с руками, полными свежих цветов. Почти непрерывно лил дождь. Крохотные садики, поднятые итальянской изобретательностью почти на все этажи, сникли; неумолимый

ливень обрывал листья камелий и орошал слезами склоненные колокольчики лилий. На конференции так же, как и в природе, разразилась гроза. Русская делегация включала наряду с благородным Чичериным инженера ультрасовременных взглядов Красина; Литвинова, очень осведомленного во всех тайнах дипломатии; Раковского, который, говорят, по происхождению болгарин или румын; экс-министра Колчака Ключникова, бывших царских генералов вроде Новицкого; Верховского, бывшего министра Керенского, и француза Паскаля – «левит» большевизма. Брошюра, распространяемая в Генуе русским комиссариатом юстиции, стремилась показать, что советское правительство больше не борется с частной собственностью; в ней даже утверждалась необходимость идеи родины. Русские уже эволюционируют к нормальной республике[60].

В одно воскресное утро набожный г-н Вирт[61] приехал в Сан-Лоренцо; перед отделанным черным и белым мрамором фасадом, обнаруживающим влияние французской готики, между спящими львами, под тимпаном, с которого Христос XIII века благословляет с трогательной искренностью, его принял и поздравил генуэзский архиепископ, немного утомленный старец, которого я видел несколькими часами позднее умиротворенно спящим на своем троне, в то время как какой-то проповедник изливал на толпу поток напыщенных слов. Благословленный, поздравленный, освященный таким образом, набожный канцлер подписал свое соглашение с русскими[62]. Бумагу ему протянул г-н Ратенау[63]; он побил Ллойд Джорджа. Союзники, чтобы отомстить, приняли после семичасового совещания «великое решение»: они решили, что немцы будут «исключены из комиссии»; они стегают г-на Ратенау палкой из проскурняка.

Я не понимаю. Социалисты вроде г-на Даниеля Рену и г-на Поля Луи радуются, что Версальский договор в тупике. Я еще раз констатирую неудачу этой конференции, собиравшейся торжественно установить новое право. На подходах к королевскому дворцу я заметил, что «Улица мира» – самая извилистая и самая узкая изо всех уличек. Этот символ показался мне исполненным жестокой правды. Союзников обвели вокруг пальца. Германия и Россия сотрудничают. Какая опасность для будущего! Я указываю на это в «Энформасьон» от 21 апреля 1922 года; а начиная с 19 мая 1922 года я в этой же газете требую «политики примирения с Россией».

2 июня 1922 года с трибуны палаты я защищал тезис европейской солидарности; я требовал положительной программы реконструкции, публичного подтверждения принципов и доктрин Франции. Я напомнил следующую фразу из

замечательных инструкций, данных нашим полномочным представителем во время заключения Венского договора[64]. «Франция находится в счастливом положении, позволяющем ей желать, чтобы справедливость и польза не были разделены, и не искать своей особой пользы вне рамок справедливости, которая представляет пользу для всех». Я уточнил свои позиции. «Мы желаем, – сказал я, – работать с английской демократией на равных началах». Это был отказ от тезиса изолированных действий. Считая, что германская республика рождена не революцией, а восстанием, и заявляя, что пангерманизм всегда существует там в «латентной форме», я требовал вовремя сделать усилие, чтобы не дать целому народу объединиться вокруг идеи реванша и чтобы вовлечь Германию в европейскую экономическую солидарность. Я также коснулся русской проблемы.

Это была самая трудная часть моей задачи. «Я бы хотел, – сказал я, – видеть Францию протягивающей руку России, чтобы помочь ей подняться». Осуждая ужасы большевистской революции, посягательства на личную свободу, разоблачая отсутствие писаного правового кодекса, я хотел, чтобы Франция «проявила все свое хладнокровие, весь свой ум, чтобы направить Россию к той либеральной демократии, которую она бессознательно ищет». «Французская революция – это драма, но это классическая драма. Нам кажется, что русских большевиков мучает невозможное для нас сочетание восточного мистицизма и немецкой метафизики». Я полагал, что Франция имеет средство восстановить свое положение в России – помочь опустошенным голодающим районам, следуя программе Нансена и примеру миссии Гувера[65]. «В скорби этой русской ночи я вижу умоляющие глаза детей». Г-н премьер-министр Пуанкаре слушал меня с той учтивой корректностью, которую я сам охотно проявлял по отношению к нему. Правые не давали мне покоя; они пообещали, что будет шумно, и сдержали слово. Настала минута, когда председатель был вынужден надеть головной убор и покинуть заседание. Г-н Андре Тардье выделялся неистовством своих нападок. Я ограничился, однако, защитой той политики европейской солидарности, которой, как мне хотелось, придерживалась бы Франция вместо политики отрицания и изоляции. Меня преследовал страх увидеть Францию, оставшуюся в одиночестве.

Я совершил свое первое путешествие в Россию осенью 1922 года. Я хотел сам составить себе представление о положении страны, о которой распространялись самые различные сведения. Мне хотелось провести свое исследование без официального

мандата; я повез с собой Эдуарда Даладье в надежде, что эта информация может быть для него полезной. Предупредительный посредник достал мне паспорта. Г-н Эли-Жозеф Буа, главный редактор «Пти Паризьен», просил привезти ему серию статей.

Нас поселили на Софийской набережной, на берегу Москва-реки, в доме, который Советское правительство превратило в своего рода платную гостиницу для иностранцев. Из моих окон я вижу угол Кремля, три старых кирпичных башни, ощетинившиеся зелеными стрелами, Большой дворец, восхитительный Благовещенский собор, одетый в белое с золотом. Красное знамя развевается на ветру. В этом огромном кирпичном городе повсюду видны следы революции: изрешеченные шрапнелью дома, разрушенные здания, нагромождения. Значительный гарнизон охраняет в Кремле помещения народных комиссаров; артиллерийский парк занимает обширное пространство около бывшего здания синода. Старая стена, над которой местами поднимаются варварские башни над куртинами, имеет цвет засохшей крови. В Большом дворце, символе императорской России, революция только что разместила свои архивы, издания, фотографии, пропагандистские брошюры. Она оставила как кресты, так и орлов, сохранила личные царские покои, в которые свет проникает через слюдяные окошки; но в огромном Георгиевском зале она записывает историю наиболее суровых моментов своей борьбы. Мрачные картины напоминают о покушении на Ленина, об убийстве комиссаров, о подавлении крестьянских восстаний, о суде над колчаковскими министрами, о расстрелах, о трупах, грудами нагроможденных вдоль стен. А в Андреевском зале происходят конгрессы Коммунистического Интернационала.

«Икона» Маркса встречается повсюду в административных учреждениях, в казармах, в школах. Новая религия заняла место традиции, которую все еще олицетворяет, в начале Красной площади, маленькая Иверская часовня. Манифест 1848 года – евангелие нового режима; из него взят текст призыва, который раздается по всякому поводу: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Советы организовали диктатуру, которую поддерживает армия, созданная Троцким. Конституция 10 июля 1918 года учредила Советскую Республику рабочих, солдат и крестьян; она ставит своей целью «беспощадное уничтожение эксплуататоров» и «победу социализма во всех странах». Только один пролетариат по крайней мере, по-видимому, пользуется свободой мысли и свободой собраний. Эти принципы коробят до глубины души последователя Французской революции, которая зиждилась на совсем иных понятиях и особенно на правах

личности. Свободного голосования на самом деле не существует. Закон исчез, юридическая власть должна подчиняться политической власти. Нет, я не пожертвую для этого режима своими убеждениями демократа; я не отрекусь от них, даже если бы подобная тирания над свободой мысли должна была бы установиться во Франции другими средствами. Однако я замечаю, что первоначальный режим, повинный в стольких насилиях, в 1922 году уже эволюционировал. Ему пришлось подчиниться законам, стоящим выше всех других, законам жизни. В ноябре 1921 года Ленин сформулировал новую экономическую политику – нэп[66]; он признал, что торговля путем обмена не удалась, что нужно вернуться назад и восстановить мелкую собственность. Он создает государственный банк для возрождения кредита, передает некоторые предприятия частным лицам, восстанавливает квартирную плату. Богданов объявил съезду, что надо сотрудничать с заграницей. Декрет от 22 мая 1922 года уточняет и подтверждает новые уступки; он предоставляет крестьянам право выбирать между разными формами: коммунальное пользование с распределением продуктов или предоставление надела каждому обрабатывающему. Отныне имеется индивидуальное владение, если не индивидуальная собственность.

В то время как во Франции необузданные полемисты с жаром высказывались, руководствуясь своими политическими страстями, за или против большевизма, мне казалось более полезным и, если мне будет позволено так выразиться, более умным изучить эти переходные формы. Революции сами по себе эволюционируют, это мы хорошо видели у себя начиная с 1789 года. Я вспоминаю изречение Анатоля Франса о политических партиях. «Все они, каковы бы они ни были, настолько видоизменяются в борьбе, что после победы от них самих не остается ничего, кроме названия и нескольких символов их утраченной идеи». Рынки теперь кишат, как муравейники; монополия внешней торговли умеряется контрабандой и все более и более тяготеет к тому, чтобы превратиться в контроль. По декрету от 7 июля 1921 года была восстановлена свобода мелкой промышленности, государственные предприятия могут быть сданы в аренду даже иностранцам. Решением от 13 апреля 1922 года наблюдение за трудом, ранее доверенное Всероссийскому Центральному Совету Профессиональных Союзов, теперь передано Народному Комиссариату Труда. Нормальный рабочий день – восемь часов днем и семь часов ночью. Трудящиеся должны заслужить свою заработную плату под угрозой ее снижения. «Ремесленники, чей труд требует специальных знаний

или особой подготовки, получают заработную плату по самой высокой расценке».

Таким образом, понятие качества труда проникает в эту систему, по адресу которой французская политическая пресса позволяет себе так много глупых разглагольствований. Мне хочется иметь точные сведения, я прошу дать мне датированные документы; я проверяю их применение во время моих посещений заводов, мастерских старого общества «Динамо», Трехгоркой текстильной фабрики, Путиловского завода. Рабочие страдают от последствий экономического кризиса, но их мужество восхитительно.

Я, естественно, желал познакомиться с вождями, с людьми, которые руководили этим внушительным движением. Больного Ленина нельзя было видеть. В то время Каменев считался самым значительным лицом в республике. Это он нанес решающий удар режиму Керенского, требуя передачи земли крестьянским комитетам; он входил в делегацию, посланную в Германию для подписания перемирия. Я нанес ему визит в бывшем дворце губернатора Москвы. Я упрекнул его за Брест-Литовский мир. Он заявил мне, ссылаясь на четырнадцатый том произведений Ленина, что Советы предложили Франции возобновить борьбу, если им помогут восстановить армию, которой более не существовало; он уточнил, что в феврале 1918 года в Петрограде Троцкий в его присутствии предложил Центральному Комитету просить помощи Франции и Англии. Я спросил Каменева относительно Раппальского договора; он утверждает, что этот договор не содержит тайных статей. «Наш народ, – говорит он мне, – был доволен им, потому что он разбил блокаду. Но эту радость диктовал ему холодный рассудок. В тот день, когда Россия установит отношения с Францией, радость будет глубокой; она будет идти от сердца… Нас называют коммунистами! Да. Но есть коммунизм прежний и коммунизм теперешний. То, что мы делали, это всего лишь политика спасения революции и ничего больше».

После такой беседы я поспешил встретиться с Троцким. В Брест-Литовске он требовал от Германии искупить свои прошлые преступления, имея определенно в виду Эльзас и Лотарингию, и, не добившись удовлетворительного ответа, прервал переговоры. В значительной книге генерал Деникин описал развал армии в 1917 году. Историк, который захотел бы когда-нибудь описать без предвзятости эту эпоху, должен будет отдать должное ошибкам царизма, роли, сыгранной министрами вроде Штюрмера и Протопопова, предшественникам большевиков. Будет честным признать, что знаменитый приказ № 1 совершенно развалил

дисциплину, позволив войскам выбирать своих офицеров и следить за ними, и что декларация прав солдата датирована 26 марта 1917 года. Временное правительство показало себя ужасно слабым. Некоторые люди, например Милюков, тщетно пытались противодействовать. Эти факты не уменьшают ответственности Троцкого, когда он на открытии парламента 20 октября бросил призыв, на который откликнулась вся народная Россия: «Да здравствует немедленный мир! Вся власть Советам!»

В просторном кабинете военного министерства, куда меня провели молодые офицеры генерального штаба, Троцкий позволил свободно задавать ему вопросы. «Да, – сказал он мне, – я обращался к американским, французским, английским и итальянским офицерам. Генерал Лаверн уже направил ко мне двух военных советников. Но я не смог добиться положительного ответа. Русской армии больше не существовало. И если мы поехали в Брест-Литовск, то только для того, чтобы получить необходимую отсрочку для возобновления войны. Я выжидал; меня прозвали «медлителем». Я бы хотел восстановить наши силы с помощью французской миссии в Румынии. Мои высказывания мог бы подтвердить американский полковник Робинс, а также англичанин Локкарт, хотя позднее он повернул против нас». В то время как Троцкий давал мне эти пояснения, красноармейцы проходили под окнами с песней: «В царство Свободы дорогу грудью проложим себе». После моего возвращения во Францию г-н посол Нуланс сообщил мне, что 17 декабря 1917 года Троцкий приходил с ним повидаться, чтобы изыскать средства для продолжения борьбы, и что при воспоминании об опасностях, которым подверглась Франция, народный комиссар в этот день плакал. В ночь с 18 на 19 февраля 1918 года, заседая в Смольном, Совет Народных Комиссаров согласился на капитуляцию большинством лишь в один голос.

Беспристрастная дискуссия еще не выяснила всех этих фактов. Но легко понять, что заявления Троцкого и Каменева могли смутить человека, приехавшего без предвзятого мнения. Один факт несомненен: найдя русскую армию совершенно разложившейся, большевики сразу же посвятили себя военной реорганизации. В то время как Красин с самым широким пониманием занимался восстановлением внутреннего хозяйства; в то время как дипломаты вроде Чичерина и Карахана следили за внешними интересами с реализмом, достойным самой классической традиции; в то время как Луначарский пытался организовать обучение, а Дзержинский руководил знаменитым ГПУ, гордясь тем, что его сравнивали с Сен-Жюстом, – правительство Советов, опираясь на партию, которая сама давала

пример самой строгой дисциплины, создавало Красную Армию.

В Париже представляли большевизм как доктрину преимущественно антимилитаристскую. В Москве Троцкий начиная с 1918 года указывал Советам на неотложную необходимость восстановления силы армии. «Надо, – заявлял он, – засучить рукава и приняться за работу».

И он заявил о своей готовности обратиться с призывом к офицерам и генералам старого режима, ограничив принцип выборности низшими чинами. Начался призыв. «Вперед, – воскликнул Зиновьев, – сейчас не время печь блины или ходить по малину». Троцкий занимался не столько стратегией, сколько управлением. «Солдаты, – заявил он в 1921 году в Московском совете, – если вы хотите быть непобедимыми, сами пришивайте себе пуговицы и чистите сапоги». Когда в Красной академии состоялся первый выпуск офицеров генерального штаба, Троцкий провел на Красной площади один из тех парадов, которые вскоре стали любимым зрелищем народа. Эта организационная работа столкнулась с большими трудностями. Но уже в 1922 году были созданы военные школы; каждый солдат должен был уметь читать; дезертиров расстреливали. На очереди – укрепление флота и создание авиации. Меня пригласили посетить полк имени кимрских рабочих, бывший полк донских гренадеров. Казарма находится в районе Сухаревки, около рынка. У солдат послушный, добродушный и почти монашеский вид; отряд марширует медленным шагом, которому вторит шум сапог и отрывистые слова команды. Все внешние знаки уважения сохранены или восстановлены. Вместо погон знаки отличия: кубики или звезды, пришитые на рукаве. Командир армейского корпуса охотно дает мне разъяснения; полковник отвечает на все мои вопросы и каждый раз отходит на свое место, держа руку у шлема. Полк численностью в 2 тысячи человек располагает группой конных разведчиков, ротами пулеметчиков и гранатометчиков, отделением связи. Дисциплина, как мне говорили, суровая, но заметно явное желание заставить армию сотрудничать в деле формирования национального единства, как некогда поступила Италия. Для солдат создают возможно лучшие бытовые условия. Каждый батальон имеет свой клуб, где столы завалены книгами и журналами; полковая библиотека насчитывает 10 тысяч томов и имеет каталоги. В казармах имеются свои школы, мастерские для лепки, оркестр, театр, небольшой музей естественной истории. Советы преобразили военную среду. Несмотря на иерархические дистанции, повсюду наблюдаются искренние братские отношения. Солдаты подобрали бедных детей и воспитывают их. Задуманная таким образом

казарма становится социально воспитательной средой первостепенной важности.

Я беспрепятственно продолжал свое исследование в течение нескольких недель. Я собирал сведения о богатствах недр, об организации и развитии сельского хозяйства, о новых формах образования и интеллектуального воспитания; я посещал музеи и театры. Мне удалось спасти французского офицера, лейтенанта Сальвеля, заключенного в Бутырскую тюрьму за шпионаж и приговоренного к смерти. Я съездил в Нижний Новгород, чтобы посмотреть, что осталось от его знаменитой ярмарки. Когда я вернулся во Францию, я имел смелость утверждать в маленькой книге «Новая Россия», что старая Россия умерла навсегда и что новый режим устойчив. Я требовал восстановления нормальных отношений между Парижем и Москвой. «Речь идет, – говорил я, – о том, чтобы Франция, в настоящее время отставшая, добилась такого же положения, как Англия, Италия, Чехословакия, Польша, Америка и Персия, которые имеют своих представителей в Москве и умеют этим пользоваться. Я требую для своей страны даже не инициативы, которая могла бы показаться спорной, но покончить с достойным сожаления неравенством… Сначала выкуем инструмент. Остальное придет само собой. Это диктует нам, как нам кажется, добросовестность и здравый смысл. Давайте бороться с тупой ненавистью, с гнусной ненавистью, которая никогда ничего не создавала… *Надо работать над тем, чтобы примирить Русскую республику с Французской республикой»).* Эти строчки помечены 15 ноября 1922 года. Нужно ли говорить, что никто не присоединился к моим словам? Самые видные журналисты не поскупились на брань по моему адресу. Наиболее благожелательные из моих соотечественников считали меня глупцом.

В своем письме из Москвы от 8 ноября 1922 года Чичерин говорил мне: «Я надеюсь, что общая идея о том огромном значении, которое имело бы восстановление между нами добрых отношений, делает успехи. Это великая историческая задача, которую предстоит еще выполнить. Целью ее является *примирение* в самом широком смысле слова».

Я остался с ним в дружеских отношениях. Он писал мне 31 декабря 1922 года из Лозанны, где он возглавлял русскую делегацию:

> «Я посылаю вам к Новому году свои лучшие пожелания и самые горячие поздравления и приветствия и позволяю себе выразить надежду, что начинающийся год принесет нам решительный успех в области

интересующего нас восстановления отношений между Францией и Россией. Я еще раз благодарю вас за вашу книгу, которую вы были так добры мне прислать. Воспользовавшись этим случаем, я повторю то, что уже говорил журналистам: так называемые речи Ленина, якобы содержавшие нападки на вас, – одна, якобы произнесенная на коммунистическом банкете, и другая – совсем недавно, – являются чистейшим вымыслом и представляют собой фальшивку. Ленин не произносил никакой речи на коммунистическом банкете и в последнее время вообще не произносил никаких речей, так как врачи предписали ему отдых. Я горячо желаю, чтобы контакт между нами не прекращался, и выражаю твердую уверенность, что нам еще представится случай поработать для общих целей, для блага России и Франции. Еще раз примите мои приветствия и пожелания к Новому году и искренние уверения в моей привязанности и глубоком уважении».

Дело Кайо продолжало будоражить общественное мнение. Он писал мне 28 ноября 1922 года из Аркашона:

«Я хотел, чтобы прошло больше недели после закрытия съезда в Марселе[67], прежде чем написать вам. Я надеялся, признаюсь вам, что слова, которые приписывали вам, будут исправлены и объяснены. Я надеялся по меньшей мере, что вы напишете мне по этому поводу… *дружественно*… У меня могло возникнуть опасение, что у вас изгладилось воспоминание о нашей встрече в Маконе (которая оставила у вас, как вы мне писали некогда, самое лучшее впечатление), если бы я не вспомнил, что вы говорили о ней во время заседания комиссии, где были произнесены слова, с такой жадностью подхваченные некоторыми газетами.

Вы, следовательно, не могли ни на одну минуту забыть, что во время беседы, в которой мы должны были вполне откровенно объясниться и которая не имела другой цели, вы не противопоставили моей доктрине какую-либо другую. Вы точно так же не рассказали мне ничего о тех каракулях, которые вы будто бы привели против меня в мое отсутствие.

Кроме того, как могли вы, историк, привыкший

критически подходить к текстам, придать значение похищенным у их автора бумагам, в которые тот наспех заносил мимолетное и противоречивое бурление своих мыслей и которые он швырнул на дно ящика письменного стола, а затем сейфа, дал им пролежать годы, не пересматривая их, не исправляя, не приспосабливая их к изменившейся ситуации и к перемене лиц, не посвящая в их содержание кого бы то ни было? Как этот искушенный историк не заметил, что даже если эти так называемые заметки и отражали временное состояние духа, вполне объяснимое в тот час, когда они писались (лето 1915 года, русское поражение, неудача частичных наступлений), то нельзя рассматривать их как выражение общей теории, которой противоречат все статьи, все книги, все речи, все дела – дела, которые одни идут в счет, – того, чье рвение к общественному благу заставляло перо дрожать?

Вполне возможно, что, когда я публично и свободно стал бы обсуждать степень влияния, которую следует предоставлять исполнительной власти, правильно организованной, наши концепции не совпали бы целиком. Я и в самом деле считаю, что в периоды потрясений и даже великих изменений спасение Родины и Республики часто зависит от смелых и энергичных мер; что в такие времена настоятельно необходимы изменения в методах и организации, продиктованные заботой о принципе власти. Но я убежден, что никто, начиная с вас, не сможет найти в заявлениях, которые я сделаю, ничего, что бы противоречило чистой республиканской доктрине.

Примите, г-н председатель, с выражением печали, тем более глубокой, что вы благородно и мужественно – я этого не забываю – восстали в палате и на съезде против несправедливости, объектом и жертвой которой я являюсь, уверения в моем глубоком уважении».

Г-н Жозеф Кайо снова писал мне из Аркашона 5 декабря 1922 года:

«Точность и прямота ваших объяснений рассеивают всякое недоразумение. Оно тотчас исчезло бы из моей головы и, возможно, даже не возникло бы, если бы я получил от вас сразу после отъезда дружескую записку.

Конечно, я отдаю себе отчет в том, как вам трудно написать даже записку и что от вас могут ускользнуть иные изменения в печати. Но со своей стороны поймите прежде всего мое состояние духа и особенно ту важность, которую приобрели в глазах публики благодаря извращениям печати события, не только искаженные, но вывернутые наизнанку, и слова; я достаточно искушен в политике, чтобы не понять, что вы произнесли их в суматохе прений, но их вырвали из контекста, выставили напоказ и обратили против меня.

Я бы не стал ссылаться на состояние духа, в котором находился, если бы так сильно не желал подчеркнуть, до какой степени я старался поступать в соответствии с теми намерениями, о которых я вам говорил в Маконе. Из «Матэн» я узнал о голосовании некоторых федераций, требовавших для меня почетного председательства. Я до сих пор еще не знаю, какие это были федерации. Ни один из моих политических друзей мне не написал; никто не посвятил меня в эти планы. Я знал, что мои друзья из федерации Сены думали внести предложение вроде того, которое было одобрено. Его текст был мне неизвестен. Я не знал, что делали другие федерации, начиная с федерации Нижней Сены и Буш-дю-Рон. Судите о моем изумлении, когда я прочел – опять в том же «Матэн» – о… странном голосовании группы в палате, когда затем я увидел, как все газеты наперебой повторяли слова, которые приписывали вам.

Позвольте мне вам сказать, дорогой председатель, что вы не представляете себе – несомненно потому, что вы в этот момент отсутствовали, – какой серьезный характер имели для меня отчеты, опубликованные в печати, и последовавшие за ними комментарии. Вполне естественно, что правые газеты ухватились за это, чтобы с яростью обрушиться на меня; но в этой кампании приняли участие не только правые. Лотье, который пишет в «Ом либр» такие замечательные статьи и которого я не могу обвинить в предвзятости по отношению ко мне, который даже несколько раз защищал меня, оказался одним из самых ярых. Не он ли объявил, что рисунок Форена в «Фигаро», изображающий меня покинутым на берегу реки с надписью «оставленный для счета», отражает общественное

мнение? Он был «свиреп» (sic!), по выражению «Аксьон Франсез», которая дошла до того, что… стала меня жалеть. Я упомянул Лотье в качестве примера. За исключением «Эр нувель» и «Ла Лантерн», вся левая пресса пошла за ним или промолчала. «Юманите» докатилась до того, что объявила устами Фроссара, что я был «непорядочным человеком» (sic!). Движение, естественно, перекинулось в провинцию. В моем департаменте газеты «Национального блока»[68] объявляют, что партия радикал-социалистов от меня отреклась. И эта молва распространяется. Вы скажете, что все это не заслуживающие внимания газетные россказни. Вы их сравниваете с чепухой, которую мне пришлось прочесть в таких газетах, как «Тан», где меня изображали в виде мэра дворца партии радикалов. Я вас спрашиваю, дорогой председатель, какая связь между политическими дискуссиями, не основанными ни на документе, ни на моих словах, и теми нападками, которые основываются на словах, оброненных вождем партии? Дело, впрочем, не только в журналистах, рыщущих в поисках материала, которые притворились взволнованными и взволновали публику. На моем столе лежит уже целая кипа писем моих друзей. Вот еще вчера я получил дружелюбное и милое письмо д'Этурнеля, который хотел, как он мне пишет, утешить меня в моих «марсельских разочарованиях».

Мой дорогой председатель, позвольте вам напомнить, что «г-н Вольтер менее остроумен, чем кто-либо». Позвольте мне, с другой стороны, обратить ваше внимание на то трудное положение, которое этот инцидент мог бы создать для нас, если б он не был улажен. Справедливо или нет, но республиканцы – я подразумеваю республиканцев без кавычек, твердых республиканцев – видят определенную связь между тем, как партия поступает в отношении меня, и ее настоящей ориентацией. Им кажется, что, отдалившись от меня в Марселе, она приблизилась к партии Жоннара. Они опасаются, как бы под именем «Левого блока» не подготовлялось нечто вроде объединения центров, новый «Национальный блок», окрашенный в красное. Они не хотят об этом и слышать. Они пишут мне об этом и просят высказаться, сформулировать программу, на основе которой мог бы быть заключен союз между

радикал-социалистами и социалистами, которые не склонны договориться с нами на основе марсельской программы, *как ее толкуют*. Прочтите, что написал в этот же день в «Миди сосьялист» Ренодель, один из самых умеренных социалистов. Вот где опасность!

Вы мне снова скажете, что и тут я преувеличиваю. Возможно. Однако тому, кто наблюдает издали, кажется, что в нашей партии немало людей, которые слишком спешат и не понимают, сколько глубокой правды и здорового содержания в тех словах, которые вы произнесли относительно необходимости для передовых партий пройти курс лечения в оппозиции. Те, о ком я говорю, как будто находят, что курс достаточно затянулся, и, чтобы быть уверенными, что он окончится в конце будущего года, они готовы соскользнуть вправо, для чего в первую очередь необходимо набросать побольше земли в ту могилу, в которой я лежу.

Поймите меня, мой дорогой председатель… Я со своей стороны вполне понимаю огромные трудности, с которыми связаны управление и восстановление партии, которую вы нашли обезглавленной, колеблющейся, неуверенной, больной. Вы сделали замечательное дело. Что касается меня, то я горю одним желанием видеть вас на этом посту еще долгие, долгие годы. Вы подходите для этого больше, чем кто-либо иной. Что касается меня, то я не знаю, вернусь ли я когда-нибудь к активной политике. Возможно, я ограничусь тем, что буду только писать и выступать. Все, чего я взамен этого хочу всеми фибрами моей души, это «справедливых репараций».

Какое заключение? Вот оно: я полагаюсь на вас, мой дорогой председатель, что вы поставите все на свои места. Я верю, что вы это сделаете в той форме и на тех условиях, которые вы сочтете наиболее подходящими. Я также верю, что вы признаете необходимым это сделать. Я не хочу заканчивать, не выразив вам своей признательности за то, что вы одобрили мои действия в 1911 году[69]. Меня это очень тронуло. Об этом, естественно, наша удивительная печать ни словом не обмолвилась».

13 декабря 1922 года новое письмо из Аркашона от г-на

Жозефа Кайо:

«Вальдек[70] говорил мне, что «людей может вести за собой только человек с сердцем». Если бы этот великий ум не ошибался, вы повели бы за собой толпы.

Благоволите усмотреть в этом далеком воспоминании, которое я комментирую, выражение чувств, которые волновали меня при чтении вашего письма, особенно его окончания.

Как и вы, я буду делать различие между политическим вопросом и личным вопросом. По первому пункту вы совершенно правы, считая, что основное, что доминирует над всем, – это необходимость дать программу радикальной партии, что ваша армия не должна искать союзов, что они придут сами. Вы также правы, упрекая тех, кто пишет мне о своих полунедовольствах, в том, что они не выступили решительно перед съездом или в комиссиях в поддержку своих идей. Но вы ведь знаете людей, не так ли?.. Кроме того, это мелочь. Важно то, что наша программа выглядит как призыв к части «Национального блока». Именно так поняли это умеренные газеты вроде «Тан», которые засыпали партию своими комплиментами за ее умеренность, сдержанность и пр.... И вот, с другой стороны, «Союз экономических интересов»[71] намечает сближение с нами. В сущности, я превосходно вижу их тактику; в этой «деловой» среде, которую я хорошо знаю, чувствуют, что «Национальный блок» потерпел провал; они ищут новую организацию, которая заменила бы его и которой не прочь уступить месиво из антиклерикализма и смутных социальных законов, от которых потребуют только одного – уважения к грабительским контрактам, вырванным у государства, и сохранения, если не расширения, фактических монополий. Такова опасность, которую я вижу. Я уверен, что оказываю услугу вам и партии, указывая на нее.

Теперь о личном вопросе. Он связан с политическим вопросом. В самом деле, вы очень любезны и, по-видимому, с полным основанием зачисляете в мой актив Агадир и подоходный налог. Именно в силу этих двух актов, которыми я горжусь, я придерживаюсь левой

ориентации. Но когда меня пытаются как бы устранить, когда, выражаясь точнее, печать выводит из моих слов, толкуемых вкривь и вкось, из неясных инцидентов заключение, будто партия, к которой я принадлежал, хочет меня ликвидировать, все приходят к выводу, что радикалы «образумились», как выражаются реакционные органы печати. Мне кажется необходимым выяснить и этот вопрос.

Как? Я вам сказал, мой дорогой председатель, что полагаюсь на вас в этом деле. Интервью? Выступления в различных городах страны, где вы говорили бы об Агадире и подоходном налоге? Выступления в палате более деликатны, насколько я понимаю. Наконец, может быть, резолюция радикальной группы! Вот вам целая гамма, на которой вы можете играть, выбирая, разумеется, подходящий момент.

Вы мне говорите о Марсельской резолюции и спрашиваете меня, хочется ли мне лучшего. Вы предлагаете мне свободно высказаться. Ну что ж, откровенно говоря, я считаю, что резолюция хорошо составлена, но ее недостаточно. Мне кажется, что, констатировав гнусный характер секретных процедур, отказ от справедливого рассмотрения дела, обусловленный дополнительным вопросом, нужно было вынести решение, что радикальная партия считает подобные приговоры несостоятельными и недействительными и поручает своему бюро найти средства для их аннулирования. Вы понимаете, что, когда в Маконе я говорил вам, что требовал акта, приостанавливающего срок давности, я использовал образное выражение. Я хотел сказать, что не требую агитационной кампании, но хотел бы, чтобы на каждом съезде отмечали, что от меня не отказываются. В моем представлении с течением времени протесты должны были усилиться, а не ослабнуть.

Хотите, чтобы я высказался до конца? Я не могу без горечи констатировать, что съезд радикалов горячо принял сторону Марти, человека коммунистов, тогда как я… Если бы я принадлежал к крайне левой, я был бы уже назначен генеральным советником или муниципальным советником в двадцати трех местах; газеты были бы

переполнены протестами; съезд радикалов рычал бы… Но я имею несчастье быть человеком правительственным, осужденным за истинные или ложные разговоры (?), обрывки бумаг, составленных мною, которых никто не читал… Вы понимаете меня, не правда ли, и не сердитесь на меня за то, что я высказал вам свою мысль до конца. Доверие, которое вы мне оказываете, порождает взаимное доверие. Я с вами говорю от чистого сердца и буду поступать так дальше. Искренне ваш Ж. Кайо.

Прилагаю статью из «Журналь де Кан» от 9 декабря: она проиллюстрирует вам часть той кампании, которую ведут против меня в моей области. Я не знаю, кто этот г-н Ленуар; и брезгую узнать, кто такой Олибриус. Но не кажется ли вам, что пора положить конец этим выдумкам, этим извращениям истины, которые вызывают у меня в памяти методы сенатора Пере? Допустите ли вы, чтобы меня раздирали на части таким образом? Ведь нет же, правда?»

23 декабря 1922 года г-н Жозеф Кайо снова пишет мне из Аркашона:

«Мне было бы несколько затруднительно ответить на ваш вопрос, если бы вы не облегчили мне это дело, сказав так любезно о «свободе, делающей честь нашим отношениям».

Прежде всего я хотел бы сказать вам, что хотя на мне и не лежит больше обязанность руководить великой партией, во главе которой вы стоите и *должны оставаться,* я тем не менее понимаю всю ответственность, лежащую на вас. Я сознаю все трудности, с которыми вы сталкиваетесь, и счел бы неблаговидным хоть в какой-либо мере увеличить их. Но разве мы не договорились в Маконе, что партия, одному из вождей которой недостойным образом нанесли удар, должна либо выбросить его на свалку, либо защищать «unguibus et rostro»[72]. Среднего пути нет. У вас слишком возвышенная душа для того, чтобы пойти на сделку с совестью, перед которой другие, к сожалению, не остановятся. Вы благородно заняли свое место в битве. Кампания началась, как вы сами признаете. Теперь она будет развиваться.

Мне кажется, что ее надо развивать, осторожно, конечно, но смело, что надо воспользоваться первым случаем, чтобы прибавить к протесту, который вы сформулировали так своевременно и с таким мужеством восемь дней тому назад, заявление, что партия радикалов *«пустит в ход все, чтобы заставить аннулировать, разорвать, пересмотреть приговор, оскорбляющий правосудие…»* подлинное правосудие, конечно. Чем решительнее мы будем действовать, тем больше заставим себя уважать. Впрочем, вы уже вступили на этот путь. Вам достаточно ускорить свои действия, отвергая советы трусов, которые мнят себя ловкими (подобно Лотье) и заставляют делать грубые ошибки, так же как я сумею отвергнуть советы горячих голов, опасность которых я понимаю. Ваш Ж. Кайо.

P. S. Г. Тардье бессовестно лгал, утверждая, что я рекомендовал покинуть левый берег Рейна. Как вы видели, я потребовал от него доказательств. В статьях, написанных мною – будь то для «Уорлд», «Санди экспресс» или «Обсервер», – я никогда ничего подобного не говорил. Я не заходил так далеко, как Клемансо, смелость и безответственность которого поистине изумительны. Мне хочется написать: «Последнее воплощение Вотрена»[73].

19 января 1923 года Жозеф Кайо еще раз написал мне из Аркашона, чтобы поздравить меня со статьей в «Эвр». «Меня бесят, – прибавляет он, – те, кто в такое серьезное время, которое завтра, быть может, станет грозным, не умеют соблюдать необходимую дисциплину и ставят в затруднительное положение того исключительного вождя, которого им посчастливилось иметь. Это позволяет мне напомнить ему о регламенте парламентской группы, который я заставил принять в 1913 году! Согласно этому регламенту, при определенном большинстве – мне кажется, в две трети – группа могла потребовать полного повиновения при голосовании, и кто бы ни нарушил это постановление, исключался бы из партии. Я бы не опрокинул министерства Барту и впоследствии не добился бы триумфа на выборах 1914 года, если бы не располагал этим оружием. В это грозное время, которое мы переживаем, *надо,* чтобы республиканцы объединились. Не думаете ли вы, что для радикалов, радикал-социалистов и социалистов настало время

организовать комитет обороны республики (5 или 6 человек, не более), как в эпоху буланжизма?[74] Сердечно ваш».

Общее положение обострялось. 14 ноября 1922 года директор фондового управления г-н Пармантье обратился с официальным заявлением к г-ну Ластейри, министру финансов, чтобы напомнить ему, что с 1920 года расходы государства неизменно в два с лишним раза превышали его постоянные доходы; что обилие краткосрочных бон представляет очень серьезную опасность; что держатели франка могут в любой момент, следуя примеру Германии, от него избавиться. Доверие, по мысли Пармантье, необходимо, но оно предполагает прекращение политики займов. «Продолжение политики займов, – писал он, – практикуемой ныне во Франции, неизбежно утвердит веру в падение франка». Высокопоставленный чиновник подтвердил свои предостережения 19 февраля 1923 года. Не будучи выслушан, он подал в отставку. Его доклады опубликует впоследствии 2 февраля 1926 года г-н Эмиль Бюре в «Авенир». Лондонская конференция -(9-11 декабря 1922 года) окончилась провалом. Чтобы понять события, которые вызвали сначала оккупацию Рура, а затем возникновение плана Дауэса, надо изложить хотя бы в общих чертах, но по возможности точнее, причины и характер трудностей. В мае 1921 года репарационная комиссия составила по желанию союзных правительств, собравшихся в Лондоне, *«Положение о платежах под рубрикой Репараций», устанавливающее время и формы платежей для гарантии и погашения всей задолженности Германии.* По условиям стать и 4-й этого положения Германия должна выплачивать ежегодно натурой или в иностранной валюте, согласно решению репарационной комиссии, 2 миллиарда золотых марок плюс сумму, равную 26 процентам стоимости немецкого экспорта. Чтобы обеспечить эти платежи, были выделены специальные фонды. Наблюдение за этими фондами и оценка немецкого экспорта были доверены гарантийному комитету, главой которого будет до начала 1924 года специалист по германскому вопросу, мой товарищ по педагогическому институту Гагенен.

С июня 1921 года гарантийный комитет направился в Германию. Но в последующие месяцы немецкие деньги начали обесцениваться. Вступили в действие предусмотренные контрольные органы. В первые дни 1922 года Германия представила просьбу о моратории, которую репарационная комиссия частично удовлетворила 21 марта на известных условиях. Однако в конце года курс марки резко упал. Правительство рейха объявило, что в 1923 и 1924 годах оно не сможет осуществить платежи валютой.

Последовавший за этой просьбой обмен мнений между союзниками выявил расхождение во взглядах между Францией и Великобританией; он продолжался до срыва Парижской конференции 4 января 1923 года и оккупации Рура французскими и бельгийскими войсками 11 января. Французское правительство сформулировало свою точку зрения следующим образом: «Никаких мораториев без гарантий и без залогов». Этого же тезиса оно придерживалось и на межсоюзнической конференции, собравшейся в Лондоне с 10 по 12 августа 1922 года, и в плане, который оно противопоставило 3 января 1923 года плану Бонар Лоу. Британское правительство высказалось за долгосрочный мораторий без эффективных гарантий. 2 августа 1922 года британский делегат настаивал, чтобы репарационная комиссия одобрила, даже не ожидая предполагавшейся вскоре конференции правительств, проект резолюции, дающей полное удовлетворение Германии на 1922 год. 6 октября оно представило проект, представляющий Германии полный мораторий на три года.

Вслед за этим расхождением мнений события развернулись следующим образом. 16 октября Луи Барту представил репарационной комиссии меморандум – ответ на ноту от 6 октября: он подтверждал необходимость залогов и напоминал, что союзные правительства должны в ближайшем будущем собраться в Брюсселе, чтобы рассмотреть совокупность поставленных проблем. Во время своего пребывания в Берлине, с 26 октября по 9 ноября 1922 года, репарационная комиссия долгое время выслушивала немецкое правительство, которое само созвало международных экспертов, чтобы изучить финансовое и денежное положение рейха, и которое письмом от 14 ноября просило полный мораторий на три или четыре года. Кабинет Вирта пал, кабинет Куно[75] подтвердил 27 ноября ответ своего предшественника. Со своей стороны Луи Барту потребовал 20 октября 1922 года в репарационной комиссии установления факта нарушения Германией параграфа 17 приложения II о поставках леса; он предъявил такое же требование 28 декабря 1922 года о поставках угля. Несмотря на сопротивление британского делегата, нарушение относительно поставок леса было установлено 26 декабря 1922 года, а относительно поставок угля – 9 января 1923 года тремя голосами против одного.

Мало-помалу возникала мысль о создании Комитета технических экспертов, который должен был обсудить проблему репараций вне всякого политического воздействия и представить заинтересованным государствам ее практическое решение. По поводу этого проекта состоялся обмен мнений между правительствами Соединенных Штатов, союзных держав и

Германии. Эта идея возникла из декларации общего характера, сделанной государственным секретарем Соединенных Штатов г-ном Юзом в Нью-Хейвене 29 декабря 1922 года перед Американским историческим обществом. Он выразил мнение, что проблема репараций могла бы быть решена, если бы ее изучение поручили комиссии авторитетных финансистов.

Парижская конференция (2-4 января 1923 года) провалилась. Председатель совета министров Пуанкаре отверг план Бонар Лоу; позднее он изложил сенату свои мотивы. Между тем этот план содержал интересные предложения по вопросу межсоюзнических долгов. Вообще говоря, он представлял очень приемлемую основу для дискуссии и его автор соглашался в случае надобности изменить его. Мнение, которое сложилось у меня под влиянием этого документа, помешало мне голосовать за оккупацию Рура. Проект Бонар Лоу исказили; утверждали, что было по меньшей мере заблуждением, будто он чрезмерно усиливал влияние Германии в деле осуществления плана. По-моему, было большой ошибкой отказаться, и так поспешно, от предложения, столь явно благоприятного для Франции. Подобный отказ должен был привести к самым серьезным осложнениям в деле решения проблемы межсоюзнических долгов. Короче говоря, имелось в наличии две концепции. Одна, которой придерживался премьер-министр г-н Пуанкаре, состояла в том, чтобы захватить Рур и обеспечить залоги; она имела очень посредственные результаты. Другая заключалась в том, чтобы заявить, что мы учреждаем в Берлине финансовый совет и, если этот совет не даст результатов, прибегнем к коллективным санкциям; я предпочитал это второе решение.

10 января 1923 года г-н Пуанкаре уведомил германского посла о мерах, которые он вынужден предпринять в связи с невыполнением Германией программы репарационной комиссии в отношении поставок леса и угля Франции. «Меры, о которых идет речь, – писал он, – предприняты в соответствии с параграфом 18 приложения II к части VIII Версальского договора; они *не предполагают со стороны Франции намерения произвести операцию военного порядка или оккупацию политического характера».* Приложенная нота уточняла, что единственная цель войск, направленных в Рур, – обеспечить безопасность контрольной миссии, которой поручено наблюдать за действиями угольного синдиката. Письмо Пуанкаре германскому поверенному в делах от 17 января 1923 года подтверждало, что принятые меры *«совершенно не имеют характера военной операции».*

Между тем Жозеф Кайо благодарил меня за мои выступления

14 марта и 11 мая 1923 года, так же как и за голосование малого съезда.

* * *

Я продолжал заниматься Россией.
5 февраля 1923 года Чичерин писал мне:

> «Я не могу покинуть Лозанну, не послав вам искреннего и сердечного привета, не выразив своей благодарности за ваше сочувственное письмо от 3 января и не пожелав успеха усилиям, предпринимаемым вами, как вы пишете, в наших общих интересах. Лозаннская конференция ясно показала, до какой степени старая психология бесплодна и вредна перед лицом новых проблем. Пусть ваше понимание необходимости новых решений способствует осуществлению этих последних! Я ни на минуту не сомневаюсь, что в самом ближайшем будущем ваш голос поможет восторжествовать идеям, которые мы вместе защищаем, и разрушит препятствия, разделяющие наши две страны. Вы толкаете со своей стороны, мы – с нашей. Стена, которая нас разделяет, должна рухнуть!»

8 марта 1923 года в палате продолжались прения по обыкновенному бюджету 1923 года с дефицитом в несколько миллиардов. Левые требовали устранения налоговых мошенничеств, что должно было принести определенные доходы. Г-н Брусе предложил покрыть дефицит обыкновенного бюджета выпуском казначейских бон. Напрасно протестовал г-н Гунуйу, член «Национального блока». Поправка Брусса была принята 315 голосами правых против 243 голосов левых. Именно по этому поводу я заявил большинству: «Этим вы берете на себя ответственность, которая вас раздавит». Палата также одобрила двухгодичный бюджет.

15 марта 1923 года Жозеф Кайо писал мне из Аркашона, из «Орхидей»:

> «Из местных газет я узнал, что вы замечательно защищали меня вчера в палате. Я не хочу ждать, пока прочту об этом в «Оффисьель», прислать который я просил Дюбарри (здесь его не найдешь), чтобы выразить вам живейшую благодарность, к которой я присоединяю уверения в моей глубокой преданности и наилучшие

пожелания.

P. S. Я полагаю, что эти господа из «Аксьон Франсез» задеты за живое моей последней статьей в «Прогресивик».

12 мая 1923 года г-н Жозеф Кайо сообщал мне из Тулузы:

«Я собирался вам написать, чтобы поблагодарить вас за вашу телеграмму, которая меня живо тронула, когда я узнал через Муте о вашем мужественном и замечательном выступлении на вчерашнем заседании. Я не могу вам выразить, как я этим тронут и как я вам за это признателен».

* * *

5 июня 1923 года Германия присоединилась к идее, высказанной г-ном Юзом, и объявила, что готова «признать, в том, что касается суммы и форм платежей, решения международного и беспристрастного органа». 20 июля 1923 года Великобритания предложила учредить комитет экспертов, который должен «будет представить свои заключения союзным правительствам и репарационной комиссии, первым – относительно платежеспособности Германии, второй – относительно установления форм платежей». Она ограничилась предложением сотрудничать с Соединенными Штатами и выслушивать немцев. Французское правительство противилось всякому вмешательству, пока будет продолжаться пассивное сопротивление.

Приход к власти президента Кулиджа[76] и заявление, которое он сделал 11 октября относительно того, что американское правительство придерживается предложения г-на Юза, позволили сдвинуться с мертвой точки. 12 октября лорд Керзон, говоря от имени всей Британской империи, представленной на Лондонской конференции, обратился к Соединенным Штатам с призывом о сотрудничестве. Г-н Юз уведомил о своих условиях 16 октября; он отказывался связать проблему межсоюзнических долгов с проблемой репараций.

Г-н Мальви писал мне 24 августа 1923 года:

«По окончании маленького путешествия я вернулся в

Суйак, где мои друзья встретили меня радостно взволнованные и показали вашу замечательную статью в «Эвр». Я не в силах передать вам того глубокого впечатления, которое произвел на меня и на моих близких волнующий рассказ «об одном из самых жестоких воспоминаний» вашей жизни. О дорогой друг! Вы вложили в эту написанную вами прекрасную страницу, всю свою совесть и доброту! Как друзья, которые меня окружают, так и безыменные республиканцы с энтузиазмом обсуждают в письмах, только что полученных мною, этот горячий протест благородного человека против гнусных происков, от которых я столько претерпел. О! Я никогда не забуду, как вы меня обняли со слезами на глазах в одном из помещений сената, где я находился после зачтения несправедливого приговора. И тем более я никогда не забуду, что это вы, Эррио, написав эти замечательные строки, с наибольшей силой разоблачили «гнусный балаган»; что это вы, Эррио, заставили услышать волнующий протест благородной совести против этой «пародии на правосудие», против этого «насилия над правом». Как смогу я выразить вам свою признательность и глубокую благодарность? Мой дорогой друг, как был бы я счастлив в свою очередь обнять вас, как это сделали вы 6 августа 1918 года!»

В 1923 году умер Морис Баррес. Я узнал скорбную новость, когда входил в палату. Накануне, пожимая мне руку, он обратился ко мне с несколькими любезными словами, смягчая юной и веселой улыбкой несколько мрачные интонации своего голоса. Затем во время заседания я наблюдал за ним со своего места – он беседовал с одним из наших коллег из департамента Сены по поводу предстоящего голосования о разделении. На этот раз мне невольно бросилось в глаза, как постарело его лицо, как увеличились круги под глазами и утончились черты – внезапное впечатление заставило меня задуматься. Утончились, увы! В прямом и точном смысле это означало: первое бледное прикосновение смерти. Политика разделяла нас во всем; мы представляли с ним два полюса общественного мнения; мы нередко сталкивались; но, несмотря на все, я питал к нему глубокую привязанность. Я знал его более тридцати пяти лет, еще с того времени, когда он писал в «Вольтере» и работал над своими первыми трудами в маленьком особнячке на улице Лежандр. Ему я обязан, своими первыми книгами, своей первой

теплой одеждой. Среди обломков, нагромождавшихся день за днем при крушении роскошного, но опустевшего парнасского храма, Баррес, влюбленный в спиритуализм, со своей страстной идеологией, со своим настойчивым стремлением к анализу, с тончайшим восприятием (как родник в чаще) оказывал современному роману такие же услуги, как Клод Дебюсси музыке. Он пересмотрел условный статут литературы; он творил; его Филипп из «Под взглядом варваров» выглядел как герой нового рода. Понемногу в его творениях исчезает элемент книжности. Появляется Беренис, хрупкая сестра Беатриче и Лауры, очень похожая на женские образы из Арльского музея. Беренис с крошечной горячей рукой, встречающая на пороге своего хилого садика молодого человека, потерявшего самого себя. Первый образ тех женщин, которых, так сказать, изобрел Баррес: тонких и одновременно наивных, сложных и примитивных. Затем, обогатив и связав воедино элементы своей жизни и своих мыслей, человек кабинетного анализа превратился в человека, жаждущего действий, в сильного, сочного художника, в котором отражался внешний мир. Я разошелся с ним, но восхищался неукротимой диалектикой и бурлением мысли даже в его политических статьях. В «Колетт Бодош» Баррес нашел свою, присущую ему одному манеру – острую, чувствительную, причудливо или печально грациозную, нечто среднее между холодной строгостью классического искусства и чрезмерным лиризмом романтизма. Какой ваятель! Какое богатство знаний! Он был для меня словно новый Стендаль. Я оплакивал его больше, чем многие из его друзей.

24 мая 1923 года из Тулузы Жозеф Кайо прислал мне письмо, в котором благодарил меня за резолюцию, принятую малым съездом, и за мою статью «Радикализм и социализм». «Но не кажется ли вам, – писал он мне, – что вы несколько торопитесь, считая политическую программу радикализма ликвидированной? Я того мнения, что завтра предстоит решить огромную задачу, если не чисто политическую, то главным образом политическую – организацию экономического государства и т. д.…»

* * *

В 1923 году, в сентябре и октябре, я совершил свое первое путешествие в Соединенные Штаты. Я где-то слышал, что Хуан Понсе де Леон, высадившись на американской земле, утверждал, что открыл там источник, омолаживающий людей и народы. Посмотрим. Если действительно закон прогресса состоит в том,

чтобы превратить человека в надсмотрщика за машинами; если хозяин и рабочий заинтересованы в том, чтобы трудящемуся не приходилось выполнять работы животного; если прогресс цивилизации отчасти измеряется и их усилиями в этом направлении, мне предстоит получить в Соединенных Штатах несколько хороших уроков. Говорят, что мне покажут машины, которые гораздо умнее многих людей. Девиз «время – деньги» уже устарел; я вижу, как применяют другой: «время есть время». Я хочу увидеть тейлоризм на практике. Насколько я знаю, Фредерик У. Тейлор не изобрел метода, вульгаризированного под его именем. Утверждают, что уже в конце XVIII века французский физик Кулон хронометрировал труд. В 1776 году Адам Смит в своей работе «Исследование о природе и причинах богатства народов» точно изложил систему, которая в конечном счете лишь применяет к промышленности законы разделения труда и анализа.

Вряд ли можно назвать развлечением посещение боен, где тысячами забивают животных, доставленных сюда со всей американской равнины. Гигантский город, по узким улицам которого проезжают верхом деревенские скотоводы; деревянные мостики над загонами; сооружения любых видов, из самых разнообразных материалов; гудки локомотива, рев сирен, звон колоколов; шестьдесят тысяч рабочих, занятых либо на основных работах, либо на переработке крови, изготовлении мыла или клея или на обработке шерсти; все мыслимые запахи, кроме приятных; отчаянные крики дрожащих от ужаса животных, когда им набрасывают на ногу петлю и их подхватывает колесо; скотобоец на своем помосте, ожидающий свою жертву и убивающий ее одним и тем же бесконечно повторяемым ударом в сонную артерию; чаны, в которых бурлит свежая кровь; печальная процессия безжизненно повисших животных; обезглавленные, вскрытые, обезжиренные туши с обрубленными ногами. Сам гость, который попадает из одного лифта в другой и которого перевозят среди испарений и чада в таком быстром темпе, начинает опасаться за собственную участь среди всех этих чудовищных трубопроводов; это ад, ужас которого едва умеряется при выходе на свежий воздух, когда в упаковочном цехе молодые женщины с голыми руками и в белых колпаках посылают ошеломленному посетителю улыбку ярко накрашенных губ.

Меня не меньше поразила прогулка по заводам Форда в Детройте. Решительно, я очутился в Стране количества. У входа в эти четырехэтажные здания, обращенные фасадом на огромный проспект, приходится ожидать, как в приемной монарха; затем инженер увлекает нас в улей, где работает более шестидесяти

тысяч наемных рабочих самых различных наций. Рабочий остается неподвижным, движется же перед ним шасси будущего автомобиля. Впечатление такое, что машина командует всеми стоящими тут плечо к плечу наемными рабочими; ее шум принуждает их к молчанию; освещение при ртутных парах придает им вид привидений. Мне показывают цифры: они подавляют. Но если работа механизирована самым беспощадным образом, то досуг, который должен компенсировать затрату сил, организован как будто с пониманием его социального значения и сердечностью, которые трогают. В магазинах Маршала Фильда, в Чикаго, служащие имеют свой клуб, библиотеку, рояли; во время моего посещения как раз давали концерт в «Нарциссовой комнате». Что вам нужно? Скрипку или шину? Парфюмерные изделия или счетную машину? Ножевые изделия или произведения г-на Анри Бордо? Средний француз, к которым я себя отношу, усвоил привычку, прежде чем купить, колебаться, раздумывать, советоваться. Здесь он чувствует себя довольно смешным. Но он был бы неправ, если бы видел только механическую сторону всех этих творений, не различал бы ничего, кроме количества, скорости, позволил бы загипнотизировать себя ленточными транспортерами или уличными автоматами. Даже в этих складах, огромные размеры которых подавляют, можно найти уголки, где прячется искусство. Позвольте мне прийти в себя в этих залах, где продавщица из Монморанси показывает китайские изделия, послушать нежные древние песни, которые слушал Конфуций в стране Цзи, полюбоваться этой глиняной, покрытой глазурью посудой густого зеленого цвета, этими хризантемами, на которых сверкают капли росы, этой сосной, этим священным нарциссом, этим Буддой, задумавшимся над ручейком, этим искусством покоя и молчания. После бешеного темпа машин мне необходимо посмотреть на ленивую и медленную процессию буддийского духовенства на фоне пейзажа со злаками. И рядом с этой техникой количества гончары Сонга учат нас культу оттенка: оттенка в эмалевой глазури, оттенка в шероховатых зернах обожженной земли, оттенка в цвете – светло-зеленому оттенку морской волны, оливковому, светло-коричневому, бледно-голубому, лиловому или этому светло-пурпурному цвету с красными крапинками. Не является ли видимость подлинной действительностью?

Веселый смех продавщицы из Монморанси вывел меня из задумчивости. Давайте заглянем в залы экспедиции. Забудем об оттенках. Жевательная резинка навязывается вам гораздо более энергичными методами; электрическая реклама подобна огненным кружевам или фонтанам огня; двадцать этажей «Нью-

Йорк таймс» окутаны огнями, напоминающими, как мне говорят, море огня; колокола возвещают миру о превосходстве каких-нибудь бритв или мыла. Здесь никаких оттенков: тут царит толчок, удар, принуждение силой. Трудно отличить правду от вымысла. Когда мне рассказали об одной цветной женщине, разбогатевшей благодаря изобретенному ею способу делать курчавые волосы негров гладкими, я подумал сначала, что дело идет о шутке в стиле Марка Твена или нашего старого Альфонса Алле; но капитан Морра хорошо знал эту особу и принимал ее на борту пассажирского парохода «Пари»; что меня удивило, после некоторого размышления, – так это то, что она не применила свой способ для завивки волос белых. Я останавливаюсь перед магазином, специализирующимся на продаже румян для негритянок. В окрестностях Кливленда я любуюсь великолепным всадником, настоящим укротителем лошадей; он стал таким сильным, занимаясь заочно боксом; это мне рассказал его дед, посол Мирон Херрик, – можно ли сомневаться? Прибыв из страны, где профессиональное обучение еще в младенческом состоянии, я дивлюсь многообразию и мощи техники; в американских университетах она тесно увязывается с общим образованием. Иногда оказывается, что некоторые своеобразные учреждения вроде института Этьена Жирара в Филадельфии, основанного в 30-х годах прошлого столетия для бедных сирот каким-то последователем энциклопедистов, созданы французами. Просвещенный патриотизм извлекает пользу из частной инициативы, которая множит свои подношения. В Пенсильвании Покер дал в 1865 году землю и 500 тысяч долларов для основания технической школы «Ленг Валей»; несколько лет спустя тот же институт получил по завещанию 2 миллиона долларов. Директор сталелитейных заводов в Вифлееме оборудовал на свои средства лабораторию гражданского строительства. Здесь деньги служат нации; у нас жертвователь, решившийся вытерпеть пытки официальных формальностей, является героем.

Сам рабочий, действующая сила производства, не похож на своего французского собрата. Он приносит жертвы ради своей квартиры, ради своего отдыха; он презирает политическую болтовню. Хартия Американской федерации труда, принятая съездом в Цинциннати в 1922 году, утверждает, что борьба между капиталистами и трудящимися должна вестись «в интересах производства и общей пользы». С момента своего создания в 1881 году Американская федерация труда заявляла, что она против всяких политических выступлений; и к апрелю 1923 года она уже насчитывала более 3 миллионов членов. В Вашингтоне я

исходатайствовал аудиенцию у главы АФТ г-на Самюэла Гомперса[77]. Он принял меня в резиденции своего совета, в скромном, но комфортабельном здании федерации. Ему сейчас семьдесят три года; он с гордостью рассказал мне, что начал свою карьеру рабочим на сигарной фабрике. Коренастый, плотный и урановешенный, он расположился за своим рабочим столом, уставленным телефонами, в маленькой комнате с большими оконными проемами, откуда мне видны парки Вашингтона. Против него разместились его помощники. Я восхищаюсь и несколько робею, глядя на это гладко выбритое энергичное лицо, на эти подвижные черты, выражающие большую силу; линия верхней губы резко очерчена; его взгляд словно атакует собеседника. Он начинает свое выступление; он намерен проводить его на свой лад, невозможно даже слово вставить в это методическое и ясное изложение. Вытянутый палец подчеркивает его аргументацию; его большие серые глаза пристально смотрят на меня из-за очков в золотой оправе. «У меня есть, – говорит он мне, – своя философия и свои мечты. Но я хочу прежде всего из года в год улучшать благосостояние рабочих. Мы не спрашиваем у этого рабочего ни о его политических воззрениях, ни о его религиозных верованиях. Консерватор ли он, демократ, социалист, коммунист, для нас неважно; для нас достаточно, чтобы он был верен федерации». Время от времени Самюэл Гомперс стучит по столу и смолкает. Затем он вновь раскуривает свою сигару и продолжает свою речь, рука его по-прежнему вытянута вперед. Кто со мной разговаривает – рабочий или старый премьер-министр, окруженный своими советниками? Он американец всеми своими помыслами. Впрочем, стена в его кабинете украшена национальным флагом; в комнате его секретаря я заметил портрет маршала Фоша. «Французские рабочие, – сказал он мне, – растрачивают свои экономические силы из-за своих политических разногласий». И он продолжал свое изложение, насыщенное примерами, властно и в то же время отечески. Он сам служит примером. В Соединенных Штатах я вижу пожилых людей, но не встречаю здесь стариков.

Очень скоро я почувствовал, что меня самого захватили эти шестерни, что меня покорила эта страна, где самый отдых является движением. Формы развлечений меня поразили. Не попал ли я, очутившись на ярмарке Кони-Айленд, открытой всем ветрам моря, подгоняющим тучи, посреди пылающего Луна-парка, на пожар, вызвавший панику? Нет, это всего лишь население Нью-Йорка, словно сорвавшееся с цепи; кончив работу, оно устремляется к конфетным лавкам, к закусочным с горячими сосисками, к переполненным ресторанам и катится, подобно реке,

устремившейся с горы, вдоль итальянских и греческих лавчонок, китайских кафе, балаганов с поражающим воображение астрологом, артистом с разноцветной татуировкой и женщиной с четырьмя ногами. Это какая-то лихорадка толчков, рывков, жажды головокружения. Крики, смех пронизывают этот поток, который увлекает все расы и все языки земного шара.

Но так как здесь всё контрасты, то вот вам в другое время и в других местах – семейный отдых на песчаном пляже городского залива; тут между скалами цвета кораллов, на опушке дубового леса, в Гудзоновом заливе дети торопятся нарвать желтых астр, национальный цветок. Вокруг маленьких озер, слегка окрашенных ультрамарином и искрящихся светом, – любители жизни под открытым небом. Эта толпа, вчера еще находившаяся во власти огромной машины, приближается к природе с инстинктивной и почтительной любовью. Миллиардеры из Терри-тауна посадили в своих парках деревья, листья которых в эту пору осени кажутся сделанными из золота, как доллары. Буржуа разбил на лужайке перед домом беседку, увитую розами. Народ закаляется в лесах, вдыхая горный воздух.

Я путешествовал во времена сухого закона. Нигде ничего спиртного – ни вина, ни пива. На пароходе, в баре, один янки изливал мне свое негодование по поводу сухого закона, начинающегося у подножия статуи Свободы. Эта система имеет по меньшей мере то достоинство, что дает повод для контрабанды. Суровый губернатор Пенсильвании г-н Пенхот – ярый сторонник сухого закона. Но в Нью-Йорке я замечаю из своего окна полисмена, который кажется мне в высшей степени «подмоченным». За неимением алкоголя употребляют кокаин. Что лучше всего предохраняет расу, так это ее молодость, ее внутреннее благосостояние, удобство квартир, приверженность к чистоте, широкое развитие спорта, страсть к чистому воздуху и движению. Таким образом, Соединенные Штаты, которые мне изображали каторгой конвейерного труда, открылись мне как страна радости, страна здоровой и свободной жизни под небом. «Я воспеваю современного человека, – восклицает Уолт Уитмен, – я воспеваю жизнь, страсть, энергия и мощь которой неизмеримы, жизнь, полную радости, предопределенную божественными законами для самой свободной деятельности… Я сотворю самую великолепную расу, над которой когда-либо сияло солнце».

Посетив Кливленд, я увидел не только его предприятия, но также и окруженное кленами и стрижеными газонами озеро; его виллы, где нимфы украшают античные вазы; его склоны, покрытые цветочками, которые народная легенда назвала кружевами королевы Анны; даже в Чикаго, где я ожидал увидеть

лишь закопченное небо, густой дым труб, возвышающихся над кучами отбросов, город, оплетенный и раздираемый железнодорожными линиями, – да, даже в Чикаго, который заставил меня понять искусство кубистов, с его параллелепипедами, увенчанными усеченными конусами или цилиндрическими резервуарами, в парке Гранта, около агатового озера Мичиган, в садах деревенских клубов я понял гимн жизни Уитмена и полюбил его, и мне бы хотелось иметь право к нему приобщиться, потому что, как бы механизирована жизнь ни была, я видел, что она посвящена не материальной силе, а освобождению человека, его эмансипации посредством знания; потому что нигде я не видел, чтобы книги и искусство были более близки народу; потому что нигде я не видел, чтобы так любили и уважали детей; а когда мне было разрешено посетить Колумбийский университет (который впоследствии удостоил меня своим избранием), то в этом центре, где полагают, что могут удовлетворить все запросы ума, я открыл американский идеализм; я навсегда отверг нелепое обвинение в материализме, которое по глупости предъявляют этому народу; я понял, что, говоря словами Никола Мэррей Батлера, идеалом этой нации были «человеческая свобода, справедливость, достойное устройство общества», и я обещал себе, что по возвращении во Францию останусь верен этому открытию.

Я точно так же никогда не забуду краткой поездки по Канаде. Монреаль – третий французский город в мире; он насчитывает больше французов, чем наш Лион. Впрочем, наш народ оставил на всей территории этого района Америки глубокие следы. Детройт был основан выходцами из Франции; статуя Кавелье де Ла Саль[78] перед ратушей, а в другом месте остатки крепости Поншартрен рассказывают нам об этом. Мы забыли, что в известный период восточный бассейн Миссисипи, от истоков до устья, принадлежал Франции. Как многие другие до меня, я пришел в восторг, посетив Квебек. Накануне, попав под сильнейший дождь, обрушившийся, как шквал, на речку и леса на острове Орлеан, я почувствовал вкус ранней осени. Между двумя шквалами я прочел французские вывески: «Тюлип, торговец скобяным товаром»; «Расин, продавец конфет». Надписи на дороге гласили: «Опасность!», «Убавьте ход!», «Поворот направо!» Паломничество в Нотр-Дам де Бопре перенесло меня в Бретань. Я узнавал голос наших колоколов. Какая-то крестьянка-мать зовет своего ребенка: «Иди-ка приоденься». Мой проводник жаловался мне, что дорога плохо оснащена знаками.

Я иду по улице дю Фор, минуя старый ресторан «Золотой собаки». Вот площадь, где была воздвигнута в начале XVII века

часовня «Божьей матери Благодарения», как говорят, в честь возвращения храброго Шамплена[79]. На месте, где потом разбили маленький сквер, высился парламент, в котором канадцы боролись за сохранение своего языка; терраса, на которой я сижу, находится в тени тополей Нормандии, ив и кленов; отсюда мне виден водопад на реке Монморанси и границы лагеря Монкальма[80]. Маркиз выбрал для своего дома место на самом берегу, на земляном валу и назвал его в честь своего фамильного замка Кандиак, около Нима. Именно здесь, в этих нескольких комнатах, с помощью людей вроде Бугенвиля[81] последний защитник Франции в Канаде, властный, вспыльчивый, порой, может быть, неосторожный, но такой энергичный и храбрый, предоставленный самому себе, ковал свои планы, наблюдая издали за перипетиями войны в Европе[82], переходя в зависимости от своих возможностей от наступления к обороне, пытаясь проводить туземную политику и сокрушая противника, когда обнаруживал его слабость; но, обезоруженный плачевной администрацией, осаждаемый в такой же степени голодом, как и врагом, он смог только отсрочить благодаря неистощимой изобретательности своего мужества развязку, уже давно ставшую неизбежной.

От главного госпиталя, основанного в конце XVII века, для закончивших службу солдат, где лечили после осады Квебека как французских, так и английских раненых, не осталось ничего, кроме стен. Я выхожу на улицу Сен-Флавиен. Крестьянин продает молоко болтливым хозяйкам; на повозке название его мызы: «Ивы». Маленькие сгрудившиеся старенькие дома, фруктовые ларьки со стеклами, размалеванными французскими надписями; случайные лавчонки, вдоль которых пробираются маленькие старички в черном, в шерстяных перчатках, по виду мелкие рантье. Собор исчез, но сохранилась семинария, где монсеньер де Лаваль пытался офранцузить алгонкинов. В университете мадам Луиза, мадам Виктуар и мадам Аделаида с букетиками роз в напудренных волосах улыбаются своему отцу[83], не заслужившему, чтобы его чествовали в подобном месте. Дородная мадам Дюбарри в виде Дианы развлекает Монкальма (картина Ларжильера), такого юного, полного жизни, с пламенным взором. Цветы Моннуайе украшают целое панно.

Мне посоветовали посетить монастырь урсулинок на улице Жарден. Крохотная площадь под сенью клена. Не в Невере ли я, возле монастыря сестер-визитандинок[84]? В приемной к решетке проскользнула маленькая ирландская монашка, у нее на груди в стеклянном филигранном футлярчике изображение черепа Монкальма. Она рассказывает мне символическую легенду о

лампаде, пожертвованной по обету монастырю в начале XVIII века одной верующей дамой, которая постриглась после неудачного романа. Я нахожу могилу Монкальма на узком плато, которое возвышается над лесистым обрывистым берегом. Именно здесь разыгрался последний акт драмы между Вольфом[85] и им. Несколько тысяч человек с каждой стороны; скорее дуэль, чем сражение; маленькая мельница, как при Вальми. На месте, где Вольф взял приступом крепостной вал, посадили дерево. Последнее свидетельство того, что мы здесь были» – дерево названо «маем».

* * *

За время этого короткого путешествия я постоянно сталкивался с французской действительностью. Я встречался с ней на каждом шагу. Германо-американские круги, херстовская пресса и газеты крайне левых относились к нам резко враждебно. Немцы продолжали свою пропаганду. Граф Бернсторф опубликовал в журнале «Карент хистори» резкую статью, где признавал, что политика выполнения была для его страны лишь маневром для отсрочки. Г-н Ллойд Джордж произнес речь, где высказался за предложение Юза и учреждение комитета экспертов. Несколько сенаторов, в том числе Мак-Кормик, выступили против нас с несправедливыми и жестокими словами. Поддерживали нас главным образом в университетах. Выше всех, свободней всех и чище всех звучал голос президента Вильсона[86]. Из своего уединения, откуда он не выходил, Вильсон высказался против экспедиции в Рур, но порицал тех, кто повернулся спиной к своим военным союзникам и отказался взять на себя долю ответственности в деле организации мира.

Сформирование кабинета Штреземана 14 октября 1923 года, за которым почти сразу последовало прекращение пассивного сопротивления, дало французскому правительству то первое удовлетворение, которого оно требовало. Поэтому оно сообщило Лондону 26 октября о своем согласии на образование комитета экспертов, назначаемого репарационной комиссией, при условии, что в него не будут включать представителей Германии, он будет играть чисто консультативную роль и не сможет ни предлагать, ни делать Германии никаких уступок. Это последнее условие повлекло за собой срыв переговоров. Договориться с Форейн оффис о тексте приглашения Соединенных Штатов оказалось невозможным, и 9 ноября американский государственный секретарь сделал категорическое заявление о бесполезности

экспертизы, ограниченной в соответствии с желаниями Франции.

Репарационная комиссия снова занялась этим делом; 11 ноября она получила от премьера Пуанкаре поручение добиться учреждения комитета экспертов. Задача была трудной. Надо было преодолеть сопротивление британского делегата, который сначала ответил, что Франция «требует пилюль против землетрясения». Американец Логан оказывал Луи Барту самую активную и самоотверженную помощь. 30 ноября 1923 года репарационная комиссия решила назначить два комитета экспертов в составе представителей союзных и присоединившихся стран, поручив одному из них изучение вопроса бюджетного равновесия и стабильности валюты Германии, а другому – рассмотреть вопрос об утечке капиталов. Луи Барту создал оба комитета 15 января 1924 года. «Надо в конце концов к чему-то прийти, – сказал он. – Не только кредиторы Германии, но и сама Германия заинтересованы в урегулировании вопроса репараций. Не будет преувеличением сказать, что от этого зависит мирное равновесие во всем мире».

13 декабря 1923 года директор Главного фондового управления потребовал, чтобы – поскольку нельзя коренным образом изменить финансовую политику – был увеличен наличный авансовый фонд Французского банка. Это являлось, по его мнению, единственным средством спасения от дальнейшего увеличения текущего долга. Если к 1924 году применить ту же систему расчета, что и к предыдущему году, «заменяя *тайный аванс в 500 миллионов, обещанный Французским банком* кредитным учреждениям, то окажется, что казначейство в этом случае получило бы 23 300 миллионов, то есть сумму, превышающую на 100 миллионов максимум, предусмотренный предполагаемым соглашением с Французским банком. Значит, к тому времени у Французского банка уже просили тайного аванса в 500 миллионов. Директор Главного фондового управления добавляет: «…министр, без сомнения, убедится, что при всех обстоятельствах *существует необходимость обратиться к кредитным учреждениям, хотя бы для того, чтобы частично скрыть безнадежное положение казначейства накануне займа «Национального кредита».* Наконец, продолжая протестовать против выплаты авансов Французского банка казначейству, на которую согласился министр, он заканчивает свой доклад следующими словами: «Я считаю, наконец, необходимым привлечь внимание министра к тому факту, что решение, все неудобства и всю тяжесть которого я пытался доказать в последний раз, было вызвано не столько причинами технического порядка, сколько тем волнением, которое произвела в публике

бешеная кампания в печати в последние дни. Между тем множество признаков позволяют мне думать, и я не боюсь писать об этом, что эта кампания была поднята и поддерживается административным персоналом Французского банка, назначение которого находится в руках правительства. Министр, чье право свободного решения было, таким образом, ущемлено по инициативе государственного чиновника, сочтет, без сомнения, необходимым прибегнуть к определенным санкциям. Я добавлю, что в том случае, если эта санкция не будет принята, престиж казначейства по отношению к Французскому банку будет подорван со всеми последствиями, которые может иметь в будущем подобное положение вещей».

Рапорт директора Главного фондового управления разоблачал не только безнадежное положение казначейства в конце 1923 года. Он вскрывал один из пороков в деле организации, от которого страдала Франция. Чтобы принудить министра принять решение, благоприятное банку, персонал этого учреждения, назначаемый правительством, «поднимает и поддерживает» кампанию в печати, возбуждает общественное мнение и вынуждает таким образом несчастного министра принять решение, хотя он и так благодаря размерам текущего долга целиком во власти общественного мнения.

* * *

Надо, впрочем, заметить, что г-н Андре Тардье со своими друзьями отнеслись гораздо суровее к правительству Пуанкаре, чем радикалы. Когда фунт внезапно поднялся до 96, а затем до 123 франков, когда паника охватила валютный рынок, «Эко насьональ» стала метать громы и молнии. «Идти за подобным правительством, – писал г-н Андре Тардье 18 января 1924 года, – так же глупо, как без причины высовываться из-за бруствера под огнем пулемета». Но самые жестокие удары были припасены для г-на Пуанкаре, который, «несмотря на четыреста или пятьсот речей на кладбищах», «ищет в карманах французских налогоплательщиков те миллиарды, которые он поклялся вывезти из Эссена» (19 января). Смеются над министром финансов г-ном де Ластейри, за то, что он не смог выдумать другого лекарства для бедственного положения страны, как поговорить по душам с полицейским комиссаром биржи.

Одно название статьи, появившейся в понедельник 21 января 1924 года – «Высокомерие банкротов», – говорило об усилении атаки. Г-н Пуанкаре только что дал объяснения финансовой

комиссии; я помню эти трагические заседания, на которых мы, радикалы, если не поддерживали главу правительства, то избегали заявлений или речей, которые могли бы осложнить финансовое положение, и без того явно тяжелое. Г-н Тардье высказался без всяких околичностей:

> «Я повторяю и буду повторять до конца дискуссии, что *правительство, которое ошибалось во всем, которое ничего не предвидело и ничего не смогло предотвратить,* не имеет права говорить таким языком… Министерство Пуанкаре само захотело взять на себя в финансовом вопросе всю ответственность и все полномочия… Первое лекарство от этого кризиса – это положить конец деятельности правителей, которые ничего не сделали для того, чтобы предохранить нас от него… Г-н Пуанкаре будет держаться еще более высокомерно и прикрываться смехотворным одобрением своих дипломатических или консульских служащих, но ему не удастся, по крайней мере я на это надеюсь, задушить эту неопровержимую истину».

Это уже не критика; это – оскорбление. Это непрерывная, ежедневно возобновляемая, волна за волной, атака на правительство, «которое всегда желало создания только ложной безопасности». «Франция страдает от ластейриосклероза»[87]. Острота, позаимствованная, впрочем, у Гроклода. Правительство обвиняют в том, что оно предлагает своему большинству «брак на смертном одре». Г-н Андре Тардье, впрочем, ясно видел и превосходно объяснил, что опасность для национальной валюты связана с неосторожным увеличением страшного текущего долга. Он бичует правительство за «два года бездействия». «Безволие, непоследовательность» – это еще самые мягкие эпитеты. Все язвы французских финансов были обнажены. «Я готов, – говорил г-н Тардье премьер-министру, – умереть за родину, но никак не за правительство».

Подписка на заем «Национального кредита» дала полтора миллиарда вместо ожидаемых четырех. Валютная буря разразилась в феврале 1924 года. В своей брошюре «Финансовая драма и ее виновники» гг. Жан Монтиньи и Жак Кейзер приводят критические высказывания правых деятелей по адресу правительства, а также высказывания, взятые из газет. «Тан» пишет 21 января 1924 года: «Если справедливо, что управлять – это значит предвидеть, то правительство совершило тяжкую ошибку. Финансовая программа, кое-как состряпанная за двадцать четыре часа, свидетельствует о его растерянности». Г-н

Тардье в «Эко насьональ» проявил не больше любезности: «Правительство дало такие доказательства бездарности, сначала беспечности, а затем лихорадочной деятельности, что невозможно думать об излечении кризиса доверия, от которого страдает страна, пока оно будет находиться у власти». Г-н Франсуа-Марсаль заявил финансовой комиссии сената 8 марта 1924 года, говоря о правительстве: «Серьезное положение, в котором мы оказались, объясняется его политикой. Ничего не было сделано, чтобы избежать кризиса доверия, от которого мы сейчас страдаем. Я, кроме того, был поражен тем, что правительство не выказало доверия комиссии и что оно не сказало ей того, что должно было сказать… Оно не было с нами откровенно и не доверяло нам; и оно не имеет больше права на наше доверие». 12 марта г-н Франсуа-Марсаль заявил по поводу доклада г-на Беранже: «Я нахожу… что выражения доклада недостаточно суровы в оценке внутренней и внешней политики правительства в течение 1923 года».

9 апреля 1924 года оба комитета экспертов представили свои доклады репарационной комиссии. Луи Барту поблагодарил их в следующих выражениях: «Ваша работа открыла новую эру в столь беспокойной истории неустойчивого мира, где человечество ищет своего равновесия».

В письме от 9 апреля 1924 года на имя председателя репарационной комиссии Чарльз Дауэс уточнил намерения первого комитета экспертов. «Глубоко сознавая свою ответственность перед вашей комиссией и совестью всего мира, комитет, – писал он, – придерживался в своем плане принципов справедливости и права и соблюдал взаимные интересы в том, что касается главенствующей роли, в чем жизненно и длительно заинтересованы не только кредиторы Германии, но и сама Германия и весь мир. Раз установив и приняв эти принципы с общего доброго согласия, являющегося прочной основой всех начинаний и лучшей защитой всеобщего мира, надо рассматривать рекомендации этого комитета не как карательные меры, но как средства, предназначенные помочь экономическому восстановлению всех европейских народов и торжественному открытию нового периода счастья, процветания и обеспеченного мира».

Германия должна платить налоги в пределах своих возможностей, так же как и ее кредиторы. С самого начала стремились увеличить поставки до максимума в соответствии с непрерывным ростом немецкого производства. Наличие охранных мер нисколько не препятствует выполнению контрактов. Комитет провел 54 пленарных заседания; валютный комитет провел 81

заседание и бюджетный подкомитет – 63.

11 апреля 1924 года репарационная комиссия единогласно одобрила решения доклада экспертов и рекомендовала его выводы заинтересованным правительствам. Однако она ставила свое окончательное согласие в зависимость от согласия правительства рейха. Штреземан дал его. 12 апреля председатель совета министров Пуанкаре выразил сожаление, что репарационная комиссия действовала с такой поспешностью, и сделал оговорки. 14 апреля Луи Барту защищал свою тактику как более «политичную». «Мне казалось необходимым, – писал он, – вернуть Франции ее настоящее лицо и использовать заключения экспертов, определенно принятые за основу для дальнейшей дискуссии, чтобы показать вопреки широко распространенной клевете, что *«оккупация Рура является средством воздействия и не таит в себе никакой мысли об аннексии».* Прием, оказанный во Франции, Европе и в Соединенных Штатах решению репарационной комиссии, позволяет мне думать, что я не должен сожалеть о своей позиции, ибо ни права Франции, ни права ее правительства не были принесены при этом в жертву, так как те и другие подтверждены в докладе первого комитета».

Расхождение во мнениях между Луи Барту и премьер-министром обнаружилось в этой переписке, достаточно кислой, несмотря на безупречную учтивость выражений. Луи Барту опасался изоляции Франции; он заявил об этом твердо и определенно. 16 апреля германское правительство прислало свое принципиальное согласие. 17 апреля репарационная комиссия вновь единогласно одобрила доклад экспертов. 25 апреля французское правительство сообщило, что оно с большим интересом ознакомилось с ним и требовало уточнений. Но в общем оно приняло его, как заявил об этом г-н Пуанкаре 26 августа в сенате. Также поступили бельгийское и итальянское правительства. 30-ого репарационная комиссия приступила к осуществлению предварительных мероприятий для введения в действие плана; она создала три организационных комитета (банков, железных дорог и промышленных залогов).

Правительство 11 мая

В поисках мира. Лондонская конференция

Выборы 11 мая 1924 года ознаменовались успехом «Левого блока».

1 и 2 июня 1924 года я от имени партии радикалов и радикал-социалистов обратился к съезду социалистической партии с двумя письмами. В первом я писал: «…что касается внешней политики, то существует долг, который доминирует над всеми остальными: построить мир. Чтобы добиться победы на выборах, которая сделала бы возможным осуществление этой задачи, социалисты и радикалы дружественно объединились… Страна явно желает, чтобы это сотрудничество продолжалось в правительственных советах, дабы провести в жизнь решения нации. Народ выполнил свой долг; теперь наша очередь. Поэтому от имени моей партии я прошу социалистическую партию о полной поддержке; мы готовы обсудить с вами необходимые средства и условия». Утром 2 июня произошло свидание делегатов радикалов с делегатами социалистов. Они быстро пришли к принципиальному согласию. От меня попросили лишь письма и более подробной программы, которые я в тот же день направил Леону Блюму. Но съезд социалистов решил отклонить участие в правительстве. Леон Блюм ответил мне: «Социалистическая партия знает, что мощное движение общественного мнения страны, движение, которое особенно легко понять на следующий день после борьбы, предпринятой сообща во многих департаментах, ожидало успеха от сотрудничества партии радикалов и социалистической партии в правительстве. Социалистическая партия отдает себе также ясный отчет в разочаровании, которое охватило бы большинство нации, если бы горячая надежда, которую породила победа 11 мая, оказалась неосуществленной. Партия учитывает серьезность всех последствий, которые это разочарование могло бы вызвать. И все же она не считает возможным в нынешних обстоятельствах принять сделанное ей предложение». Густав Тери изложил документы и ознакомил с фактами в газете «Эвр» от 1 февраля 1927 года.

6 июня 1924 года г-н президент Мильеран предложил мне сформировать новый кабинет «в целях осуществления идей, которые восторжествовали в результате всеобщего голосования во время недавнего опроса нации». Официальное коммюнике Елисейского дворца сообщало, что «состоялся обмен мнениями, который не выявил никакого разногласия относительно программы», но «поскольку депутат Роны коснулся вопроса о

президенте», г-н Мильеран заявил, что не может рассматривать вопрос, «ставить который запрещает уважение к закону». Что касается русского вопроса, то, по правде говоря, мне показалось, что президент был более чем сдержан. Само собой разумеется, я не имел никакого права поднимать вопрос конституционного порядка; я мог лишь согласиться или отказаться. Я считал, что моральный долг запрещает мне брать на себя миссию, которую предлагал мне глава государства после того, как он публично выступил против моих друзей. Сведения, которые я дал прессе, вкратце излагали мою точку зрения во время беседы, очень для меня неприятной, но не позволившей мне колебаться в выборе долга. «Моя программа была опубликована. Г-н президент республики соблаговолил сказать, что он знает ее… После того как я в течение всей выборной кампании защищал «Левый блок», я ни на секунду не мог подумать о том, чтобы образовать министерство без участия этих левых партий, чье решение относительно конституционной роли президента было недавно опубликовано. Так как положение вещей не позволяло образовать правительство, опирающееся на левое большинство, я должен был отклонить предложенный мне мандат». Я надеюсь, что мне удалось это сделать в выражениях, достойных высокого положения пригласившего меня лица. Я настаивал на характере моего ответа, обязательного только для меня. В момент прощания, когда я извинялся за свой отказ, т-н Мильеран сказал мне: «Я сожалею об этом для вас, сударь».

Был сформирован кабинет Марсаля[88]. Президент Мильеран подал в отставку. Его заменил г-н Гастон Думерг. Теперь я мог сформировать правительство.

Я водворился в министерстве иностранных дел 15 июня 1924 года.

Наш кабинет представил свою программу палатам 17 июня 1924 года.

Мы заявили о нашем намерении осуществить на деле волю народа, выраженную всеобщим голосованием 11 мая; у нас была только одна цель: дать стране путем прогресса и труда мир, который она столь заслужила. И прежде всего духовный мир. Если мы решили не учреждать посольства в Ватикане и применить закон о конгрегациях, то лишь для того, чтобы обеспечить суверенитет республиканского законодательства, чтобы сохранить необходимое различие между областью верований и областью общественных дел, чтобы осуществить принцип светскости, который «кажется нам гарантией национального единства и братства» в стране, где много католиков, бесконечно почтенных, но где имеются также

протестанты, иудеи, мусульмане и неверующие. Амнистия всем, кроме предателей и непокорных. Восстановление в правах уволенных железнодорожников, отмена чрезвычайных декретов – таковы будут наши первые шаги.

Но если республика уже придала демократии ее политическую форму, нужно идти дальше – увеличить местные свободы, предоставить государственным служащим право организации профсоюзов, обеспечивая при этом права правительства в случае коллективных выступлений. Мы высказались за голосование по округам.

Часть нашей программы, касающаяся Эльзаса и Лотарингии, дала повод для страстной полемики. Необходимо поэтому точно воспроизвести ее текст. *«Правительство убеждено, что верно истолкует пожелания дорогого населения, возвращенного наконец Франции, ускорив наступление дня, когда будут стерты остатки различий в законодательстве между воссоединенными департаментами и остальной территорией республики. С этой целью оно упразднит верховный комиссариат и подготовит меры, которые позволят ввести в Эльзасе и Лотарингии республиканское законодательство во всей его полноте, уважая при этом существующее положение и оберегая материальные и духовные интересы населения».*

Таков текст, который вызвал самую бешеную кампанию против правительства. Что было неподобающего в том, чтобы обратиться в таких выражениях к областям, чей духовный союз с Францией был осуществлен революцией и откуда начала свой полет «Марсельеза»[89]? Но мы говорили, что необходимо организовать демократию. «Истинные виновники беспорядков – это те, кто сопротивляется законным реформам. При демократии лишь движение может обеспечить устойчивое равновесие». Мы высказались за сохранение закона о восьмичасовом рабочем дне (возгласы справа); за охрану детей, женщин и особенно матерей; за помощь туземцам колоний, которых Франция рассматривает не как своих подданных, а как своих сыновей; за социальное страхование; за развитие образования. «Мы думаем, – говорили мы, – что демократия не будет полной до тех пор, пока доступ к среднему образованию в нашей стране будет обусловлен достатком родителей, а не достоинствами детей, как это должно быть». В области финансов мы будем придерживаться сурового учета; мы будем отстаивать равновесие бюджета; мы превратим подоходный налог, справедливо применяемый, в основу подлинно демократической фискальной системы. Мы постараемся сократить государственный текущий долг широкими мероприятиями по консолидации.

Мы высказались затем относительно внешней политики и безопасности Франции. Реорганизация армии на основе военного опыта и сокращение сроков действительной службы, однако так, чтобы ни в коем случае не ослабить нацию и не оставить ее беззащитной; защита наших прав, зафиксированных в договорах, и наших репараций; прием Германии в Лигу наций, когда она выполнит все обязательства; сохранение оккупации Рура, пока залоги, предусмотренные экспертами, не будут с надлежащими гарантиями учреждены и вручены соответствующим органам; контроль за разоружением Германии; гарантийные пакты; поддержка Лиги наций; укрепление союза с союзниками и друзьями – таковы были основные пункты нашей программы. Наше правительство приглашало Германию вступить на путь демократии и мира. Оно объявило о своем намерении восстановить нормальные отношения с Россией.

Приглашение в Чекере было первоначально адресовано г-ну Пуанкаре. Его переписка с Рамсеем Макдональдом была опубликована. 14 мая он, извиняясь, писал: *«Возглавляемое мной правительство приняло без всяких оговорок и задних мыслей выводы доклада экспертов в том виде, как их ратифицировала репарационная комиссия, и объявило о своей готовности восстановить экономическое единство рейха, как только Германия начнет осуществлять программу, выработанную этой комиссией».* В том, что касается военной оккупации, г-н Пуанкаре подтвердил готовность оставить Рур «по мере поступления платежей Германии», при условии сохранения всех гарантий и возможности всегда «обеспечить залоги». «Нечего и говорить, – добавил он, – что Франция всегда предпочтет мерам, принятым ею одной, меры, принятые совместно с союзниками». Г-н Пуанкаре коснулся также вопроса франко-бельгийского управления и проблемы безопасности. Г-н Макдональд выразил пожелание, чтобы до сформирования нового министерства г-н Пуанкаре продолжал изучение доклада экспертов (письмо от 14 мая). Г-н Пуанкаре дал согласие (письмо от 15 мая). Однако последующая переписка показывает, что далее между двумя премьер-министрами происходил лишь обмен любезностями.

Совещание в Чекерсе состоялось 21 июня, в 22 часа, и 22 июня. Меня сопровождали г-н Перетти де ла Рокка и г-н Бержери. Рамсея Макдональда сопровождали сэр Эйр Кроу и сэр Рональд Уоттерхауз. Г-н Камерлинк исполнял функции переводчика.

Эти переговоры подверглись большой критике. Мне не от чего отрекаться. Макдональд очень энергично начал дискуссию по докладу экспертов; я представил записку, подготовленную г-ном Барту, в целях обеспечения межсоюзнических гарантий; я

желал, чтобы не были ущемлены права репарационной комиссии, и предложил поручить ей установление даты экономической эвакуации Рура. «Когда репарационная комиссия сообщит нам, что контрольные органы на местах и готовы приступить к выполнению своих функций, мы сможем начать экономическую эвакуацию; нам было бы трудно сделать это раньше. Таков наш минимум».

С самого начала переговоров я настаивал на том, чтобы прибегнуть к помощи американцев. Сэр Эйр Кроу хотел связать немцев подписанием документа, но не договора, а только протокола. «Если мы, – заявил он, – просим что-то, что выходит за рамки Версальского договора, необходимо, поскольку имеешь дело с Германией, чтобы она подписала письменное обязательство». Макдональд одобрил это. Мы приступили к рассмотрению двух важных вопросов: положение в Руре и режим железных дорог. «Мы знаем, – заявил британский премьер, – состояние общественного мнения во Франции, и я хочу совершенно открыто заявить, что в мои намерения не входит просить г-на Эррио сделать то, что для него было бы трудно. В этом вопросе не должно быть никаких неясностей. Я испытываю такую симпатию к г-ну Эррио, как если бы я был членом его кабинета, и глубоко убежден в том, что мы должны прийти к соглашению по поводу гарантий, если мы хотим добиться подписки американских заимодавцев».

По одному выражению Макдональда *(экономическая и иная эвакуация)* я понял, что будет поставлен вопрос о военной эвакуации. Я четко изложил свою позицию: «Мой предшественник говорил и писал, что мы начнем осуществлять военную эвакуацию Рура по мере того, как Германия будет вносить платежи. Иными словами, Рур будет полностью очищен, как только нам будет сполна заплачено. Если я правильно понял мысль г-на Пуанкаре, вся операция займет примерно 37 лет, не только согласно положению о платежах, но и согласно программе международного общества железных дорог; чтобы выполнить это и амортизировать капитал, понадобится примерно сорок лет. Я выдвигаю иной тезис. Чтобы приступить к экономической эвакуации Рура, нужно быть уверенным в том, что немцы будут платить. Г-н Макдональд как будто говорил о придании кредиту коммерческого характера. Я готов принять эту точку зрения и хочу попытаться вполне уяснить себе его виды. Но прежде чем связать военную эвакуацию Рура с коммерсиализацией кредита, я хотел бы спросить, что означают эти последние слова? Должны ли мы эвакуировать Рур, коль скоро немцы выдадут нам документ? Этого было бы недостаточно. Боны АВС никогда

ничего не стоили. Я лично был бы склонен приступить к военной эвакуации Рура по мере того, как германский долг был бы коммерсиализован, то есть размещен приблизительно на 16 миллиардов в железнодорожных и промышленных облигациях. Мы были бы готовы осуществить эвакуацию, как только эти облигациях будут размещены среди населения, иначе говоря, проданы. Таким образом, Германии была бы предоставлена своего рода премия за быстроту размещения». Макдональд настаивал на важности залогов, которых требуют у немцев. «Мне показалось, – заявил он мне, – что г-н Пуанкаре, не думая отказываться от военной оккупации, пока он не будет уверен в том, что платежи будут внесены, намерен был свести оккупацию к невидимой оккупации, которая – после консультации с г-ном маршалом Фошем и военными экспертами – означала бы занятие нескольких узловых пунктов, в то время как большая часть войск был бы отведена. Я не стал бы возражать против принятия такой системы». Макдональд совещался с американцами относительно возможности получения займа в размере 40 миллионов фунтов стерлингов; они предоставят его лишь в том случае, если будут уверены, что экономическая жизнь Германии будет восстановлена и операция принесет прибыль. Я заявил, что готов изучить либо принципиальное решение, предложенное мною, либо решение о невидимой оккупации; мы еще не выработали окончательной формулы. «Мы лишь исследуем вопрос, – сказал Макдональд. – Заявления, сделанные нами сегодня вечером, ничем не связывают нас».

Я задаю вопрос. Ну, а если Германия откажется подчиниться, что тогда? «Я прочел в одном письме г-на Пуанкаре, что в этом случае г-н Макдональд был бы готов заключить своего рода гарантийный пакт солидарности между Францией и Великобританией».

Г-н Макдональд. «Совершенно верно».

Таким образом была восстановлена, по крайней мере в принципе, та франко-британская солидарность, которую нарушила рурская экспедиция. Следует признать этот результат немаловажным. Мы рассмотрели тогда проблему возможных санкций. Макдональд проявил склонность к большой точности. «Мы, не откладывая, сделаем Германии предупреждение, что *в случае нарушения она окажется перед лицом того же блока союзников, что и в 1914 году».* «Я постараюсь, – заявил я, – веря слову Великобритании, приблизиться к ее точке зрения, но необходима была бы письменная солидарная декларация общего значения, распространяющаяся на весь период платежей, который следует предусмотреть на 30-40 лет, и составленная в том

смысле, на который указывал г-н Макдональд».

Г-н Макдональд. «Конечно, и я готов объявить об этом публично».

Г-н Эррио. «Я действительно считаю, что нужно как можно шире обнародовать наши обязательства, потому что Франция и Велиобритания несут ответственность не только перед будущими поколениями, но даже за будущее демократии. Чем яснее мы выскажемся и чем больше проявим решимости, тем больше мы будем содействовать развитию демократического духа. Однако я не могу взять на себя обязательство без консультации с французским парламентом. Я скажу ему: «Великобритания уже пришла на помощь Бельгии в силу простого обязательства, и я лично никогда не стану сомневаться в ее слове».

Затем мы изучали вопрос, как будут устанавливаться возможные случаи нарушения; как можно будет привлечь к этому Соединенные Штаты; должны ли будут случаи нарушения устанавливаться большинством или единогласно; какова должна быть участь франко-бельгийского железнодорожного управления; как может быть обеспечена безопасность наших войск. Я заявил, что связан мнением маршала Фоша, опасающегося измены немецких железнодорожников. «Я не могу обсуждать вопрос о безопасности войск помимо маршала Фоша и генерального штаба… Парламент никогда не пойдет за мной, если я пойду по иному пути». Было решено произвести экспертизу, прежде чем премьер-министры вынесут какое-либо решение.

Доклад экспертов накладывал на Германию обязательства, не предусмотренные Версальским договором. Поэтому необходимо было связать ее тем протоколом, которого с такой пунктуальностью требовал сэр Эйр Кроу. Я снова выдвинул два принципа. «Если Германия будет лояльной, ее не потревожат; если она окажется не лояльной, ее не пощадят… Очень важно, чтобы уже теперь было достигнуто соглашение на основе этих принципов между главами обоих правительств».

Г-н Макдональд. «Я полностью с вами согласен».

Оставалось обсудить второстепенные, но важные вопросы: разъяснение смысла подготавливаемого протокола; эвентуальное одобрение его малыми державами, заинтересованными в репарациях. Сэр Эйр Кроу требовал, чтобы Германия получила право участвовать в обсуждении, прежде чем ставить свою подпись. Я предложил два этапа переговоров: сначала совещание между союзниками; затем совещание с немцами.

Затем я поставил вопрос о межсоюзнических долгах. Макдональд заявил, что этот вопрос не связан с планом экспертов, и предложил назначить двух финансовых экспертов:

одного француза и одного англичанина. Затем мы приступили к другой проблеме. «Перейдем, – сказал я, – к пакту о ненападении, к участию в котором я готов допустить Германию. Откровенно говоря, я хотел бы урегулировать этот вопрос в целом. Расположена ли Великобритания после урегулирования вопроса с репарациями и докладом экспертов заняться изучением взаимного гарантийного пакта в рамках Лиги наций, пакта, включающего и Германию, с взаимным обязательством не нападать? Это целиком соответствовало бы программе г-на Макдональда. Мне представляется, сначала пакт между союзниками, затем другой пакт, предложенный Германии, на условиях гарантий, предоставляемых Лигой наций. Дело идет о пакте, а не о договоре».

Макдональд согласился углубить вопрос безопасности. Он, впрочем, сделал интересное заявление, отчасти объяснявшее некоторые последующие события. «Что касается взаимного гарантийного договора, то я не стану от вас скрывать, что все мои эксперты, военно-морские, сухопутные и воздушные, как и министерство иностранных дел, против него. Это заставило бы нас увеличить наше вооружение, и мы не встретили бы поддержки».

Я ответил. «Я понимаю положение, в котором находится г-н Макдональд. Но, поскольку мы говорим как добрые друзья, я должен рассказать ему о положении Франции. Я полагаю, что мы сможем урегулировать денежные вопросы. Но что произойдет, если в один прекрасный день Германия заявит, что она не хочет платить, если она выгонит контрольные органы и реставрирует монархию? Что ожидает мою страну? Нужно иметь мужество и отдать себе отчет в том, что проблема репараций является не только финансовой, но политической и военной проблемой, и по вине Германии. Сведения, полученные нами от генерала Нолле, настоящего демократа и искреннего пацифиста, показывают, что Германия готовит армию нового типа. По мнению генерала Нолле, Германия сделает со стотысячной армией, которую ей оставили по Версальскому договору, то же, что удалось сделать Пруссии после Наполеона. Если через 10 или 15 лет Лига наций не даст нам организации для военной защиты и если Германия, даже республиканская, попытается избавиться от своих обязательств силой, что мы тогда будем делать? В грудь моей страны направлен кинжал, острие его в сантиметре от сердца. Совместные усилия, жертвы, принесенные во время войны, гибель людей – все окажется бесполезным, если Германия сможет снова прибегнуть к насилию. Поэтому я считаю, что не выполню своего долга перед родиной, если я не поставлю Германию в такое

положение, когда она не сможет вредить. Франция не может рассчитывать только на международную конференцию, и, кроме того, Соединенные Штаты очень далеко. Как же вы хотите, чтобы в этих условиях мы добились сокращения срока военной службы и боролись, имея какой-либо шанс на успех, против сторонников увеличения вооружения? Я предпочитаю сказать сейчас же, что лучше, чтобы Франции не заплатили, чем она вынуждена была бы отказаться от своей безопасности. Если произойдет новая война, Франция будет стерта с карты мира. Г-н Макдональд, являющийся моим другом, поймет мое волнение. Принимаются же меры против уголовных преступников. Нельзя ли нам попытаться найти против опасности такого рода гарантийную формулу, которая сделала бы ненужным доклад экспертов? Я говорю от чистого сердца и заверяю вас, что не могу отказаться от безопасности Франции, которая оказалась бы не в состоянии вынести новую войну».

Г-н Макдональд. «Меня очень взволновала речь г-на Эррио, и я полностью отдаю себе отчет в создавшемся положении. Я сделаю все, что в моих силах, чтобы избежать новой войны, ибо я уверен, что тогда окажется раздавленной не только Франция, но и вся цивилизация».

Г-н Макдональд считал, что не вправе предоставить нам военные гарантии безопасности, и предлагал прибегнуть к Лиге наций. Я настаивал и заявил, что хотел бы продолжить беседу на эту тему. «Этот вопрос, – сказал я, – занимает меня более всего и налагает на меня наибольшие обязательства». После урегулирования вопросов, касающихся плана экспертов, Макдональд предложил встретиться в Париже, чтобы обсудить со мной вопрос долгов и безопасности. «Я хотел бы, – уточнил он, – сотрудничать с Францией по всем пунктам… Если Франция, Бельгия и мы образуем единый фронт, то тем самым мы решим на девять десятых проблему безопасности… Я со своей стороны готов послать решительную телеграмму германскому правительству». В общем мы оба пришли к согласию относительно установления постоянного сотрудничества между Францией и Великобританией. Я предложил в качестве первого доказательства этого согласия подписать совместную ноту Германии. Макдональд согласился с этим. Эта последняя беседа закончилась 22 июня в 13 часов 45 минут.

Таковы были, согласно подлинным протоколам, из которых мы привели все существенное (хотя было бы интересно опубликовать их целиком), две беседы в Чекерсе, которые так часто и сурово критиковали. Они были резюмированы в сообщении для печати, где объявлялось, что в июле в Лондоне

соберется конференция и что в сентябре оба премьер-министра посетят Женеву.

После этих переговоров, в воскресенье 22 июня, главе германского правительства была направлена следующая нота:

> «Мы желаем изложить непосредственно Вашему превосходительству вопрос, который вызывает глубокое беспокойство наших двух правительств. Мы были серьезно обеспокоены, узнав о том, что германское правительство может дать неблагоприятный ответ на ноту, недавно адресованную его послу в Париж относительно военного контроля в Германии. Одновременно мы получаем самые тревожные сведения по поводу непрекращающейся и все возрастающей активности националистских и милитаристских организаций, более или менее открыто подготавливающих вооруженные силы с целью развязать в Европе новые военные конфликты. Эти сведения поступают слишком часто и слишком существенны, чтобы ими можно было пренебречь. Они оправдывают в глазах общественного мнения то беспокойство, которое неизбежно повлияет на позицию обоих правительств. Если эти сведения необоснованны, мы уверены, что германское правительство учтет не только собственные интересы, но и окажет большую услугу всей Европе, содействуя проведению опроса, который рассеял бы опасения по поводу секретных военных приготовлений.
>
> Мы не станем скрывать от германского правительства и считаем целесообразным предупредить его, что всякое новое нарушение лояльного и точного выполнения обязательств, вытекающих из V части договора[90], могло бы серьезно осложнить международное положение как раз в тот момент, когда перспектива быстрого претворения в жизнь плана Дауэса породила во всех заинтересованных странах надежду на окончательное урегулирование проблемы репараций, которая в свою очередь должна подготовить подлинное и всеобщее умиротворение.
>
> Поэтому мы просим германское правительство облегчить это умиротворение и с этой целью энергично и всемерно помочь практическому осуществлению законных требований Военной контрольной комиссии.

В собственных интересах германского правительства точно определить положение, в том что касается разоружения, в соответствии с письменными обязательствами, взятыми на себя по договору. Если оно хочет убедить союзников в искренности своей позиции, оно должно воспользоваться возможностью доказать это на деле, оказав помощь Военной контрольной комиссии в установлении фактов.

Мы призываем Ваше превосходительство не пренебречь возможностью устранить причину серьезных затруднений между нашими правительствами. Ни Франция, ни Великобритания не желают затруднять германское правительство и продолжать контроль дольше, чем это необходимо. Напротив, они рассматривают вопрос отозвания контрольной комиссии в наикратчайше возможный срок. Как только будут выполнены различные пункты, особо отмеченные союзными правительствами, они сами пожелают заменить механизм контрольной комиссии правом обследования, предоставленным Совету Лиги наций статьей 213-й договора! Они лишь просят, чтобы успокоили их законную тревогу. Нельзя от них требовать, чтобы они мирились с угрозой их безопасности из-за недостатка гарантий, которые им предоставлены в соответствии с положениями мирного договора.

Именно в этом смысле мы вновь выражаем нашу искреннюю надежду, что германское правительство даст на ноту, направленную ему совещанием послов, тот единственный ответ, которого требует положение и торжественные обязательства, записанные в договоре. *Эррио. Макдональд».*

Таким образом, франко-британский фронт перед лицом Германии был восстановлен.

24 июня в Брюсселе у меня было два свидания с премьер-министром Тёнисом и министром иностранных дел Гимансом. Я их поставил в известность о своих переговорах с Макдональдом. Мы обменялись мнениями по поводу главных пунктов, которые должно обсудить межсоюзническое совещание относительно гарантий выполнения, режима железных дорог, возобновления

контрактов МИКЮМы[91] и общей проблемы безопасности. Эти беседы проходили в духе тесной дружбы и взаимного доверия.

25 июня сэр Эйр Кроу направил барону Монкеру, бельгийскому послу в Лондоне, от имени министра иностранных дел длинную ноту, в которой, ссылаясь на переговоры в Чекерсе *(неофициальная дискуссия),* резюмировал те конкретные меры, которые, по мнению Лондона, должны были быть приняты, чтобы претворить в жизнь план экспертов. Эти меры, значительно выходящие за рамки Версальского договора, должны были быть сформулированы в официальном документе, взамен же Германия была бы избавлена от экономических и фискальных санкций. Лондон предложил составить протокол, обязывающий все правительства сообразовываться с планом Дауэса; предполагающий со стороны Германии обещание выполнить свои обязательства к установленному сроку и отмену санкций после этого срока; предлагающий выбрать независимого и беспристрастного арбитра вне репарационной комиссии для установления возможных нарушений и назначающий арбитражную инстанцию для толкования выработанного текста. Таким образом, Лондон предлагал созвать 16 июля межсоюзническую конференцию, за которой должно было последовать пленарное заседание с участием Германии. Были приглашены Франция, Италия, Япония, Бельгия и малые державы, имевшие право на репарации, – этих последних должны были представлять их посланники, аккредитованные при Сент-Джемском дворе. В ноте указывалось, что конференция не будет касаться вопросов безопасности и межсоюзнических долгов.

Вернувшись из Чекерса, я сделал 26 июня 1924 года сообщение сенату. Люсьен Юбер задал мне десять вопросов. Я ответил, что, как и глава предыдущего правительства, я принимал план экспертов без всяких оговорок; что касается военной оккупации Рура, то французское и бельгийское правительства обладают полной свободой решений; что в случае нарушения со стороны Германии Великобритания примет сторону союзников; что нота, переданная канцлеру, была вполне ясной; что я стремился восстановить единый фронт союзников; что Бельгия была в полном согласии с нами; что мне хотелось, чтобы Соединенные Штаты участвовали не только в Лондонской конференции, но и во всех наших усилиях по восстановлению мира; что к Версальскому договору не будет сделано никаких новых добавлений; что я не пренебрегу ни проблемой межсоюзнических долгов, ни проблемой безопасности; что права парламента будут соблюдены; что если Германия согласится выполнить эти обязательства, ее вступление в Лигу наций будет

зависеть от нее самой. «Мы пришли к следующему соглашению, – сказал я, – заявить Германии, что, если она будет вести себя лояльно, ее не потревожат, но, если она окажется не лояльной, ей не будет пощады». Люсьен Юбер заявил, что он удовлетворен.

3 июля «Эко де Пари» опубликовала корреспонденцию, вызвавшую живейшее волнение: в ней кратко излагался текст приглашения, которое британское правительство будто бы направило державам. Французское правительство этого приглашения не получило; мне показалось весьма неприятным, что мы узнали о нем из печати. С другой стороны, статья в «Эко де Пари» давала анализ этого приглашения и воспроизводила основные пункты протокола, подлежащего подписанию в Лондоне. Мне казалось совершенно невероятным, чтобы этот протокол был составлен до получения согласия моего правительства, имевшего весьма существенные замечания, которые необходимо было бы внести в публикуемый проект. В самом деле в Чекерсе речь шла лишь о предварительном обмене мнениями. Я поручил нашему послу в Лондоне незамедлительно представить наши непременные оговорки к этому документу, выразив даже пожелание, чтобы он был опровергнут.

9 июля французское и английское правительства совместно решили обратиться к союзным кабинетам с нотой, с которой они рекомендовали им согласиться. По их мысли, целью конференции, которая должна была состояться в Лондоне 16 июля, было определение способа осуществления плана экспертов. Они признавали необходимость создания режима доверия, однако не думали, что это обязательство было несовместимо с уважением Версальского договора. Репарационная комиссия просила назначенных ею 30 ноября 1923 года экспертов «изыскать средства уравновесить бюджет, а также меры, необходимые для стабилизации валюты в Германии»[92]. Эксперты представили свои доклады репарационной комиссии, которая в свою очередь сообщила их заинтересованным правительствам письмом от 17 апреля; в нем одновременно сообщалось о присоединении Германии к выводам этих докладов и о единогласном одобрении этих выводов комиссией. Государства-кредиторы имели многочисленные причины, побуждавшие их добиваться проведения в жизнь плана Дауэса.

Франко-британский меморандум от 9 июля уточнял принятые обоими правительствами пункты:

А) 16 июля в Лондоне соберется конференция; оба правительства с удовлетворением констатируют, что Соединенные Штаты Америки решили послать на нее своего представителя.

B) Заинтересованные правительства в первую очередь подтверждают принятие ими, в касающейся их части, выводов плана Дауэса, о котором они уже порознь сообщили репарационной комиссии.

C) Последующие соглашения не должны будут задевать авторитета репарационной комиссии. Но, принимая во внимание, что кредиторам, дающим 800 миллионов золотых марок, и держателям облигаций должны быть предоставлены гарантии, оба правительства объединят свои усилия, дабы ввести в репарационную комиссию одного американца на случай, если бы она должна была констатировать нарушение со стороны Германии. В том случае, если это решение окажется невозможным или члены репарационной комиссии не придут к соглашению относительно оценки фактов, оба правительства рекомендуют репарационной комиссии пригласить генерального агента по платежам, который должен быть американцем по национальности.

D) План Дауэса предусматривает меры на случай мелких нарушений, которые устраняются при посредничестве различных контрольных организаций; однако в случае умышленного нарушения должен быть тотчас же поднят вопрос о добросовестности Германии. Если бы репарационная комиссия констатировала такое нарушение, заинтересованные правительства обязаны немедленно консультироваться о способах применения мер, к которым они решат прибегнуть для собственной защиты и охраны интересов кредиторов.

E) План, в силу которого экономическое и фискальное единство Германии будет восстановлено, как только репарационная комиссия решит, что план Дауэса выполняется, будет выработан межсоюзнической конференцией. Репарационной комиссии будет предложено изучить и представить межсоюзнической конференции предложения с целью выработки этого плана.

F) В том случае, если опыт выявит необходимость внесения изменений в план экспертов, а репарационная комиссия не будет располагать уже достаточными полномочиями, эти изменения можно будет внести лишь при соблюдении всех необходимых гарантий и заручившись согласием всех заинтересованных правительств.

G) Чтобы извлечь наибольшую выгоду из репарационных платежей, предусмотренных докладом экспертов, и обеспечить заинтересованным нациям прибыль, союзники учредят специальный орган, которому будет поручено консультировать заинтересованные правительства по вопросу о том, какую систему

следовало бы создать для использования германских платежей (особенно в том, что касается трансфертов и платежей натурой).

Н) Надлежит также урегулировать вопрос о том органе, которому предполагают поручить толкование плана Дауэса, а также мер и положений, которые будут приняты в Лондоне, чтобы обеспечить его выполнение.

11 июля 1924 года, прежде чем отправиться в Лондон, я изложил перед сенатом позицию моего правительства.

> «Вчера в речи, силой диалектики которой я восхищался, как и каждый из вас, Пуанкаре призывал нас быть справедливыми и не недооценивать усилий, предпринимавшихся поочередно добрыми слугами нашей страны. Мне нетрудно откликнуться на этот призыв. Я находился в оппозиции четыре последних года и думаю, что ни на одну минуту не забыл своего долга по отношению к тем, кто представлял за границей интересы нашей страны. *(Возгласы «отлично» и аплодисменты слева.)* Когда случалось, что я, руководствуясь своей совестью, был несогласен с г-ном Пуанкаре, как в начале рурского дела, я воздерживался от выступлений и даже молчал. *(Возгласы «отлично».)* Раз речь шла об интересах моей страны, я способствовал, как умел, политике, принципы которой я не одобрял, но успех которой казался мне необходимым для блага Франции. *(Аплодисменты слева.)* И в самом деле, Франция, и только она одна, стоит над всеми этими спорами. Все наши усилия должны быть направлены на поиски того, что будет полезно завтра для защиты ее прав, и никакие дискуссии о прошлом, никакая борьба различных точек зрений не должны мешать выполнению этого общего долга – добросовестно искать, отбросив всякие личные соображения *(аплодисменты слева и в центре),* такое решение этой огромной проблемы репараций, которое наиболее отвечает интересам страны».

Я сообщил сенату о восстановлении англо-французского согласия и напомнил, что если я направился в Чекере, то сделал это в ответ на приглашение, направленное предыдущему правительству[93], и согласился на переговоры, которые не должны были связать ни одну из сторон и имели целью прежде всего помирить обе страны. Со времени прекращения пассивного сопротивления в Руре мы жили при переходном режиме. 15 июня истек срок соглашений МИКЮМы; наши агенты были вынуждены

согласиться на сокращения; необходимо было срочно заменить франко-бельгийскую акцию межсоюзническим соглашением. Необходимость Лондонской конференции была тем очевиднее, что в январе 1925 года Германия вновь обретала экономическую свободу, что было небезопасно для Эльзаса.

Правительство г-на Пуанкаре формально приняло план Дауэса, без всяких ограничений и задних мыслей. Между тем этот план переносил проблему репараций из политической области в экономическую и фискальную области. Эксперты заявляли: «Для реализации равновесия бюджета Германии необходим полный экономический и фискальный суверенитет с ограничениями, предусмотренными настоящим докладом». Доклад экспертов настойчиво требовал сотрудничества между союзниками и их вчерашними врагами и восстановления экономического суверенитета Германии. Было очевидно, что нельзя было принять план Дауэса, не признав принципов, лежащих в его основе. Права репарационной комиссии остались, впрочем, неприкосновенными.

Затем я рассмотрел вопрос трансферта и товаропоставок, проблему размеров ежегодных взносов и индекса благосостояния. Я высказался в защиту Версальского договора и репарационной комиссии, согласившись с назначением американского делегата, обязанного устанавливать возможные нарушения. Как показало будущее, это был лучший результат, достигнутый в ходе наших первых переговоров. В том случае, если нарушение будет установлено, а правительства не смогут прийти к соглашению, мы сохраним нашу свободу действий. Я, впрочем, заявил, что, по моему мнению, план Бонар Лоу лучше плана экспертов, что вызвало в ходе дискуссии, не выходившей из рамок вежливости, довольно резкую реплику г-на Пуанкаре. В самом деле, план Бонар Лоу связывал проблему репараций и проблему межсоюзнических долгов. Я делал попытки вернуться к этому последнему вопросу в своих беседах с г-ном Макдональдом. Английское правительство соглашалось «изыскать совместно с заинтересованными правительствами справедливое решение этой проблемы с учетом всех присущих ей элементов». Я, наконец, заявил, что для меня вопрос безопасности – самый серьезный из всех. «Прежде чем знать, – говорил я, – будем мы жить богато или бедно, надо знать, будем ли мы жить вообще». В отношении эвакуации левого берега Рей. на я подтвердил декларации предыдущих правительств.

«Мое заключение, – сказал я, – будет очень простым, так как речь идет сейчас о неизмеримо большем, чем политическое решение. Нужно ли мне повторять, что я ставлю свой долг

француза значительно выше своих интересов министра?.. Мне так часто доводилось слышать, как депутатам парламента и через их посредство всей стране обещали накопления миллиардов и в качестве завершения дела урегулирование межсоюзнических долгов и безопасность, что я не хочу в свою очередь быть повинным в таком огромном и неуместном преувеличении. Для Франции отныне лучшим решением проблемы репараций будет, попросту говоря, наименее худшее… Нужно выбрать между двумя методами. Один из них – это надежда на то, что мы сможем действовать одни, совершенно одни… Либо, из чего исходит план Дауэса, необходимо согласие между союзными правительствами, сердечное согласие с Англией, которое я со своей стороны считаю необходимым для сохранения мира… Англия и Франция совместными усилиями заставят Германию идти в своем развитии по мирному пути. Если бы эти две страны, которые нужно рассматривать, чтобы правильно судить о них, не как тождественные, а как дополняющие друг друга, к несчастью, разъединились, Германия оказалась бы во власти реваншистов и сторонников войны».

Я согласился с резолюцией, предложенной г-ном Бьенвеню Мартеном, Анри Шероном и некоторыми их коллегами. «Сенат вновь заявляет о глубокой преданности Франции делу мира и выражает свое доверие правительству, дабы в согласии с союзниками оно добивалось осуществления Версальского договора и обеспечения для Франции репараций и безопасности». Сенат одобрил эту резолюцию 246 голосами против 18.

14 июля в английском парламенте развернулись долгие прения о политике Англии в отношении европейской проблемы вообще и Франции в частности. Три политические партии изложили свою точку зрения устами своих официальных лидеров. Г-н Асквит иронизировал по поводу новой дипломатии, напомнил о французской обидчивости в отношении Версальского договора и репарационной комиссии и выдвинул три условия: 1) любая гарантия должна предоставляться Франции под эгидой Лиги наций; 2) всякое заверение, данное Франции, должно быть также дано и Германии; 3) следовательно, необходимо, чтобы Германия была без промедления принята в Лигу наций. Г-н Болдуин торжествовал, видя как кабинет Макдональда присоединился к защите Версальского договора; его заботили преимущества, предоставляемые Германии планом Дауэса.

Макдональд радовался восстановлению контакта между Францией и Англией. «Я не верил, – заявил он, – и не верю сейчас, чтобы мы могли установить мир в Европе, пока Великобритания и Франция не достигнут той степени единства,

которой они не знали в течение нескольких лет… Наш долг – поддерживать Версальский договор, но не договор, более обширный или более полный, чем Версальский… Франция хочет сохранить репарационную комиссию, но нам нужны деньги, и, на наш взгляд, главное состоит в том, что без капиталов мы никогда не сумеем пустить в ход план Дауэса». Макдональд желал назначения американского эксперта для контроля за осуществлением плана.

15 июля в Париже репарационная комиссия под председательством Луи Барту единогласно признала, что для выполнения плана экспертов Германией необходимы: 1) ратификация его рейхстагом и издание необходимых законов; 2) установление на местах всех исполнительных и контрольных органов, предусмотренных планом, с тем чтобы они могли нормально функционировать; 3) окончательное учреждение банка и компании железных дорог рейха в соответствии с предписаниями касающихся их законов; 4) передача доверенным сертификатов на облигации железных дорог и всех аналогичных сертификатов на промышленные облигации согласно докладу организационного комитета; 5) заключение контрактов, гарантирующих размещение займа в 800 миллионов золотых марок, как только план начнет осуществляться и будут выполнены все условия доклада экспертов.

Конференция открылась в министерстве иностранных дел в среду 16 июля 1924 года, в 11 часов, в кабинете министра. Присутствовали: от Бельгии – Тёнис, Гиманс, барон Монкер; от Британской империи – Рамсей Макдональд, Филипп Сноуден, Д. Х. Томас, сэр Эйр Кроу; от Франции – Клемантель, генерал Нолле, Де Перетти де ла Рокка и я; от Италии – Де Стефани, Нава, маркиз Делла Торретта, Пирелли; от Японии – барон Хаяши и виконт Исии; от Соединенных штатов Америки – Келлог, Логан; от Португалии – генерал Нортон де Матос; от Греции – Какламанос; от Румынии – Титулеску; от Королевства сербов, хорватов и словенцев – Гаврилович. На конференции также присутствовало несколько чиновников. Переводчиком был Камерлинк.

Заседание открыл Макдональд, обратившийся к странам-победительницам с просьбой жить в согласии и напомнивший о разногласиях из-за репараций и о назначении комитета экспертов, представившего свой доклад в апреле. Он требовал принять меры, которые позволили бы осуществить план Дауэса, то есть восстановить экономическое и фискальное единство Германии и обеспечить гарантии для кредиторов. Я поблагодарил его от имени всех делегаций и попросил его взять на себя

обязанности председателя. Сэр Морис Хэнки был назначен генеральным секретарем конференции. Было решено рассмотреть франко-британскую ноту от 9 июля по пунктам.

16 июля была назначена вторая комиссия для выработки плана, согласно которому предполагалось восстановить экономическое и фискальное единство Германии, как только начнется осуществление плана Дауэса.

* * *

20 июля, в полдень, я сообщал президенту республики следующее:

«Мой дорогой президент,

Я подождал до воскресенья, чтобы сообщить вам о своих впечатлениях, так как эти последние дни мы провели в большой суете, и главным образом потому, что, прежде чем информировать вас, я хотел немного разобраться во всем сам.

Прошло лишь три дня полезной работы конференции. Тем не менее дела явно продвинулись. На первом заседании конференции было принято две резолюции, на мой взгляд, удачные: 1) было решено, что прежде, чем какой-либо вопрос будет рассматриваться конференцией, его подготовят эксперты. Таким образом, вместо того чтобы выступать друг против друга с большими принципиальными речами, которые становятся достоянием печати и обнаруживают разногласия, противоречивые тезисы будут сначала сопоставлены специалистами, с тем чтобы свести к минимуму моменты, вызывающие трения или составляющие предмет споров; 2) конференция приняла в качестве основы для своей работы англо-французскую парижскую ноту – ноту, за которую г-на Макдональда сурово упрекали с разных точек зрения и которая представляет, само собой, для нас максимум преимуществ.

Приняв эти принципы, конференция назначила три комиссии для детального изучения проблем, поставленных в 5-й статье ноты, копию которой я вам

посылаю. Эти три комиссии должны были рассмотреть: одна – пункты «C» и «D», вторая – пункт «E» и третья – пункт «G». Из этих трех комиссий первая, несомненно, самая важная. Третья довольно быстро прекратила свое существование в силу опасений г-на Макдональда относительно расширения товаропоставок. Английская промышленность беспокоится, как бы не нанесли ущерба ее интересам. Тут предстоят большие трудности, но они меня не очень заботят. Трансфертная проблема является чисто технической; будет нетрудно удержать ее в технических рамках и, как я надеюсь, в них и разрешить ее.

Вторая комиссия (E) продолжает работать и сегодня. Ей поручены железнодорожные дела. И здесь я рассчитываю на достижение решения путем постепенного изживания существующих трудностей.

Первая комиссия (пункты «C» и «D») была самой серьезной. Она ставила политические проблемы и в первую очередь знаменитую проблему изолированной акции, а также проблему финансовых гарантий. Будущие заимодавцы весьма требовательны, как они говорят, в интересах самих займов. Можно скорее почувствовать, чем увидеть, согласованные действия Англии и Соединенных Штатов с целью добиться при помощи этих требований, отчасти закономерных, политических гарантий, по меньшей мере вызывающих тревогу за французский престиж.

Наши эксперты боролись превосходно. При помощи г-на Клемантеля они смогли отстоять свою точку зрения и заставили комиссию, в которой все же заседал министр финансов г-н Сноуден, единогласно принять документ, (текст II), текст которого я вам пересылаю и который дает нам, по мнению всех делегатов и экспертов, полное удовлетворение. Отныне возникает вопрос – будет ли этот текст принят завтра самой конференцией. Приезд г-на Юза, его переговоры с г-ном Макдональдом, позиция части английской прессы и лейбористской партии – все это может вызвать такую политическую реакцию, с которой нам пришлось бы бороться. Если конференция примет текст II, то я полагаю, что основная трудность будет разрешена. Защищаясь от попыток, имевших целью

заставить меня осудить прежнюю политику, чье влияние на нынешние переговоры я не компетентен оценить, я стал на точку зрения суверенитета французского народа, который один полномочен решать, будет он или нет использовать права, которые ему предоставил договор.

Как видите, г-н президент, партия еще далеко не выиграна; однако я надеюсь, вы согласитесь, что от Чекерса до английской ноты и от английской ноты до текста II мы все время завоевываем позиции. Мы еще нигде ни разу не уступили их.

Сколько еще впереди трудностей: встреча союзников с немцами, толкование плана Дауэса, вопрос о Кёльнской зоне, военная эвакуация Рура, межсоюзнические долги! По всем этим пунктам мы подвергаемся или боимся подвергнуться нажиму. В нем нет ничего враждебного. Но каким оружием мы располагаем сегодня? Слабым и в незначительном количестве. Нужно ли мне вам говорить, г-н президент, что мы будем отстаивать каждую пядь? Наша группа превосходна, однородна и полностью единодушна. Прошу вас принять уверения в совершенном почтении моих коллег и моем. *Эррио».*

* * *

Вначале могло показаться, что конференция довольно легко и быстро пойдет по тому руслу, которое начертила для нее парижская нота. В действительности же было совсем не так. Первая комиссия, имевшая поручение выработать процедуру, которой нужно будет придерживаться в случае нарушений, 19 июля как будто удовлетворительно справилась с этой задачей под председательством г-на Сноудена. Но тут произошло вмешательство, не имевшее на первый взгляд отношения к политике, по поводу того внешнего займа в 800 миллионов золотых марок, который должен был обеспечить потребности нового банка и основные платежи по Версальскому договору на 1924-1925 годы. Некоторые финансовые эксперты заявили, что текст первой комиссии кажется им недостаточным для обеспечения успеха займа. Тщетно Тёнис предлагал новый текст,

который должен был как будто устранить самое упорное недоверие. Конференция, по-видимому, зашла в тупик. Только вторая комиссия, которая должна была установить процедуру экономической эвакуации, могла благодаря г-ну Сеиду двигаться вперед. Третья комиссия столкнулась с серьезными затруднениями в деле товаропоставок и трансферта. К 26 июля конференция оказалась на мертвой точке; ее провал не казался невозможным. Я очень беспокоился за ее результаты, когда отправлялся на морской парад в Спитхэде; там я встретился с адмиралом Битти. В этот день отдыха мне доставила большое удовольствие беседа с выдающимся моряком. Он поделился со мной некоторыми воспоминаниями о войне. Ему случилось взять в плен командира немецкого корабля, который осмелился плюнуть ему на руку. Битти швырнул его в море. Затем, увидя, что тот в опасности, он бросился в воду спасать его.

Банкиры оказывали на конференцию огромное давление; они вели себя, как сказал впоследствии в палате Леон Блюм, как монархи. К сожалению, мы в них нуждались в связи с займом, составлявшим основу плана Дауэса, получение которого было очень затруднено вследствие крушения немецкой валюты и кредита; за несколько месяцев до этого они помогли весьма уязвимому французскому франку и не позволяли забыть об этом. 22 апреля 1924 года, выступая в палате, г-н Лекур Гранмезон мог с полным правом сказать: «В Лондоне на минуту приподнялся занавес, обычно скрывающий сцену от взоров народа. И мы увидели на ней «деусэкс махина» современной политики, подлинного хозяина демократий, считаемых суверенными: финансиста, денежного туза». Я высказал ту же мысль 23-го и выразил сожаление (что мне приходилось делать не раз в течение моей жизни), что политическая власть утратила часть своей свободы. Впрочем, эти банкиры утверждали, что они желают принять меры предосторожности не против Франции, а против Германии.

По правде говоря, как об этом рассказывает сенатор Анри Беранже в «Ла Ренессанс» от 2 августа 1924 года, те же американские банкиры – Морган и Гарис – были призваны в апреле для спасения французского франка и предоставили нашему правительству кредит на 100 миллионов долларов. Участники переговоров пригласили банкиров для консультации; они ответили на языке своей профессии. Чтобы вести переговоры с американцами, мы вызвали в Лондон трех французских банкиров – Финали, Сержана и Левандовского. Дело репараций вступало в финансовую фазу, пройдя предварительно тайную и процедурную фазы. Падение франка заставило нас согласиться на

американское вмешательство; в сентябре 1923 года, когда Германия решила прекратить пассивное сопротивление, мы смогли вести переговоры свободнее и, в частности, обсудить продление того выгодного торгового договора, который связывал обе наши страны. Предоставление Морганом кредитов было обусловлено принятием плана Дауэса. Этот план неразрывно связывал все четыре части финансовых платежей Германии: заем в 800 миллионов золотых марок, выпуск 5 миллиардов промышленных облигаций, размещение 11 миллиардов облигаций германских железных дорог и ежегодный взнос в полтора миллиарда золотых марок в качестве контрибуции, предусмотренной бюджетом. Американские и английские банкиры должны были взять на себя обязательство реализовать все эти четыре пункта. Понятно, что они были вправе требовать известных политических и военных гарантий.

24 июля второй комитет представил свой доклад Макдональду. Этот доклад, единодушно составленный, устанавливал, что военные организации, если они будут сохранены, не должны ни в чем препятствовать свободному развитию экономической деятельности.

* * *

Вопрос о военной эвакуации Рура уже ставился на наших утренних заседаниях на Даунинг-стрит, и мне стоило большого труда отвести его как не входящий в компетенцию конференции. В сущности, эта проблема тяготела над всеми переговорами. В частном письме от 24 июля Макдональд напомнил мне обязательства, взятые французским и бельгийским правительствами во время оккупации. Эти обязательства были подтверждены, писал он мне, официальными сообщениями, адресованными правительству его величества, согласно которым оккупация Рура не имела своей целью безопасность, но должна была побудить немцев платить и выполнять условия Версальского договора. Макдональд заявил мне, что английское правительство не сможет поставить своей подписи под Лондонским соглашением, если из Рура не будут выведены войска. Против плана Дауэса была настроена целая партия, которая усматривала в нем причину обострения безработицы в Англии. Премьер-министр столкнулся с коалицией либералов и лейбористов. Речь Ллойд Джорджа свидетельствовала о резкости той оппозиции, с которой он встретился. Почти вся английская печать была недовольна оккупацией Рура.

Для Макдональда эта оккупация противоречила условиям Версальского договора, признания и выполнения которого требовали от Германии. Он ни в коей степени не допускал, чтобы она была бы превращена в операцию по обеспечению безопасности, или, как он писал мне, «экстрабезопасности». По его мнению, сохранение этой оккупации потребовало бы созыва новой мирной конференции. Молчание экспертов на этот счет нельзя было истолковывать как согласие. Военная эвакуация Рура была, по мнению британского правительства, с которым я спорил, «дипломатическим последствием плана Дауэса». Лондонский кабинет считал себя не вправе вмешиваться с целью разрешения этой проблемы, но он просил, чтобы французское и бельгийское правительства *«ее ликвидировали».* Он оставлял за собой право не согласиться с решениями, которые будут приняты. Затем он еще раз, как это делали предыдущие британские правительства, заявил протест против военной оккупации Рура и против утверждения, что эвакуация Рура могла бы дать повод для «торговли» и, например, быть связана с Кёльнским делом.

Легко себе представить, как я был озабочен этим письмом Макдональда. Моей первой мыслью было, что надо немедленно вызвать в Лондон маршала Фоша. В пятницу, 25 июля, я вызвал его начальника штаба генерала Детикера к себе в отель «Хайд-парк» для секретной беседы. Я ввел его в курс дела и сообщил ему о своем решении. «Нет надобности беспокоить маршала, – ответил он мне, – я знаю его мнение и сообщу вам его. Если бы вы могли сделать так, чтобы завтра вечером из Рура были эвакуированы войска, вы оказали бы Франции огромную услугу». Я не верил своим ушам. «Вы сейчас меня поймете, – продолжал генерал. – Оккупация Рура не имеет ничего общего с военной оккупацией. У нас там эшелонированы войска среди сложнейшей сети всевозможных промышленных предприятий, шахт, заводов, железных дорог. Если бы положение обострилось до такой степени, что можно было бы опасаться войны, нашей первой заботой было бы отозвать их. Безопасность Франции – в оккупации Рейнской области, а не в оккупации Рура». И я действительно понял; я смог оценить разницу между подлинным военным и стратегами газетных редакций, кафе и кулуаров.

30 июля я уточнил свое предложение об арбитраже. Если отбросить сложности текста, суть этого предложения сводилась к следующему: когда репарационной комиссии придется выносить решение по вопросу, относящемуся к плану Дауэса, в прениях должен участвовать американский гражданин; при отсутствии единогласия вопрос должен быть передан на решение Гаагскому трибуналу. В случае нарушения со стороны Германии и принятия

репарационной комиссией своего решения большинством голосов любой член этой комиссии мог бы апеллировать к арбитражной комиссии из трех лиц под председательством американского гражданина. Мы точно так же применили принцип арбитража к режиму трансферта и товаропоставок. Мы добивались, чтобы поставки угля, кокса и красителей продолжались и после выполнения обязательств по Версальскому договору. Я считал чрезвычайно удачным то, что Соединенные Штаты стали играть значительную роль в осуществлении контроля. Впрочем, можно было заметить, что арбитраж уже фигурировал в плане Дауэса сам по себе, и, кроме того, как говорил г-н Лион, юрист репарационной комиссии, до этого не было предусмотрено, на кого будет возложена обязанность констатировать нарушения.

2 августа Макдональд предложил германскому правительству прислать в Лондон своих представителей, «чтобы обсудить с конференцией наилучшие методы *(Sic!)* претворения в жизнь плана Дауэса от 9 апреля 1924 года», целиком принятого союзными правительствами. Макдональд проявлял оптимизм. «Отныне, – говорил он, – нас может разъединить только сам сатана».

Мы встретились впервые с немецкой делегацией 5 августа. Ее возглавляли три полномочных представителя – канцлер Маркс, министр иностранных дел Штреземан и министр финансов Лютер. Маркс, глава партии, в которой преобладали жители Рейнской области, мужчина меланхолического вида, слыл за человека тонкого, осторожного и своевольного, но готового на любые уступки ради освобождения оккупированных территорий и главным образом Кёльна, его родного города. Штреземан, с лицом более оживленным, обнаруживал более сильный характер; стремясь сплотить народную партию вокруг себя и укрепить ее единство с помощью своего личного престижа, сообразительный, искусный изобретатель формулировок, способный на сделки, впрочем, тщеславный и обидчивый, блестящий импровизатор, он слыл за человека, легко поддающегося внешнему влиянию и способного даже на неосторожные начинания и на искажение мысли своего собеседника. Такое впечатление он произвел на английского посла в мае 1921 года; ему говорили, что Германия потеряет всю Верхнюю Силезию, если не примет Лондонский ультиматум; впоследствии он ссылался на это заявление, требуя всю Верхнюю Силезию. Лютер принадлежал к правой партии, враждебной Франции, и был чиновником старого режима, упрямым и трудолюбивым; и все же его национализм казался менее экзальтированным, чем его коллеги Ярреса. «Генеральным комиссаром» делегации был фон Шуберт, директор англо-

саксонского отдела на Вильгельмштрассе, честный и вежливый дипломат, приятный в обращении, расчетливо умеренный. В числе тринадцати лиц, представлявших германские власти, находились: статс-секретарь Брахт, доктор Шпикер, заведующий пресс-бюро, бывший главный редактор газеты «Германиа», полномочный министр Риттер и Гаус, заведующий юридической секцией, тонкий законник. Германская делегация получила инструкции от кабинета, собравшегося под председательством Эберта[94].

В день нашей встречи с немецкими делегатами Макдональд произнес длинную речь в палате общин. Он разъяснил соглашение, достигнутое между союзниками, и вкратце изложил его основные положения. Основой доклада экспертов было заключение займа, который позволит Германии выполнить свои обязательства и вновь включиться в европейскую экономическую систему. В репарационной комиссии будет заседать американский гражданин; он должен быть назначен путем единогласного голосования комиссии, а в том случае, если это единогласие не будет достигнуто, – председателем международного трибунала; он будет выступать в качестве полноправного члена при разборе случаев нарушения. Союзники обязались не применять санкций, пока не будет установлено нарушение. Комитет шести, куда войдут представители союзников и Германии, имеющий право в случае надобности ввести седьмого, нейтрального члена, разработает необходимые мероприятия для обеспечения товаропоставок.

Макдональд перечислил затем меры, принятые для обеспечения системы арбитража и гарантий. Для констатации нарушения необходимо единогласное решение репарационной комиссии; в противном случае она может обратиться к группе из трех лиц, назначенных ею единогласно или, в случае отсутствия единогласия, председателем международного трибунала. Ллойд Джордж задал вопрос: «Считает ли премьер-министр, что Франция была вправе применить на основании договора самостоятельные санкции, или же он считает, как и предыдущее правительство и его советники, что Франция не имела никакого права прибегать к сепаратным действиям без согласия остальных союзников?.. Я хотел бы знать, консультировались ли с банкирами по поводу принятого соглашения и считают ли они его достаточно удовлетворительным, чтобы рекомендовать его своим клиентам и посоветовать им авансировать для этого необходимые суммы». Макдональд выступил в защиту позиции британского правительства по вопросу сепаратных действий и заявил, что рассчитывает на соглашение с банкирами.

9 августа, в самый день моего возвращения в Париж для представления доклада совету министров, Макдональд вручил мне второе письмо, еще более настоятельное, чем первое. Французский кабинет решил ограничить срок оккупации максимально одним годом.

* * *

Когда 11 августа я снова встретился со своими коллегами на Даунинг-стрит, чтобы изложить им решение совета министров, Макдональд занял колеблющуюся позицию, Тёнис молчал. Годичный срок был одобрен послом Соединенных Штатов; по его мнению, это тот максимум, на который соглашается Штреземан.

* * *

13 августа встретились бельгийская, французская и германская делегации – все, кроме англичан, которые не хотят принимать участия в дискуссии по поводу военной эвакуации Рура. Я заявил, что французский совет министров согласен эвакуировать вновь оккупированные области максимум в течение одного года. Я настаивал на том, что мы пошли на предельно возможные уступки. Сам канцлер Маркс признал невозможность немедленной эвакуации. Меня поддержал посол Соединенных Штатов, а также делегат Японии.

* * *

Конференция пережила еще несколько кризисов. 14 августа, во второй половине дня, немцы заявили о своем намерении уехать. Это известие рассердило Макдональда, который оставил меня в своем кабинете наедине с переводчиком Камерлинком и спустился вниз, в большой зал, чтобы пожурить делегатов рейха. К нему присоединился американский посол, также крайне возмущенный. В маленьком саду министерства Лютер объявил мне, что улетает самолетом. Он рассчитывает в тот же вечер быть в Бремене. Я прекрасно понимаю, что все это комедия и что немцы ограничатся тем, что будут на месте ожидать решения своего правительства.

Утром 15-го у меня произошло столкновение с Макдональдом, которому я отказал в постепенной эвакуации

Рура. День прошел в ожидании. Вечером с 20 до 22 часов у меня состоялось решительное свидание с Марксом; оно вселило в меня надежду на благоприятный исход.

16 августа, в субботу утром, у Макдональда произошел инцидент между мной и представителями Бельгии, необоснованно обвинявшими меня в том, что я не держал их в курсе событий. Дело было урегулировано в результате дружественного объяснения.

Наконец вечером, в 18 часов 30 минут, открылось заключительное заседание. Макдональд заставил принять последние доклады, объявив, что в 21 час все соберутся, чтобы парафировать протокол, затем он поблагодарил и поздравил делегатов. «Те, кто придирается к разным мелочам, хмурясь или качая головой, должны вспомнить, прежде чем высказать свое мнение, перед какой альтернативой мы находились. Подумайте, какие бедствия повлек бы за собой провал этой конференции?.. Ныне мы даем нашим народам первое соглашение после войны, которое было достигнуто действительно путем переговоров. Эвакуация Рура произойдет не позднее чем через 12 месяцев». Макдональд заявил о своем намерении обсудить вопрос межсоюзнических долгов в соответствии с парижской декларацией. Он сделал также намек на вопрос о безопасности. Каждый из делегатов выразил в свою очередь благодарность. Посол Келлог, отдавая должное генералу Дауэсу и его коллегам, подчеркнул, что план экспертов пользовался дружественной и искренней поддержкой президента Соединенных Штатов; он особо остановился на положительном значении включения в соглашение принципа арбитража. Маркс выразил пожелание, чтобы этот принцип все более и более применялся при урегулировании отношений между разными народами.

Может быть, впервые за все это время я оглядел зал конференции. Все так же загадочны маленькие японские эксперты с проницательными глазами, сидящие позади своих руководителей – барона Хаяши и виконта Исии – и рядом с американцами – Логаном и славным послом с пунцовым лицом и белыми волосами. Облокотившись, сидит всегда невозмутимый сэр Роберт Киндерслей. Вот португалец, генерал Нортон де Матос, выступавший в защиту прав малых держав; однако Англия, несмотря на свой либерализм, была озабочена главным образом достижением согласия между великими державами. За нами, позади Макдональда и Сноудена, мощная группа британских экспертов. Делегаты доминионов словно образуют жюри. Представитель Италии задумался и все так же спокоен, как и в начале конференции. Я впервые слышу чей-то смех. Наступают

сумерки: за этот месяц тяжелых переговоров прошло лето.

* * *

Отличительная и совершенно новая черта Лондонского соглашения – это добровольное принятие его Германией; теперь уже она не могла говорить о диктате. При изучении этого соглашения историю не будет интересовать, был я прав или нет, соглашаясь на план Дауэса, потому что, как это признал сам президент г-н Пуанкаре, он был принят его правительством 25 апреля 1924 года («Journal Officiel», p. 1295). Задача в том, чтобы решить, хорошо или плохо применил я этот план и прежде всего правильно или нет поступил я, соглашаясь на военную эвакуацию Рура, которая, как я неоднократно признавал, не входила в программу конференции. Я сделал все от меня зависящее, чтобы этот вопрос не был поставлен. Но, с того момента как он был поставлен и поскольку английское правительство после плана экспертов проявляло, как никогда, решимость не одобрять военную оккупацию Рура; поскольку оно возражало против нее всегда и к тому же знало, что французские избиратели только что высказались против этой меры, я должен был принять решение.

Я его принял после длительных размышлений по четырем основным доводам: 1) *логическому;* 2) *моральному;* 3) *политическому* и 4) *военному.*

1) *Довод логический.* Проблема, с которой я столкнулся, заключалась в том, что мы не могли совмещать общие и частные залоги. Нам нужно было выбрать между режимом, позволяющим нам добиваться частичных поставок силой, и режимом, ставившим план Дауэса под контроль Соединенных Штатов. 22 августа во время прений в палате депутатов даже оратор оппозиции г-н Ги де Монжу заявил следующее: «Если система платежей полностью изменится, если наши агенты не будут больше уполномочены получать в счет Франции и союзников налоги вроде угольного налога, получать товаропоставки, обеспечивать управление железными дорогами и таможенный кордон, – тогда, мне кажется, присутствие войск становится в принципе излишним, во всяком случае если мы будем смотреть на него сточки зрения, в свое время выраженной французским правительством». Говоря о Руре, он добавил: «Я не отрицаю, что мы можем быть вынужденными его покинуть».

26 августа в сенате Лемери доказывал, что проблема Рура представляет собой своего рода силлогизм. «Военная оккупация является следствием экономической оккупации Рура.

Экономическая оккупация прекращается; следовательно, должна прекратиться и военная оккупация. Уже самим фактом принятия плана экспертов, принятием принципа, положенного в основу этого плана, а именно: что никакая иностранная организация, помимо контроля, предусмотренного экспертами, не будет препятствовать экономической деятельности Германии, – мы открыто и определенно подписались под экономической эвакуацией и скрыто, но неизбежно подписались и под военной оккупацией».

2) *Довод моральный.* Я оказался перед лицом принятых обязательств. Нотификация от 9 января 1923 года подчеркивала, что дело идет не об операции военного характера, не об оккупации политического характера; она уточняла, что французское правительство вводит в Рур «лишь войска, необходимые для обеспечения его миссии и исполнения его мандата». Поскольку отменяется миссия, как можем мы, честно говоря, объяснить, почему мы не отзываем свои войска? Мы заняли Рур в силу декларации о нарушении. Поскольку вопрос о нарушении был урегулирован, как оправдать с точки зрения права сохранение военной оккупации? Впрочем, сама репарационная комиссия определила, приняв единогласное решение 15 июля 1924 года, что нужно было понимать под «осуществлением» плана экспертов. Шарль Ребель оспаривал в палате смысл и ценность принятых обязательств, ссылаясь, в частности, на ноту председателя Пуанкаре послу фон Геш от 6 мая 1923 года. Конечно, имели место заявления разного смысла. Но 11 января 1923 года председатель Пуанкаре заявил в сенате: «Если бы Англия пошла вместе с нами, чтобы применить санкции и добиться залогов, не было бы надобности посылать даже одного солдата в Эссен или на восток Рура». 9 июля 1923 года он поручил послу Сент-Олеру особо указать на следующий пункт: «В настоящий момент дело идет о репарациях, а не о безопасности; мы никогда не рассматривали оккупацию Рура с точки зрения безопасности; эту безопасность нам обеспечивает оккупация линии Рейна, предмостных укреплений и железных дорог Рейнской области. Нам еще придется говорить о железных дорогах при окончательном урегулировании, касающемся одновременно залогов и безопасности. Но вопрос Рура совершенно самостоятельный». 29 августа 1923 года французское правительство ответило на английский меморандум: «Совершенно ясно, что оккупация Рура – это только средство добиться уплаты репараций». «Мы хотели, – заявляла французская нота от 29 июля 1923 года, – попытаться добиться того, чего мы не сумели добиться в течение четырех лет, то есть

признания Германией своих обязательств, но не вообще и не в теории, а в практическом смысле».

29 июля 1923 года в своей ноте британскому правительству председатель Пуанкаре писал следующее: *«Мы всегда будем очень счастливы обсудить с британским правительством вопрос о безопасности, но он не имеет ничего общего с военной оккупацией Рура, и представляется, что обе проблемы необходимо рассматривать в отдельности»* (Livre Jaune de 1923, p. 82).

26 августа 1924 года в дружественном и вежливом споре со мной в сенате Пуанкаре обсуждал эти обязательства. Он указал, что сопротивление Германии узаконивало изменение текста от 9 января 1923 года. Он напомнил то, что он говорил в ноте от 12 июня 1923 года об эвакуации *по этапам* и позднее, 20 августа, о *постепенной* эвакуации. В остальном он ограничивался умеренными требованиями. «Осторожность требует остаться, по крайней мере до того момента, пока не начнется осуществление плана Дауэса, следовательно, до тех пор, пока не будут размещены облигации» («Journal Officiel», p. 1307). Я без труда смог доказать сенату, что оговорки, сделанные к ноте от 9 января, не изменяли характер оккупации, который был экономическим, а не политическим или военным. Доводы, основанные на пассивном сопротивлении, отпадали, поскольку сопротивление прекратилось. В Лондоне мне показали письмо, написанное английскому правительству после Франкфуртского дела, в котором французское правительство обязывалось не предпринимать изолированных действий. И Пуанкаре не отрицал этого письма («Journal Officiel», p. 1321).

Я усматривал в этом нечто большее, чем политическую проблему, – проблему моральную. Я не мог допустить, чтобы честь моей страны была поставлена под сомнение. Эта же мысль руководила мною впоследствии, когда речь шла об американских долгах.

3) *Довод политический.* Продолжение военной оккупации Рура – это сохранение изоляции Франции; это значило по меньшей мере оттолкнуть от нее Соединенные Штаты и Великобританию. В течение всей моей политической карьеры моей постоянной заботой было привлечь Соединенные Штаты к сотрудничеству с Европой. В своей внешнеполитической деятельности, с какой бы стороны ее ни судить, я всегда помнил о той помощи, в которой нуждалась Франция с 1914 по 1918 год, а также о том, что, если бы она снова подверглась нападению, она не смогла бы одна восторжествовать над своим жестоким врагом, численно превосходящим ее. Я считал узкий национализм некоторых моих сограждан ужасной опасностью. Позднее, в 1932

году, в деле о долгах я руководствовался в своих действиях теми же чувствами. Несомненно, само правительство Соединенных Штатов не принимало участия в разработке плана Дауэса, но это были авторитетные представители американского общественного мнения; роль, которую сыграли в Лондоне государственный секретарь Юз и посол Келлог, показала мне, какой поддержкой они пользовались.

22 августа в своем выступлении в палате депутатов Аристид Бриан энергично и со всем своим авторитетом заявил, что изоляция представляет для Франции наибольшую опасность; что было большой ошибкой отказаться от политики солидарности между союзниками; что изоляция в прошлом стоила нам Ватерлоо и Седана; что контроль над Германией становился невозможным при ослаблении единства союзников и что оккупация Рура очень беспокоила наших военных руководителей, встревоженных мыслью о том, что инциденты, подобные Пирмазенсскому, могли привести к пролитию крови, поставить на карту наш флаг и вызвать войну; именно на это указал мне в одной фразе генерал Детикер.

Более того. В разгар Лондонской конференции, 5 августа 1924 года, газета «Тан» напечатала статью «Годовщина войны», которую Пуанкаре опубликовал в лондонской газете «Дейли мейл». Она заканчивалась следующим образом:

> «Несмотря на несомненную добрую волю людей, возможно, что в силу недостаточного приспособления к обстоятельствам, Антанта не смогла воспрепятствовать войне. Но она по крайней мере позволила нам ее выиграть и разбить империалистические и честолюбивые замыслы о гегемонии, которые вынашивала Германия Гогенцоллернов. Не будем же давать повода для упрека, который содержится в поговорке наших друзей итальянцев: «Passato il pericolo gabbato il Santo»[95]. Не следует думать, что победа разрешает нам теперь пренебречь Сердечным согласием. Оно сохраняет для наших двух стран все свое значение, и не только всю свою ценность в смысле чувств, но и весь свой практический интерес. Будь Антанта разорвана или даже ослаблена, все в Европе пойдет по воле случая. Будем же помнить об этом по обе стороны пролива и постараемся извлечь пользу из уроков прошлого».

4) *Довод военный.* Относительно связи военной оккупации Рура с вопросом безопасности Франции имеются исчерпывающие документы. 23 августа 1924 года Джемми Шмидт зачитал в

палате речь маршала Фоша, произнесенную им двумя месяцами раньше при открытии памятника погибшим при Бове. Выдающийся солдат выступал в ней против политики изоляции, против сепаратных действий и за сближение с союзниками. Более того: в тот же день, во время вечернего заседания, было предоставлено слово генералу Детикеру, начальнику штаба маршала, председателю межсоюзнического военного комитета и правительственному комиссару.

Вот его заявление: «Как предыдущие правительства, так и нынешние всегда запрашивали г-на маршала Фоша по вопросам, касающимся безопасности. По тем вопросам, которые только что здесь поднимались, он высказался самым ясным образом, и я изложу сейчас его мнение. *По вопросу военной оккупации Рура г-на маршала Фоша запрашивали, насколько мне известно, по крайней мере два раза. В обоих случаях он ответил, что, по его мнению, для обеспечения своей безопасности Франция ни в коей мере не нуждается в военной оккупации Рура.* Его также спросили, считает ли он сохранение франко-бельгийского управления необходимым для безопасности Франций, – он неоднократно отвечал на этот вопрос отрицательно. Эти официальные отзывы имеются в министерстве иностранных дел… Вообще говоря, г-н маршал Фош всегда заявлял, что условия территориальной безопасности, установленные мирным договором, были необходимы и достаточны для обеспечения военной безопасности Франции. Доказательством является то, что эти условия оказались достаточно действенными, чтобы добиться от Германии подписания Версальского договора» («Journal Officiel», p. 3074, 3075). Тем самым генерал Детикер торжественно подтверждал то, что он мне говорил. Генерал Нолле выступил в свою очередь, чтобы заявить, что именно военная оккупация Рура нарушила операции по контролю, поскольку Германия на этот период закрыла перед комиссией двери своих учреждений.

23 августа Поль Бонкур комментировал заявления маршала Фоша; он привел мнение многих офицеров, опрошенных на месте, в Руре, и сильно озабоченных вводом туда войск. «Рур, – говорил он, – это одно; Рейн – нечто совсем другое. Рейн – это барьер, возможно недостаточный при современных формах воздушной и химической войны для защиты целой политики, но все же это барьер. Рур же – западня» («Journal Officiel», p. 3103). Если бы Франция после прекращения пассивного сопротивления решила, отказавшись от Лондонского соглашения, сохранить свою военную оккупацию, надо полагать, ей пришлось бы столкнуться с серьезными инцидентами. Другой солдат, генерал Буржуа, в свою очередь заявил сенату 26 августа: «С чисто военной точки

зрения Рур не является и никогда не был элементом безопасности… Безопасность Франции – в Рейне и в трех предмостных укреплениях» («Journal Officiel», p. 1324).

Прения по поводу Лондонских соглашений открылись в палате 21 августа. Они закончились 23-го. Правительство получило 336 голосов против 204. Я выступил перед сенатом 26 августа. Я получил одобрение высокого собрания 204 голосами против 40. До голосования г-н Гуржю, мой лионский противник, пришел пожать мне руку, после того как сказал несколько слов в мою пользу. Пуанкаре воздержался. Луи Барту был в отпуске.

* * *

Я никогда не верил в искренность Густава Штреземана. Я разделяю мнение о нем г-на Андре Тардье, высказанное им в речи 4 мая 1932 года, когда только что опубликованная корреспонденция министра с кронпринцем обнаружила перед всеми намерения обоих собеседников в 1925 году, из которых один хотел договориться, а другой «хитрить». Когда «Ревю де Пари» опубликовал мемуары Штреземана, предупредив, впрочем, читателей, что этот документ был «уточнен» несколькими немцами, по крайней мере тремя, из которых один был доверенным лицом Штреземана, а два других – «историками», к моему великому удивлению, в мою защиту выступил Леон Баильби в «Энтрансижан» от 4 марта 1932 года, отрицавший ту роль, которую мне приписывали. Мне представился случай оценить характер Штреземана. Мой шотландский друг, сэр Даниель Стивенсон, попросил меня встретиться в его клубе с канцлером Марксом. Я согласился, но, придя на свидание, обнаружил, что вместо канцлера пришел его министр, который даже не подумал извиниться. Штреземан цинично предложил мне бросить англичан, чтобы сблизиться с немцами. Нужно ли говорить, что я отказался? Я тотчас же рассказал об этой сцене Макдональду.

23 августа 1924 года г-н Луи Дюбуа признал с трибуны палаты, что на это число Франция заплатила деньгами больше, чем получила, и что товаропоставки пошли на покрытие расходов нашей оккупационной армии («Journal Officiel», p. 3050).

* * *

Во время моего возвращения в Париж при переходе через

пролив море было очень бурным. Я оказался на палубе вдвоем с генералом Детикером; я был все еще под впечатлением трудностей, с которыми столкнулся в Лондоне; Детикер очень здраво и благожелательно говорил мне о достигнутых результатах. При высадке и при моем прибытии в Париж народ встретил меня с невероятным энтузиазмом. Я был очень тронут, но не позволил себе опьяниться им. Я даже восхитился поступком женщины, которая пробралась в толпе ко мне, чтобы крикнуть «Да здравствует Пуанкаре!» Беседуя с одним журналистом, я высказал свою озабоченность тем, что будет думать о Лондонской конференции *средний француз.* Я не подозревал, что такое простое выражение обойдет всю страну и даже, в различных переводах, весь мир. Исторические слова – это те, которые произносишь, не подозревая об этом.

В поисках мира. Женевский протокол

Как в ходе лондонских переговоров, так и во время тех объяснений, которые я давал палатам, я постоянно заявлял, что, как только план Дауэса начнет проводиться в жизнь, я посвящу все свои усилия проблеме безопасности Франции и воспользуюсь заседанием Лиги наций в Женеве, чтобы поставить ее.

Я сдержал слово.

13 декабря 1920 года первая Ассамблея Лиги наций приняла статут Постоянной палаты международного правосудия, предусмотренный статьей 14 Устава Лиги наций. Эта Постоянная палата начала свою деятельность в 1921 году. Но к 1924 году только 15 государств (из 53 членов Лиги наций) признали статью 36 статута палаты, в силу которой они обязаны были передавать на ее рассмотрение некоторые спорные вопросы. В общем все усилия, направленные на уточнение условий применения Устава Лиги наций в вопросах арбитража и санкций, потерпели провал.

* * *

В 1922 году третья Ассамблея единогласно проголосовала за резолюцию, так называемую «Резолюцию XIV», которая устанавливала связь между разоружением и безопасностью. В ней указывалось, «что многие правительства не смогут взять на себя ответственность за серьезное сокращение вооружений, если не получат взамен достаточных гарантий для безопасности своих стран». Она предусматривала две системы достижения этой безопасности: либо общий договор взаимопомощи, охватывающий, насколько возможно, все государства; либо отдельные региональные договоры, допускающие известное сокращение вооружений, в меру достигнутой безопасности.

В 1923 году был разработан и подвергнут обсуждению проект *договора о взаимопомощи.* Четвертая Ассамблея передала этот проект правительствам, запросив их мнение. Я принял его от имени Франции накануне пятой Ассамблеи. В ноте от 5 июля лондонское правительство сообщило о своих оговорках. Оно писало: «Английское адмиралтейство, тщательно изучив договор, пришло к заключению, что подобный договор потребует для своего осуществления увеличения военно-морских сил империи».

* * *

Прения по поводу принятия протокола развернулись на пятой Ассамблее 4, 5 и 6 сентября 1924 года под председательством г-на Мотта, главы делегации Швейцарской конфедерации.

Первым выступил Рамсей Макдональд. Он указал, что опасно рассматривать проблему безопасности как военную проблему, основывая ее решение исключительно на силе; британское правительство недоброжелательно отнеслось к проекту договора о взаимопомощи. «Военный союз, – заявил Макдональд, – подобен горчичному зерну; маленькое вначале, оно развивается, растет, пока выросшее из него дерево не закроет своей кроной весь небесный свод». Британское правительство, решив точно выполнять все свои письменные обязательства, не хотело ставить свою подпись под таким туманным документом, осуществление которого, уже скомпрометированное рядом поправок, могло вызвать распад Лиги наций: Сначала следовало сделать Лигу наций всемирной, чтобы в нее вошли Соединенные Штаты, Германия и та Россия, с которой Лондон только что заключил соглашение[96]. Макдональд осудил частную торговлю оружием и его экспорт; он требовал, чтобы агрессия определялась путем арбитража. Ему хотелось, чтобы был организован такой арбитраж. Он напомнил о Вашингтонском соглашении по ограничению морских вооружений, но при этом подчеркнул, что хотел бы придерживаться Устава. В общем Рамсей Макдональд стоял на той самой туманной позиции, которую сам же осудил; чувствовалось, что он стеснен; он ходил вокруг да около, склоняясь скорее к отрицательному, чем к положительному решению.

После него выступил г-н Скржинский, министр иностранных дел Польши; по его мнению, «разоружение возможно лишь в том случае, если в мире будут царить безопасность и устойчивость». Польша приняла договор о взаимопомощи, но указала, что некоторые пункты, в частности определение агрессора, недостаточно ясно сформулированы, и настаивала на необходимости дополнительных соглашений. Польша также выступила в защиту арбитража при условии, что судья сможет опираться на кодекс и санкции.

Г-н Метью Чарлтон, австралийский делегат, высказался за немедленное изучение проблемы разоружения. Жонкер ван Карнебек, министр иностранных дел Голландии, отверг, так же как и Макдональд, договор о взаимопомощи, довольствуясь статьей 12 Устава. Датский делегат сообщил, что его страна намерена заменить свою армию и свой военно-морской флот контингентами для охраны своих границ и территориальных вод.

На следующий день после выступления Макдональда

наступила моя очередь, и я поднялся на трибуну. Это был самый торжественный момент в моей жизни. Я должен был говорить от имени Франции, которая никогда не была более великой, более почитаемой, более авторитетной. Я заявил, что Франция желает мира не только для себя, но для всех наций, которые все имеют на него равное право, ибо самая маленькая родина может требовать для себя такого же внимания, как и самая великая. Франция остается неизменно верной не только букве, но и духу Устава; именно в изучении, в выявлении достоинств статей этого торжественного документа ищет она руководство для своих будущих действий и направление своей внешней политики. Но именно Устав связал между собой проблемы разоружения и безопасности. Отсюда и договор о взаимопомощи, который объявил агрессивную войну международным преступлением, который ввел в международные отношения понятие преступления, которое до сих пор относилось только к частному праву. Франция, присоединившись к этому договору, не намерена останавливаться перед трудностями, которые еще существуют и основная из которых – определение агрессора. Можно сказать, что агрессором является тот, кто откажется от арбитража. Я высказался в пользу всех мероприятий по контролю за торговлей оружием.

«Но надо говорить прямо и откровенно и перед лицом высокой Ассамблеи, взявшей на себя такую огромную моральную ответственность, надо смело рассмотреть все элементы проблемы мира. *Арбитраж необходим; но этого недостаточно. Это средство, но не цель.* Он не вполне отвечает целям, намеченным в статье 8 Устава, целям, о которых я в свою очередь здесь напомню: безопасность и разоружение. *Для нас, французов, эти три слова: арбитраж, безопасность, разоружение – взаимно связаны; они были бы для нас лишь пустыми абстрактными понятиями, если бы не воплощали в себе живые реальности, созданные нашей общ?й волей».*

Я решительно противопоставил британскому тезису французскую концепцию, которую я считал столь же сильной, как и простой. «Нельзя, – говорил я, – чтобы арбитраж превратился в западню для нации доброй воли… Арбитраж, сказал мой дорогой друг Макдональд, – это справедливость, лишенная страстей, и я узнаю в этом его благородный образ мыслей. Это, конечно, так, но нельзя, чтобы эта справедливость была лишена силы. *Не надо, чтобы сила оставалась в руках жестокой несправедливости».* Я привел слова Паскаля: «Справедливость без силы беспомощна. Сила без справедливости – это тирания. Справедливость без силы всегда оспаривают, потому что всегда имеются злые люди. Сила

без справедливости подлежит осуждению. *Надо сочетать силу и справедливость и для этого сделать так, чтобы то, что справедливо, было сильно, а то, что сильно, – справедливо».*

Замечательное свойство гуманизма! В один из самых тяжелых моментов в жизни наций я черпал в нем понятия и формулировки, справедливость и ясность которых всегда будут господствовать над прениями о мире. Я указывал на Бельгию, как на пример попранной добродетели, я говорил, что даже евангелия, «самого кроткого и самого убедительного послания, которым когда-либо располагали люди», оказалось недостаточно, чтобы избегнуть кровопролития. В заключение я сказал: *«Арбитраж, безопасность, разоружение – эти три слова, на наш взгляд, тесно связаны…* Не будет общности и международного мира без подлинной международной солидарности». Я высказался за конференцию по разоружению или по крайней мере за необходимость ее подготовки; за сотрудничество с Америкой; за принятие Германии в Лигу наций при условии уважения принятых обязательств; за сближение с Россией.

«Мы придерживаемся Устава, но мы хотим сделать его живым. Мы требуем для каждой нации лишь тех прав, которые ей предоставляет Устав: ни больше, ни меньше. Мир, ради которого мы собрались здесь, для которого мы работаем и по отношению к которому у нас есть обязательства, быть может еще не вполне ясные сейчас, но за выполнение которых нас будет судить потомство, этот мир не должен быть абстрактным понятием, бесплодным пожеланием. Его действительное создание потребует столько же мужества, как и война, и, может быть, даже больше. Арбитраж, безопасность, разоружение – таковы, по нашему мнению, три главных столпа того храма, который вы, мои дорогие коллеги, призваны воздвигнуть. Нужно, чтобы его основания были прочными, дабы он мог высоко подняться к свету и небу».

Глава делегации Италии г-н Саландра выступил в защиту принципа обязательного арбитража с применением исполнительных санкций по решениям арбитров; он, как и мы, утверждал, что проблема разоружения не может быть отделена от проблемы безопасности. Лорд Пармур, лорд председатель совета, представитель Британской империи, подверг критике мою речь, высказавшись, как и я, за расширение факультативных прав в статуте Постоянной палаты международного правосудия; он отказался что-либо добавить к санкциям, указанным в Уставе, то есть, по его словам, к экономическим санкциям. Он не предусматривал ничего на тот случай, если бы какая-нибудь нация отказалась подчиниться арбитражу. Он отказался присоединиться к пакту о взаимопомощи, ибо он мог якобы

увлечь Лигу наций «в трясину милитаризма». Г-н Тёнис, бельгийский премьер-министр, смотрящий на вещи более трезво, требовал, чтобы сила была поставлена на службу праву, и настаивал на более конкретных гарантиях, чем те, которые предусматривал Устав. Г-н Бенеш, глава делегации и министр иностранных дел Чехословакии, попытался примирить различные точки зрения, основываясь при этом на договоре о взаимопомощи и предлагая план работы для изыскания гарантий безопасности, для сокращения вооружения, для разработки положения об арбитраже с применением санкций. Г-н Политис, глава делегации Греции, с большой проницательностью и силой отметил, что тезис лорда Пармура об уважении, с которым относились к арбитражам в течение XIX века, объясняется тем, что эти арбитражи носили добровольный характер, а не были навязаны силой. При необязательном арбитраже гарантии, говорил он, не нужны; при обязательном арбитраже они необходимы. Он добавил: «Почему, впрочем, здесь дело должно обстоять иначе, чем в области внутреннего правосудия. Почему правосудие, поставленное на службу международному миру, будет обладать особыми свойствами и сможет обойтись без гарантий, которые во все времена и во всех странах считались необходимыми для поддержания общественного порядка?» Г-н Политис вновь обрел здравый смысл Сократа. В заключение он сказал, что нельзя обеспечить мир народам, не предоставив им необходимой безопасности, и что для защиты слабого недостаточно одних нравственных норм. «Для великолепного храма, который мы все с одинаковым рвением хотим воздвигнуть миру, недостаточно, – говорил он, – заложить прекрасные и обширные основы справедливости. Чтобы этот храм мог выдержать вес оружия, которое мы в один прекрасный день возложим на его вершину, необходимо, чтобы у него были прочные стены, построенные из гранита безопасности». В этих пространных прениях выступили еще многие делегаты: Биканерский магараджа, делегат Индии; г-н Гарей, панамский министр иностранных дел; г-н Мелло Франко, глава делегации Бразилии; г-н Дандюран, глава делегации Канады; г-н Киньонес де Леон, делегат Испании; г-н Энрике Виллегас, делегат Чили; г-н Урутия, колумбийский делегат. Представители всего мира приняли участие в этом волнующем обмене мнениями. Надо было из общей дискуссии извлечь элементы для полезной работы. Британская и французская делегации сошлись на том, чтобы предложить резолюцию, которая поручила бы первой и второй комиссии представить предложения по организации арбитража, безопасности и разоружения. Рамсей Макдональд сопроводил

благожелательными замечаниями этот текст, воздав должное г-ну Леону Буржуа, который председательствовал на заседании, где развернулись все эти прения. Я прибавил к этому заявлению несколько слов, стараясь как можно лучше выразить дружеские чувства, связывавшие меня с британским премьером, и наше общее желание прийти к соглашению во имя общего блага. Франко-британская резолюция была единогласно принята 6 сентября.

23 сентября 1924 года Жозеф Кайо писал мне из Тулузы: «Где бы я ни выступал, я не перестану повторять, что каждый республиканец обязан вас поддерживать и оказывать вам самое широкое доверие. Вы несете непосильное бремя, вы преодолеваете невероятные трудности, проявляя при этом мужество, талант, возвышенность мыслей и взглядов, которыми я восхищаюсь».

* * *

23 сентября 1924 года правительство рейха после предварительного зондажа решило добиться принятия Германии в Лигу наций в ближайшее время. Однако оно считало необходимым выяснить дипломатическим путем у держав, представленных в Совете Лиги наций, будут ли данные Германии гарантии в отношении ее положения в Лиге наций и «некоторых других неотъемлемых вопросов» достаточными, чтобы она могла сформулировать свою просьбу о принятии. В результате германское правительство направило 29 сентября всем правительствам, входящим в Совет, свой меморандум. Рейх сделал следующие оговорки: 1) Германия желает иметь постоянного представителя в Совете и принимать участие в различных организациях Лиги наций; 2) поскольку Германия считает, что она не в состоянии принимать участие в принудительных мерах, предусмотренных статьей 16 Устава, она сделает относительно этого оговорку в своей просьбе о принятии; 3) германское правительство готово подтвердить Лиге наций специальным заявлением, что оно решило выполнять свои международные обязательства; но «оно вынуждено снова подчеркнуть, что выполнение Лондонских соглашений делает совершенно необходимым срочное восстановление на Рейне и в Руре положения, отвечающего договорам»; 4) Германия надеется, что в надлежащее время она сможет принять активное участие в мандатной системе Лиги наций.

25 сентября 1924 года Макдональд прислал мне с Даунинг-

стрит частное письмо, содержавшее довольно тревожные оговорки. «Мой дорогой премьер, со времени нашего последнего свидания я был перегружен срочной работой и не имел возможности сообщить вам свое мнение по некоторым вопросам, как мне хотелось бы. Я твердо надеюсь, что работа, которую предстоит проделать в Женеве, не будет испорчена какой-либо попыткой рассматривать ее как незыблемый канон (*as an unalterable gospel),* потому что я уверен, что у нас обоих есть целый ряд точек зрения наших министерств, которые необходимо согласовать *(many departmental points of view to square up).* Если мы призваны осуществить соглашение, на которое наши нации охотно пойдут, нужно отнестись к положению с большим терпением и осторожностью *(the situation must be handled with care and patience).* Я полагаю, что все то, что будет решено в Женеве, должно стать предметом новых переговоров между нами, с тем чтобы можно было достичь более тесного и важного соглашения. Ни парижская, ни лондонская пресса не поддерживают нас безоговорочно, и необходимо считаться с теми опасениями и подозрениями, которые возникают с той и с другой стороны *(The scares and suspicions that are being created must be handled.)* Если бы нам удалось хотя бы приступить к делу, мы не должны выражать разочарования оттого, что на этом первом этапе мы не достигли бы тех целей, к которым оба стремимся (*If we could only just make a beginning, we must not be desappointed if it does not go quite so far as either of us would like).*

Что касается торговых договоров, мне кажется, что тут все поставлено на надлежащую основу. Сэр Губерт Левелин Смит консультируется с вашим делегатом, и я дал распоряжение, чтобы все, что делается здесь от имени британского правительства, было сообщено вашим компетентным чиновникам, и, насколько я знаю, дело обстоит точно так же и с вашей стороны. Мне известно, что некоторые британские промышленники крайне встревожены расширением соглашения относительно Эльзаса. Не то чтобы их чрезмерно напугало соглашение на бумаге, но они подчеркивают, что незаконно используются все случаи, чтобы расширить его практическое применение. Так, например, указывают, что хлопчатобумажные товары, которые будут ввозиться в Германию в силу соглашения, не будут в действительности товарами, изготовленными только в Эльзасе, но будут поступать из других частей Франции через Эльзас. Британские промышленники точно так же указали на то, что если эльзасских фабрикантов и отделили от Германии, то их присоединили к Франции, и что вследствие этого они выиграли по крайней мере столько же, сколько потеряли. Они говорят, что

французский тариф и так слишком тяжел для них и что совершенно несправедливо ожидать, что они смогут осуществить те сделки, на которые они вправе были надеяться; ведь у них вдвойне невыгодное положение в силу свободного доступа в Германию ваших товаров и очень серьезного препятствия для доступа на французский рынок наших товаров. Я вам говорю все это, чтобы вы поняли мое положение.

Послание, адресованное мне лордом Пармуром по поводу принятия Германии в Лигу наций, было сообщено вам не совсем правильно. Я вовсе не собирался настаивать на том, чтобы вы его приняли. Мне лишь хотелось, чтобы вы с ним ознакомились и могли его рассмотреть. Я того мнения, что немцы вели дело очень неуклюже. Опубликовав в газетах вопросы, с которыми они к нам обратились, они поставили нас в очень трудное положение. Если отбросить в сторону эти промахи, остается один основной факт – если мы не допустим Германию в Лигу наций, мы не сможем использовать последнюю так, как мы оба хотим этого. *(Apart from these bunglings, the fundamental position remains that unless we get Germany into the League of Nations, we cannot use the League as both of us wish.)* Как только Германия восстановит свои силы благодаря плану Дауэса, мы, возможно, увидим, что она захочет пользоваться своей свободой и своим могуществом, не признавая других обязательств, кроме тех, которые она вынуждена была принять на себя в силу Версальского договора; и если мы только позволим ей начать подобную политику, наши трудности еще более возрастут. Я не могу говорить о том, какие ответы, на мой взгляд, следовало бы дать на разные вопросы, прежде чем эти вопросы не будут сформулированы официально; но я счел необходимым сообщить вам эти общие взгляды, чтобы вы знали, как я смотрю на эти вещи».

Пятая Ассамблея поручила сделать общий доклад от имени второй и третьей комиссий г-ну Политису, делегату Греции, и г-ну Бенешу, делегату Чехословакии. Докладчики изложили, как постепенно и логически был выработан статут, утвержденный протоколом. «Сокращение вооружений, требуемое Уставом Лиги наций и необходимое в силу общего международного положения, заставило нас поставить вопрос о безопасности как о необходимом дополнение к разоружению. Поддержка, которую просили одни государства, находящиеся в менее благоприятном положении, у других государств, побуждала последних требовать своего рода моральных и юридических гарантий: государства, нуждающиеся в поддержке, обязаны были дать доказательства своей полной искренности и всегда соглашаться в случае возникновения разногласий на попытку мирного урегулирования.

Кроме того, с особой силой и ясностью было установлено, что если требование безопасности и действенной поддержки на случай агрессии и является условием *sine que non* сокращения вооружений, оно в то же время представляет необходимое дополнение к мирному урегулированию международных конфликтов, поскольку невыполнение мирного решения вновь отдало бы мир во власть вооруженной силы. Безопасность настоятельно требует санкций, без которых вся система потерпит полный крах. *Таким образом, пятая Ассамблея считает арбитраж третьим необходимым фактором, дополняющим два других, совместно с которыми он должен основать новую систему, намеченную протоколом.* Таким образом, после пятилетней напряженной работы мы предлагаем членам Лиги *систему арбитража, безопасности и сокращения вооружений,* систему, которую мы считаем полной и прочной… Желание достигнуть соглашения является всеобщим».

2 октября 1924 года пятая Ассамблея приняла следующую резолюцию:

> «Ассамблея с огромным удовлетворением принимает проект протокола о мирном урегулировании международных конфликтов, предложенный двумя комиссиями, и постановляет: 1) рекомендовать всем членам Лиги наций самым серьезным образом рассмотреть вышеуказанный проект протокола; 2) немедленно представить указанный протокол на подпись представителям тех государств, которые являются членами Лиги наций и уже сейчас в состоянии его подписать, и оставить его открытым для подписи представителями всех других государств; 3) предложить Совету безотлагательно назначить комитет для подготовки редакции текста изменений к Уставу Лиги наций, предусмотренных означенным протоколом; 4) просить Совет созвать международную конференцию по сокращению вооружений в Женеве; 5) просить Совет немедленно приступить к осуществлению положений статьи 12 проекта протокола (изучение экономических и финансовых санкций)».

Г-н Поль Бонкур в своем докладе палате депутатов охарактеризовал протокол столь же сильно, как и верно: «Новый элемент, который он вносит в международное право, огромная надежда, которую он открывает народам, разоренным войной, состоят в том, что он распространяет на отношения между государствами те правила, которые регулируют отношения между

частными лицами в любой цивилизованной стране, а именно: *никто не имеет права сам восстанавливать справедливость.* В протоколе указывается, что ни одно государство не имеет права прибегать к войне, за исключением *случая законной защиты или если ему предложат участвовать в коллективных действиях против объявленного агрессора…* В протоколе предлагалось полностью осуществить те идеи, которые вдохновляли составителей Устава. Подписывая этот протокол, мы стремились создать практический механизм для мирного урегулирования всех конфликтов, который закрыл бы для войны все двери и все щели».

Протокол определял процедуру обязательного мирного урегулирования конфликтов – охранительные меры на время действия процедуры, способ определения агрессора, механизм приведения в действие санкций экономических, финансовых или военных, с применением морских и воздушных сил, и программу сокращения вооружений, связанную с установлением безопасности.

2 октября 1924 года я поблагодарил Макдональда за его личное письмо от 24 сентября. «Я, как и вы, считаю, – писал я ему, – что Женевские решения означают большой прогресс в деле достижения международного мира, которое мы с вами вписали в свою программу. Я буду очень рад узнать ваше личное мнение о продолжении этого начинания. Франция с большой готовностью будет сотрудничать в любом мероприятии, имеющем целью сокращение вооружения, лишь бы ей обеспечили безопасность, которую она заслужила, пройдя через столько испытаний. Слабость некоторых наших границ, например северной, заставляет нас быть крайне осторожными. К сожалению, бурление немецкого национализма – бесконечные церемонии, клятвы и вызовы – не способно, конечно, рассеять нашу тревогу. Нельзя допустить, чтобы Германия вновь возымела желание напасть на Францию. Необходимо избавить ее от этого соблазна в интересах самого же молодого республиканского режима Германии, еще столь неустойчивого. Об этом, как и о насущных нуждах Великобритании, мы свободно поговорим как добрые друзья, когда вы пожелаете. Мы приступили к торговым переговорам с немцами. Я поручил г-ну Сейду держать вас в курсе дела. Я не думаю, чтобы вы должны были опасаться тех мер, которые мы хотим применить для Эльзаса. Речь могла бы идти лишь о мерах чисто временного характера, причем можно было бы избежать всяких злоупотреблений при помощи сертификатов о происхождении. Мой представитель будет держать сэра Губерта Левелина Смита в курсе дела.

Что касается приема Германии в Лигу наций, то я поручил отправить вам сегодня вечером ноту, уточняющую точку зрения моего правительства. Я думаю, мы должны сказать ей, что мы согласны предоставить ей место в Совете, если только этот Совет будет расширен (по этому вопросу необходимо соглашение между нами). Что касается 2, 3 и 4-го пунктов, то мы должны быть, по-моему, непоколебимы, опираясь на Устав. Если мы начнем обсуждать, мы допустим неосторожность. Нет сомнения, что Германия хочет возвратить свои колонии.

Таковы, мой дорогой премьер и друг, некоторые мои взгляды. Прошу вас передать мой привет вашим очаровательным дочерям и принять заверения в моих дружеских чувствах. Я считаю, что такая свободная переписка, помогающая обмену мнениями и ни к чему не обязывающая наши правительства, как и во время наших сердечных бесед в Лондоне, очень полезна».

6 октября 1924 года французское правительство ответило германскому правительству, что оно «не будет препятствовать тому, чтобы Германия, после того как она выполнит все требования Устава, получила, как только она вступит в Лигу наций, постоянное место в Совете и чтобы она была представлена соответственно этому положению в секретариате и технических организациях»; но «что касается других соображений, высказанных в германском меморандуме, французское правительство придерживается своих прежних заявлений и считает, что просьба о принятии Германии может быть удовлетворена лишь в том случае, если она не будет содержать никаких условий, оговорок и добавлений». В том же смысле ответили британское, бельгийское, чехословацкое и японское правительства. Даже Швеция не признавала оговорок относительно статьи 16. Польское правительство сделало оговорки и выдвинуло определенные условия, на которых Германия могла быть допущена в Совет. Испания и Бразилия требовали постоянного места.

7 октября 1924 года Рамсей Макдональд сообщил мне, что назревает большой парламентский кризис, в результате которого он может оказаться не у дел; он заверял меня, что сохранит наилучшие воспоминания о нашем сотрудничестве; он поручил министерству торговли информировать меня обо всем, что касается торгового соглашения с Германией, и послать мне через министерство иностранных дел ноту в ответ на мои замечания по поводу берлинской ноты.

В ноябре 1924 года к власти пришло правительство Болдуина.

26 января 1925 года я направил следующее циркулярное

письмо дипломатическим представителям республики за границей: «В ходе беседы, которую я имел с министром иностранных дел Великобритании 5 декабря прошлого года, я, как и он, смог отметить, что отношения между обоими правительствами по-прежнему носят дружественный характер. Г-н О. Чемберлен выразил пожелание, чтобы сотрудничество Франции и Великобритании, которое он считает необходимым элементом безопасности и мира, соблюдалось при решении всех международных вопросов. Он заявил, что готов инструктировать в этом смысле всех британских представителей за границей. Я охотно согласился с его пожеланием, отвечающим видам и желаниям Франции. Само собой разумеется, что эта широкая политика согласия не должна ни в коей мере ущемлять право Франции соблюдать свои особые и специальные интересы в некоторых странах, равно как и обязательства, связывающие ее с другими нациями. Сделав эту оговорку, я хочу указать вам на те чувства тесной дружбы, которые воодушевляют оба правительства, и прошу вас руководствоваться ими при общем ведении дел, а также в отношениях с вашими британскими коллегами, которые должны были получить аналогичные инструкции». Господин Остин Чемберлен разослал эти инструкции 19 января.

Кабинет Болдуина приступил к обсуждению протокола лишь 2 марта в отсутствие своего премьера, находившегося возле своей больной матери. Председательствовал Остин Чемберлен. По полученным мной тогда совершенно достоверным сведениям, Чемберлен выдвинул на первое место при обсуждении вопрос безопасности и заверений, которые надлежало дать французскому правительству; он хотел добиться разрешения франко-британского пакта с условием, чтобы этот пакт сопровождался заключением соглашения с Германией. Вопреки ожиданию он встретил оппозицию, в силу чего обсуждение затянулось со 2 по 5 марта; вопрос о Женевском протоколе был лишь едва затронут, и эта неудача будто бы настолько огорчила Чемберлена, что он хотел подать в отставку. Большинство кабинета было настроено благоприятно к Франции, но не считало необходимым торопиться с решением, потому что в то время никакая опасность не угрожала миру; оно прислушивалось к доводам *изоляционистов,* к которым присоединился министр колоний Эмери, хотя Австралия и Новая Зеландия не были против соглашения, против которого выступали Канада и Южная Африка.

Прения носили сумбурный характер. Лорд Бальфур, приглашенный принять в них участие, по своей привычке решительно занял отрицательную позицию. Еще утром 5 марта

Остин Чемберлен надеялся на благоприятное решение; несколько часов спустя стало ясно, что оно невозможно. Лишь тогда заметили, что кабинет фактически отверг протокол, но что текст декларации, который надлежало сделать по этому поводу, не был составлен. Принялись за работу, и пока Чемберлен заседал в палате общин, ему приносили туда отрывки текста, по мере того как их составляли. Декларация представляла плохо связанные между собой отрывки. Говорили, что в этом можно было узнать манеру Бальфура. Приходишь к мысли, что события развернулись бы иначе, если бы госпожа Болдуин не была больна и не удерживала своего сына возле себя.

Чемберлен выступил в палате общин 6 марта 1925 года. Он заявил, что Германия не имеет основания требовать эвакуации Кёльнской зоны, поскольку она не выполнила обязательств, возложенных на нее Версальским договором. Коснувшись проблемы безопасности, он привел замечания лорда Грея, опубликованные в одной английской газете, смысл которых сводился к тому, что безопасность является ключом к самым сложным проблемам Западной Европы. Сэр Остин следующим образом отозвался о немецких предложениях. «Я познакомился с ними, – заявил он, – несколько недель назад в результате сообщения, которое было сделано мне в самой секретной и доверительной форме. Я тотчас же заявил, что не считаю возможным получать подобные сообщения в форме, обязывающей меня скрыть их от наших союзников. Я отказываюсь от того, чтобы подобные предложения вручались мне или передавались через посредство нашего посла в Берлине». Зная об этих предложениях, отказываясь сохранять их в тайне и даже встревоженный тем, каким образом их ему сообщили, сэр Остин, несколько успокоенный известием о том, что они были повторены в Париже, Брюсселе и Риме, заявил, что с удовлетворением принял германский проект. Он обещал изучить его самым тщательным образом и содействовать его успеху. «Мы находимся, – добавил он, – слишком близко от континента, чтобы равнодушно относиться к тому, что на нем происходит».

Спустя несколько дней сэр Остин Чемберлен передал мне ответ британского правительства.

* * *

9 февраля 1925 года произошло чрезвычайно важное событие. От имени заболевшего посла фон Геша немецкий чиновник вручил мне с просьбой сохранить в секрете впредь до

нового уведомления меморандум следующего содержания:

«Рассматривая разные возможности, представляющиеся сейчас для урегулирования вопроса безопасности, можно было бы исходить из идеи, аналогичной той, которая лежала в основе предложения, сделанного в декабре 1922 года г-ном Куно, тогдашним рейхсканцлером. Германия могла бы, например, присоединиться к пакту, в котором бы державы, заинтересованные в Рейнской зоне, а именно Англия, Франция, Италия и Германия, дали бы друг другу и правительству Соединенных Штатов торжественное обязательство не воевать друг с другом в течение длительного периода, который будет определен впоследствии. Такой пакт можно было бы дополнить соглашением о расширенном арбитраже между Германией и Францией, вроде тех, которые были заключены за последние годы между разными европейскими державами. Германия готова заключить со всеми другими державами подобные соглашения об арбитраже, которые бы обеспечивали мирное разрешение правовых и экономических конфликтов.

С другой стороны, Германия считала бы приемлемым пакт, который бы формально гарантировал современный территориальный *статус-кво* на Рейне. Такой пакт мог бы быть составлен в следующих выражениях: державы, заинтересованные в Рейне, взаимно обязываются строго придерживаться территориального *статус-кво* на Рейне и гарантируют не только все вместе, но и каждая в отдельности соблюдение этого обязательства, считая, что всякое нарушение этого обязательства затрагивает не только их всех, но и каждую в отдельности.

Исходя из тех же принципов, договаривающиеся стороны могли бы гарантировать в этом пакте выполнение обязательства о демилитаризации Рейнской зоны, которую Германия обязалась произвести в силу статей 42 и 43 Версальского договора. Этот пакт можно было бы точно так же дополнить арбитражными конвенциями вышеуказанного типа между Германией и всеми государствами, готовыми в свою очередь заключить подобные конвенции.

К вышеприведенным примерам можно бы прибавить еще другие возможности разрешения этого вопроса. Точно так же можно дальше развить тем или другим образом идеи, лежащие в основе этих примеров. Между прочим, нужно рассмотреть, не следует ли сформулировать пакт о безопасности так, чтобы он послужил как бы подготовкой к всемирной конвенции, включающей все государства (вроде *Протокола о мирном урегулировании* международных конфликтов, принятого Лигой наций), и так, чтобы он поглощался этой мировой конвенцией или включался в нее в том случае, если подобная конвенция будет заключена».

Важность этого документа заставила меня без промедления секретно сообщить о нем президенту республики, который находился в театре. Теперь ясно, что этот текст лег в основу Локарнских соглашений; для нас он представлял большой интерес, поскольку формально гарантировал *статус-кво* на Рейне (а следовательно, возвращение Эльзаса Франции) и казался очень удобным в качестве первого вклада в дело протокола. В своем докладе о Локарно Поль Бонкур высказал мнение, что это предложение явилось результатом обмена мнений между германским правительством и английским послом лордом д'Аберноном. После своего выздоровления г-н фон Геш подтвердил мне 20 февраля германское предложение и разрешил дать ему ход. Я тотчас же подтвердил его получение в следующих выражениях:

«Французское правительство рассмотрело меморандум, который был ему вручен 9 февраля через посредство его превосходительства посла Германии, с большим интересом и твердым желанием не пренебрегать ничем, что может способствовать миру в Европе и во всем мире. Германское правительство, конечно, понимает, что изучение этого предложения не может продолжаться без того, чтобы Франция не уведомила о нем своих союзников и не пришла с ними к соглашению, дабы достичь в рамках Версальского договора установления режима безопасности».

11 марта 1925 года я лично составил следующие инструкции:

«Подготовить к заседанию совета министров в пятницу инструкции для наших представителей в

союзных странах по поводу германского меморандума. Указать пункты, по которым нам необходимо получить уточнения и заверения: 1) Бельгия и Голландия; 2) Рейн (нельзя допустить отмену статей 428 и 429); 3) процедура заключения соглашения, которая должна быть ступенчатой и предполагать предварительное соглашение между союзниками; 4) непосредственная консультация с Польшей по затрагивающим ее вопросам; 5) что будет, если Германия, нарушая договор, вновь привяжет к себе Австрию? 6) предполагает этот пакт вступление Германии в Лигу наций или он должен предшествовать ему? Запросить союзников, считают ли они нужным поставить перед немцами эти вопросы или какие-либо другие, которые они хотели бы предложить».

12 марта я присутствовал на еженедельном завтраке в американском клубе. Я просил граждан Соединенных Штатов оказать мне доверие и помощь. «Мне нужна, – сказал я им, – ваша дружба. Мы должны работать сообща, сообща бороться, чтобы достичь полного света. Я рассчитываю на ваши моральные качества. На Соединенные Штаты клевещут, когда говорят исключительно об их материальной заинтересованности… Чтобы восстановить мир в мире, нужно прежде всего поддерживать тесный союз между Америкой и Францией». Скиннер, генеральный консул Соединенных Штатов в Париже, ответил мне в самых любезных выражениях.

* * *

Судьба Протокола о мирном урегулировании международных конфликтов должна была быть решена Советом Лиги наций на публичном заседании в четверг, 12 марта 1925 года.

После короткого вступления докладчика Бенеша слово взял Остин Чемберлен. Он напомнил, что британское правительство благоприятно отнеслось к арбитражу, провело разоружение до предела, допустимого национальной безопасностью, поддержало Лигу наций и Постоянную палату международного правосудия. Однако нынешние советники его величества в согласии с доминионами и Индией отказываются ратифицировать протокол.

Они выдвинули следующие причины:

1. Будучи против обязательного арбитража, правительство его величества вновь отмечает, что Соединенные Штаты не входят в Лигу, и поэтому, в силу отсутствия некоторых больших держав,

было бы неосторожно еще больше увеличивать обязательства, уже принятые Лигой наций. Тем самым экономические санкции сделались бы недейственными; они могли бы в лучшем случае только создавать новые экономические тенденции.

2. Статьи 7 и 8 протокола имеют целью воспрепятствовать государству, втянутому в конфликт, предпринимать в течение всей процедуры мирного урегулирования какие-либо подготовительные меры к войне, производить мобилизацию, увеличивать контингента и вооружение. Подобные мероприятия стеснили бы жертву агрессии больше, чем самого агрессора.

3. Особенно важны те положения статей 7 и 8 протокола, которые касаются морских сил. «Ценность флота целиком зависит от его мобильности». Конечно, не целиком, но отчасти зависит. Остин Чемберлен настаивал на этом аргументе, который производил очень большое впечатление на англичан. «Требовать, – говорил он, – чтобы, как только произойдет конфликт, в какой-либо степени затрагивающий морскую державу, корабли этой державы оставались на своих стоянках, там, где они оказались в силу случая или условий мира, – это значит требовать от государства, находящегося под угрозой, отказа от его неотъемлемого права на индивидуальную защиту, отказа, на который оно, по всей вероятности, никогда не согласится».

4. Статья 15 проекта протокола гласит, «что все расходы по сухопутным, морским или воздушным операциям, предпринятым для обуздания агрессии, как и возмещение всех убытков, будут возложены на государство-агрессора до крайнего предела его возможностей». «Однако в соответствии со статьей 10 Устава Лиги наций нельзя ни при каких обстоятельствах посягать на территориальную целостность или на политическую независимость государства-агрессора». Правительство его величества не согласно с непримиримым характером этого текста; оно считает необходимым предоставить Лиге наций «всю полноту власти», которой располагают все другие трибуналы. Кстати, в этом заключалась ошибка: все трибуналы действуют в соответствии с кодексами.

5. Резюмируя все вышеизложенное, можно сказать, что протокол нарушает равновесие и изменяет дух Устава, настаивая на санкциях и делая упор на военные меры или процедуры. В этом проявился трансцендентный идеализм Макдональда и лорда Пармура. «К сожалению, верно, – заявил Остин Чемберлен, – что можно легко представить себе обстоятельства, при которых война, которую вели бы члены Лиги наций, с ее помощью и при ее коллективном одобрении, станет трагической необходимостью.

Однако катастрофы этого рода относятся к области патологии международной жизни и не вытекают из ее нормального состояния. Как для обыкновенного человека нездорово всегда думать о возможности какой-нибудь тяжелой хирургической операции, точно так же и для человеческого сообщества неразумно занимать аналогичную позицию…» Подобному аргументу нельзя было отказать по меньшей мере в образности.

6. Протокол благоприятствует разоружению не более, чем Устав, которого вполне достаточно, чтобы защитить членов Лиги наций против агрессии одного из подписавших его. Он укрепляет возможную оппозицию государств, не подписавших его, возбуждая их «национальную гордость» против подписавших государств, обязанных объявить им войну, если они совершат агрессию.

7. Что касается эвентуальных санкций, то правительство его величества полагает, что «лучшим решением было бы дополнить Устав совместно с Лигой *специальными соглашениями, отвечающими специальным надобностям»,* соглашениями чисто оборонительными, связывающими между собой непосредственно заинтересованные нации.

В заключение г-н Остин Чемберлен отверг протокол от имени Великобритании, Канады, Австралии, Новой Зеландии, Южной Африки и Индии.

Я перечислил здесь его аргументы, перенумеровав их для большей ясности. Никому не запрещено думать, что для британского правительства самым важным был аргумент, касающийся флота. Прочие возражения приводились лишь в дополнение, для эскорта, подобно тому как легкие суда конвоируют мощный линейный корабль. Во всяком случае, верно одно: *убив протокол, Великобритания тем же ударом приговорила к смерти и разоружение.* Как доказал это с неопровержимой логикой г-н Политис, как указывал на это я сам, нельзя добиться общего разоружения, не организовав безопасности. Нельзя требовать от разумных людей, отвечающих за других, находящихся на их попечении, отказаться от своих стен, от своих дверей, от своих запоров, не обеспечив им защиту хорошо организованной полиции.

И еще раз Франция, привыкшая мыслить мировыми категориями, что она доказала, провозгласив Декларацию прав человека, столкнулась с эмпирическим, прогрессивным и индуктивным мышлением англичан.

В тот же день, когда говорил г-н Остин Чемберлен, от имени Франции выступил г-н Бриан; он напомнил о том «почти неописуемом восторге», который охватил все сорок семь наций,

представленных на Ассамблее, когда они рекомендовали протокол разным правительствам. «Я не думаю, – остроумно заметил он, – что, устанавливая на здании громоотводы, можно вызвать грозу». Он доказывал, что решительные действия Лиги наций были лучшим средством привлечь к ней те государства, которые в нее еще не входили. Он утверждал, что Лига не может заявлять о своем бессилии предотвратить войну, если только она не хочет вынести себе приговор. Нужно было обсуждать и усовершенствовать протокол, но не надо было его отвергать. В заключение г-н Бриан зачитал декларацию, в которой французское правительство заявляло о своей верности обязательному арбитражу, международной солидарности и провозглашало, что настало время для распространения принципов частного права на международные отношения. Чтобы достигнуть подобного поистине огромного результата, нужно было нечто большее, чем преходящий энтузиазм на словах: нужны были и горячая воля, и ощущение того, что настало время открыть новую эру и что по сравнению с этим трудности в достижении цели, вполне очевидные, не идут ни в какое сравнение с результатами, которых можно достичь. Нации, согласившиеся в силу статьи 16 Устава с принципом санкций, уже отступали перед последствиями своей смелости. Старая рутина, старая бюрократия возмущались. Франция соглашалась на улучшение протокола, лишь бы не отказывались от его намерений. Протокол погибал под бременем похвал. В Женеве не хоронят, здесь бальзамируют.

Г-н Шалойя от имени Италии присоединился к критике Великобритании и согласился с системой специальных соглашений. Япония попросила отсрочки для дополнительного изучения. Г-н Гиманс, подписавший протокол от имени Бельгии, присоединился к г-ну Шалойя. Последним взял слово г-н Гуани, представитель Уругвая, – он оказался наиболее стойким в своей вере в необходимость установления международного правосудия. «Мое правительство, – заявил он, – намерено остаться верным своим традициям и общественному мнению, господствующему в нашей стране, и еще раз заявляет здесь, что Женевский протокол, даже в том случае, если некоторые его статьи будут подвергнуты изменениям, *представляет по своим основным принципам международную систему организованного мира, наиболее полную систему, которую народы смогут отныне использовать для упрочения своей безопасности и осуществления своего материального и морального разоружения,* дабы положить начало новой эре согласия и счастья для человечества».

Докладчик г-н Бенеш опроверг главные возражения г-на

Чемберлена, выступив в защиту протокола и обязательного арбитража, отметил прогресс, который представляет новый проект по сравнению с Уставом, и энергично и справедливо протестовал против теории, согласно которой предложенный текст отводил слишком большую роль военным санкциям. «Мы уточняем эти санкции, – говорил он. – Это так, но мы расширяем арбитраж, и разве ваши специальные соглашения обойдутся без военных санкций?» Учитывая мнение Совета, г-н Бенеш провел решение отложить до следующей Ассамблеи обсуждение заслушанных деклараций. С предвидением, которое грядущие события подтвердили столь ужасным образом, он говорил о том, как опасно оставлять Европу без точных гарантий после всех потрясений, которые были порождены договорами. «Я позволю себе, – сказал он, – указать на факты, значение которых мне кажется, так сказать, пророческим для будущего. Война разрушила в центре и на востоке Европы четыре больших империи, смела старые границы, породила десятки новых государств, низвергла династии, привела к социальным потрясениям, нарушила пути сообщения, денежные системы, выкорчевала господствующие классы и привела к невероятному скрещиванию и столкновению интересов различных государств, наций и классов. Война противопоставила в этих районах одни нации другим и создала проблемы невиданной сложности. Начиная с Финляндии на севере, (затем Балтийские республики, Польша и Германия, Чехословакия и Австрия, долина Дуная) и вплоть до Константинополя и Греции на юге – вот перед вами области, где могут возникнуть тысячи конфликтов, которые могут начаться сегодня с убийства пограничника или сорванного и растоптанного флага, а завтра легко превратиться в опустошительную войну». От имени всех этих стран г-н Бенеш требовал обязательного арбитража и принятия протокола. Он видел далеко. Если бы обязательный арбитраж был установлен до Судетского дела, достаточно было бы пустить его в ход – и не было бы необходимости во вмешательстве г-на Ренсимена.

Протокол был похоронен. Не оставалось ничего другого, как извлечь хотя бы что-нибудь из специального пакта, предложенного Германией, рекомендованного Остином Чемберленом и в принципе принятого Италией и Бельгией. Я встретился с Брианом 16 марта 1925 года. Он дополнил те сведения, которые я получил по административным каналам. Гиманс благоприятно относился к подписанию пакта безопасности Германией, но в два этапа, после предварительного соглашения между союзниками. Бенеш рассуждал, как всегда, «вполне здраво» и выразил доверие нашей инициативе. Что

касается вопроса о польских границах, то Чемберлен допускал, что Великобритания могла бы взять на себя обязательства по Версальскому договору; он заявил, что его связывает британское общественное мнение, мало симпатизирующее Польше, несмотря на усилия варшавского правительства урегулировать с Лондоном вопрос о подводных лодках. У Бриана создалось общее впечатление, что отныне Франция является единственным оплотом Лиги наций. Мы пришли к соглашению: 1) что Франция не могла согласиться на перенесение в Соединенные Штаты конференции по разоружению (это была, по всей видимости, мысль лорда Бальфура) и что она должна в этом вопросе защищать права Лиги наций; 2) относительно вступления Германии в Лигу наций без всяких предварительных переговоров с ней. Я вынес из беседы впечатление, что нам необходимо во всех этих дискуссиях склонить на свою сторону Японию.

В тот же день я совещался с 15 до 16 часов 30 минут с г-ном Остином Чемберленом. Я убедился в том, что его, как мне уже говорил Бриан, сильно утомила агитация, проводимая поляками. Он имел объяснение со Скржинским. «У нас, конечно, – сказал он мне, – меньше причин защищать Польшу, чем у вас, связанных с ней специальным договором. И все же я пытаюсь стать на ее точку зрения, смотреть с польской колокольни. Я полагаю, что Варшава была бы не права, пытаясь воспрепятствовать поискам формулы, способной удовлетворить ее. Я объяснил Скржинскому, что гарантийный пакт, обеспечивающий Польшу со стороны Германии, позволил бы ей лучше следить за своими интересами, в том что касается России, и что усиление безопасности Франции усилило бы и ее собственную безопасность». Я снова указал, что Франция разочарована отношением к протоколу. Остин Чемберлен понимал это и не оставался к этому равнодушным. Мое главное усилие было направлено на то, чтобы доказать необходимость заключения франко-английского соглашения по поводу вступления Германии в Лигу наций до какого-либо гарантийного пакта. Оказалось, что мы придерживаемся в этом вопросе одного мнения. Я подытожил нашу беседу формулой, которую Остин Чемберлен принял: «Вступление Германии в Лигу наций может не быть *предварительным* условием; оно должно быть *основным условием* пакта безопасности». «Я уже телеграфировал в Женеву, – сказал мне Чемберлен, – лорду д'Абернону соответствующие инструкции». Затем я стал настаивать на предложении, которое я уже однажды делал ему, о возможном сближении предполагаемого пакта пяти с англо-франко-бельгийским пактом, на который мы надеялись. «Я согласен, – сказал он мне, – с процедурой, которая предполагает

достижение соглашения сначала между союзниками, не ставя, однако, своей подписи. Нам, несомненно, нужно подвергнуть вопрос углубленному рассмотрению сначала между собой. Эти поиски не лишают нас права давать непосредственные поручения нашим послам по делам, имеющим для нас специальный интерес».

Г-н Остин Чемберлен заявил мне, что Италия откажется присоединиться к англо-франко-бельгийскому пакту, даже если ее пригласят в нем участвовать. «Она мне дала знать, что согласна со мной», – сказал он мне. «Она мне дала, – ответил я, – совершенно такое же заверение». Чемберлен рассмеялся.

Что касается Австрии, то г-н Чемберлен высказался за то, чтобы не ослаблять Версальский и другие договоры. Он надеется, что по этому вопросу не будет затруднений. Я изложил ему свое мнение о созыве конференции по разоружению в Соединенных Штатах. Чемберлен уже беседовал о ней с Келлогом, сведя, впрочем, этот проект к возможной морской конференции. К ней он относится благоприятно. Я энергично подчеркнул предубеждение Франции против подобной конференции после неудачи протокола. «Франция, – заявил я ему, – останется верной Лиге наций и ее программе». Именно по этому пункту было труднее всего разговаривать, и именно здесь Чемберлен проявил наибольшее упорство. Я не мог согласиться с его мнением; он сказал мне, что понимает мою точку зрения. «Я даже спрашиваю себя, – сказал он мне, – не придется ли мне, считаясь с вашим мнением, пересмотреть свое согласие».

Я попросил уточнить вопрос об эвентуальном соглашении с Германией. «Будет ли поставлен вопрос о Рейне? Мы не уступим, если речь пойдет о статьях 428 и 429. Будут ли от нас требовать отказа от них?» – «Нет», – ответил мне Чемберлен. И он напомнил мне, что Штреземан сказал д'Абернону: «Это не является условием пакта пяти». Я настаивал на существенном значении этого замечания.

В заключение г-н Чемберлен советовался со мной относительно опубликования отчета межсоюзнической комиссии. Этого требует английская оппозиция. Я предложил частичную публикацию, сообщение, сделанное в подходящий момент и в форме, которую могли бы обсудить между собой генерал Уэлч и генерал Вошоп. Г-н Чемберлен согласился.

* * *

После этой беседы с британским министром я в тот же

понедельник, 16 марта, принял в 17 часов 45 минут г-на Бенеша. Он следующим образом резюмировал то, что знал о положении. 1) *Протокол.* Хотя Англия, несомненно, отказалась, мы хорошо сделали, что выступили в его защиту, чтобы использовать его в качестве тактического средства. 2) *Пакт пяти, или Западный пакт.* Чемберлен объяснил Бенешу, почему он к нему присоединяется, и причины, по которым он не хочет брать на себя прямых обязательств в отношении границ Польши. Бенеш не знал основного содержания меморандума; я ему рассказал о нем и изложил французскую точку зрения. Он не возражал против идеи пакта пяти, но хотел бы в случае надобности ознакомиться с текстом. Он полагает, что любое усиление французской безопасности будет выгодным для его собственной страны. Но *каждый новый пакт должен основываться на существующих договорах, то есть на Версальском договоре.* Следовательно, он не должен содержать ни явно, ни скрыто, ни косвенно чего-либо, что позволило бы Германии думать, что в силу Западного пакта у нее будут развязаны руки в Центральной и Восточной Европе.

Я заявил о своем полном согласии с ним в этом пункте. «Иначе было бы нарушено европейское равновесие».

Кроме того, следует сохранить настоящее положение Австрии. Я объяснил своему собеседнику, как мы отстаивали эту точку зрения, но попросил его помочь нам заставить принять эту концепцию, действуя прямо или косвенно в этом смысле. «Если допустить аннексию Австрии, – сказал мне Бенеш, – это приведет к войне».

Мы оба также считали необходимым, чтобы принятие Германии в Лигу наций предшествовало пакту. Я сообщил ему также формулу, на которой мы договорились с Чемберленом: «Не предварительное, но основное условие».

Бенеш просил, чтобы не упоминали специально статью 19[97], так как это могло бы расположить в пользу немцев. Он готов подписать с Германией *договор об арбитраже на основе существующих договоров.* Он, как мне кажется, думает, что если бы было подписано известное количество договоров об арбитраже, как это предполагает, по-видимому, германский меморандум, то их можно было бы соединить вместе и передать в Лигу наций, что и привело бы нас в известной мере к протоколу. Вообще говоря, он желал бы избегнуть любой формулы, которая позволила бы думать, что Версальский договор менее действителен на Востоке, чем на Западе. Это дало бы возможность поставить вопрос о Трианонском и Нейиском[98] договорах, о Виленской проблеме и т. д. …В общем Бенеш – сторонник пакта пяти, лишь бы он не обусловливал ни малейшего

отхода от Версальского договора и от Устава. «В общем, – сказал я ему, – вы не хотите создавать затруднений для Франции, лишь бы она не создавала их для вас». «Это именно так», – ответил он мне. Г-н Бенеш оставил мне копию документа, врученного им г-ну Чемберлену. Я заявил ему, что наша политика, поскольку Великобритания не хочет прямо гарантировать границы Польши и Чехословакии, будет заключаться в том, чтобы привести ее к гарантии арбитража, который гарантирует эти границы. Наша беседа снова коснулась австрийских дел. Бенеш хотел бы, чтобы Австрия вошла в конфедерацию стран-наследниц[99], за исключением Италии.

Закончив все три беседы, я тотчас изложил их в заметках, переданных мною в архив министерства иностранных дел и использованных мною для этих воспоминаний.

* * *

16 марта 1925 года я направил нашим послам в Лондоне, Брюсселе и в Риме инструкции по поводу немецкого меморандума. «Каковы бы ни были, – писал я им, – побудительные причины, обусловившие его, – имело ли берлинское правительство в виду (что весьма вероятно) облегчить освобождение оккупированных рейнских территорий, преследовало ли оно, кроме того, цели внутренней политики, стремясь укрепить коалицию, которая привела к власти министерство Лютера, – совершенно очевидно, что мы не могли бы просто отклонить германские предложения без того, чтобы не дать повод, даже в союзных странах, для всяких подозрений и облегчить происки тех, кто старается оклеветать намерения французской политики». Но мы не должны были позволить увлечь себя дальше определенного предела. Предложенный пакт предполагает, что Германия вошла в Лигу наций. Какие державы должны в нем участвовать? Никакое соглашение относительно западных границ Германии невозможно без Бельгии. Я даже просил, чтобы в нем участвовала Голландия. Иначе «возникает мысль, что нарушение границ голландского Лимбурга со стороны Германии остается возможной гипотезой». «Заключение соглашения не должно ни в какой степени ущемлять те права, которыми мы наделены в силу договора, в том что касается оккупации или реоккупации германской территории… Наличие пакта, который нам предлагают, не может быть использовано Германией в качестве аргумента, чтобы требовать досрочной эвакуации рейнской территории, эвакуации, зависящей в силу

статьи 431, от совершенно конкретных условий, далеко еще не выполненных сейчас».

Я был также озабочен положением наших восточных союзников и Австрии. «Если Германия сможет присоединить к себе австрийских немцев и через австрийскую территорию войти в непосредственное соприкосновение с Венгрией, один из главных результатов нашей победы будет поставлен под угрозу». Мы не можем в обмен на соглашение отказаться от наших союзников, от прав нейтральных стран или от общих интересов Европы. Принятая процедура должна прежде всего предполагать согласие между союзниками; может быть, было бы целесообразно добиться разработки общего вопросника. Эти инструкции были сообщены 17 марта в Прагу и Варшаву. Г-н О. Чемберлен одобрил их (нота Флерио от 24 марта), как и остальные союзные правительства. Установив это согласие (телеграмма французскому послу в Берлине от 26 марта), я поручил предупредить г-на Штреземана, что подготавливаю меморандум, который будет представлен сначала союзникам, а затем Германии. Этот меморандум был составлен к 6 апреля. Он уведомлял Германию, что она должна вступить в Лигу наций до всяких переговоров; что мирные договоры не подлежат пересмотру; что статьи договора, касающиеся оккупации Рейнской области, должны быть сохранены; что Бельгия должна участвовать в предполагаемом пакте; что он должен быть дополнен арбитражными договорами; что эти договоры должны быть распространены также на союзные государства, являющиеся соседями Германии и не входящие в Рейнский пакт.. Я выразил пожелание, чтобы этот ряд соглашений был согласован в единой конвенции, зарегистрированной Лигой наций, и чтобы к участию были привлечены также Соединенные Штаты, если они этого захотят.

Я перечислил эти документы, указав их даты, потому что их не учли при публикации министерства иностранных дел в 1925 году *(Пакт безопасности, 9 документов)*. Читатель этой книги вправе думать, что со дня вручения германского меморандума, 9 февраля, и подтверждения его получения, 20 февраля, и вплоть до отправки проекта г-ном Аристидом Брианом г-ну Остину Чемберлену, 12 мая, никакой работы над пактом, который должен был привести к Локарно, не проводилось. Было бы интересно сравнить проект от 6 апреля с нотой, врученной г-ну Штреземану 16 июня. Когда в апреле 1925 года сенат опрокинул мое правительство, я, может быть, был вправе думать, что сделал все от меня зависящее, чтобы организовать мир, торжественно обещанный тем, кто сражался в 1914-1918 годах. Продолжить

дело и подписать знаменитые Локарнские соглашения выпало на долю г-на Аристида Бриана с его огромным талантом и международным авторитетом.

24 марта Остин Чемберлен выступил с объяснениями в палате общин. Отвечая Гендерсону, критиковавшему его отношение к протоколу, он напомнил ему о документе, направленном 5 июля 1924 года английским правительством генеральному секретарю Лиги наций. Он напомнило происхождении протокола, о моих беседах с Макдональдом, о нашем появлении и вмешательстве в Женеве. Он иронизировал: «Все шло прекрасно до того момента, пока сами эти господа и Ассамблея, к которой они обратились со своими речами, не задумались, и тогда каждый смог убедиться, что оба премьера, делая свой взаимный дружественный жест, полностью противоречили один другому в отношении советов, которые они давали Ассамблее. Последовало несколько часов и даже, если не ошибаюсь, несколько ночей лихорадочных поисков формулировки. В скором времени эта формулировка была найдена… Но с этого момента для всех разумных наблюдателей стало очевидным, что тогда, когда оба премьер-министра более всего верили в то, что они достигли согласия, они были в действительности так же далеки друг от друга, как противоположные полюсы…» Остин Чемберлен критиковал работу делегации, поспешность, с которой составляли, обсуждали и ставили на голосование проект.

Английский министр считал недостатком протокола главным образом то, что он был задуман для сухопутных держав, а не для великой морской державы. «Я отношусь с большим недоверием к логике, – сказал он, – когда ее хотят применить к политике, и доказательство тому – вся история Англии. Как это получилось, что не в пример некоторым другим нациям наша нация развивалась мирным, а не насильственным путем? Как получилось, что мы не испытали на протяжении последних трехсот лет, как бы велики ни были перемены, происшедшие в нашей стране, ни одной из тех революций или внезапных перемен, которые так часто постигали нации с разумом, более логическим, чем наш? Это потому, что инстинкт и опыт учат нас, что человеческая природа не логична, что неосторожно рассматривать политические институты как логические инструменты и что, разумно воздерживаясь от того, чтобы выводить из них самые непреложные логические последствия, вступаешь на путь подлинного мирного развития и подлинной реформы». Немало было споров, добавил он, по поводу прочности собора св. Павла. Мнения разошлись, но еще ни один эксперт не

предложил возвести второй купол над существующим.

Британское правительство высказывалось не против целей протокола, а против его последствий. Остин Чемберлен признал обязательства Англии в отношении Франции и Бельгии, ее заинтересованность в их восточных границах и ее долг содействовать их безопасности. «Все самые большие войны, которые мы вели, имели целью помешать какой-нибудь одной большой державе господствовать в Европе и в то же время на побережье Ла-Манша и над нидерландскими портами… Это угроза для нашей безопасности; мы никогда не избегали этого вопроса и никогда не сможем позволить себе игнорировать его». Остин Чемберлен уточнил, что в силу статей 42 и 44 Версальского договора Англия взяла на себя обязательства относительно левого берега Рейна и демилитаризованной зоны.

Потом он рассмотрел немецкие предложения более свободно, чем до своего отъезда в Женеву; в свою очередь он создал себе иллюзии на их счет, так как видел в них гарантию Германией *статус-кво* на Западе и окончательное устранение войны. Здесь Ллойд Джордж прервал его, чтобы спросить, признала ли Германия одновременно свои западные и свои восточные границы. Остин Чемберлен ответил, что в отношении Востока Германия отказалась не вообще от изменений, а от изменений путем войны. Он сам отказался предложить Франции и Бельгии односторонний гарантийный пакт, но согласился изучить в соответствии с германским предложением вопрос об участии в оборонительных союзах. Эта политика предполагала вступление Германии в Лигу наций, разоружение и эвакуацию Кёльна.

При всем ее остроумии фраза Остина Чемберлена относительно купола св. Павла была неверной. В протоколе не было ничего такого, чего бы в принципе не содержалось в Уставе, ничего, что бы уже не было принято подписавшими державами. *Протокол был, так сказать, официальным упорядочением положений Устава.* Все подписавшие государства обязывались предоставить государству, ставшему жертвой агрессии, всю свою экономическую и финансовую поддержку, отказав в ней агрессору; они согласились обеспечить (в пользу жертвы агрессии и против агрессора) свободный пропуск через свою территорию товаров, продовольствия, военного снаряжения и войск как государства, подвергшегося нападению, так и тех, которые пришли бы к нему на помощь. В 1935 году, во время итало-абиссинского конфликта, Англия смогла оценить ошибку, сделанную ею в 1925 году. Памятная речь Сэмюэля Хора послужила (десять лет спустя) ответом на речь Остина Чемберлена.

Признание Советов

Я связываю со своей мирной политикой проявленную мною под градом тяжких оскорблений инициативу по восстановлению дипломатических отношений между Францией и Советским правительством. Это было последствием моего исследовательского путешествия в 1922 году.

Отсутствие каких-либо официальных отношений с правительством, фактически в течение семи лет сохранявшим власть в России, создавало ненормальное положение, идущее во вред нашим подданным, поскольку оно не позволяло французскому правительству действенно выполнять по отношению к ним свой долг защиты. Я вполне убедился в этом во время своего пребывания в Москве, когда я поставил себе задачей спасти молодого французского офицера, арестованного и приговоренного к смерти по обвинению в шпионаже. 19 июля 1924 года Чичерин телеграфировал мне:

> «Советское правительство принимает к сведению с глубоким удовлетворением ваши дружественные заявления относительно предстоящего в скором времени разрешения вопроса о возобновлении нормальных отношений между нашими странами. Наше правительство приветствует также с удовлетворением ваше решение предоставлять в возможно широкой мере визы советским гражданам, желающим посетить Францию, и оно займется с той же дружественностью и благожелательностью этим вопросом, равно как и другими, могущими возникнуть вопросами, причем будет рассматривать отдельные частные случаи с теми же дружественными намерениями. Французские граждане будут поставлены в этом отношении в такое же положение, в каком находятся граждане других стран, которые, впрочем, обычно ведут переговоры экономического характера с нашими торговыми представителями за границей перед тем, как прибыть в Москву для их завершения. Замедления и затруднения в делах подобного рода в отношении к Франции являются лишь неизбежным результатом отсутствия сношений между нашими правительствами, за что советское правительство ни в какой мере не является ответственным»[100].

Необходимость установления отношений с Россией была настолько настоятельной, что даже державы, не признавшие московского правительства, были вынуждены, например, допустить уполномоченных Советского Союза в качестве единственных правомочных представителей России при разрешении вопроса о проливах[101]. Предыдущие французские правительства ставили признание *де-юре* Советского правительства в зависимость от следующих условий: 1) возобновление уплаты процентов по русским займам и погашение задолженности по ним; 2) взаимный отказ от каких-либо претензий в связи с понесенными убытками; 3) справедливая компенсация французских граждан, лишившихся своего имущества вследствие революции; 4) отказ от всякого вмешательства во внутреннюю политику Франции.

Однако, когда я пришел к власти, Италия и Англия уже признали Советское правительство. После консультации 20 и 30 июня с заинтересованными группами относительно необходимых мер предосторожности я учредил комиссию под председательством г-на де Монзи для изучения условий возможного признания; она предложила признание *де-юре* с рядом оговорок; над собственностью прежних русских правительств учреждалась администрация по секвестру.

28 октября 1924 года я направил следующую телеграмму Рыкову, председателю Совета Народных Комиссаров, и Чичерину, комиссару иностранных дел:

> «В развитие министерской декларации 17 июня 1924 года и Вашего сообщения 19 июля правительство республики, верное дружбе, соединяющей русский и французский народы, признает де-юре, начиная с настоящего дня, правительство СССР, как правительство территории бывшей Российской империи, где его власть признана жителями, и как преемника в этих территориях предшествующих российских правительств.
>
> Оно готово поэтому завязать теперь же регулярные дипломатические сношения с правительством Союза путем взаимного обмена послами.
>
> Нотифицируя это признание, которое не может нарушить ни одного из обязательств и договоров, принятых и подписанных Францией, правительство республики хочет верить в возможность общего соглашения между двумя нашими странами,

вступлением к которому является восстановление дипломатических сношений. Ввиду этого оно особо оговаривает права французских граждан, основанные на обязательствах, принятых Россией или ее подданными при предшествующих правительствах, соблюдение которых гарантировано общими принципами права, остающимися для нас основами международных взаимоотношений. Те же самые оговорки относятся к той материальной ответственности, которую Россия взяла на себя начиная с 1914 года по отношению к французскому государству и его подданным.

Руководствуясь этим и желая еще раз служить интересам мира и будущего Европы, правительство республики преследует цель найти совместно с Союзом справедливый и практический выход, который позволил бы восстановить между двумя нациями нормальные дипломатические и торговые взаимоотношения в случае, если французское доверие найдет справедливое удовлетворение. Как только Вы заявите о Вашем согласии начать переговоры общего характера и более специальные экономического характера, мы готовы принять в Париже Ваших делегатов, снабженных полномочиями с тем, чтобы они встретились для переговоров с нашими уполномоченными.

До благополучного исхода этих переговоров договоры, конвенции и соглашения, существовавшие между Францией или французскими гражданами и Россией, не должны иметь силы; правовые взаимоотношения между французами и русскими, возникшие до установления власти Советов, продолжают регулироваться прежними нормами; также будет отсрочена ликвидация всяких расчетов между двумя государствами, причем все меры для ограждения интересов России во Франции или уже приняты или будут приняты.

Наконец, следует считать, что отныне невмешательство во внутренние дела является правилом, регулирующим взаимоотношения между двумя странами.

Эррио».

* * *

29 октября 1924 года я получил следующий ответ:

«Всемерно приветствуя предложение Французского правительства о полном восстановлении нормальных дипломатических сношений между Союзом ССР и Францией с немедленным обменом послами и о безотлагательном открытии переговоров, имеющих целью установление дружественных отношений между народами Союза ССР и Франции, Центральный Исполнительный Комитет Союза ССР выражает уверенность в том, что по всем вопросам, упомянутым в телеграмме председателя совета министров Французской республики от сегодняшнего дня, может быть достигнуто соглашение между обоими государствами к величайшей выгоде для народов Союза ССР и Франции при наличии доброй воли с обеих сторон и безусловного уважения к их взаимным интересам. Центральный Исполнительный Комитет Союза ССР приписывает серьезнейшее значение устранению всяких недоразумений между Союзом ССР и Францией и заключению между ними общего соглашения с целью создания прочной основы для дружественных отношений между ними, руководствуясь при этом постоянным стремлением Союза ССР к действительному обеспечению всеобщего мира в интересах трудящихся масс всех стран и к дружбе со всеми народами. В частности, Центральный Исполнительный Комитет Союза ССР подчеркивает значительную выгоду для обеих сторон от создания между ними тесных и прочных экономических отношений, содействующих развитию их производительных сил и торговле между ними и сближению их в хозяйственной области. Подобно французскому правительству, Центральный Исполнительный Комитет Союза ССР точно так же считает взаимное невмешательство во внутренние дела обеих сторон необходимым требованием отношений с другими государствами вообще и, в частности, с Францией и приветствует заявление Французского правительства по этому вопросу. Соглашаясь на ведение

переговоров между Союзом ССР и Францией в Париже, Центральный Исполнительный Комитет Союза ССР доводит до сведения Французского правительства, что он поручил Совнаркому и Наркоминделу Союза ССР принятие всех мер для незамедлительного открытия этих переговоров и ведение их с целью дружественного разрешения стоящих перед обоими государствами вопросов, выражая твердую надежду на их полное урегулирование в интересах обоих государств и всеобщего мира».

Председатель Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР *М. И. Калинин*»[102].

Внутренняя политика. Диктатура денег

На следующий день после выборов, в среду, 20 мая, Пенлеве, меня, Пуанкаре и Франсуа-Марсаля пригласили в Елисейский дворец, к г-ну Мильерану, чтобы рассказать нам об опасностях, которые нас ожидали.

* * *

Придя к власти, мы составили и опубликовали отчет о финансовом положении Франции к началу полномочий палаты тринадцатого созыва. Ни одна из цифр этого документа не могла быть опровергнута. Ни одно из его утверждений не оспаривалось.

* * *

Несомненно, что причиной финансовых трудностей Франции было огромное увеличение государственного долга между 1914 и 1924 годами и главным образом чрезмерная доля в нем текущего долга, состоящего из краткосрочных ценных бумаг (боны национальной обороны, казначейские боны, облигации, выпущенные для восстановления освобожденных областей), подлежащих погашению по номиналу в кратчайший срок. Цифры, взятые из опубликованного нашим правительством отчета, показывают этапы этого роста.

Согласно таблице, представленной финансовой комиссии сената 4 июня 1924 года ее генеральным докладчиком г-ном Анри Беранже, государственный долг Франции составлял в общем в мае 1921 года 262 миллиарда, в марте 1922 года – 283 миллиарда, в августе 1923 года – 305 миллиардов. Конечно, этот рост вызван был в значительной части восстановлением разоренных областей, но правительства покрывали с помощью займов как дефицит обыкновенного бюджета, так и дефициты бюджета расходов, подлежащих возмещению. До войны консервативная буржуазия яростно боролась против подоходного налога, принятого во всех соседних больших государствах. Она лишила Францию этого источника доходов, основанного на фискальной справедливости, который позволил бы нашей стране избежать нарастания бюджетных дефицитов и массовых займов.

Что касается текущего долга, то существовало два главных источника его роста, как это объяснили г-да Жан Монтиньи и Жак

Кейзер в их брошюре «Финансовая драма и ее виновники»:

1. Боны национальной обороны, выпущенные во время войны. Их сумма достигала 24 740 миллионов на первое января 1919 года; 45 445 миллионов на 30 ноября 1919 года; 56343 миллиона на 1 июня 1924 года. Их выпуск был настолько беспорядочным, что не было возможности точно установить их сумму (с точностью до нескольких миллиардов), как сообщил об этом сенату в 1923 году в своем докладе по бюджету г-н Анри Беранже.

2. Облигации национальной обороны (выпущенные сроком на пять, шесть и десять лет), казначейские боны, эмиссии «Национального кредита» (10 миллиардов в 1922 году, 37 миллиардов к 31 июля 1924 года).

Сроки платежей по этим ценным бумагам были назначены как придется: 24 миллиарда – в 1925 году, 6 – в 1926 году, 6 – в 1927 году, 3 миллиарда 900 миллионов – в 1928 году, 9 миллиардов – в 1929 году, 117 миллионов – в 1930 году, 2 миллиарда – в 1931 году, 6 миллиардов – в 1932 году, 3 миллиарда – в 1933 году и 6 миллиардов – в 1934 году.

В своем отчете, представленном финансовой комиссии сената 4 июня 1924 года, генеральный докладчик г-н Анри Беранже сделал следующее заявление о «неотложном текущем долге»: «Этот долг состоит примерно из 60 миллиардов франков в бонах национальной обороны и в казначейских бонах сроком на три, шесть и двенадцать месяцев. Но, как явствует из статистических сведений, представленных управлению государственной отчетности, эти боны в среднем погашаются каждые шесть месяцев. Таким образом, для обеспечения нормального функционирования казначейства нужно возобновлять эти 60 миллиардов каждые шесть месяцев. Это составляет годичный оборотный фонд в 120 миллиардов франков, который должен получить одобрение народа. Если учесть, что, помимо этого годичного оборота в 120 миллиардов бон национальной обороны, казначейство должно будет осуществить платежи на сумму в 30 миллиардов для погашения облигаций, выпущенных сроком на 6 и 10 лет, по первому требованию держателей, а также по казначейским бонам, выпущенным сроком на 3, 6 или 10 лет, равно как и по внешним коммерческим долгам, подлежащим погашению (Япония, Уругвай, Аргентина, Великобритания и т. д.), то можно признать, что никогда еще положение казначейства не было таким тяжелым, каким оно будет в ближайшие месяцы, и что оно будет, как никогда прежде, нуждаться в вере населения в силу ресурсов и производительности нашей страны». Согласно частной и доверительной справке, врученной 19 апреля 1924 года г-ном Франсуа-Марсалем председателю финансовой комиссии

сената, помощь, оказанная казначейству банками, достигла «за последние месяцы» суммы в 2 544 261 тысячу франков.

В заключение своего отчета г-н Анри Беранже заявил: «Финансовая проблема современной Франции является в значительно большей мере проблемой казначейской, чем бюджетной». Казначейство должно обеспечить постоянное движение более 150 миллиардов текущего или краткосрочного долга. А наши налоги составляют лишь 30 миллиардов, то есть одну шестую этой суммы. И он напомнил, что еженедельные сводки Французского банка без конца достигали потолка авансов и потолка обращения.

Немедленно началась кампания против «Левого блока». Начиная с 21 мая 1924 года «Тан» писала: «…как бы ни запоздало это предостережение, нужно объявить Франции, что она подвергается смертельной опасности. Большинство, расточительное из принципа, досаждающее частным состояниям, собирается повсюду посеять смуту… Деньги, которых нам все еще не хватает, оно будет щедро раздавать старым и новым монополиям, среди которых должно быть названо *социальное страхование*… Оно будет изыскивать эти недостающие средства в новых беспощадных и тиранических налогах, в конфискации капиталов, собственности, наследств, промышленной и торговой прибыли. Мы жалуемся на дороговизну жизни; вполне вероятно, что мы лишь завтра узнаем, до каких высот она может подняться. Мы должны ждать наступления невиданного финансового кризиса. Что будет представлять завтра кредит Франции? Что станется с нашим франком?» В газете «Энформасьон» от 22 мая я выступил против этого опасного для нашей национальной валюты маневра. 29 мая в той же газете я доказывал, что «на франке хотели отомстить за успех, одержанный республиканскими идеями». Я ссылался на статью, опубликованную в лозаннском «Ревю» г-ном Тьебо Сиссоном, писавшим о «крахе наших финансов, о режиме фишек, о тирании частных комитетов, об анархии в государственных учреждениях, о повсеместном беспорядке». 8 июня «Тан» снова выступила против социального страхования. 17 июня 1924 года директор Главного фондового управления вновь, заявил о своей тревоге. Он напомнил министру, что «с июля 1923 года от случая к случаю, а с начала 1924 года постоянно и в силу официозного соглашения, заключенного в то время между г-дами Ластейри и Робино, Французский банк предоставлял в распоряжение казначейства *сверх авансов, предусмотренных действующими соглашениями,* средства, получаемые от полного или частичного использования его свободных резервов. Для этого используется следующая

процедура: подписываются боны сроком на один месяц». Высокопоставленный чиновник подсчитал, какую огромную помощь предоставлял Французский банк *«сверх обычных операций по счету казначейства».* Он уточнил, что к 17 июня 1924 года *«не существовало никаких тайных обязательств по отношению к какому-либо учреждению, кроме Французского банка».*

Подробная выборка из записей Французского банка относительно авансов, предоставленных казначейству в разных формах начиная с июня 1924 года, приложенная к письму банка г-ну Кайо от 29 апреля 1925 года, давала следующую картину, согласно еженедельной сводке на 19 июня 1924 года:

Прямые авансы – 23000 миллионов

Косвенные авансы – 1388 миллионов

Согласно этому же документу, в тот же день, 19 июня 1924 года, кредитовое сальдо текущего счета казначейства достигло 18 миллионов. А до конца месяца оставалось еще десять дней.

У г-на Клемантеля не было другого выхода, как обратиться к кредитным учреждениям. Он созвал 2 июля их представителей и добился от них авансов, необходимых для обеспечения платежей конца июня. На 3 июля положение было следующим:

Прямые авансы (в счет разрешенного максимума в 23 миллиарда 200 миллионов)	23 100 миллионов
Косвенные авансы	1 815 миллионов
Итого	24 915 миллионов

Кредитовое сальдо казначейства достигало 15 миллионов. Денежных знаков в обращении было на 40 миллиардов 416 миллионов при максимуме в 41 миллиард.

Помимо обязательств по текущему долгу (казначейские боны, боны национальной обороны, денежные вклады в казначейство, авансы Французского банка), достигавших более 90 миллиардов, в 1925 году предстояли массовые платежи по краткосрочным бонам. Цифра этих платежей на 1 июля 1924 года, согласно докладу, сделанному 17 марта 1928 года г-ном Клемантелем демократической левой сената, была следующая (в тысячах франков):

16 февраля 1925 года. Облигации национальной обороны 1915-1925 годов	333 671
1 июля 1925 года. Боны «Национального кредита», 2-й выпуск	3 290 000
25 сентября. Боны 1922 года, выпущенные сроком на 3 и 5 лет	8 236 934

8 декабря. Боны 1923 года, выпущенные сроком на 3, 6 и 10 лет, первая серия	10 090 088
Итого	2 950 693

Помимо этого, многочисленные платежи по внешним займам Англии, Соединенным Штатам, Голландии, Аргентине, Уругваю, Канаде, Египту, составлявшие во франках по курсу дня, за вычетом сумм, уплаченных в порядке бюджетных ассигнований, 950 миллионов франков.

Таким образом, общий итог достигал 22 900 693 тысяч франков.

Франция, выступавшая некогда везде кредитором, теперь была почти повсюду должником.

Когда мы пришли к власти, финансовое положение Франции было особенно тяжелым. Г-н де Муи, директор Главного фондового управления, обрисовал его министру финансов в пространной докладной записке от 27 июня 1924 года. Он писал следующее:

> «Дебет авансового счета государства, открытого ему Французским банком и колебания которого показывают размер наличных средств казначейства, за последние месяцы все время удерживался на уровне, настолько близком к максимуму, предусмотренному для денежных авансов согласно условиям конвенции 14 декабря 1923 года, что, *если бы не прибегали постоянно к тайным авансам банка, а изредка к различным казначейским операциям чрезвычайного характера, указанный максимум постоянно превышали бы. Я напомню, что баланс 3 января 1924 года показал, что авансы банка казначейству достигли цифры в 23 миллиарда 100 миллионов при максимуме в 23 миллиарда 200 миллионов, тогда как общая сумма тайных авансов на то же число, согласно устным сведениям, сообщенным банком, достигала приблизительно 600 миллионов. Таким образом, учитывая все элементы, превышение условного максимума, утвержденного законом, составляет 500 миллионов.* С этого времени сумма авансов никогда не была ниже 22 миллиардов 600 миллионов, причем эта наиболее низкая цифра была достигнута лишь однажды – в балансе от 24 января, когда для казначейства в банке осталась еще свободная сумма в 600 миллионов, явно недостаточная для платежей в конце месяца, размер которых в среднем превышал один миллиард, а

однажды, в конце мая, достиг даже 1400 миллионов».

Этот неоспоримый официальный документ показывает, что еще до нашего прихода к власти правительство постоянно прибегало к тайным авансам Французского банка. Директор Главного фондового управления сигнализировал о тенденции к ухудшению, которая должна была заставить министра обратиться за помощью к кредитным учреждениям. Одно из предшествовавших правительств добилось от парламента полномочий на увеличение с ведома государственного совета условного максимума авансов в промежутках между сессиями. Г-н де Муи рекомендовал прибегнуть к таким же мерам, поскольку общее экономическое положение, в силу повышения валютных курсов, привело к значительному увеличению количества банкнот в обращении (с начала 1923 года – 2 миллиарда). Размещение краткосрочных ценных бумаг было сокращено вследствие платежей по бонам, вызванных требованием наличных денег со стороны населения.

Г-н де Муи напомнил, что 15 апреля 1922 года он безрезультатно требовал пересмотра постоянной политики в отношении Французского банка, утвержденной соглашением от 29 декабря 1920 года. 16 октября 1923 года он требовал увеличения максимума авансов. 27 июня 1924 года он предложил довести этот максимум до 25 миллиардов. «Незачем скрывать, – добавил он, – неудобств подобной меры, и несомненно, что ее непременно сочтут за признак возвращения к политике инфляции. Однако нам кажется, что представленные ранее объяснения относительно изменений, которые были бы таким образом внесены в денежное положение, могли бы рассеять всякие сомнения; кроме того, нельзя не признать, что фактическая, если не юридическая, несостоятельность Германии и те последствия, которые это имело для равновесия французского бюджета, составляют вполне законную причину для пересмотра обязательств, которые казначейство, основываясь на обязательствах, принятых на себя Германией, сочло возможным взять на себя в 1920 году». Г-н де Муи предусматривал, что придется отказаться от маскировки положения казначейства путем тайных операций, *как это сделали в 1923 году*. Он надеялся, что и сам Французский банк откажется от политики дефляции, задуманной в период, когда можно было питать надежды, которые впоследствии не оправдались.

Могут спросить, почему мы не последовали советам г-на де Муи. Г-н Клемантель объясняет это в своем докладе от 17 марта 1928 года. Предложенное решение полностью развязало бы нам

руки, но тогда сочли бы, что оно внушено партийными соображениями. Это не было национальным решением вопроса. Противники франка были начеку во всех уголках мира, «готовые ухватиться за малейший признак слабости, чтобы возобновить свою грозную кампанию. Если бы за границей узнали о положении казначейства и о займах у банков, доверие к нашей национальной валюте неминуемо было бы поколеблено». Мы находились накануне международной конференции, имевшей решающее значение для будущего нашей страны и особенно наших финансов. Управляющий Французского банка считал возможным сокращение авансов государству. В письме г-ну Клемантелю от 17 июля 1924 года он писал: «Опасность инфляции, в какую бы скрытую форму она ни была облечена, является смертельной опасностью, которой надо избежать любой ценой». Г-н Клемантель с одобрения совета министров вступил в борьбу. «Я считал, – заявил он, – что лучший способ борьбы – это защита первой линии окопов; ее нужно удерживать до конца, а не начинать сражение с отступления, хотя бы и стратегического».

Г-н Рене Рену высказался следующим образом: «Г-н Клемантель весьма искренне содействовал в прошлом великому делу фискальной справедливости, а именно в вопросе о подоходном налоге, чтобы его теперешние мероприятия и поправки не имели того двойного характера, который желателен для всех республиканцев: облегчить чрезмерное бремя налогов на потребление, полностью осуществить подоходный налог и одновременно закрыть все лазейки, через которые могли бы ускользнуть объекты обложения». Газете «Тан» подобные разумные заявления казались скандальными. «Самое страшное, – писала газета 24 сентября 1924 года, – это совершенное отсутствие ответственности, это великолепное спокойствие, с которым произносятся подобные угрозы».

21 октября 1924 года газета «Уэст эклер» писала: «Думало ли когда-нибудь правительство «Левого блока» о финансовой катастрофе, которая неминуемо произойдет, если французские католики перестанут открывать свои кошельки по призыву министра финансов, если они откажутся подписываться на займы, казначейские боны и боны национальной обороны, если они лишат французское государство своих капиталов, вкладывая их преимущественно в промышленные или заграничные ценные бумаги? В конце концов это их право, как и право конгрегации вкладывать в надежное место, за границей, капиталы, которыми они располагают».

Наше правительство предприняло два важных начинания:

1. Оно представило вполне сбалансированный бюджет, в

который впервые был включен так называемый бюджет расходов, подлежащих возмещению, и который предусматривал на одни постоянные расходы 6305 миллионов, принимал в расчет платежи по плану Дауэса и не был рассчитан на займы. 2. Министр финансов добился в Соединенных Штатах займа на 100 миллионов долларов без всяких условий и залогов. Этот заем был перекрыт в несколько раз в течение немногих часов. Подписка на внутренний заем, против которого энергично возражали некоторые области, достигла почти 5 миллиардов, состоявших в основном из бон обороны, тем не менее остался излишек свободных денег, что позволило наполовину сократить косвенные авансы. На некоторое время положение улучшилось, но уже первый платеж в январе заставил вновь прибегнуть к помощи банков.

Декрет от 31 октября 1924 года разрешил министру финансов выпуск пятипроцентных казначейских бон.

* * *

Закон от 21 ноября 1924 года разрешил министру финансов выпустить в Соединенных Штатах в интересах казначейства семипроцентные погашаемые облигации на сумму 100 миллионов долларов. Доходы от займа передавались Французскому банку в возмещение его авансов по условиям конвенции, которую предстояло заключить. Эта конвенция, подписанная 22 декабря и ратифицированная законом от 31-го, устанавливала, что государство должно перечислить на счет Французского банка в Нью-Йорке доходы от займа в 100 миллионов долларов, заключенного на американском рынке. Французский банк откроет государству кредит во франках на сумму, соответствующую этому взносу, из расчета 5 франков 18 сантимов за доллар. Государство использует этот кредит во франках для уменьшения авансов, предоставляемых ему Французским банком, в счет суммы, подлежащей уплате к 31 декабря 1924 года, которая составила в 1924 году 1200 миллионов. В результате цифра разрешенных авансов на 1925 год была доведена до 22 миллиардов.

2 ноября 1924 года, в момент выпуска займа, газета «Уэст эклер» заявила: «Наша газета, озабоченная судьбой своих фондов, на этот раз не подпишется ни на сантим на заем г-на министра финансов. Из этих слов явствует, что она не может рекомендовать своим читателям операцию, которую она сама считает невыгодной для себя».

6 ноября она писала следующее: «Мы бы согласились, как и в

прошлом, вновь отдать государству наши деньги, но отныне мы хотим знать, в какие руки они попадут и на что они будут употреблены. Однако нынешнее правительство внушает нам большие опасения». Г-да Жан Монтиньи и Жак Кейзер, перепечатавшие эти тексты, приводят и другие, аналогичные им, позаимствованные из «Пти бретон», у депутата Баланана, и из статьи в «Нувелист д'Альзас», принадлежащей перу аббата Хеги.

Кампания против правительства усилилась. Предсказывали революционные волнения, потому что мы публично отдали дань уважения Жану Жоресу, убитому фанатиком в начале войны. 4 декабря газета «Эклер» предсказывала в ближайшее время террористические покушения в Лувре, в Опере и в Мадлен. Г-да Жан Монтиньи и Жак Кейзер в своей брошюре ссылались на статью, напечатанную в «Ля Насьон бельж» от 2 декабря, на тему из «Ревью политик эпарлемантер», на статью г-на Пьера Берню в «Журналь де Женев» и на корреспонденцию из Парижа, опубликованную в «Морнинг пост», согласно которой коммунистическая революция должна была вспыхнуть в день рождества.

Узнав, что я болен, Макдональд прислал мне 14 декабря 1924 года дружественное послание. Он выражал пожелание, чтобы моя работа на благо Франции и Европы не прерывалась, и шутливо добавлял, что подобное пожелание, как он надеется, не будет истолковано как неподобающее вмешательство в наши национальные дела; он сообщал мне о своем отъезде в Индию и Панаму. При наличии всех моих трудностей я вынужден был целый месяц лежать из-за флебита.

Французский банк стремился придерживаться законного предела в 41 миллиард. 29 декабря 1924 года он направил министру финансов письмо: «Генеральный совет единодушен в своем глубоком убеждении, что увеличение законного максимума денежных знаков, находящихся в обращении, было бы самой роковой мерой. Она подорвала бы за границей доверие к нашей стране и открыла бы двери для прогрессирующей инфляции, которую ни правительство, ни банк не смогли бы потом приостановить. Нужно использовать все средства, чтобы избежать ее». Банк был охвачен тревогой и объяснял ее причины. «Не игнорируя результатов, которые могут быть достигнуты либо нашими собственными средствами, либо всеми средствами, к которым правительство уже прибегло и решило прибегнуть, генеральный совет все же чрезвычайно озабочен нынешним положением и продолжает опасаться, что их эффективности окажется недостаточно, чтобы непрерывно и постоянно сдерживать наше обращение в пределах узаконенного максимума.

В самом деле, мы должны сейчас бороться с тезаврацией бумажных денег и с ростом кредитной массы, что является в значительной мере результатом роста цен. Этот рост в свою очередь, и безусловно в очень значительной мере, является результатом высокого уровня курсов, который помогает поддерживать *широкий поток экспорта капиталов».*

5 февраля 1925 года управляющий Французского банка предупредил министра финансов, что «положение вряд ли менее критическое, чем в конце декабря». Он требовал политики сокращения расходов и «безопасности сбережений». «Если надлежащие и действенные меры не приведут в самый короткий срок к изменению существующего положения, недельная сводка, несомненно, обнаружит превышение законного максимума эмиссии».

* * *

В субботу, 14 февраля 1925 года, я принял членов бюро финансовой комиссии сената (что подтверждается протоколом от 18 февраля). Я объявил им, что эмиссионный предел был превышен на 400 миллионов и что такое положение, вызванное тезаврацией денег, утечкой капиталов и кризисом доверия, не может продолжаться. Я объявил, что решил пойти на отмену реестра купонов, предоставляемых в уплату, и попытаюсь для ослабления напряжения развить применение чеков. Наша беседа коснулась затем бюджетной проблемы. «У нас создалось впечатление, – сказано в протоколе, – что г-н председатель совета министров отдавал себе отчет в серьезности общего положения, был этим огорчен и горячо желал, чтобы внутренние распри уступили место заботе о спасении страны от финансовой катастрофы, которая ей угрожает». Во всяком случае, финансовая комиссия сената была предупреждена о положении дел.

28 февраля г-да Шарль Ребель, Франсуа-Понсэ, Мажино, Луи Марэн и генерал Сен-Жюст голосовали – вместе с коммунистами – против демократического бюджета, предусматривавшего по сравнению с бюджетом 1923 года, завершенным в 1924 году, уменьшение на 2,65 процента налогов на потребление и увеличение на 2,75 процента налогов на приобретенное имущество и на предметы роскоши.

Положение стало действительно серьезным только в конце февраля 1925 года. «Если до сих пор, – писал управляющий банка господину Кайо в своем письме от 29 апреля 1925 года, – длительное ухудшение положения казначейства должно было

внушать нам самые серьезные опасения относительно следующих недель, все же установленные превышения не выходили еще значительно за пределы возможностей сокращения, которые могли использовать правительство и банк и учитывать которые в то время было совершенно законным. Эти возможности включали изъятие банкнот в Саарской области и на Мадагаскаре и денежные знаки, обесцененные или случайно уничтоженные после 1885 года и во время войны; их общая сумма могла быть оценена примерно в один миллиард франков. Только в течение марта превышение перешагнуло эту цифру, достигнув 5 марта 1843 миллиона, чтобы снова спуститься до 1082 миллионов к 26 марта». Март особенно перегружен платежами и беден поступлениями, потому что в этот период податные списки находятся в стадии подготовки, тогда как нужно оплачивать расходы конца бюджетного года. В этом месяце казначейство подверглось самой сильной атаке в виде кампании против возобновления бон национальной обороны. 2 апреля превышение достигало 1569 миллионов. За эти трудные месяцы мы увеличили в общей сложности все виды авансов государству всего лишь на 205 миллионов. Превышение денежных знаков в обращении достигало 2 миллиардов 5 миллионов. Г-н Клемантель объяснял это следующим образом: «Рост цен, отказ многих коммерсантов вернуть свои капиталы в страну, вызвавший увеличение представления ими векселей к учету, нежелание помещать деньги в банки и сберкассы, тенденции к тезаврации денег, а также и тайная утечка капиталов, тот факт, что французские банкноты служили не только для внутреннего обращения, но и внешнего (Мадагаскар, Саар), – все это из месяца в месяц увеличивало потребности казначейства. Нормальные коммерческие операции банка продолжали поглощать все большее количество банкнот». В докладе совета общему собранию акционеров 29 января 1925 года Французский банк заявил об этом.

* * *

26 февраля 1925 года управляющий банка писал министру финансов:

> «Генеральный совет вынужден сообщить вам, что за истекшее время наше положение в отношении закона, устанавливающего максимальный предел эмиссии банкнот в 41 миллиард, с каждым днем ухудшалось, не оставляя нам больше надежды на то рассасывание

кризиса, на которое мы рассчитывали до сих пор. Средняя цифра нашего обращения увеличилась в течение настоящего месяца более чем на 500 миллионов, в то время как положение казначейства стало настолько тяжелым, что ему, очевидно, придется прибегнуть в конце месяца к кредитной операции, которая, какую бы форму она ни носила, неизбежно повлечет за собой на какой-то неопределенный срок новое значительное увеличение эмиссии. Таким образом, правительство, которое мы постоянно держали в курсе событий, должно немедленно, до опубликования будущего баланса, заняться вопросом урегулирования законодательным путем превышения законного максимума, которое все наши усилия не смогли, к сожалению, предотвратить».

* * *

Ознакомившись 27 февраля 1925 года с положением, я созвал председателей и генеральных докладчиков финансовых комиссий обеих палат, гг. Милье-Лакруа и Анри Беранже, Мориса Виолетт и Венсан Ориоля. Дабы меня не обвинили в искажении истины в мою пользу в деле, где недобросовестность сыграла такую большую роль, я приведу протокол финансовой комиссии сената (заседание 28 февраля 1925 года), поскольку именно эта палата опрокинула мое правительство.

Протокол свидания с г-ном председателем совета министров.

Г-н Председатель[103]. Вчера вечером г-н генеральный докладчик и я были срочно вызваны в совет министров. Мы немедленно отозвались на это приглашение, цель которого была нам не известна.

По прибытии на Кэ д'Орсе мы, к нашему удивлению, встретили там, помимо г-на председателя совета министров и г-на министра финансов, управляющего и генерального секретаря Французского банка. К нам скоро присоединились г-н председатель и г-н генеральный докладчик финансовой комиссии палаты депутатов.

Г-н председатель совета министров ознакомил нас с письмом, которое он только что получил от гг. членов правления Французского банка, – письмом, в котором они уведомляли его о том, что начиная с января месяца истинное положение банка не отвечало еженедельно публикуемым балансам, и просили урегулировать это положение законодательным путем.

Г-н председатель совета министров предложил нам изыскать вместе с ним возможный выход из положения. Было рассмотрено несколько мероприятий, но ни одно из них не дало бы немедленного результата.

Г-н председатель совета министров сообщил нам о своем намерении внести в проект временных кредитов положение о введении «налоговых чеков», посредством которых надеются добиться от налогоплательщиков досрочной уплаты налогов, роспись которых не была еще опубликована.

Мы указали ему на невозможность предвидеть реальный эффект этой меры и, кроме того, на следующее ее неудобство – при досрочном поступлении налогов казначейство будет в дальнейшем лишено тех источников доходов, на которые оно нормально могло бы рассчитывать.

Г-н председатель совета министров. Я повторяю, господа, положение чрезвычайно тяжелое.

Г-н Поль Думер. Вы уже раньше знали, что оно было тяжелое.

Г-н генеральный докладчик. Да, поскольку мы три дня назад взяли на себя инициативу свидания с г-ном председателем совета министров.

Г-н председатель. Конечно, мы знали, что положение тяжелое, но мы не представляли себе, до какой степени. Эмиссионный предел был превышен в течение нескольких недель, и это

превышение все возрастает.

Г-н Женуврие. Это катастрофа.

Г-н генеральный докладчик. Нет. Не будем произносить это слово. Но мы переживаем очень тяжелый период. *Наш долг теснее сплотиться вокруг правительства и поддержать его усилия.*

Я могу лишь подтвердить вам те сведения, которые только что сообщил г-н председатель.

Отправляясь на Кэ д'Орсе, мы думали, что нам будут говорить о проекте временного месячного бюджета, по поводу которого у нас было накануне совещание с председателем совета министров, министром финансов, председателем и генеральным докладчиком финансовой комиссии палаты депутатов. Ничего подобного. Г-н министр финансов ознакомил нас с письмом членов правления Французского банка, о котором вам говорил г-н председатель. Г-н председатель совета министров спросил наше мнение о том, что надлежало делать. Оговорив самым категорическим образом, что мы не возлагаем никаких обязательств на финансовую комиссию, мы приняли участие в обсуждении, которое затянулось до поздней ночи. По правде говоря, мы скорее присутствовали при разработке правительственного плана, чем принимали в нем участие.

Прежде всего все согласились на том, что необходимо отказаться от любого проекта урегулирования положения банка, который мог бы вызвать инфляцию. В этом пункте все были единодушны.

Затем рассмотрели вопрос о значительном сокращении расходов и изыскании новых источников доходов казначейства.

Чтобы смягчить напряжение, вызванное эмиссией бумажных денег, решили изъять французские денежные знаки, находящиеся в обращении в Саарской области, заменив их местными деньгами. Точно так же решили основать эмиссионный банк на Мадагаскаре. Но результаты этих двух мероприятий, которые могут дать соответственно 400 миллионов и 450 миллионов банкнот, скажутся: первого – не раньше двух месяцев, а второго – трех или четырех месяцев.

Были рассмотрены и другие решения, в частности продажа огромных запасов меди, находящихся в арсенале в Бурже и оцененных в 500 миллионов.

Г-н Поль Думер. И подумать только, что палата в свое время отказалась от продажи ничтожной части этих запасов!

Г-н генеральный докладчик. С тех пор обстоятельства изменились.

Наконец были рассмотрены меры, которые председатель

совета министров сам назвал драконовскими.

Г-н председатель. Лишь в конце свидания и как бы маскируя угрозу сенату, г-н председатель совета министров упомянул о принудительном займе и об обложении капитала.

Г-н Анри Руа. В сущности, по этому последнему пункту вы оказались всего лишь доверенными второй очереди. Уже вчера, в кулуарах палаты депутатов, г-н председатель совета министров, проявлявший странную нервозность, то и дело повторял перед журналистами слова о принудительном займе.

Г-н генеральный докладчик. Сегодня ночью правительство рассмотрело оба предложения: принудительный заем и обложение капитала.

Г-н Поль Думер. Был ли это председатель совета министров или министр финансов.

Г-н генеральный докладчик. И тот и другой. В этом вопросе они согласны, но выражают свою мысль в зависимости от своего темперамента: первый энергично, а второй мягко.

Я убежден, что они хотят достигнуть именно этого. Все остальное лишь уловки, позволяющие выиграть две или три недели.

Положение вызвано, сказали они в заключение, огромным государственным долгом, выплата задолженности по которому поглощает более половины бюджетных доходов. До тех пор пока этот долг не будет сокращен или конвертирован, проблема останется неразрешимой.

На этом наша беседа закончилась в половине третьего утра».

После совещания 28 февраля я писал управляющему Французского банка 3 марта 1925 года:

> «Во время беседы, которую я имел в субботу с несколькими членами правления банка, было решено, что положение, обрисованное в вашем письме от 26 февраля г-ну министру финансов, могло бы быть сохранено в течение марта в надежде на его улучшение, с тем чтобы избежать превышения законного предела эмиссии. Правительство совершенно согласно с вами в том, что подобное превышение имело бы самые тяжелые последствия. Решено сделать все, чтобы избежать его.
>
> Палата только что закончила обсуждение бюджета и, после того как он был сбалансирован, передала его сенату; этот бюджет должен обеспечить нормальные нужды казначейства. Правительство намерено энергично добиваться улучшения положения казначейства,

обеспечивая поступление неуплаченных налогов, сокращая расходы, разрешая отчуждение управлением государственных имуществ всех излишних статей государственного имущества, выпуская краткосрочные налоговые чеки, что облегчит начиная с этого месяца досрочное поступление прямых налогов 1925 года. Все это должно позволить государству прибегать в дальнейшем к помощи банка только в форме и размерах разрешенных прямых авансов. Одновременно мы обеспечим быстрое применение предварительно рассмотренных нами мер по изъятию денежных знаков, находящихся в настоящее время в обращении в Саарской области и в нашей колонии Мадагаскар. Мы, кроме того, считаем, что теперь уже можно принять в расчет потерянные или уничтоженные во время войны бумажные деньги, которые все еще причисляются к общей сумме эмиссии.

Поэтому мы вправе, как нам кажется, рассчитывать, что через известный промежуток времени можно будет при помощи всех этих мер ввести обращение в рамки, предусмотренные максимумом в 41 миллиард. Я вновь очень настоятельно прошу генеральный совет, чтобы он придерживался до конца марта своей выжидательной позиции, руководствуясь, как всегда, возвышенным чувством общих интересов и находясь в полном согласии с правительством.

Если наши усилия не приведут к ожидаемым результатам, правительство оставляет за собой право рассмотреть в будущем меры к прекращению этого положения».

4 марта правительство, стремясь повлиять на курс фунта и доллара, предоставило в распоряжение Французского банка первый взнос в 15 миллионов долларов в счет общей суммы займа Моргана; что касается 15 миллионов долларов, недавно уступленных банку казначейством, то оно отказалось от своего права выкупа. 5 марта правительство уведомило управляющего банком, что 9 кредитных учреждений согласились предоставить казначейству заем на сумму 950 миллионов на условиях дисконта.

* * *

Г-н Мамле, генеральный секретарь демократического союза, осмелился писать в газете «Авенир» от 5 марта 1925 года следующее:

> «Когда государство увеличивает ставки своих налогов, мошенничество, всегда заслуживающее порицания с точки зрения морали, становится с точки зрения экономической и социальной спасительной поправкой. Только оно позволяет восстановить между быстротой поглощения частных капиталов государством и быстротой их восстановления то равновесие, которое государство не могло бы нарушить, не разорившись само и не разорив одновременно своих граждан».

* * *

9 марта 1925 года г-н Перетти де ла Рокка, французский посол в Мадриде, указывал на опасность для нашей страны кампании, которую ведут против правительства. «…В ряде случаев, когда я говорил о твердом намерении моего правительства восстановить равновесие бюджета и вернуться к здоровым финансовым традициям, мои собеседники ссылались на «Тан», которая ежедневно клеймит финансовый хаос, созданный большинством «Левого блока», пишет о «находящемся под угрозой государственном кредите», о налогах на налоги, о позиции национальной республиканской оппозиции, которая впервые со времени основания Третьей республики вынуждена была отказаться от голосования бюджета в целом, бюджета, который сводится к ряду бессвязных мероприятий, посрамляющих под предлогом финансов Гражданский кодекс, и т. д… Другие оппозиционные газеты также ставят всякое лыко в строку. Но за границей хорошо знают, чего стоит их критика. Иначе обстоит дело с «Тан»… Она пользуется в финансовых кругах, возможно, еще большим влиянием, чем в политических… Линия поведения этой газеты в настоящее время слишком точно отвечает видам некоторых финансистов, а именно некоторых международных финансистов, чтобы они не воспользовались ее критикой под предлогом оздоровления финансов… Руководство «Тан» не может не отдавать себе отчета в том, что эта газета дает в настоящее время в руки наших противников отравленное оружие. Свобода критики должна быть ограничена интересами родины, и наши партийные ссоры никогда не должны нарушать единства

французского фронта перед противником…»

Министр финансов должен был разрешить следующие задачи:

1. Требование погашения казначейских бон и бон национальной обороны, обращение которых под влиянием враждебной правительству пропаганды упало с 60 218 миллионов на 30 июня 1924 года до 56874 миллионов на 31 марта 1925 года, то есть уменьшилось на 3344 миллиона.

2. Покрытие дефицита бюджета 1924 года, который не удалось сбалансировать, несмотря на налоги, утвержденные голосованием в марте 1924 года, то есть суммы минимум в 1 955 миллионов.

3. Авансы для «Национального кредита», неизбежные вследствие неудачи размещения займа этого учреждения в начале 1924 года и необходимые для продолжения восстановительных работ в освобожденных областях, то есть 724 миллиона в 1924 году и 150 миллионов с 1 января по 31 марта 1925 года, а всего – 874 миллиона.

4. Авансы для покрытия дефицита общего фонда железных дорог – 429 миллионов. Следовательно, общая сумма срочных расходов составляла 6602 миллиона.

* * *

Кроме того, министр финансов должен был покрыть текущие и нормальные расходы 1925 года до поступления налогов, такие, как не предусмотренные бюджетом выплаты долга (а именно: по облигациям, выпущенным сроком на 6 лет, два последних квартала 1924 года – 189 миллионов; по этим же облигациям, 1 квартал 1925 года – 100 миллионов; по облигациям, выпущенным сроком на 10 лет, 1915-1925 годы, срок платежа 15 февраля 1925 года – 333 миллиона). Эти цифры были приведены г-ном Клемантелем в его докладе 17 марта 1928 года.

13 марта управляющий банком дал знать министру финансов, что он колеблется выступить на фондовой бирже, считая, что положение требует прежде всего «завершения бюджетной работы парламента». Через три дня, 16 марта, он сообщил, что положение с денежным обращением ухудшается, несмотря на открытие подписки на налоговые чеки, назначенной на 20 число.

25 марта 1925 года Леон Блюм написал мне от имени своей группы, чтобы выразить свои «терзания» по поводу финансового положения и предложить меры, казавшиеся ему необходимыми.

«Ныне, – писал он мне, – из-за того, что время упущено, и главным образом (справедливость заставляет нас признать это) из-за недостойных маневров антиреспубликанской оппозиции, безответственно рискующей разорением Франции, чтобы добиться от большинства политических репрессий, положение стало настолько серьезным, что нельзя медлить ни минуты». Курсы растут, цены повышаются, грозит инфляция. Затруднения нашего казначейства – наследие старого парламента – не только используются теми, кто играет на понижении франка, но отдают нас на милость банков и Французского банка. Слишком часто приходилось для покрытия трудных платежей прибегать к их услугам, когда они были вольны отказать нам или заплатить. Демократическое правительство не может мириться с таким рабством. Оно не может далее зависеть от милости и жить под игом крупных денежных сил, сил враждебных, возлагающих на правительство ответственность за те трудности, за которые ответственны другие, использующих эти трудности в борьбе против правительства и сознающих, что они нашли действенное оружие против большинства 11 мая, и они не выпустят это оружие из рук, пока не ранят насмерть правительство и это большинство. Наконец, платежи казначейства по ценным бумагам, накопившиеся на этот год благодаря преступной беспечности предшествующих правительств, создают в дополнение к этим тяжким затруднениям угрозу, поистине драматическую. Подобное положение не может более продолжаться. Страна не может дальше так жить. Из месяца в месяц, с недели на неделю откладывались необходимые меры, неотложность которых правительство признало вместе с нами и которые его глава дважды приказывал подготовить… Мы также знаем, какие советы, какие предупреждения давали банковские и финансовые специалисты правительству… Те самые люди, которые отклонили необходимые мероприятия во имя доверия, в один прекрасный день обратились к нам и заявили: «Что до доверия, то страна не может оказать его нынешнему правительству и нынешней политике».

В этом суровом анализе создавшегося положения Леон Блюм был прав. Я дважды приказывал подготовить общие мероприятия. Министр финансов изо всех сил добивался того доверия, в котором нам отказывали. Мы располагали доверием народа, но не доверием имущих. Леон Блюм добавлял: «Мы найдем помощь лишь в самих себе, в животворных силах той страны, которая идет вместе с нами, которая к тому же достаточно доказала своим сопротивлением искусственной кампании паники, что она питает и сохраняет подлинное доверие. Нужно обратиться к ней. Нужно

открыть ей всю правду, без утайки. Нужно покончить с политикой промедления, с пустыми надеждами, с полуправдой и полумерами. Нужно действовать…» Леон Блюм, впоследствии сам познавший в качестве главы правительства такие же трудности, не требовал специально тех или иных мер; он лишь просил «дать программу, которой было бы по плечу преодоление нынешних трудностей и которая была бы способна разрешить их во всей их совокупности раз и навсегда». «Мы не являемся, – писал он мне, – сторонниками нынешнего общественного порядка, но мы не пытаемся его изменить путем финансового и экономического беспорядка, цепью хаотических кризисов, первыми и наиболее верными жертвами которых всегда являются трудящиеся».

И далее: «Первоочередные усилия должны быть направлены, по нашему мнению, на то, чтобы воспрепятствовать дальнейшему росту цен и новому расширению обращения, а следовательно, воздействовать на нынешний вексельный курс, на внутренние спекулятивные курсы, не соответствующие действительной стоимости франка, то есть его реальной покупательной способности. Заем Моргана должен быть без промедления использован для этой цели вопреки неосторожному соглашению, заключенному, несмотря на наши протесты, с Французским банком, вопреки возражениям, почерпнутым из неблагоприятной «психологии» рынка. Потому что под этими возражениями скрывается единственное желание – сохранить девизы в неприкосновенности для наследников нынешнего правительства…» Будущее показало, насколько справедлива была эта точка зрения.

«Но достигнутые результаты не откроют вновь никаких перспектив, если правительство не подготовит широкой операции по финансовому и валютному оздоровлению, которая вновь обеспечила бы подлинную безопасность казначейства, окончательно освободила бы государство от помощи, а тем самым от господства банков, быстро восстановила бы подлинную стоимость франка и позволила бы подготовить на более благоприятной почве окончательную стабилизацию валюты, принеся стране в конечном счете выгоду, значительно превышающую те временные жертвы, которые от нее потребовали бы. На наш взгляд, эта операция может заключаться только в обложении капитала, обложении, достаточно умеренном, чтобы не утратить своего подлинного характера, но достаточно высоком, чтобы раз и навсегда избавить государство, казначейство и саму страну от угнетающих их затруднений; ибо подобная операция производится лишь однажды».

Г-н Леон Блюм предлагал оклад обложения от одной восьмой

до одной десятой процента; изъятие путем штемпелевания банкнот и казначейских бон, выпуск новых купюр и ценных бумаг, который быстро придал бы обращению временный размах; обязательную конверсию всех пожизненных рент в единую 4- или 5-процентную ренту с гарантийным обменом, что обеспечило бы подлинное равновесие бюджета и подлинную амортизацию; принудительную конверсию в ренту казначейских облигаций, что положило бы конец напряженности платежей; другие дополнительные меры в отношении обществ, недвижимой собственности как застроенной, так и незастроенной. Валовой сбор от обложения поступит в Амортизационную кассу. Для облегчения погашения ипотек будет понижена ставка общего подоходного налога. После того как будет восстановлена подлинная стоимость франка, можно было бы приступить к окончательной стабилизации, быстро возобновив текущие платежи, так что в конечном счете обложение капиталов привело бы одновременно с финансовым оздоровлением государства к увеличению абсолютной стоимости частных состояний.

Г-н Леон Блюм отказывался действовать в соответствии с доктринами своей партии, которые отличались бы от этой программы; он выразил готовность присоединиться к любому проекту, «охватывающему проблему во всей совокупности, ибо ее нельзя было ни обойти, ни расчленить». «Продолжая медлить, – заключал он, – правительство рискует утратить свою независимость и суверенитет в отношении денежных магнатов. Допуская рост цен либо безработицу, а также пойдя на отказ или на неизбежное откладывание всякой сколь-нибудь значительной реформы, правительство может обмануть те надежды, которые страна возлагала на изменение большинства, и толкнуть ее к самым тщетным и самым опасным из всех иллюзий, к тем иллюзиям, которые порождаются деспотическими формами власти или анархическими формами насилия…»

В подобных взглядах нельзя было усмотреть ничего специфически социалистического. Что могло быть более справедливым, чем призыв к богатству, дабы ликвидировать издержки войны, которая унесла столько французских жизней, после этого трагического испытания, послужившего обогащению стольких людей? Разве простые люди не выполнили своего долга? Разве призыв спасти нацию в минуту опасности является демагогией? После 1870 года, когда Франция переживала величайшее горе, гг. Карейон-Латур, Филиппото и генерал Шанзи потребовали, чтобы движимый и недвижимый капитал всех французов был обложен чрезвычайным налогом, пока не будет покрыта сумма контрибуции в 5 миллиардов. В 1893 году

Казимир-Перье хотел обложить приобретенные состояния; в 1920 году гг. Дюваль-Арну, Белле, Дариак, Анри Ориоль, Луи Марэн и Кольра объединились, чтобы предложить под номером 715 проект резолюции, где значилось: «считая необходимым… чрезвычайное обложение состояний, исключительно с целью помощи восстановлению пострадавшей Франции и погашения части национального долга, мы требуем немедленного создания чрезвычайной парламентской комиссии для подготовки проекта».

15 апреля 1920 года я заявил в палате депутатов, что нас не должна пугать перспектива налога на капитал. В Англии он был введен по инициативе партии консерваторов. В августе 1916 года статья в «Таймс» предложила на обсуждение публики идею введения этого налога. В январе 1918 года г-н Бонар Лоу высказался в его пользу в палате общин. «Конечно, налог на капитал трудно установить, – говорил я, – и мы слишком заботимся о правде, чтобы не признать и не заявить об этом вместе с нашим генеральным докладчиком. Но вопрос о нем надо изучить без предвзятости; нужно попытаться, проявив горячую настойчивость, положить конец этой политике займов, являющейся в конце концов политикой крайних мер». Мой коллега Ренар и я поддерживали следующее предложение: «Палата… желая, чтобы восторжествовали традиционные принципы республиканской финансовой политики, то есть преобладание прямых налогов над косвенными, предлагает правительству предусмотреть начиная с 1921 года чрезвычайное обложение состояний, с тем чтобы уменьшить государственный долг и положить конец обременительной политике займов».

В нашей стране всегда заявляли, будто бы налог на капитал невозможно установить. Однако чехословацкое правительство ввело его законом от 8 апреля 1920 года, и баланс банковского департамента пражского министерства финансов показал, что к 25 февраля 1925 года этот закон уже дал сумму в 4,5 миллиарда чехословацких крон.

Как писал в докладе, опубликованном в «Ревю политик э парлемантер» от 10 февраля 1926 года, г-н Солери, бывший министр финансов Италии, общественное мнение наших соседей особенно благоприятно относилось к налогу на капитал, щадившему труд и потребление. Сами богачи готовы были пожертвовать частью своего состояния во имя политического и социального спокойствия. Обложение капитала в Италии должно было принести в целом от 10 до 12 миллиардов. Это обложение, писал г-н Солери, смогли провести без потрясений, без экономических крахов, без утечки капиталов за границу; сама основа налога давала уверенность в том, что дело шло о

чрезвычайной контрибуции, которая уплачивалась раз и навсегда. Правда, итальянское общественное мнение благоприятствовало этому трудному и не лишенному опасности опыту. И я поневоле задавал себе вопрос, не является ли Франция, чья финансовая политика во время войны была такой неосторожной и такой инертной, не является ли она в денежном вопросе самой реакционной страной в мире?

Совет министров занялся этим вопросом 1 апреля. Г-н Клемантель охарактеризовал положение и представил проект увеличения некоторых налогов. Но значительным большинством правительство высказалось за более широкие меры. Совет разошелся в половине второго ночи, после длительного обсуждения, постановив не допустить инфляции в ее обычной форме.

1 апреля я уведомил управляющего Французского банка, что необходимые меры будут предложены на рассмотрение парламента в следующий понедельник и что правительство берет на себя ответственность добиться быстрого голосования, во всяком случае до роспуска палат.

2 апреля г-н Клемантель объявил с трибуны сената, что он намерен безотлагательно предложить парламенту следующие меры:

1. Временно разрешить, впредь до развития собственных операций банка, увеличение лимита эмиссии банкнот, предназначенное исключительно для нужд торговли, под двойное обеспечение векселями за тремя подписями, увеличивая таким образом портфель, и золотыми долларами займа Моргана, который только что увеличил наличность банка.

2. Создать новые источники дохода для казначейства с помощью временной, фискальной меры, могущей дать немедленные результаты.

«В кабинете имели место разногласия, – писал г-н Клемантель в своем докладе, – относительно природы фискального усилия, которое требовалось от страны, разногласия, которые выявились на заседании сената 2 апреля 1925 года и повлекли за собой мою отставку».

Это заседание 2 апреля предвещало кризис. Г-н Клемантель скромно взял на себя часть ответственности за предшествующие правительства: за то, что он не осмелился проводить более активную фискальную политику; за то, что он слишком долго поддерживал иллюзию, что Германия заплатит весь свой долг. Все чаще прибегая к кредиту, – докатились до неудачи займа «Национального кредита» и понижения стоимости франка. Публика набросилась на ценные бумаги с переменным доходом и

особенно на валютные ценности. Возможности казначейства мало-помалу уменьшались. Правительство 1924 года включило в общий бюджет все расходы, подлежащие возмещению, постоянные и непостоянные, тогда как после 1870 года понадобилось двадцать лет, чтобы избавиться от чрезвычайного бюджета. Правительство отказалось от всех доходов, которые оно могло получить путем новых налогов на потребление, но хотело, чтобы каждый платил то, что обязан, хотя реестр купонов был аннулирован. Были приняты в расчет результаты, достигнутые планом Дауэса. Г-н Клемантель затем объяснил, что правительство не хочет идти на инфляцию, прибегать к тому, что г-н Шерон назвал «займом для обращения», но что ему необходима свобода действий для казначейства. «Журналь оффисьель» отметила в этом месте *движение в зале и возгласы в центре и справа.* Министр потребовал выпуска бумажных денег для нужд торговли.

Речь г-на Клемантеля была построена очень искусно. Ему живо аплодировали слева. Но г-н Франсуа-Марсаль тотчас пошел в атаку; он осмелился утверждать, что на 15 июня 1924 года положение было «весьма благоприятным с точки зрения казначейства». Он обвинял правительство в том, что оно напугало держателей процентных бумаг. «Я не говорю здесь о тех, – заявил он, – которые владеют именными ценными бумагами или имуществом, полученным в качестве приданого, ни об администраторах, имеющих именные акции, ни тем более о тех, кто, располагая огромными пакетами акций, контролируют большие компании и *не могут поэтому, даже если бы они этого хотели, утаить что бы то ни было из процентных бумаг».* Пой, ласточка, пой! Я не присутствовал на заседании сената, когда выступал г-н Клемантель. Узнав об этом в палате, я счел своим долгом не хитрить перед лицом опасности и отправился в высокое собрание. Я попросил г-на Клемантеля особо подчеркнуть, что правительство против всякой инфляции, не обеспеченной залогом. Он это сделал, заявив, что правительство обсуждает, «какого рода бремя можно возложить на страну».

Я выступил в свою очередь и дал объяснения по поводу опубликованного в утренних газетах сообщения. Кстати сказать, правая встретила меня очень плохо, а левая поддержала. Я заявил, что мы предложим для урегулирования проблемы казначейства решения, отвечающие «общим идеям и принципам», что мы не пустим в обращение необеспеченных бумажных денег и представим на обсуждение палат проект закона. По всем признакам гроза разразилась.

После заседания сената г-н Клемантель направил мне

следующее письмо:

«2 апреля 1925 года. Мой дорогой председатель. Движимый, как и вы, единственно заботой об общем благе, я полагал, после коммюнике, составленного на заседании совета министров вчера вечером, что мне не только позволительно, но что меня обязывает долг – дабы пресечь всякие ложные толкования – уточнить с этого момента, что не может быть и речи о настоящей инфляции в пользу казначейства, что дело идет о простой эмиссии денежных знаков, необходимой в настоящих условиях, как вы знаете, для нужд торговли. С другой стороны, я счел нужным заявить, что мы не считаем возможным оставить казначейство в том бедственном положении, в котором оно находится, и очень ясно дал понять сенату, что мы будем просить страну пойти на новые жертвы, чтобы поправить это положение.

Но по вашей просьбе и вопреки советам некоторых наших друзей из демократической левой я согласился вторично уточнить свою мысль, а также мысль правительства.

После моего выступления, не оставлявшего, на мой взгляд, ни малейшего места для недоразумений, вы сочли нужным выступить в свою очередь и во время своего выступления дважды выразили сожаление по поводу того, что вопрос денежного обращения смешали с вопросом бюджета.

Вы, таким образом, выразили мне неодобрение, которого я не заслужил и которое, во всяком случае, лишает меня отныне достаточного авторитета, чтобы выступать в сенате от имени правительства.

С другой стороны, заседание совета министров вчера вечером показало мне, что я полностью расхожусь с вами и с большинством моих коллег во взглядах относительно мер, которые надлежит срочно принять, чтобы предоставить казначейству средства, в которых оно нуждается.

Хотя я и готов предложить и поддержать даже

жестокую ставку налога, истребованного на один год, в качестве чрезвычайного обложения различных доходов, зарегистрированных в существующих списках или взимаемых «у источника», я не могу взять на себя ответственность за проект налога на капитал, который я считаю при существующих обстоятельствах невозможным ни установить, ни взимать.

Вы поймете, что в этих условиях я не могу больше гарантировать вам то сотрудничество, которое вы вправе ожидать от своего министра финансов.

Прибавлю к этому, что тяжелая работа, которую я был вынужден выполнять последние девять месяцев и которой вы воздали должное, за что я весьма признателен вам, делает решительно необходимым мой отдых. Одного этого соображения, помимо изложенных выше, достаточно, чтобы продиктовать мне решение, которое я принимаю с сожалением из-за своей привязанности к вам.

Разрешите мне в заключение выразить вам мою признательность за дружественное сочувствие, которое вы мне всегда оказывали при исполнении моих тяжелых обязанностей. Примите, мой дорогой председатель, уверения в моей совершенной преданности.

Клемантель».

Г-н Клемантель вручил мне таким образом свою отставку. Я принял ее, не вдаваясь в обсуждение. Я никогда не был особенно расположен к сотрудникам, которые, пользуясь всегда поддержкой своего начальника, покидают его и оказываются больными в разгар битвы. У меня создалось впечатление, которое подтвердила газета «Журналь оффисьель», что сенат намеревался уберечь моего министра финансов и сохранить его, перед тем как опрокинуть меня. Я узнал об его отставке во время совещания с делегатами левых групп, на котором Виолетт энергично защищал проект обложения, поддержанный Леоном Блюмом. Венсан Ориоль отмечал, что момент был довольно благоприятным, поскольку бюджет был как будто сбалансирован, а торговый баланс – положителен. Я предложил пост г-на Клемантеля г-ну де Монзи. У него хватило мужества принять его.

6 апреля 1925 года управляющий банком уведомил меня, что

в следующем балансе сумма обращения значительно превысит максимум в 41 миллиард.

В тот же день г-н де Монзи представил свой проект совету министров. Он высказывался совершенно определенно: «Нельзя приступать к казначейской операции без крупной финансовой операции». 7 апреля совет министров принял проект налога на капитал.

6 апреля министр финансов вынужден был послать банку проект конвенции относительно увеличения обращения денежных знаков и авансов государству. На следующий день управляющий возвратил его подписанным, сделав некоторые оговорки. «Пять лет тому назад, – писал он, – генеральный совет умолял правительство отказаться от всяких новых авансов и уважать доверие к бумажным деньгам, неотъемлемую базу финансового, экономического и социального равновесия… Он позволяет себе обратить ваше внимание на необходимость избегать любой меры, способной нанести ущерб регулярному возобновлению бон, необходимому для равновесия казначейства и сохранения общественного доверия…»

7 апреля 1925 года группа социалистов внесла свой законопроект *об установлении чрезвычайного и единовременного обложения капитала в целях оздоровления казначейства и стабилизации денег* (Палата, № 1529.)

8 апреля управляющий Французского банка направил министру финансов следующее письмо:

> «В развитие сообщений, которые я имел честь вам сделать на словах, настоящим подтверждаю, что недельная сводка, которая будет составлена сегодня вечером и опубликована завтра, по всей видимости, обнаружит, что масса бумажных денег, находящихся в обращении, достигла цифры около 43 миллиардов и что текущий счет казначейства имеет дебитовое сальдо от 400 до 500 миллионов. При наличии такого положения перед генеральным советом банка сегодня встанет вопрос, должен ли он при отсутствии решения парламента продолжать свои операции с клиентурой, с одной стороны, и с казначейством – с другой. Дабы предупредить тяжкие последствия, которые повлекла бы за собой остановка экономической и социальной жизни страны, я намерен предложить совету продолжать наши операции в ожидании решения, которого необходимо добиться немедленно. Если вы придерживаетесь иного мнения, я буду вам очень признателен, если вы срочно

сообщите мне его, так как мы должны сейчас же принять необходимые меры во всех наших отделениях».

8 апреля г-н де Монзи составил следующий протокол:

«Г-н генеральный секретарь Французского банка дал знать министру финансов, (в официозном порядке и оговорив решения совета банка, который сейчас заседает), что в проекте баланса, подлежащего рассмотрению завтра – 9 апреля – в графу пассива – *банкноты в обращении* – будет зачислена сумма в 43 миллиарда 30 миллионов и, с другой стороны, графа «текущий счет казначейства», числящаяся в пассиве, будет перечислена в актив, поскольку казначейство остается дебитором на сумму 205 миллионов, за вычетом остатка в 100 миллионов, находящегося в его распоряжении по ссудному счету. Министр финансов ответил г-ну Опти, что у него нет возражений, в том что касается внесения указанной цифры в графу банкнотов, находящихся в обращении, поскольку установление еженедельной сводки решалось или должно отныне решаться Французским банком без вмешательства правительства. В том, что касается зачисления в актив текущего счета казначейства, задолженность которого будет таким образом обнародована, министр финансов отказывается допустить, чтобы кредит Франции за границей был поставлен под удар, особенно в тот момент, когда правительство предпринимает чрезвычайные усилия, чтобы его выправить. Поэтому он предлагает банку продажу с правом выкупа 1,5 миллиона фунтов стерлингов по курсу 92,75 и 5 миллионов долларов по курсу 19,37, на что банк в лице г-на Опти, снесшегося с управляющим, дал согласие. Таким образом, счет казначейства окажется с превышением в 30 миллионов, о чем составлен настоящий протокол».

8 апреля в сенате завязалось сражение из-за кредита для выплаты стипендий учащимся. Генеральный докладчик упомянул о положении казначейства, чьи затруднения я признал сам. Я был вынужден поставить вопрос о доверии. Голосование дало мне большинство лишь в два голоса.

10 апреля управляющий банком уведомил министра финансов, что счет казначейства является дебитором на сумму в 511 миллионов. К тому же «Журналь де деба» опубликовала

письмо управляющего от 8 апреля.

* * *

Мое правительство было опрокинуто в сенате 11 апреля 156 голосами против 132. 19 апреля в Орийаке г-н Франсуа-Марсаль, «встреченный бурными аплодисментами», возобновил свои нападки на мое правительство, на «Левый блок», на проект социалистов. Он восхвалял финансовую политику «Национального блока», забывая, что он когда-то о ней говорил.

* * *

Наше правительство сохранило доллары, которыми оно располагало по займу Моргана. Это составляло сумму более чем в 2 миллиарда франков; мы сохранили ее в неприкосновенности для наших преемников, что позволило им инкассировать:

21 мая 1926 года	1 000 000 000 франков
1 июня 1926 года	15 000 000 франков
29 июня 1926 года	407 108 514 франков
22 июля 1926 года	66 550 597 франков 94 сантима
25 июля 1926 года	771 020 916 франков 69 сантимов
Итого	2 259 680 028 франков 63 сантима

За границей к нам отнеслись доброжелательнее, чем наши соотечественники. Пока мы были у власти, курсы оставались более или менее стабильными. Доллар, записанный 3 июля 1924 года по курсу 19,53, котировался 2 апреля 1925 года в 19,25. Курс фунта, достигавший в момент образования нашего министерства 86 франков, поднялся до 91,30 на 1 апреля. Это незначительное повышение объяснялось главным образом желанием английского рынка достичь золотого паритета и паритета доллара.

Мы оставили нашим преемникам все выгоды плана Дауэса. Опубликованная 12 февраля 1932 года справка министерства финансов указывала, что план Дауэса дал 24 344 миллиона франков.

* * *

Наше суждение подтвердили беспристрастные судьи.

«Финансовые неурядицы 1926 года, – сказал г-н Пьетри в Аяччо 20 апреля 1932 года, – были вызваны тяжким бременем долга, которое можно было уменьшить лишь путем денежной ампутации. Оно было связано с беспощадным постоянством расходов, бесплодных самих по себе и сковывавших экономическую жизнь страны». «Нужно ли говорить, – заявил в сенате 24 марта 1932 года г-н Анри Шерон, – что в 1924 году им пришлось очутиться перед фактом массовых платежей и значительным долгом, косвенно вызванным тяготами войны? Нужно ли говорить, что в 1926 году другим пришлось столкнуться с отчаянным положением, которое было чересчур легко использовать врагам государственного кредита?» Выступая 20 марта 1932 года в Ажене, г-н Жозеф Кайо упрекал большинство 1924 года в том, что оно «молча приняло на себя всю тяжесть платежей, произвольно накопленных».

Впрочем, г-н Пуанкаре с присущей ему добросовестностью высказался на утреннем заседании палаты депутатов в пятницу, 3 февраля 1928 года (он говорил по поводу банков), в следующих выражениях. Я привожу его слова по официальному отчету («Compte rendu analytique officiel»). «Хотя, насколько мне известно, эти учреждения никогда не пытались злоупотреблять теми услугами, которые они оказывали государству, я нахожу достойным сожаления тот факт, что казначейству пришлось несколько раз обращаться к ним. Оно прибегало к ним с 1920 по 1926 год, а не только с 1920 по 1924 год, как это заявляет «Попюлер», которая напечатала огромными буквами следующий заголовок: «Именно Пуанкаре проломил потолок» *(смех в центре и справа)*. Во всяком случае, если Пуанкаре в прошлом и «проломил потолок», то в будущем именно он помешал его проломить и укрепил его *(аплодисменты)*. Вернемся к прошлому. Да, мы проломили потолок, но делали это не только мы. Я говорил об этом с трибуны сената в 1926 году. Я бы повторил это и с трибуны палаты, если бы у меня был доступ в это собрание; потому что то, что было сделано разными кабинетами, делалось в открытую *(аплодисменты)».*

Я несколько раз обращался к своим противникам с просьбой не вымещать на Франции своего политического поражения. Но они оставались непреклонными.

* * *

Совершенно очевидно, что позиция, занятая правительством в пользу светского образования, немало способствовала

увеличению числа его противников. Во Франции длительный союз политической власти и католицизма создал традицию, против которой было трудно бороться. В нашей стране поочередно прислушиваются как к тем, кто, используя обстоятельства, желает восстановить католичество как составную часть наших институтов, так и к тем, кто в силу неизбежного противодействия нападает на религию, чтобы бороться с клерикализмом. Те, кто видит в вере дело личной совести, кто хочет отделить духовное от мирского, кто видит в этом разделении прогресс и условие для социального мира, – те, конечно, имеют все шансы подвергнуться нападению с обеих сторон.

Именно об этом писал с большим блеском и авторитетом католик Ламартин в своем труде, опубликованном в 1850 году под названием «Прошлое, настоящее и будущее республики». «Во Франции наряду со свободным и почитаемым католичеством существует небольшая честолюбивая партия, беспокойная, стремящаяся вернуть прошлые времена, некое подобие церковного Кобленца в Париже, политическая клика, взявшая свое знамя в алтаре, чтобы вынести его на площадь, провозгласившая нетерпимость в отношении всех философских и религиозных учений, которые не являются учениями господствующей и исключительной церкви, и открыто признающая программу обращения мира не путем убеждения, что дозволительно, но путем завоевания правительства, путем пристрастных государственных законов и бюджетной коррупции, путем светской власти церкви и религии по закону вместо религии по совести. Это уже не религиозная партия, не партия причащения, а подлинная католическая фракция, партия, обладающая всеми пороками фракции, слабой и беспокойной… Читая ее газеты, краснеешь от оскорблений, которыми они каждое утро осыпают совесть во имя свободы совести; огорчаешься, видя, как оскверняют имя божие подобными проявлениями почитания; в качестве искупительной жертвы они преподносят ему горы бумаги. Подлинные ликторы, переодетые в апостолов, они терзают во имя религии независимость, достоинство, святость совести всех сердец, не желающих принимать из их рук символ веры. Из боязни скандала они загасили костер инквизиции; но они сохранили раскаленное железо и с наслаждением клеймят им имена всех людей, которые верят в бога под другими символами». В католической церкви образовалось либеральное движение, отвергающее насилие, остающееся верным чудесному духу христианства первых веков, осуждающее антисемитизм, защищающее республику и

парламентские институты. К нему частично примкнуло французское духовенство; но эти либеральные католики сами подвергаются угрозам и оскорблениям.

26 сентября 1924 года французские кардиналы написали мне, желая особо подчеркнуть, что они рассматривают законы о конгрегациях как исключительные законы и даже как преследование. По всей стране была организована яростная кампания манифестаций. В них приняли участие г-н аббат Берже, г-н Ксавье Валла и генерал Кастельно. 18 октября в Байонне епископ призвал в проповеди к сопротивлению светским законам. 8 октября в Ницце помощник прелата сравнил «преследуемых нынешнего дня» с «мучениками прошлого». 23 октября префект Савойи сообщил, что в ходе беседы епископ из Морьенна доверительно сообщил ему, что католическая партия подготавливала к определенному дню коллективное требование погасить боны национальной обороны. 26 октября в Родезе генерал Кастельно, как писала газета «Круз де Пари» от 18-го, заявил, что были случаи обращения к руководителям церкви по поводу финансовых мер. 19 октября в Невере епископ призывал «сопротивляться гонениям». В Дижоне епископ Ландрие требовал отмены всех светских законов. В Ла-Рош-сюр-Йон манифестанты объявили 5 октября, что готовы восстать, «даже если это будет великой революцией». В газете «Ванде» г-н Бинэ-Вальмер призывал выходить на улицы. Газета «Ле милитан» в Бресте предлагала 18 октября забастовку против налогов и расправу с членами парламента. Архиепископ турский запретил своей пастве отвечать на какие бы то ни было анкеты.

23 января 1925 года я поднялся на трибуну палаты депутатов, чтобы обсудить проблему отправки посольства в Ватикан. Г-н Бриан несколько обескуражил меня, заявив, что глава правительства не всегда обязан следовать принципам, провозглашенным «в горячке оппозиции». Но я не хотел отрекаться от своих прежних заявлений, как бы освященных всенародным голосованием. Несколько французских епископов, собравшись в Риме в мае 1920 года, решительно высказались против применения закона об отделении. Я напомнил, пользуясь книгой Мориса Перно «Святой престол, католическая церковь и мировая политика», о позиции, занятой во время войны папой Бенедиктом XV, который пытался оттянуть вступление Италии в войну и побудить Соединенные Штаты прекратить снабжение продовольствием, оружием и снаряжением; он старался посеять раздор между державами Согласия, был крайне разочарован вступлением в войну американцев, оспаривал право народов располагать своей судьбой и предпринял кампанию в пользу

«чистого» мира. Папство осудило закон об отделении и ассоциации духовенства. А ведь сама королевская власть всегда запрещала папскому престолу вмешиваться во внутренние и внешние дела Франции. Я привел инструкции 1748 года герцогу Нивернейскому. В них изложена доктрина монархии. «Приблизительно около трехсот лет почти во всех государствах Европы трудились сообща над тем, чтобы ограничить римское могущество справедливыми рамками, и настолько преуспели в этом, что папе остались, даже в католических странах, только пышный титул, право раздавать индульгенции и освобождать от правил поведения, установленных канонами и дисциплиной церкви». Инструкции графу Шуазелю в 1754 году составлены в том же духе. Мазарини запретил представителю папы доступ на Вестфальский конгресс.

В январе 1920 года г-н Клемансо отказался восстановить посольство и поручил своему министру иностранных дел сделать формальное заявление по этому поводу. Эта дерзость стоила ему поражения на выборах президента республики. Отношения были возобновлены, хотя соглашения по спорным вопросам не было достигнуто. В конце 1922 года папа обнародовал энциклику «Ubi arcano», где следующим образом отзывался о Версальском договоре: «Искусственный мир, установленный на бумаге, вместо того, чтобы пробудить благородные чувства, усилил и почти узаконил дух отмщения и злобы». Г-н Пуанкаре тотчас заявил протест против подобного непризнания роли наций, которые, став объектом преступного нападения, столь дорогой ценой спасли свободу всех народов. Г-н Жоннар предпринял демарш; стало известно, что эта фраза написана папой собственноручно. 24 июня 1923 года римский первосвященник написал письмо кардиналу Гаспарри, в котором называл гарантии, созданные в результате оккупации территорий, *«отвратительными»*. Г-н Пуанкаре вновь заявил протест. Г-н Жоннар добивался замены слова *«отвратительные»* словами *«достойные сожаления»*[104]. По этому случаю г-н Пуанкаре выступил с заявлением, отказывающим папе в праве вмешиваться в политические дела.

В Риме нас постигали одни неудачи. Французские епархии в Японии, французские викарные епархии в Китае были расчленены в пользу немецких, американских и ирландских миссий. Вопреки заверениям, сделанным нам относительно нашего протектората, в Китае было учреждено апостолическое представительство. Вопрос о святых местах все еще оставался открытым. В 1924 году по случаю праздника пасхи почести во время литургии представителям Франции были отменены по распоряжению святого престола. Учреждение, ведавшее пропагандой веры,

переносится из Парижа и Лиона в Италию; отныне председателем генерального совета стал секретарь римской конгрегации пропаганды веры, который был всегда итальянцем.

Меня особенно поразило то образование, которое давала эта французская семинария в Риме, основанная папой Пием IX в 1853 году, чтобы «воспитать духовенство в римских принципах и увеличить в нашей стране влияние святого престола», то есть для того, чтобы парализовать влияние семинарии Сен-Сульптс, чьи галликанские тенденции были ненавистны папе (Battandier, «Annuaire pontifical», 1904, p. 596). По мнению епископа Батандье, именно в этой французской семинарии в Риме возникло то течение, которое привело к развитию во Франции римских идей. За 34 года это учреждение дало французской церкви всего шесть епископов; но в 1924 году дело обстояло совершенно иначе, и главами епархий, как правило, назначали бывших воспитанников семинарии. Политические принципы «Аксьон Франсез»[105] встречали в этом учреждении самый благосклонный прием. После возобновления дипломатических отношений со святым престолом заботами дирекции семинарии была опубликована брошюра под названием «Доклады академии теологии при французской семинарии в Риме» (Conférences de Г Académie de Théologie du Séminaire francais de Rome» (42, via Santa Chiara)). Брошюра была выпущена без даты, но предисловие к ней, подписанное одним из директоров, отцом Фреем, было помечено 11 ноября 1923 года.

В этом памфлете обвинялись монсеньер Дюпанлу, Монталамбер, отец Момюс, аббат Клейн, г-да Анатоль Леруа-Больё, Поль Виолле, некоторые ораторы и журналы.

Докладчики утверждают, что французская революция была по существу бесовским делом и что религия несправедливо вынуждена замыкаться в стенах церквей и лишается всякого влияния на общественную жизнь. «Если мы хотим, как велит нам наш долг, – заявляют они, – восстановить в обществе царство нашего спасителя Иисуса Христа, мы должны обрушиться на самый принцип, корень заблуждения, то есть на основу нового права – Декларацию прав человека». Пропорциональное представительство в школах само по себе лишь меньшее из зол. «Школа не может быть нейтральной; она должна быть конфессиональной; она должна быть католической… Государство не имеет никакого права на воспитание… Оно не должно учреждать свои воспитательные учреждения, оно может лишь содействовать образованию, всегда подчиненному контролю церкви… С божьей помощью мы вступим в борьбу!»

Те же докладчики требуют для папы «права вмешательства, в силу естественного права своей верховной должности, в

политические и даже международные вопросы, права объявлять о том, что справедливо и честно, и определять, в чем состоят интересы наций и людей вообще». Но каковы же должны быть отношения между церковью и государством? «Государство должно признать католическую религию единственной истинной формой божественного культа, публично ее исповедовать и благоприятствовать ей всей своей властью». Оно должно «защищать церковь от всех ее противников, применяя в случае надобности вооруженную силу».

Таково было воспитание, которое получали молодые люди, посылаемые в Рим из всех епархий Франции, чтобы стать впоследствии профессорами в семинариях, генеральными викариями, канониками или епископами. Однако г-н Жоннар после своего приезда в Рим, в июле 1921 года, говоря о французской семинарии, высказался следующим образом: «Живя под сенью престола св. Петра, французские избранники черпают из самих истоков христианской жизни несравненное образование. Большое число ваших старших братьев прославило церковь и сделало честь Франции. Вы продолжите их дело для вящей пользы французской родины».

Разве председатель совета министров, принципиальный республиканец, не имел права и не был обязан удивляться подобным открытиям? Результаты, достигнутые посольством, как будто мало оправдывали его восстановление. Более того, в 1920 году выяснилось, что можно создавать ассоциации духовенства, поскольку кардиналы принимали французскую юрисдикцию. 27 апреля 1920 года был составлен проект письма кардиналу Гаспарри; в нем признавалось создание ассоциаций духовенства, предусмотренных законом об отделении. Но некоторые кардиналы и некоторые светские люди заняли непримиримую позицию в отношении этого проекта, который урегулировал бы проблему отделения. В конце 1923 года, в декабре месяце, энциклика «Maximam» разрешила епархиальные религиозные ассоциации, но категорически протестовала против светских законов. Это был лишь «первый шаг к той полной и всеобъемлющей свободе, – говорилось в ней, – которую церковь требует для себя повсюду, а также у вас, как должную и необходимую в силу божественного права и умаления и противодействия которой она не может допустить в соответствии со своим назначением и своей природой». Энциклика «Maximam» не положила конец конфликту. Кардинал Андриё рассматривал ее как «возобновление осуждения папой и его предшественниками светских законов». Он добавлял: «Наместник Иисуса Христа дал нам в своей энциклике от 18 января

великолепный пример братской любви и апостольского мужества, когда он напомнил французским католикам, что, поскольку светские законы все еще осуждены, они должны, даже с точки зрения простого патриотизма – ибо всякое общество, отрекающееся от бога, роет себе могилу, – без устали бороться против роковых законов, следуя запрету папы Льва XIII, который все еще остается в силе, всеми законными и честными способами». Монсеньер Марти, епископ Монтобана, выступил с подобными же заявлениями. Эти протесты порождали в стране многочисленные манифестации против Закона об отделении церкви от государства и принципа светскости, нередко под руководством епископов. Также нападали они и на проект так называемой *единой школы,* якобы посягающей на свободу образования, тогда как он просто стремился объединить в учреждениях учебного ведомства детей, получивших начальное и среднее образование, осуществляя таким образом братское начинание, отвечающее в некотором роде целям социального евангелия. Епископ Страсбургский в пастырском послании обвинял светские школы в развращении молодежи.

Таким образом, восстановление посольства не принесло нам никакого умиротворения. Я предложил католикам мир; мне хотелось объединить вокруг истинно демократической политики, действительно обращенной к маленьким людям, всех людей доброй воли, которые бы уважали основные принципы государственной власти. Я напомнил, что я никогда «не позволил себе ни малейшей насмешки или слова пренебрежения по адресу бедного священника в заплатанной, изношенной сутане, ибо я уважаю его за то, что он несет помощь и утешение тем, кто несчастнее его». Это выражение о *поношенной сутане* было потом подхвачено. Посольство в Ватикане потерпело неудачу; оно было совместимо лишь с конкордатом. Я высказался за сохранение отделения церкви от государства, за свободную церковь в свободном государстве, за принцип светскости, за примат закона, за суверенитет государства. Самое странное, что, провозглашая эти принципы, я оказался в противоречии с г-ном Брианом, одним из авторов Закона об отделении церкви от государства. В своей речи от 8 февраля 1925 года по поводу канонизации матери Бара и отца Жана Эда папа сетовал на мое выступление; он поощрял возникшее во Франции движение «в защиту высших интересов религии и страны».

Во время прений в палате депутатов очень вежливый противник, г-н Анжеран, обвинил меня в галликанизме. Справедливо то, что мое университетское образование позволило мне изучить сопротивление наших королей притязаниям пап,

успешные усилия их законников в деле обеспечения политического преобладания государства над церковью, торжество их принципов начиная с XVI века, защиту галликанских вольностей, двадцатилетнюю борьбу Людовика XIV против святого престола и знаменитую декларацию 1682 года, написанную самим Боссюэ. Первая статья ее объявляет, «что святой Петр и его преемники, наместники Иисуса Христа, и вся церковь в целом получили власть от бога лишь в духовных вопросах и в тех, которые относятся к спасению, а не в мирских и гражданских». Обучению в семинарии в Риме я осмелился предпочесть доктрину Боссюэ, отвечающую, впрочем, здравому смыслу и правильно понятым интересам церкви и государства.

Я не строил себе никаких иллюзий. Беспокоились о принципах! Страсти разгорелись! Я убежден, что позиция, занятая нашим правительством в этом вопросе о посольстве, значительно содействовала нашему падению. Я также полагаю, что она сыграла значительную роль в страстной оппозиции, встреченной мной в Эльзасе, где я все же решил сохранить режим конкордата. *По сути дела наши преследования ограничились за десять месяцев тем, что мы по настойчивой просьбе трех муниципалитетов, открыли три школы, и то не светские, а полуконфессиональные.*

Я должен сказать, что папский нунций в Париже, монсеньер Черретти, архиепископ Коринфский, был чрезвычайно любезным дипломатом, с которым я поддерживал, несмотря на принципиальные расхождения, самые хорошие личные отношения. Летом 1924 года он пришел спросить меня, может ли он уехать в отпуск и не будет ли что-нибудь сделано во время его отсутствия. Я привел ему рассказ о двух семинаристах, Пьере и Поле, заключивших пари: они поспорили о том, кто из них пришлет другому самое короткое латинское письмо. Пьер был немногословен: «Я еду в деревню» («Eo rus»). Поль ответил: «Поезжай» («I»). «Полагаю, – сказал я нунцию, – что вы мне написали, как Пьер. Я отвечу вам, как Поль». В другой раз он пришел посоветоваться со мной, по чудесному римскому выражению, *«на ушко»* по поводу назначения одного епископа. Я сказал, что не уполномочен вмешиваться в назначение прелатов.

* * *

Случай малоизвестный, но знаменательный открыл генералу Нолле глаза на некоторые антиреспубликанские действия в армии. Я излагаю его по официальным документам. 21 ноября 1922 года военный министр уполномочил генерала Буассуди

возглавить комиссию, которой поручили разработать новый устав для замены существующего устава внутренней службы и частично устава гарнизонной службы. Этот новый устав должен был в соответствии с инструкцией министра состоять из трех частей: 1) общие положения. Воинская дисциплина; 2) командование. Организация. Внутренняя служба; 3) гарнизонная служба.

Первое заседание комиссии 26 марта 1923 года было посвящено изложению председательствующим генералом целей созданной комиссии и метода работы, который следовало принять; кроме того, этой комиссии был предложен проект оглавления первой части в том, что касается статьи I (основы дисциплины); одиннадцать членов просили, чтобы старый текст был сохранен без всяких изменений. В этом тексте говорится о тех знаках уважения, которые должны оказываться товарищам по оружию, обеспечивающим дело *соблюдения законов республики* и защищающим независимость и честь родины.

Полковник Паскье предложил упразднить слово «республики», то есть новый текст. 12 и 13 ноября статья I (основы дисциплины) была принята без возражений. 19 января 1924 года генерал Буассуди представил министру (Штаб французской армии, 3-е бюро), сославшись на маршала, генерального инспектора армии и вице-президента Высшего военного совета, проект нового устава (I части) под названием «Общие положения. Воинская дисциплина». В сопроводительном письме кратко перечислялись главные нововведения, но не было никакого намека на новый текст, измененный следующим образом:

«… и оказывать им все знаки уважения, которого заслуживают люди, чье мужество и преданность обеспечивают успех нашего оружия и защиту независимости и чести родины».

Окончательный текст, к которому был приложен доклад министру, был представлен президенту республики 28 мая 1924 года; декрет был подписан 30 мая. Генерал Буассуди указал, что он намеревался перенести текст о соблюдении законов республики в третью часть; но об этом он ни разу не заявил уполномоченным лицам и не уведомил об этом комиссию.

5 ноября 1924 года два депутата, гг. Эмиль Борель и Балитран, заметив сделанное изменение, представили в бюро палаты депутатов проект резолюции, предлагающей правительству восстановить прежний текст статьи I. Военный министр немедленно представил соответствующий декрет на подпись президенту республики. Г-н Мажино, подписавший доклад от 28 мая 1924 года, заявил, что его подпись была получена в результате недосмотра, и потребовал расследования.

Военный министр принял решение о наказании полковника Паскье и докладчика полковника Шпица. Генерал Буассуди с большим достоинством признал факты. По сути дела 30 мая 1924 года была отменена обязанность военных защищать законы республики. Совет министров одобрил увольнение в запас генерала Буассуди, подчинившегося вполне корректно этому решению. Маршал Петен также согласился с принятым решением. 6 мая 1925 года он обратился к военному министру г-ну Пенлеве с просьбой восстановить в должности генерала Буассуди, признав, что он «не поднял голоса», когда его постигло наказание. Но на похоронах г-на Буассуди маршал выступил с витиеватой речью (в мае 1926 года). После похорон он официально затребовал изъятия экземпляров своей речи, предназначенных для печати, из бумаг кабинета министра. Тем не менее «Эко де Пари» они стали известны.

В ходе ожесточенной кампании, которую вели против правительства 1924 года, очень часто говорили, что его непредусмотрительность и проведенные им сокращения численности войск и явились в основном причиной тех серьезных событий, которые произошли в Марокко весной 1925 года. Все это совершенно ложно. Мои отношения с маршалом Лиоте были всегда превосходными и исполненными доверия, особенно с тех пор, как мы были членами одного кабинета[106]. По моей просьбе он прислал мне свою личную работу о положении и нуждах протектората[107] в связи с составлением бюджета 1925 года. Она и сейчас находится в моих руках. «Отныне, – писал он мне, – наш фронт хорошо оснащен и вооружен, так что весь район севера и наши коммуникации с Алжиром защищены от нападений рифов, что позволяет нам спокойно ожидать удара их вождей». Известно, что излюбленный метод Лиоте состоял в том, чтобы в первую очередь полагаться на политическую подготовку, а к военной силе прибегали лишь для поддержки этих действий. Он не предусматривал «общих и крупных операций» и не просил больше контингентов для укрепления северного фронта. Однако эти контингента были сокращены в годы, предшествовавшие нашему приходу к власти, вопреки – это он отмечает своей рукой – «обязательствам, четко сформулированным перед парламентскими комиссиями». Они были сокращены с 95 тысяч солдат в 1921 году до 86 тысяч в 1922 году, до 78 тысяч в 1923 году (на 1 января) и до 68 тысяч в 1924 году (на 1 января). В отчетный 1924 год этот контингент был доведен до низшей цифры в 65 200 человек, что должно было соответствовать, на 1 апреля 1924 года, установленному теоретически контингенту в 64 500 человек. Маршал согласился на это последнее сокращение с

условием, что в случае надобности ему будут предоставлены подкрепления за счет Алжира.

Я очень точно цитирую его докладную записку. Оккупационные войска за три года потеряли больше трети своей пехоты, половину кавалерии и пятую часть артиллерии.

По указанию маршала ему было послано в мае 1924 года первое подкрепление в составе двух батальонов, а в сентябре – новое подкрепление в составе двух батальонов и одного эскадрона. В согласии с Лиоте я предусматривал организацию одной дивизии в провинции Оран. Таким образом, не правительство 1924 года произвело это опасное сокращение оккупационных сил в Марокко.

16 апреля 1925 года военный министр моего правительства направил маршалу Лиоте следующую телеграмму:

> «Я отдал требуемые распоряжения, чтобы Алжир и Тунис создали и держали в готовности все военные соединения, предусмотренные в моих телеграммах № 9705 1/11 от 3 декабря 1924 года и № 752 1/11 от 29 января 1925 года. Окончательное решение относительно присылки этого подкрепления будет принято позднее, как только будет образовано новое правительство».

* * *

Мой провал в сенате вызвал за границей торжество газет, враждебных демократии.

* * *

В Америке многие газеты радовались отмене проекта налога на капитал, который вызвал их беспокойство еще в ту пору, когда его потребовали английские социалисты до прихода к власти Макдональда. Но «Нью-Йорк таймс» и «Нью-Йорк уорлд» в дружественных выражениях комментировали мои усилия, направленные на достижение мира. Брюссельская газета «Пёпль» заявляла 12 апреля 1925 года, что, находясь у власти, я вел себя как «хороший человек, честный гражданин и твердый республиканец». «Эррио, – писала она, – пал потому, что, верный программе «Левого блока», всегда управлял в полном согласии с социалистами. Таковы истинные причины этого взрыва ненависти

и лютой травли, которой он подвергся со стороны церкви, ведущих банков, крупных магнатов промышленности и угля, всемогущих компаний и их лакеев в парламенте».

Председательство в палате (22 апреля 1925 года)

22 апреля 1925 года меня избрали председателем палаты 266 голосами из 267 поданных голосов; 35 депутатов, отсутствовавших в момент голосования или находившихся в отпуске, заявили, что, если бы они присутствовали, они голосовали бы за меня. Г-н Клемантель сделал перед демократической левой сената доклад о положении казначейства и о текущем долге с 1 июля 1924 года по 1 апреля 1925 года. Он сожалел, что я не уполномочил его выступить перед высоким собранием, и напомнил о том, что в декабре 1923 года тайное авансирование достигло 1 миллиарда 200 миллионов и что через пять дней после моего прихода к власти эти тайные авансы достигли цифры в 2 миллиарда 425 миллионов (1 миллиард 185 миллионов у Французского банка и 1 миллиард 240 миллионов у других банков). Он указал, что при нашем правительстве казначейство было вынуждено выплатить сверх нормальных расходов бюджета 2 миллиарда 435 миллионов. *К моменту отставки моего кабинета государственный долг Франции уменьшился на 5 миллиардов 496 миллионов.* По мнению г-на Клемантеля, дефицит объяснялся бесплодностью реестра купонов, превышением кредитов и бешеной кампанией, вызвавшей кризис доверия, утечку капиталов за границу и тезаврацию денежных знаков («Le Temps», 24 avril, 1925).

На следующий день после столь страстных дебатов, 23 апреля, я был удивлен, увидев, что палата очень благожелательно отнеслась к моему выступлению, в котором я заявил о своем намерении гарантировать права всех и в то же время сохранить верность своим убеждениям, своим друзьям, нашим общим принципам и республике, «благодаря которой была спасена Франция». Даже центр частично присоединился к дружественным изъявлениям левой и крайней левой. Впрочем, в тот же день г-н Бедус выразил мне свою благодарность за то, что было сделано моим правительством для амортизации долга.

* * *

26 апреля 1925 года в Каркассонне г-н Морис Сарро, всегда

сохранявший мне верность, защищал мое правительство перед федерацией радикал-социалистов Ода. «Нельзя отрицать того, – заявил он, – что в последние месяцы этого кабинета утечка капиталов и выплата по облигациям создали в известных кругах почти невыносимую атмосферу враждебности по отношению к правительству. Маскируя свои темные замыслы, пропагандисты во главе с кюре, кардиналами и епископами периодически собирали под предлогом защиты религиозных убеждений тысячные толпы, внушая им идею, которая под лицемерной видимостью критики политического порядка должна была вызвать финансовые осложнения. «Мы не верим, чтобы кабинет Эррио мог руководить делами Франции». Когда те, кто обладает состоянием, те, кто может вызвать кризис казначейства в зависимости от того, предоставят они государству кредит или нет, когда они ежедневно слышат, как повторяют: «не следует доверять главе правительства», то наступает час, когда они начинают опасаться за свои деньги и вырастают перед окошечком государственной кассы, требуя, чтобы им вернули их вклады. Именно это и произошло с кабинетом Эррио».

16 октября 1925 года в Локарно были подписаны или парафированы знаменитые соглашения.

* * *

1. Соглашение между Германией, Бельгией, Францией, Великобританией и Италией, в силу которого Высокие Договаривающиеся Стороны гарантировали сохранение территориального статус-кво, то есть неприкосновенность границ между Германией и Бельгией и между Германией и Францией, как они были установлены в Версале, и соблюдение статей 42 и 43, касающихся демилитаризованной зоны. Германия и Бельгия, Германия и Франция взаимно обязывались не прибегать ни к каким нападениям или вторжениям и ни при каких обстоятельствах не прибегать к войне. Эти державы соглашались разрешать мирным путем все спорные вопросы. Каждая из договаривающихся держав должна была немедленно предоставить свою помощь той стороне, которая стала бы жертвой нарушения этих обязательств. 2. Арбитражная конвенция между Германией и Бельгией. 3. Арбитражная конвенция между Германией и Францией. 4. Договор об арбитраже между Германией и Польшей. 5. Договор об арбитраже между Германией и Чехословакией. 6. Договор между Францией и Польшей. 7. Договор между Францией и Чехословакией.

Для ясности событий, которые произошли позднее, я хочу обратить внимание на два из этих текстов. В том что касается Польши, Франция приняла на себя в Локарно 16 октября 1925 года обязательство, в силу которого, если бы Польша стала жертвой неспровоцированного применения оружия, Франция должна была бы оказать ей «немедленную помощь и поддержку». Не менее четко был сформулирован договор между Францией и Чехословакией. Поскольку нашлись такие юристы, как г-н Жозеф Бартелеми и г-н Анатоль де Монзи, оспаривающие их смысл и значение, я хочу напомнить всем добросовестным и здравомыслящим французам следующий текст, подписанный гг. Аристидом Брианом и Эдуардом Бенешем:

> «Ст. I – В том случае, если Чехословакия или Франция станут жертвой нарушения обязательств, принятых сего числа между ними и Германией в целях сохранения всеобщего мира, Франция и соответственно Чехословакия, действуя во исполнение статьи 16 Устава Лиги наций, *обязуются оказать друг другу немедленную помощь и поддержку,* если это нарушение будет сопровождаться неспровоцированным применением оружия.
>
> В том случае, если Совет Лиги наций, вынося постановление по вопросу, переданному на его рассмотрение в соответствии с указанными обязательствами, не сможет добиться принятия своего доклада всеми своими членами, помимо представителей спорящих сторон, и если Чехословакия или Франция подвергнутся неспровоцированному нападению, Франция или соответственно Чехословакия, действуя во исполнение статьи 15, примечание 7-е, Устава Лиги наций, должны быть готовы тотчас оказать ей помощь и поддержку».

Все совершенно ясно. И Франция не выполнила своего обязательства. Франко-польский договор, составленный в тех же выражениях, что и франко-чехословацкий, был сформулирован не менее решительно. Поэтому трудно понять, в силу каких соображений был поднят в сентябре 1939 года вопрос о том, обязано ли правительство консультироваться с палатами по поводу объявления войны. Здесь был *казус федерис,* поскольку текст от 16 октября 1925 года был одобрен парламентом наравне с остальными Локарнскими соглашениями.

* * *

Я по-прежнему поддерживал отношения с советскими руководителями. 26 октября 1925 года Чичерин прислал мне из Висбадена следующее письмо:

> «Дорогой председатель и друг, через три дня будет годовщина знаменательного события, участником которого вы были, когда рухнула разрушенная вами стена, разделявшая наши страны. То, что вы сделали, войдет в историю отношений между нашими странами. Всякое начало трудно, особенно если препятствия так многочисленны. Первые шаги по открытому вами новому пути были омрачены многочисленными тучами, но иначе и не могло быть. Но уже ощущается сила вдохновлявшей вас идеи, которая скажется целиком в будущем. Незабываемая роль, которую вы сыграли, навечно создала между нами прочные и длительные связи; я твердо рассчитываю на ваше сотрудничество в будущем в деле объединения наших народов и в деле мира. Примите, мой дорогой председатель и друг, чистосердечные и искренние уверения в моей неизменной и глубокой дружбе и моем высоком уважении к вам.
>
> *Георгий Чичерин».*

Со своей стороны Жан Эрбетт, наш посол в Москве, направил мне 24 октября 1925 года письмо, укрепившее меня в моих убеждениях. «Истекает год с того момента, как вы признали СССР. Я глубоко убежден, что никто и не подумает поблагодарить вас за то, что вы взяли на себя эту ответственность и оказали эту услугу. Великие дела, как и большие горы, видны в своих подлинных пропорциях лишь издалека. Но вы позволите мне, который, находясь здесь и видя весь вред, нанесенный нашим интересам за эти семь лет разрыва, и все возможности, возникшие после признания 1924 года, воздать должное тому добру, которое вы сделали. Вы вновь открыли дверь, через которую должна пройти Франция, чтобы избежать смертельной опасности для своей целостности и независимости. Наше спасение лишь в том, чтобы установить и поддерживать с возрождающейся сейчас Россией такие отношения, которые исключили бы русско-германское сотрудничество против Франции и против друзей Франции. Мы являемся континентальной нацией и не можем жить свободными,

если на континенте не существует равновесия. Однако равновесие станет невозможным в тот день, когда Германия и Россия, обе возродившиеся, окажутся на одной и той же чаше весов.

Результаты Локарно дают нам возможность сделать если не первый шаг к сближению с Россией, то по крайней мере первый шаг к разрядке напряжения. Русские нуждаются в этом, чем и объясняется замена г-на Красина г-ном Раковским. Тем не менее переговоры представляют очень тонкое и, может быть, трудное дело: когда узнаешь эту страну, для которой пространство и время не имеют значения и которая замкнулась в себе с тех пор, как была блокирована в результате мировой войны, постигаешь, что здесь ничего не делается с той быстротой, с которой мы придумываем наши решения. Но, живя здесь, в то же время узнаешь, что увертки и проволочки со стороны русских нельзя считать признаком злой воли. Если будешь терпеливым и справедливым и сможешь сохранить улыбку на устах и трепет в сердце, то преодолеешь все препятствия. Басня о «Путешественнике, солнце и ветре», вероятно, придумана кем-нибудь, кто побывал у скифов…»

25 ноября 1925 года мне снова поручили формирование кабинета. Я тотчас созвал руководящие комитеты левых групп сената и палаты. Без малейшего промедления, как подтверждают это протоколы канцелярии председателя палаты, я предложил группе социалистов участвовать в формировании кабинета. Я еще раз заявил, что готов обсудить условия, на которых она согласна сотрудничать, а равно и программу правительства. 26 ноября группа социалистов заявила о своей готовности сотрудничать «при условии, что в своих действиях правительство будет отдавать предпочтение тем решительным и энергичным постановлениям, которые потребовались бы для спасения страны»; однако они добавили, что «концепция правительственной деятельности не соответствует той ответственности, которую им предложили взять на себя». Между тем я предложил исполнительной комиссии распределение портфелей, соответствующее численному значению групп, представленных в кабинете. Это была вполне лояльная формула, и даже единственно лояльная. Я также предложил выработать программу, которая могла бы быть осуществлена при поддержке левых групп. Таков был смысл моих заявлений на собрании 25 числа. Эти предложения показались недостаточными.

16 декабря 1925 года гг. Жак-Луи Дюмениль, Пальмад и Кей представили проект закона относительно «достижения *сбалансированного бюджета 1926 года путем изменения основы подоходного налога*» (Палата, № 2244.)

* * *

В начале 1926 года г-н посол Анри Беранже вел в Вашингтоне переговоры, завершившиеся соглашением о долгах от 29 апреля 1926 года. Это соглашение включало две категории положений: первые устанавливали размер долга и шкалу ежегодных взносов, вторые относились к порядку и форме взносов. Г-н Анри Беранже тщетно пытался включить в соглашение пункт, позволяющий Франции добиться пересмотра своих платежей в случае несостоятельности Германии. Американская комиссия по долгам категорически возражала против включения этой оговорки. «Что касается спасительного пункта, – писал г-н Беранже в своем докладе от 16 июля 1926 года, – то, несмотря на все мои доводы о справедливости, политической психологии и добросовестности, министр финансов отказался рассмотреть даже возможность его включения». В самом деле, г-н Меллон писал 17 апреля г-ну Беранже:

> «Как я уже доводил до вашего сведения, нельзя внести пункт о пересмотре в соглашение о французском долге Америке. Американская комиссия по долгам всегда отказывалась принять такой пункт о пересмотре, хотя подобная просьба неизменно выдвигалась почти во время всех переговоров по урегулированию. Если ваше правительство будет настаивать на включении этого пункта, то такая позиция, по моему мнению, помешает достижению какого-либо соглашения».

До соглашения французский долг, установленный приблизительно в размере 4025 миллионов долларов, мог быть востребован по предъявлении в пределах примерно 3600 миллионов долларов и в 1929-1930 годах – в сумме остатка. Комиссия по долгам соглашалась продлить срок погашения на 62 года. Ежегодные взносы, предусмотренные соглашением, включали платежи номинальной суммы лишь в течение первых пяти лет; после первых пяти платежей, сокращенных до сумм в 30; 30; 32,5 и 25 миллионов долларов, ежегодные взносы в течение 12 лет возрастали с 40 миллионов до 125 миллионов долларов начиная с 17 года. Действительная стоимость предусмотренных соглашением платежей выражалась в следующих цифрах (в тысячах долларов):

по 3-процентным облигациям	2 734 000
по 4,5-процентным облигациям	1 996 509
по 5-процентным облигациям	1 681 369

против номинальной стоимости в 4025 миллионов долларов. Таким образом, достигнутое снижение составляло 33 процента по трехпроцентным облигациям, 50 процентов по 4,5-процентным облигациям и 58,3 процента по пятипроцентным облигациям на сумму первоначального номинала. Для тех, кто хочет как следует разобраться в проблеме долгов, необходимо сделать еще несколько уточнений. На 15 июня 1925 года американское казначейство располагало по французскому политическому долгу облигациями на сумму 2 933 171 516, 25 доллара. По этим облигациям французское казначейство в соответствии с конвенциями 1918 года должно было выплачивать 5 процентов, уплату которых перестали с него требовать начиная с 15 мая 1919 года.

Несмотря на конвенции от 1 августа 1919 года, от 5 января 1920 года и от 9 марта 1920 года, в силу которых Франция должна была погасить свой коммерческий долг, так называемый товарный долг, путем трех массовых платежей 1 августа 1929 года, 9 мая 1930 года и 5 июля 1930 года, несмотря на это, комиссия по долгам согласилась применить к товарному долгу, как в прошлом, так и в будущем, те же условия погашения, что и для политического долга. Сумма коммерческих бон 1919 года была прибавлена к сумме облигаций политического долга. Я прошу обратить внимание на это обстоятельство. Купить товары, не заплатить за них и перепродать их – это то, что на особом жаргоне называется *«карамбуль».* Легко понять, почему позднее я отказался стать «*карамбулером».*

Другой важный факт. Было решено, согласно 2 статье соглашения, что, предупредив за 90 дней, Франция сможет перенести, до 15 июня 1932 года, частично или целиком платежи, превышающие 20 миллионов долларов, а после 1932 года всякий платеж основной суммы – в течение трех лет. Этот пункт, о котором я напомнил в 1932 году, позволял нам в трудный момент отсрочить уплату части ежегодных взносов.

По прибытии в Вашингтон посол Анри Беранже, вручая президенту Кулиджу свои верительные грамоты, 21 января 1926 года, сказал:

> «Что касается финансового урегулирования обязательств, взятых на себя Францией в связи с последней войной 1914-1918 годов, то она вновь подтверждает свою верность принципу святости международных соглашений. Невзирая на трудности восстановления, связанные с разрушениями, причиненными последним вторжением, Франция полна

решимости погасить долги, на которые она пошла во имя своей защиты и защиты цивилизации, в наиболее короткий срок и настолько полно, насколько ей это позволяют ее теперешние и будущие возможности. Франция понимает, что нельзя добиться восстановления равновесия международной экономики, если все в мире не будут выполнять своих внутренних и внешних обязательств путем строгого восстановления кредита и доверия».

Чудесные слова! Впоследствии мы увидим, к каким последствиям они привели. Соглашение, названное соглашением Меллон – Беранже, было подписано 29 апреля 1926 года. Г-н Бриан, председатель совета министров, и г-н Пере, министр финансов, предложили палате его одобрить в виде проекта закона от 27 мая 1926 года.

18 июня 1926 года мне снова предложили сформировать кабинет. Понимая, что необходимо расширить правительственную платформу, я обратился не только к левым партиям, но и к г-дам Люсьену Ромье, Пьетри, Шампетье де Риб. Во второй половине дня в субботу, 19 июня, я вновь повторил свое предложение делегатам социалистов, но напрасно. Я потерпел неудачу.

Сразу же после соглашения Меллон – Беранже г-н Кайо возобновил в Лондоне в июле 1926 года переговоры, прерванные по случаю отставки г-на Рауля Пере. Как и соглашение Меллон – Беранже, соглашение от 12 июля 1926 года содержало две серии статей – одни, касающиеся окончательного расчета и ежегодных взносов в счет погашения французского долга, другие, касающиеся порядка платежей Франции Англии. Французский долг должен был быть погашен в 62 года: путем ежегодных взносов, возрастающих от 4 миллионов до 10 миллионов фунтов стерлингов в течение первых четырех лет, путем 27 взносов по 12,5 миллиона фунтов стерлингов и 31 взноса по 14 миллионов фунтов стерлингов.

К соглашению было приложено несколько писем. В первом из них г-н Кайо указывал, что, беря на себя ответственность за подписание соглашения от 12 июля 1926 года, он должен заявить, что, по мнению французского правительства, возможность обеспечения в будущем уплаты и перевода сумм, необходимых для погашения французского долга Соединенным Штатам и Великобритании, в значительной степени зависела от сумм, подлежащих получению, от Германии в силу плана Дауэса. Таким образом, если бы, помимо воли Франции, эти доходы перестали

поступать полностью или частично, причем эта часть должна превышать половину, возникло бы новое положение. Исходя из этого, французское правительство оставило за собой право заново обсудить вопрос в свете этих обстоятельств.

Г-н Черчилль дал следующий ответ:

«12 июля 1926 года.

Дорогой господин Кайо.

Я получил ваше письмо от 12 июля текущего года. Как я вам уже указывал, правительство Его Величества должно придерживаться точки зрения, согласно которой урегулирование военного долга Франции, которого мы достигли, зависит, как и сам этот долг, только от ответственности Франции.

Угодно ли вам будет обратить внимание, что изложенная вами гипотеза предполагает также уменьшение доходов от плана Дауэса и для Великобритании, доходов, которые мы приняли в расчет при урегулировании различных вопросов военных долгов. Это и есть один из тех факторов, о которых следует помнить, если бы правительство пожелало рассмотреть вопрос заново.

Помимо изложенных мною здесь оговорок, у меня нет возражений против сделанного вами заявления.

В случае если бы было сделано какое-нибудь изменение, мне кажется, я был бы вправе ожидать, что для уравнения положения всех кредиторов и другие страны-кредиторы Франции приняли бы в соображение аналогичное изменение должных им сумм.

Уинстон Черчилль».

13 июля 1926 года г-н Черчилль, выступая в палате общин, говорил о значении этого пункта.

Соглашения Меллон – Беранже и Кайо – Черчилль были представлены в 1926 году в бюро палаты в форме законопроектов, подлежащих ратификации (№№ 2915 и 3211).

Когда в субботу, 17 июля 1926 года, я выступил в прениях, за которыми последовало падение кабинета Бриана – Кайо, меня подозревали в том, что я хотел завладеть властью. Это обвинение

не выдерживает никакой критики. Начиная с 10 апреля 1925 года мне уже два раза предлагали сформировать кабинет, и я оба раза отказался. С другой стороны, нужно было рассуждать уж слишком поверхностно, чтобы предположить, что человек, занимавший спокойно и неоспоримо пост председателя палаты, то есть являвшийся третьим высшим должностным лицом в государстве, пожелал бы броситься в жуткую свалку. Когда пишут политическую историю, слишком часто забывают принимать в расчет убеждения.

Утверждали также, что я действовал из личной неприязни к г-ну Кайо. Нет ничего более неверного. При предшествующем парламенте я защищал изо всех сил, нередко подвергаясь за это озлобленным нападкам, осужденного Верховным судом. Я всеми силами протестовал против чудовищных вещей, в которых его так недостойно и несправедливо обвиняли. Более того, я думал и продолжаю думать до сих пор, что г-н Жозеф Кайо оказал республике огромную услугу, сыграв большую роль в установлении подоходного налога. Я думал и продолжаю думать до сих пор, что в марокканском вопросе он сумел избежать войны и дал восторжествовать нашим интересам. Я восхищался его образованностью и мужеством. Он часто вел со мной откровенные беседы. Однажды, предлагая мне от имени Бриана портфель, он сказал: «Напрасно все считают меня злым. Я просто старый избалованный ребенок. В своей семье я слишком рано привык к полному благосостоянию»[108]. Но я отстаивал свое право не разделять его точку зрения на роль исполнительной власти в критические моменты. Наша переписка, вполне дружественная в остальном, свидетельствует о разногласиях в этом вопросе.

Вечером 16 июля, после заседания, посвященного запросам, когда я не мог ни на минуту покинуть свое председательское кресло, я узнал, что правительство представило финансовой комиссии проект о так называемых чрезвычайных полномочиях и добилось утверждения его. Что же произошло в комиссии? Об этом свидетельствует официальный протокол. Председательствовал г-н Анри Симон. Г-н Кайо заявил, что со времени его последнего доклада в палате финансовое положение приняло такой характер, что меры, предложенные правительством, становятся все более неотложными. У него никогда и в мыслях не было, сказал он, посягать на права парламента; однако при нынешних чрезвычайных обстоятельствах необходимо временно отменить некоторые его прерогативы, чтобы справиться с самым неотложным. Правительственный проект имеет своей целью преградить путь падению франка с помощью мер, которые сможет провести только

правительство, располагающее чрезвычайными полномочиями. Радикальным средством для улучшения положения является стабилизация франка; этой стабилизации должен предшествовать, подготовительный период: прекращение обесценения валюты. Правительство требует этих полномочий не для того, чтобы ввести новые налоги, но для того, чтобы упорядочить старые, подлежащие, впрочем, ратификации законодательным путем.

Г-н Бриан отметил полное согласие между членами кабинета и настаивал на преимуществах быстрой процедуры. Председатель совета министров потребовал также, чтобы комиссия в кратчайший срок занялась изучением соглашений, касающихся межсоюзнических долгов. 19 членов комиссии задали министру финансов разные вопросы как конституционного, так и технического порядка. После того как члены правительства удалились, комиссия рассмотрела следующий вопрос: намерены ли члены комиссии перейти к обсуждению двух статей законопроекта? Произошло поименное голосование. Переход к обсуждению статей был одобрен 15 голосами против 10 при 13 воздержавшихся.

Вслед за голосованием г-н де Шапделен предложил дополнить текст статьи 1 в качестве приложения мерами, перечисленными в изложении мотивов. Г-н Жакье предложил изменить статью 1, специально оговорив, что правительству будет разрешено принимать путем декретов меры для финансового оздоровления «в пределах принятых им на себя обязательств в его изложении мотивов». Комиссия вновь заслушала г-на Кайо по поводу этих двух предложений. Относительно первого он заявил, что он против процедуры, «которая загромоздила бы проект и чрезмерно затянула бы прения». Когда же министра спросили, как он относится к поправке г-на Жакье, он заявил, что, не возражая против нее, он предпочитает придерживаться правительственного проекта и не упоминать в законодательном тексте обязательств, достаточных самих по себе. 14 голосами против 13 комиссия отвергла поправку г-на Жакье. Затем она одобрила 8 голосами (против никого) текст статьи 1, измененный г-ном де Шапделеном следующим образом: «Правительство имеет право до 30 ноября 1926 года проводить посредством декретов, обсужденных и одобренных советом министров, финансовые реформы, а также восстанавливать стабильность валюты в соответствии с указаниями, перечисленными в приложении». После этого комиссия приняла весь текст.

Когда я узнал о голосовании комиссии, моя политическая совесть восстала против этого. В пятницу вечером и в субботу

утром я советовался с несколькими близкими друзьями, разделившими мои опасения. Я хорошо помню их имена, но предпочитаю не называть их, чтобы не создать впечатления, что я перекладываю на них хотя бы малейшую долю той ответственности, которая должна лежать на мне одном. План, на который мы рискнули пойти, имел, на мой взгляд, тот недостаток, что он связывал наше финансовое восстановление с целой системой внешних займов, то есть с новой задолженностью Франции. Он предполагал, что мы немедленно согласимся на ряд важнейших дипломатических актов, и ставил наше восстановление в зависимость от этого согласия. Не подлежит сомнению, что мы задолжали американцам и англичанам, и я хотел выплатить эти долги (что я превосходно доказал позднее), но надо было, чтобы это было проведено на основе свободных соглашений, свободно обсуждаемых и заключаемых.

Наконец, и именно это требовало от председателя палаты депутатов выполнения его долга, законопроект от 9 июля 1926 года со своими двумя статьями (Палата, № 3192) разрешал правительству до 30 ноября 1926 года принимать путем декретов, обсуждаемых советом министров, *все меры, необходимые для финансового восстановления и стабилизации валюты.* «Те из этих декретов, говорилось в статье 2, которые содержат фискальные мероприятия, подлежат ратификации законодательным путем при открытии очередной сессии 1927 года, *причем меры, которые они предпишут, будут считаться окончательно принятыми».* Фактически это означало приостановление полномочий парламента до конца текущего года, особенно в вопросе налогов, как это указывалось в изложении мотивов законопроекта.

Правительство оставляло за собой право пересмотра тарифа общего подоходного налога, снизив примерно на 30 процентов ставки самого высокого разряда; изменения тарифов налога, взимаемого при переходе права собственности к новому лицу; снижения ставок налога на передачу и на денежные переводы за границу, увеличения ставок шедулярных подоходных налогов; допускать перенос просроченных платежей по налогу на промышленную и коммерческую прибыль; изменения росписи сельскохозяйственных прибылей; отмены реестра купонов; повышения пошлин, например на колониальные товары и сахар, равно как почтовых, телеграфных и телефонных тарифов; что касается налога на торговые обороты – введения единой двухпроцентной ставки для внутреннего рынка, а также для импорта, в отношении сделок, не относящихся к категории предметов роскоши; повышения железнодорожных тарифов; пересмотра окладов, пенсий и всевозможных вознаграждений;

запрещения некоторых видов импорта.

Существуют процедуры, которые могут увлечь страну дальше тех пределов, которые были для них намечены, и могут создать опасный прецедент. Тот председатель палаты, который в этих обстоятельствах не заявил бы о правах и обязанностях парламента, был бы, на мой взгляд, бесчестным председателем. «Настанет, быть может, день, – говорил я перед федерацией радикалов Роны 17 августа 1926 года, – когда меня поблагодарят за то, что я защищал институты и методы, необходимые для жизни партий и развития страны на путях законности».

Я старался выполнить свой долг, сохраняя, насколько это было возможно, самый примирительный тон.

* * *

Кабинет Бриана – Кайо пал. Общественное мнение было введено в заблуждение ложной информацией, согласно которой я якобы предлагал свои услуги в качестве главы правительства. Это сообщение было ложным. Г-н президент республики поручил мне сформирование кабинета, указав, что это является моим долгом. Я был убежден, что подвергну себя опасности скорого падения, и указал на это главе государства, на которого это не произвело большого впечатления и который не пожелал посчитаться с моими доводами.

* * *

18 июля 1926 года я вновь обратился к социалистам с предложением о сотрудничестве. Я писал им: «Серьезность положения требует от меня быстрых решений, поэтому я прошу вас быть столь любезными и ответить мне нынче же вечером». Мне передали следующую резолюцию: «Перед лицом политической проблемы, возникшей в связи с новым правительственным кризисом, Постоянная административная комиссия заявляет в соответствии с решениями съезда, что социалистическая партия не может участвовать в правительстве, созданном другой политической партией. Она считает, что политика эвентуальной поддержки возможна лишь в границах, установленных съездами в Гренобле и в Клермон-Ферране».

Впрочем, 18 июля Леон Блюм писал мне в следующих выражениях: «Социалистическая группа, ознакомившись с письмом, которое вы ей направили, выражает вам свою

благодарность. Она с живейшим удовлетворением заслушала отчет своих представителей о беседе, которую они имели с вами, и была счастлива узнать, что, добиваясь разрешения финансового и валютного кризиса, нависшего над страной, вы стремитесь приблизиться к принципам, вдохновлявшим ее собственные решения. Вот почему, отвечая на предложение, содержащееся в вашем письме, она не ограничивается ссылкой на решения последнего съезда, которыми она руководствуется в своих действиях. Она хочет подчеркнуть, что участие в кабинете не является, по ее убеждению, той формой сотрудничества, которая позволила бы ей оказать наиболее действенную поддержку правительству, которое вы собираетесь создать. В самом деле, партия неизбежно будет более требовательной в вопросах программы и методов действия правительства, в котором она примет участие, чем в отношении программы и методов действия того правительства, которому она будет оказывать парламентскую поддержку. И, может быть, ей будет легче прийти к единогласию по вопросу этой поддержки, в то время как относительно вхождения в правительство большинство высказалось против. Социалистическая группа вновь заверяет вас, что усилия, которые вы предпримете для оздоровления финансов и восстановления валюты ценой напряжения сил всей нации, получат с ее стороны в соответствии с буквой резолюций ее съездов поддержку, лояльность которой проверена опытом». Я достиг согласия с представителями социалистов относительно необходимости искать путей финансового оздоровления, прибегая лишь к внутренним средствам. И все же они вновь отказали мне в поддержке.

Таким образом, я сформировал правительство из представителей своей партии и нескольких членов близких нам группировок. Я пытался осуществить национальное единство, необходимость которого казалась мне отныне неоспоримой и во главе которого мне хотелось бы видеть партию радикалов. Но все было тщетно. Оказывается, только вожди правой обладают необходимыми качествами для осуществления национального единства! Г-н Кольра стал вице-председателем совета и хранителем печати. Г-н де Монзи мужественно возглавил снова министерство финансов. Отчет показал, что правительство находится перед лицом величайших трудностей, которые требуют немедленного разрешения.

Состав правительства был опубликован 20 июля в «Журналь оффисьель».

21 июля г-н Моро, управляющий Французского банка, направил министру финансов следующее письмо с копией на мое

имя:

> «Как я уже имел честь устно сообщить вам вчера вечером, положение счета казначейства в банке еще более ухудшилось за минувший день. Сегодня утром лимит сумм, которыми казначейство вправе законно распоряжаться уменьшился до 60 миллионов франков. Приходится опасаться, как бы его окончательно не исчерпали за сегодняшний день и как бы наша еженедельная сводка, которая будет составлена вечером и опубликована завтра, не обнаружила превышения законного лимита авансов государству, в связи с чем банк был бы вынужден приостановить по всей стране платежи по счету казначейства.
>
> Дабы немедленно обеспечить казначейству необходимые средства в ожидании результатов тех мер, которые ваш предшественник хотел осуществить, последний собирался уступить банку свободный остаток валюты, сохранившийся от займа Моргана.
>
> Я дал ему знать в своем письме от 19 июля, что генеральный совет согласился бы на эту операцию на условиях, изложенных в этом письме, и после того как правительство получит разрешение парламента.
>
> Дабы не повредить мерам, которые надлежит принять правительству, чтобы обеспечить в дальнейшем регулярный приток средств казначейства, если только ваше министерство не располагает ресурсами, могущими быть реализованными немедленно, вроде тех, которые мог бы ему дать, например, учет части его портфеля, я считаю уступку упомянутой валюты, сегодня же одобренную обеими палатами, единственным средством избежать опубликования завтра задолженности казначейства банку и приостановки платежей, которое неизбежно последует за этим».

Нам приставили нож к горлу. Мне было известно отношение г-на Моро к левым политическим деятелям. Я выслушал его во время беседы, на которую он позднее сослался в статье в «Ревю де дё монд». Я показался ему очень смешным со своими разговорами о беспокойстве патриота, как и любой француз, верящий в возможность вести в такое время подобные разговоры с другим французом. Я был, очевидно, приговорен заранее. Но, конечно,

меня заботила не судьба моего правительства. Я лишний раз убедился в том, как в трагические минуты власть денег торжествует над республиканскими принципами. В государстве, являющемся должником, демократическое правительство – раб. После меня в этом могли убедиться и другие. Будем надеяться, что этой муки избегнут впоследствии остальные! Если бы поставленная таким образом проблема оставалась бы неразрешимой, это противоречие имело бы для капитализма тяжелые последствия.

Во всяком случае, у нас не было выбора. Мы решили ускорить созыв палат и, прежде чем излагать наши финансовые проекты, потребовать голосования доверия, необходимого для всякого правительства, и одобрения проекта Моргана. Против нас была развязана кампания. Она дошла до форменного призыва к убийству. Сформированное мною правительство было в свою очередь опрокинуто. По крайней мере мне удалось заявить о своем убеждении, что страна должна «сама себя спасти». «Мы являемся принципиальными сторонниками абсолютной независимости ее действий во всех областях, – заявили мы. Амортизационная касса должна быть независимой, и мы склонны утвердить ее дотации в случае надобности путем конституционных законов… Чтобы вознаградить держателей французских рент за принесенные ими жертвы, необходимо ввести равномерный налог на все статьи актива, не используемые для государственного кредита… Чтобы осуществить эту чрезвычайно срочную меру, мы добились республиканского единства, вполне совместимого с разделениями, к которым привела избирательная система, которую невозможно долее сохранять». Пока палата обсуждала запросы, вокруг Бурбонского дворца происходила манифестация. На бирже разразилась буря. Во вторник, 20 июля, курс фунта стерлингов поднялся до 240 франков 25 сантимов. Но в пятницу, 16 июля, то есть до моего выступления, он котировался в 208 франков 75 сантимов. В среду, 21 июля, перед моим падением, курс фунта был равен 222 франкам 75 сантимам.

Кабинет Пуанкаре (июль 1926 года – июнь 1928 года)

Единая школа

Формирование кабинета было поручено г-ну Пуанкаре. Сделав мне первый визит вежливости, он при втором свидании, 23 июля, ближе к полудню, попросил моего сотрудничества. Он заявил мне о своем намерении создать не политический, а национальный кабинет, правительство франка. Он резервировал четыре портфеля для партии радикалов и радикал-социалистов, два – для партии независимых социалистов и один – для радикальной левой. Поскольку он сам должен был немедленно дать ответ, он просил меня. сообщить ему мое решение не позднее середины дня.

Одно было несомненно. Ни в случае отказа, ни в случае согласия я не мог посоветоваться со своей партией. Я должен был принять решение самостоятельно. Я не в силах выразить, что я пережил в этот момент; впрочем, каждый человек с сердцем меня поймет. Я был разбит, но я сражался. Лишенный поддержки части левых, я вынес со своими друзьями-радикалами всю тяжесть борьбы. При данном составе палаты мой отказ делал невозможным создание правительства или большинства в палате, тогда как положение ухудшалось с каждым часом. Я думал о том, что приостановка платежей банком может привести к гибели республики – в результате обесценения национальной валюты, повышения цен и снижения реальной заработной платы. Я не хочу произносить громкие фразы, говорить о жертве во имя родины. И все же я думал о своей стране больше, чем о себе. Я знал, сколько это вызовет ненависти и злобы со стороны тех, кто, может быть, оставался на берегу, пока я барахтался в потоке, но я согласился.

Надо полагать, что финансовые трудности носили отчасти искусственный и политический характер. Едва было создано правительство Пуанкаре, как непосредственная угроза исчезла как по волшебству. Правительство смогло разработать свою программу и найти время, чтобы заставить одобрить ее. Я получил удовлетворение в одном важном пункте. Финансового оздоровления решено было добиться без помощи внешних займов. В законе, принятом парламентом, налоги на потребление составляли не более трети того, что взимали с налогоплательщиков. Цена на хлеб снизилась. Приобретенное богатство впервые вынуждено было чем-то поступиться. Налог на первую передачу собственности, введения которого я требовал и добился, представлял, в сущности, семипроцентный налог на капитал, распространявшийся отныне на все передачи недвижимой собственности и прав на недвижимую собственность,

торговых предприятий или клиентуры, так же как на обмен и раздел тех же имуществ. Таким образом, приобретенное богатство должно было непосредственно содействовать погашению долга и финансовому оздоровлению страны.

В сущности, я оказался в таком же положении, как Вандервельде в Бельгии или Самба и Гед во Франции.

В четверг, 20 мая 1926 года, Генеральный совет бельгийской «рабочей партии» и Национальный комитет «Синдикальной комиссии» собрались в Народном доме в Брюсселе, чтобы обсудить предложение о вхождении в состав правительства, сделанное «рабочей партии» г-ном Жаспаром. Собрание выразило согласие 63 голосами против 11 при 3 воздержавшихся, подразумевая, «что дело идет о правительстве Национального единения временного характера, созданном прежде всего с целью оздоровления финансового положения страны». («Le Peuple», 21 mai 1926.)

И все же несомненно, что политическая свобода была, как мне представлялось, вновь жестко ущемлена. Во Франции и в других странах держатели ценных бумаг, банкиры, стояли над политическими деятелями, они были подлинными хозяевами Франции, незримыми, но вездесущими. Разрешите в заключение привести еще несколько цифр. С апреля 1924 года по октябрь 1926 года, то есть за тридцать месяцев, казначейству пришлось уплатить в денежных знаках по краткосрочному или текущему долгу, помимо бюджетных платежей, 18 миллиардов 248 миллионов по внутреннему долгу и 4 миллиарда 320 миллионов по внешнему долгу, то есть всего 22,5 миллиарда. За это время казначейство получило в декабре 1924 года в виде компенсации в качестве внебюджетных ассигнований лишь одну эмиссию казначейских билетов сроком на десять лет на сумму 4 миллиарда 912 миллионов. В конечном счете за эти тридцать месяцев казначейство было вынуждено уплатить без компенсации по краткосрочному долгу и по текущему долгу сумму в 17 миллиардов 656 миллионов.

Я сохранил горячую признательность друзьям, которые меня не покинули. В газете «Пти провансаль» от 12 сентября 1926 года Жорж Понсо дружески поддержал меня против тридцати социалистов-избранников Лиона, требовавших моей отставки с поста мэра города. В «Котидьен» от 29 сентября 1926 года публицист-демократ Пьер Бертран, с его жесткой и ясной логикой, делал следующий вывод из событий: «В кризисе, через который прошла Франция и из которого она еще не вышла, важно не банкротство «Левого блока» и не разногласия в лагере радикалов или робость социалистов, – важно то, что весь мир

увидел власть денег над всеми органами общественной власти». Я принял портфель министра просвещения.

Очутившись на улице Гренель, я пожелал посмотреть свое личное дело. Уже в приемной начальника отдела среднего образования в незапертом шкафу я обнаружил копии моих аттестатов. Я довольно быстро удостоверился в том, как мало что изменилось с тех пор, как Куртелин писал здесь «Господа чинуши». Во главе крупных отделов я встретил товарищей, с которыми работал в полном контакте. Одной из особенностей характера питомцев университета является их чувство собственного достоинства и независимости. Меня восхищали доклады одного из таких генеральных инспекторов. Его характеристики были точны и кратки. Самонадеянный профессор был определен следующим образом: «Образцовая ограниченность». Старого чиновника заставили назначить в младшие классы одного из парижских лицеев приятельницу влиятельного человека. Он написал о ней: «Несравненная метресса»[109].

Меня иногда посещали выдающиеся люди. Однажды Жюль Камбон пришел ко мне по поводу рекомендации. Я сохранил к нему глубокую признательность и огромное уважение. Окно моего кабинета выходило в крошечный садик, где рос огромный платан, который так любил Жорес. Несколько минут Камбон предавался размышлениям: «Видите ли вы ту узенькую аллею, проходящую вдоль стены? – сказал он мне. – Я прогуливался по ней с Жюль Симоном, который пригласил меня в качестве сотрудника, когда Тьер поручил ему министерство просвещения в кабинете «умиротворения» 19 февраля[110]. Грохотали пушки инсургентов. Я возмущался ужасами гражданской войны. «И все же, – ответил мне Жюль Симон, – только она является законной». Странное признание со стороны человека, которого повстанцы держали пленником в ратуше!»

Меня беспокоило состояние национальной обороны.

12 января 1927 года в Елисейском дворце собрался Высший совет национальной обороны под председательством г-на Думерга, президента республики, и в присутствии вице-председателя, маршала Петена. Было принято следующее решение: «Принимая во внимание пограничную линию, скопление промышленных предприятий и близость Бельгии, *невозможно осуществить то, что называется непосредственным укреплением северной границы. Оборона этой границы должна заключаться в создании обороны в Бельгии или обороны в тылу…»*

* * *

Я посвятил себя главным образом проблеме так называемой *единой школы* по причинам, не утратившим своего значения и до сих пор. Именно среднее образование, через экзамен на степень бакалавра, сам по себе довольно бессмысленный, открывает доступ не только к высшему образованию, но и в специальные высшие учебные заведения и ко всем постам в общественных учреждениях, ко всем свободным профессиям. До тех пор пока это образование остается в какой-то степени классовым образованием, весь режим, на основе которого подбирается во Франции руководящая верхушка, будут считать в свою очередь противоречащим принципам истинной демократии. Всем гражданам, каково бы ни было их происхождение, должно быть предоставлено право доступа к любым должностям, руководствуясь при этом лишь их способностями и заслугами, – этот принцип неотъемлем от истинного понимания справедливости. С ним связана идея единой школы и бесплатность среднего образования, идущего вслед за начальным. Начиная с 1925 года были приняты некоторые меры, подготовившие эту реформу.

Со времени своего создания лицеи и коллежи дают не только среднее образование. Во все времена туда принимались дети самого младшего возраста для получения начального образования, отличающегося от образования в начальных школах, причем в коллежах и лицеях учителя имели специальное звание. Таким образом, это образование принадлежало фактически и юридически одной буржуазии. Следовательно, первая задача, которую надо было решить для подготовки единой школы, – это ликвидация этой двойственности образования. Это было достигнуто в результате четырех последовательных мероприятий: 1. При нашем правительстве 1924-1925 годов ученики публичных начальных школ могли быть приняты в начальные классы лицеев и коллежей на условиях бесплатного обучения и с учетом вакантных мест. 2. Декрет от 9 января 1925 года устанавливал единый конкурс на стипендии – отныне один и тот же экзамен открывал двери как в высшую начальную школу, так и в лицей или коллеж. 3. Декрет от 12 сентября 1925 года вводил единый преподавательский состав для начальных классов средних школ и для публичных начальных школ; таким образом, отменялся специальный преподавательский состав для начальных классов. По мере открытия вакансий прежний персонал заменялся преподавателями начальной школы. 4. Наконец, была установлена единая программа преподавания.

Собственно среднее образование начиналось с шестого класса и продолжалось до класса философии или математики. Было

важно сделать его легко доступным для способных учеников из публичных начальных школ. В этом отношении были приняты существенные меры: 1. Во многих небольших городах высшие начальные школы были присоединены к муниципальному коллежу, а кое-где и к лицею. Эти учебные заведения жили рядышком, без всякой взаимной связи и даже не зная друг друга. Декретом от 1 октября 1926 года был установлен единый курс обучения по тем предметам, которые были общими для учеников обоих заведений, а именно: по французскому языку, естественным наукам, истории, географии и живым языкам, – и читали их одни и те же учителя. Финансовым законом от 27 декабря 1927 года парламент вводил бесплатное образование от 6-го до 3-го класса во всех средних учебных заведениях, к которым должна была быть присоединена высшая начальная школа. Отныне не должно было быть учеников, оплачивающих и не оплачивающих одно и то же образование. Г-н Пуанкаре вполне понял все значение предложенной мной реформы. Он согласился на нее, руководствуясь той вдумчивой и убежденной демократической принципиальностью, за которую я его глубоко уважал. Г-н Шерон, славный нормандец, помог мне провести реформу через сенат, сделав вид, что не видит, куда она ведет. Так были заложены основы единой школы.

Я не сомневался, что эти первые мероприятия неизбежно получат дальнейшее развитие. В самом деле, как можно заставить платить после третьего класса тех детей, которые до того обучались бесплатно? Отсюда на основании закона от 30 декабря 1928 года бесплатное обучение было распространено на все классы «спаренных» заведений. Но как предоставить бесплатное обучение детям некоторых маленьких городов, потому что там высшая начальная школа присоединена к коллежу или лицею, в то время как во всем остальном французском государстве дети того же возраста и того же происхождения должны платить за обучение? Отсюда решающая статья финансового закона от 16 апреля 1930 года, устанавливавшая бесплатность обучения в шестом классе для всех публичных средних учебных заведений. Но на этом нельзя было остановиться – 31 марта 1931 года эту меру распространили на пятый класс. А в бюджете 1932 года она была предусмотрена и для четвертого класса.

Таковы были последствия декрета от 1 октября 1926 года, столь безобидного на первый взгляд. Все эти мероприятия были встречены простыми семьями с большим удовлетворением. В лицеях и коллежах для мальчиков количество учащихся 6-го класса возросло с 10 848 человек в 1929 году до 14 955 в 1930 году и до 20 469 человек в 1931 году; иначе говоря, увеличение

достигло 4107 учеников в первый год реформы и 5514 – во второй год.

24 ноября 1927 года я выступил перед палатой депутатов, чтобы объяснить, как я понимаю свою роль в министерстве просвещения. Я заявил, что остаюсь приверженцем реформы, которую не совсем правильно, но удобно называют реформой *единой школы,* то есть бесплатность обучения на всех ступенях. Возражения против этой реформы очень легко опровергнуть. Несправедливо утверждать, что она благоприятствует городским детям в ущерб детям крестьян. Деревенская семья, посылающая своего ребенка в лицей или коллеж, будет также освобождена от платы за экстернат; таким образом, затраты, которые она вынуждена еще нести до сих пор, будут облегчены. Только старый режим угнетал крестьянскую семью и препятствовал получению ее детьми среднего образования. Я доказал палате, что семьи, о которых говорят, будто они оплачивают расходы на образование своих детей, на самом деле оплачивают лишь часть расходов, основную тяжесть которых несет государство: в 1927 году 58 миллионов внесли семьи и 300 миллионов – государство. Иначе говоря, ученик, которого считали полностью оплачивающим свое образование, был на самом деле на 85 процентов стипендиатом.

С другой стороны, совершенно очевидно, что сохранение платного среднего образования наряду с таким количеством случаев бесплатного обучения грозит скомпрометировать идею гуманизма, если только ее не стремятся превратить в привилегию богатых или состоятельных классов. Фактически единственным серьезным доводом является тот, который никогда не приводят. Опасаются, что бесплатное публичное среднее образование затруднит набор в частные платные заведения. Возражение против переполнения лицеев или коллежей лишено всякого основания. Сторонники системы так называемой единой школы вовсе не собираются переполнять классы. Установив число учеников, которые могут быть приняты в учебное заведение, мы требуем лишь, чтобы при выборе руководствовались не имущественным положением родителей, а способностями детей. Невероятно, чтобы столь простые мысли не получили до сих пор всеобщего признания. Я надеюсь, что после меня другие возобновят борьбу за реформу, без которой во Франции никогда не будет подлинной демократии.

Я считал также необходимым включить профессиональное образование в общую систему университетского преподавания. В этой новой области надо было продолжить замечательный почин, сделанный еще в 1886 году законом об образовании. Мне хотелось составить единый план. Сперва, после окончания

начальной школы, – набор массы трудящихся под руководством органов профессиональной подготовки и совместно с педагогом, врачом и службой по набору рабочей силы. После того как будет решено, в каком направлении должно продолжаться обучение ребенка, обеспечивается его обучение в мастерской или школе с учетом возможностей, зависящих от среды и профессии. Обучение должно иметь одновременно практический уклон и давать общеобразовательную подготовку; необходимо, чтобы оно было методическим, дополнялось техническими курсами и развивало наряду с ремесленными навыками ум и нравственность. Образование должно сделать рабочего господином, а не рабом своей машины или своего станка. Государство со своей стороны поможет путем контрактов или ученических стипендий хозяевам и семьям, выполняющим свой долг в отношении национального производства. Выставки изделий труда рабочих приобщат публику к этим усилиям и позволят ей контролировать их. Дети, отобранные для прохождения этого курса, будут иметь в своем распоряжении либо практические школы торговли и промышленности, либо ремесленные школы, либо, наконец, сельскохозяйственные. Следует остерегаться навязывать всем ученикам, проходящим техническое обучение, один и тот же профиль, один и тот же отвлеченный тип формирования. Тут, как и при выборе профессии, свобода, созидательница жизни, сохраняет свою роль. Школа будет приспособлена к своей среде и, если так можно выразиться, вылеплена административным советом, который будет на нее воздействовать, как любящий и бдительный семейный совет. И сельское хозяйство, может быть самая трудная из всех наук, выиграет от применения этого метода, разумного и вместе с тем осторожного.

Таким образом, в основе лежит воспитание масс. Для такой нации, как Франция, с ограниченной рождаемостью и обилием иностранной рабочей силы, проблема формирования кадров имеет исключительно важное значение. Франция не может добиться количественного превосходства. Поэтому всеми средствами и любой ценой она должна сделаться нацией качества. Отсюда необходимость национальных профессиональных школ для всех ведущих специальностей. Затем для создания кадров руководителей понадобятся не только центральные школы, технические училища, высшие школы коммерческих наук, но и специализированные институты (оптика, мукомольное дело, керамика, фотография, кинематография, кожевенное дело, электромеханика). Инженер найдет в этих заведениях лаборатории. Таким образом, техническое образование будет связано с высшим образованием, и будет

обеспечено независимое и единое развитие культуры.

Так представлял я себе в 1927 году план технического образования, над которым я работал с помощью выдающегося директора г-на Эдмона Лаббе, одного из лучших сынов Франции. Я полагал, что, организованное таким образом, оно сможет не хуже, чем классическое образование, способствовать формированию общих идей. В своем выступлении в палате мне пришлось вновь затронуть вопрос о светском обучении, вокруг которого столько было и еще будет ожесточенных споров и конфликтов. Будучи противником монополии образования, я напомнил указания людей, подобных Жюлю Ферри. С того дня, когда страна объявит обязательное обучение, иначе говоря, соберет в публичных школах детей самого различного происхождения и взглядов, она должна будет быть нейтральной во всем, что касается домашнего воспитания и личной совести. Это фанатизм – стремиться, как это иногда делали, превратить принцип светского обучения в антирелигиозный прагматизм. Но фанатизмом является и желание подчинить образование религии какой-либо одной группы, даже если эта группа самая значительная в стране. Я не был согласен с господином Деа, считавшим, что светская мораль должна быть моралью социальной борьбы. Светская мораль должна быть вне партий и над всеми партиями.

* * *

В своих инструкциях по министерству от 25 июля 1928 года я анализировал реформу, предусмотренную статьей 89 финансового закона от 27 декабря 1927 года. Прежде всего совершенно очевидно, что новый порядок бесплатного обучения не должен привести к отмене конкурса на стипендии. Бесплатное обучение касается только экстерната, и каждый ученик, желающий добиться стипендии контролируемого экстерната, полупенсии или интерната, должен предстать перед конкурсом. Я особенно настаивал на духе, которому необходимо следовать при проведении реформы.

> «Следует обратить внимание, – говорилось в циркуляре, – что расходы, возлагаемые на государство законом от 27 декабря 1927 года, не должны быть превышены. Реформа должна исходить из существующих основ бюджета; нельзя допустить, чтобы она привела к увеличению числа преподавателей или количества

дополнительных часов. Чтобы не нарушать существующих финансовых границ, необходимо воспрепятствовать излишнему увеличению числа учеников в публичных средних учебных заведениях, к тому же этот приток учеников не нужен и даже вреден. *Дело не в том, чтобы увеличить число кандидатов на степень баккалавра, а в том, чтобы облегчить доступ к среднему образованию тем детям, способности которые позволяют им это, но которые лишены этой возможности в силу имущественного положения своих родных. Бесплатное обучение должно поднять уровень среднего образования, сделав его доступным для наиболее способных, вместо того чтобы быть привилегией людей малоодаренных, но способных его оплатить.*

Чтобы определить количество учеников, которое можно принять в каждый из классов средней школы, где законом было установлено бесплатное обучение, нужно учитывать нормальное развитие, на которое может рассчитывать каждое учебное заведение в соответствии с количеством имеющихся учеников. Если взять учебные заведения, в которых закон от 27 декабря 1927 года получит немедленное применение, то общее число не должно будет превышать 15-20 человек на класс в коллежах, где в настоящее время в средних классах насчитывается менее 80 учеников, и 30-35 человек в тех коллежах, где в настоящее время количество учеников в средних классах колеблется от 100 до 200 человек.

Очень важно, кроме того, чтобы у родных не возникло иллюзий, будто вступить в публичное среднее учебное заведение можно без всяких условий, так сказать, по праву, важно также дать почувствовать самим ученикам, которые хотят воспользоваться преимуществами образования за счет государства, что они должны прежде всего заслужить это своим серьезным трудом. Это еще одно соображение в пользу ограничения контингентов…

В конце пятого и даже четвертого класса следует ввести очень строгий переходный экзамен. Поскольку среднее обучение является бесплатным, но не обязательным, ни один ученик не может претендовать на продолжение обучения лишь на основании того, что он

его начал. Только труд, прилежание и успехи могут обеспечить ему это право».

Эти инструкции впоследствии дополнил министр Пьер Марро циркуляром от 15 июля 1930 года, когда парламент распространил эту меру в отношении шестых классов на все наши средние учебные заведения. Он подтвердил, что целью реформы является не увеличение числа обучающихся в средних учебных заведениях, а защита классического образования – путем компенсации его длительности бесплатностью, а также повышение уровня этого образования – путем приобщения к нему наиболее достойных детей для подготовки национальных кадров. Как удачно и метко выразился г-н Леон Берар, «нужно искать ум там, где он есть». Министр советовал разработать для набора учеников возможно более гибкую систему, которая учитывала бы то, что есть порой капризного в развитии ребенка. «Нашим лозунгом должно быть – не исключать из классов никого из тех учеников, которые сейчас в них обучаются, кроме самых отъявленных тупиц, и привлекать взамен извне всех, обнаруживающих способности».

В декабре 1926 года умер Жан Ришпен. От имени правительства я провожал в последний путь писателя, другом которого я был, последнего романтика, ученика и литературного наследника Гюго, старого трубадура, певца униженных и страдающих, певца маленьких детей, убаюкиваемых в корзинках, и калек, просящих милостыню под дождем. Это был истый француз, несмотря на его некоторые словесные крайности периода юности; он был гидропатом и, как Борель (Петрюс), страдал ликантропией. Автор «Ласк» и «Богохульств», на которого так часто нападали за его смелость, умилялся нашим пейзажам, умирающему дереву, пересохшему ручейку, его всегда трогали все эти отверженцы природы, пустыри в пригороде, которые он сравнивал с ржавыми озерами. Он предпочел ярмо ремесла рабству в роскоши и жил вольным кочевником земли и морских просторов. На морском берегу на его столе Франциск Ассизский стоял рядом с Вийоном. Он был первоклассным лектором и блестящим рассказчиком, особенно когда делился своими воспоминаниями школьных лет, своими приключениями партизана в армии Бурбаки или театральным дебютом вместе с Андре Жилем; он живо рассказывал о том осуждении, которое вызвала его «Песня босяков», и о своих матросских скитаниях. Он начал свою карьеру в тюрьме Сент-Пелажи и закончил ее во Французской академии. Он рассказывал, как ему довелось видеть Наполеона, когда его отец – военный врач захватил его с собой,

отправляясь к управляющему Дома инвалидов, в тот день, когда императора перекладывали в новый гроб.

Он знал массу театральных анекдотов. Не играл ли он сам в театре предместья Сан-Мартен вместе с Саррой Бернар в собственной драме «Нана Сагиб»? Его верность в дружбе была безупречна. Я видел, как рыдал у его смертного одра его старый товарищ Рауль Поншон.

* * *

Несколько месяцев спустя, в августе 1927 года, я воздал должное Роберу де Флер, тонкому насмешнику, честному человеку в высоком смысле этого слова, остроумному и блестящему автору произведений «Любовь бодрствует», «Тропы добродетели», «Зеленая одежда», «Король», «Священный лес». Он напоминал мне ту женщину в одной из его пьес, которая, желая похвалить любимого супруга, называла его солнечным человеком и сравнивала с теми славными французскими караваями хлеба, которые режут, прижав к груди. Он был так же благороден, как и умен, так же верен в дружбе, как изобретателен в своих творениях. В своем «Воспоминании о Робере де Флер» Франсис де Круассе восхищался его даром и главным образом тем обаянием, которое удерживало возле него и привлекало к нему тех, кому довелось хоть раз познать его сердечность, старомодную учтивость, разносторонность его ума, его безошибочный вкус и доброе сердце. Его беседа ослепляла, как и его пьесы. В начале войны он был прикомандирован в качестве военного шофера к г-ну Далимье, товарищу министра изящных искусств. Однажды этот министр отправился в Реймс, чтобы осмотреть подвергшийся бомбардировке собор. При въезде в военную зону автомобиль остановил солдат и спросил пароль. Де Флер, не знавший его, отправился на соседний пост. Там он встретил офицера-парижанина, представился ему и, естественно, тотчас покорил этого воина. Офицер проводил его до автомобиля и, увидев Далимье, закутанного в свое пальто, приветствовал его как знакомого. «Это, конечно, г-н де Кайаве?» Когда Робер де Флер рассказывал это приключение, его славные детские глаза искрились. Прежде чем ехать дальше, он обратился к остановившему его солдату. «Ну, так скажи мне теперь пароль». – «Пароль, – признался грозный часовой, – но я его не знаю».

Перед смертью де Флер работал вместе с Франсисом де Круассе над пьесой, два первых акта которой последний сохранил для нас; она называлась «Женевские жеманницы». Это была

остроумная, но не злая сатира на Лигу наций. Баронесса Грегуар, которой перевалило уже за сорок, увлекается международными делами. Ее называют музой Леманского озера; она с нетерпением ожидает и добивается при помощи дипломата Марселя де ла Вьевиль официального назначения делегаткой пятой комиссии. Ей поручают все вопросы, относящиеся к общественной морали, к запрещению продажи наркотиков и торговли женщинами, помощи падшим женщинам, надзору за гаремами и упорядочению волокитства во всем мире. Де Флер довольно остро посмеялся над дипломатами. «Наш великий закон на Кэ д'Орсе – принудить наш ум никогда не вмешиваться». Барон Грегуар был философом пьесы. «Женева, – говорил он своему другу ван Петерсбому, – была вначале предметом веры, а затем стала предметом моды; прежде говорили о сессии в Женеве, а теперь сессия сделалась сезоном». Робер де Флер уважал Лигу наций, но потешался – и не без основания – над тем, что происходило за кулисами.

С 26 по 31 марта 1927 года Вена отмечала сотую годовщину со дня смерти Людвига ван Бетховена. Я представлял французское правительство.

* * *

По своей должности мне пришлось в декабре 1927 года участвовать в праздновании в честь Огюста Родена; это был день, когда открыли для посетителей сады его музея.

* * *

В мае 1927 года правительство поручило мне передать кардиналу Люсону ключи собора в Реймсе, в основном восстановленного. Это было волнующим событием для уроженца Шампани. Собор был сожжен в сентябре 1914 года, подвергся бомбардировке в феврале 1915 года и разрушен в 1917 году. Этот памятник, представлявший одно из лучших творений французского возрождения XIII века, воплощал лучшие традиции нашего народа, как и самые сокровенные тайны нашего искусства; это творение, отражавшее жизнь целой эпохи и целой страны, украшенное столь одухотворенными образами, эта живая библия смогла быть реставрирована благодаря искусству изумительного мастера, г-на Дене, усилиям французского правительства и подписке за границей. Один г-н Рокфеллер дал

нам до 6 миллионов на восстановление кровли. Ко времени моей поездки в Реймс реставрационные работы еще не были закончены; еще не было возможности вернуть церковнослужителям хоры, часовню и боковые приделы; но знаменитый ангел уже вновь улыбался, и достигнутый результат свидетельствовал о способности омоложения, о жизненной силе нашей страны.

В ноябре на конгрессе радикалов в Анжере министры-радикалы успешно защищались по вопросу конгрегации миссионеров за границей. Но после нашего отъезда г-н Жозеф Кайо заставил проголосовать решение, обязывающее нас выйти из правительства. Так мы расстались с г-ном Пуанкаре.

* * *

В апреле 1928 года избиратели были призваны к избирательным урнам. Эти выборы принесли поражение нашей партии.

В оппозиции (ноябрь 1928 года – 1932 год)

Лион продолжал процветать, несмотря на тяготы, принесенные войной. Обыкновенные расходы муниципального бюджета 1929 года достигли суммы в 131 миллион, в то время как в 1914 году они составляли 19 миллионов. И все же это увеличение было ниже, чем увеличение, вытекающее из учета индекса стоимости жизни. Финансовое положение было удовлетворительным: в конце каждого отчетного года мы регистрировали значительные доходы. Несмотря на отсутствие всяких городских пошлин, Лион меньше страдал от дополнительных налогов, чем большинство других крупных французских городов.

Заканчивалась постройка новой больницы. Были сданы в эксплуатацию новые бойни Ла Муш, которые обошлись в 80 миллионов франков. Был открыт стадион, учреждены новые школы, и среди них – большая школа ткачества, также построенная талантливым архитектором Тони Гарнье. Постройка крупных жилых блоков улучшила жилищные условия рабочих. Мы предприняли также постройку величественной биржи труда, достойной рабочего населения Лиона. В 1927 году наша знаменитая школа Мартиньер была преобразована в национальную школу. Процветала и ярмарка, несмотря на конкуренцию многочисленных подражателей; мы строили для нее дворец.

Необходимо было предоставить Лиону современную санитарную организацию. В течение ряда лет меня чрезвычайно беспокоили антигигиенические условия работы на частных скотобойнях. С начала 1929 года была пущена в ход скотобойня, организованная на строго научных началах. Помимо изготовления мясной муки, сала и костяной муки, было налажено дробление раковин устриц, идущих на корм домашней птице. Трудности вывоза кухонных отбросов представляют для больших городов одну из самых важных задач. Я поручил специально обследовать крупнейшие кремационные устройства для сжигания отбросов во Франции и за границей. Вслед за этим обследованием была выработана программа и объявлен конкурс. Был принят проект берлинской фирмы Бамаг Меген, включающий печи Хеенана и Фруда с двойными решетками. Для установки выбрали место на берегу Роны, к югу от Лиона, в конце проспекта Леклерка. Она примыкала к муниципальным скотобойням и должна была снабжать их паром. Был предусмотрен участок для постройки центральной дезинфекционной станции. Все три

завода составили, таким образом, единую группу санитарных установок. Кремационная установка обошлась около 23 миллионов. Печи зажгли в ноябре 1931 года. Этот завод, уничтожавший ежегодно 75 тысяч тонн отбросов, послужил прототипом для аналогичных установок в Бордо, Руане, Марселе, Нанси и в некоторых других городах.

17 июля 1929 года от имени своей партии я принял участие в дебатах по поводу возмещения французского долга Соединенным Штатам. 29 апреля 1926 года в Вашингтоне было заключено соглашение. Нас просили его одобрить. Мы не оспаривали законность долгов; мы считали, что необходимо платить и уважать подписи, ибо мы были сторонниками замены системы военных гарантий и грубой силы системой международных договоров. Мы признали долг в тех размерах, в которых он был установлен соглашениями в Лондоне и в Вашингтоне, но я высказал опасения, что план Юнга не будет выполнен. Я настаивал на том, что ратификация соглашения о долгах должна сопровождаться оговоркой о платежеспособности. Я требовал для Франции, «многострадальной матери победы», того же преимущества, которое Великобритания предоставила Австрии по Венскому договору, исходя из того, что эта страна была главным полем битвы в войне с Империей.

Мне пришлось во время моего выступления говорить об эвакуации Рура и напомнить, что она была проведена с полного согласия маршала Фоша; я напомнил и о роли, которую сыграл генерал Детикер. Привел я также и ноту лорда Бальфура от 1 августа 1922 года[111], в которой он желал достижения общего урегулирования, и план Бонар Лоу от января 1923 года. Эти экскурсы в прошлое понадобились мне для того, чтобы показать палате, как подписание конвенции Меллон – Болдуин в январе 1923 года нарушило финансовую солидарность союзников и помешало общему соглашению с Соединенными Штатами, лишив ноту Бальфура действенности. В заключение я потребовал, чтобы подписанию соглашений предшествовало принятие некоторых оговорок.

Эти оговорки были вотированы палатой депутатов на втором заседании 20 июля 1929 года и сенатом на заседании 26 июля. Оговорки палаты были сформулированы следующим образом:

> «Оказавшись перед лицом ратификации соглашений, заключенных в Лондоне и Вашингтоне, и находясь накануне того дня, когда правительство примет участие в работе международной конференции, палата вновь выражает свои братские чувства народам, сражавшимся

во время мировой войны бок о бок с Францией, и, считая, что Франция не сможет изыскать, не расстроив серьезным образом свою национальную экономику, необходимые средства для выполнения соглашений от 29 апреля и 12 июля 1926 года, если Германия не будет регулярно выполнять свои обязательства, заявляет, что обязательства, возложенные на страну в силу указанных соглашений, должны быть покрыты исключительно за счет сумм, которые Германия должна уплатить Франции, помимо тех, которые предназначены для репараций».

Но правительство не допустило, чтобы оговорки парламента были включены в текст закона, изданного в форме одной статьи, составленной в следующих выражениях:

«Президент республики уполномочен ратифицировать соглашение, заключенное в Вашингтоне 24 апреля 1926 года между правительством Соединенных Штатов Америки и правительством Французской Республики в целях консолидации и выплаты в течение 62 лет путем ежегодных взносов долгов Франции Соединенным Штатам Америки».

На нашем съезде в Реймсе в октябре 1929 года наш председатель Даладье заклеймил «род нового феодализма, стремящегося заменить прежний воинственный национализм империализмом бизнеса, чье могущество проявляется в тех привилегиях как денежного, так и социального порядка, которые он вырывает для себя у всех правительств; новую олигархию, которая наводнила континенты, пересекла моря, которая располагает всем могуществом кредита и завтра поработит крестьянина, потому что она одна имеет право дать ему удобрение и машины, необходимые для механизированного сельского хозяйства; которая заставит рабочего рационализированных заводов не только работать, но и подчиниться некоей предпринимательской опеке, знаменующей конец индивидуальной свободы; это феодализм, который стремится поработить все демократии». Господин Даладье высказался за единую школу, за программу ВКТ, за государственную реформу и за создание левого правительства в связи с разразившимся двумя днями раньше министерским кризисом. Г-н Бержери энергично выступил против концентрации[112] и за союз с социалистами. Партия требовала, чтобы с 5 февраля 1930 года был введен в действие, несмотря на бешеную кампанию консерваторов, закон о социальном страховании, принятый в апреле 1928 года.

Г-н Жан Монтиньи, чье выступление вызвало министерский

кризис, радовался открывшейся надежде составить левое большинство при помощи демократической внешней политики. *«Оставаясь по-прежнему верными,* – говорил он с одобрения г-на Кайо, – *дружбе с Англией, в которой мы видим одну из главных основ нашей внешней политики,* мы хотим работать над проблемой франко-германского сближения и оказать доверие республиканской Германии». Г-н Монтиньи энергично атаковал националистическую правую, «барахтающуюся между своим желанием главенствовать и властвовать и своими предрассудками и антипатиями»; он упрекал ее в отступничестве. Подняв кампанию против ревалоризации, она провела стабилизацию по низкой ставке, чтобы остаться у власти; после кампании против ратификации долгов она ратифицировала их без включения пункта о гарантии, без каких-либо серьезных оговорок.

Какой великолепный порыв! Какие бичующие слова! «Когда мы занимаем места в парламенте, – воскликнул г-н Монтиньи, – то делаем это для того, чтобы послужить своим принципам, в то время как вы, господа правые, цепляясь за власть, отказываетесь и отрекаетесь от своих убеждений». Подобная суровая мораль импонирует. Оратор с полным основанием упрекал правительство в том, что оно скрыло тот факт, что принятие плана Юнга влекло за собой эвакуацию Рейнской области. В Гааге г-н Бриан был вынужден отказаться от тезиса коммерциализации долгов, произведенной до эвакуации Рейнской области. Изложив внешнюю политику партии радикалов, Монтиньи закончил следующим образом: «Ее осуществление не только нуждается в объединении левых сил, но настоятельно требует его. Мы имеем право сказать нашим противникам: с вашим присоединением к политике мира обстоит точно так же, как и с вашим присоединением к республике. Вы примкнули к этой политике мира только для того, чтобы погубить ее… Объединение левых сил стало неотложной необходимостью». Г-н Монтиньи умолял г-на Леона Блюма пойти на это объединение. «Дорогой Леон Блюм, я прошу вас об этом; если вы пропустите этот случай, ставший международным[113], когда еще представится вам другой! Может быть, никогда!»

Я выступил в свою очередь и напомнил, что план Дауэса дал Франции 25 миллиардов франков, затем я подверг рассмотрению проблему Европейской федерации, предложенную Аристидом Брианом. Я указал, что магнаты ведущих отраслей промышленности Европы (сталь, поташ, азот, лампочки накаливания, труболитейная), не дожидаясь сближения государств или опережая его, организуют картели для защиты

собственных интересов в ущерб интересам народов. Я предлагал Европе попытаться достичь того, что только что осуществила Америка на конференции в Гаване[114]. Г-н Дюмениль потребовал, чтобы моя речь была напечатана, хотя, быть может, впоследствии упрекал себя за свою благожелательность. К концу этого заседания г-н Даладье сообщил нам, что президент республики поручил ему формирование нового правительства.

На 27 съезде моей партии в Гренобле в октябре 1930 года я говорил о том, что радикалы должны трудиться для мира, не забывая ни на минуту о безопасности страны. Я выразил пожелание увидеть Германию и Францию примиренными, приветствовал республиканцев за Рейном, однако высказался против пересмотра договоров, потому что, сказал я, «я не верю в то, чтобы при удобном случае приняли в соображение этот пересмотр», и потому что впервые в истории договор 1919 года был дополнен Уставом Лиги наций, статья 19 которого открывала путь для разрешения трудностей, могущих «поставить под угрозу мир во всем мире». Я напомнил три принципа моей неизменной доктрины: безопасность, арбитраж, разоружение. После провала протокола я предложил, чтобы Франция приняла участие в конференции по разоружению и даже проявила инициативу. «Необходимо, – заявил я, – чтобы она делала это искренне, но со своей стороны *я соглашусь на разоружение лишь в той мере, в какой оно будет одновременно проведено всеми нациями, и в той мере, в какой эти нации согласятся взаимно гарантировать себя от всех случайностей, с которыми мы должны считаться даже при беглом взгляде на карту».* «В этой проблеме, как говорят математики, есть два фактора, из которых один – безопасность, должен расти по мере уменьшения другого – вооружения». Я настаивал на проблеме вооружения. «Мы не хотим, чтобы в случае чего страна оказалась безоружной и могла прикрыться лишь грудью своих сынов».

В октябре 1930 года маршал Петен прибыл в Лион на открытие памятника солдатам-лионцам, погибшим за Францию. В ночь с 12 на 13 декабря 1930 года страшная катастрофа потрясла наш город. Несколько последовательных оползней в Фурвьере разрушили ряд домов и погребли под развалинами 19 пожарников, в том числе одного капитана, одного полицейского, трех стражников и 16 гражданских лиц. Провал достигал 300 метров глубины.

* * *

Организация работ на Роне налаживалась очень медленно. Закон, утвердивший программу, был обнародован 27 мая 1921 года; устав общественной администрации был введен в действие лишь десять лет спустя, 13 января 1931 года. Участвовать в «Национальной компании Роны» было разрешено: а) следующим департаментам: Эн, Ардеш, Буш-дю-Рон, Дром, Гар, Эро, Изер, Луара, Сона и Луара, Рона, Савойя, Верхняя Савойя, Сена, Воклюз; б) коммунам, входящим в эти департаменты; в) профсоюзам этих коммун, торговым палатам и сельскохозяйственным палатам, чьи округа находятся, полностью или частично, на территории этих департаментов. К участию в «Национальной компании Роны» могли быть допущены промышленники, предприятия которых нуждались в электрической энергии и воде, акционерные общества и частные лица.

9 июня 1931 года на трибуну поднялся г-н Шассень-Гуайон, уполномоченный группы республиканского демократического союза. Послушаем его. «Господа, во время последних обсуждений бюджета важную роль сыграл страх перед избирателем… И все же он не заставил огромное большинство из нас… обратиться к мудрости… Я хотел бы признать *mea culpa*[115], смиренно повиниться и, если позволите, распространить этот акт на возможно большее число моих коллег… Мучимые угрызениями совести, некоторые мои друзья и я считаем, хотя мы, может быть, и не являемся самыми виновными, что в течение почти 18 месяцев, чувствуя приближение выборов, мы совершали, множили и нагромождали ошибку на ошибку, неосторожность на неосторожность, мотовство на мотовство… Мы растратили значительную часть средств, сэкономленных под руководством г-на Пуанкаре, нашего великого национального казначея, и большую часть созданных им резервов… Мы истратили все эти суммы без ощутимой и существенной пользы для того или иного класса наших сограждан… Потому что все эти безрассудные щедроты, способные ввести в заблуждение большинство, имеют скоропреходящий характер и вскоре не столько обогатят, сколько принесут несчастье тем, кто стал их объектом». Г-н Шассень-Гуайон критиковал затем бюджет, поистине «бюджет предвыборной пропаганды», сохраняющий равновесие только с виду.

Я продолжал следить за эволюцией Советской России. Сталин с каждым днем все более проявлял себя как дальновидный и сильный государственный деятель. 23 июня 1931 года он произнес на совещании хозяйственников речь, в которой проанализировал результаты выполнения плана индустриализации. Он выражал беспокойство по поводу

отставания некоторых отраслей промышленности, особенно угольной промышленности и черной металлургии, и требовал изменения старых методов работы. Крестьянин, видя, что его положение улучшается, говорил он, оседает в деревне. Нужно, следовательно, механизировать наиболее тяжелые процессы труда и набирать рабочую силу в порядке договоров с колхозами. Нужно также ликвидировать текучесть рабочей силы в эпоху, когда сложное техническое оборудование приобретает все большее значение. Сталин ясно высказался против уравниловки в области зарплаты, которая не может вызвать у неквалифицированного рабочего желание стать квалифицированным рабочим. «Надо, – мужественно заявляет он, – организовать такую систему тарифов, которая учитывала бы разницу между трудом квалифицированным и трудом неквалифицированным… *Нельзя терпеть, чтобы каталь в черной металлургии получал столько же, сколько подметальщик. Нельзя терпеть, чтобы машинист на железнодорожном транспорте получал столько же, сколько переписчик. Маркс и Ленин говорят,* что разница *между трудом квалифицированным и трудом неквалифицированным будет существовать* даже при социализме, даже после уничтожения классов, что лишь при коммунизме должна исчезнуть эта разница, что, ввиду этого, «зарплата» даже при социализме должна выдаваться по труду, а не по потребности»[116]. Итак, в то время как во Франции, которая информирована хуже всех в Европе, пристрастная пресса печатает о советском режиме все глупости, которые требуют от нее ее хозяева, государственный деятель Кремля устанавливает закон разума для хозяйственников, профсоюзов, предприятий и мастерских, дабы обеспечить русскую промышленность кадрами, справиться с текучестью рабочей силы, дать рабочему возможность улучшить свою участь в процессе труда. Я видел очень часто в нашей стране, как профсоюзные организации боролись за уравнение зарплаты в угоду пожеланиям большинства, то есть чернорабочих. Сталину нужны квалифицированные рабочие; он хочет дать своему народу удовлетворение всех его материальных и, как он говорит, культурных потребностей, хорошие жилища, хорошее питание, то есть те условия жизни, которые позволили бы требовать от него строгой дисциплины и «ударничества»; он хочет также правильной организации труда на предприятиях и ответственности, на которой он особенно настаивает.

Безответственность причинила России огромный ущерб, особенно при перевозках по железным дорогам. Чтобы добиться роста производительности труда, Сталин кладет конец этому

беспорядку, – он устанавливает ответственность на всех ступенях производства. Благодаря гигантскому росту своего производства Советской России в 1931 году уже недостаточно тех ресурсов металла и угля, которые ей дает Украина. Она создала новые каменноугольные и металлургические базы на Урале и в Кузнецком бассейне, она собирается открыть их и в Сибири, обрабатывать цветные металлы в Туркестане и Казахстане. Ей, следовательно, нужны новые инженеры, новый командный состав. Поэтому Советское правительство распахнуло перед рабочим классом двери высших учебных заведений по всем отраслям народного хозяйства; в них поступили сотни тысяч молодых рабочих и крестьян. С другой стороны, производственно-техническая интеллигенция будет формироваться из инициаторов социалистического соревнования, вдохновителей трудового подъема, вожаков «ударных бригад».

И в другом вопросе. Сталин проявляет свою твердость. «Среди этих товарищей имеется не мало беспартийных. *Но это не может служить препятствием к тому, чтобы смелее выдвигать их на руководящие должности. Наоборот, именно их, этих беспартийных товарищей, следует окружать особым вниманием, следует выдвигать на командные должности, чтобы они убедились на деле, что партия умеет ценить способных и талантливых работников*[117]. (Курсив мой. – *Э. Э.*) Поступать иначе значило бы вести «реакционную и глупую» политику. «Наша политика состоит вовсе не в том, чтобы превратить партию в замкнутую касту. Наша политика состоит в том, чтобы между партийными и беспартийными рабочими существовала атмосфера «взаимного доверия», атмосфера «взаимной проверки» **(Ленин)**. Благодаря этому мудрому либерализму Сталин положил конец «саботажу» старой технической интеллигенции. «Спецеедство» «всегда считалось и остаётся у нас вредным и позорным явлением». Наконец, он отказывается от коллегиального управления предприятиями и заменяет его управлением единоличным.

20 июня 1931 года президент Гувер опубликовал свою знаменитую декларацию. Он предложил приостановить на год все платежи по межправительственным долгам, по так называемым репарационным долгам и по займам помощи. При условии утверждения конгрессом американское правительство отсрочит все платежи по задолженности иностранных правительств на один фискальный год начиная с 1 июля при условии, что все крупные державы-кредиторы также отсрочат на год все платежи по межправительственным долгам. Г-н Гувер объяснял, что цель этого мероприятия – посвятить следующий год задачам экономического восстановления мира. Он рассчитывал этим

путем облегчить подъем Соединенных Штатов, ослабить последствия снижения цен на иностранные товары и неверия в политическую и экономическую стабильность за границей, развить американский экспорт, уменьшить безработицу и бороться со снижением цен на продукты сельского хозяйства в Соединенных Штатах. Он предлагал американскому народу быть в своих собственных интересах мудрым кредитором и хорошим соседом.

Однако президент Гувер добавил: «Я хочу воспользоваться этим случаем также для того, чтобы откровенно высказать свой взгляд на наше отношение к германским репарациям и к задолженности нам европейских союзных правительств. Наше правительство не участвовало в определении репарационных обязательств и не высказывало своего мнения при их установлении. Мы намеренно не участвовали как в установлении общих репараций, так и в распределении колоний или частной собственности. Погашение задолженности нам союзников по военным ссудам и по долгам на восстановление было урегулировано на основе, не предусматривающей германские репарации и не связанной с ними. Вследствие этого репарации представляют полностью европейскую проблему, к которой мы не имеем отношения.

Я ни в каком смысле не одобряю аннулирования причитающихся нам долгов. Это мероприятие не способствовало бы созданию в мире обстановки доверия. Ни одна из стран, являющихся должниками в отношении нас, никогда этого не предлагала. Но так как основой урегулирования этих долгов была платежеспособность должника в нормальных условиях, то мы будем лишь следовать своей собственной политике и принципам, если примем во внимание ненормальные условия, существующие сейчас в мире». И далее: «Мы не вовлекаемся в обсуждение чисто европейских проблем, к которым принадлежит уплата германских репараций. Мы лишь проявляем нашу готовность содействовать быстрому восстановлению мирового благосостояния, в котором так сильно заинтересован наш собственный народ….»[118]

В своем ответе от 24 июня 1931 года французское правительство заявляло, что оно целиком разделяет возвышенные чувства, которыми руководствовался Гувер в своем предложении. Оно напоминало о том, что доказало свое желание сотрудничать в деле экономического восстановления мира, согласившись на последовательные сокращения немецкого долга и осуществив досрочную эвакуацию третьей зоны Рейнской области в обмен на полное и окончательное урегулирование системы репараций, достигнутое в Женеве 16 сентября 1928 года. Оно заявляло о

своей готовности передать предложение Гувера на рассмотрение французских палат, требуя одновременно сохранить безусловный ежегодный взнос, не подлежащий отсрочке по плану Юнга. Оно соглашалось передать в распоряжение Банка международных расчетов сумму, эквивалентную французской доле в годовом взносе, не подлежащем отсрочке. Переданные таким образом суммы могли бы быть использованы для расширения кредита в Германии, а также в странах Центральной Европы. Правительство напоминало, что французский государственный долг превышал примерно в четыре раза долг рейха. Та часть декларации Гувера, в которой он отказался признать малейшую связь между проблемой репараций и проблемой долгов, была оставлена без ответа.

Франко-американское соглашение от 6 июля 1931 года содержит следующие положения: 1) приостановка выплаты межправительственных долгов с 1 июля 1931 года по 31 июня 1932 года; 2) несмотря на это, рейх обязан сделать свой безусловный ежегодный взнос, но французское правительство согласно, чтобы эти суммы были помещены Банком международных расчетов в гарантированные облигации германских железных дорог. Прочие положения касались исчисления процентов, а также мер, которые следовало принять в интересах стран Центральной Европы, подпадающих под мораторий Гувера. Франция оставляла за собой право потребовать от германского правительства необходимых гарантий относительно использования исключительно в экономических целях тех средств бюджета рейха, которые высвободятся благодаря этим мерам.

25 октября 1931 года было опубликовано коммюнике о результатах переговоров между Гувером и Лавалем в Вашингтоне. «Мы рассмотрели, – заявляли они, – мировое экономическое положение и связанный с ним весь комплекс международных проблем; проблемы будущей конференции по ограничению и сокращению вооружений; влияние депрессии на платежи по межправительственным долгам; стабилизацию международных валют и другие финансовые и экономические вопросы…» Что касается межправительственных обязательств, то мы признали, что до истечения моратория Гувера может понадобиться дополнительное соглашение, охватывающее период экономической депрессии, соглашение, относительно пределов и условий которого наши два правительства делают необходимые оговорки. Инициатива этого соглашения должна будет исходить от наиболее заинтересованных европейских держав, в рамках соглашения, действующего до 1 июля 1932 года. В вопросах

золотого паритета, стабилизации валюты и восстановления доверия этот документ был очень туманным.

6 апреля 1932 года г-н Андре Тардье открыл кампанию[119], заставив принять декрет, созывавший избирателей на 1 и 8 мая, и произнеся вечером того же дня в зале Булье речь, которой он вооружил своих соратников. Он изложил историю деятельности парламента последнего созыва, трудностей, порожденных мировым экономическим кризисом, осложнений внешней политики. «Мы должны были выбрать, – заявил он, – между тремя направлениями: негативным национализмом, дерзким интернационализмом и духом твердости и примирения». «Находясь между двумя крайностями, одинаково опасными, мы – 16 месяцев с Пуанкаре, 13 месяцев с Лавалем и 15 месяцев с тремя моими кабинетами – занимали промежуточную позицию». Г-н Андре Тардье ошибочно полагал, что переговоры по плану Юнга при кабинете Пуанкаре установили фактическую связь между проблемой репарации и проблемой долгов и что «мораторий Гувера не смог разорвать эту связь». Он считал заслугой парламента отмену контроля, предусмотренного планом Дауэса, что было, с моей точки зрения, основной ошибкой, сокращение на 20 процентов платежей по репарациям, эвакуацию за пять лет до срока третьей зоны Рейнской области, принятие моратория Гувера, предоставление Германии кредитов как непосредственно, так и через посредство Банка международных расчетов и Французского банка. Впрочем, он отмечал, что радикал-социалисты поддержали его во имя уважения к подписям и заключенным договорам.

Г-н Андре Тардье напомнил также, и вполне законно, пакт Бриана – Келлога от 27 августа 1928 года; признание 25 апреля 1931 года обязательной юрисдикции Гаагского трибунала; ратификацию 21 мая 1931 года Генерального акта по арбитражу; подписание в феврале 1932 года конвенции о способах предотвращения войны. Он считал своей заслугой предоставление 5 февраля 1932 года конференции по разоружению общих предложений. Франция заявляла о своей готовности подписать, не выдвигая никаких условий, обязательство ограничить свои военные расходы по курсу настоящего дня. Она предлагала предоставить в распоряжение Лиги наций некоторые виды вооружения и войска, предусмотрев специальным обязательством их численность и способы их использования. Она выражала согласие благожелательно изучить любые дополнительные предложения по сокращению вооружения. Можно было лишь одобрить эти слова г-на Тардье. «В международном обществе, как и в национальных обществах,

равенство прав и порядка ношения оружия для частных лиц, несмотря на различие их индивидуальных особенностей, стало возможным лишь тогда, когда появились судьи и жандармы, чтобы следить за этим».

Нельзя было сказать лучше. Г-н Андре Тардье говорил и о законе социального страхования, провозглашение которого в 1924 году показалось таким скандальным газете «Тан». Он хвастал тем, что спас французское сельское хозяйство. Но гораздо труднее было давать объяснение по бюджетному дефициту.

27 ноября 1931 года в 20 часов 30 минут в Трокадеро должно было состояться заключительное заседание международного конгресса по разоружению. На меня возложили обязанности председателя. В повестку были включены три послания – от кардинала архиепископа парижского, протестантских церквей и великого раввина Франции. Генеральным секретарем конгресса была м-ль Луиза Вейсс; на заседании были представлены от Англии лорд Роберт Сесиль; от Италии г-н Шалойя; от Германии г-н Йос, депутат центра в рейхстаге; г-н сенатор Бора, говоривший из Вашингтона по радио; г-н Пенлеве от Франции; г-н Хоутои от Соединенных Штатов, г-н Мадариага от Испании; г-н де Жувенель, председатель организационного комитета.

Ораторов было, быть может, даже слишком много, однако видное положение иностранных делегатов придавало этой манифестации особый смысл и значение. И все же это заседание послужило поводом для страшного скандала. Наших гостей оскорбили самым отвратительным образом. Немецких и англосаксонских ораторов грубо поносили. Был оскорблен лорд Роберт Сесиль. Тщетно пытался я в этом огромном зале установить спокойствие и навести порядок. В какой-то момент один из нарушителей порядка бросился на сцену, требуя слова. Он назвался полковником де ла Рокк[120]. Это заседание покрыло нас позором. Нападки германской прессы на нас были вполне понятны.

Г-н Поль Шопин рассказал в своей книге «Шесть лет в организации «Огненные кресты» («Nouvelle Revue Francaise», 1939), как была организована им и Вареном эта контрманифестация вместе с «Патриотической молодежью» и «Аксьон Франсез». Члены «Огненных крестов» носили в качестве опознавательного знака булавку, приколотую к пиджаку. Шопин передает очень точно, как я помешал полковнику де ла Рокк зачитать свою декларацию, как был опрокинут председательский стол, разбиты графин и стаканы. Манифестанты хвастали тем, что добились содействия полиции, действовавшей по инструкции министра (Мажино или Лаваля или обоих вместе). В циркуляре,

текст которого нам показали, де ла Рокк поздравлял начальников своих батальонов с тем, что они «проучили пацифистов в Трокадеро».

18 декабря 1931 года палата представителей в Вашингтоне приняла резолюцию по поводу моратория Гувера. Она разрешала отсрочить выплату долгов Соединенным Штатам на один бюджетный год начиная с 1 июля 1931 года в том случае, если правительства-кредиторы предоставят своим должникам такой же мораторий. Но в ней ясно указывалось, что «аннулирование или уменьшение в какой-либо мере кредиторских претензий Соединенных Штатов к иностранным правительствам противоречит политике конгресса». И далее: «Ничто в настоящей резолюции не может быть истолковано как означающее иную политику или оправдывающее предположение, что изменение политики, установленной настоящей резолюцией, будет в какой бы то ни было момент встречено благоприятно»[121].

23 декабря 1931 года в Базеле эксперты (Францию представлял г-н Шарль Рист) составили свое заключение. Они обращали внимание правительств на беспрецедентную серьезность кризиса, размах которого, несомненно, превзошел «сравнительно короткую депрессию», предусмотренную планом Юнга, в предвидении которой были приняты утвержденные им «предохранительные меры». План Юнга, утверждая ежегодное увеличение платежей, предполагал непрерывное развитие мировой торговли не только по объему, но и в ценностном выражении. Таким образом, тяжесть ежегодных платежей должна была, как думали тогда, все время облегчаться для Германии. Однако, заявили эксперты, ничего из этого не вышло. Со времени вступления в силу плана Юнга объем мировой торговли сократился; в то же время исключительное падение цен по отношению к золоту значительно увеличило реальную тяжесть ежегодных германских платежей, как и вообще всех платежей, производимых в золоте. В этих условиях финансовые затруднения Германии, являющиеся в значительной мере источником растущего паралича мирового кредита, делают необходимым согласованные действия, которые могут предпринять одни только правительства.

Проблема охватила весь экономический мир. Нельзя привести аналогичного примера подобной дезорганизации в мирное время. Если не ликвидировать кризис, от которого страдает Германия, он может охватить остальную Европу. Правительства должны немедленно принять меры. Любой трансферт из одной страны в другую, осуществленный в таких широких масштабах, что это может расстроить расчетный баланс,

лишь увеличит хаос. Всякое облегчение положения страны-дебитора, не способной выдержать тяжесть некоторых платежей, чревато риском переложить эту тяжесть на страну-кредитора, которая, будучи в свою очередь дебитором, может также оказаться не в состоянии выполнить свои обязательства. Необходимо приспособить всю совокупность межправительственных долгов (репарации и прочие военные долги) к нарушенному экономическому равновесию во всем мире. Это приспособление нужно произвести немедленно, чтобы избежать новых катастроф, – оно является единственной мерой, способной восстановить доверие, являющееся неотъемлемым условием экономической стабилизации и подлинного мира. После войны и последовавшей за ней инфляции европейские правительства потратили много усилий, чтобы восстановить стабильность валюты. Крушение этих усилий равносильно возвращению назад, чреватому серьезными последствиями. Мы обращаемся к правительствам, которым надлежит действовать, – заключали свой доклад эксперты.

27 января 1932 года наш посол в Берлине г-н Франсуа-Понсэ уведомил меня о том, как были приняты мои заявления общественным мнением и прессой Германии. Он сообщил мне о статье генерал-лейтенанта Отто фон Штюпнагеля, опубликованной газетой «Локаль анцейгер», принадлежащей г-ну Гугенбергу. Эта статья под названием «Кто разрушил?» обвиняла англичан в разрушении Камбре. За несколько недель до этого генерал Штюпнагель, вышедший затем в отставку, командовал дивизией в Восточной Пруссии. Сын, внук и правнук командиров прусской армии, он считался одним из самых выдающихся генералов рейхсвера и находился в близких, дружественных отношениях с генералами Грёнером, фон Хамонерштейном и фон Шлейдером, руководившими министерством национальной обороны.

В газете «Журналь» от 15 февраля 1932 года г-н Люсьен Ламурё, депутат от Алье, бывший генеральный докладчик бюджета, критиковал возобновление государственных займов после шестилетнего перерыва. Государство оказалось вынужденным занимать, чтобы прийти на помощь своему казначейству. Ему необходимо было для различных нужд примерно 10 миллиардов. «Это свидетельствует, – писал г-н Ламурё, – об очень серьезном и внушающем тревогу положении наших финансов». В брошюре, озаглавленной «Бюджет и казначейство», г-н Бертран Ногаро, депутат и бывший министр, напоминал, что бюджет 1930/31 года (дата начала бюджетного года была отодвинута на 1 апреля чтобы скрыть, с каким

запозданием был вотирован бюджет) был завершен с дефицитом, превысившим 2,5 миллиарда; что снижение налогов было проведено без строго продуманного общего плана; что последние меры, посвященные главным образом биржевым операциям, были предложены 8 дней спустя после голосования бюджета, равновесие которого было достигнуто с большим трудом. По его мнению, дефицит бюджета 1932 года достигнет 12 миллиардов, если учесть все обязательства правительства, и 8 миллиардов, если допустить помощь Автономной кассы.

В газете «Капиталь» от 18 февраля 1932 года г-н Жермен Мартен, бывший министр финансов и бюджета, ставит точки над «и». Количество бумажных денег в обращении увеличилось. В январе 1931 года оно достигло 77 752 миллионов; в конце января 1932 года оно дошло до 83 364 миллионов. Наши производственные возможности уменьшились. У нас почти 2 миллиона безработных. Финансовое положение осложнилось с 1930 года; начиная с 1931 года мы вступили в полосу дефицитов. 18 миллиардов папаши Гаспара казались неисчерпаемым фондом. Ресурсы «стали таять, не принося особой пользы стране, в результате издания девяти законов, принятых между 30 декабря 1928 года и 26 апреля 1930 года и обеспечивших снижение налогов на общую сумму в 5876 миллионов. Было безумием предложить после принятия бюджета, следуя, впрочем, указаниям парламента, снижение налогов на 1500 миллионов. Началась эра дефицитов, что оказалось роковым в силу слишком большой щедрости в политике облегчения налогов и расточительности в расходах накануне кризиса, который следовало предвидеть». Г-на Жермена Мартена, предупреждавшего о нем, сочли за каркающую ворону. «Мы пережили, – заявил он, – режим клиентуры в среде, охваченной головокружением от иллюзии богатства… Времена изобилия миновали… Не часто приходилось министру бюджета во Франции оказываться перед лицом столь трудного бюджетного положения».

В феврале 1932 года я потерял своего старого друга Фердинанда Бюиссона, умершего в возрасте 90 лет в своей маленькой деревне Тьелау-Сент-Антуан. Он был образцом республиканской честности. Сын судьи, он должен был много трудиться, чтобы закончить свое среднее образование; отказавшись присягнуть Империи, он вынужден был эмигрировать в Швейцарию, где стал профессором философии в Невшательской академии. Он обратил на себя внимание своей антивоенной пропагандой на конгрессах мира, однако вступил добровольцем в национальную гвардию во время наших испытаний 1870 года. Сначала инспектор начальных школ, затем

генеральный инспектор народного образования и директор начального образования, Фердинанд Бюиссон в 1902 году был избран депутатом. Лига прав человека сделала его своим председателем после смерти Франсиса де Пресансе. Это был праведник и кроткая душа, человек более чем кто-либо другой чуждый всякого фанатизма, стремящийся к беспристрастности и высоко ставящий моральные ценности.

20 февраля 1932 года г-н Андре Тардье сформировал кабинет из 13 министров и 8 товарищей министров. Он оставил за собой пост министра иностранных дел, поручив г-ну Полю Рейно пост вице-председателя совета министров, юстицию и государственный контроль. Г-н Фланден принял финансы и бюджет, г-н Франсуа Пьетри – министерство национальной обороны и г-н Пьер Лаваль – министерство труда. В своем генеральном докладе о бюджете (приложение к протоколу 2 заседания 18 марта 1932 года) г-н сенатор Абель Гарде обратил внимание высокого собрания на авансы, предоставленные иностранным правительствам и банкам, испытывавшим затруднения. Эти авансы распределялись следующим образом (в миллионах франков):

Польша	215
Югославия	265
Югославия	250
Венгрия	354
«Банк д'Альсас э де Лоррен»	901
«Банк Насьональ де Креди»	2035
Итого	4020

Первые авансы, Польше и Югославии, были оправданы сами по себе: они были выданы в силу двух законов от 8 января 1924 года. Но этого нельзя сказать о других операциях. Второй аванс Югославии должен был компенсировать потери, понесенные этой страной в результате моратория Гувера. По правде говоря, дело шло о помощи верным друзьям, что никак не относилось к Венгрии. Какие причины могли побудить министра финансов оказать ей помощь, в которой ей отказала Англия, и заставить «Банк де л'Юньон Паризьенн» подписаться на 354 миллиона венгерских облигаций, оплачиваемых в долларах за счет авуаров французского казначейства?

Можно также понять желание поддержать «Банк д'Альсас э де Лоррен», чьи затруднения начались еще в 1919 году, и помешать закрытию его 260 отделений в воссоединенных департаментах. Но «Банк Насьональ де Креди»? Что явилось причиной его плачевного состояния? Как оправдать аванс, достигавший в момент, когда Абель Гарде составлял свой доклад, 2 миллиардов

35 миллионов? Незаконность подобных операций была очевидна. Статья 131 закона от 16 апреля 1930 года гласит: «Министр финансов может соглашаться на авансы, изымаемые из ресурсов казначейства, только в том случае, *если на это имеется специальное разрешение закона,* за исключением авансов, испрашиваемых департаментами и коммунами, общественными учреждениями, колониями и протекторатами в случае временных затруднений их казначейств». Если бы левое правительство прибегло к подобным незаконным действиям, как бы с ними обошлись?

Впрочем, в письме, адресованном г-ну Мальви, г-н Фландеи перечислял авансы, разрешенные правительством, главные из которых следующие: 8 августа 1930 года Трансатлантической компании было предоставлено 3 миллиона 829 канадских долларов, то есть приблизительно 70 миллионов франков; 29 ноября 1930 года пароходству «Мессажери Маритим» – 8 миллионов 305 долларов, то есть 208 миллионов франков; 29 ноября 1930 года Трансатлантической компании – 1424 тысячи фунтов стерлингов, или 170 миллионов франков.

20 марта 1932 года г-н Жозеф Кайо произнес в Ажане большую речь, в которой он не только обличал бюджетный дефицит за 9 месяцев, но и «латентный дефицит, который скажется в бюджете 1933 года и который следует исчислять не меньше чем в 7 миллиардов в год». По его мнению, придется в силу крайней необходимости урезать государственные расходы «сверху донизу во всех звеньях». Экономическое положение еще тяжелее, чем финансовое. Наступление «судного дня» было задержано кредитной оргией. В результате прогресса техники производство товаров превысило покупательную способность потребителя. Выказывая глубокую осведомленность и благородный образ мыслей, г-н Жозеф Кайо, применяя в экономике идеи Анри Бергсона о рациональном использовании машин, требует соглашений между производителями; он призывает сотрудничать в этом деле всех республиканцев, чуждых клерикального духа, дабы навязать силам правой необходимые реформы и дисциплину. Оратор сожалеет, что не были осуществлены ни конверсия ренты, ни реформа железных дорог, и критикует незаконные меры, принятые для того, чтобы снять с мели крупные банки. «За всю историю наших финансов, – утверждал он, – не было случая, чтобы частным интересам была оказана помощь за счет денег налогоплательщиков без соответствующего разрешения в законодательном порядке». Не было принято никаких мер, чтобы предотвратить возможность повторения злоупотреблений, обнаруженных этими крушениями.

Администраторы пострадавших фирм, состоящие членами советов в 20 или 30 дочерних предприятиях, были в то же время и их поставщиками.

24 марта 1932 года на трибуну сената поднялся г-н Анри Шерон и произнес остроумную речь, в которой оправдывал проводимую им политику «копилки». Папаша Гаспар напомнил, что в марте 1930 года он оставил казначейству 19 миллиардов и что в 1929 году были погашены 12 миллиардов долга, причем одновременно проводили политику снижения учетного процента. Но так как он противился дальнейшему снижению налогов, нашли, что он «нуждается в отдыхе». «И папаше Гаспару – жертве промаха в отношении замужней женщины – пришлось уйти посрамленному и сконфуженному». Итак, к 31 января 1932 года 19,5 миллиарда успели превратиться в 1900 миллионов. «Если подвести итог актива и пассива, – заявил г-н Шерон, – можно сказать, что наша наличность сводится к воспоминаниям». Вместо 3871 миллиона превышения доходов за 1929 бюджетный год, 1930/31 бюджетный год дал дефицит в 2600 миллионов. Генеральный докладчик заявил, что в следующем году дефицит достигнет 7 миллиардов. Г-н Анри Шерон критиковал опрометчивую щедрость, возмущался демагогией, сожалел, что не была проведена конверсия, и предсказывал, что теперь перед нами встанет дилемма: денежная инфляция или бюджетная дефляция. Он высказался за суровое оздоровление бюджета и энергичные действия против некоторых финансовых кругов, более или менее международных.

Предвыборная кампания в апреле – мае 1932 года ознаменовалась пятью крупными собраниями нашей партии: в зале Рамо в Лионе 12 апреля; в Тур-дю-Пене 13 апреля; в Ливроне 23 апреля; в Буре 28 апреля и снова в Лионе 29 апреля. Мы напомнили о том, что мы придерживались пакта Национального единения в той форме, в какой он был заключен, хотя и отказались стать соучастниками режима, преднамеренно и сознательно введенного блоком правых сил; что *план Дауэса дал Франции 24 миллиарда 344 миллиона,* согласно заметке, опубликованной 12 февраля министром финансов; что мы поддерживали Аристида Бриана против его собственного большинства, Бриана, «умершего, точно в изгнании, в собственной стране»[122]. Я говорил о своем сожалении (годы нисколько его не уменьшили) по поводу отъезда из Берлина американского контролера, исполнявшего там свои обязанности, согласно плану Дауэса; являясь образцом беспристрастности и понимания, он был свидетелем или арбитром между нашими самыми главными дебиторами и самыми главными кредиторами.

«О какой связи, – сказал я, – между репарациями и долгами можно говорить, когда мы вынуждены в силу первых периодически возобновлять наши акты и права, а в силу вторых связаны договоренностью без каких-либо предварительных условий и гарантий? Именно правительствам и ассамблеям принадлежит право определять политические условия этих соглашений. Мы имеем право критиковать их, потому что в надлежащее время указали палате на отсутствие необходимой компенсации». 20 апреля министр национальной обороны г-н Франсуа Пьетри произнес в Аяччо речь по поводу работы парламента 14 созыва. «Этот парламент испытал наибольшие терзания из всех, – заявил он, – он достиг вершин общественного благосостояния и познал отныне бездну нужды, ложащейся тяжелым бременем на всех». Он признавал, что экономическая и социальная политика, проводимая со времени восстановления французских финансов, способна была расстроить их вновь.

Наибольшее возмущение нашей партии вызывали аванс в два с лишним миллиарда, предоставленный «Банк Насьональ де Креди», и аванс в 354 миллиона, предоставленный Венгрии через подставное лицо «Банк де л'Юньон Паризьенн» без всякой конвенции. На плечи общества перекладывали риск, но не барыши. На наши средства вооружали против нас Венгрию, которая ненавидит нас. Знали также, что на долю тех, кто будет подготавливать бюджет 1933 года, достанется дефицит, достигающий 6-7 миллиардов. «Франция, оказавшаяся почти изолированной, несмотря на свою щедрость и свои жертвы, опустошенное казначейство и бюджетный дефицит – вот три факта, – заявил я, – которые в своей чересчур выразительной простоте резюмируют положение». Я старался быть умеренным в выборе выражений. Но не молчали и на другой стороне, на стороне министерства: там грозились стереть в порошок злополучных радикалов, там не отказывались ни от правительственного нажима, ни от выдвижения официальных кандидатов. Дискуссия разгорелась вокруг плана Юнга, который мы считали менее действенным, чем план Дауэса; вокруг утечки капиталов, которой угрожали нам в случае возобновления политики левых партий; вокруг предоставления займа в два с лишним миллиарда «Банк Насьональ де Креди» без ведома парламента; вокруг негативного национализма г-на Тардье; вокруг насилий правых. Несмотря на резкость полемики, в которой все же соблюдали вежливость, эта кампания все же выходила за пределы выяснения обстановки. 28 апреля г-н Катала по поручению г-на Андре Тардье выступил в Бельфоре с резкой речью, в которой, нападая на радикалов, он, однако, старался

привлечь их в ряды своего большинства.

В тот же день в Буре я уточнил наши методы. «Я уже неоднократно говорил – и настаиваю на этом определении, – что радикализм должен быть приложением разума к политике и роль его заключается в устранении предрассудков, иллюзий и догм. Мы должны в первую очередь наблюдать. Однако в результате отвратительной войны, чьи губительные последствия продолжают сказываться, мы переживаем мировой кризис, потрясающий самые основы нашей цивилизации. Экономические и политические институты претерпели слишком много, чтобы их можно было подвергать сильным потрясениям, грубой и поневоле слепой хирургии революционных методов. Нужно изучать, анализировать, терпеливо применять необходимые лекарства для лечения многочисленных и глубоких недугов». Факт странный, но достоверный: весь мир страдал от нарушения как экономического, так и финансового равновесия; сельскохозяйственное перепроизводство дополняло промышленное перепроизводство; мировое потребление хлеба сократилось, а производство его увеличилось; запасы пшеницы, сахара, хлопка, джута, шелка-сырца все возрастали, а сельское население страдало из-за уменьшения своих средств, то есть покупательной способности. Промышленное производство было беспорядочным. Наблюдались излишки каучука, свинца, цинка, олова; уголь, нефть, кожа и шерсть не находили больше сбыта. Почти миллиард людей был лишен возможности покупать из-за падения цены на белый металл.

Мы требовали для всего мира, и особенно для Франции, упорядоченной экономики; мы осуждали как старые формулы свободной конкуренции, так и насильственные революции. Мы хотели сохранить сельскохозяйственную мощь нашей страны, избежать чрезмерной индустриализации, обеспечить жизнь трудящегося, даже если он остается без работы свыше 180 дней в году, пересмотреть режим патентов, восстановить равновесие государства (потому что при республике государство – это мы), успокоить перепуганных вкладчиков, готовых забрать свои вклады (47 миллиардов в сберегательных кассах), бороться против спекулянтов и ажиотажа, оказывающих давление не только на дела, но и на общественную жизнь, – такова была наша внутренняя программа.

Что касается внешней политики, я настаивал на содействии Соединенных Штатов. «Если Версальский мир оказался хромым, – сказал я, – то это потому, что, отказавшись от гарантийного договора, ему отрезали ногу. Если у Лиги наций не хватает еще авторитета, которым мы хотели бы ее наделить, то в этом

виноваты Соединенные Штаты, которые остановились у ее порога вместо того, чтобы войти в нее… Международный порядок предполагает и подлинно международное сотрудничество – это аксиома». В ожидании прочной организации мира надо заботиться о безопасности Франции. Путем развития образования и создания единой школы надо превратить нашу страну в нацию качества.

Г-н Тардье с обычным темпераментом нападал на нас с цифрами в руках. Однако официальные документы легко опровергали эти цифры. Г-н Бедус уже сделал это в своей замечательной речи, произнесенной в палате 24 феврали 1930 года. Я мог противопоставить безапелляционным аргументам г-на Тардье спокойные утверждения г-на Шерона и г-на Пуанкаре. Мне кажется, что именно эта часть нашей аргументации наиболее поразила избирателей. Я отказался взять обязательства совместно с социалистами, но заявил, как говорили древние: «Если делать выбор, я – народ».

После первого тура выборов, 4 мая, г-н Андре Тардье приветствовал достигнутые результаты и обратился к радикалам с призывом выступить против социалистов. Во внешних делах он вполне справедливо ссылался на недавно опубликованную переписку Густава Штреземана с кронпринцем: она прекрасно показывала характер обоих уполномоченных 1925 года, из которых один хотел договориться, а другой хитрил. Но, придерживаясь хорошо известной тактики, г-н Тардье хотел перетянуть партию радикалов направо и сделать из нее левое крыло реакции.

Накануне второго тура, 6 мая 1932 года, я должен был произнести последнюю речь в зале Этьенн Доле, чтобы еще раз ответить председателю совета министров и опровергнуть его расчеты. Я охарактеризовал нашу партию как «центр тяжести страны и республики» и необходимый костяк Франции. Я напомнил г-ну Тардье свидание в Дрездене в июне 1813 года, когда Наполеон пытался произвести впечатление на Меттерниха обилием и резкостью своих аргументов. «Ваше величество, – ответил ему дипломат, – до нашей беседы я предполагал, что Ваше дело проиграно; теперь я твердо знаю, что оно проиграно».

Правительство 1932 года

I. До образования кабинета (1 мая – 4 июня 1932 года)

По всей Франции на стенах расклеены желтые афиши, предупреждающие, что, если к власти придут левые, стоимость франка упадет до одного су. Г-н Тардье подтвердил эту угрозу всем своим авторитетом министра. Как отнесутся к этому французские избиратели?

В результате первого тура выборов (1 мая) были избраны 63 радикал-социалиста с улицы Валуа и 40 объединенных социалистов. Баллотировка была благоприятной для левых. Но начиная с понедельника 2 мая биржа ответила на призывы г-на Тардье соответствующими махинациями. Стоимость некоторых французских рент упала на 1 – 1,5 пункта, в то время как большинство французских ценных бумаг, наоборот, проявляли, выражаясь языком биржевиков, благоприятную ориентацию. Отмечалось понижение стоимости бумаг Французского банка (минус 660 франков), акций Суэцкого канала (минус 225), «Креди Фонсье» (минус 155), «Лионнэз дез'О» (минус 120) и «Креди Лионнэ» (минус 71). Г-н Эжен Лотье в «Ом либр» настаивал на угрожающем характере этих симптомов. Печать, расположенная к правительству Тардье, более или менее тактично использовала их. «Ла Кот дефоссе» (в номере от 2 мая) писала: «Кажется даже, что не обошлось без преднамеренного давления».

Чтобы пресечь эти по-разному тенденциозные и все более множащиеся сообщения, бюро улицы Валуа, «полное решимости сохранить за партией свободу суждений впредь до решений, которые будут приняты после второго тура голосования, и особенно во время заседания парламентской группы и комитета, решило воздержаться до тех пор от всяких преждевременных заявлений, которые могли бы быть различно истолкованы в связи с формированием правительства».

4 мая г-н Андре Тардье выступил снова. Он вновь попытался посеять панику, рисуя опасность воскрешения «Левого блока»; он заклинал победителей-радикалов присоединиться к прежнему большинству. В пятницу, 6 мая, я только что закончил в Лионе свой ответ для печати, когда узнал об ужасном покушении, жертвой которого стал президент Думер. Мои друзья и я тотчас отказались от наших политических собраний, чтобы присоединиться к населению Лиона, выражавшему особенно глубокую скорбь.

Наш огромный успех 8 мая был омрачен национальным

трауром. Я питал по отношению к г-ну президенту Думеру те же чувства уважения, которые выказывали ему все французы. Более того, он удостоил меня чести быть его другом, и я сохранил к нему глубокую признательность за его неизменно дружеское отношение. Он не питал к левым злобы за тот неуклюжий маневр, в результате которого ему противопоставили Бриана. В качестве председателя палаты мне приходилось поддерживать с ним самые доверительные отношения, в частности когда ему было поручено сформирование правительства. После катастрофы в Фурвьере он оказал самую действенную поддержку моим согражданам. Во вторник 3 мая он передал мне свои поздравления и выражения радости по поводу нашего первого успеха.

9 мая я присутствовал в больнице Божон при снятии маски с бедного дорогого Альбера Тома, после чего отправился в Елисейский дворец. Генеральный секретарь провел меня по узким коридорам и лестницам дворца в комнату на первом этаже, где лежал президент. Никакой пышности, все очень скромно. Возле кровати всего несколько цветков. Красное пятно на щеке указывало на одну из ран. На лице печать спокойствия. У смертного одра г-жа Думер, стоя на коленях, держала руку того, кого она поддерживала в стольких испытаниях. Она была так добра, что вспомнила о привязанности президента к своему бывшему коллеге в сенате и поблагодарила меня за телеграмму, посланную от имени Лиона. Гюисман жаловался мне на плохую организацию полиции в Елисейском дворце и на то, как отвратительно работает Сюртэ Женераль[123].

Некоторые сенаторы и депутаты, обсуждая вопрос о замещении президента Думера, решили выдвинуть кандидатуру Поля Пенлеве. Они были намерены на следующий же день после победы на выборах продемонстрировать волю республиканцев не капитулировать без боя перед видами покойного кабинета и умершего большинства. Демократическая левая сената была противоположного мнения, и г-н Пенлеве снял свою кандидатуру. 633 голосами из 826 был избран г-н Альбер Лебрен. Г-н Леон Блюм не замедлил заявить 11 мая в «Попюлер», что радикал-социалисты уже предали социалистов и восстановили «Национальный блок». Между тем г-н Андре Тардье вручил новому президенту отставку своего кабинета. В его письме, не страдающем недостатком похвал по адресу уходящего в отставку кабинета, содержались едва прикрытые угрозы. «Новая политическая ситуация, – писал он, – может иметь последствия, не зависящие от воли правительства», и он отказывался брать на себя за это ответственность. То был, несомненно, намек на прежние предсказания во время выборной кампании;

действительно, на бирже царило беспокойство, несмотря на благоразумие радикалов, объединившихся вокруг кандидатуры г-на Альбера Лебрена.

Председатель ушедшего в отставку совета министров выдал своему правительству свидетельство о достигнутых успехах. «Уходя, наше правительство, – заявил он, – может с гордостью сказать, что оно оставило здоровое положение, спокойную Францию, в которой восстановлен порядок; обеспеченную безопасность; производство, защищенное от мирового кризиса; безработицу, в двадцать раз меньшую, чем у наших соседей; стабильную и незатронутую валюту; бюджет, утвержденный в надлежащее время; уменьшенный на 20 миллиардов государственный долг; политику мира и репараций, одобренную почти единогласно всеми партиями. Пусть эти гарантии всегда будут у нашей дорогой родины! Таково пожелание, которое диктует нам наш патриотизм. Где бы мы ни находились, мы сделаем все, чтобы оно осуществилось». Мне показалось, что в речи, произнесенной г-ном Тардье в Пантеоне, содержалось несколько выпадов. По окончании похоронных церемоний я сделался предметом нескольких манифестаций разного характера. По возвращении я получил довольно тревожные вести относительно казначейства.

Новости касались внутреннего и внешнего положения. 10 мая посол Флёрио сигнализировал мне из Лондона о риске, связанном с импортом капиталов во Францию, ссылаясь на факты, на которые мы часто указывали во время выборной кампании. «В мире существует, – говорил он мне, – большое количество свободных капиталов, которые кочуют из одной страны в другую в зависимости от вознаграждения и безопасности, которые им предоставляют. Значительная часть этих денег нашла в начале прошлого года употребление в Германии и в Англии; именно бегство этих денег, владельцы которых опасались за их судьбу, и вызвало сначала германский кризис, а затем английский. Нынче в связи с неустойчивостью фунта стерлингов и опасениями по поводу доллара эти капиталы осели частично во Франции. Собственники этих денег принадлежат к самым разным национальностям и доверяют нам свои капиталы как солидному банкиру, но намерены их изъять, когда восстановится доверие к другим рынкам. Некоторые из них хранят свои деньги в билетах Французского банка, несколько миллиардов которых теперь припрятано в чулках иностранцев, что говорит о временном характере иностранных капиталовложений во Франции… Публика не знает о положении, которое я вам только что изложил. Французский банк может

подтвердить вам то, что я пишу. Я не думаю, чтобы мы стремились сохранить и тем более привлечь иностранные капиталы; но для нас, конечно, очень важно не вызывать их бегства. Доминирующим фактором современного мира является общее бедственное экономическое положение…»

Со своей стороны г-н Мальви сообщил мне 11 мая свои опасения по поводу декларации министра Фландена перед группой радикалов.

Несмотря на раздававшиеся со всех сторон требования, я продолжал молчать. Г-н Жан Жиромский заявил 13 мая в «Попюлер», что моя позиция «чрезвычайно шокирует», и требовал, чтобы я дал «ясные ответы» по некоторым пунктам. Леон Блюм со своим всегдашним талантом засыпал меня советами. Поль Фор угрожал. Я должен признаться, что в середине мая меня больше заботили основные проблемы, чем споры относительно политической формы будущего кабинета. В субботу 14 мая мне нанес визит в Лионской ратуше г-н Залесский, министр иностранных дел Польши. После этой дружественной встречи он направил мне длинную ноту о финансовом положении своей страны, также страдавшей от значительной утечки краткосрочных капиталовложений. Иностранные заимодавцы, чьи капиталы были заморожены в соседних странах, мобилизовали свои фонды в Польше, которая из уважения к своей подписи не препятствовала переводу валюты. Так был исчерпан фонд валюты польского банка, и Польша вынуждена была экспортировать золото, что уменьшило обеспечение злотого. Чтобы облегчить финансовое положение этой страны в ожидании результатов конференции по репарациям, необходимо было предоставить ей 300 миллионов франков. Польское правительство рассчитывало на некоторые возможности в результате быстрой реализации займа для железной дороги Силезия – Балтика (вторая очередь). Поскольку эта операция не оправдала надежд, Польша опасалась, что будет вынуждена приостановить свои платежи за границей.

Речь, произнесенная 11 мая в рейхстаге канцлером, не могла содействовать облегчению положения. Г-н Брюнинг[124] изложил германский тезис о разоружении; он напомнил о времени, когда с его страной обошлись «с беспримерной грубостью», и требовал «восстановления равноправия». Он требовал также аннулирования политических долгов в качестве первоочередного условия спасения мира и протестовал против мысли, что Германия снова сможет платить после моратория. 15 мая в Дижоне г-н Поль Бонкур ответил на эту декларацию в своем обращении к бывшим фронтовикам. Оратор развивал следующие идеи: 1) нужно организовать мир в национальном и

международном масштабе как в области политической, так и экономической; 2) может быть, придется просить бывших фронтовиков пойти на жертвы, но лишь после того, «как будет осуществлена возможная экономия во всех других областях, кроме той, которая отмечена кровью мучеников и вдовьими слезами»; 3) нужно поощрять Дунайскую организацию; 4) что касается разоружения, то мы должны твердо стоять на наших позициях, которых придерживались все французские правительства начиная с 1924 года и которые непосредственно вытекают из протокола, связывающего разоружение с арбитражем и безопасностью. Так как организовать международную безопасность посредством взаимопомощи и международной силы еще невозможно, мы должны, дабы воспрепятствовать перевооружению Германии, «хладнокровно и без демагогии взвесить, на какое сокращение вооружений можно пойти при данном положении вещей и при существующих международных гарантиях, чтобы осуществить первый этап, который лишил бы Германию предлога, ожидаемого частью ее общественного мнения (увы! все возрастающей), и который дал бы, напротив, ее демократическим элементам, борющимся в трудных условиях, возможность сопротивляться этому перевооружению»; 5) что касается репараций, то мы должны примирить наше чувство европейской солидарности с нашей решимостью не допустить отмены наших неоспоримых прав и, во всяком случае, не допустить нарушения равновесия между нашими кредитами и долгами, поскольку было бы несправедливо возложить все убытки только на французского налогоплательщика».

Съезд Федерального союза партии дополнил 17 мая эти пять предложений пожеланием, согласно которому должна быть усилена власть Лиги наций, произведено «существенное, всеобщее, одновременное и строго контролируемое сокращение национальных вооружений»; в распоряжение Лиги наций предоставлены интернационализированная гражданская авиация и другие силы, необходимые для создания автономной международной полиции, а сама Лига наций получила бы авторитетную власть и право принимать быстрые решения, основывающиеся на уважении к договорам и международному праву. Кроме того, съезд провозгласил срочную необходимость морального разоружения. Следует отметить, что в это же время бюджет рейхсвера предусматривал кредит на постройку линкора типа С, третьего из новой морской серии.

Затруднения г-на Тардье и г-на Фландена стали более понятными, когда узнали, что правительство было вынуждено выпустить 3 миллиарда бон казначейства. Эту операцию

представили публике в самом безобидном виде: эти боны – объяснялось ей – должны были попросту заменить эмиссию облигаций для финансирования программы национальной технической реконструкции. Об этом и некоторых других вопросах я беседовал с президентом республики 18 мая, когда он оказал мне честь, пригласив к себе. У него возникла мысль, которой он продолжал придерживаться, поручить мне без промедления формирование кабинета. Однако после некоторого размышления он счел, что будет лучше подождать созыва новой палаты и выбора председателей обеих палат. Я охотно согласился на его предложение присутствовать на совещаниях, на которых он собирался поставить на обсуждение самые серьезные современные проблемы. Биржа ответила на эту беседу значительным повышением курса. В результате размышлений после второго тура голосования среди всевозможных противоречивых слухов и мнений я пришел к мысли, что мой долг пойти на сотрудничество с социалистами в будущем правительстве без каких-либо условий; в том же случае, если бы этого не удалось достичь, я решил предстать перед обеими палатами, не вступая ни в какие переговоры с группой Тардье; я собирался выработать ограниченную, но вполне конкретную программу, по которой и будут обо мне судить.

20 числа состоялось заседание бюро партии радикалов. Социалисты – сторонники сотрудничества – хотели, чтобы мы приняли на себя инициативу резолюций, которые они обсудили сами. Я сказал своим друзьям, что подобная процедура кажется мне опасной для нас; что это приведет к тому, что на нас возложат ответственность за решение социалистов; что социалисты, не согласовавшие с нами свою позицию, будут совершенно свободны и что я опасаюсь неискренности, неизбежной в любой полемике. Моя точка зрения была одобрена бюро единодушно, за исключением двух человек. Мы назначили на 31 мая собрание нашей группы и исполнительного комитета и продолжали упорно придерживаться своей сдержанной позиции; несмотря на настояния прессы. 22 мая в Лионе я имел продолжительную беседу с г-ном Норманом Дэвисом[125]. Я нашел в нем собеседника, наделенного чувством справедливости, стремящегося устранить столь многочисленные политические и моральные трудности в отношениях между Соединенными Штатами и Францией. Он высказал мне свой взгляд на причины этого недоразумения. Мы долго говорили о Германии; я изложил ему свои опасения, свое мнение о политике дальнего прицела, которой придерживались после перемирия наши соседи, и особенно г-н Штреземан. Несмотря на уважение моего

собеседника к канцлеру Брюнингу, он согласился со мной относительно опасного характера немцев и целей, преследуемых их дипломатами. Он пожелал, в частности, чтобы были урегулированы несущественные, по его мнению, затруднения между Францией и Италией. Беседа, весьма любезная с самого начала, приобрела очень скоро, как мне показалось, дружественный характер, может быть, благодаря нашей общей привязанности к Макдональду, чьи сердечные пожелания он мне передал.

Социалисты готовили свой съезд; одно за другим следовали собрания их федераций. Статья Поля Фора, в которой он вновь обрушился на нас с бранью, столь обычной для него, вызвала даже внутри социалистической партии ожесточенные споры.

Меня гораздо больше беспокоило происходящее в Германии, чем то, что могло взбрести на ум Полю Фору. Утром 24 мая меня навестил г-н Франсуа-Понсэ, французский посол в Берлине. Он изложил мне с подчеркнутым пессимизмом политическое положение в Германии, почти монархическую власть президента Гинденбурга, вероятный образ мыслей канцлера Брюнинга и сделал очень интересный анализ характера гитлеровского движения как реакции протестантского пиетизма против католицизма центра и, в более общем порядке, против духовной анархии в стране. Что касается проблемы репараций, то он, как мне показалось, не мог предложить конкретного решения.

Его сведения совпадали с теми, которые мне сообщил Пьер Вьено об очень шатком социальном положении в Германии, о большом количестве безработных, вынужденных нищенствовать и готовых вступить в отряды неистовых штурмовиков. Молодежь воодушевляется идеализмом без идеалов. На службе у национал-социализма офицеры генерального штаба умело организуют голытьбу.

Во второй половине того же дня, в 15 часов 45 минут, меня принял президент республики. Он подтвердил мне свое намерение подождать с образованием кабинета до созыва новой палаты и попросил меня действовать быстро, как только она соберется. В 4 часа вошли гг. Тардье и Фланден. С самого начала беседы г-н Тардье, несмотря на внешнюю вежливость, выказал явную неприязнь и нетерпимость. Тем не менее он дал ясный и глубокий анализ переговоров в Женеве, различных вопросов репарационной проблемы и данных дунайской проблемы. Когда он закончил свое сообщение, а г-н Фланден изложил два срочных дела – о помощи Австрии и о возобновлении кредитов, предоставленных Германии Французским банком, – произошел инцидент, который можно было предвидеть. Упомянув с большой

резкостью о критике, которой он подвергся за предоставление займов иностранным государствам, г-н Тардье наотрез отказался принять какое-либо решение по поводу этих двух вопросов. Тогда я заявил, что ни о чем не прошу и готов удалиться. Г-н Фланден не высказал своего мнения, а лишь присоединился к мнению своего председателя, но в гораздо более сдержанном тоне. По рассмотрении вопроса было признано, что нет надобности усугублять затруднение, возникшее в связи с предоставлением частных кредитов, ответственность за которые Французский банк не должен был возлагать на правительство. Спокойствие президента республики помогло восстановить мирную обстановку, которая позволила г-ну Фландену изложить положение казначейства. Министр финансов мимоходом указал на то, что, по его мнению, придется пересмотреть бюджет 1932 года. В ответ на мою просьбу мне обещали предоставить для ознакомления документы, касающиеся обсуждаемых вопросов. Довольно краткое коммюнике было составлено сравнительно легко. Беседа позволила мне хорошо познакомиться с характером обоих министров: один из них, председатель, – вспыльчивый, горячий, агрессивный; другой – хладнокровный, сдержанный, вполне владеющий собой и скрытный.

Гораздо более отрадное впечатление произвело на меня свидание с представителями Национальной конфедерации бывших фронтовиков во главе с г-ном Риволле, состоявшееся 25 мая. Достойные люди! Когда я говорил им о тех жертвах, которые мне, может быть, придется потребовать от них во имя Франции, какая преданность была в их добрых глазах! Такое же хорошее впечатление осталось у меня и от беседы с лордом Тиреллом, превосходным послом Англии. В ходе долгой и вполне дружественной беседы он посоветовал мне воспользоваться моим первым выступлением в палате, чтобы ознакомить его страну с подлинной точкой зрения Франции и моей программой: работать над организацией международного порядка, обеспечивая этот выгодный для всех порядок и для Франции. Он как будто хотел услышать формулировку, подобную той, которой воспользовался президент республики на приеме дипломатического корпуса. Он удивлялся, что правительство Тардье не захотело ответить на заявление, сделанное Невилем Чемберленом, министром финансов, в палате общин 2 февраля. Последний заявил следующее:

> «Политика британского правительства Его Величества имеет целью полное и окончательное урегулирование вопроса репараций в возможно более

короткий срок. Мы полагаем, как и некоторые правительства этой страны в прошлом, что смогли бы достичь этой цели путем всеобщего аннулирования репараций и военных долгов. Я хочу сделать еще одно замечание. Законные обязательства Германии установлены Гаагскими соглашениями; односторонние действия, исходящие от Германии, не могут ни изменить их, ни аннулировать. Это очевидно; насколько я знаю, никто никогда не оспаривал этого положения; но из отчета Базельского комитета точно так же ясно, что Германия не в состоянии возобновить выполнение своих обязательств. Поэтому, когда государства-кредиторы начинают рассматривать возможные в будущем соглашения, необходимо, конечно, учитывать этот факт».

«Я хочу, – прибавил лорд Тирелл, – помочь вам и позволить, если это возможно, наверстать часть потерянного времени. Если вы можете сообщить мне имя вашего будущего министра финансов, я приглашу г-на Лейт-Росса работать с ним». Я принял это предложение, выразив свою признательность, и попросил г-на Жермена Мартена связаться с английским посольством. Во время нашей беседы лорд Тирелл не раз доказывал мне свою проницательность. Он набросал мне портреты некоторых английских политических деятелей и привел фразу, сказанную им сэру Джону Саймону: «Факты для меня ничего не значат; впечатление, произведенное фактами, – для меня все».

26 мая Генеральная федерация служащих с улицы Пуатье вручила мне записку по поводу интересующих ее проблем: жалованье, пенсии, сотрудничество с профсоюзами. Я ответил, что не могу взять на себя никаких обязательств в отношении денежных вопросов; зато я обещал сделать все от меня зависящее, чтобы улучшить в демократическом отношении и в соответствии с современными идеями отношения между государством и его служащими. Сведения, получаемые о поступлении налогов, не располагают к щедрости. За один апрель 1932 года налог с оборота дал на 132 миллиона франков меньше, чем ожидали и на 104 миллиона меньше, чем поступило за соответствующий период 1931 года, иначе говоря, на 18 процентов меньше ожидаемых налоговых поступлений. Все поступления от косвенных налогов уменьшились в целом на 5 процентов.

Я думал об урегулировании вопроса возобновления кредитов Французского банка Рейхсбанку; но Тардье в письме от 25 мая вновь отказался высказать свое мнение. Тогда Французский банк обратился ко мне. Посоветовавшись с Кайо и сделав оговорки,

которых требовало мое положение, я высказался за возобновление кредитов. 26 мая я поздравил себя с тем, что оказался одного мнения с Кайо и Жермен Мартеном относительно той процедуры, которую я наметил для обсуждения в Лозанне проблемы репараций. Мы согласились также с тем, что необходимо изучить европейский план лишь при одном решающем условии – если Соединенные Штаты не пойдут ни на какие жертвы, и требовать созыва самостоятельной международной валютной конференции.

27 мая мне нанесли визит два эфиопских министра – Блатен Гэта Сале Седалу (Blaten Ghèta Sahlé Sedalou) и Деджазмач Насибан (Dedjazmatch Nassiban), заявившие мне о своем намерении предложить Франции соглашение от имени своей страны. Беди эль Муейяд, уполномоченный округов Сирии, жаловался на чрезмерные расходы, возложенные на его правительство.

Во всех областях возникали серьезные проблемы. Общий дефицит железных дорог составил к концу 1932 отчетного года 9 миллиардов, из которых 4 миллиарда приходилось на текущий год; эти сведения мне сообщил г-н Пешо. Компании требовали общего снижения транспортных налогов, достигающих 1700 миллионов. В связи с различными дефицитами бюджет 1933 года должен будет нести расходы в сумме 800 миллионов без покрытия. Я заявил представителям железных дорог, что их проблема имеет, на мой взгляд, главным образом технический характер и что надо приспособить железнодорожные перевозки к требованиям времени.

В тот же день к вечеру полковник Фабри пришел побеседовать со мной по поводу взглядов армейской комиссии на организацию национальной обороны и на необходимость централизованного предоставления и расходования кредитов; он рекомендовал моему вниманию мнение нашего коллеги Рюкара. Я считал целесообразным поручить Высшему совету национальной обороны изучить необходимые изменения. Рюкар передал мне заметки, составленные, по его словам, на основании моих выступлений.

В разгар работы по сформированию кабинета я узнал, что г-на Франсуа-Марсаля привлекли к ответственности за нарушение закона об акционерных обществах. Как изменились времена! Посол Соединенных Штатов, отбывавший в Вашингтон и Чикаго, нанес мне визит вежливости; он сообщил мне о своем намерении представить на мое рассмотрение некоторые дела, связанные с применением моратория Гувера. 29 мая Стид, Шотуелл и Манту прибыли из Женевы в Лион, чтобы побеседовать со мной о

международном положении. Стид настаивал на необходимости урегулировать Маньчжурский инцидент, иначе Соединенные Штаты начнут подготовку войны на Тихом океане и придется пересмотреть статью 16 Устава Лиги наций. Он передал мне текст резолюции, внесенной сенатором Каппером в американский конгресс; эта резолюция требовала изолировать нацию, которая нарушит Устав, отказав ей в военных материалах и в какой бы то ни было финансовой поддержке.

* * *

Вторник 31 мая оказался очень важным днем. Накануне подало в отставку правительство Брюнинга. Открылся съезд социалистов. Утром в 9 часов президент республики пригласил меня, чтобы узнать о ходе моей подготовительной работы. Состоялось заседание группы радикал-социалистов, насчитывающей теперь 159 человек, без какого-либо обсуждения вопросов общей политики. После обеда мы получили следующее письмо от социалистической партии, уполномочившей Венсана Ориоля, Леона Блюма, Леба и Пьера Реноделя вести с нами переговоры.

> «Партия считает, что серьезность внешнего и внутреннего положения не позволяет ей пренебрегать предложением об участии в правительстве, которое ей могла бы сделать партия радикалов. Сотрудничество в правительстве различных партий предполагает наличие общей программы. Социалистическая партия следующим образом определяет программу действий, которую, как ей кажется, настоятельно диктует необходимость: 1) обеспечение мира с помощью соглашения между нациями и обязательного арбитража. Массовое сокращение военных расходов, доведение их до уровня кредитов 1928 года, и не позже чем через два бюджетных года и даже раньше, если это позволит инициатива, которую Франция проявит в Женеве в целях достижения разоруженного мира; 2) запрещение торговли оружием. Немедленное установление контроля и национализация предприятий, изготавливающих оружие; 3) обеспечение равновесия бюджета любыми мерами, за исключением сокращения социальных расходов или школьных и сельскохозяйственных кредитов, снижения зарплаты и жалованья и урезывания прав жертв войны и бывших

фронтовиков; 4) защита трудовых сбережений и контроль над банками; 5) защита сельскохозяйственного производства от спекуляции и продажи за бесценок путем учреждения общественных контор корма и зерна; 6) упорядочение эксплуатации железнодорожной сети не путем увеличения тарифов или уменьшения зарплаты железнодорожников, но путем ликвидации компаний и организации единой национализированной сети железных дорог и общего управления всем транспортом; 7) учреждение единой системы страхования, призванной оградить рабочего от нищеты, порождаемой безработицей, а сельского хозяина от разорения в результате стихийных бедствий, что может быть достигнуто лишь путем передачи народу монополии на страхование, находящейся в частных руках; 8) введение узаконенной сорокачасовой рабочей недели без сокращения зарплаты и в соответствии с программой ВКТ; 9) общая политическая амнистия.

Эта программа предполагает наличие большинства, исключающего реакционные партии, осужденные всеобщим голосованием. Ее осуществление должно быть обеспечено смелыми методами, призванными защитить государство от посягательств денежных воротил. Съезд готов, если партия радикалов пожелает, назначить делегатов, которые представят ей эту программу и передадут съезду ее ответ. Именно этот ответ предопределит и ответ партии на предложения, которые могут быть ей сделаны».

Около 18 часов Кайо, Сарро, Рену и я приняли делегацию социалистов и обещали ей представить наш ответ в письменном виде после совещания нашего исполнительного комитета. Текст этого ответа тщательно вырабатывался путем обмена мнений, продолжавшегося несколько часов. Кайо, помогавший мне в течение всего кризиса, оказал мне огромную поддержку; я был поражен широтой его мыслей. Бюро одобрило составленный мною текст:

«На данной стадии развития событий каждый ожидает объяснений от председателя партии радикалов, главным образом в отношении резолюции, принятой сегодня съездом социалистов. Я готов дать эти объяснения, сделав две следующие оговорки: 1. Само собой разумеется, что я буду говорить только как

рядовой член партии радикалов и не иначе. 2. В своих замечаниях я буду исходить из того факта, что наша партия не признает беспрекословного подчинения депутатов. Мы должны уважать принципы и дисциплину социалистической партии, которые нас нисколько не касаются. И наоборот, я не только имею право, но и обязан соблюдать традиционные правила нашей собственной партии. Она всегда разрешала своим членам входить в случае надобности, под свою ответственность и не нарушая наших принципов, в правительство. Мы не принимали на себя обязательств, которые заставили бы нас выйти за эти рамки. Подобная оговорка необходима для полной откровенности моих объяснений.

Теперь посмотрим, каковы те идеи резолюции социалистов, которые можно было бы примирить с нашими собственными идеями и которые, используя встречаемое там выражение, «настоятельно диктует необходимость»? Совершенно очевидно, что там есть идеи, совпадающие с нашими. Нужно ли призывать нас добиваться обеспечения мира с помощью соглашения между нациями и обязательного арбитража? Разве не мы инициаторы протокола 1924 года, и разве не мы, возможно первые, внесли в Лондонскую конвенцию пункт об арбитраже, что привело к миролюбивому и правильному применению плана Дауэса в нашей стране? Что касается этих основных пунктов, то наши действия являются доказательством того, что мы далеко превзошли свои обещания.

А защита сбережений, которая кажется нам столь необходимой после многочисленных инцидентов последних лет? Не наша ли партия разработала целую систему защиты, уточненную нашим почетным председателем Даладье, четко изложенную и глубоко продуманную? Что касается безработицы, не мы ли, пользуясь каждым случаем, заявляли, что, пока существует наемный труд, общество обязано по причинам скорее морального, чем политического порядка спасти от нищеты и отчаянья честного труженика, лишившегося средств к существованию в результате кризиса, за который он, совершенно очевидно, не несет никакой ответственности? Если бы

нас призвали к власти, мы бы по собственной инициативе предложили в пользу тех, кто лишен работы свыше 180 дней в году, меры, продиктованные как мудростью, так и справедливостью. Точно так же во исполнение наших собственных принципов мы хотим добиться увеличения продолжительности учебного курса и бесплатного среднего образования. В этом вопросе мы не дожидались приглашения, чтобы проявить свою инициативу.

Что касается других вопросов, то, соблюдая честность, ту честность, которой должны руководствоваться как в общественной, так и в частной жизни, мы должны четко изложить наши взгляды, учитывая не только наши принципы, но и огромные трудности, с которыми, по общему признанию, придется столкнуться правительству, каково бы оно ни было, на следующий день после своего создания. Очень легко взять на себя обязательство постараться сократить расходы по военным и другим статьям бюджета. Но мы должны заявить, что наш предел – тот, который устанавливается в результате детального изучения фактов, а не в силу формулы, принятой *априори,* будет зависеть от необходимости обеспечения национальной безопасности, пока существует возможность случайностей, которые внушают нам ужас и которые мы должны стараться устранить, что не вполне возможно при современном международном положении.

Размышляя над другими вопросами, затронутыми в резолюции социалистов, мы полагаем, что решать их следует в международном плане. Так, например, вопрос о запрещении производства и частной торговли оружием. К чему национализация этой промышленности во Франции, если любое государство, решившее начать войну, сможет купить оружие, в котором ему откажут у нас, в другой стране? Признавая вместе с некоторыми представителями работодателей и рабочих в Женеве, что сокращение рабочего времени может смягчить безработицу, разве можно узаконить сорокачасовую рабочую неделю иначе, чем в международных масштабах? В противном случае наша промышленность, оказавшись в неравных условиях, будет парализована и производство ее сократится до такой степени, что

безработица от этого только увеличится. А разве нельзя сказать того же о страховании? Чего мы достигнем, если французские страховые компании, даже в ограниченной части, будут монополизированы государством, а иностранные частные компании станут развивать и учреждать в нашей стране свои предприятия, значение которых нам хорошо известно? И этот вопрос нужно решать в международном плане; те, кто хочет видеть, могут убедиться в этом хотя бы на примере работы учреждений по перестрахованию.

Я также хочу сказать, что финансовые соображения, основанные на изучении современного положения, дополняют эти принципиальные замечания аргументами, от которых не сможет отмахнуться правительство, которому завтра придется столкнуться с действительностью. Капиталы, вложенные в страховые общества, составляют огромную сумму; сейчас существует более 800 французских или иностранных акционерных обществ или обществ взаимного страхования, более 450 обществ по перестрахованию, не говоря уже о 10 тысячах сельскохозяйственных обществ взаимного страхования. Эти подсчеты по крайней мере свидетельствуют о том, что подлежащий экспроприации капитал достигает примерно 5 миллиардов. Стоимость акций страховых компаний на парижской бирже достигала 31 декабря прошлого года 3 миллиардов 700 миллионов. Как реализовать эту экспроприацию, если средства казначейства исчерпаны, а бюджет обременен огромным дефицитом? Как аннулировать договоры по страхованию или перестрахованию, компенсировать маклеров и их агентов, их служащих во Франции и за границей? Как можем мы отказаться ради реформы, чьи результаты скажутся много позднее, от миллиарда, который мы получаем от налогов со страховых компаний? Какого ответственного государственного деятеля не заставят задуматься эти соображения?

Проблема железных дорог сопряжена с еще большими трудностями. На сегодняшний день дефицит за один текущий год составляет примерно 4 миллиарда. Пытаться выкупить их в этих условиях – это значит прийти в противоречие с конвенцией от 28 июня 1921 года, с ее 21-й статьей, со статьей 37-й списка

обязательств. Подсчитав сумму выкупа на основании данных этих документов, мы пришли к выводу, что для того, чтобы выкупить железные дороги, придется уплатить в трехмесячный срок 11 миллиардов. В таком случае, говорят нам, распустите компании. Но имеет ли государство право само осуществить подобное решение? Наши ученые коллеги – я говорю это с глубочайшим почтением – прекрасно знают роль, возложенную на Государственный совет. Разум, административная мудрость и обстоятельства – не советуют ли они прежде всего провести необходимую коренную техническую реформу, чтобы приспособить к существующим потребностям, в соответствии со всей системой транспорта, железные дороги, которым угрожает прогресс, обусловленный развитием дорог и автотранспорта? Не знаменателен ли тот факт, что даже сами английские социалисты не смогли осуществить в своей стране тех реформ, которые рекомендуют осуществить нам, радикалам, в нашей стране?

Как видите, я устраняю из этих замечаний всякую полемику: я становлюсь на почву действительности и фактов. Я ищу то, что возможно, и то, что невозможно. Я думаю и говорю, что трудности схватят за горло будущее правительство и не позволят ему довольствоваться решениями, о которых самое меньшее можно сказать, что они дальнего прицела. Я думаю и говорю, что обстоятельства, внутренние и внешние факты так ограничат свободу действий правительства, что оно не сможет, если оно сознает свою ответственность, отказаться от оставшейся у него возможности проявлять инициативу.

Возникают три проблемы, настолько неотложные, настолько грозные, что разум требует сосредоточить на них все внимание. Это прежде всего бюджет и его дефицит. Совершенно очевидно, что для восстановления необходимого равновесия придется вновь прибегнуть ко всем формам экономии. Не менее очевидно и то, что необходимые меры должны основываться на принципе равенства всех перед налогом и что мы не допустим мер, направленных против трудящихся классов. Что касается внешней политики, то нас ожидают Лозанна и Женева. Кто может сказать, в каких условиях мы начнем завтра

конференцию по вопросу о репарациях? Кто может устранить грозную неизвестность, порожденную совсем недавними событиями и внушающую беспокойство некоторым демократиям, точно так же, как и нашей? Все знают, что мы сторонники мер одновременного и контролируемого разоружения при непременной оговорке, что они не причинят вреда безопасности Франции. Почему отказывать нам в нашей свободе в концерте наций, когда мы вовсе не собираемся обеспечивать нашей стране какие-то эгоистические привилегии. а отдаем все наши силы, как мы это делали и в прошлом, на благо нашей национальной безопасности? Мы хотели бы, чтобы Франция предприняла эти либеральные начинания, но как могли бы мы искренне провозгласить их, когда мы не знаем еще, что думают об этом те элементы мира, которые, как и мы, хотят того же высшего блага – мира? Мы никого не критикуем, мы лишь говорим, что для нас над всеми программами – и очень высоко над ними – возвышается та, которая даст стране бюджетное равновесие, а на внешнем фронте – ослабление политического напряжения и экономическое согласие. Мы думаем, может быть, несколько наивно, но искренне, что все демократы, все подлинные республиканцы должны бы объединиться во имя этой цели. Она может удовлетворить и даже превзойти любую жажду деятельности. Именно ради этого дела мы готовы сотрудничать в правительстве с социалистической партией. Она сможет найти в этом ответе доказательство серьезности наших мыслей и нашего желания честно объясниться».

* * *

Вечером 31 мая исполнительный комитет заслушал сначала г-на Бержери. Однако депутат от департамента Сены и Уазы столкнулся с самого начала с большим недовольством собрания, что заставило его значительно умерить свои выводы и придало его манифестации довольно туманный характер. После выступлений сенатора Тисье, Кюдене и Доминика комитет, за исключением пяти или шести человек, единогласно принял наш

текст и следующую резолюцию:

> «Исполнительный комитет Республиканской партии радикалов и радикал-социалистов приветствует победу, одержанную партией республиканцев и, в частности, партией радикалов на выборах 1 и 8 мая, и выражает свою благодарность всем, кто ее подготовил, своим активистам и своим кандидатам, как избранным, так и не избранным, а также своему вождю, председателю Эррио, сыгравшему в этом деле решающую роль.
>
> Он констатирует, что этой победой мы обязаны главным образом тому единству между депутатами и активистами партии, которое мы сумели сохранить в течение деятельности парламента последнего созыва, той мощной и неустанной оппозиции нашей партии правительству правых, а также неизменному соблюдению республиканской дисциплины левыми партиями.
>
> Исполнительный комитет, уверенный в том, что он выражает волю избирателей, отказывается от какой бы то ни было правительственной комбинации, которая объединила бы их избранников с теми людьми, чья политика внешней изоляции и финансового дефицита была только что так решительно осуждена страной.
>
> В то же время он горячо желает объединения в составе правительства всех подлинных республиканцев, как социалистов, так и тех, которые в парламенте предыдущего созыва поддерживали своими голосами оппозицию партии блоку правых, и решил содействовать этому всеми силами.
>
> Он одобряет заявления своего председателя и выражает ему, как и установленным партийным органам, доверие, уполномочивая их продолжать необходимые переговоры с другими левыми партиями с целью сформирования нового кабинета».

1 июня, после свидания с д-ром Отто Граутовым, председателем и основателем франко-германского общества (Berlin, Schoneberg, A. M. Park 18), я долго беседовал с германским послом. Он хотел успокоить меня насчет Данцига и Польши, уверяя, что в данном случае нет никакой опасности. Он

охарактеризовал г-на фон Папена как решительного сторонника франко-германского согласия. В то же время он пытался узнать мои намерения в связи с конференцией в Лозанне. Его тезис известен: Германия никогда не сможет больше платить репараций. Она желает всего лишь представить на наше рассмотрение семь или восемь вопросов: разоружение, восточные границы, Саар, колонии и так далее; после этого она будет полностью удовлетворена. Я отлично понимаю, почему Германия хочет совершенно отказаться от своего долга по репарациям: она рассчитывает получить таким образом возможность заключить большие внешние займы для возрождения своей экономики. Я ответил послу, что, если новое правительство рейха требует моратория на неопределенный срок и не оговоренного никакими условиями, я буду рассматривать это требование Германии как пробу сил и попытку запугать нас.

На съезде социалистов Леон Блюм зачитал наше послание. Собрание единогласно приняло следующий текст, составленный Реноделем: «Съезд принимает к сведению речь, которой председатель Эдуард Эррио ответил на письмо социалистической партии, и резолюцию, которая одобрила эту речь. Он констатирует, что, *таким образом, закончились переговоры, отправным пунктом которых послужила резолюция съезда».* Во второй половине дня съезд принял следующий манифест:

«Граждане!

Французская социалистическая партия только что одержала на парламентских выборах победу, которой она может гордиться. За ее кандидатов было подано почти 2 миллиона голосов; 131 социалист вошел в палату депутатов. Мы выражаем нашу благодарность всем тем, кто дал этот ответ наглому вызову Тардье: «Социализм – вот наш враг». Эта победа тем более заслуживает быть отмеченной, что никогда еще сражение не приходилось вести в таких условиях. Социализм боролся одновременно с разнузданной клеветой правых, которую еще более усиливала пропаганда раскола и преступная тактика коммунистической партии, против кампании продажной печати, субсидируемой торговцами пушек, и против объединенного нажима предпринимателей и правительства, которое монополизировало радио, прибегло к выдвижению официальных кандидатов и пошло на финансовый шантаж, который в нормальных условиях должен был бы

привести ответственных за это руководителей на скамью подсудимых Верховного суда.

Социалистическая партия успешно сыграла в этом трудном сражении свою роль – вдохновителя борьбы пролетариата и демократии против экономической нужды и за сохранение мира.

На следующий же день после выборов съезд партии сделал честное усилие претворить в жизнь волю к действию, так ясно выраженную миллионами граждан, тем более исполненных решимости сломить внутри страны сопротивление денежных воротил, а вне страны – злую волю сил реакции и войны, что экономическая разруха и политическое потрясение в таких странах, как Германия, угрожают осложнить международное положение.

Съезд должен констатировать, что ответ партии радикалов делает невозможным соглашение относительно неотложной необходимости совместных правительственных действий, способных привести к решению срочных проблем, которого ожидают трудящиеся и демократы нашей страны. Нигде в заявлении председателя партии радикалов не была высказана мысль, что присутствие социалистов в будущем правительстве внесло бы в его деятельность какой-то элемент энергии и необходимую смелость.

Единственное пожелание, которое социалистическая партия высказывает накануне созыва новой палаты депутатов, состоит в том, чтобы рабочий класс, демократия и мир не слишком страдали от этой чрезмерной осторожности и осмотрительности. Это уже не в ее власти, если выявившаяся невозможность сотрудничества в правительстве обеих партий повлияет на их отношения в парламенте. Парламентская группа социалистов обязана в соответствии с традициями партии защищать программу, выработанную съездом, и, сообразуясь с этой программой, определить свою позицию в отношении правительства. Как и в прошлом, голосование парламентской группы не будет обусловлено какой-либо взаимностью, и, так же как и на выборах, где партия выдвинула лозунг: «Преградить путь

реакции», – так и теперь в парламенте она сделает все, что в ее власти, чтобы не допустить худшего для мира тружеников и вырвать у буржуазии максимум улучшений и реформ.

В этот знаменательный час социалистическая партия констатирует, что вся ее программа, все ее основные принципы находят в самих событиях самое трагическое подтверждение. Менее чем когда-либо она считает, что все могло бы или должно было бы быть решено в парламентских или правительственных рамках. Она взывает к стране. Она взывает ко всем людям доброй воли, верящим в идеи, которые она олицетворяет, и разделяющим ее надежды. Она призывает их теснее, чем когда-либо, сплотиться вокруг нее, вступать в ряды ее секций и федераций, объединяться в профсоюзах и быть готовыми отдать все свои силы совместной защите своей заработной платы, своих свобод и самого своего существования.

Граждане!

Начинается новая битва. Мы будем сражаться с вами в одних рядах. С нами вы победите».

В среду, 1 июня, биржа ответила на известие о восстановлении равновесия американского бюджета лихорадочным повышением курсов.

2 июня. Длинный разговор с Поль Бонкуром. Его точку зрения можно резюмировать следующим образом: партия в Женеве не проиграна, но очень трудная. Я пытался способствовать организации национальной обороны, устроив детальное обсуждение вопроса совместно с Пенлеве, Лейгом и Бонкуром. Мы, в частности, изучили трудности, связанные с установлением равенства Италии в области морских вооружений с Францией, что препятствовало нашему согласию с Англией и Соединенными Штатами по другим вопросам. Мы пришли к соглашению, по крайней мере относительно направления, которого необходимо придерживаться, чтобы добиться решения проблемы. Я был озабочен тем, как сочетать национальные интересы с нуждами международной политики. Другой вопрос: что следует взять из проекта создания единого министерства национальной обороны? Эту идею хотел осуществить Тардье, но преждевременно. К 19 часам мы пришли к соглашению: Пенлеве возьмет на себя

министерство авиации, Бонкур – военное министерство и Лейг – морское.

3 июня. Г-н де Флёрио сообщил мне из Лондона, что Джон Саймон, министр иностранных дел, поручил ему устроить, по возможности до Лозаннской конференции, свидание между Макдональдом и мною. Я продолжал переговоры по составлению кабинета и закончил их в ночь с 3 на 4 июня.

В связи с этим мне пришлось убедиться, что посредственности требуют всегда больше всех. Достойный человек говорит: «Берите или не берите меня, я в вашем распоряжении. Во всяком случае, назначайте меня туда, куда хотите». Посредственность торгуется, ссылаясь на свои чины и «авторитет» в палате или сенате. Другое правило: как бы мало ни говорил, всегда говоришь слишком много.

Шляпа государственного деятеля никогда не должна бы знать, что думает его голова.

28 мая 1932 года в Елисейском дворце, под председательством г-на Альбера Лебрена и в присутствии вице-председателя генерала Вейгана, произведенного в генералиссимусы, Высший совет национальной обороны принял следующее решение: «Отложить до следующего заседания рассмотрение проекта кредита на сумму 240 миллионов, установленного военным министром г-ном Пьетри и предназначенного для укрепления Мобежа, Монмеди и особенно Валансьенна и установления непрерывной линии фронта». 4 июня 1932 года собрался Высший военный совет под председательством генерала Вейгана и при участии маршала Петена. «Снова рассмотрели проект кредита в 240 миллионов. Маршал Петен продолжал придерживаться противного мнения, и большинством голосов Высший военный совет отказался от этого кредита. На этом заседании маршал Петен высказал мнение, что если бельгийцы укрепят свою границу с Германией, то именно на эту границу и должна выйти французская армия. В противном случае оборона приграничной полосы будет организована средствами инженерных войск». Так военные отказались от сумм, которые им предложила гражданская власть.

II. Лозаннская конференция (4 июня – 22 июня 1932 года)

В состав правительства вошли: Эдуард Эррио – председатель совета министров и министр иностранных дел; Рене Рену – министр юстиции; Камилл Шотан – министр внутренних дел; Поль Бонкур – военный министр; Жорж Лейг – министр военно-морского флота; Поль Пенлеве – министр авиации; Жермен Мартен – министр финансов; Максим Пальмад – министр бюджета; Анатоль де Монзи – министр просвещения; Эдуард Даладье – министр общественных работ; Жюльен Дюран – министр торговли; Альбер Далимье – министр труда; Леон Мейер – министр торгового флота; Абель Гарде – министр сельского хозяйства; Жюстен Годар – министр здравоохранения; Анри Кей – министр связи; Альбер Сарро – министр по делам колоний; Эме Берто – министр пенсий. Маршандо – товарищ министра по совету министров и делам Эльзас-Лотарингии; Патенотр – товарищ министра экономики; Паганон – товарищ министра иностранных дел; Исраэль – товарищ министра внутренних дел; Митлер – товарищ министра искусств; Дюко – товарищ министра технического образования; Маркомб – товарищ министра физического образования; Бернье – товарищ министра авиации; Марген – товарищ министра общественных работ; Гурдо – товарищ министра туризма; Кандас – товарищ министра по делам колоний.

Г-н Пенлеве, уполномоченный председателем совета министров, возглавил высокий комитет, ведавший координацией нужд и вопросов национальной обороны.

* * *

В субботу, 4 июня, г-н де Флёрио направил мне довольно туманное сообщение об американском участии в международной экономической конференции по стабилизации цен на сырье. Британский премьер и сэр Джон Саймон выразили желание встретиться со мной. Сэр Джон Саймон – превосходный знаток древних, уединяющийся каждый год в Оксфорде, – прислал мне свои стихи по поводу смерти президента Думера, навеянные «Хоэфорами» Эсхила. По мнению Флёрио, мы не можем и не должны отказывать немцам в моратории, который становится неизбежным. Фон Нейрат[126], по его словам, чрезвычайно

воспитанный человек, слабого здоровья, совершенный тип вестфальского дворянина.

Я имел длительное свидание с Тардье по поводу передачи дел. Он ввел меня в курс различных дел скорее административного, чем политического характера и сообщил мне о болезни Филиппа Бертело[127], заставляющей его взять отпуск; затем беседа коснулась вопросов политики и парламентских дел, нисколько не утратив своего приятного характера. Вошел Филипп: я увидел человека, искренне расстроенного тем, что он не может доказать мне работой свою привязанность, в которую я верил. «Тан» от 5 июня вполне дружелюбно отзывалась о новом кабинете: «Новое министерство, – писала она, – было встречено республиканцами прежнего большинства без предубеждения и враждебности и с бескорыстным желанием плодотворно сотрудничать в смысле преемственности национальной политики». Устраиваюсь в министерстве. Обнаружил на столе всякие канцелярские мелочи, оставленные мною в 1925 году и промелькнувшие передо мной на мгновение в 1926 году. Они послужили Бриану. Я вновь обнаруживаю гобелен, изображающий бракосочетание Генриха IV с Марией Медичи в Лионе.

Воскресенье, 5 июня. Заседание кабинета. Жермен Мартен сообщил нам, что казначейство располагает всего лишь 56 миллионами. Он изложил те серьезные меры, которые необходимо будет принять, чтобы восстановить наше финансовое положение и успокоить владельцев «замороженных» сбережений, говорил о необходимости жертв, на которые вынуждены были пойти и другие нации. По сравнению с 1930 годом наше промышленное производство сократилось на 24 процента по всем видам. Внутренняя торговля сократилась за год на 25 процентов. Что касается объема внешней торговли, то его уменьшение достигло за два года 50 процентов; экспорт готовых изделий сократился на 40 процентов.

7 июня я зачитал правительственную декларацию: «Господа, правительство, которое представляется вам, создано, чтобы служить интересам Франции в соответствии с благородными традициями нашей демократии, которую оно намерено защищать всеми средствами и в духе международного порядка, чье развитие оно считает необходимым для обеспечения высшего блага – мира.

У нас ограниченная, но четкая программа. Что касается внутренней политики, то наша преданность родине ставит перед нами неотложные задачи. Мы находимся перед лицом серьезного финансового положения. В условиях непрерывных бюджетных дефицитов и стесненного положения казначейства метод оттяжек приведет к тяжелым последствиям для всех граждан. И, наоборот,

желание восстановить положение, подкрепленное делами, должно быстро оздоровить наши финансы и нашу экономику в целом. В связи с этим мы представим вам в кратчайший срок полный и подробный отчет о ситуации. Затем, перед закрытием очередной сессии, мы предложим вам принять законопроект, включающий ряд мер по сокращеник расходов и финансовому оздоровлению.

Это немедленное восстановление, которого мы надеемся достигнуть, зная, что вы готовы всем пожертвовать во имя общественного блага, должно вновь возродить доверие в стране, столь необходимое для здоровой финансовой политики и все более активного обращения капиталов. Таким образом, вы позволите нам разработать программу общественных работ, которые мы считаем лучшим лекарством от безработицы и решающим фактором оживления деловой жизни. Мы предоставим владельцам сбережений, которых так часто разочаровывали или обманывали, возможность надежно поместить свои средства; одной из наших главных забот является их поощрение и защита, поскольку они представляют самую могущественную силу нашей страны.

Неизбежные жертвы, которые всякий разумный человек должен предпочесть опасному самотеку, будут намечены в соответствии с духом равенства и справедливости, свойственным законам демократии. Та же забота о нормальном и длительном равновесии заставит нас реорганизовать всю систему транспорта, координировать его работу и провести реформы, ставшие необходимыми как вследствие развития современной техники, так и в силу неотложных экономических нужд. Мы потребуем усилий от каждого, но и будем ко всем справедливы. Так, например, для упорядочения фискальной системы, которую мы собираемся предложить вам, мы проведем дальнейшую реформу налога с оборота не только в смысле его изменения для некоторых видов дохода, но и для того, чтобы постепенно освободить от существующих ныне формальностей известные категории налогоплательщиков.

Мы хотим верить, что эти меры смягчат последствия экономического кризиса, от которого Франция страдает так же, как и другие нации. Для защиты различных отраслей национального производства был принят ряд охранительных мер. Эти вводимые постепенно полезные предохранительные меры, не препятствуя более совершенной организации производства и обмена, должны, как нам кажется, согласовываться с общим расширением международного обмена и соглашений. Наша политика приобретет, таким образом, характер единства, который

мы хотим ей придать с вашего одобрения. С экономической точки зрения, а также в международном плане законы современной цивилизации диктуют нам международное сотрудничество. Как можно изолировать нашу национальную экономику от наших великолепных заморских владений, на которых также сказались последствия мирового кризиса? Правительство республики приложит все усилия для защиты производства в наших колониях, не допустит прекращения разработки их природных богатств и таким образом сделает возможным на благо туземного населения осуществление братского дела социального прогресса, высокий пример которого должна дать демократическая Франция.

Господа, вы будете судить нашу программу в целом, тем не менее нам хотелось бы представить ее вам во всех ее взаимосвязях. Создать прежде всего экономические и финансовые условия, которые обеспечат нормальную и здоровую жизнь для всей нации. Гарантировать труду его права. Питая глубокое уважение ко всем профсоюзным свободам и к делу, предпринятому некогда благодаря смелой и мудрой инициативе Вальдека-Руссо, мы полагаем, что и в этой области, как и во всех других, республика должна содействовать и руководить всеми усилиями, направленными на создание более совершенной международной организации труда. Законодательство о социальном страховании применяется в стране уже в течение двух лет. Имелась возможность оценить как благотворные последствия этой великой реформы, так и критику, которой она подверглась. Мы не допустим посягательств на основные принципы закона. Учитывая уроки практики, мы попытаемся усовершенствовать и упростить его на основании этого опыта. Руководствуясь скорее моральными мотивами, чем политическими, мы придем на помощь труженику, лишенному прожиточного минимума. Мы решили уже теперь отменить предел (180 рабочих дней в году), в случае превышения которого помощь уже не оказывалась. Мы считаем своим долгом обеспечить ремесленникам, полностью безработным, где бы они ни проживали, и частичным безработным, занятым не более трех дней в неделю, выплату необходимых пособий. Общественный порядок должен основываться, по нашему мнению, на справедливости и солидарности. Мы встанем на защиту здравоохранения, проводя политику создания гигиенических жилищных условий и стараясь принести их в скромное деревенское жилище, приют незаметного труда. Мы окружим заботой старость, то есть всех тех, кто был творцом настоящего нашей страны, и детство, являющееся ее будущим. Выражая волю всей нации, мы уделим жертвам войны львиную долю того

внимания, которого заслуживают все бывшие фронтовики.

Наряду с материальной жизнью следует развивать жизнь духовную, развивать все духовные богатства народа, призванного завоевать свое место качеством своей работы. Верные принципу светскости, чуждому каких бы то ни было агрессивных намерений, но гарантирующему личную свободу и национальное единение, полные решимости переделать всю нашу систему образования по рациональному плану, мы решили уже теперь ввести бесплатное среднее образование, чтобы открыть всем детям Франции одинаковый доступ к знаниям. Такова, господа, наша программа внутренней политики. Мы прибавим к ней, руководствуясь духом примирения, проект политической амнистии, с оговоркой, что это никоим образом не затронет ни жизненных принципов республиканского порядка, ни наказаний, все более и более необходимых для преступлений и нарушений общего права.

В своей внешней политике наше правительство, помнящее об оказанных услугах и верной дружбе, будет руководствоваться неотложной необходимостью установить мир с помощью всеобщей европейской и мировой организации. Оно сделает все от него зависящее, чтобы содействовать ослаблению политического напряжения, экономическому согласию и моральному разоружению.

Что касается репараций, Франция не может допустить, чтобы оспаривали права, вытекающие не только из договоров, но и из договорных соглашений, соблюдение которых гарантируют поставленные под ними подписи. Если бы мир отрекся от прерогатив права, он был бы очень скоро подчинен власти насилия. Утверждая эти принципы, правительство республики уверено, что защищает не эгоистические привилегии, а интересы всего мира. Оно, впрочем, готово обсудить любой проект и взять на себя любую инициативу, которые могли бы привести к большей устойчивости в мире и к чистосердечному примирению в духе мира.

В соответствии с Уставом Лиги наций – основной хартией будущего – и в духе Парижского пакта[128] мы будем стремиться к безопасности, и не только для одних нас, но для всех государств, малых или больших, имеющих, на наш взгляд, равные права. Мы будем руководствоваться в наших действиях принципами, завещанными нам Леоном Буржуа, которые мы защищали начиная с 1924 года и которые стали, особенно в результате благородной деятельности Аристида Бриана, основным и постоянным фактором французской политики. Учитывая все это, правительство республики объявляет о своем благожелательном

отношении к любым решениям, даже частичным, которые в свете женевских дискуссий и после лояльного сопоставления мнений позволили бы, не подвергая угрозе национальную безопасность, облегчить бремя военных расходов и явились бы шагом к прогрессивному, одновременному и контролируемому разоружению. Чтобы внести вклад в это дело, правительство уже сейчас осторожно приступит к осуществлению всех возможных мер экономии.

Многие народы страдают, и мы не можем оставаться равнодушными к их бедствиям. Мир в смятении. Если бы объединить энергичные усилия и волю, можно было бы по крайней мере прекратить царящий повсюду страх и тем самым уменьшить кризис, смягчив недоверие и опасения. Мы предлагаем нашу помощь в этом деле. Спокойствие должно возродиться, если учесть, что существуют правительства, которые, как наше, страстно стремятся восстановить мир в мыслях и делах, которые обращаются с искренним призывом ко всем людям с совестью и стараются объединить тех, кто вместе с ними считает войну преступлением против закона и человеческого права.

Наш дорогой народ только что проявил с волнующим спокойствием свою волю, с которой мы сообразуем свои действия. В это неспокойное время он сохранил свои традиционные качества, любовь к труду, страсть к бережливости, привязанность к семье. Мы призываем его верить в свои силы, не ослаблять своей деятельности и продолжать мирно трудиться и торговать. Мы будем на страже его интересов. Но, чтобы исполнить этот долг, нам необходимо, господа, ваше доверие.

Мы имеем честь просить вас об этом».

В ходе прений, развернувшихся по этой декларации, выступление г-на Тардье было самым главным. Будучи настроен весьма агрессивно, он привел все доводы, которыми пользовался во время выборов и которые были осуждены всеобщим голосованием, он допустил скрытые и злобные намеки на так называемые финансовые скандалы; казалось, он задыхался от досады. Палата за ним не последовала; его порицали его собственные друзья.

За вотум доверия проголосовали 384 депутата, против 115, 110 воздержалось.

* * *

8 июня. Визит русского посла, которому я сообщил о своем разочаровании в том, что касалось его страны. Он сообщил мне о

переговорах по поводу пакта о ненападении, начатых с г-ном Бертело, и передал мне текст ноты Советского правительства от 1 мая 1931 года:

«*Париж, 1 мая 1931 года*»

1. Советское правительство соглашается на предложение, сделанное г-ном Бертело 24 апреля, а именно начать немедленно в Париже переговоры по поводу пакта о ненападении с согласительной конвенцией и временного торгового соглашения.

2. Советское правительство не возражает против упоминания в тексте пакта взаимного обязательства в отношении подписания в установленный срок конвенции относительно процедуры соглашения.

3. В соответствии с соглашением, достигнутым с г-ном Бертело, декреты, ограничивающие торговлю между СССР и Францией (французский декрет от 3 октября и применение советского декрета в отношении Франции), будут аннулированы после первых двух или трех заседаний с момента начала переговоров о торговом соглашении.

4. Советское правительство согласно также предпринять параллельно с переговорами по поводу временного торгового соглашения переговоры с представителями французской промышленности и правительства в отношении заказов и кредитов, как это имело место между СССР, с одной стороны, и Германией и Италией – с другой. Переговоры будут начаты, как только аннулирование декретов вернет свободу торговле между обеими странами.

5. Советское правительство согласно начать после заключения пакта о ненападении и временного торгового соглашения переговоры по поводу: 1) торгового договора, 2) вопроса о долгах».

Г-н де Вьенн, наш посланник в Будапеште, сообщил мне, что его кузен фон Папен держит на своем столе в своем доме в Сааре портрет Вильгельма II в Дорне. Италия и Венгрия будто бы заключили между собой военные конвенции; он заявил мне, что наша роль международного жандарма в Женеве очень вредит нам

в Центральной Европе. По мнению г-на де Пейеримгофа, Папен – это министр морального порядка, некий Рошбуэ. Баварцы называют его правительство кабинетом моноклей.

9 июня. Правительственное заседание. Я сообщил своим коллегам о ходе переговоров, которые я вел по поводу займа Австрии, и об обязательствах насчет аншлюса, содержащихся в письме австрийского посланника от 9 июня 1932 года, которых я добился.

Заседание совета министров 10 июня. Мы начинаем вносить ясность в проблему репараций. Я предлагаю остановиться на плане, выработанном накануне. «I. Никакого аннулирования. В основе должно лежать американское мнение, подкрепляющее французский тезис (беседа Клодель-Стимсон от 1 июня). II. Нечто большее, чем простой мораторий плана Юнга. Придерживаться плана экспертов от декабря 1931 года. Следовательно, рабочий мораторий (короткий или продолжительный). Назначение двух комиссий: 1) поиски окончательного урегулирования в Европе, которое не обременило бы мировую экономику. Окончательный платеж путем передачи мобилизованных облигаций (система Рюэфа). Реконструкция европейской экономики (Центральная Европа, цены на продукты сельского хозяйства); 2) изучение валютной проблемы с оговоркой, что а) нам дадут достаточные сроки для работы и что б) *европейское урегулирование будет достигнуто при непременном условии последующего соглашения с Соединенными Штатами».* Совет министров единогласно одобрил этот план работы.

Поль Бонкур изложил нам положение в Женеве и неотложную проблему, возникшую в связи с перевооружением Германии, требующей заменить часть V Версальского договора международной конвенцией. Равенство в правах, которого добивается рейх, является для него, очевидно, средством добиться фактического равенства. Мой план состоял в том, чтобы попытаться избегнуть дискуссии и проявить нашу добрую волю и даже продемонстрировать ее, но, если бы нас заставили сделать принципиальное заявление, сказать нет, возложив ответственность на тех, кто заставил бы нас изложить свою позицию. Мы не отказываемся работать над конвенцией, но отклоняем всякое предварительное условие. Даже если нас разобьют по принципиальным вопросам, мы будем продолжать свою работу. Леон Блюм придерживается такой же точки зрения; он изложил ее 13 июня в «Попюлер». Совет министров единогласно одобрил мое мнение.

10 июня, вторая половина дня. Очень интересное свидание с генералом Вейганом. Я заявил ему, что, отозвав его из Сирии, я

отнюдь не желал показать своего нерасположения к нему, но лишь хотел воздать должное генералу Сарайлю за ту роль, которую он сыграл в победе на Марне и в Восточной экспедиции. Вейган изложил мне свой взгляд на то, как будет обеспечена безопасность Франции в 1934 году.

Визит германского посла. Он сообщил мне следующие цифры: выплата заграницe процентов по государственным и частным займам достигает полутора миллиардов золотых марок, в то время как в 1932 году доходы от расширения экспорта составили лишь 1200 миллионов. Следовательно, дефицит в 300 миллионов может быть пополнен лишь при наличии доверия. Иначе необходимо прибегнуть к мораторию. Он предполагает рассмотреть на дальнейших заседаниях конференции следующие вопросы: стабилизация валюты, приспособление долгов к золотому и товарному исчислению, меры для регулирования валютных ограничений.

11 июня. Заявления Жермен Мартена вызвали волнение, которое нашло выражение в кампании, поднятой в печати, и в статье Леона Блюма в «Попюлер» против бюджетной дефляции, а также в падении курса на бирже. Поистине оружие министров – молчание.

Я ознакомился с бумагами капитана фон Папена, военного атташе в Вашингтоне во время последней войны; эти бумаги были захвачены в Фалмуте Британским адмиралтейством. Воспроизведение чеков превращает эти документы в подлинный альбом *(Miscellaneous, № 6 (1916). Selection from papers found in the possession of Captain Von Papen, London, 1916 (Cd., 8174).* Были представлены обеим палатам парламента в феврале 1916 года). Я нашел случай показать эти документы генералу Першингу; они его очень развлекли, так как чеки выписаны на банк, председателем которого он стал. Энар, столь ратовавший в свое время за франко-германское сближение, теперь усиленно предостерегает нас против Папена и Шлейхера. Он требует, чтобы мы держались с ними «сухо, корректно и холодно». По его мнению, Папен – «мошенник и фанатик», а Шлейхер – «солдафон». Бизо настаивал на преимуществах соглашения с Англией относительно финансовой акции в Европе.

9 июня 1932 года Флёрио писал мне из Лондона:

> «Я позволю себе изложить вам свое личное мнение о нашей позиции в отношении англичан накануне ваших бесед с г-ном Макдональдом и Лозаннской конференции.
>
> Ваш приход к власти вызвал у англичан чрезмерные

надежды на возможность склонить французское правительство принять их тезис о немецких репарациях, и возможно, что в Париже в свою очередь возникли надежды добиться согласия англичан с нашей точкой зрения. На самом деле обе стороны занимают совершенно определенные позиции. Говоря об англичанах, нужно признать, что здесь не скрывают желания отмены репараций и надеются добиться нашего согласия на эту меру, как мне это высказал сэр Джон Саймон во время нашей беседы в прошлый понедельник 6 июня. Он был поражен моим категорическим заявлением, что ни вы и никакой другой министр не смогли бы в настоящее время согласиться на отмену германских репараций без всяких условий.

С тех пор казначейство воздействовало в этом же смысле на г-на Рюэфа, финансового атташе. Очевидно, что в обоих случаях подготавливаются к переговорам с вами, защищая и укрепляя позицию, которую с некоторых пор проповедуют в своих выступлениях английские министры.

Эта позиция объясняется несколькими причинами: главное намерение англичан – отказаться от достигнутого (как они сделали, например, в Китае) при наличии существующих трудностей и исходя из английских интересов, противных прежнему положению вещей; нажим кредиторов (краткосрочные кредиты) в Германии; беспокойство (главным образом казначейства) по поводу бремени военных долгов Соединенным Штатам, от которых, как полагают, будет легче освободиться, если в Европе будет ликвидирован вопрос о репарациях, и, наконец, мировое экономическое положение.

Мое сугубо личное мнение, что экономический кризис, усиливающийся с каждым днем, делает весьма сомнительным возобновление репарационных платежей, даже сведенных к минимуму. Однако простой и безусловный отказ от них противоречил бы международным приличиям и общим интересам. Надо дать времени совершить свое дело и позволить нам следовать за эволюцией, приостановить или направлять которую у нас нет средств. Я не приводил англичанам

общих соображений подобного рода, так как они их не понимают. Я главным образом отстаивал перед сэром Джоном Саймоном занятую вами позицию как факт, с которым надо было считаться.

Затем я рекомендовал ему поиски временных решений, напомнив о конъюнктурной политике, которой так долго придерживалась Англия; мы даже обменялись по этому поводу личными записками; приложенная здесь копия телеграммы покажет вам, как сдержанно отнесся сэр Джон Саймон к этим предложениям. Он не отвергает их, и я думаю, что в конечном счете, повоевав и поспорив, вы придете к чему-то среднему по вопросу о репарациях.

Позвольте заметить вам, что в этой общей дискуссии побочные вопросы не будут играть важной роли и что мы не добьемся отказа англичан от полной отмены германских репараций, уступив им в вопросе Австрии. Подобная уступка в настоящий момент создаст у них впечатление, что мы слабы, и они потребуют еще большего; эти люди из британского казначейства упорно торгуются, и наилучший способ вести с ними переговоры – это обсуждать вопросы объективно, после внимательного изучения затронутых вопросов.

Я констатировал у сэра Джона Саймона странное желание помочь германскому правительству Папена, несмотря на его происхождение и авторитарные принципы. Это желание разделяет также Макдональд. Это еще одно подтверждение стремления англичан идти по линии наименьшего сопротивления. Г-н фон Нейрат держался со мной очень миролюбиво; он склонен признать желательность временных решений, но, конечно, не стал расхолаживать англичан относительно их плана отмены репараций».

11 июня. Японский посол сообщил мне, что в вопросах разоружения его страна будет поддерживать Францию. Турецкий посол жаловался на осложнения, мешающие установлению отношений между его страной и нашей: задетое самолюбие, недостаточное внимание к Турции в дунайских делах.

11 июня. Макдональд и сэр Джон Саймон прибыли на Северный вокзал в 17 часов 40 минут. Публика оказала им

радушный прием, раздавались выкрики: «Да здравствует мир!» Чай в английском посольстве. Затем до 20 часов 15 минут предварительная беседа в самом дружеском тоне.

Макдональд изложил мне свою точку зрения; ему бы хотелось заключить между Англией и Францией прелиминарное соглашение, подобное соглашению 1924 года. Нужно о многом позабыть. Я со смехом прервал его: кто же заплатит за это? Он сторонник полной отмены репараций во имя восстановления европейской экономики; но с самого начала он заявляет и уточняет, что европейское соглашение до своей ратификации должно быть подчинено соглашению с Америкой. Нужно нечто большее, чем мораторий. С другой стороны, он склонен требовать от Германии обязательств, которые гарантировали бы приблизительно на 15 лет восточные границы. Таким образом, он устанавливает связь между Женевой и Лозанной.

Я ответил, что расположен согласиться на большее, чем мораторий на план Юнга, но не хочу отмены репараций; что я не возражаю против окончательного урегулирования при условии, что оно будет считаться недействительным без Соединенных Штатов; что не следует позволять Германии укрепляться за наш счет и нарушать экономическое равновесие для своей выгоды. Пример с железными дорогами и каменным углем произвел сильное впечатление на Макдональда. Я доказал ему, что Германия может продолжать платить. Не отвергая идеи об отсрочке, я заметил, что эта отсрочка ограничила бы пакты и Локарнские соглашения и что ее исход был бы чреват опасностью. Другая проблема: с кем вести переговоры?

В конце беседы Макдональд любезно выразил свое удовольствие по поводу встречи со мной. Обед прошел в очень дружественной обстановке. Мы еще не обсуждали вопросов, относящихся к Центральной Европе.

Мы возобновили беседу в воскресенье в 10 часов 30 минут утра. На ней присутствовал Жермен Мартен. Англия утверждала, что она не намерена отказываться от прав; по ее мнению, было бы опасно ссылаться на платежеспособность. Труднее всего уточнить окончательные условия урегулирования. Я предложил следующий текст: «Мы прибыли в Лозанну, чтобы найти способ урегулировать европейскую проблему при условии всемирного урегулирования». Вопрос в том, как будет сформулирован факт неуплаты 1 июля, – нужно, чтобы эта формулировка не содержала никаких обязательств на будущее. Мы пришли к согласию в следующем: необходимо так сформулировать факт неуплаты 1 июля, чтобы он имел характер простой отсрочки.

Что касается Центральной Европы, то мы решили с сэром

Джоном Саймоном попытаться достичь предварительного соглашения между Францией и Великобританией. По мнению английских министров, недавний провал Лондонской конференции объясняется как раз тем, что не сговорились с нами.

* * *

13 июня. Прибытие в Женеву. Конференция на мертвой точке. Первые беседы с нашими экспертами для уточнения. Присутствовал Бонкур.

14 июня. Г-н Гибсон[129] передал мне американскую памятную записку по поводу контингентов, инициатива которой принадлежала Гуверу. Прения открыл несколькими словами Макдональд. Сэр Джон предложил провести предварительное совещание пяти держав: Франции, Великобритании, Италии, Соединенных Штатов и Японии, чтобы установить, какие виды вооружения можно отменить или ограничить, например танки. Он предложил, чтобы количественному ограничению предшествовало качественное ограничение. Немцев лишь предупредят об этом совещании, но не пригласят. Бонкур доказывал на примере германских линкоров, что качественного ограничения недостаточно. Он настаивал на необходимости бюджетного контроля. Я предложил урегулировать сначала вопросы химической и бактериологической войны.

Перед заседанием бюро г-н Надольный, представитель Германии, вручил мне и Бонкуру свой проект, однако воздержался его комментировать. В своей ноте германская делегация предлагала осуществить качественное разоружение в отношении артиллерийских снарядов калибром свыше 100 мм, танков и броневиков, подвижных бронированных башенок, в отношении крепостей, линейных кораблей тоннажем свыше 10 тысяч тонн, авианосцев и подводных лодок, мин, военно-воздушных кораблей, а также запретить химическое и бактериологическое оружие.

Я составил следующий ответ:

> «Французская делегация изучит документ, который ей только что передал г-н германский делегат. В надлежащее время она выскажется по поводу принципов, лежащих в основе этих предложений, и относительно возможности их применения. Но уже сейчас она вновь подтверждает, поскольку это необходимо, все оговорки, которые Франция сочла нужным сделать по этому

вопросу».

Заседание бюро. Гендерсон заявил, что мы достигли той стадии обсуждения, когда необходимо начать переговоры. Мы потребовали немедленно принять текст относительно химической и бактериологической войны. По мнению Гендерсона, сами эти выводы должны стать предметом переговоров. Надольный зачитал свой проект, которому был предпослан комментарий. Я зачитал свою декларацию; возвращаясь на свое место, я заметил, как Гранди и Луначарский обменялись улыбками со своими делегациями. Дело в том, что Италия и Россия поддерживают предложение Германии[130]. Сэр Джон Саймон одобрил предложение о переговорах и настаивал на качественном разоружении. Был принят тезис Гендерсона. Мы поддержали испанское предложение относительно контроля над частной торговлей оружием и предложение Португалии о бюджетных ограничениях.

Меня сразила перемена, которая произошла в Женеве с 1924 года. Во всех отношениях в эти грозовые июньские дни воздух насыщен электричеством. Повсюду ощущается, не только сдержанность, но и двуличие. Попытки наладить международную жизнь ничуть не изменили традиционные нравы дипломатии. У меня был с продолжительным визитом г-н Гранди, и хотя он был чрезвычайно вежлив, я чувствовал, что ждать от него нечего. Он выражался как реалист, который намерен сознательно пренебречь воспоминаниями о том, что называют латинским братством. Мне не удалось найти путь к сердцу Италии; он объяснял мне причины своей позиции в отношении морского соглашения; уверял, что фашисты намерены прийти к соглашению с левыми партиями, но все это лишь формула вежливости. Гранди заявил мне, что он – единственный человек в Италии, возражающий против Аншлюса. К глубокому сожалению, я пришел к следующему убеждению: отныне со стороны Италии надо всего опасаться и ни на что не надеяться. Впоследствии я часто повторял эту формулировку, за которую меня неоднократно упрекали, но которая была мне подсказана здравым смыслом.

Как раз тогда, 15 июня 1932 года, я получил письмо от Гульельмо Ферреро[131], написанное в Женеве же:

> «Вы, вероятно, не знаете, что я живу теперь в Женеве. При всеобщей трусости лишь эта маленькая республика и ее университет имели мужество предложить мне убежище. Я преподаю новую историю в университете и в Институте международных исследований и переехал сюда со всей семьей, захватив

часть моих книг.

Я не забыл любезный прием, который вы оказали г-же Ферреро и мне в 1930 году, когда, мы приехали в Лион, после того как нас первый раз выпустили из тюрьмы. Мы были бы счастливы засвидетельствовать вам нашу признательность. Но я не смею надеяться увидеть вас в этом вихре дел, от которых вы, вероятно, не сможете избавиться до окончания обеих конференций.

Мне хочется, по крайней мере письменно, дружески напомнить вам о себе и пожелать, чтобы ваши усилия увенчались успехом. Европа переживает сейчас самый тяжелый период со времени страшных испытаний 1810-1815 годов. На этот раз страдает не только она, но весь мир. Нужно, чтобы люди с сердцем и разумом, такие люди, как вы, посвятили все свои усилия спасению того, что еще может быть спасено».

15 июня. Австрийский канцлер выступил с подтверждением принятых обязательств. Беседа с англичанами об австрийском займе. Сэр Джон Саймон предложил следующее: Англия поможет Австрии, но в отношении других стран Центральной Европы она отвергает всякую мысль о гарантии.

17 часов 30 минут. В Лозанне в целях подготовки конференции состоялось заседание держав-инициаторов: Германии, Бельгии, Франции, Великобритании, Италии и Японии. Я и Гранди предложили избрать председателем Макдональда. Генеральным секретарем был избран сэр Морис Хэнки. Были обсуждены формальности: вопросы радиовещания, кино и фотографии; было решено создать комиссию по выработке программы; никаких речей, кроме речи председателя, не будет.

После нашей утренней беседы сэр Джон Саймон набросал проект, согласно которому платежи по репарациям должны быть приостановлены в течение июля; ему очень хотелось, чтобы его текст был принят без промедления, против чего я возражал; он пригласил меня к обеду с Невилем Чемберленом, убеждая меня согласиться по крайней мере с тем, чтобы голосование было назначено на утро 16 июня. Я сослался на отсутствие Жермен Мартена и Дюрана, которые еще не прибыли, и оговорил их права. 16 июня состоялось свидание с сэром Джоном Саймоном и Невилем Чемберленом; мы включили в проект оговорку, что принятые в Лозанне решения должны будут «осуществляться в рамках всеобщего урегулирования». При прощании Невиль

Чемберлен не скрывал своего разочарования, я старался его подбодрить.

16 июня 1932 года. Г-н Мотта, президент Швейцарской конфедерации, произнес речь в очень приподнятом тоне. Присутствовали следующие делегаты:

от Франции – Жермен Мартен, Дюран, Паганон, Жорж Бонне и я;

от Великобритании – Макдональд, Невиль Чемберлен, сэр Герберт Семюэл, сэр Джон Саймон и Ренсимен;

от Италии – Гранди, Москони, Бенедуче и Пирелли;

от Германии – фон Папен, фон Нейрат, Шверин фон Крозиг и Вармбольд;

от Бельгии – Ранкэн, Гиманс и Франки;

от Чехословакии – Бенеш, Поспишил, Осусский;

от Новой Зеландии – сэр Томас Уилфорд;

от Польши – Залесский и Мрозовский;

от Южно-Африканского Союза – Те Уотерс;

от Японии – Иосида, Курияма и Цусима;

от Австралии – Латам и сэр Грэнвил Райри;

от Канады – Говард Фергюсон;

от Португалии – Бранко, Казиро де Мата и Фернандес;

от Югославии – Маринкович и Фотич.

Представитель Румынии еще не прибыл.

Макдональд взял слово в качестве председателя конференции.

Он напомнил, что совещание должно было состояться в январе и что оно собралось «под знаком самого тяжелого экономического кризиса, который когда-либо испытывал мир в мирное время». Мировая торговля сократилась наполовину или даже несколько больше по сравнению с первым кварталом 1929 года. Количество безработных составляет от 20 до 25 миллионов человек. «Мир тесен, и никто из нас не может устраниться от дела восстановления и реконструкции». Вопрос уплаты военных долгов изучался двумя комитетами экономических экспертов, из которых один был учрежден после Лондонской конференции в июле; другой был создан в декабре по просьбе германского правительства. Второй комитет заявил:

> «Приспособление вопроса межправительственных долгов в целом к нынешнему критическому мировому положению, приспособление, которое должно быть осуществлено без промедления во избежание новых катастроф, является единственным надежным средством, способным восстановить доверие, которое само по себе

представляет условие экономической стабильности и подлинного мира… Мы обращаемся с призывом к правительствам, которым надлежит действовать. Мы надеемся, что они без промедления примут решения, которые позволят надеяться на смягчение кризиса, причиняющего столь тяжкие страдания всем народам».

Макдональд потребовал быстрых действий. Нельзя отказаться от обязательств путем одностороннего акта; необходимо совместно пересмотреть договоры, которые, как выяснилось, не могут быть выполнены. Европа, впрочем, не может действовать одна; мы нуждаемся в сотрудничестве Соединенных Штатов. Работа в Лозанне связана с работой в Женеве.

С 12 до часа дня я совещался с канцлером фон Папеном; он торжественно заверял меня в своей лояльности, держался не только вежливо, но даже дружественно и описал мне положение своего правительства, которое намерено включить в свой состав известное количество гитлеровских элементов. Брюнинг всегда обещал, но постоянно оттягивал момент осуществления этой сделки, что и привело к его падению. Канцлер высказался против изменения режима, хотя и считал, что для современного положения Германии нынешняя конституция слишком либеральна; ему хотелось бы «возложить ответственность» на гитлеровцев, включив их в правительство; июльские выборы назначены, чтобы предупредить движение, слишком ярко проявившееся в марте. Фон Папен подчеркивал бедственное положение германского народа и указывал на волнения среди населения. Я заверил его, что готов ему помочь в разумных пределах. Он даже говорил мне о возможности прямого соглашения между Францией и Германией (соглашения, направленного против коммунизма, а на самом деле против России), об относительных политических гарантиях, например в отношении восточных границ, о контактах между генеральными штабами. Он просил аннулировать репарации, против чего я возражал, однако заявил, что готов искать выхода в рамках плана экспертов. Мы пришли к соглашению свести наших министров финансов и работать над Annaherung[132].

Завтрак с английскими министрами прошел в очень искренней и дружественной обстановке; мы открыто говорили о наших расхождениях.

16 июня. Дневное заседание. Было решено, что завтрашнее заседание, на котором выступит фон Папен, будет закрытым. Был установлен список выступающих на завтрашний день. Я нанес ответный визит канцлеру.

Пятница, 17 июня. Состоялось расширенное заседание, в присутствии всех делегатов, но закрытое. Макдональд зачитал декларацию, которую мы выработали и в которую я смог ввести формулу «должно быть осуществлено в рамках всеобщего урегулирования».

«Глубоко озабоченные возрастающей серьезностью экономических и финансовых опасностей, угрожающих миру, и неотложностью проблем, рассмотрение которых является задачей Лозаннской конференции; твердо убежденные, что эти проблемы требуют окончательного и ясного решения с целью улучшения условий в Европе и что это решение должно быть изыскано без промедления и отсрочки и осуществлено в рамках всеобщего урегулирования, и констатируя, что срок некоторых платежей по репарациям и военным долгам наступает 1 июля 1932 года.

Нижеподписавшиеся правительства в целях обеспечения непрерывной работы конференции и не предрешая решений, которые могут быть приняты впоследствии, пришли к выводу, что платежи по репарациям или военным долгам, причитающиеся правительствам, участвующим в конференции, должны быть приостановлены на время работы конференции, которая, согласно желанию нижеподписавшихся правительств, должна достигнуть результатов в кратчайший срок.

Установлено, что эти решения не будут касаться уплаты процентов по займам, имеющим хождение на рынке.

Нижеподписавшиеся правительства заявляют, что со своей стороны они готовы руководствоваться в своих действиях настоящим соглашением, и приглашают все другие правительства-кредиторы, участвующие в конференции, занять аналогичную позицию.

Подписано в Лозанне 16 июня 1932 года.

За правительство Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии Н. Чемберлен

Франции – Эррио

Италии – Москони

Бельгии – Ж. Ранкэн

Японии – С. Иосида»

Затем зачитали бельгийскую оговорку по поводу соглашения, заключенного между Германией и Бельгией 13 июля 1929 года. Германский канцлер огласил коротенькую декларацию, в которой выразил свои надежды в выражениях, вполне приемлемых. Маринкович хотел было выступить с замечаниями от имени Югославии, но не получил разрешения председателя. Как и в 1924 году в Лондоне, я вновь был неприятно поражен тем, как Англия обращается с малыми и средними нациями.

Канцлер фон Папен изложил германскую точку зрения, начав с замечания: «Ни в памятной записке от 19 ноября 1931 года, предлагающей созыв специального консультативного комитета, ни в настоящее время не было речи о том, чтобы обсудить юридический аспект репарационного вопроса или поставить под сомнение законность немецких подписей под предыдущими соглашениями. Никто не оспаривает того, что подписанные в Гааге в августе 1929 года и в январе 1930 года соглашения были заключены законным образом. Поэтому нет надобности это подтверждать». Канцлер хотел исследовать лишь фактическое положение; он сравнивал состояние мировой экономики в 1929 и 1932 годах. В 1929 году «существовала система международного кредита, работавшая, казалось, без всяких помех, между странами происходил активный и плодотворный обмен капиталов». Вполне конкретные торговые договоры, никакой изоляции, промышленность, работающая с прибылью, процветающее сельское хозяйство, банки и частные лица охотно ссужали капиталы за границу, безработица была неведома – таково было положение вещей, отвечавшее духу плана Юнга. В 1932 году – 25 миллионов безработных, капиталистическая система подвергается в Германии сильной критике, некоторые государства приостановили свои внешние платежи, международное обращение кредитов сведено к нулю. «У стран-кредиторов золото стало непроизводительным, а в Германии отсутствие золота вызвало прогрессивный паралич экономики». По мнению канцлера, «германская проблема является центральной проблемой среди тех трудностей, которые переживает весь мир. Положение Германии характеризуется: 1)

высоким учетным процентом, который обременяет сельское хозяйство и промышленность; 2) давлением налогового бремени, которое, по мнению специального консультативного комитета, нельзя больше увеличивать, но которое пришлось все же за последние дни дополнить новыми налогами, дабы обеспечить само существование государства; 3) внешним долгом, уплата которого становится все затруднительнее по причине прогрессивного сокращения активного внешнеторгового баланса; 4) безработицей, относительно большей, чем в какой-либо другой стране, в силу которой от 20 до 25 процентов населения состоит на иждивении касс общественной помощи. Число молодых людей, не имеющих ни возможности, ни надежды найти себе место или заработать на жизнь, все возрастает. Это приводит их в отчаяние и способствует их политической радикализации». Уже с середины 1931 года Германия не в состоянии платить по частным иностранным кредитам. Платежи по процентам и в счет погашения нынешних долгов достигают в текущем году примерно 1 3/4 миллиарда марок. Прежние резервы Рейхсбанка исчерпаны. Запас золота и девизов[133] Рейхсбанка не превышает 390 миллионов марок, в то время как в обращении находится бумажных денег на 3800 миллионов марок – иными словами, законное покрытие денежного обращения, которое должно достигать 40 процентов, на самом деле составляет лишь 10 процентов. Между тем активный баланс внешней торговли Германии за 1931 год составил 3 миллиарда марок. Однако, по мнению канцлера, это превышение ненормально; он заявил, что Версальский договор и соглашения о репарациях повинны в конфискации состояний, в инфляции, в повышении учетного процента, в увеличении налогового бремени, в социальных бедствиях. «Один шаг отделяет нас от бездны. Настал момент, когда надо действовать».

В свою очередь я взял слово. Несомненно, франко-германское согласие является существенным элементом европейской безопасности. Мы будем говорить не как требовательные заимодавцы, но как люди, старающиеся понять точку зрения других народов. Я напомнил, в каких условиях был решен и подготовлен созыв Лозаннской конференции: она возникла в результате обращения Германии 19 ноября 1931 года к Банку международных расчетов с просьбой совместно исследовать ее положение. Доклад базельского комитета экспертов должен быть для нас правилом и законом; мы принимаем его выводы; мы допускаем, что размах кризиса превысил «сравнительно короткий период депрессии, предусмотренный планом Юнга»; мы также допускаем, что финансовые трудности Германии делают

необходимым совместные действия. Мы также рады констатировать, что Лозаннская конференция уже провозгласила принцип, согласно которому европейское урегулирование может быть достигнуто только в рамках всеобщего урегулирования, – принцип, включенный в Вашингтонское коммюнике от 25 октября 1931 года.

Однако доклад базельского комитета экспертов констатировал, что Германия создала экономическое оборудование большой мощности, позволяющее достигнуть высокой производительности. «Таким образом, – сказал я, – у Германии большие трудности, но и большие надежды». За всяким кризисом наступает период равновесия и процветания. Аннулирование репараций уменьшило бы бремя, лежащее на германской экономике в виде государственного долга, в условиях, которые могли бы создать для нее значительные привилегии. Таблица, составленная английским экономистом сэром Уолтером Лейтоном, дает разоблачающие цифры. Если сравнить задолженность Германии, Франции и Великобритании, то в рейхсмарках она составляет: Германия – 12 миллиардов, Франция – 51 миллиард, Великобритания – 130 миллиардов, которые могут в 1932 году соответствовать 105 миллиардам. Инфляция, о которой говорил канцлер, не пощадила и Францию. В результате применения моратория Гувера только в течение одного года дефицит французского бюджета достиг примерно 1800 миллионов, который мое правительство вынуждено будет покрывать с помощью чрезвычайно суровых мер. Сошлемся и на другой пример, на железные дороги. Доля репараций, падающая на немецкую железнодорожную сеть, составляет 660 миллионов марок в год, что не является чрезмерным; согласно докладу базельских экспертов, с 1925 по 1929 год доходы железных дорог превышали их расходы ежегодно в среднем на 833 миллиона марок, то есть очень широко покрывали расходы по репарациям. В 1930 году, несмотря на экономический кризис, прибыль снова позволила покрыть ежегодный взнос по репарациям, причем запасы предыдущих лет были использованы лишь частично. Начиная с 1 июля 1931 года, согласно плану Гувера, уплата репараций растягивалась фактически на десять лет начиная с 1 июля 1933 года. Если же отменить на будущее все платежи по репарациям, то обязательства немецких железных дорог (акции и займы) составят примерно 10 миллиардов франков, тогда как обязательства французских железных дорог составляют 65 миллиардов франков, а английских – 100 миллиардов франков. Подобное исключительно привилегированное положение германских железных дорог позволило бы им провести

значительные сокращения тарифов. Это позволило бы им снизить продажные цены на товары низкой стоимости, продающиеся на вес, вроде угля, на 15-25 процентов по сравнению с существующими ценами, и дало бы таким образом Германии огромное преимущество в той жестокой конкурентной борьбе, которая идет сейчас на внешних рынках. «В рамках плана Юнга и Гаагских соглашений превышение доходов Франции над платежами по ее собственным долгам, за вычетом уплаты процентов по займу Юнга, достигает примерно 360 миллионов марок в год. Достаточно сравнить эту цифру с другими сальдо, чтобы оценить крайнюю несправедливость жертвы, которую потребовала бы от Франции, по сравнению с другими странами, отмена репараций. Впрочем, от последствий отмены репараций пострадают многие другие страны. Имеется даже такая страна, которая была записана в Гаагских соглашениях как располагающая сальдо около 70 миллионов рейхсмарок и которая смогла выдержать мораторий Гувера лишь благодаря значительной помощи Франции. Чтобы восстановление Германии стало окончательным, необходимо, чтобы и другие нации вернулись к удовлетворительным условиям финансового и экономического существования и им также была бы дана возможность участвовать в нормальном торговом обмене, от которого зависит всеобщее процветание. Отмена репараций отнюдь не представляет, по мнению самих экспертов, справедливого и действенного решения проблемы, поставленной Лозаннской конференцией. Франция полагает, что улучшение безопасности создало бы с помощью гораздо более надежных средств то доверие, которое придало бы обращению капиталов необходимую подвижность. Не может быть политического мира без мира экономического, но нет и экономического мира без мира политического. Поэтому мы будем просить для Французской республики долю той справедливости, которой она желает для всех наций».

После меня выступил Невиль Чемберлен, подтвердивший заявление Макдональда о торжественном характере международных обязательств и о необходимости внести в них с общего согласия необходимые изменения. По мнению громадного большинства народов Соединенного Королевства, во избежание гибельных последствий необходимо отказаться от огромных межправительственных обязательств, затрудняющих товарообмен или обмен услуг. Великобритания возражает против односторонних платежей. Она является кредитором не только Германии, но и других государств. Сумма, которую должны были Великобритании по этим статьям, достигала вначале 2

миллиардов фунтов стерлингов; заключенные конвенции аннулировали две трети или даже более этой суммы. «Мы не получили, – заявил Невиль Чемберлен, – от наших должников суммы, способной компенсировать произведенные нами платежи. Фактически общая сумма наших платежей превысила на сегодняшний день наши поступления на 200 миллионов фунтов стерлингов за вычетом процентов… И все же мы настолько глубоко убеждены в том, что только радикальные меры способны восстановить доверие, без которого механизм кредитов никогда не сможет свободно действовать, что вполне готовы внести наш вклад в дело всеобщего забвения прошлого *(Wiping of the slate),* лишь бы другие заинтересованные государства сделали то же самое».

Во время заседания сэр Джон Саймон переслал мне любезную записку: «Позвольте мне выразить вам почтительную признательность за ваше выступление, столь разумное по духу и столь ценное для нашего всеобщего сотрудничества».

Во второй половине дня были заслушаны выступления бельгийского премьер-министра, послов Японии, Португалии и Югославии и Микалакопуло. Маринкович потребовал не обрекать некоторые государства на непреодолимые трудности во имя помощи Германии. По плану Юнга в результате получения репараций Югославия имела сальдо примерно 70 миллионов золотых марок. Эту сумму она использовала для покрытия ежегодных платежей по займам восстановления. Югославия была сильно задета экономическим кризисом: как сельскохозяйственная страна, она сильно страдала от значительного падения цен на сельскохозяйственные продукты и от сокращения своего экспорта. Румынский делегат сообщил, что в результате сокращения ежегодных платежей, предусмотренных планом Дауэса, в его стране наблюдается пассивный баланс в том, что касается ее обязательств по политическим долгам. Ежегодный платеж по плану Юнга перекладывает восстановление разоренных областей и компенсацию частных убытков на румынскую экономику, которая сама страдает от обесценивания сельскохозяйственных продуктов и сырья.

* * *

Суббота, 18 июня. Заседание совета министров. Все мои коллеги единогласно одобрили мои действия. Леон Блюм в «Попюлер» отметил важное значение того, что произошло 17 июня. «Общая декларация, – писал он, – проникнута желанием

достигнуть результатов. Она одновременно утверждает серьезность, срочность и тесную связь вопросов, внесенных в ее программу. Тем самым она отвечает чаяниям народов». В «Актюалитэ» от 18 июня сенатор Анри Беранже назвал большой день Лозанны прекрасным «как с международной, так и с французской точки зрения».

Заседание кабинета. Мои коллеги допускали мысль о финансовом, экономическом или политическом соглашении.

Вместе с Пальмадом, Шотаном, Лейгом и Бонкуром (Пенлеве отсутствовал по болезни) мы приступили к обсуждению вопроса о сокращениях. Пальмад изыскивал возможность сэкономить 4300 миллионов. Он предложил разложить 1500 миллионов на военные министерства (800 миллионов на военное министерство, 400 миллионов на министерство морского флота и 300 миллионов на министерство авиации), 1700 миллионов сократить за счет других расходов и 1 миллиард за счет финансовых мероприятий (700 миллионов даст сокращение штатов).

Воскресенье, 19 июня. Первый акт Лозаннской конференции получил одобрение; теперь надо было думать о последующих. Анри Беранже в «Ревю де Пари» от 1 июня высказал превосходные мысли. Не следует ли в самом деле в первую очередь составить таблицу сальдо для каждой страны?

Беседа с Жозефом Кайо. Что касается причитающихся остатков, то он предусматривал справедливое распределение тягот, созданных аннулированием; он советовал выпустить для восстановления Европы международный заем, связанный с Европейским таможенным союзом. Беседовавший со мной Беранже безоговорочно одобрял декларацию. Он вручил мне свою очень важную статью для «Ревю де виван» (июнь 1932 года), с таким выводом: сокращение – да, аннулирование – нет.

Понедельник, 20 июня. После моего возвращения в Лозанну Жермен Мартен информировал меня о ходе дел. Накануне было два рабочих заседания. Приглашающие нации наметили рамки, установив дату 11 февраля 1932 года. «По их мнению, целью конференции будет решающее урегулирование вопросов, затронутых в докладе базельского комитета экспертов, а также разработка мероприятий, необходимых для разрешения прочих экономических и финансовых вопросов, вызвавших или могущих продлить кризис, от которого страдает мир». Англия подчеркнула, что она не может существовать, если международная торговля будет и дальше разваливаться; она приписывала перемещениям капиталов, которые не могут быть оправданы перемещением товаров, расстройство мировой кредитной системы и обращения капиталов. Она требовала,

чтобы Германии позволили снова стать страной с высокой покупательной способностью. Она не смела признаться, что ее желание всеобщего аннулирования долгов отвечало запросам банкиров Сити, которые требуют финансовых мероприятий, способных защитить замороженные кредиты Соединенного Королевства в Германии и сделать возможным их выплату.

Согласно плану Юнга, Германия должна ежегодно выплачивать Франции около 2 миллиардов рейхсмарок, из которых 612 миллионов по разделу репараций, признанных эквивалентными коммерческому долгу. Эта сумма в 612 миллионов была установлена по оценке экспертов, в том числе д-ра Шахта, как соответствующая платежеспособности Германии, по самой низкой оценке. Представляется вполне справедливым, несмотря на кризис, требовать уплаты этих бесспорных ежегодных взносов; их пересмотр мог бы быть оправдан лишь при переоценке золотого эквивалента.

Г-н де Лабуле встретился с фон Бюловым, немецким Бертело, статс-секретарем по иностранным делам, племянником бывшего канцлера, который ссылался на свою принадлежность к демократической партии, а сейчас как будто примкнул к левому крылу консерваторов. Фон Бюлов заявил, что он желал бы урегулирования вопроса безопасности. Он также предполагает переговоры между генеральными штабами, но не с генералом фон Шлейхером, более политиком, чем военным, а с генералами фон Хаммерштейном и фон Бломбергом.

Понедельник, 20 июня[134], с 10 утра до часу дня. Беседа с Макдональдом и Ренсименом (Чемберлен болен). Я вновь отклонил аргументы, выдвинутые Макдональдом в пользу аннулирования долгов. По его мнению, проблему нужно рассматривать не с точки зрения платежеспособности, а с точки зрения трансферта. Ренсимен настаивал в том же смысле; трансферты отразились на финансах, промышленности и торговле Великобритании; уплата репараций препятствовала предоставлению займов Центральной Европе. Жермен Мартен доказывал, что передача железнодорожных облигаций никак не повлияла бы на трансферты.

Визит Титулеску. Маринкович жаловался на недостаток девиз у Югославии; страна находится накануне провозглашения моратория на трансферты. Мой сербский коллега уведомил меня, что Бенеш, который бы выиграл от аннулирования, возражает против него из чувства солидарности. Мне кажется, что мое свидание с японским послом не было бесполезным: я обрисовал ему, как осуществляется германский демпинг на Дальнем Востоке; он одобрил французский тезис, и я хочу верить, что это

не простая вежливость.

19 часов. Позвонил Поль Бонкур и сообщил, что г-н Гибсон хочет сделать мне срочное сообщение. После визита бельгийского премьер-министра, заявившего о своем согласии с французской точкой зрения, я встретился с Бонкуром, Гибсоном и Норманом Дэвисом в Морже, в гостинице Монблан. Американцы сообщили нам, что накануне, в воскресенье, звонил президент Гувер; он работает над «радикальным» предложением о разоружении, по поводу которого хотел бы сговориться с нами. Я сделал оговорки, объяснив сложность и затруднительность нашего положения. В ходе беседы я узнал, что Соединенные Штаты продолжают возражать против аннулирования репараций и что в английском правительстве мнения по этому вопросу разделились. Соединенные Штаты опасались, как бы во время выборной кампании против них не образовалось Европейской коалиции.

20 июня мы вручили британской делегации ноту, в которой уточняли нашу позицию. «Чистые сальдо» разных наций в рамках Гаагских соглашений достигают, за вычетом процентов по займу Юнга, следующих сумм: Франция – 359,5 миллиона рейхсмарок, Великобритания – 66,9, Италия – 35,7, Бельгия – 68,2, Румыния – 5, Югославия – 68,9, Греция – 3, Португалия – 5,9, Япония – 12,5. Эти цифры показывают неравенство вклада, который аннулирование потребовало бы от каждого, если только не согласятся справедливо их распределить согласно какому-нибудь новому методу, который надлежит выработать. С другой стороны, аннулирование привело бы к тому, что невозмещенный еще остаток расходов, на которые прежние кредиторы должны были пойти для ликвидации всех разрушительных последствий войны, окончательно лег бы на их плечи. Аннулирование поставит Германию в привилегированное экономическое положение, как только будет преодолен нынешний период острого кризиса; оно создаст благоприятные условия для практики *демпинга,* и Германия сможет употребить значительную часть своих бюджетных ресурсов на производительные расходы. Франция готова обсудить формы платежей, которые не вызывали бы никаких возражений с точки зрения трансфертов, поскольку решение проблемы следует искать в той связи, которая существует между платежами Германии и ее экономическим восстановлением. И, наконец, ни одно из соглашений, достигнутых в Лозанне, не должно выходить за рамки общего урегулирования вопроса межправительственных долгов. Соединенные Штаты довели до сведения, что они категорически против какой бы то ни было формы аннулирования репараций как военных долгов.

21-го, во вторник, в 10 часов, мы возобновили нашу дискуссию с Макдональдом и Ренсименом. Макдональд с явным смущением заявил, что он разочарован нашей нотой, утверждал, что со времени доклада базельского комитета экспертов положение еще ухудшилось, и настаивал на *«аннулировании»*. Я вновь перечислил все наши аргументы. Жермен Мартен заметил, что видные британские специалисты (Лейтон, Кейнс и Сэлтер) одобряют тенденции французского проекта; он привел высказывания из «Файненшел Таймс», которые одобряют тезис моего доклада. В течение всей дискуссии Лейт-Росс забрасывал записочками невозмутимого Ренсймена. Жермен Мартен опирался на повторные заявления Соединенных Штатов и учитывал их страх перед созданием против них единого фронта аннулирования. Сенатор Бора высказался категорическим образом и примкнул к плану Левинсона. Таким образом, точку зрения Франции разделяла значительная часть мирового общественного мнения; кроме того, она соответствовала мнению всех ее наиболее компетентных политических деятелей. Наш план позволяет считаться с положением Европы; он безупречен с точки зрения трансфертов и учитывает как настоящее, так и будущее. Что касается настоящего времени, то он предусматривает полную приостановку платежей, за исключением некоторых пунктов, вроде завершения работ, связанных с товаропоставками. Это первое решение, приобретающее окончательную силу лишь с согласия Соединенных Штатов, позволило бы изучить эффективность проекта аннулирования. Впрочем, эта мера приведет к положительному результату лишь в том случае, если мы в Лозанне сумеем наладить дело экономического восстановления и обеспечим финансовую безопасность в Центральной Европе. Такова первая часть нашей программы. Нам могут задать вопрос: не мораторий ли это, с последующим возмещением? Мы мыслим это не как мораторий, но как опыт аннулирования. Каковы пределы этого опыта? На это ответить труднее. Продолжительность этого эксперимента, поскольку проблема трансфертов поставлена, предполагает возвращение к значительно улучшенной германской экономике в том, что касается числа безработных и торгового баланса. Сформулировать вторую часть нашего плана гораздо труднее. Каковы наши политические, моральные, экономические и практические основания?

1. Политические основания. Ни одно французское правительство не может пренебречь национальным общественным мнением, считающим, что Германия должна нести разумное бремя. Рейх сознательно влез в долги. 2. Основания

моральные. Фактически, если не юридически, Германия нарушила свою подпись. Неуважение принятых на себя обязательств может сделаться всемирным явлением и даже распространиться на частные отношения. 3. Основания экономические. Если над германской экономикой останется тяготеть лишь бремя частных долгов, тем самым мы предоставим ей громадные возможности для *демпинга.* Промышленные нации подобного же типа – как Бельгия, Великобритания и Соединенные Штаты – понесут еще большие потери, чем сама Франция. 4. Основания практические. Мы уверены, что полное аннулирование репараций вызовет большое волнение в Соединенных Штатах, особенно в период предвыборной кампании; нужно бережно относиться к американскому самолюбию и предусмотреть некоторый остаток долга.

Англичане хорошо приняли это энергичное выступление. Макдональд как будто одобрил его. Труднее всего, продолжал Жермен Мартен, установить такой остаток долга, который бы не поставил Германию в затруднительное положение и не привел к раздражающему контролю. При установлении этого остатка долга необходимо, по мнению г-на Анри Беранже, учитывать нынешнюю слабость Германии. Мы заявили о своей готовности изучить вопрос о сведении этой суммы к разумному пределу; точно установить его в настоящий момент невозможно; так как немцы будут торговаться, надо сделать накидку. Как можно обеспечить эту сумму? Мы подумали о железнодорожных облигациях; известный контроль возможен, как, например, британский контроль в Бразилии. Другой вопрос: когда этот взнос окажется производительным? Можно спорить о степени процветания. И, наконец, как использовать сумму, выплаченную Германией? Ее можно передать Банку международных расчетов, который распределит ее в соответствии с расчетами по долгам после соглашения с Америкой.

Как мне кажется, Ренсимен сопротивляется гораздо больше Макдональда; он использовал заметки Лейт-Росса, являющегося, по-видимому, истинным руководителем английского общественного мнения. По его словам, Лейтон изменил свое мнение; Англия хочет «четкого сокращения», «всеобщей чистки», восстановления кредита и промышленности Германии.

В 16 часов дискуссия возобновилась. Макдональд прокомментировал статью, опубликованную Лейтоном в «Экономист» 18 июня 1932 года; он оспаривал эффективность плана Жермен Мартена. Англичане совещались между собой. Казначейство втихомолку как будто сопротивлялось. Макдональд перечислил четыре важных пункта, по которым достигнуто

соглашение: 1) необходимо окончательное урегулирование; 2) чтобы ни решили, одним из результатов должно быть восстановление доверия, необходимого для торговли и кредита; 3) Германия не может ничего платить ни сейчас, ни в течение всего периода, необходимого для ее восстановления *(for his recovery),* и 4) когда платежи будут произведены, они должны явиться результатом товарооборота и не вызвать трансфертов, осуществляемых силой.

Мы встретились с новыми трудностями, когда захотели подчинить окончательное урегулирование соглашению с Соединенными Штатами. Макдональду, по-видимому, нужна была некоторая свобода для обсуждения этих вопросов со своими министрами. Мы уточнили, что если Германия восстановит свое хозяйство, то платежи, соответствующие девидендам ценных бумаг, будут рассматриваться как нормальные трансферты, поскольку они не затронут расчетного баланса. Британская делегация удалилась для подготовки меморандума и предложила французской делегации последовать ее примеру.

Дело нисколько не прояснялось. Мы все еще топтались на одном месте, когда в 19 часов 45 минут Поль Бонкур позвонил мне из Женевы. Гибсон только что сообщил ему, не без некоторого замешательства, что президент Гувер не может долее сопротивляться требованиям печати и общественного мнения. Вследствие этого он передаст завтра конференции по разоружению послание, которое будет зачитано перед генеральной комиссией, созванной для этого по просьбе Гибсона. Поль Бонкур указал своему собеседнику, что это вмешательство не облегчит переговоров, начатых по поводу численности сухопутных войск. Совершенно очевидно, что президент Гувер хочет предпринять этот шаг накануне предстоящего в скором времени собрания демократической партии, на котором будет намечен кандидат.

Среда, 22 июня. Мне нанес визит федеральный канцлер Австрийской республики Энгельберт Дольфус, чье приятное обращение я уже имел случай оценить при встрече в Лионе. Он изложил мне все преимущества предоставления займа Австрии, который должен будет привести к восстановлению доверия, к урегулированию дела «Кредит Аншталь» и восстановлению торговых отношений с заграницей. Австрийский Национальный банк оказался в очень тяжелом положении. Между австрийцами существует сильное расхождение во мнениях, но влиятельная группа, к которой примыкает канцлер, полагает, что страна может жить, если ей помогут и если удастся избежать моратория на трансферты.

Мы согласовали с ним текст следующего коммюнике:

> «Федеральный канцлер Австрийской республики имел в среду, 22 июня, беседу с председателем совета министров Франции. Канцлер изложил положение своей страны и указал на необходимость срочной финансовой помощи. Г-н Эррио детально проанализировал возникшие трудности и посоветовал прибегнуть к помощи экспертов, собравшихся в настоящее время в Лозанне. Он заявил, что сделает все возможное, чтобы благоприятствовать этим консультациям, и предоставляет себя в распоряжение канцлера для продолжения изучения этого вопроса».

Визит федерального советника Жан-Мари Мюзи, директора финансового департамента Швейцарской конфедерации. Мы обсудили вопрос австрийского займа в том виде, в каком он стоит перед финансовой комиссией Лиги наций. По мнению г-на Мюзи, Великобритания не заинтересована в этом деле. «Европа, – сказал он мне, – представляет собой лестницу, на которую она – Великобритания – не опирается». Швейцария, как и мы, опасается Аншлюса. Италия не может не интересоваться вопросом Бреннера. Австрийский заем составит 300 миллионов шиллингов, из которых на 100 миллионов подпишется Англия, 100 миллионов – Франция, 30 миллионов – Италия, а остаток будет распределен между другими государствами. Нужно опасаться *runs*[135] в австрийских банках, поскольку это усилит прогитлеровское движение. Я испытывал подлинную симпатию к канцлеру Дольфусу – он мне казался честным и мужественным патриотом. Я считал, что для Франции было бы разумно и правильно его поддержать.

Среда, 22 июня. 16 часов. Предстояло свидание с англичанами, но так как Макдональд плохо себя чувствовал, мы отложили это свидание на следующий день. Я воспользовался этой отсрочкой, чтобы встретиться с Жермен Мартеном и нашими экспертами, которые вновь изучили представленные проекты и высказались за уплату Франции окончательного платежа *(lumpsum)*. Англичане вновь вручили нам длинную памятную записку; они хотят окончательного урегулирования, не подлежащего дальнейшему пересмотру. Они выдвинули следующий основной тезис: «Нельзя отделять торговлю от финансов, и мировая торговля будет самым серьезным образом расстроена не только действительными платежами по репарациям, но даже возможностью их возобновления в будущем. Пока немецкий народ не займет должного места среди мировых

потребителей, не может быть никакой надежды поднять цены на мировом рынке и восстановить международное благосостояние».

Я советовался с нашими экспертами по поводу арбитражного решения. Конфликт между Францией и Великобританией очевиден; он касался вопроса возможностей для Германии. Я не соглашался на аннулирование; это означало бы пожертвовать правами Франции и других наций, не достигнув никаких результатов. Если Великобритания не откажется от своего меморандума, я откажусь следовать за ней. Если она будет угрожать мне как кредитор, я не уступлю. Безоговорочное аннулирование представлялось мне невозможным по пяти причинам:

1) потому что оно узаконило бы фактическое положение, угрожающее Франции;

2) потому что оно предполагало значительное неравенство жертв, требуемых от разных наций, как это видно из таблицы сальдо;

3) потому что, соглашаясь на него, Франция не только пожертвовала бы своими интересами, но и интересами других наций, чье положение может от этого еще ухудшиться;

4) потому что этим она одновременно лишит себя всех аргументов в отношении Соединенных Штатов и рискует тем, что ежегодно к убытку в 2 миллиарда, вызванному отказом от ее чистого сальдо с Германии, прибавится тяжесть ее долга Соединенным Штатам и таким образом на нее падет вся тяжесть трансферта, испрашиваемого для Германии;

5) потому что те финансовые затруднения, которые возникнут для Франции, будут тяготеть над ней не только завтра, но и в будущем, в период, когда Германия, полностью освобожденная от своего бремени, добьется привилегированного экономического положения.

У нас создалось впечатление, что конференция потерпела провал.

III. Послание Гувера

Новое обстоятельство еще более усугубило наши и без того серьезные трудности.

22 июня в Женеве на открытии заседаний Генеральной комиссии Гибсон зачитал послание Гувера, который предлагал сократить мировые вооружения примерно на одну треть. Что касается вооружения сухопутных войск, то он предлагал запретить танки, тяжелую артиллерию на механической тяге, а также средства химической войны. В отношении численного состава он возобновил прежнее предложение американской делегации, разграничивающее полицейские и оборонительные силы и предусматривающее сокращение последних на одну треть. В области авиации он предлагал полный отказ от бомбардировочной авиации и запрещение воздушных бомбардировок. По линии военно-морского флота предложения президента предусматривали сокращение числа и общего тоннажа броненосцев на одну треть, числа всех других надводных кораблей – на одну четверть и числа подводных лодок – на одну треть, причем максимальный общий тоннаж этой последней категории кораблей для любого государства не должен был превышать 35 тысяч тонн. В послании уточнялось, что коэффициент сокращения для флотов Франции и Италии по классу крейсеров и контрминоносцев должен исчисляться, исходя из предположения, что соглашение, выработанное 1 марта 1931 года, вошло в силу.

В своих комментариях Гибсон особо подчеркнул, что эти предложения в свою очередь обязывают США провести сокращение своих вооружений. Выступивший первым сэр Джон Саймон не стал скрывать, что предложения президента Гувера, сделанные в момент, когда ведутся переговоры, кажутся ему несвоевременными; он подверг критике метод внезапного представления конференции импровизированного проекта вместо продолжения совместной работы по достижению соглашения. Заявив, что его делегация готова тем не менее рассмотреть послание Гувера, сэр Джон Саймон подверг резкой критике предложения, касающиеся военно-морских сил. Он напомнил, что по ряду пунктов, особенно в отношении подводных лодок, американская и британская делегации предлагали провести более существенное сокращение, и отметил, что в послании ничего не говорится о сокращении общего водоизмещения линейных кораблей.

Поль Бонкур указал на недостатки такого сокращения

вооружений, которое распространяется на все государства по принципу математических формул, не учитывая ни специфики их положения, ни одностороннего сокращения, уже проведенного некоторыми из них; он напомнил и о том, что Франция сократила срок военной службы до одного года. Американские предложения, добавил Поль Бонкур, предусматривают массовое сокращение, однако это должно сопровождаться улучшением организации международной безопасности, о чем президент Гувер совершенно не упоминает. Мы остаемся верными французскому предложению, которое увязывает оба эти тезиса: разоружение и безопасность.

Выступление представителя Японии отличалось большой осторожностью, особенно по вопросу о морских вооружениях. Литвинов, Надольный и Гранди приветствовали американскую инициативу. В частности, Гранди от имени своего правительства, с которым он смог проконсультироваться, полностью ее поддержал. Мадариага сделал ряд оговорок относительно малых наций. С согласия американской делегации Гендерсон объявил, что послание будет включено в план работы конференции.

То обстоятельство, что Италия с энтузиазмом встретила предложение исходить при сокращении военного флота из соглашения, выработанного 1 марта 1931 года, вполне понятно. В действительности принципы этого соглашения были отвергнуты французским правительством. Соглашение предусматривало, что Франция и Италия могут выстроить каждая по два судна водоизмещением в 23 тысячи тонн; предложения Гувера устанавливали максимальное водоизмещение в 35 тысяч тонн. Для достижения предусмотренного уровня в 116 тысяч тонн (две трети от 175 тысяч) Франция должна была бы уничтожить 69 тысяч тонн, оставив только старые корабли, в то время как Италия получила бы возможность построить новые корабли общим водоизмещением в 43 тысячи тонн. Поскольку основы соглашения предусматривали равный объем строительства авианосцев, предложения Гувера давали Италии возможность построить новые корабли водоизмещением в 45 тысяч тонн; Франция же, имевшая на вооружении переоборудованный в авианосец старый линкор «Беарн», имела бы право только на 18 тысяч нового тоннажа. В отношении легких надводных кораблей превосходство Франции, исчислявшееся в 54 тысячи тонн, было бы снижено до 40 тысяч тонн. Сокращение до 35 тысяч тонн общего тоннажа нашего подводного флота (построенный или разрешенный тоннаж был равен 98 тысячам тонн) привело бы к тому, что без существенного увеличения числа легких надводных кораблей наши военно-морские силы не смогли бы обеспечить

выполнение возложенной на них охранной миссии. В целом разница в тоннаже французского и итальянского военного флота составляла 231 тысячу тонн в пользу Франции. Основы соглашения устанавливали эту разницу в 229 тысяч тонн, что было признано делегациями Великобритании и США на Лондонской конференции, предложения же Гувера сокращали разрыв до 40 тысяч тонн. Согласиться с ними я не мог уже потому, что, входя в состав различных правительств, я всегда стремился защищать интересы французского флота.

* * *

Четверг, 23 июня. Мы возобновили дискуссию с Макдональдом и Ренсименом; они заявили о невозможности дальнейшего ожидания, так как их вызывают в Лондон. Они обсудили наш меморандум и наше требование об определении твердой суммы в счет репарационной задолженности Германии. Жермен Мартен разъяснил техническую сторону вопроса. Ренсимен не согласен с принципом ежегодных платежей. Кризис в полном разгаре; кажется, что порваны решительно все связи. Макдональд заявил, что, по мнению английских банкиров и финансистов, появление в обращении бон вызовет крах на основных рынках. Мы настаивали на возможностях, заложенных в германских железных дорогах. Я почувствовал, что наши английские коллеги колеблются. Макдональд вопросительно посмотрел на Ренсимена, но тот остался непримиримым. Он предложил отложить обсуждение и попросил нас письменно изложить наше предложение об установлении твердой суммы. Он не скрывал своего намерения переговорить с германским канцлером. Мы резервировали за собой право запросить мнение Парижа, так же как наши партнеры резервировали право запросить мнение Лондона.

Мы вновь сформулировали ноту, которую вручили в тот же день, в четверг 23-го, в 16 часов. С нашей точки зрения, определение твердой суммы означает прекращение спора путем установления определенного платежа, не подлежащего дальнейшему обсуждению. Платеж может быть осуществлен в трех формах, Во-первых, в форме капитала. Так, если бы Германия передала облигации железных дорог на сумму 10 миллиардов рейхсмарок с уплатой процентов на сумму 5 миллиардов рейхсмарок, взамен чего она была бы в дальнейшем освобождена от всех других платежей, за исключением выплаты по процентам и в счет погашения этих облигаций, то это означало

бы выплату по принципу твердой суммы в форме капитала.

Если же было бы решено, что Германия должна освободиться от своих обязательств, выплачивая один раз в году в течение определенного периода раз и навсегда установленную сумму, то это означало бы применение принципа выплаты твердой суммы в форме ежегодных платежей. Наконец, можно предусмотреть такой порядок, при котором выплачивается наличными *(in cash)* окончательно обусловленная твердая сумма, после чего прекращаются все дальнейшие платежи. Однако в данном случае это означало бы либо банкротство германского кредита, чего опасалась британская делегация, либо установление настолько незначительной суммы, что это было бы равноценно полному аннулированию задолженности.

Теперь Макдональд держится гораздо приветливее. Сегодня утром Лейт-Росс уверял, что ничего не имеет против нас. Англичане изучили ситуацию. По их мнению, следует выделить два факта:

1) Каким бы ни было решение, окончательное его принятие необходимо отложить до выяснения позиции США; с этим мы согласны. Я усматриваю в этом заявлении влияние послания Гувера.

2) Что будет делать Германия? Она ждет за дверью. Если бы наши французские друзья, заявляет Макдональд, могли заключить с ней временное частное соглашение в любой форме, мы приняли бы его; мы изучили бы возможность согласовать предложения, которые были бы нам сделаны, с планом финансового и торгового оздоровления Европы; мы не можем предлагать такое соглашение, но мы были бы готовы пойти на него.

Было выработано следующее коммюнике: «Сегодня, 23 июня, были продолжены дружественные переговоры между британской и французской делегациями, проходившие успешно. Они были прерваны с тем, чтобы дать возможность французской делегации войти в контакт с немецкой делегацией».

18 часов. Визит графа Аппоньи, потребовавшего применения к его стране статьи 8 Устава Лиги наций, равноправия, а также свободы выбора военного режима. Как много слов!

Пятница, 24 июня, 10 часов. Встреча с германским канцлером. Он хотел бы увязать вопрос о репарациях с широкой программой европейского восстановления, особенно Южной Европы. Я положительно думаю, что обычная тактика Германии заключается в том, чтобы отклонять то, что от нее требуют, предлагая то, чего у нее не просят. «Англия, – сказал мне г-н фон Папен, – продолжает свою политику обесценивания золота, к которой

Европа не может присоединиться». Он предложил помочь нам в деле разоружения, заключив франко-германское соглашение. Он требовал равноправия, хотя бы формально, на бумаге, что позволило бы ему заключить соглашение в рамках, приемлемых для генеральных штабов обеих стран. Он затронул также вопрос о восточных границах и вручил мне подробную памятную записку, сущность которой сводилась к следующему:

> «Было бы ошибкой считать, что неэквивалентные платежи менее тяжелы, когда их источником является не все народное хозяйство в целом, а одна из его отраслей. Как бы ни происходило изъятие капиталов и иностранной валюты из германской экономики, путем ли взыскания контрибуции с отдельных предприятий или же за счет государственного бюджета, последствия будут одни и те же. Любое увеличение обязательств Германии принуждает ее к усилению экспорта и сокращению импорта. Иностранный долг Германии достигает в настоящее время 20 миллиардов рейхсмарок. Выплаты по этому долгу в 1932 году составят примерно 1,8 миллиарда рейхсмарок. Рейх сможет выплатить свой долг лишь в том случае, если он увеличит в несколько раз нынешний объем своей внешней торговли. К тому же в стране насчитывается 6 миллионов безработных. Требование возвращения вкладов *(run)* вызвало необходимость срочной выплаты иностранных капиталов на сумму 5 миллиардов рейхсмарок. Резервы золота и иностранной валюты Рейхсбанка практически исчерпаны.
>
> Доверие – это основа капиталистической системы хозяйства; необходимо восстановить его с помощью международного разделения труда, которое является основой духовной и общественной жизни всех народов».

К документу было приложено письмо, адресованное делегации Англии. Что касается Востока, то канцлер не может пойти на заключение договора типа Локарнского, так как это вызвало бы возмущение националистов, однако он мог бы обещать не ставить этой проблемы, как и проблемы Аншлюса без предварительного обсуждения с нами. Он называет это франко-германским консультативным пактом. Вопрос о репарациях не будет решен до выборов в Америке. По мнению г-на фон Папена, провал Лозаннской конференции может привести в Германии к развитию *радикализма.* В этот исторический момент мы не

должны оставаться на негативных позициях; необходимо «похоронить» трудности, которые так долго отравляли атмосферу в Европе.

В 11 часов собрались делегаты. Было решено, что первая дискуссия не будет связана с какими бы то ни было обязательствами и гласностью.

Германский министр финансов, граф Шверин фон Крозиг, рассказал об изменениях, происшедших в Германии со времени Базельского решения. *Импорт.* В 1930 году он составил 10,4 миллиарда рейхсмарок; в 1931 году – 6,7 миллиарда; с января по май 1932 года – 2 миллиарда рейхсмарок. *Экспорт.* В 1930 году – 12 миллиардов рейхсмарок; в 1931 году – 9,6 миллиарда; в 1932 году, за первые пять месяцев, – 2,5 миллиарда рейхсмарок. Активное сальдо торгового баланса выглядит следующим образом: в 1930 году – 1,6 миллиарда рейхсмарок; в 1931 году – 3 миллиарда; за первые пять месяцев 1932 года – 500 миллионов рейхсмарок. Нельзя рассчитывать на увеличение активного сальдо, пока не устранены препятствия, мешающие развитию торговли. Еще в базельском докладе указывалось, что нельзя будет удержать активное сальдо на уровне 1931 года, но невозможно было предположить, что спад окажется таким резким. Между тем в 1932 году Германия должна уплатить 1700 миллионов рейхсмарок в счет своего частного и государственного долгов. Кроме того, ей предстоят платежи по покрытию краткосрочных кредитов на сумму 900 миллионов, лишь 10 процентов которой она собирается уплатить. Итого, Германии необходимо изыскать валюту для уплаты 1800 миллионов рейхсмарок. В 1930-1931 годы для покрытия краткосрочных кредитов на сумму 5 миллиардов рейхсмарок должны были быть реализованы наличный резерв капиталов, золотой запас Рейхсбанка и авуары за границей. Для покрытия необходимых 1800 миллионов рейхсмарок рейх может использовать: 1) активное сальдо баланса услуг (100 миллионов в 1932 году и 150 миллионов в 1931 году); 2) поступления по процентам с германских активов за границей (в 1931 году это даст, возможно, 250 миллионов рейхсмарок). С другой стороны, потребуется 100 миллионов на уплату процентов по германским процентным бумагам, принадлежащим иностранцам, в связи с чем чистое сальдо по активам составит лишь 150 миллионов рейхсмарок.

«Чтобы осуществить в 1932 году платежи в счет нашего внешнего долга, – заявил граф Шверин, – нам следовало бы иметь активное сальдо в 1500-1600 миллионов рейхсмарок, что невозможно при нынешних обстоятельствах. Если позволят обстоятельства, Германия хотела бы обеспечить выплату своего

частного долга, однако эти обстоятельства зависят не только от нас. Возможно, что в отношении долгосрочных кредитов Германии придется поступить так же, как она поступила в отношении краткосрочных кредитов в соглашениях об отсрочке: она будет вынуждена договориться со своими кредиторами. Положение Рейхсбанка представляет особый интерес: к концу 1930 года его золотое и валютное покрытие составляло 2,7 миллиарда рейхсмарок; к концу 1931 года – 1160 миллионов; в настоящее время оно составляет 990 миллионов, что на 15 процентов ниже цифр базельского доклада; по последним сведениям, это уменьшение еще более существенно. В золотое и валютное покрытие входят также краткосрочные кредиты, предоставленные Рейхсбанку иностранными банками. За вычетом этих сумм золотое и валютное покрытие составляет всего лишь 390 миллионов; этого резерва недостаточно для платежей, назначенных на 1 и 15 июля».

«Внутреннее положение Германии, – продолжал граф Шверин, – также ухудшилось со времени Базельского доклада экспертов. Индекс производства, если принять уровень 1928 года за 100, упал в 1931 году до 71, а в первые пять месяцев 1932 года до 60. Число безработных *(Arbeitslosen)* достигает приблизительно 6 миллионов. Объем торговых операций внутри страны сокращается, если судить по поступлениям в счет налога с оборота. Состояние государственного бюджета ухудшилось. С 1929 по 1932 год поступления по налогам сократились примерно на 4 миллиарда рейхсмарок, несмотря на то, что государством были введены новые налоги. Помощь безработным все более тяжелым бременем ложится на бюджет; правительству пришлось понизить на 10-23 процента размеры пособий; постоянный безработный получает в месяц 45 марок (270 франков), что не обеспечивает прожиточного минимума; следствием этого является серьезное социальное напряжение. Общая сумма средств, необходимых для выплаты пособий по безработице, составляет 3 миллиарда марок; для ее покрытия пришлось провести новое снижение заработной платы; за два года оклады государственных чиновников были понижены на 20-25 процентов; по ряду категорий служащих коммунальных учреждений снижение достигало иногда 50 процентов. Я хотел, – заявил в заключение граф Шверин, – дать вам точное представление о положении в Германии». Канцлер фон Папен указывает на трудности, которые представляет сохранение неприкосновенным государственного аппарата.

Дискуссия возобновляется в 17 часов 30 минут. Слово предоставляется Жермен Мартену. «Мы признаем, что положение

рейха ухудшилось, однако то же самое произошло во всем мире. Мы не хотим быть бессердечными кредиторами; мы стремимся быть благоразумными. Граф Шверин описал, например, положение безработных. Но ведь во Франции безработный получает меньше, чем в Германии, – 210 франков в месяц. Что касается государственных чиновников, то подвергшиеся снижению первоначальные оклады превышают соответствующие оклады во Франции. Почтальон получает в Германии 12 тысяч франков, а у нас – 9-10 тысяч франков. Пенсии в Германии выше, чем во Франции.

Объем нашей внешней торговли сократился на 60 процентов. Ваш же коэффициент сокращения, – заявил Жермен Мартен, – равен мировому; мы переживаем сейчас не циклический, а особый кризис; вы же скользите в той же плоскости, что и другие государства. По налоговым поступлениям наш дефицит достигает 6-7 миллиардов франков. Мы поражены слепотой и параличом. Ваши долгосрочные кредиты действительно заставили вас обратиться к резервам; однако такого рода изъятие является исключительным событием; ни один эмиссионный банк не мог бы с этим справиться. Но если мы договоримся в Лозанне, подобные инциденты с вами не повторятся. В Лозанне заложена основа восстановления германского кредита. Если Германия поправит свои дела, если она избавится от трехмиллиардного бремени пособий по безработице, если приостановление платежей даст ей возможность восстановить свое хозяйство, то что она будет делать? Аннулирование долгов невозможно; мы не можем пожертвовать своими правами; но давайте ваши предложения, и мы рассмотрим их в духе самого широкого понимания».

Я изложил свои пять аргументов против аннулирования.

Затем опять выступил граф Шверин: «Проводить сравнения между странами весьма трудно. Так, итальянский безработный испытывает меньше страданий, чем немецкий. Кризис, переживаемый рейхом, имеет специфические черты: нехватка капиталов, закрытие кредита, инфляция. Мы согласны с тем, что основа восстановления германского кредита заложена в Лозанне. Каким образом? Мы согласны если не со средствами, то, во всяком случае, с целью. Речь должна идти не только о репарациях, но и о европейском восстановлении. Мы готовы сотрудничать в этом деле с самыми лучшими намерениями».

Германский канцлер отбыл в Берлин 23 июня в 16 часов. Он передал представителям прессы довольно оптимистическое заявление: «Я первый готов признать, что в вопросе, который принято называть ликвидацией репараций, Франция имеет право на компенсацию. Если бы я имел материальную возможность

предложить эту компенсацию в денежной форме, я бы сделал это с большой охотой. Но, поскольку это для меня невозможно, я хотел бы, чтобы мы совместно искали эту возможность в другой области, в области экономической – в рамках экономической реорганизации Центральной Европы… Добавлю, что в настоящее время я представляю все национальные силы Германии, чего не могли сказать мои предшественники. Таким образом, при заключении франко-германского соглашения Франция имела бы ту гарантию, что в моем лице этот документ подписала бы вся Германия. До сих пор в наших взаимных попытках к сближению Франция могла рассчитывать только на «левых»; разве она не заинтересована в привлечении на свою сторону «правых», иными словами, всей Германии?» Не преувеличивает ли канцлер своего авторитета?

Я выехал в Париж.

Суббота, 25 июня. Заседание совета министров. Поль Бонкур представил отчет о ходе работ в Женеве и о результатах начатых переговоров о химической и бактериологической войне. Я подвел итог переговоров в Лозанне. Оживленные дебаты развернулись вокруг австрийского вопроса. Было принято следующее решение: «Правительство согласно внести на рассмотрение палат проект об участии Франции в международном займе, который будет предоставлен Австрии Лигой наций; условия и объем этого участия будут установлены позднее. Французское правительство должно резервировать за парламентом право ратификации». 24 июня федеральный канцлер Австрии прислал мне новую, весьма настойчивую ноту.

В телеграмме из Вашингтона нам сообщили, что президент США готов согласиться с тем, что в случае напряженного положения в Европе Соединенные Штаты не будут признавать прав воюющей стороны за той державой, которая, по их мнению, нарушит статью 2 пакта Келлога. США могли бы участвовать в консультативной конференции. Они возражают против аннулирования репараций (телеграмма № 404).

Пальмад изложил свои финансовые проекты. Рост расходов за последние годы представляет следующую картину: 1927 год – 39,5 миллиарда; 1928 год – 42,5 миллиарда; 1929 год – 45 366 миллионов; 1930 год – 50 398 миллионов; 1931 год – 50 145 миллионов по проекту правительства и 50 340 миллионов по проекту комиссии. Следует отметить, что 1800 миллионов франков были перечислены из бюджета в Автономную кассу; без этой операции мы имели бы в 1931 году дополнительное увеличение бюджетной массы примерно на 2 миллиарда.

Итальянская пресса ведет себя крайне вызывающе. 25 июня в

«Пополо ди Рома» была опубликована чудовищная заметка против Франции и лично против меня. «Послевоенная Франция, – писалось в ней, – представляет гораздо большую опасность, чем довоенная Германия. Германия 1914 года стремилась развязать конфликт, Франция 1932 года идет гораздо дальше: она хочет не только посягнуть на мир, но и обречь народы на голод». Что касается меня, то меня отсылали на суд моих избирателей. Разве «Пополо ди Рома» действительно известно, что такое избиратель?

В понедельник, 27 июня, я встретился с Гранди. Он вручил мне меморандум, в котором итальянское правительство высказывалось за аннулирование репараций. Я пожаловался ему на «Пополо ди Рома». Он согласился со мной и заявил, что ему опротивели такого рода приемы и он даже намерен выйти из правительства. Держится он, во всяком случае внешне, весьма примирительно; последними его словами было: «Помогите мне».

* * *

Понедельник, 27 июня 1932 года. Новое заседание в 16 часов 30 минут. Какова будет позиция Германии после поездки фон Папена в Берлин, где ему, по-видимому, основательно досталось за предложение о сближении и особенно за ряд примирительных деклараций, сделанных им Стефану Лозанну[136]. Председательствовал фон Папен; он предоставил слово германскому министру финансов. «Германская делегация тщательно изучила французские аргументы о невозможности аннулирования репараций. Мы признаем трудности французской делегации и проявленный ею дух понимания; мы тронуты участием, проявленным г-ном Эррио к судьбе 6 миллионов безработных. Мы далеки от того, чтобы требовать разрешения только наших трудностей, хотя и считаем выплату репараций нереальной. Тяжесть политических долгов стала невыносимой для всего мира. Прошлогодняя инициатива Гувера не привела к желаемым результатам, потому что не было уверенности в будущем, и пока этой уверенности нет, приостановление платежей может дать должный эффект только в том случае, если оно будет оформлено *де-юре* после того, как осуществится *де-факто*. Хотя Германии и удалось вследствие инфляции ликвидировать значительную часть своего внутреннего военного долга, однако ее экономика не преодолела своих затруднений. Германия лишь перераспределила бремя этих трудностей, причем это было сделано грубым и опасным путем, путем налога на состояние. Вследствие полной анемии своей экономики,

вызванной инфляцией и версальскими обязательствами, Германия вынуждена была привлечь иностранные капиталы для восстановления своего оборотного фонда и технического оборудования. В результате этой операции образовался огромный внешний долг; то, что кажется облегчением трудностей, является на самом деле разрушением ценностей; и если Германии в течение нескольких десятилетий все еще приходится расплачиваться по своим частным иностранным долгам, то это является следствием общего ослабления ее экономики и выплаты репараций».

«Часто говорят, – добавил граф Шверин, – что Германия обладает высококачественным промышленным оборудованием. Однако образование капиталов происходило в совершенно недостаточном объеме. Нам не удалось модернизировать все пострадавшие от войны отрасли производства; основная масса мелких и средних предприятий работает на устарелом оборудовании. Немецкий народ, которому даже не известно, когда наступит улучшение его безысходного положения, единодушно осудил бы результаты Лозаннской конференции, если бы ее итогом были новые цепи, сковывающие его жизненные возможности. Часто думают, что Германия располагает значительными иностранными активами: до войны они действительно превышали 25 миллиардов рейхсмарок, теперь же они не достигают и 8 миллиардов». Министр снова подчеркнул необходимость аннулирования репараций. При этом он высказался в поддержку конструктивного плана развития европейской экономики, а также за повышение цен на хлеб путем предоставления таможенных преференций дунайским государствам, за оздоровление национальных валют, за учреждение общего фонда для предоставления кредита отдельным странам, за введение твердого соотношения между национальными валютами и золотом.

Пространное выступление графа Шверина было весьма интересным. Затем с рядом заявлений довольно общего характера выступил канцлер фон Папен. Я в нескольких словах констатировал, что данное заседание не сблизило нас. В общем мы вплотную подошли к разрыву с Германией. После поездки в Берлин позиция германской делегации полностью изменилась. Вечером, в 22 часа 30 минут, я встретился с Макдональдом, чтобы информировать его об этом обстоятельстве. По его мнению, здесь кроется германо-итальянская интрига. Он был возмущен, узнав от меня, что фон Папен предложил мне заключить военный союз. Вслед за мной он принял канцлера.

Вторник, 28 июня. Перечитал отчет о беседе, состоявшейся 4

июня между нашим атташе г-ном Моником и министром финансов США г-ном Огденом Миллсом, который заявил, что Германия «может выплатить определенную часть репараций» и что «ее нынешнее положение не может служить предлогом для освобождения ее от всех дальнейших платежей». Макдональд высказал свою озабоченность в связи с создавшимся положением; он должен быть в Лондоне 6 июля и опасается, что здесь за это время произойдет разрыв. Он попросил меня прийти к нему в 12 часов дня с Жермен Мартеном для встречи с фон Папеном и графом Шверином. В официозной заметке, опубликованной в германской прессе 28 июня, рейхсканцлер «категорически заявил, что ни на одной из своих встреч с французскими политическими деятелями и журналистами он никогда не признавал права Франции на репарации или на компенсацию».

В полдень я и Жермен Мартен встретились с фон Папеном и фон Нейратом у английских министров. Макдональд обратился к канцлеру в весьма суровом тоне. У него сложилось впечатление, что поездка в Берлин во многом изменила их позиции и что теперь мы просто теряем время. С присущими ему спокойствием и умеренной твердостью Чемберлен высказался в том же смысле. Фон Папен атаковал меня: необходимо пожертвовать репарациями, так как они в любом случае не будут выплачены; необходимо спасти Европу, разоружиться; он предложил нам заключить консультативный пакт. Он обвинил меня в желании оказать на Германию экономическое давление, а также в том, что я не доверяю ему, так как он является «правым». Я ответил, что если нас собрали в Лозанне для того, чтобы заявить нам только о том, что нам не будут платить, то это просто уведомление о решении, а не урегулирование вопроса. Нельзя решить проблему, сняв ее. Нам предлагают создать для Европы общий фонд, быть может необходимый, но, конечно, более выгодный для Германии; проблема разоружения должна быть рассмотрена отдельно; я охотно рассмотрел бы вопрос о заключении пакта, если б он только не был еще одной бумажкой. Я не оказываю экономического давления на Германию, так как требую платежей лишь в том случае, если Германия может платить; в соответствии со своими республиканскими убеждениями я предоставляю самим странам, и только им, судить о своих правительствах. Я резюмировал нашу точку зрения – или полная выплата всей оставшейся суммы, или экономическая компенсация, или политическая компенсация, или сочетание того и другого.

Чемберлен, видимо, склоняется на нашу сторону. Макдональд предложил свои услуги в качестве председателя на совещании, которое можно было бы посвятить основательному

изучению возможностей урегулировать вопрос либо путем установления твердой суммы, либо предоставлением экономических льгот, либо, наконец, путем укрепления безопасности. Решено провести совещание по этой программе во второй половине дня.

* * *

Вторник, 28 июня, 16 часов 30 минут. Снова начинаем вертеть свои жернова. Фон Нейрат согласен рассмотреть вопрос о выплате ликвидационного платежа независимо от репараций при условии: 1) полного аннулирования репараций; 2) общей стабилизации национальных валют; 3) разоружения на равноправной основе. Отныне вся дискуссия проходит под влиянием послания Гувера. Макдональд уточняет, что мы не можем заключить соглашения, не зная намерений американцев. Несмотря на протест фон Папена, он возвращается к базельскому докладу. Я всячески его поддерживаю. Как я говорил Андре Моруа, репарации являются для немцев вопросом желания, а не возможностей, или, вернее, возможности являются вопросом желания; это субъективный фактор. Затем перешли к обсуждению вопроса об установлении твердой суммы. Я заявил, что позиция немцев, мне непонятна: если им уступят в вопросе разоружения, то они будут платить, а если нет, то не будут. Следовательно, они могут платить. Фон Папен ссылается на психологические трудности. «Этот аргумент, – заявил я, – является для меня разоблачением и подтверждением, ибо он показывает, что немцы могут, но не хотят платить». Англичане оставались невозмутимыми. Фон Папен противопоставил нам силу инерции, в то время как славный сэр Морис добродушно покуривал свою трубку. Чемберлен отказался связывать вопрос о разоружении с вопросом о репарациях. Напряжение достигло предела. Канцлер продолжал настаивать на своем, и тогда я объяснил ему, что тревожит наш народ. «Сейчас, когда я выступаю, – добавил я, – я думаю не столько о деньгах, сколько о жизни нашего народа». Прийти к соглашению было невозможно. Я чувствовал, что фон Папен связан внутриполитическими соображениями. Тем временем мне сообщили об инциденте, происшедшем сегодня в палате депутатов: члены парламентской группы партии радикалов Бержери и Ногаро выступили с нападками на участников Лозаннской конференции.

Среда, 29 июня. Информационное собрание французской делегации. В 10 часов 30 минут я вновь встретился с фон

Папеном. Еще раз отмечаю характерную черту немецкой тактики: отказываться от того, что им предлагают, предлагать то, чего у них не просят. Теперь канцлер предложил мне в обмен на равноправие создать таможенный союз, а также заключить если не *союз,* то хотя бы военное *соглашение* между генеральными штабами. По его словам, это не выдвижение условий, а выяснение предпосылок *(Voraussetzungen)*. Осторожно, но достаточно определенно он затронул вопрос о России и предложил мне заключить тайное соглашение о закрытии кредитов Советам. Я заметил, что в разговоре он обронил следующую фразу: «Имеются договоры». Это заслуживает внимания.

Жермен Мартену также не удалось добиться от графа Шверина никакого определенного обязательства. Не более удачлив был и Жюльен Дюран, обсуждавший экономические проблемы с фон Вармбольдом. Макдональд предложил мне вновь встретиться у него с фон Папеном в 16 часов. Следует ли говорить, что для подобных переговоров нужно действительно иметь определенное терпение?

Матч возобновился. Макдональд: «Необходимо сегодня же вечером или завтра договориться о репарациях, иначе конференция окончится провалом. Я говорил со своими британскими коллегами; их точка зрения такова: 1) в настоящее время Германия платить не может; 2) если мы пойдем на простое аннулирование репараций и этим ограничимся, то народы, и особенно американцы, скажут, что государства-кредиторы хотят взвалить на их плечи всю финансовую ответственность и что Соединенные Штаты не могут принять на себя наши трудности и компенсировать неуплаченный Германией долг». Британская делегация не хотела класть в основу урегулирования вопрос о финансовой платежеспособности Германии, так как это было бы слишком неопределенно. Однако она не видит, почему бы Германии после того, как она восстановит свой кредит, не согласиться на ликвидацию путем выплаты твердой суммы, размеры которой были бы установлены в Лозанне без возможности дальнейших поправок. Британская делегация не разделяет того мнения, что соглашение о платежах должно быть обусловлено соглашением о разоружении или о политических вопросах.

Чемберлен в дискуссии не участвовал. Он собирался в Лондон и готовил большую речь для выступления в палате общин. Канцлер фон Папен снова высказался за ликвидацию репараций независимо от позиции США. Макдональд не скрывал, что неожиданное вмешательство президента Гувера усложнило и запутало и без того тяжелое положение. На этом он закрыл

заседание.

В среду, 29 июня, в 17 часов делегаты шести приглашающих держав собрались в «Отель-дю-Шато». Испытывая законное затруднение, Макдональд с понятным смущением попытался оптимистически резюмировать общие принципы достигнутого соглашения. Он предложил образовать бюро в составе представителей всех государств. Жалкий результат! Жюльен Дюран информировал меня о своих переговорах с Вармбольдом, который также держал себя весьма уклончиво. На совещании министров торговли г-н Гиманс преуспел не больше нашего. Если бы мир был возможен, его бы давно изобрели, – говорю я себе.

30 июня. Тем не менее мы продолжаем переговоры. Я снова встречаюсь с фон Папеном. Теперь он согласен на установление твердой суммы, однако отказывается резервировать позицию Америки и требует отсрочки мартовского платежа. Фон Папен впервые затронул вопрос о Сааре.

1 июля. Заседание совета министров. Единогласно решено, что, если Англия до конца останется на нашей стороне, мы совместно пойдем на объявление неплатежеспособности Германии. Если же в какой-либо момент мы окажемся в одиночестве, мы потребуем, чтобы вопрос был передан на международный арбитраж. Объяснения, с которыми я выступил на заседании финансовой комиссии по поводу работы Лозаннской конференции, были восприняты, кажется, довольно хорошо.

Понедельник, 2 июля. Жермен Мартен и Жорж Бонне информировали меня о работе, проделанной ими накануне. В 9 часов 30 минут состоялась беседа с англичанами – Макдональдом, Ренсименом и Чемберленом. Обсуждение началось с вопроса о твердой сумме. Жермен Мартен предложил 4 миллиарда плюс облигации Гувера. Чемберлен предпочитает 5 миллиардов без ежегодных взносов, предлагаемых Гувером. Я поставил вопрос о французском долге Англии и США.

Чемберлен: «Оба вопроса связаны. Мы предпочли бы полное аннулирование репараций и долгов; мы были готовы подписать соответствующий документ. Это оказалось невозможным. Пришлось пойти на менее удовлетворительное соглашение, которое мы честно поддерживаем. Это соглашение предусматривает ряд платежей. Немцы спрашивают, что произойдет, если США потребуют с нас сумму, намного превосходящую ту, которую предстоит получить с Германии. Г-н Бонне сказал: «Франция не желает возобновлять дискуссию». Я бы предложил следующее. Считаясь с мнением английского народа, мы не можем отказаться от того, что нам причитается, пока не урегулирован вопрос о наших платежах. Между тем нам известно,

что Соединенные Штаты против установления зависимости между репарациями и долгами. Если мы пригласим их участвовать в Лозаннском соглашении, они предложат нам договориться между собой, но присоединиться к нам в настоящее время откажутся.

По-моему, имеется одно простое решение. Мы парафируем или же подпишем здесь соглашение и временно введем его в силу, однако окончательным оно станет лишь после ратификации. Между собой мы решим, не предавая это гласности, что ратификация будет отложена до тех пор, пока мы не выясним позицию США. По имеющимся у меня сведениям, немцы не сочтут такое решение неразумным. Впрочем, можно было бы информировать парламенты.

Примерно такой же позиции можно было бы придерживаться и в отношении французского долга Англии. В случае аннулирования мне было бы легко заявить: «Если США пойдут на аннулирование, мы сделаем то же самое, если же аннулирование не будет принято, нам придется вести переговоры о соглашении Кайо – Черчилль. До достижения договоренности платежи вноситься не будут».

Выступил и я: «В общем мы бы оказались по отношению к нашим английским друзьям в таком же положении, в каком немцы находятся по отношению ко всем своим кредиторам».

Чемберлен: «Мы не можем в настоящее время брать на себя обязательств относительно тех сумм, которые должны Великобритании. Но мы совершенно не стремимся к выгоде. Мы должны только считаться с общественным мнением Англии; оно полагает, что мы принесли большие жертвы, знает, что у нас имеется долг в 200 миллионов фунтов, считает, что правительство слишком склонно к преподношению подарков, и не согласится с отказом от того, что нам причитается, прежде чем не будет твердо знать, как обстоит дело с уплатой наших собственных долгов. Мы охотно присоединились бы к общему обязательству о ликвидации всех претензий как в счет военных долгов, так и по репарациям, за исключением того, что необходимо для уплаты Соединенным Штатам.

Необходимо считаться с реальными фактами. Главное и основное – заставить Германию пойти на соглашение, обеспечивающее восстановление ее кредита. Сумма, которую мы устанавливаем сегодня, является для нее максимальной».

Я заявил, что если предложение Чемберлена будет принято, то положение Германии станет определенным, в то время как положение Франции по отношению к США и Великобритании окажется вдвойне неопределенным. Риск должен быть одинаков с обеих сторон.

Чемберлен: «Это логично. Я согласен с вами. Я всегда считал, что риск должен быть с обеих сторон; если ратификация невозможна, то соглашение будет аннулировано».

* * *

Я был поражен пространной статьей Гитлера в «Фёлькишер беобахтер» от 21 октября 1932 года, направленной против политики правительства фон Папена. Особое внимание я обратил на раздел, посвященный внешней политике. Статья написана в крайне резких тонах. Она обвиняет фон Папена в том, что на Лозаннской конференции он «попался на удочку и дал себя завлечь на почву компромисса между репарациями и компенсацией». «В конечном счете, – говорил Гитлер фон Папену, – вы согласились с новым признанием репараций, в то время как никакой компенсации, разумеется, не получено. Г-н Эррио может вернуться в Париж и включиться в предвыборную борьбу, увенчанный легко добытыми лаврами». Гитлер требует возрождения германского народа силами новой партии, партии национал-социалистов, выступающей против буржуазного и марксистского государств и против политики «покорности, унижения и выполнения». Он не верит в действенность конференций, потому что «силы, преобразующие жизнь, не были представлены на этих конференциях. Франция не разоружится, если только ее к этому не принудят. Если германская делегация отправлялась в Женеву с мыслью склонить Францию к добровольному разоружению, то нужно как можно скорее отозвать эту делегацию назад, ибо она составлена из бездарных людей. Точно так же совершенно неправильно считать, что Франция когда-нибудь добровольно согласится на перевооружение Германии… В конечном счете перевооружение будет осуществлено не в Женеве и не в Лозанне, а в Германии… Нет никакого сомнения в том, что Германия тысячу раз права, требуя уравнения своих вооружений с вооружениями других наций. Однако, поскольку речь идет при этом об изменении соотношения сил в жизни народов, право это не получит международной ратификации до тех пор, *пока перевооружение Германии не станет совершившимся фактом»*.

Таким образом, уже в октябре 1932 года Гитлер выступал за «совершившийся факт», против «женевской комедии разоружения». «Равноправие народов, – продолжал он, – определяется не столько их участием в голосовании на международных конференциях, сколько той силой, которую они

могут бросить на чашу весов истории; сила же эта является внутренним фактором; она воплощена не в правительствах, а в сплоченности всего народа». Впрочем, Гитлер полагает, что наибольшая опасность угрожает Германии с Востока, и рекомендует установить «доверительные отношения с Англией», а также с Италией для совместной борьбы против французской гегемонии, ибо Италия, говорит он, «является единственной страной, которая не только признает, что ее интересы противоречат интересам Франции, но и откровенно и мужественно защищает их… Сейчас наиболее подходящий случай для того, чтобы установить с этой страной отношения искренней дружбы». Предсказывая успех национал-социализма, Гитлер писал: «С его приходом к власти эпоха слабости будет преодолена раз и навсегда… Трезво мысля, он будет использовать любую возможность, способную обеспечить осуществление его заветных целей, учитывая при этом реальные факты внешнеполитической обстановки».

3, 4, 5 и 6 ноября 1932 года в Тулузе состоялся XXIX съезд партии радикалов и радикал-социалистов. Я прибыл на съезд, только что вернувшись из Испании, куда я ездил для вручения президенту Испанской республики большой ленты ордена Почетного легиона. Должен сказать, что по прибытии в Мадрид я был весьма удивлен многочисленностью полицейской охраны, выставленной на всем пути моего следования от вокзала до посольства. К полудню мне стало известно, что мои приезд дал повод к беспорядкам среди студентов. На одной из стен я прочитал надпись, угрожавшую мне смертью. По-видимому, мое присутствие вызвало ряд осложнений. Я убедился в этом, увидев, с какой тщательностью испанское правительство организовывало в мою честь интересные археологические экскурсии в Толедо, Алькала и в другие места. Мой друг посол Мадариага чувствовал себя весьма стесненно. Я понял, что определенная пропаганда иностранного происхождения представила мой приезд как маневр, рассчитанный на вовлечение Испании в военный союз с Францией. Вознагражден я был шумными проводами. В вечер моего отъезда на вокзале собралось много народу со знаменами, плакатами и музыкой. Наши вагоны буквально осаждали. Нас засыпали подарками и цветами, а когда тронулся поезд, раздалась могучая «Марсельеза», от звуков которой задрожали стекла.

Прибыв в Тулузу днем 3 ноября, я смог присутствовать при атаке на правительство по всем правилам военного искусства. Г-н Гастон Бержери не принадлежит к тем вульгарным существам, которые сгибаются под бременем оказанных им благодеяний. Он

заставил меня жестоко искупить ошибку, допущенную в 1924 году, когда по поручительству Луи Барту я взял его на борт своего корабля, не проверив как следует его документы. О его уме нельзя быть слишком высокого мнения, и в моральном отношении ожидать от него нечего. Своей талантливостью он мог бы увлечь любую аудиторию, однако этому мешал свойственный ему развязный цинизм. На Гренобльском съезде партии радикалов в 1930 году он заявил, что ему принадлежит честь свержения на Анжерском съезде правительства «национального единения» Пуанкаре. Он упрекал нас в том, что мы не поддержали на Лозаннской конференции британское предложение о полном аннулировании долгов и репараций, и высказал свое мнение относительно нашего долга Америке. «Ни в Англии, ни во Франции, – заявил он, – ни один депутат никогда не проголосует за уплату долга Америке, если эти платежи не будут соответствовать суммам, получаемым от Германии». Г-н Бержери обвинил меня также в том, что я не принял в Женеве американский план разоружения, так называемый план Гувера. «Вопрос о разоружении, – сказал он, – ставят в зависимость от вопроса о безопасности, то есть от образования международной армии». По мнению Бержери, необходимо было начать с принятия плана разоружения Гувера, потому что всеобщее разоружение предполагает установление арбитража, а установление арбитража и согласие на это Германии предполагают ревизию договоров. В этом тезисе арбитраж и безопасность ставились в зависимость от пересмотра всех дипломатических итогов прошлой войны. В заключение Бержери обрушился на наши финансовые проекты, охарактеризовав их как антидемократические, и попутно подверг меня критике за то, что я отстаивал решение о проведении учебных сборов резервистов и строительство крейсера «Дюнкерк». По его словам, я стремился умаслить оппозицию. «Ваш конструктивный план, – заявил он мне, – опять связывает проблему разоружения с вопросом о новой системе безопасности». Критика Бержери по вопросам финансов носила демагогический характер и не указывала никакого выхода. В общем и целом он защищал взгляды крайне левых и говорил их языком.

Впрочем, атака велась довольно искусно, энергично и открыто. Партия радикалов ждала ответа своего председателя. Я напомнил, что пришел к власти в тот момент, когда бюджетный дефицит составлял 12 миллиардов франков, и что мне пришлось изыскивать средства для покрытия этого дефицита за счет сокращения ряда бюджетных расходов. Я не ограничился легкими заверениями. Еще до утверждения бюджета 1933 года, несмотря

на опасность конфликта с парламентом, я предпринял первые мероприятия по оздоровлению финансов, частично за счет подоходного налога. Благодаря этим мерам, а также конверсии мы сэкономили более 4 миллиардов франков. В своих планах на будущее я обязался уважать людей труда. «А вы? – обратился я к Бержери. – Что предлагаете вы? Не на будущее, не исходя из предположения о победе революции, о которой все говорят, но которой никто не хочет, а на сегодняшний день? Какие немедленные решения предлагаете вы?»

Перейдя к вопросу внешней политики, я остановился на Лозаннской конференции, на плане Гувера и на вопросе о разоружении. *Лозанна.* Я заявил, что ко мне перешли обязательства предшествующих правительств и что я считал необходимым сохранение обязательств, взятых на себя Германией, так как убежден, что соблюдение договоров является основой сохранения мира. При этом Соединенные Штаты предупредили нас, что, если Германия не выплатит нам свой долг, наш отказ не будет принят во внимание. *План Гувера.* Я не отклонял его. Я лишь оговорил право Франции изучить этот план. Я отказался высказываться на основании информации, полученной по телефону. К тому же план Гувера предусматривает запрещение всей тяжелой артиллерии и всех танков. В нем имеется следующая фраза: «Я предлагаю одобрить все представленные Женевской конференции проекты, предусматривающие полное изъятие танков и тяжелой артиллерии».

> «Я не являюсь фанатиком войны, – сказал я, – но дело в том, что надо знать, в какой мере можно отказаться от так называемой политики техники, которая является политикой экономии живой силы… Нас волнует вопрос о том, можно ли вообще отказываться от политики техники, необходимость которой была доказана в прошлом. Вспомните, что произошло в Моранже и в Шарлеруа, когда наши несчастные солдаты были вынуждены буквально грудью встречать удар врага, потому что в свое время никто не позаботился об их защите… Тревога, которую я испытал в Лозанне, несравнима с тем, что было пережито мною в период, когда решалась судьба не денег, а человеческих жизней; в этом деле одна ошибка может привести к гибели множества людей». По плану Гувера Франция с ее 40 миллионами жителей должна иметь армию в 62 тысячи человек. Было предложено сократить эту цифру еще на

одну треть. Было бы легкомыслием немедленно взять на себя такое обязательство; я предложил американцам работать вместе с ними. От имени Франции я выдвинул свой план обеспечения мира. «*Я заявляю вам со всей определенностью,* – сказал *я,* – *что не соглашусь отрывать вопрос о разоружении от вопроса о безопасности».* Кстати, это совпадает с содержанием статьи 8 Устава Лиги наций. Я горячо защищал Францию от обвинения в нежелании разоружаться, и это в то время, как она заменила трехлетний срок воинской службы полуторагодичным, а затем годичным сроком.

В заключение я сказал; «Я стою за международную организацию безопасности, но хочу, чтобы были обеспечены справедливые интересы Французской республики, и я не мог покорно согласиться с рядом возражений и предвзятых мнений; я оставил за собой право обсудить их, исходя при этом не из каких-либо эгоистических соображений, а из требований разума… Я призываю вас идти за мной по тяжелому и мучительному пути долга». В этом месте своего выступления я напомнил слова английского поэта; «Мы долго жили в счастливых долинах. Пусть же и наши дети поживут в них хоть несколько дней. А сами мы должны взбираться вверх, пока не достигнем вздымающейся в небо вершины жертв».

В ходе работы съезда мне пришлось вновь подтвердить наше желание уважать внутренний строй всех иностранных государств и рассеять все недоразумения между Францией и Италией. Я выразил сожаление по поводу ряда неосторожных высказываний, сделанных в адрес этой соседней с нами страны. Позднее г-н Тамбурини, бывший тогда консулом Италии в Тулузе, а затем генеральным консулом в Лионе, сказал мне, что мое выступление не оказало тогда полезного воздействия по тому, что он полагал, что съезд не поддержал меня в этом вопросе, в то время как официальный отчет о съезде свидетельствовал об обратном. Позднее, 20 марта 1933 года, наш посол в Риме г-н Анри де Жувенель писал мне: «Итальянцы помнят ваше выступление в Тулузе, хотя они и не доказали вам этого. Они считают, что это выступление возродило перспективу дружбы. Не проходит и дня, чтобы мне об этом не повторяли. Они сознают ошибки, которые совершили по отношению к вам, и будут счастливы случаю исправить эти ошибки». Я дал также объяснения относительно

переговоров с Россией о заключении пакта о ненападении, говорил об Англии, похвалив ее за верность своей подписи, о составленном Поль Бонкуром и мною проекте, о политике Лиги наций и высказался против соглашений между группами держав. Моя внешняя политика была всегда неизменной: требовать обеспечения законных интересов Франции в системе всеобщей безопасности, в рамках которой я соглашался на равноправие Германии; причем я всегда выступал против ее скрытого перевооружения. Я продолжал придерживаться своей формулы: арбитраж, разоружение, безопасность. Эта же формула легла в основу плана, предложенного мною в Женеве, плана, который поддерживал Поль Бонкур.

* * *

29 ноября 1932 года я и посол СССР в Париже Довгалевский подписали Пакт о ненападении между Францией и СССР, основные положения которого сводились к следующему:

Статья 1

Каждая из Высоких Договаривающихся Сторон обязуется перед другою не прибегать ни в коем случае против нее, ни отдельно, ни совместно с одной или несколькими третьими державами, ни к войне, ни к какому-либо нападению на суше, на море или в воздухе и уважать неприкосновенность территорий, находящихся под ее суверенитетом, или тех, в отношении которых ею приняты на себя внешнее представительство и контроль администрации.

Статья 2

Если одна из Высоких Договаривающихся Сторон явится предметом нападения со стороны одной или нескольких третьих Держав, то другая Высокая Договаривающаяся Сторона обязуется не оказывать в течение конфликта, ни прямо, ни косвенно, помощи и поддержки нападающему или нападающим.

Если одна из Высоких Договаривающихся Сторон прибегнет к нападению против третьей Державы, то другая Высокая Договаривающаяся Сторона будет иметь

возможность денонсировать без предупреждения настоящий Договор.

Статья 5

Каждая из Высоких Договаривающихся Сторон обязуется уважать во всех отношениях суверенитет или господство другой Стороны на совокупности ее территорий, определенных в статье I настоящего Договора, никаким образом не вмешиваться в ее внутренние дела, в частности, воздерживаться от всякого действия, клонящегося к возбуждению или поощрению какой-либо агитации, пропаганды или попытки интервенции, имеющей целью нарушение территориальной целостности другой Стороны или изменение силой политического или социального строя всех или части ее территорий»[137].

К пакту была приложена конвенция о согласительной процедуре.

8 декабря 1932 года государственный секретарь Соединенных Штатов сообщил нашему послу в Вашингтоне, что правительство США тщательно изучило ноту французского правительства с предложением о новом рассмотрении всего вопроса межправительственных военных долгов и с просьбой об отсрочке платежа, назначенного на 15 декабря. «Президент Соединенных Штатов, – писал он, – готов через посредство любого органа, который окажется в данном случае целесообразным, рассмотреть совместно с французским правительством всю ситуацию в целом и обсудить возможные мероприятия, имеющие целью восстановление устойчивости валют и курсов, оживление торговли и подъем цен… При всем том, мое правительство не считает, что отсрочка платежа… предстоящего 15 декабря, является необходимой, по причине своего влияния на проблему экономического восстановления. Хотя мы признаем серьезные бюджетные трудности, переживаемые ныне французским правительством, как и всеми другими правительствами, сумма, о которой идет речь в данном случае, и ее трансферт не является, по мнению моего правительства, слишком тяжелой и трудной с точки зрения мировой

экономики и восстановления процветания…»

13 декабря 1932 года совет министров принял следующее решение: «1. Правительство Французской республики принимает к сведению ответ г-на государственного секретаря от 8 декабря 1932 года, которым правительство США признает возможность «всестороннего рассмотрения предложения Франции о пересмотре долгов и принятия во внимание ее просьбы конгрессом и американским народом». 2. В связи с этим оно предлагает немедленно начать переговоры с целью пересмотра режима платежей, который отныне является несовместимым с юридическим и фактическим положением, созданным мораторием президента Гувера, а также последовавшими за ним актами, приведшими к приостановлению выплат по репарациям. 3. 15 декабря 1932 года французское правительство внесет 19 261 432 доллара 50 центов. Оно просит, чтобы этот взнос был учтен в новом соглашении, которое предстоит заключить. 4. Правительство Франции имеет честь сообщить правительству США, что отныне, пока существует положение, созданное мораторием, и не достигнуто новое общее урегулирование вопроса о международных долгах, Франция фактически и юридически не сможет выносить тяготы режима платежей, который может быть признан справедливым лишь в случае уплаты репараций».

Анализируя наш план 1932 года, г-н Бенуа Мешен пишет в своей «Истории германской армии» (том II, стр. 511):

> «Этот план, предусматривающий замену рейхсвера милицией с кратким сроком службы (которая менее пригодна для нападения, чем профессиональная армия), является превосходным со всех точек зрения. Он напоминает первоначальный проект маршала Фоша на Парижской конференции и, *возможно, принес бы миру мир, если бы был включен в Версальский договор в 1919 году*. Однако, предложенный в 1933 году, он имел только один недостаток: *он запоздал на 14 лет.* В то время, когда государства стремились прийти к соглашению, он откладывал конкретные шаги на неопределенное будущее и поднимал трудный вопрос о международном контроле».

16 июня 1933 года г-н Жозеф Кайо писал мне из Руайя: «Прошу вас верить, что я глубоко тронут теми чувствами, которые вы выразили мне в вашем письме от 4 июня и о которых свидетельствует статья, помещенная за вашей подписью в

последнем номере «Марианны». Вы слишком снисходительны к этим сделанным наспех ежедневным записям, единственным достоинством которых является то, что они определенно свидетельствуют о несомненной честности ума. Дело в том, что нас объединяет именно безукоризненная честность ума. Эта черта является для нас общей, она всегда нас увлекала, должна была увлекать и будет увлекать ввысь, ставя нас над болотом презираемых нами аппетитов.

Вы пишете, что «несчастье политики состоит в том, что искренность и лукавство пользуются в ней одним языком». Вы правы, вы совершенно правы, предостерегая таких людей, как я, слишком доверчивых, слишком непосредственных, как и слишком склонных к стихийному выражению впечатлений момента от, двуличия. Но разве вы, прочитавший все, что можно прочитать, вы, чьей неистощимой чудесной эрудицией я восхищаюсь в такой мере, что мне трудно это выразить, разве вы забыли слова Сент-Эвремона[138] о духе суетности и о страсти первенства, царящих в республиках и овладевающих «самыми порядочными людьми».

Пользуясь выражением друга Нинон Ланкло, «самые порядочные люди» должны всеми силами стремиться к обузданию этого зла, постоянно добиваться, презрев мелкие выгоды, единства, необходимого для здоровья их страны и прогресса человечества. Нам случалось, как вы справедливо указываете, расходиться во взглядах. Это может случиться и в дальнейшем. В нашем мышлении и натурах имеются различия, стереть которые не в нашей власти. Но разве разнообразие не является богатством свободных характеров? Разве оно не благотворно даже для людей, не похожих один на другого, но уважающих друг друга и одинаково стремящихся к общественному благу, к взаимному откровению сердец? Дорогой председатель, вы обладаете не только превосходным умом, но печетесь об общественном благе и имеете то сердце, о котором Вальдек-Руссо сказал мне, что оно должно быть отличительной чертой государственных деятелей. «Вести за собой людей может только человек с сердцем», – говорил мой учитель. В своем письме, написанном с предельной искренностью, я счел приятным долгом выразить вам не только свою глубокую благодарность, но и заверить вас в высоком уважении, которое внушают мне ваши великолепные качества, а также в своем желании сохранить с вами прочную дружбу, которую, я надеюсь, вы не отвергнете».

Выступив в палате депутатов, я изложил итоги Лозаннской конференции, о которой сенатор Бора заявил, что она является «предвестником мира, надеждой человечества и важнейшим этапом на пути длительных усилий, предпринимаемых после

окончания войны для восстановления доверия не только в политической жизни, но вообще». Я объяснил палате также мотивы, которые побудили меня принять решение об уплате нашего долга США. «Я не хочу быть человеком, отказывающимся уважать подпись Франции», – заявил я. Наш военный долг США не был простым займом казначейства казначейству. Речь шла об облигациях стоимостью в 100 долларов каждая, *распространенных среди 61 миллиона американцев.* По этому трудному вопросу, в котором моральные принципы были затронуты в такой же степени, как и политические, Леон Блюм выступил, к сожалению, против меня. 12 декабря 1932 года мое правительство было свергнуто весьма значительным большинством. Это нисколько не огорчило меня. Я считаю и по сей час, что падение моего правительства, вызванное моей верностью подписи Франции, было самым прекрасным моментом в моей жизни государственного деятеля.

6 февраля 1934 года

Мое выступление в палате депутатов в защиту Австрии принесло мне трогательные изъявления благодарности. 10 января 1933 года венское правительство выразило мне свою благодарность. Венское музыкальное общество также выразило мне свою признательность за то, что я подчеркнул самобытность австрийской культуры и ее роль в европейской цивилизации. Это общество обладало для этого должным авторитетом: со времени своего создания в 1812 году оно объединяло цвет интеллигенции страны. Почетный член этого общества Бетховен написал для него свою Торжественную мессу, Франц Шуберт входил в его правление. Обществом была основана всемирно известная Венская консерватория. В его архивах хранятся исключительные ценности: дары эрцгерцога Рудольфа, переписанное от руки первое полное издание сочинений Бетховена, дарственное завещание Иоганна Брамса. В знак благодарности Венское музыкальное общество прислало мне рукопись великого композитора, чья славная и скорбная жизнь была описана мною: это был черновик скерцо до минор Пятой симфонии. Музыкальные темы выступают в этой бесценной реликвии в почти законченной форме, причем мелодическая линия произведения легко прослеживается, несмотря на поспешность и порывистость записи. Увлеченный вдохновением композитор записывает в фа диез только диез, но везде ощущается первоначальная идея скерцо, которая сверкает, как молния.

11 февраля 1933 года наш посол в США Поль Клодель писал мне:

> «Вчера я имел дружескую беседу с сенатором Бора, которому я сказал, что вы были глубоко тронуты его высокой оценкой Лозаннских соглашений и его мужественным выступлением в защиту Франции в ходе недавних дебатов в сенате. Я сказал ему, что в трудных условиях настоящего момента все сторонники мира и свободы должны помогать друг другу; я обрисовал ему все трудности, против которых вы вели героическую борьбу, и добавил, что, по вашему мнению, спасение мира может быть обеспечено только путем тесного союза трех великих демократических держав: Франции, Англии и Америки. Таков основной принцип вашей политики. Г-н Бора отнесся к моим словам с самым сердечным и горячим одобрением. Он поручил мне передать вам

выражение своей искренней симпатии и подлинного восхищения. Я чувствовал, что его слова были проникнуты глубокой искренностью.

В связи с этим позвольте мне, дорогой председатель, сказать вам все, что я думаю по вопросу о долгах, который в ближайшее время вновь встанет в повестку дня. Имеется два вопроса о долгах – малый и большой. Малый вопрос – это вопрос о платеже 15 декабря, от взноса которого мы столь бестактно отказались. Большой вопрос – это вопрос окончательного урегулирования, и именно этот вопрос будет вскоре поднят. Он настолько важен, что поглощает и лишает интереса все предшествующие разногласия. Поговорив с людьми, близко стоящими к г-ну Рузвельту, я пришел в этих условиях к заключению, что если бы вы вновь пришли к власти, даже не добившись предварительного урегулирования, а вы, по-видимому, выдвигаете это требование в качестве условия sine qua non, то это отнюдь не вызовет недовольства в Америке. Напротив, усиление вашего авторитета было бы выгодно и для Америки и для Франции; это позволило бы вам с большим успехом выступить в роли посредника и, возможно, арбитра, которую придется играть Франции. В самом деле, если по вопросу о долгах мы солидарны с Англией, то по вопросу о валюте, без конца подрываемой операциями Обменного фонда для уравнения валютных курсов («Exchange Equalization Fund»), мы солидарны с Америкой.

Что касается вопроса о международной безопасности, то за последнее время в Америке наблюдается огромный сдвиг. Идея консультативного пакта фигурирует теперь в программах обеих партий. Законопроект, уже принятый в сенате и ныне представленный г-ном Стимсоном[139] конгрессу, включает пункт об эмбарго на торговлю оружием с агрессором. В связи с событиями в Маньчжурии Стимсон лично сказал мне, что он сторонник финансового эмбарго в отношении «государства-агрессора». Он допускает теперь (без сомнения, в связи с событиями на Дальнем Востоке), что можно дать юридическое определение понятия государства-агрессора. Америка готова сотрудничать с европейскими государствами в

международных комиссиях и координировать свою политику с их политикой (на Дальнем Востоке и в Южной Америке). Все это является большим достижением по сравнению с тем, что было два года тому назад. Действия Японии изменили американскую точку зрения, и позиция, занятая Лигой наций, способствует укреплению авторитета и престижа этой организации в США.

Крупные пацифистские ассоциации США, которые многое сделали для осуществления Парижского пакта, ставят перед собой в качестве основной задачи добиться вступления США в Международный суд, причем этот пункт включен в платформу обеих партий. Если это будет осуществлено, любое государство, считающее, что ему угрожает опасность скрытой или явной агрессии, сможет обратиться в суд с просьбой о расследовании. Если государство, на которое указывает жалобщик, согласится на такое расследование, то в действие вступит положение о гарантии; если нет, то это создаст против него презумпцию. По мнению моих собеседников, эта процедура является более осуществимой, чем создание Постоянной международной контрольной комиссии.

Искренне поздравляю вас с тем, что вы возглавили Комиссию по иностранным делам, и мечтаю о том дне, когда смогу вновь работать вместе с вами».

17 февраля 1933 года. Г-н Поль Клодель снова пишет мне:

«… Через несколько дней начнутся переговоры с г-ном Рузвельтом по вопросу о долгах. Мне пишут, что впредь до возможного прибытия в США одного из «политических деятелей», ведение переговоров будет поручено моему атташе по финансовым вопросам г-ну Монику. Следует ли считать, что речь идет о вас? Если да, то, говоря со всей откровенностью, мое мнение о целесообразности вашей поездки основывается на следующих двух соображениях.

Вопрос долгов остается крайне трудным вопросом. Позиции Франции и Америки еще очень далеки друг от друга и в настоящий момент кажутся мне непримиримыми. Даже с Англией дискуссия будет

весьма тяжелой, так как ее валютная политика вызывает недовольство. Во время недавней беседы с полковником Хаузом, о которой я вам писал, я старался объяснить ему, что в настоящее время единственным желанием США должно быть ваше возвращение к власти и что решение вопроса о долгах, как и всех других вопросов, может явиться успешным следствием этого факта.

Но с точки зрения общей политики ваша встреча с г-ном Рузвельтом будет, безусловно, весьма желательна. Ваши характеры сходны, и вы как бы созданы для того, чтобы договориться с ним. *Соглашение Франции с Америкой, обусловливающее соглашение с Англией, является непременным условием возрождения мира. Око явится необходимым предупреждением для империалистических держав.* Только вы, дорогой председатель, имеете должный авторитет для обсуждения этого вопроса.

В этом деле вам поможет огромная популярность, которую вы снискали себе в США. В этом конверте вы найдете отчет о моем визите сенатору Бора. Он поручил мне в очень теплых выражениях передать вам его чувства симпатии, уважения и восхищения вами. Обращение этого государственного деятеля в сторонника Франции, огромная польза, которую представляет это для нашей политики, – все это *ваша заслуга.* Как публично заявил Бора, именно Лозаннская конференция помогла ему понять, вопреки тому, что он думал раньше, что соглашение с Европой возможно.

Как видите, благодаря вашему вмешательству, позволившему предотвратить самые тяжелые последствия совершенной ошибки, имеются все возможности для франко-американского сотрудничества. Вам предстоит ныне использовать их».

* * *

20 марта 1933 года посол Франции в Риме Анри де Жувенель писал мне:

«Позвольте мне сказать вам, что вы должны быть удовлетворены результатами вашего дипломатического маневра в отношении Италии – относительно нерешенных вопросов, как вы сами говорили. Надеюсь, что и я со своей стороны способствовал этому успеху. Во всяком случае, в настоящее время фашизм и его вожди в глубине души весьма недовольны той политикой, которую они проводили по отношению к вам. Г-н Муссолини заметил прежде всего, что он был исключительно плохо информирован, в связи с чем собирается принести вам в жертву руководителя своего отдела печати. Он отнюдь не менее разгневан и на своего парижского посла, что весьма забавно, так как на деле он сам не хотел иметь полноценного посла в Париже, поскольку в его намерения входило проводить все переговоры в Риме, и Гранди сумел дать понять это Макдональду. Но теперь он видит, что никчемность также имеет свои опасные стороны, и упрекает своего бедного представителя в Париже за «антипатию» по отношению к вам (я взял это слово в кавычки, так как оно принадлежит самому г-ну Муссолини). Эти сожаления и угрызения совести во многом объясняют то действительное старание, с которым он стремится в настоящее время угодить нам.

С другой стороны, он упрекает Гитлера за проявление слабости в отношении Гугенберга; он против Аншлюса; он чувствует, что экономическая экспансия Италии неизбежно натолкнется на Востоке на сопротивление Германии, промышленность которой оснащена неизмеримо выше итальянской. Г-н Макдональд недавно продемонстрировал ему выгодность союза с западными державами. Мне кажется, что Муссолини действительно хотел бы иметь некоторое доверие к послу Франции, во всяком случае, он по любому поводу публично оказывает мне это доверие; и, наконец – позвольте мне высказать до конца свою мысль, – это единственный итальянец, с которым вы могли бы легко договориться при личной встрече, так как он не похож на остальных своих соотечественников.

Я счел полезным информировать вас о всех благоприятных изменениях, происшедших за последние две недели в настроении г-на Муссолини. Быстрота, с

которой произошла эта эволюция, может, конечно, вызвать у нас сомнение относительно ее длительности. Но отъезжая в эту страну, я имел основания опасаться, и вы сами опасались, что уже слишком поздно и что Италия имеет обязательства перед другими странами. Между тем представляется вполне очевидным, и британские дипломаты вновь подтвердили мне это вчера вечером, что Италия не связана никакими определенными обязательствами с Германией и Венгрией. Именно Венгрия делает непрестанные авансы, стремясь связать Италию обязательствами, но это совсем иное дело. В настоящий момент Италия свободна. Она склоняется к нам постольку, поскольку чашу весов перетягивает Англия, а также, надо сказать, из-за давней симпатии к Франции. Конечно, ни один более или менее влиятельный итальянец никогда не преминет упомянуть в беседе об обиде, полученной им от того или иного француза, приведет то или иное высказывание Клемансо или Пуанкаре, сошлется на ту или иную статью адмирала Доктера или Пертинакса; однако подобная обидчивость также свидетельствует об особом отношении к Франции.

Итальянцы помнят ваше выступление в Тулузе, хотя они и не доказали вам этого. Они считают, что это выступление возродило перспективу дружбы. Не проходит и дня, чтобы мне об этом не повторяли. Они сознают ошибки, которые совершили по отношению к вам, и будут счастливы случаю исправить эти ошибки.

Я счел полезным рассказать вам об этих настроениях и повторить еще раз: «Нет, вы не потерпели поражения, и только время помешало вам использовать до конца ваш успех. И если в настоящее время отношения между Францией и Италией не столь напряженные, то это в большой степени является вашей заслугой, и вполне естественно, что посол Франции в Риме особенно благодарен вам за это».

Весной 1933 года я узнал, что президент Рузвельт пригласил меня в Вашингтон вместе с премьер-министром Англии Макдональдом. У меня сложилось впечатление, что во французских политических кругах не особенно торопились с вручением мне этого приглашения. Информация, переданная в

прессу, была туманной, и в ней даже проскальзывало чувство некоторой неловкости. Но в конце концов приглашение было сделано, и 17 апреля 1933 года я выехал из Гавра. По прибытии в Вашингтон я был глубоко тронут, увидев президента Рузвельта, который, несмотря на свою болезнь, вышел встретить меня у входа в Белый дом. Мне была оказана честь быть принятым в семье Рузвельта. После обеда нам показали небольшой кинофильм. Затем мы перешли для беседы в просторный кабинет, стены которого были увешаны моделями различных кораблей, что свидетельствовало о пристрастии хозяина дома к морскому делу. В один из вечеров, встретившись на приеме с членами американского сената, я смог убедиться в том, что все они, даже наиболее расположенные к Франции, возмущены нашей позицией, справедливо считая ее нечестной. В другой раз г-жа Рузвельт устроила концерт негров – учеников одного из флоридских колледжей, концерт, явившийся свидетельством ее бесконечной доброты. Робкие, сдержанные, и как бы охваченные скорбью, эти юноши поразили меня не только безупречностью своих голосов, но и грустной поэзией своих песен, в которых, казалось, нашли отражение долгие страдания этой расы. Я не улавливал нюансов, но ощущал эту скорбь.

В беседах с президентом затрагивались самые разнообразные вопросы. Однажды целый вечер он обсуждал с Макдональдом и мною положение на Дальнем Востоке, которое глубоко его тревожило. Я рассказал ему о наших трудностях с Германией. Он проявил такое понимание наших тревог и опасений, которое оказало бы честь любому французу. Из сотрудничества с нами в период войны он вынес искреннюю и прочную привязанность к нашей стране.

Как-то днем, к концу моего пребывания в США, когда я сидел напротив него, за его рабочим столом, он вдруг неожиданно предложил: «А что, если мы поговорим о долгах!» Прибыв в США именно для того, чтобы обсудить этот вопрос, я старался облегчить ему при его деликатности этот разговор. Тогда терпеливо и мягко он объяснил мне, почему наш отказ от платежей нанес Франции такой ущерб в США. «Долг, который вы взяли на себя по отношению к нам и который мы сократили до минимума, оставив только ваши займы на восстановление и отказавшись от собственно военных долгов, не является межгосударственным, межказначейским долгом. Франция получила возможность свободно выступить на американском рынке. Она осуществила свой заем так, как если бы он был проведен ею у себя дома. 60 миллионов наших соотечественников с энтузиазмом подписались на этот заем. Разумеется, среди

заимодавцев были и банкиры и богатые капиталисты, но вы воспользовались также плодами экономии служащих, рабочих, фермеров. Отказавшись платить, вы подорвали веру во Францию у всех тех, кто подписался на заем. Нам пришлось покрыть хотя бы материальные потери этих простых людей и взять на себя выплату вашей задолженности. Поэтому мы были вынуждены изыскивать необходимые средства по линии налогов, национального бюджета, что обременительно для американских граждан. Представьте себе настроение выборных лиц, депутатов конгресса и сенаторов, которым пришлось взять на себя эту ответственность».

Я пытался найти извинение для своей страны или хотя бы объяснить недоразумение. На самом же деле я был унижен, оскорблен до глубины души в своих понятиях о чести. Было ли известно французской общественности, что мы, например, бесплатно получали американские товары, а затем с выгодой перепродавали их, что на специальном языке называется *барышничеством* (carambouille)? Я получил от одного гражданина письмо, в котором говорилось: «Я потерял сына на полях сражения во Франции. До сих пор я гордился этим, теперь же мне стыдно». Я был возмущен не только демагогией, толкнувшей палату депутатов на этот пагубный путь, но и теми, с позволения сказать, юристами, которые старались найти правовое оправдание нашему бесчестию, как позднее они пытались оправдать циничное нарушение нашего договора с Чехословакией. Будь проклято право, лишенное всего того, что сделало его великим, и превращенное в арсенал мошеннических уловок на службе у недобросовестности!

Между тем президент Рузвельт не примешивал к своим объяснениям никаких упреков. Он излагал мне факты, только факты. «Вы не можете ссылаться даже на мораторий Гувера; предлагая вам ратифицировать его, мы заявили, что он не должен наносить никакого ущерба расчету по долгам, и когда ваш посол от имени Франции подписал ныне отвергаемое соглашение, он полностью отдавал себе в этом отчет, о чем свидетельствуют его собственные заверения».

Внезапно президент изменил тон. «Но оставим эти рассуждения и поговорим как друзья. Я расскажу вам один факт, о котором мне поведал президент Вильсон. Во время последней войны маршал Жоффр и г-н Вивиани были направлены к нему с просьбой немедленно послать американские войска на помощь обессиленной Франции. «Я глубоко взволнован вашим демаршем, – ответил Вильсон, – но если я пошлю вам наших людей, которые сейчас ведут обучение формируемых нами

больших армий, то как смогу я сдержать данное вам обещание: высадить на французской земле столько миллионов солдат, сколько потребуется для вашей победы. Мне тяжело отвечать вам отказом, но я вынужден это сделать». Маршал ушел. Через некоторое время, к концу своего пребывания в США, он прислал Вильсону телеграмму из Чикаго с просьбой снова принять его, на что тотчас же получил согласие. И вот однажды в эту же дверь снова вошел победитель битвы на Марне. На глазах у него были слезы. Он направился к Вильсону. «Я хочу пожать вам руку, г-н президент». – «Это самое лучшее, что вы можете сделать, – ответил Вильсон. – Спокойно возвращайтесь к себе на родину. Будет сделано все возможное и невозможное». И Вильсон не только сдержал слово, но и намного перевыполнил свои обещания».

Президент Рузвельт закончил свой рассказ. Тогда я встал и сказал ему: «Позвольте и мне пожать вам руку за Францию». – «Вы правы, – ответил он мне, – пусть Франция сделает усилие и рассчитывает на меня!» Вернувшись в Париж, я подробно рассказал о своей поездке и о ее завершении, но, к сожалению, не смог добиться изменения решения, которое причинило нам столько зла и тяжелые последствия которого мы ощущали в течение столь длительного времени, что с моей стороны было бы слишком жестоко снова говорить об этом.

29 апреля 1933 года президент Пуанкаре, проведший зиму на Лазурном берегу и отдыхавший в Кабуре, поместил в «Иллюстрасьон» статью против сторонников пересмотра Конституции 1875 года, которые сами не знали, чем ее заменить. «Как в пору расцвета буланжизма, – писал он, – фраза прикрывает самые различные и самые противоречивые мысли». Пуанкаре протестовал против намерения лишить депутатов права финансовой инициативы и напоминал, что вопрос о бюджетных прерогативах послужил в Англии и во Франции первопричиной революционного движения. По его мнению, основное препятствие, мешающее нормальному функционированию режима, заключается в существовании широких постоянных комиссий, являющихся центром антиправительственных интриг.

Наконец наступил день основания Национальной компании Роны. 27 мая 1933 года заседание палаты утвердило ее устав. Цель компании – освоение Роны на участке от швейцарской границы до моря с тройной целью: использование гидравлической энергии, навигация, ирригация и использование для других нужд сельского хозяйства.

Срок существования общества был определен в 99 лет; капитал акционерного общества в 240 миллионов франков

состоял из 240 тысячефранковых акций, покрываемых при подписке наличными в следующем порядке: 60 тысяч – организациями и учреждениями Парижского района (категория A); 60 тысяч – другими заинтересованными организациями и учреждениями (категория B); 60 тысяч – компанией ПЛМ[140] (категория C) и 60 тысяч – концессионными ведомствами, промышленниками, потребляющими электрическую энергию и воду, акционерными обществами и частными лицами (категория D). Такой принцип, по нашему мнению, превосходно сочетал общественные и частные интересы, обеспечивая общность интересов труда и государственного руководства. Государство не имело акций, однако участвовало в управлении обществом в лице своих представителей в административном совете, насчитывавшем 40 членов. 20 декабря 1933 года было заключено общее концессионное соглашение между компанией и министром общественных работ. Условия подряда определяли объект концессии, порядок выполнения работ и эксплуатации. Председателем административного совета был назначен г-н Леон Перье. Компания брала на себя обязанность поддерживать в исправности и улучшить фарватер на судоходном участке от слияния с Соной до порта Сен-Луи. Она обязалась также построить промышленный порт на левом берегу реки на территории коммун Лиона и Сен-Фонса. Декретом от 26 ноября 1937 года этому порту было присвоено мое имя. Эта честь была расценена мною как награда за настойчивость и упорство в достижении этой цели. Мы обязались также провести работы по освоению водопада Женисья высотою 67 метров, который должен был быть использован для строительства гидроэлектростанции. Позднее, в 1940 году, правительство маршала Петена вывело из компании г-на Леона Перье и меня, а также ряд наших коллег из числа парламентариев. Г-н Обер, который усердно обхаживал нас, чтобы стать директором общества, получил тогда же пост председателя в соответствии с известной формулой: «Дом принадлежит мне – извольте выйти вон».

В августе 1933 года в София состоялся Международный конгресс радикальных и демократических партий. Тогда в Болгарии у власти находились наши друзья; в ту пору она была одной из немногих стран, отказавшихся от опыта диктатуры. Я и мои коллеги были приняты с трогательной сердечностью не только властями, но и населением. В Болгарии мы имели возможность оценить усилия, предпринимаемые для защиты французского влияния. Высшая торговая школа святых братьев в Софии насчитывала тогда 700 учащихся, а в коллеже сестер святого Иосифа училось 750 девушек. В городе Филиппополе был

сохранен дом, в котором жил Ламартин во время своей поездки на Восток; там же, несмотря на ненависть местных чиновников к иностранцам и итальянскую и немецкую конкуренцию, успешно работал коллеж святых отцов ордена Успения. Замечательный француз Жорж Ато ревностно защищал интересы нашей страны.

Мы были удивлены отношением к нам народа. Я вспоминаю, в частности, волнующие слова делегации, которая пришла приветствовать нас от имени населения города Казанлык и Долины роз: «Великая французская революция научила нас любить свободу, равенство и братство». 12 августа 1933 года муниципальный совет города Софии присвоил мне звание почетного гражданина болгарской столицы.

Из Софии я отправился в Турцию, где Мустафа Кемаль оказал мне исключительно сердечный прием. Он предложил мне свою яхту для посещения троянских руин. Я был восхищен модернизацией древней Турции. Затем я поехал в Россию через Одессу. Мне были оказаны всевозможные знаки внимания – Литвинов не жалел усилий для того, чтобы добиться сближения Франции, Польши и России. Я убедился в этом, выслушав речи, произнесенные на банкете, устроенном в мою честь Моссоветом. Мой стол был усыпан цветами в честь Франции. Я осматривал военные учреждения, музеи, театры; встречался с рабочими на заводах. Повсюду нашу страну горячо приветствовали. В своей книге «Восток» я подробно описал эту поездку. В Риге меня встретили также радушно.

Пышный балет «Пламя Парижа» явился для меня доказательством влияния нашей революции на Советскую Россию. Авторы избрали темой события 1792 года и взятие Тюильри. На сцене фигурировал знаменитый Марсельский батальон. Хор исполнял известные республиканские песни. Автор либретто использовал для постановки гравюры, мемуары, исторические произведения. Однако он допустил некоторый анахронизм, введя в спектакль сцену банкета, даваемого королевской гвардией фландрскому полку. Празднество «Триумф Республики» было поставлено по Давиду. Музыка балета, обогащенная мелодиями Гретри, Мегюля, Госсека и Керубини, имела лейтмотивом «Походную песнь» и «Карманьолу». В весьма произвольно связанных друг с другом сценах восславлялся французский народ – инициатор борьбы за свободу.

По возвращении во Францию я довольно серьезно заболел и был помещен в клинику, а затем в одну из больниц на юге страны. Франклин Рузвельт прислал мне любезное письмо, в котором выражал свое недовольство международной обстановкой. «Вот почему, – писал он мне, – я продолжаю призывать к

благоразумию и спокойствию». Дипломатические отношения осложнялись.

14 октября 1933 года министр иностранных дел Германии барон фон Нейрат направил председателю Гендерсону[141] следующую телеграмму:

> «От имени правительства Германии имею честь сообщить вам следующее: в свете последних обсуждений заинтересованными державами вопроса о разоружении окончательно выяснилось, что конференция по разоружению не выполнит своей единственной задачи, состоящей в осуществлении всеобщего разоружения. Наряду с этим стало ясно, что провал конференции по разоружению следует объяснять единственно тем, что государства, сильные в военном отношении, не проявляют готовности соблюдать взятые ими на себя обязательства по разоружению. В связи с этим осуществление равноправия, признанного за Германией, оказалось невозможным, и условие, при наличии которого правительство Германии выразило в начале этого года готовность возобновить свое участие в работах конференции, более не существует. Вследствие этого правительство Германии вынуждено отозвать своих представителей с конференции по разоружению».

22 ноября 1933 года бюро конференции единогласно решило прервать на время свою работу, с тем чтобы позволить различным государствам провести параллельно необходимую дополнительную работу главным образом по дипломатическим каналам.

* * *

Директор газеты «Тан» г-н Жак Шастене любезно информировал меня о своей беседе с рейхсканцлером, состоявшейся 15 декабря 1933 года в присутствии профессора Гримма, выступившего в качестве переводчика, и министерского советника Томсена. Гитлер дал согласие на то, чтобы содержание беседы было сообщено ряду лиц. Он заявил своему собеседнику, что не посягает ни на какие иностранные территории, не стремится к подчинению подданных других стран и не хочет следовать политике реванша. Он готов пойти на урегулирование, основанное на фактическом положении вещей, после того как будет ликвидирован Саарский вопрос. Он стремится положить

конец извечной борьбе между Германией и Францией. При этом он настойчиво указывал на большевистскую опасность и на необходимость для Германии хороших отношений с Польшей, несмотря на затруднения, созданные Коридором. Он утверждал, что еще до своего прихода к власти он приказал своей партии прекратить всякую агитацию в Данциге. Франция, заметил он, имеет с Германией общую границу всего лишь на протяжении 400 километров, в то время как общая длина всех германских границ достигает нескольких тысяч километров. С реалистической точки зрения он не верит в возможность технического разоружения, но требует для Германии равноправия *(Gleichberechtigung),* причем сильные в военном отношении государства должны взять на себя обязательство не превышать в том, что касается вооружения, уровня 1933 года. Вооруженные силы Германии составили бы 50 процентов от численности вооруженных сил Франции, то есть 300 тысяч человек, и Германия отказалась бы от самых тяжелых образцов вооружения. Основные руководящие нации заключили бы пакты о ненападении на срок от 8 до 10 лет. Государства взаимно обязались бы придерживаться гуманных принципов ведения войны. Позднее можно было бы провести переговоры о более широком сокращении вооружений. Германия была бы согласна на любую форму всеобщего взаимного контроля. Канцлер добавил, что возвращение Германии в Лигу наций предполагает восстановление равноправия и конструктивную перестройку Лиги, которую следует избавить от парламентарного режима. Гитлер заверял, что не нуждается во внешнеполитических успехах. Он дал честное слово, что так называемые инструкции министерства пропаганды представителям рейха за границей, опубликованные в газете «Пти паризьен», являются грубой фальшивкой. Г-н Шастене резюмировал существо этой беседы в номере «Тан» от 17 декабря 1933 года.

Меморандум, врученный 18 декабря 1933 года нашему послу в Берлине, уточнял предложения германского правительства. Гитлер заявил, что он больше не рассчитывает на всеобщее разоружение. Если правительства ряда стран и относятся серьезно к возможности разоружения, они не будут поддержаны своими парламентами. По его мнению, Германия является единственным государством, действительно выполнившим обязательства, записанные в Версальском договоре; она имеет право добиваться тем или иным путем равных прав на обеспечение своей безопасности. «Если вопреки нынешней убежденности правительства Германии другие нации пошли бы на полное разоружение, правительство Германии заранее

заявляет о своей готовности присоединиться к подобной конвенции и также разоружиться в случае необходимости до последней пушки до последнего пулемета».

Германия требует полного равноправия и запрещения для сильно вооруженных государств превышать уровень своих вооружений. Германия будет использовать свое равноправие «столь умеренно, что ни одна европейская держава не сможет усмотреть в этом угрозу агрессии». Она согласна с установлением контроля и с заключением пактов о ненападении. Она будет иметь армию в 300 тысяч человек, нормально оснащенную оборонительным оружием. Однако реорганизация рейхсвера ни в чем не изменит природу и характер СА и СС.

Приведу один отрывок из этого меморандума, приобретающий особый интерес в свете последующих событий:

> *«СА и СС не являются военными организациями и не станут ими в будущем. Они составляют неотъемлемый элемент политической системы национал-социалистской революции и, следовательно, национал-социалистского государства.* В них насчитывается примерно два с половиной миллиона человек, начиная от восемнадцатилетних юношей и кончая глубокими стариками. Единственной задачей этих формирований является организация политических масс нашего народа с тем, чтобы сделать навсегда невозможным возрождение коммунистической угрозы. Возможность ликвидации этой системы зависит от сохранения или прекращения большевистской опасности. Социалистские организации, противостоящие бывшему марксистскому объединению *«Имперский флаг»* и *«Союзу красных фронтовиков»,* не имеют ничего общего с армией. Попытки установить общность между СА, СС и армией рейха и объявить их дополнительными военными формированиями исходят от тех политических кругов, которые рассчитывают, что упразднение этого органа защиты национал-социалистского движения создаст возможность нового раскола немецкого народа и возобновления коммунистической деятельности».

Меморандум 18 декабря требовал также возвращения Германии территории Саара без проведения плебисцита.

В своих заявлениях от 26 декабря 1933 года я сделал намек на возможность нового конфликта, когда для нас окажется необходимым вмешательство Соединенных Штатов. «Чикаго геральд экзаминер» от 27 декабря и «Чикаго трибюн» от 28

декабря приветствовали эти заявления.

1 января 1934 года французское правительство ответило на германский меморандум от 18 декабря 1933 года. Оно выступило против требований рейха, как противоречащих принципам конференции по разоружению и декларации держав от 11 декабря 1932 года. Наша цель – добиться существенного сокращения вооружения. Между тем Германия требует постоянную армию численностью в 300 тысяч человек, к чему следует прибавить часть полиции и военизированные организации, которые пополняются рейхсверовскими кадрами, прошли военную подготовку, получили навык владения оружием и в определенной степени являются моторизованными. Французское правительство отмечало, что организация и территориальное размещение войск СА и СС проведены в строгом соответствии с армейским образцом. Оно заявляло о своей готовности «принять видоизмененный британский план, причем должно быть предусмотрено, что в первые годы осуществления конвенции сокращение французских вооруженных сил будет согласовано с преобразованием существующих германских сил, с тем чтобы обе армии были унифицированы по типу оборонительной армии с кратким сроком службы и ограниченной численностью с целью постепенного уравнения численности сравнимых вооруженных сил Франции и Германии, то есть сил, предназначенных для защиты метрополии». Что же касается технического оснащения наземных войск, то с самого начала действия конвенции Франция готова сохранить нынешний уровень всех вооружений, а также пойти на запрещение производства всех видов военных материалов, превосходящих по своему калибру или тоннажу нормы, установленные для всех государств. Во второй фазе осуществления конвенции было бы проведено, с одной стороны, прогрессивное уничтожение техники, превышающей количественные ограничения, установленные для всех, а с другой стороны – предоставление разоруженным государствам разрешенных видов техники. Например, во второй фазе Франция охотно пошла бы на уменьшение калибра мобильной артиллерии до 15 сантиметров. В отношении военно-воздушных сил Франция с первых же лет согласилась бы на запрещение воздушных бомбардировок на условиях, предусмотренных резолюцией от 23 июля 1932 года, и пошла бы, при условии распространения этой меры на все страны, на 50-процентное сокращение наличной военной техники, с тем чтобы конечной целью этого сокращения явилась ликвидация национальных военно-воздушных сил и замена их международными военно-воздушными силами. Таким образом, Франция остается верной последовательному

сокращению вооружений. Она считает, что проблемы, которые необходимо решить являются не франко-германскими, а европейскими проблемами; она остается верной Уставу Лиги наций. В заключение Франция призывала Германию возвратиться на путь Женевы.

В начале 1934 года представился случай снова убедиться в том, какой ущерб нанес нам в США наш отказ выплачивать долги. 21 декабря 1933 года в «Нью-Йорк американ» была помещена статья, в которой говорилось о необходимости закрыть для несостоятельной Франции доступ к национальным рынкам США после проведения мероприятий по отмене «сухого» закона. Президент Рузвельт относился к нам все так же благожелательно и стремился предотвратить обострение дискуссии. Однако он вынужден был заявить, что вновь поставит вопрос о долгах. Позиция конгресса оставалась столь же непримиримой. Об этом свидетельствовали проявления симпатии в адрес Финляндии, расплатившейся по долгам. Наши отношения оставались плохими. Существовало глубокое недовольство, которое охватило и народ. Херстовская пресса три или четыре раза в неделю опубликовывала резкие статьи против Франции, тем более что она выступала в защиту калифорнийских вин. Наше поведение сравнивалось с поведением Италии. В газете «Детройт таймс» от 26 декабря 1933 года был дан следующий заголовок: «Американские рынки должны быть полностью закрыты для несостоятельной Франции». В газетах помещали самые недружелюбные карикатуры на нас.

Между тем французская пресса, как отмечал председатель Американского клуба в Париже, умышленно извращала все новости, поступавшие из США, и нападала на президента Рузвельта, который был популярен как никогда. Со своей стороны американская пресса жестоко, но справедливо обвиняла нас в том, что мы не уплатили даже своего торгового долга по поставкам на сумму в 400 миллионов долларов. Нашу позицию невозможно было оправдать, как это и предвидел ранее наш посол в Вашингтоне Поль Клодель, с мнением которого я целиком согласился в ходе беседы, имевшей место в сентябре 1932 года.

Кампания против нас продолжалась. На обложке журнала «Лайф», известного своей враждебностью к херстовской прессе и расположением к Франции, наша страна была изображена в виде маленькой блондинки, танцующей на куче золота, прижав руку к сердцу. Подпись гласила: «Я не могу дать вам ничего, кроме любви». Создавались лиги, члены которых обязывались не покупать французские продукты. Все это сказывалось на делах нашей Трансатлантической компании. Некоторые из ее агентов

отказывались от своих контрактов. Один гражданин из Лос-Анжелеса написал в дирекцию компании: «Вычеркните мою фамилию из вашего адресного списка, пока Франция не станет честной нацией». Другой, из Мичигана, заявил, что его нога более не ступит на французскую землю. Агент из штата Айова отослал в компанию весь свой запас билетов. Многие клиенты отказались от своих заявок на места. Конкурирующие общества широко использовали наши затруднения. Национальное бюро туризма Франции отмечало сокращение числа приезжих из США.

Переговоры по разоружению продолжались. 3 января 1934 года в Риме Муссолини вручил сэру Джону Саймону памятную записку по этому вопросу. 19 января Берлин направил свой ответ Парижу; 29 января в пространной ноте была изложена точка зрения британского правительства.

Я поддерживал связь со своими русскими друзьями; 4 января 1934 года Максим Литвинов любезно писал мне из Москвы: «Я твердо надеюсь, что нас обоих ожидают долгие годы успешного и плодотворного сотрудничества на пользу столь необходимого нашим народам мира, самым твердым и преданным сторонником которого вы являетесь».

История февральских *кровавых дней* 1934 года[142] была беспристрастно и авторитетно описана бывшим министром юстиции, председателем комиссии по расследованию, депутатом Лораном Бонневе, и никто не посмел ее оспаривать. Предоставив партиям объяснять свои намерения, он излагал факты, *единогласно подтвержденные* комиссией. «Теперь, когда окончательно рассеяны легенды, нарочито распространявшиеся после трагического дня 6 февраля, те, кто стал бы ныне вновь подхватывать их, были бы виновны уже не в ошибке, а во лжи. Так, не подлежит сомнению, что 6 февраля на площади Согласия охрана не стреляла ни из пулеметов, ни из автоматов, ни из винтовок (единогласно); что охрана сделала первый выстрел лишь после того, как к ней было применено насилие (единогласно); что республиканская гвардия, мобильная гвардия и жандармы не «подхлестывались» ни алкогольными напитками, ни другими возбуждающими средствами (единогласно); что группа демонстрантов, личность которых не удалось установить, умышленно подожгла министерство морского флота (единогласно); что колонна демонстрантов Национального союза бывших фронтовиков не подвергалась обстрелу со стороны охраны ни при первом прохождении, ни при возвращении (единогласно); что правительство не отдавало приказа стрелять по демонстрантам (большинством, при трех воздержавшихся)».

28 декабря 1933 года разразился скандал с фальшивыми

байоннскими облигациями, разросшийся в дело Ставиского.

7 января 1934 года был арестован байоннский мэр депутат Гара; 8 января покончил с собой сам Ставиский, скрывавшийся, как стало известно, близ Шамони. В тот же день подал в отставку министр колоний Далимье, который в 1926 году подписывал письма, использованные Стависким.

11 января 1934 года было объявлено об аресте редактора газеты «Ла Либерте» Эймара и директора газеты «Ла Волонте» Дюбарри за укрывательство.

27 января 1934 года подал в отставку кабинет Шотана. По выражению Бонневе, это произошло «в два этапа». Сначала министр юстиции Рейнальди потребовал и получил свободу действий, дабы «ответить на нападки и инсинуации, направленные против него», вслед за чем сразу же собрался совет кабинета, принявший решение вручить президенту республики заявление об отставке всего правительства.

Утром 30 января 1934 года Даладье приступил к сформированию нового правительства. По замыслу Даладье, в кабинет должны были войти некоторые депутаты центра: г-да Пьетри (министерство финансов), Дуссен (техническое образование), Фабри (министерство вооруженных сил) и Бардон (министерство по делам искусств). Однако группа республиканского центра, возглавлявшаяся Тардье, исключила Фабри. 3 февраля начальник секретной полиции г-н Томэ, префект полиции Кьяпп[143] и прокурор республики Прессар получили новые назначения. Даладье по телефону сообщил Кьяппу о назначении его на должность генерального резидента в Марокко. Кьяпп отказался от назначения. Премьер-министр уверял, что при этом Кьяпп заявил ему по телефону: «Вечером мы встретимся на улице». Кьяпп же утверждал, что он сказал: «Вечером я окажусь на улице». Префектом полиции был назначен г-н Бонфуа-Сибур. Тем временем Фабри, Пьетри и Дуссен подали в отставку. По выражению Бонневе, дело Кьяппа «начинало разгораться». Префект департамента Сены Ренар солидаризировался с Кьяппом. 6 февраля, в день, когда правительство должно было предстать перед палатой депутатов, была организована демонстрация. Организация «Патриотическая молодежь» объявила, что настал «долгожданный час национальной революции». Состав кабинета был опубликован в прессе в среду 31 января.

В субботу, 3 февраля, в 7 часов вечера, когда я уже возвратился в Пион, Поль Бонкур сообщил мне по телефону, что Жан Фабри и Пьетри вышли в отставку и что ему предлагают портфель военного министра. На вопрос о моем мнении я

ответил, что не вижу никаких причин для отказа. Я не желал вмешиваться в комбинацию, по поводу которой со мной никто не консультировался. В воскресенье утром мне позвонил Маршандо с сообщением о том, что ему предложен пост министра финансов. Я дал такой же ответ. К 10 часам Даладье сообщил мне по телефону, что он назначил господина Вилле префектом департамента Сены и господина Боллаэра – префектом департамента Роны. Он просил меня уведомить об этом господина Вилле, что я сразу же сделал.

Во вторник утром, 6 февраля, я прибыл в Париж на совещание парламентской группы радикал-социалистов. Мы были предупреждены Даладье, что он придет на совещание. Я встретил его краткой приветственной речью. Собравшиеся по-разному относились к новому правительству, которое сперва склонилось вправо, а затем круто повернуло влево, вызвав инцидент с Кьяппом. После того как Даладье выступил с короткой речью, я счел уместным в интересах единства призвать депутатов оказать доверие правительству во имя защиты республиканских учреждений. Вновь взяв слово, Даладье потребовал полного одобрения. Тогда я спросил его, удовлетворяет ли его текст, который я хочу поставить на голосование членов группы. Получив формальное согласие Даладье, я провел голосованием следующую резолюцию: «Палата выражает доверие правительству в интересах защиты республиканских учреждений и, отклоняя все дополнения, переходит к обсуждению повестки дня».

Со всех сторон надвигались грозовые тучи. Лоран Бонневе со свойственным ему беспристрастием описал заседание палаты депутатов. Как только председатель совета министров начал зачитывать свое заявление, стало ясно, что не избежать самой яростной обструкции, направленной главным образом против министра внутренних дел Фро, появление которого было встречено аплодисментами депутатов левых партий. Председательствующий Буиссон намерен был прервать заседание. Даладье с похвальным спокойствием продолжал оставаться на трибуне. Правильно ли он поступил, начав отвечать на интерпелляции по своему выбору? Во всяком случае, это смутило социалистов и даже некоторых радикалов. Я заметил, что самолюбие нескольких депутатов было задето. Даже в этот критический день были такие выступления, которые казались совершенно неприемлемыми. На деле любой инцидент мог послужить предлогом. Убедившись в невозможности восстановить спокойствие, Даладье правильно решил отвести все интерпелляции. Это было форменное сражение. Оппозиция требовала с трибуны приступить к голосованию в расчете, что к

этому времени будут мобилизованы уличные силы. Из садика перед зданием палаты депутатов начал доноситься шум. Вечерние огни освещали небольшой отряд конной гвардии, защищавшей мост. Несколько коллег, отправившихся за информацией, возвратились с довольно тревожными известиями. Вооружившись тростями, к концам которых были прикреплены бритвы, демонстранты нанесли ранения лошадям. Палату охватило волнение. Председательствующий то и дело вынужден был объявлять перерыв. Я отметил спокойствие Леона Блюма. Был момент, когда демонстранты, прорвав заграждения, угрожали вторжением в здание парламента. Тон выступлений обострялся. Особенно отличился маркиз де Тасте. «Кто приказал стрелять?» – кричал он премьер-министру. В беспокойстве ряда депутатов я уловил скрытый страх. С большим трудом Буиссон закрыл заседание после того, как выступил Франклэн-Буйон, который со свойственным ему неистовством оскорблял правительство и требовал его отставки. Однако при голосовании правительство получило значительное большинство: 343 голоса против 237.

Отныне решающее слово принадлежало не палате, а улице. Навестив в медпункте палаты депутатов раненых охранников, я вышел из Бурбонского дворца в сопровождении своих друзей Кампэнки, Жюльена, Корню и Монервиля. Мы дошли пешком до площади Инвалидов. Какой-то молодой человек, узнав меня, начал выкрикивать оскорбления, собрав вокруг себя враждебно настроенную толпу. С тротуара навстречу мне бросилась маленькая женщина, принадлежавшая, по-видимому, к так называемому «хорошему обществу», и стала осыпать меня бранью. Я получил удар ногой по голени. Раздались крики: «В Сену его! В Сену!» Я почувствовал себя униженным при мысли о том, что мэр Лиона может окончить свои дни не в Роне, а в какой-то другой реке, и осмелился сказать это вслух в тот самый момент, когда имел честь претерпевать оскорбления не от «простонародного хамья», как принято говорить, а от весьма изысканных лиц, собравшихся сюда для защиты порядка. Какой-то коммунист мужественно помог мне добраться до полицейского заграждения, охранявшего министерство иностранных дел. Один из членов «Огненных крестов» приказал своим прекратить атаку. Мои коллеги проявили замечательное хладнокровие и преданность. Не могло быть и речи о том, чтобы добраться до бульвара, где я остановился. Мадам Кампенки оказала мне на несколько часов самое любезное гостеприимство. Когда я пришел к себе в номер, выяснилось, что демонстранты пытались проникнуть в него. До самой ночи до меня доносился шум происходивших неподалеку столкновений, которые были описаны господином Фро в его

показаниях от 25 апреля перед комиссией по расследованию.

В чем состоял основной замысел демонстрантов? На этот вопрос отвечают опубликованные на 145-й странице книги Бонневе показания Анри Дюмулена де Лабартета – инспектора финансов, бывшего сотрудника Анри Шерона и Поля Рейно, а в дальнейшем начальника гражданского кабинета маршала Петена. По его словам, он находился в четвертом ряду наступавшей колонны, рядом с господином Тетенже. 11 апреля 1934 года он дал следующие письменные показания комиссии по расследованию: «Что касается нашей цели, то она заключалась в том, чтобы проникнуть без оружия, с помощью массового натиска в Бурбонский дворец и, сделав необходимый отбор (в прежнем составе палаты я лично знал, во всяком случае в лицо, 370 депутатов из 610), подвергнуть основательным (но не кровавым) репрессиям ставленников того всеобщего избирательного права, которое ведет Францию к войне и разорению». Таким образом, речь шла о том, чтобы через парламент посягнуть на всеобщее избирательное право.

В среду, 7 февраля, кабинет Даладье подал в отставку. Утром меня вызвал к себе президент республики. «Победа за вами!» – сказал он мне. Я возразил против подобной интерпретации моих намерений. Президент был совершенно неправ, считая, что я обиделся на него за то, что он не поручил мне формировать правительство. Он сообщил мне число погибших и просил посоветовать Даладье подать в отставку. Еще до этого я получил приглашение явиться в резиденцию правительства. Позднее Тардье рассказал мне, что я обязан этим приглашением председателю палаты депутатов, который, получив подобное же приглашение, поставил свое присутствие в зависимость от моего прихода. К полудню я был на Кэ д'Орсе. В кабинете Даладье уже сидели Фернан Буиссон, Леон Блюм и Фроссар. Фроссар открыто настаивал на отставке Даладье и образовании правительства «национального единства». Председатель палаты придерживался того же мнения. Леон Блюм, по-видимому, не хотел брать на себя ответственности, выступив в роли советчика в деле, в которое ему не следовало вмешиваться. Несмотря на спокойствие Даладье, мне показалось, что он был весьма встревожен сообщениями, поступившими, по его словам, от Фро: министр внутренних дел отказывался отвечать за порядок и требовал отставки. Я посоветовал не арестовывать без наличия бесспорных оснований Доде, Морраса и Пюжо, так как это было бы противозаконно и, во всяком случае, было бы плохо интерпретировано. С каждой минутой новости становились все хуже. Из правительства вышел Бардон. Поступило сообщение, впрочем оказавшееся неверным,

об отставке де Шапделена. Пришли Мартино-Депла и Клапье, которые заявили Даладье, что правительство не должно более оставаться у власти. Когда меня в первый раз спросили о моем мнении, я заявил премьер-министру, что, как и Буиссон, я не могу советовать ему идти на авантюру, которая, судя по имеющейся информации, будет, повидимому, кровопролитной, тем более что это противоречило бы мнению министра внутренних дел. Даладье объявил нам, что он подаст в отставку.

К концу дня, в 18 часов, председатель палаты Буиссон вызвал меня, Шотана и Тардье и информировал нас о переговорах с Думергом. Когда бывшему президенту республики в первый раз предложили по телефону сформировать правительство, он отказался. Во время второго разговора он ответил, что, прежде чем им будет принято какое-либо решение, он желал бы, чтобы к нему обратились с коллективным демаршем предшествующие премьер-министры. Я дал согласие лично от себя, резервировав позицию депутатов своей партии. Надеясь застать их в сборе, я немедленно отправился проконсультироваться с ними в палату депутатов. Однако по просьбе охраны, которая принимала меры, необходимые для защиты здания парламента, депутаты разошлись в 18 часов 30 минут. Тогда я собрал тех, кого смог найти, и они уполномочили меня поддержать демарш от их имени.

7-го вечером с балкона своего номера, расположенного на самом верхнем этаже гостиницы «Отель де Пари», я наблюдал, как проходили колонны бесчинствовавших демонстрантов. По словам Бонневе, они кричали: «На виселицу Фро! Даладье – убийца! Долой Эррио!» Они поджигали все, что попадалось им под руки. Я чувствовал себя, принимая во внимание разницу, на положении Нерона во время пожара Рима, с той выгодой для него, что он не мог видеть, подобно мне, как горят общественные уборные.

Утром, в четверг, 8 числа, согласившись на формирование правительства, г-н Думерг прибыл в Париж. Парламентская группа моей партии *единогласно* приняла на своем заседании следующую резолюцию:

> «Парламентская группа радикалов и радикал-социалистов, собравшись на заседание под председательством г-на Эррио, после продолжительной дискуссии, в которой приняли участие господа Герню, Кюдене, Аршембо, Лассаль, Ногаро, Клерк, Мальви, Эльбель, Дейри, Жуффро, де Шаммар, а также председатель группы, приняла следующую резолюцию:

«Верная своей программе, парламентская группа радикалов и радикал-социалистов, ставя превыше всего защиту республиканских институтов и высшие интересы страны и твердо решив сделать все от нее зависящее, чтобы добиться абсолютного уважения честности, поручает своему председателю г-ну Эдуарду Эррио оказать от имени партии содействие г-ну Думергу в этом деле общественного спасения».

Правительство Думерга

I. Нота от 17 апреля 1934 года (9 февраля – 21 апреля 1934 года)

В четверг, 3 февраля, днем состоялась моя первая встреча с премьером Думергом на Кэ д'Орсе. Он попросил меня о содействии. Я ответил, что с разрешения своей партии я буду оказывать ему поддержку, не ставя никаких условий. При этом мною было высказано единственное пожелание, чтобы в своих же собственных интересах правительство придерживалось самой левой ориентации. Думерг предложил мне пост министра народного просвещения. Я попросил дать мне менее тяжелое министерство в связи с загруженностью делами в Лионе.

Пятница, 9 февраля, была решающим днем. Прежде всего я отправился на заседание парламентской группы партии. Некоторые из моих друзей, казалось, были обеспокоены поступившими из провинции, в частности из Лориана и Оша, известиями о движении в защиту республики. Однако решения, принятые накануне, не подверглись никаким изменениям. Жозеф Кайо, которого я просил временно заменить меня на посту председателя, пока я буду занят у Думерга, заявил, что он откажется вести заседание, если формируемому правительству будут предъявлены какие-либо условия. Думерг предложил мне портфель министра торговли, на что я дал свое согласие. Я посоветовал ему поручить министерство народного просвещения кому-нибудь из радикалов. Он предложил кандидатуру Берто. Это известие было встречено в группе с неудовольствием.

Марке и несколько неосоциалистов сообщили нам о своем намерении просить Думерга назначить двух государственных министров, одним из которых был бы я. Поскольку я уже принял предложение Думерга, я не мог присоединиться к этому демаршу, однако группа оказала ему сильную поддержку, и он завершился успехом. Вскоре Думерг известил меня о своем новом решении. Я сделал всего лишь одну оговорку – относительно нашего долга Америке и июньского взноса. Еще до этого я беседовал с нашим торговым атташе Моником. Он сказал мне, что если мы сделаем общий взнос в размере 4 миллионов долларов в покрытие четырех платежей, что будет равно взносу Италии, то США согласятся на это символическое покрытие и аннулируют нашу задолженность. Так произошло мое вступление в правительство, которое в тот же вечер на своем первом заседании было представлено президенту республики. Парламентская группа радикалов приняла в связи с этим резолюцию, которая глубоко

тронула меня, потому что она как бы закрепляла полное согласие, достигнутое в эти дни между моими друзьями и мною: «В час, когда Эдуард Эррио слагает с себя функции председателя группы, депутаты – радикалы и радикал-социалисты вновь заверяют его в своей самой глубокой преданности. Они убеждены, что его участие, так же как и участие других наших коллег по партии, в правительстве «перемирия» явится полезным вкладом в дело защиты республиканских свобод и охраны парламентского режима, поставленного под угрозу врагами республики. Они благодарят его за вновь проявленное им бескорыстие и выражают ему самое полное доверие». На этом же заседании группа радикалов единогласно поддержала призыв ВКТ: «Вместе с другими республиканскими ассоциациями защищать находящиеся под угрозой народные свободы». Председателем группы был избран Камилл Шотан.

В субботу вечером, 10 февраля, в министерстве иностранных дел состоялось первое заседание совета министров. Решение о создании комиссии по расследованию было принято без всяких трудностей. По поводу объявленной 24-часовой забастовки правительство вопреки мнению Тардье и Шерона решило проявить терпение с тем, чтобы в дальнейшем решать вопрос о применении санкций в зависимости от обстоятельств. Барту зачитал текст ответа Гендерсону, в котором подтверждалась позиция предшествующих правительств относительно контролируемого сокращения вооружений по этапам при условии обеспечения безопасности. Мы переживали период существенных трудностей в торговле с Англией. Шерон сообщил о предстоящем аресте Боннора.

Сарро подвел итог событиям прошлой ночи: 50 раненых среди гражданского населения, один из которых умер, 86 – среди полицейских. Он информировал нас также о деле Кьяппа, который, по имеющимся сведениям (подтвержденным газетой «Тан» от 11 февраля), не соглашался ни на какой пост, кроме поста префекта полиции. Эта история могла вызвать в правительстве глубокий раскол. Думерг благоразумно предложил занять выжидательную позицию. Вопреки интерпретации Лаваля я потребовал уточнить, что мы целиком резервируем этот вопрос. «Давайте решим, – заявил премьер-министр, – что мы его не обсуждали».

Затем Жермен Мартен сделал информацию о финансовом положении. Государственное казначейство живет только сегодняшним днем, имея на своем счету всего лишь 96 миллионов. Сверх предусмотренных поступлений необходимо изыскать до конца февраля 1 миллиард, до конца марта – 2

миллиарда, до конца июля – 6-7 миллиардов. Однако наряду с этим имеются и некоторые благоприятные признаки – сократился вывоз золота, поднимаются биржевые курсы. Специалисты кабинета изыщут и сделают предложения относительно наилучшего решения, когда начнется обсуждение бюджета, однако вряд ли можно надеяться на установление равновесия. По окончании заседания я услышал, как Тардье сказал Лавалю: «Это все что угодно, только не правительство».

Второе заседание кабинета состоялось 12 февраля. Шерон представил нам два проекта декретов: первый – о политических адвокатах, второй – о порядке продвижения по службе в судебном ведомстве. Барту изложил австрийский вопрос. Дольфус требовал вмешательства Лиги наций. Италия прислала запутанный ответ, который ясно свидетельствует о ее сговоре с Германией, хотя она и признает наличие в Австрии нацистской деятельности и право этой страны на международную защиту. Французский ответ поддерживал просьбу Дольфуса и подтверждал неизменную решимость Франции защищать независимость Австрии.

Внутреннее положение оставалось весьма тревожным. Повсеместно ощущалось чувство какой-то тревоги; общественное мнение продолжало лихорадить. Всеобщая конфедерация труда опубликовала следующее воззвание: «Мы не желаем, чтобы воров и их сообщников смешивали с демократией. Мы хотим отстоять столь героически завоеванные нашими предками основные свободы, без которых жизнь теряет смысл… Надо показать, что народ не останется немым и пассивным зрителем перед лицом попыток заменить демократию диктатурой». Всеобщая забастовка приняла весьма широкий размах, особенно на железной дороге и в ведомстве связи, где работу прекратили почти все. На заводах Рено бастовало 55 процентов всех рабочих, на заводах Ситроен – 60 процентов. В демонстрации на площади Нации участвовало около 25 тысяч человек. Столкновений и жертв не было.

Барту, покинувший на некоторое время заседание для вручения австрийскому послу нашего ответа, вернулся и сообщил нам свой ответ на германский меморандум. Нота подтверждала неизменность нашей политики в вопросе о сокращении вооружений и просила дать дополнительные сведения о контроле и о связи пактов о ненападении с Локарнским договором. Французское правительство указывало на недостатки германского меморандума, подчеркивало трудности двусторонних переговоров и заявляло о своей готовности участвовать во всеобщих переговорах с целью выработки общего соглашения. При этом оно разъясняло два недоразумения – относительно контроля, который, по нашему мнению, должен быть

международным, и относительно возможного сокращения войск, находящихся на заморских территориях. Было уточнено разногласие по вопросу численности вооруженных сил. Мы требовали учитывать и военизированные формирования. Я и Тардье, с согласия и при поддержке Марке, потребовали внести дополнительно фразу о нынешнем уровне германских вооружений и о необходимости контроля за ними. Министр военно-морского флота представил свои объяснения относительно специального проекта дополнительных ассигнований в 3 миллиарда франков на национальную оборону. Жермен Мартен согласен покрыть эту сумму специальным счетом и облигациями сроком на 30 лет.

На заседании совета министров 14 февраля Думерг ознакомил нас с текстом послания к обеим палатам, подготовленным Лебреном. Мы выразили опасение, что это послание, представлявшее правительство парламенту, несмотря на свои превосходные намерения, могло быть плохо истолковано. Затем был зачитан проект правительственного заявления. Состоялись небольшие, но весьма показательные дебаты. Я предложил добавить фразу о защите парламента. Я полагаю, что Тардье, Лаваль, Фланден и Марке оспаривали необходимость этого из чрезмерной осторожности. Я настаивал на своем предложении; меня поддержали Шерон и Барту. Была принята формулировка: «Защита парламентских институтов и республиканских свобод». Барту объявил о своем намерении подготовить доклад о международном положении, которое, по его мнению, является столь же серьезным, как и в июле 1914 года. Ряд министров потребовал применения санкций в связи с забастовкой государственных служащих. Думерг благоразумно отложил дебаты. Нервная напряженность общественности смягчалась очень медленно, несмотря на содействие всех организаций бывших фронтовиков, за исключением «Огненных крестов». Думерг уже несколько раз грозил уйти в отставку, если будут осложнять его работу. «От Парижа до Турнефейя не дальше, чем от Турнефейя до Парижа», – заявил он.

На заседании совета министров 15 февраля утверждались решения кабинета. Шерон зачитал нам выдержки из отчета Лекуве, справедливо протестующего против нападок на судебные органы и особенно против давления печати и политических адвокатов на судебных следователей. Наш коллега принял решение изъять из досье все рекомендации. По принципиальным соображениям он выступил с энергичным протестом против предоставления судебных полномочий комиссии по расследованию.

Барту дополнил свое вчерашнее сообщение об Австрии. Официально объявлено, что правительство восстановило порядок в Вене и является хозяином положения в провинции. Однако число убитых достигает 400 человек. Представляется очевидным, что именно Муссолини толкнул Дольфуса на борьбу с социал-демократами и на попытку установить фашизм по сговору с Италией и Венгрией[144]. Франция обратилась к Дольфусу с просьбой действовать умеренно и предприняла аналогичный демарш перед Ватиканом, что было сделано, как говорят, по предложению Леона Блюма. Франция предложила Италии и Великобритании опубликовать совместное коммюнике по вопросу независимости Австрии. Муссолини согласился. Великобритания отклонила это предложение.

* * *

Заседание палаты депутатов прошло без особых осложнений. Не могу сказать, что мне было очень приятно сидеть на скамье министров. Несмотря на реплики и выкрики коммунистов, Думерг сохранял добродушную улыбку, что произвело хорошее впечатление. Когда он назвал себя стариком, всех депутатов на какое-то мгновение охватило почтительное волнение. Выступил Бержери с одним из обычных своих фокусов. Голосование дало правительству *перемирия партий* большинство в 402 голоса, однако среди воздержавшихся было 26 радикал-социалистов. Куда девалось единогласие, которое мне было обещано, когда я входил в правительство?

В пятницу, 16 февраля, палата без труда утвердила статус комиссии по расследованию. По предложению правительства комиссии было отказано в предоставлении судебных полномочий. Вечером того же дня на заседании бюро партии было решено назначить на 7 апреля чрезвычайный съезд партии.

В субботу утром, 17 февраля, в министерстве иностранных дел состоялось совещание, посвященное предстоящему визиту Идена, в котором участвовали Думерг, Барту, Тардье, Петен, Пьетри, Денэн, Леже, Массигли и я. Обсуждался вопрос о том, какую позицию следует занять по отношению к британскому меморандуму от 29 января, в котором выдвигалось предложение «о заключении конвенции, предусматривающей *отказ наиболее сильных в военном отношении держав от некоторых видов вооружений»* (следовательно, это касалось и Франции). В меморандуме предусматривалась возможность немедленного, но частичного перевооружения Германии – артиллерия и танки, но

без авиации. С нашей точки зрения британский меморандум имел тот существенный недостаток, что он не затрагивал вопроса о военизированных формированиях. Италия, не высказываясь о военизированных формированиях, предлагала сохранить статус-кво для наиболее сильных в военном отношении держав и удовлетворить требования Германии.

Было решено, что нам следует занять осторожную позицию и дожидаться, как предлагал сам Иден, результатов его поездки в Рим и Берлин. Чувствовалось, что дебаты обостряются и что предстоит принять серьезные решения.

Маршал Петен сообщил, что с учетом войск, находящихся под ружьем и прошедших военную подготовку резервистов, Германия уже сейчас обладает армией в 840 тысяч человек. По мнению генерала Денэна, она за три месяца сможет догнать нас в области военной авиации. Альфан пишет мне из Москвы, что Советы против ослабления Франции, будь то за счет разоружения сверх пределов, установленных ее ответственным военным командованием, будь то за счет согласия на перевооружение Германии.

Политика, которой я старался следовать, ушла в прошлое. Никто не считается с Лигой наций, которая оставалась верной нам при всех попытках добиться опасного соглашения с Германией, вышедшей из Лиги. По-моему, с момента заключения пакта четырех правильный курс был потерян. Я узнал, что 5 декабря 1933 года Поль Бонкур сделал Гендерсону ряд предложений относительно контроля и «принципов гарантии исполнения», подлежащих включению в условия конвенции по разоружению. В случае нарушения конвенции можно было бы прибегнуть даже к такой мере воздействия, как разрыв дипломатических отношений с государством-нарушителем. «Если начнется война, то возможна презумпция агрессии по отношению к государству, виновному в таком нарушении».

В общих чертах на 17 февраля 1934 года вопрос о разоружении, согласно официальным документам Лиги наций, представлялся следующим образом. В течение четырех последних месяцев вопрос этот обсуждался исключительно дипломатическим путем. Прийти к соглашению не удалось, однако переговоры способствовали прояснению ситуации.

1. Французское правительство, верное принципам, получившим в сентябре-октябре 1933 года поддержку Англии и США, выступает за существенное сокращение вооружения в два этапа. В течение первого этапа европейские армии были бы преобразованы в армии краткосрочной службы с ограниченной численностью, был бы организован и налажен всеобщий

автоматический и постоянный контроль; наконец, было бы проведено пропорциональное сокращение на 53 процентов основных военно-воздушных сил параллельно с установлением контроля над гражданской авиацией. В этот период государства, связанные условиями мирных договоров, не должны были бы проводить никакого количественного увеличения своих вооружений. В течение второго этапа было бы начато постепенное уничтожение военной техники, превышающей установленные количественные нормы, причем бывшие вражеские государства могли бы получить те виды вооружений, которыми бы они не располагали в 1934 году и обладание которыми было бы разрешено конвенцией всем странам. Французское правительство стояло за эффективный автоматический и постоянный контроль. Оно подчеркивало необходимость дополнить конвенцию гарантиями исполнения.

2. Германское правительство противопоставило этому тезису свое предложение соглашения, сохраняющего статус-кво для государств, разоружение которых не было предусмотрено договорами, и предоставляющее Германии право преобразовать рейхсвер в 300-тысячную армию, основанную на всеобщей воинской повинности и оснащенную нормальным современным оборонительным вооружением (150-миллиметровыми орудиями и 6-тонными танками) и авиацией. СА и СС, *невоенный характер которых был подтвержден Гитлером,* не должны были подвергнутся каким-либо изменениям, но будут взяты под контроль. При этом германское правительство согласно с принципом постоянного автоматического контроля.

3. Британское правительство стремится к компромиссу между этими двумя точками зрения путем сочетания немедленного разоружения с немедленным, но частичным перевооружением Германии. В связи с этим оно считает, что уничтожение определенных видов военной техники, которое во французском плане приурочено к концу первого этапа, должно начаться с момента введения конвенции в силу. С первых же лет Германия должна получить требуемые ею артиллерию и танки. Однако ее перевооружение в области авиации будет отложено на два года, а по прошествии этого срока оно осуществится только в том случае, если не будет найдено общее решение проблемы военно-воздушных сил. Что касается военизированных формирований, Великобритания предлагает запретить всякое внеармейское воинское обучение, однако из этого не было сделано вывода о необходимости роспуска существующих формирований. Англия лишь подчеркивала необходимость установления контроля над этими формированиями. Наконец, проблема военно-морского

флота была практически исключена из переговоров.

4. Итальянское правительство заняло позицию, весьма близкую к позиции Германии. Оно предлагало сохранить статус-кво для держав, не связанных договорами, при сохранении военных расходов на уровне 1934 года. Что касается Германии, то Муссолини, по-видимому, практически признавал ее требования. Он не высказывался по вопросу военизированных формирований, однако из его заявлений нашему послу де Шамбрену видно, что он является сторонником включения этих формирований в общую численность вооруженных сил. С другой стороны, Муссолини согласен на установление контроля.

Таким образом, в то время как конференция по разоружению вела до сих пор работу в направлении поэтапного сокращения существующих вооружений, допуская лишь в отдаленном будущем ограниченное перевооружение бывших вражеских государств с целью уравнения их в правах, в настоящее время предпринимаются попытки заменить эту формулу немедленным перевооружением данных государств.

Нота, направленная Луи Барту 10 февраля председателю конференции по разоружению, уточняла позицию Парижа. Французское правительство, – говорилось в ней, – «по-прежнему считает, с одной стороны, что контролируемое сокращение вооружений должно проводиться поэтапно до того уровня, который позволит установить равноправие всех наций в условиях режима безопасности. С другой стороны, необходимы действенные гарантии исполнения». 13 февраля французское правительство направило Германии новую памятную записку.

* * *

19 февраля мы с Тардье сопровождали премьер-министра на похороны бельгийского короля[145]. Население Брюсселя оказало нам самый теплый и волнующий прием. Нас провели в большой и пустынный Лаэкенский дворец. Проходим через королевские апартаменты. В одной из комнат среди беспорядочно разбросанных книг и бумаг я заметил маленькую птичку в клетке и голубую шляпу королевы на краю стола. Чувствуется, что жизнь семьи была внезапно нарушена. Король лежит в своей комнате на кровати, украшенной белыми лилиями, по обе стороны которой стоят два старых бесстрастных генерала. На голове у него широкая повязка. Черты лица уже тронуты смертью. Под короткими усиками виден приоткрытый рот. Его сильные руки, скрещенные на груди, носят следы ран; пальцы скрючены и

сжаты. Тут же молятся юные монахини в средневековых одеяниях. Мы обменялись несколькими словами с принцами, в то время как Думерг пошел засвидетельствовать почтение королеве. Трагическое событие сердечно сблизило наши народы.

В Париже продолжается обсуждение бюджета. Какая несправедливость: доклад Жакье остался без внимания. Между тем из него явствует, какие усилия были предприняты левыми для покрытия дефицита, исчислявшегося в 1932 году в 16 миллиардов франков. Дефицит почти полностью ликвидирован. С 31 мая 1932 года по 31 декабря 1933 года задолженность не превысила 12 миллиардов франков.

Вторник, 20 февраля. Заседание совета кабинета и совета министров. Благодаря докладу, переданному мне Барту, я смог разобраться в истории с венгерскими облигациями и в роли министерства иностранных дел. Основным документом в этом деле является предупредительная нота, составленная 10 ноября 1933 года Леже. Венгерские облигации были выпущены в осуществление парижского соглашения от 28 апреля 1930 года о создании *аграрного фонда* для возмещения убытков венгерским собственникам *(оптантам),* земли которых были экспроприированы государствами-наследниками. 19 октября 1931 года в нашу миссию в Будапеште в сопровождении Сержа Александра явился Боннор, предъявивший рекомендательное письмо от кабинета. Жан Люшер поддержал Дюбарри в министерстве. Председатель международной комиссии по управлению аграрным фондом де Фелькур предусмотрительно обратился 8 мая 1933 года в министерство финансов с просьбой предупредить общественность о жульнических махинациях Александра. 11 августа 1933 года соответствующее сообщение было передано в прессу. 23 ноября Фонтенэ был предупрежден об опасности, которая угрожала ему как председателю общества. В декабре 1933 года министерство иностранных дел объявило недействительным счет Венсона.

Упрощенный вариант проекта бюджета легко прошел в палате депутатов, а затем – хотя и менее гладко – в сенате. Однако дело с поступлением налогов обстоит плохо; биржа настроена весьма скверно; казначейство с трудом сводит концы с концами; мы прибегаем к всевозможным уловкам. При обсуждении вопросов социального страхования я обратил внимание на следующее заявление Марке: «Я провожу прорабочую антимарксистскую политику».

На заседании совета министров Барту информировал нас о положении в Австрии. По мнению Пюо, репрессии были необходимы. Впрочем, наши призывы к умеренности оказали свое

действие; было решено выступить с совместным коммюнике. Италия не советует Дольфусу обращаться в Лигу наций, однако Дольфус, по-видимому, упорствует в этом намерении. Было принято решение послать в Россию небольшую авиационную миссию. Я отметил следующие слова Денэна: «Советская авиация – первая в мире». Барту высказался за улучшение наших отношений с Москвой. Пьетри провел предложение о закладке второго *«Дюнкерка»* в ответ на строительство, ведущееся в Германии. В четверг, 22 февраля, я принял Мадариага, который рассказал мне о том, что в Испании усиливается дух насилия, особенно среди молодежи. Мною была принята также делегация партии радикалов, которая потребовала принятия мер по защите республики и заявила протест против оживления деятельности «Огненных крестов», а также расширения торговли оружием.

Правительство запросило палату депутатов о предоставлении ему полномочий для принятия ряда декретов экономического характера. Это было сделано без предварительного обсуждения вопроса в совете министров. Я пожаловался Гастону Мартену. Ведь это первые признаки раскола. От имени фракции радикалов Пальмад поддержал правительство, однако 13 наших коллег голосовали против, а 24 воздержались. Правительство получило всего 368 голосов при 185 против и 43 воздержавшихся.

В пятницу, 23 февраля, я имел продолжительную беседу с послом Соединенных Штатов в России Буллитом, который передал мне привет от Рузвельта. Я изложил ему свою концепцию *«треугольника безопасности»:* Лондон – Вашингтон – Париж. Буллит высказал пожелание, чтобы мы проводили более твердую политику по отношению к Германии и развивали хорошие отношения с Советским Союзом.

В субботу, 24 февраля, перед заседанием совета кабинета Жермен Мартен сказал мне: «Мы снова возвращаемся к трудным дням 1925 года. *Вчера утром у меня в кассе был миллион, а к вечеру мне надо было достать 700 миллионов».* Нам сообщают об отъезде посла лорда Тирелла; я теряю в его лице превосходного друга.

В течение почти всего заседания говорил Шерон. Он рассказал, как ему удалось добиться ареста Боннора и как он представляет себе перенос Байоннского дела не на основе признания его Байоннским судом неподсудным ему, а в силу разрешения вопроса о подсудности Кассационным судом в связи с предъявлением в Париже гражданского иска. Говоря о смерти Пренса, Шерон в общих чертах резюмирует дело Ставиского, начиная с доклада Пашо в 1930 году. Слушая его, я прихожу к мнению, что прокуратуре следовало бы иметь более полную

информацию. По-видимому, донесение Кузена от 25 сентября 1931 года о Байоннских фондах не было передано ни в министерство финансов, ни в прокуратуру; 29 октября и 4 декабря 1931 года Кузен представил два дополнительных доклада; его донесение от 3 февраля 1932 года осталось лежать в кабинете префекта полиции; донесение Кузена от 17 сентября 1933 года не было передано в прокуратуру. В 1926 году Бейяр арестовал Ставиского, но для того лишь, чтобы использовать его как осведомителя. Возникает вопрос: почему полицейский комиссар Байонны Жибер передал донесение Кузена мэру, а не префекту.

Скандалы, в которых к денежным делам припутывается политика, всегда вызывали во мне отвращение, а это дело особенно. Стремясь разобраться в нем, я был поражен запиской Пренса от 1 февраля 1930 года по делу земельной компании. Верно ли, что после совещания, в котором будто бы принимал участие Пьер Лаваль, это дело было оставлено без последствий. Пьер Лаваль пустился в пространные разъяснения: он заявил, что он действовал в соответствии с докладом прокуратуры. А что означает справка министерства юстиции, из которой видно, что 17 октября 1929 года Пьер Лаваль и Юдело обратились к начальнику отдела уголовных дел и помилования г-ну Мутону с просьбой, чтобы следствие велось в сугубо конфиденциальном порядке? А письмо Рауля Пере от 5 июня 1930 года о «неуместности открытого следствия»?

Ясно и убедительно Шерон рассказал, как Ставиский попал в тюрьму, а затем, будучи освобожден, стал полицейским осведомителем, основателем ряда газет, театров, как он вмешивался в дела министров. Общественное мнение все еще крайне возбуждено. Смерть Пренса вновь взбудоражила улегшиеся было страсти.

Заседание совета министров 27 февраля было посвящено делу Прессара. Шерон зачитал нам не весь доклад Лекуве, которого у него пока нет, а лишь те места, в которых прокурор Прессар обвинялся в «профессиональных ошибках, в небрежности, в бездеятельности». Шерон предлагает «назначить его на другой пост», Тардье – перевести в Высший совет магистратуры. Пьетри выразил мнение, что не следует «позорить представителя магистратуры» ради удовлетворения общественного мнения. Шерон просит разрешения вернуться в министерство юстиции, чтобы еще раз рассмотреть вопрос о возможных санкциях. Он жалуется на Сюртэ Женераль. У меня создалось впечатление, что главные ведомства государственного аппарата занимаются грызней в тот самый момент, когда точные

факты свидетельствуют о том, что ряд офицеров запаса готовит государственный переворот, вооруженный заговор против республики. Вернувшийся Шерон сообщает, что ему будет легко снять с Прессара подозрение в участии в убийстве Пренса, однако он назначит его на другую работу.

Все эти истории вызывают нескончаемые дискуссии. Как распознать основные интересы страны сквозь пелену ядовитого тумана? А ведь есть куда более важные вопросы. Как-то после ужина в советском посольстве Довгалевский сообщил мне, что им были запрошены и получены следующие инструкции: *его страна вступила бы в Лигу наций на следующих трек условиях:* 1. Россия согласилась бы на арбитраж, на что она до сих пор не шла, при условии, что арбитражная процедура будет применяться исключительно к спорам, которые возникнут после ее вступления в Лигу наций; 2. Она желает, чтобы Устав Лиги наций был приведен в соответствие с пактом Бриана – Келлога; 3. Чтобы было признано равенство наций и рас. *Советский Союз готов подписать региональный пакт о взаимопомощи или взаимной обороне с Францией, Польшей, Чехословакией и Прибалтийскими странами* на тех условиях, что положению различных стран не будет нанесен ущерб и что одни страны не будут вести враждебной пропаганды против других.

Это сообщение, сделанное мне лично и конфиденциально послом Довгалевским после ухода других гостей, представлялось мне гораздо более важным для Франции, чем полемика вокруг дела Ставиского и разглагольствования Лекуве на очередном заседании совета министров, о котором меня своевременно не известили. Будет ли понято, когда это станет известно, значение того факта, что огромная страна, долгое время пребывавшая в состоянии революционной изоляции, соглашается теперь сотрудничать с другими державами? Я сомневался в этом, видя, какой лихорадочный интерес вызывают в публике афиши, расклеенные на стенах парижских домов, несмотря на пресловутое *перемирие партий.* Нечего сказать, хорошее перемирие! На одной из афиш было воспроизведено «факсимиле» чека на 6 миллионов, переданного Стависким Боннору «на избирательную кампанию «Левого блока». Между тем сам Шерон указывал, что все 28 чеков, переданных Стависким Боннору, составляли сумму в 545 тысяч франков. Таково «национальное единение» во всей своей красе. На заседании совета министров 2 марта, на котором Сарро информировал нас о разоблачениях, сделанных прошлой ночью благодаря захвату корешков чековой книжки Ставиского, я выступил с резким протестом против афиши о «шести миллионах», распространяемой

пропагандистским центром партии национальных республиканцев. Совет охотно пошел мне навстречу. Фланден предложил выступить с совместным протестом от лица его и нашей партий. Тардье молчал. Барту, как всегда, был полон сердечности. Он передал мне следующую записку: «Политически, лично и душой я с вами». Лаваль предложил свои услуги, чтобы воздействовать на Кериллиса, который возглавляет всю эту кампанию. Премьер Думерг открыто поддержал мое заявление. Я сообщил совету о своем намерении направить протест в прессу и передать афишу в комиссию по расследованию.

Выведя меня в коридор, Шерон сказал мне, что факты, установленные прошлой ночью, вызывают у него серьезную тревогу, что он невыносимо устал. Повсюду идут аресты. «Осторожнее, – ответил я ему, – вы кончите тем, что издадите приказ о своем собственном аресте». Тем временем выясняется, что в момент, когда необходимо провести целый ряд расходов на оборону, и в частности на строительство второго «Дюнкерка», казначейство находится в самом плачевном состоянии. Быстрое принятие бюджета принесло лишь кажущееся облегчение. «Если до апреля, – заявил Жермен Мартен, – мы не сэкономим 2,5 миллиарда франков, нас постигнет валютный крах. Франк, уже сейчас подрываемый США, лопнет если не в 1934, то уж, во всяком случае, в 1935 году».

Если бы хватило мужества, можно было бы посмеяться над рядом деталей. Среди бумаг, хранящихся в бюро партии, мы обнаружили письмо, в котором наш пресловутый совратитель Боннер сам обращается к нам за денежной помощью. Но, увы, теперь не до смеха. Подозрение нависло над самыми честными людьми, которых припутывают к воровской компании. Допускаются предельно странные и опасные ошибки. В субботу, 3 марта, «Эко де Пари» отмечала отступление партии национальных республиканцев. «Партия радикалов, – пишет Кериллис, – собирается выступить *со смехотворным протестом* против одной из наших *юмористических афиш,* нарочито принимаемых всерьез. Всем прекрасно известно, что невозможно выписать чек на муниципальный кредит, то есть на ломбард. Авторы афиши хотели показать, почему *мафия* «Левого блока» стремилась замять это дело, чтобы скрыть факт участия Ставиского в финансировании избирательных расходов «Левого блока». Несколько выше был опубликован призыв: «Пусть ничто не смущает наших друзей. Не забудьте приобрести наши абонементы на пропаганду!» Нет, перемирие партий не соблюдается. Национальное единение стало пустым звуком, ловушкой для честных республиканцев. «Эко де Пари»

продолжает вести бешеную кампанию. Политический хроникер лионской газеты «Салю пюблик» выступил с тяжелыми обвинениями против Шотана, бонне и других радикалов. В воскресенье вечером, 4 марта, я выступал перед членами комитета первого района, по которому я баллотируюсь. Встретили меня совсем иначе, чем прежде, и я не ощутил того непосредственного доверия, которым я так долго там пользовался. Допрашивали и критиковали целых три часа. Обшарили меня, как на таможне. Поднималось новое поколение, жестокое и несправедливое. В конце концов после тяжелой борьбы, я все же получил единогласный вотум доверия.

На заседании совета кабинета во вторник, 6 марта, Шерон сообщил нам об инциденте с Юрло те же подробности, которые мы читали в газетах, так как профессиональных секретов более не существует. Он ознакомил нас со странным письмом помощника прокурора Ставискому, в котором я отметил следующую фразу: «Вы побьете министра юстиции премьером Даладье». Юрло был помещен в лечебницу в Сюрене. Этот отвратительный полицейский роман волнует меня гораздо меньше, чем тяжелое состояние наших финансов. Надеемся получить заем у Голландии, а также подписать французских банкиров на 1500 миллионов франков. Заем министерства связи дал небольшой эффект. Публика подписывалась плохо. От положения наших финансов будет зависеть политическая обстановка. Намеченный на апрель консолидированный заем сможет быть выпущен только в том случае, если нам удастся сэкономить на расходах. Страна настолько погрязла в долгах и нужде, что утратила свою политическую независимость и государственный суверенитет. Вся история послевоенного периода подтверждает эту печальную истину.

Маршал Петен зачитал нам отчет о недавней беседе кронпринца с начальником сомюрской военной школы генералом Лоранси. Кронпринц держался очень любезно. Он желал бы объединения германской и французской армий под единым командованием для борьбы с коммунизмом. Формула эта не является его выдумкой; мы еще встретимся с ней. Я отметил некоторые его мысли: «Я не хотел войны. Если бы мне удалось приехать в Париж, ее бы не было… Я едва не посетил Париж в апреле 1914 года… События оказались сильнее людей. В настоящее время ничто более нас не разделяет! Эльзасцы остались за вами. Через 20 лет вы скажете мне, довольны ли вы этим приобретением… Нам необходимо договориться… Если когда-нибудь я приду к власти, а это не является невозможным, я поставлю своей целью осуществление этого сближения. Оно

произойдет через наши армии». То же самое мне говорил фон Папен в Лозанне.

На заседании военной комиссии сената 7 марта 1934 года маршал Петен сделал ряд важных заявлений. Цитирую их по стенографическому отчету: «Перейдем к организации обороны северной границы. В настоящее время разрабатывается проект этой оборонительной системы. Она будет организована по секторам. Что представляет собой северная граница в целом, начиная с Дюнкерка? Она является продолжением восточного укрепленного района, идущего до Лонгви – Монмеди. Необходимо продолжить эту границу до моря. От Монмеди начинаются Арденнские леса; они непроходимы, если там провести специальные мероприятия. Таким образом, для нас это зона разрушения. Опушки, обращенные в сторону врага, будут, конечно, защищены Там мы создадим укрепления. Поскольку оборона будет без глубины, неприятель не начнет в этом месте военных действий, если же он пойдет на это, то попадет под удар при выходе из зоны лесов. *Следовательно, этот сектор не является опасным».* На деле же именно здесь, прорвавшись сквозь эти «непроходимые» леса, германские бронетанковые дивизии вышли на стык союзных армий между Седаном и Живе.

На вопрос председателя военной комиссии относительно северной границы маршал ответил: «Укрепления, которые мы возвели бы на границе, не защитили бы, потому что граница проходит слишком близко. Надо идти в Бельгию». *Вице-председатель военной комиссии Даниэль Венсен.* Нельзя допустить, чтобы враг нанес удар по Франции. Необходимо обеспечить по возможности такое расположение наших сил, чтобы мы могли предупредить удар и нанести его сами противнику. *Маршал Петен.* Могу сказать вам, что в этом смысле все было предусмотрено, однако я ничего не могу сказать об операции, предусмотренной в Бельгии. *Член военной комиссии сенатор Эйез.* Обращаю ваше внимание на тот факт, что на севере необходимо защитить угольные разработки. *Маршал Петен.* Тыловые рубежи на случай обхода не особенно интересуют нас, так как мы хотим идти другим путем. В наши намерения не входит останавливаться здесь. Мы будем защищать Лилль не с французских укреплений, а с фортификаций, возведенных в Бельгии.

* * *

На заседании совета министров 8 марта меня поразила нервозность моих коллег. Жермен Мартен снова указал на

финансовые трудности и на обязательства, которые могут заставить нас обратиться за помощью к Великобритании. Барту подготовил пространное выступление по внешней политике. Начал он с общего обзора. С Соединенными Штатами придется возобновить обсуждение вопроса о долгах (Лаваль попросил у Барту разрешения встретиться с ним, чтобы рассказать ему о своих беседах с Гувером). Положение в Тунисе и Марокко очень плохое. В Испании разразился крайне тяжелый кризис. Инцидент с Бельгией из-за неожиданной речи Броквиля, заявившего, что необходимо примириться с перевооружением Германии. Речь эта, произведшая скверное впечатление в Бельгии и благоприятное в Германии, была несколько подправлена выступлением Гиманса. Снова Бельгия идет за Англией.

Отношения с Россией с каждым днем становятся все более сердечными. Барту мимоходом намекнул на возможность вступления России в Лигу наций. Отношения с Польшей, это необходимо признать, весьма плохие. Существенно улучшились отношения с Турцией. Румынский король ведет двусмысленную политику. Отношения с югославами очень сердечные, однако Югославия требует поставок военных материалов. Барту более подробно остановился на австрийском вопросе. Внутри страны положение Дольфуса, по-видимому, укрепилось. В Вене царит порядок. Гитлер якобы сам призвал нацистов к умеренности, однако проблема Центральной Европы остается не менее острой. Барту резюмирует инструкции, посланные им 1 марта нашему послу в Риме, и отмечает двойственность политики Италии, которая то выступает солидарно с Францией и Великобританией, то предпринимает усилия по экономическому и даже политическому сближению с Австрией и Венгрией. Возвращение Габсбургов представляется возможным. Однако в настоящее время Италия, по-видимому, снова хотела бы сблизиться с Францией. Впрочем, доказательства этого желания кажутся мне весьма незначительными. Италия испытывает затруднения в связи со своей неосторожной ревизионистской политикой. Разумеется, у нас есть общие интересы: сохранение вооружений на нынешнем уровне, независимость Австрии, защита золотого стандарта. У меня складывается впечатление, что, несмотря на то, что в настоящее время у Италии плохие отношения с Германией, она обманывает нас и стремится противопоставить Малой Антанте соглашение с Австрией и Венгрией.

Во второй части своего доклада Барту затронул вопрос о разоружении, оговорив при этом необходимость резервировать решение по этому вопросу. Во время переговоров с Иденом Думерг и Барту заявили ему, *что они не могли бы принять*

британский план, так как при всем своем желании Договориться с Англией Франция не может согласиться на перевооружение Германии без *гарантий контроля со* стороны Франции и без *гарантий исполнения* со стороны Англии. Впрочем, лондонское правительство, по-видимому, далеко не единодушно в вопросе о разоружении. Британская пресса склоняется на сторону Франции. Весьма разумно выступил Думерг, рассказавший о своей беседе с Иденом по поводу недостаточности консультативного пакта. Думерг считает, что уровень вооружений должен определяться не с точки зрения сегодняшнего дня, а с учетом эвентуальной мобилизации. Армия плохо обученных резервистов не равноценна кадровой армии; в 1914 году нас били до тех пор, пока мы не подготовили резервистов; между тем Германия может сразу же влить в свою кадровую армию около 1 миллиона 400 тысяч хорошо обученных солдат. Следовательно, заявил Думерг, *благодаря своей нынешней организации Германия сильнее нас.* Премьер-министр подчеркнул также необходимость *санкций* и настаивал на возвращении Германии в Лигу наций. В заключение он упомянул о так называемых «оскудевших призывах»[146], когда количество призывников упадет до 200 тысяч человек. Поэтому мы не можем согласиться на требуемые Германией 300 тысяч. Затем Барту подвел итог своим переговорам с Риббентропом, который развивал все ту же тему: «Майн кампф» не является подлинной доктриной канцлера… Мы не испытываем ненависти к Франции… Мы стремимся к прямым переговорам с ней».

Шерон продолжал посвящать нас в свою судебную хронику. Он показал нам чек: *Camille A, Tardie*? Рассматривая документ, я заметил, что в конце оспариваемого слова вертикальная черта пересекает приплюснутое «и». Министр юстиции заявил о своем намерении начать следствие по делу заговорщических лиг. Лаваль, которого маршал Петен одобрил жестом, начал защищать полковника де ла Рокка[147]. Спор принял довольно резкий оборот. В общем тон сегодня был более резким, чем обычно.

Демократическое левое крыло сената заявило протест против нарушений правыми перемирия партий. Комиссия по расследованию продолжала заслушивать показания свидетелей; дело запутывалось все больше и больше. Проведя 11 и 12 марта в Лионе, я был поражен спокойствием населения, во всяком случае по сравнению с Парижем, а также неожиданной активностью нашей ярмарки.

В начале заседания совета министров во вторник, 13 марта, Барту передал мне пространное и тревожное донесение Лабуле от 22 февраля 1934 года, в котором содержалось серьезное предостережение: «Благожелательное влияние президента

Рузвельта отныне сведено на нет нашей позицией в вопросе о долгах… В случае кризиса мы больше не смогли бы рассчитывать на США. Франко-американская дружба поставлена под вопрос, возможно навсегда. Чикагский адвокат Левинсон изыскивает возможности решить проблему, увязав ее с вопросом о разоружении».

И снова дело Ставиского! Марке и Марэн считают, что меры, предпринимаемые для успокоения общественного мнения, недостаточно энергичны. Шерон заявил, что он может проявить твердость, но не хочет поддаваться влиянию внешних факторов. Так же настроен Сарро. Думерг, как всегда, хладнокровно анализировал положение. Констатировав, что успокоение не достигнуто, он предложил изыскать для этого необходимые меры. Ксавье Гишар, виновный в потере повесток Жюльену Дюрану и Далимье, будет немедленно снят с поста. Во главе дезорганизованной полиции вместо Жея будет поставлен Бертуэн. Самое ужасное заключается, по-моему, в невозможности возместить ущерб, нанесенный этим делом национальным интересам; мы живем в царстве детективных романов и кино.

Барту вновь вернулся к речи Броквиля, раскритикованной в Англии, с восторгом встреченной в Германии, вызвавшей споры среди бельгийских социалистов и лишь слегка смягченной выступлением Гиманса. Мы узнаем от Франсуа-Понсэ, что через бельгийского посланника в Берлине Гитлер передал Броквилю свою благодарность. Германия подтвердила свое согласие с Локарнскими соглашениями, однако она твердо намерена добиваться равноправия. Говорят, что новый король Бельгии якобы одобряет выступление своего премьер-министра. Барту готовит ноту. «Ваша русская политика обеспечила вам поддержку военных, – говорит ему Тардье, – им не терпится возобновить союз с Москвой и получить новые фуражки». Лишь бы они не думали главным образом о фуражках!

Жермен Мартен продолжал работать над оздоровлением наших финансов. Это его сизифов труд. Он подтвердил, что 10 февраля он действительно опасался закрытия государственных касс.

16 марта. Принимаю бюро партии в полном составе. Обсуждаем вопрос о предстоящем съезде. Я прошу, чтобы с самого начала была образована и приступила к работе комиссия по проведению чистки. Обе палаты были распущены на каникулы.

13 марта правительство Германии вручило нашему послу ответ на нашу памятную записку от 14 февраля.

17 марта. Прощальный завтрак у лорда Тирелла. В 15 часов 30 минут – заседание совета министров. Оно было посвящено в

основном рассмотрению ответа британскому правительству. Сначала Барту резюмировал точку зрения британского и итальянского правительств. Судя по последнему меморандуму, Германия остается на прежних позициях. Вопрос стоит, следовательно, так: либо подписать конвенцию, включающую пункт о контроле, либо отказаться от легализации требования Германии о создании 300-тысячной армии. *«Это серьезный вопрос совести,* говорит нам Барту. – *Я сделал выбор. Надо ответить «нет» на предложение Великобритании. Надо отказаться от легализации перевооружения.* Бельгийский сенат единодушно одобрил позицию своего правительства, предложив ему не допускать перевооружения Германии. Это означает фактически дезавуирование речи Броквиля. *Комиссии по иностранным делам сената и палаты депутатов Франции* высказались против перевооружения. Такова же точка зрения Югославии, Чехословакии, Польши и Румынии». Затем Барту зачитал свой ответ на британский меморандум от 29 января.

Основными документами в этом вопросе являются германский меморандум от 13 марта и французский ответ от 17 марта, полные тексты которых можно найти в сборниках документов Лиги наций (Conf. D. 166-a). Считаю необходимым хотя бы вкратце изложить их.

В начале своего меморандума правительство рейха изъявляло желание выяснить ряд недоразумений. Германия «готова взять на себя самые далекоидущие обязательства ни в коем случае не прибегать к силе». Она уважает Локарнский договор. Она согласна на международный контроль на основе полного равенства всех государств. Что касается «политических организаций», то им никак не следует приписывать какой бы то ни было военный характер. Германия вновь ставила вопрос о войсках на заморских территориях и о прошедшем военную подготовку запасе.

Нота Барту от 17 марта британскому правительству содержит намек на поездку Идена. В ней вновь указывалось, что Франция придала организации своих вооруженных сил сугубо оборонительный характер, при котором запас не может играть непосредственной роли; она не отказывается пойти на уступки в том случае, если будет обеспечена ее безопасность. Между тем Германия вышла из Лиги наций; ее вооружения значительно превысили уровень, предусмотренный существующими договорами. Не постигнет ли новую конвенцию участь военных статей мирных договоров? На каждую новую уступку Германия отвечала новым требованием. Что представляют собой ее военизированные формирования? Где гарантии исполнения?

Недостаточно принять обязательство о проведении взаимной консультации в случае нарушения конвенции. Германия должна вернуться в Лигу наций. «Что бы ни говорилось и ни предпринималось против нее, Лига наций остается единственной организацией, способной дать коллективную гарантию мира. Правительство республики сохраняет свою верность этой организации… Оно не может согласиться ни с одним проектом, усиливающим разоружение Франции и в то же время представляющим Германии немедленную и практически неограниченную легализацию *перевооружения, уже сейчас проводимого ею в нарушение договоров».*

Маршал Петен сообщил нам следующие данные о вооруженных силах Германии: рейхсвер – 200 тысяч человек (с тенденцией к 300 тысячам), в том числе 100 тысяч предусмотренных договорами; полиция – 200 тысяч человек; военизированные объединения – 600 тысяч человек (в том числе 250 тысяч пограничников). Итого – 1 *миллион человек.* Необходимо добавить к этой цифре 700 тысяч обучаемых резервистов, 800 тысяч человек, недавно начавших воинское обучение, и 1400 тысяч бывших фронтовиков. Германия имеет 1200 орудий и мортир и расширяет свой моторный парк. Сделав ряд замечаний по ноте Барту, я попросил подчеркнуть, что вооружение Германии является реальным фактом, в то время как Франция провела частичное разоружение. Мои замечания были поддержаны и дополнены Тардье. Вместе с Барту мы втроем должны будем окончательно выработать ноту.

Франсуа-Понсэ прислал нам справку о гитлеровской системе образования, составленную директором французского академического учреждения в Берлине г-ном Анри Журданом. Воспитание молодежи играет существенную роль в Третьей империи. «Вы можете сопротивляться мне, – воскликнул Гитлер накануне плебисцита 12 ноября, выступая перед рабочими заводов Сименса, – но ваши сыновья будут принадлежать мне». Педагогика национал-социализма резко отличается от старой системы образования с ее индивидуализмом, гуманизмом и либерализмом; она возвращается к прусской доктрине традиций и включает в себя физический труд. Рядом с нами поднимается фанатический Лакедемон[148], и весьма прискорбно, что наша пресса столь поверхностно пишет о нем. По мнению г-на Анри Журдана, целью гитлеровского догматизма является сформирование нового типа человека, новой идеологии, исходная догма которой – идея расы. Германское общество представляется как физический факт, как результат некоего предначертания; государство является лишь карающей десницей германской нации

(Volkstum), которая включает 60 миллионов имперских и 40 миллионов зарубежных немцев. Эта раса должна сохранить свою чистоту, мужественность и героизм; воспитание должно главенствовать над образованием; школа подчиняется партийным формированиям. Ректор университета во Франкфурте (на Майне) Эрнст Криг и профессор философии Берлинского университета Альфред Беймлер работают над комментариями к «Майн кампф», которая стала новой библией. Криг заявляет, что эпоха чистого разума отошла в прошлое.

Ланжерон назначен префектом полиции. Тардье и Лаваль хлопочут за Кьяппа, однако более умеренно. Думерг ставит ему в упрек то, что он предъявил, как он выразился, «ультиматум».

21 марта. Страсти не успокаиваются. Всевозможные инциденты, дела шпионов, деятельность комиссии по расследованию и пресса настолько лихорадят атмосферу, что можно лишиться рассудка. Пьетри весьма тонко заметил: «Конечно, нужно сделать все возможное, чтобы разыскать убийц Пренса; но необходимо также, чтобы они понравились публике». Преступление это или самоубийство?

18 марта Жермен Мартен представил нам пространный доклад о положении финансов и о бюджете; он требует мероприятий по экономии средств. На заседании совета кабинета 22 марта он снова настаивал на том, что финансовое положение тяжелое. Петен сообщил нам новые данные о перевооружении Германии. *По сведениям Денэна, промышленность Германии выпускает 45 самолетов в месяц, то есть в два раза больше, чем мы (мы выпускаем в месяц 23 самолета).* На заседании совета в четверг, 29 марта, Барту познакомил нас с результатами своей поездки в Бельгию. В оправдание своей речи Броквиль сослался на ряд малоприемлемых, можно сказать, несерьезных внутриполитических соображений. В коммюнике Гиманса и Барту осуждается гонка вооружений и выдвигается требование конвенции. Выступив по вопросу о бюджетном дефиците, исчисляемом им в 4 миллиарда франков, Жермен Мартен потребовал сократить бюджетные ассигнования на 627 миллионов, в том числе 300 миллионов по линии министерства обороны, обложить налогом государственных служащих и аннулировать льготы, предоставленные ранее служащим, получающим менее 15 тысяч франков в год. В целом эти мероприятия должны сэкономить 2585 миллионов франков. 1 мая необходимо выплатить 1 миллиард. Ряд министров выступает с предложением разработать программу национальной технической реконструкции. Правительство дало согласие на проведение в Париже в 1937 году Всемирной выставки.

Утром в четверг, 29 марта, совет собрался на свое последнее заседание перед короткими пасхальными каникулами. Шерон представил нам свой декрет о торговле оружием, сообщив, что он отдал приказ генеральным прокурорам взять это дело под свой контроль ввиду серьезной тревоги, охватившей общественность, а также указал на необходимость пересмотреть закон об индивидуальной свободе, принятый в феврале 1933 года, с тем чтобы хотя бы частично восстановить статью 10. Он предложил разработать конкретные меры наказания за опубликование ложных новостей.

Барту в нескольких словах рассказал о предложениях России, но только в том, что касалось Лиги наций. К моему сожалению, он, по-видимому, пока не заинтересовался проектом договора о взаимопомощи, по поводу которого заменивший больного Довгалевского Розенберг сообщил мне ряд конкретных и, на мой взгляд, обнадеживающих сведений. По-моему, при хаотическом состоянии нынешней международной обстановки такое соглашение явилось бы наилучшей гарантией безопасности Франции. Что касается Италии, то Шамбрен внушает Барту иллюзии, которые я отнюдь не разделяю. Британское правительство просит ответить, сможем ли мы поддержать британский меморандум, если будет достигнуто соглашение *о гарантиях выполнения.* Оно просит уточнить: готова ли Франция в случае удовлетворения ее требований принять германские поправки к британскому меморандуму от 29 января при условии, что эти «поправки будут по возможности сведены к более скромному уровню»? Французское правительство еще 5 декабря 1933 года вручило Гендерсону ноту по поводу гарантий выполнения. Мы не можем дать ответ в 24 часа, как этого требует Англия.

Вновь вернулись к вопросу о декретах по экономии. Шерон и Марке не скрывают своей антипатии друг к другу. Битва вокруг дела Ставиского не утихает. «Эко де Пари» 4 апреля снова напала на партию радикалов. Перемирие продолжается! Зачем только я впутался в эту историю! 3 апреля муниципальный совет Лиона единогласно принял по моему предложению резолюцию о своей приверженности закону 1884 года и «республиканским институтам, посягательства на которые являются недопустимыми».

В среду, 4 апреля, в 16 часов состоялось важное заседание совета министров по вопросу о 14 декретах экономии, пространные объяснения к которым представил Жермен Мартен. Он учел сделанные Берто и мною замечания по поводу служащих, получающих низкие пенсии. При обсуждении вопроса о пособиях

по многодетности Жермен Мартен заявил: «Самый тяжелый налог – это дети». Марке попросил созвать до 15 апреля комиссию министров для подготовки программы национальной технической реконструкции. Фланден сообщил, что его министерство уже провело подготовительную работу. Жермен Мартен просил до выпуска консолидационного займа ничего не сообщать об этом мероприятии. Предложенные им проекты были приняты с небольшими частными поправками. Сумма дефицита была определена в 4 миллиарда. Численность государственных служащих будет сокращена на 10 процентов путем упразднения ряда должностей. Вместо ранее установленных вычетов будут введены единые пятипроцентные вычеты из окладов низкооплачиваемых и десятипроцентные – из окладов высокооплачиваемых служащих.

6 апреля. Первые сведения о реакции общественности на опубликованные декреты довольно благоприятны. Барту изложил различные варианты решения вопроса о разоружении: 1. Разоружаются все государства. Это тезис Гендерсона, с которым Франция согласна, однако шансов на успех мало. 2. Франция разоружается, Германия перевооружается. Это английский тезис, который мы отклоняем. 3. Франция не разоружается и отказывается легализировать перевооружение Германии. Это будет означать гонку вооружений. 4. Франция не разоружается, а Германия частично перевооружается. С этим тезисом сейчас согласны Англия, Италия и Бельгия.

«Сегодня, – заявил нам Барту, – мы должны только ответить на английскую ноту о гарантиях исполнения. Принимает ли французское правительство британский меморандум в качестве основы конвенции? Лорд Тирелл утверждал, что фактически речь идет не о перевооружении, так как Германия собирается ввести краткосрочную службу. Он подчеркнул, что идея гарантий выполнения завоевала в Великобритании большую популярность. Между тем, судя по поступившей от Франсуа-Понсэ информации, в 1934 году германский бюджет увеличится более чем на 2 миллиарда франков. Значительные средства ассигнованы на *штурмовиков* и *«отряды трудовой повинности»*[149]. Объяснения германской прессы поэтому поводу выглядят весьма неубедительно. В дополнительном бюджете на общественные работы предусмотрены, *по-видимому,* скрытые кредиты. Таким образом, Англия фактически предлагает пойти на коренное изменение принципов Женевской конференции, ибо, что бы она ни утверждала, она соглашается на перевооружение Германии. Барту предложил подождать с окончательным решением и ответом Лондону, сославшись на Генеральную комиссию и

Гендерсона. Затем он зачитал нам резюмированную выше английскую ноту от 28 марта о гарантиях выполнения и предложил обсудить принципиальный ответ, подготовленный им на тот случай, если проблема разоружения будет решена либо путем заключения всеобщей конвенции, либо путем перевооружения Германии. Новая конвенция противоречила бы принципам, которых до сих пор придерживалась конференция по разоружению. Только Генеральная комиссия имела бы право пересмотреть свои принципы. Поэтому Франции необходимо выяснить ряд вопросов. Резервируя права Генеральной комиссии, она готова провести с Великобританией обмен мнениями. В настоящее время французское правительство не в состоянии дать окончательный ответ по вопросу о гарантиях выполнения. Оно сможет сделать это через несколько дней. Оно не хочет затруднять работу конференции по разоружению.

В итоге мы отказывались дать ответ на поставленный Англией конкретный вопрос и принять январский меморандум Великобритании в качестве основы для дискуссии, потому что в конечном счете он совпадал с германской нотой. «На нынешнем этапе переговоров, – писал Барту 6 апреля, – правительство республики не может принять меморандум Соединенного Королевства от 29 января с последовавшими изменениями в качестве основы конвенции, которая включала бы новые гарантии исполнения. Наше согласие на это имело бы слишком общий и поэтому двусмысленный характер и не учитывало бы слишком многих вопросов технического и политического порядка, которые еще ожидают своего разрешения и которые недостаточно поставить, чтобы решить их». Образуется порочный круг. Конференция по разоружению передала стоящие перед ней проблемы на рассмотрение держав – участниц конференции; эти же последние ссылались на конференцию по разоружению. Я всегда считал, что иначе и быть не может, после того как отказ от протокола подорвал всю систему безопасности, являющуюся непременной основой любой системы разоружения.

Заседание совета министров 10 апреля. Декреты об экономии вызвали меньше трудностей, чем можно было опасаться, Думерг, Петен и Риволле приняли делегацию бывших фронтовиков, заявивших о своей готовности пойти на новые жертвы; в их настроении произошли значительные сдвиги. 24 мая соберется Генеральная комиссия по разоружению; решение об этом было принято после переговоров между Гендерсоном и Барту.

Английское правительство обратилось с нотой к правительству Германии, в которой заявило о своей «весьма серьезной озабоченности» в связи с увеличением военных

расходов Германии. Оно хотело бы знать, не имеет ли Германия намерений нарушить Версальский договор. Эта нота соответствует заявлениям, сделанным в палате общин сэром Джоном Саймоном в ответ на запросы г-на Бутби и генерала Спирса. 10 апреля сэр Джон Саймон запросил нашего посла Корбена об ответе французского правительства по поводу гарантий выполнения.

Сближение с Россией опять откладывается. Премьер-министр, по-видимому, не торопится с этим делом. Барту, кажется, относится к этому сближению без враждебности, однако придерживается тактики оттяжек. «Прежде чем принять решение, необходимо проконсультироваться с Румынией, Италией и т. д…» По-видимому, существует чье-то скрытое противодействие. Я убедился в этом по окончании заседания, беседуя с Тардье и Марке. Тардье благожелательно настроен в отношении Японии. Что касается Марке, то его враждебность объясняется, очевидно, внутриполитическими соображениями, его вновь проявляющимся *антимарксизмом.* К тому же он не считает Красную Армию серьезной силой на *международной арене.*

13 апреля я впервые председательствовал вместо Пенлеве на заседании руководящего совета дирекции Института культурного сотрудничества, где встретился с профессором Оксфордского университета Гилбертом Мэрреем и бывшим министром юстиции Италии, ректором Римского университета и редактором фашистского уголовного кодекса Рокко.

На заседании совета министров 14 апреля Барту подтвердил, что позиция Польши вызывает большую тревогу, особенно в отношении Чехословакии. Жермен Мартен зачитал нам свой доклад президенту республики относительно последней части *чрезвычайных декретов* и дефляционной политики правительства.

В субботу, 14 апреля, в Доме инвалидов я председательствовал на заседании комиссии, которой было поручено изучить вопрос об эвентуальном разоружении Франции. Думерг попросил меня и Тардье поочередно руководить работой этой комиссии. Барту ни разу со мной об этом не говорил. Условия нашей работы были весьма неопределенны. В связи с тем что события этой эпохи или остались неизвестны или же были извращены, мне представляется необходимым процитировать подлинные документы.

6 апреля 1934 года Барту писал Думергу:

> «Вручение английскому посольству вербальной ноты, содержание которой было одобрено советом министров, предполагает, что мы в ближайшее время

направим британскому правительству два других документа: один – относительно уточнений, которые нас просят сделать по поводу гарантий выполнения обязательств по сокращению вооружений; второй – с просьбой дать необходимые разъяснения о предполагаемой системе ограничения вооружений с тем, чтобы мы могли со знанием дела судить об этой системе.

Поскольку политический вопрос о *гарантиях выполнения* был поставлен по инициативе Франции, я полагаю, что мы должны немедленно разработать концепцию нашей системы, принципы которой были изложены в нашем обращении от 5 декабря прошлого года к председателю конференции по разоружению, В связи с этим я направляю вам, а также моим коллегам-министрам – военному, военно-морского флота и авиации – вместе с данным письмом проект такой разработки, обсуждение которого, если вы сочтете это необходимым, можно было бы провести на одном из ближайших заседаний правительства.

С другой стороны, прежде чем переговоры вступят в стадию технического уточнения предлагаемой системы ограничения вооружений, мне представляется необходимым, изучив имеющиеся у нас сведения о требованиях Германии и о предложениях Англии, наметить, хотя бы в общих чертах, решение, отвечающее интересам нашей национальной обороны и новой ситуации, сложившейся в результате последних переговоров. По вашему указанию Секретариат национальной обороны уже начал работу по сбору необходимой документации. Мне кажется, что настало время предложить Исследовательской комиссии национальной обороны изучить технические вопросы, связанные с переговорами, самые главные и неотложные из которых, по моему мнению, могли бы быть сформулированы следующим образом:

а) В том случае, если ограничение вооружений будет дополнено гарантиями выполнения, которые французское правительство сочтет достаточно действенными, то

1. На каких взаимных условиях ограничения и

контроля сможем мы согласиться на новый уровень вооружений, требуемый Германией, и на предлагаемое ею решение вопроса о военизированных формированиях и какие поправки следует внести в требования и предложения Германии?

2. На каких взаимных условиях ограничения и контроля и, в частности, на каких количественных ограничениях могли бы мы согласиться на сохранение статус-кво наших вооружений в течение нескольких лет?

б) Рассмотрение программы сокращения вооружений, сформулированной в британском меморандуме от 29 января, а также изменений, необходимость внесения которых в программу вызвана тем новым обстоятельством, что на нынешнем этапе переговоров не было выдвинуто требований о каком бы то ни было сокращении вооружений до истечения вышеупомянутого периода сохранения статус-кво.

Таковы вопросы, которые, если вы разделяете мою точку зрения, следовало бы представить генералу Жаме для немедленного изучения совместно со всеми заинтересованными ведомствами. Работа эта должна быть проведена Исследовательской комиссией национальной обороны как можно быстр ее с тем, чтобы, не предвосхищая дальнейших обсуждений в Комитете национальной обороны или в Высшем совете национальной обороны, я как можно скорее получил возможность компетентно руководить работой моего министерства в ходе предстоящих переговоров. Эти вопросы рассматривались сегодня утром на заседании совета министров.

Луи Барту».

Специальная комиссия провела два заседания – 14 и 17 апреля. 14 апреля генерал Вейган вручил нам следующую докладную записку:

«В связи с тем, что Исследовательская комиссия Высшего совета национальной обороны получила задание изучить исключительно технические условия проекта конвенции, генерал Вейган просит принять к сведению следующее заявление:

Генеральный штаб по указанию правительства рассмотрел вопрос об условиях конвенции и составил проект этих условий; однако это отнюдь не означает, что верховное командование считает приемлемой конвенцию, учитывающую эти условия или признающую их.

Верховное командование считает:

1) Что сама по себе эта конвенция технического порядка

– санкционирует нарушение Германией военных статей мирного договора, нарушения, на которые мы неоднократно указывали;

– предоставляет юридическую санкцию перевооружению Германии;

– ликвидирует исключительно важную статью мирных договоров и тем самым наносит им решительный удар и, следовательно, таит в себе угрозу для нашей национальной обороны.

2) В связи с этим такая конвенция технического порядка не может рассматриваться отдельно от вопроса об обеспечении гарантий».

Обычно считают, что нота от 17 апреля 1934 года оказала решающее влияние на историю отношений Франции с гитлеровской Германией. Однако французская и иностранная общественность была недостаточно или плохо информирована о происхождении этого документа и о его характере. Этот эпизод с наибольшей полнотой и точностью был изложен Андре Франсуа-Понсэ в недавно опубликованных «Воспоминаниях посла» (в Берлине). Надеюсь, что он не будет возражать, если сведения, почерпнутые им на посту посла, должность которого он так замечательно исполнял, будут дополнены, а в ряде случаев оспариваемы мною на основании данных, имеющихся у меня, как у члена тогдашнего правительства. Весьма интересно как можно лучше осветить это важнейшее событие предвоенного периода, возвращаясь по необходимости к его различным эпизодам.

I. Германский меморандум от 19 января 1934 года

Андре Франсуа-Понсэ рассказывает, что после выхода Германии из Лиги наций Гитлер заявил о своем желании вести прямые переговоры с Францией по поводу разоружения. 24 ноября 1933 года в присутствии Нейрата он уточнил свое намерение договориться об ограничении вооружений. Он требовал для Германии трехсоттысячной армии, основанной на всеобщей воинской повинности и краткосрочной службе и подчиненной международному контролю; он предлагал заключить ряд пактов о ненападении; он предлагал нам совместную эксплуатацию Саара. Однако, несмотря на просьбу нашего посла, Гитлер отказался изменить те места в «Майн кампф», в которых содержались нападки на Францию. 11 декабря состоялась новая встреча канцлера с Андре Франсуа-Понсэ, в ходе которой наш посол попросил сделать ряд уточнений. Он дважды вручал Гитлеру памятные записки; правительство рейха ответило на них двумя нотами.

В начале января 1934 года Италия поддержала германское требование ограниченного перевооружения. В меморандуме Великобритании от 29 января была предпринята попытка примирить, или, вернее, сочетать, противоположные точки зрения.

Таково было положение, когда после драматических событий 6 февраля к власти пришел кабинет Думерга. Я и Андре Тардье вошли в правительство в качестве государственных министров. В субботу вечером, 10 февраля, в министерстве иностранных дел состоялось первое заседание совета кабинета. После рассмотрения внутренних трудностей (хорошо известно, насколько они были серьезны) Барту зачитал нам текст своего письма Гендерсону, в котором подтверждалась позиция предшествующих правительств Франции относительно необходимости контролируемого поэтапного сокращения вооружения при условии обеспечения безопасности. В этот период мы испытывали большие трудности в торговле с Англией. 12 февраля Барту информировал нас о положении в Австрии. Дольфус обратился за поддержкой в Лигу наций. Италия прислала туманный ответ, который с очевидностью свидетельствовал о ее сговоре с Германией. Франция поддержала демарш Дольфуса и подтвердила неизменность своей политики в защиту независимости Австрии.

Барту ознакомил нас также с подготовленным им ответом на германский меморандум от 19 января. Его нота подтверждала нашу позицию в вопросе о сокращении вооружений, требовала уточнений по поводу предлагаемой системы контроля и связи предложенных пактов о ненападении с Локарнскими соглашениями. Французское правительство указывало на недостатки германского меморандума, подчеркивало трудности двусторонних переговоров и выражало пожелание начать всеобщие переговоры с целью выработки общего соглашения. Были уточнены разногласия по вопросу о численности вооруженных сил. Мы хотели, чтобы учитывались военизированные формирования, по поводу которых Гитлер сообщил весьма неясные и, по-видимому, ложные сведения. Вместе с Тардье я предложил дополнительно упомянуть об уровне германских вооружений на тот период и о необходимости контроля.

В субботу утром, 17 февраля, на Кэ д'Орсе состоялось совещание, посвященное предстоящему визиту Идена (присутствовали Думерг, Барту, Тардье, Петен, Пьетри, Денэн, Леже, Массигли и я). Обсуждался вопрос о том, какую позицию следует занять по отношению к британскому меморандуму от 29 января. В этом документе говорилось о *«заключении конвенции, предусматривающей отказ наиболее сильных в военном отношении держав* (в том числе Франции) *от некоторых видов вооружения».* Германия получила бы возможность осуществить *немедленное, но лишь частичное перевооружение:* артиллерия и танки, но без авиации. Британский меморандум был, с нашей точки зрения, весьма неудовлетворительным в том, что касалось военизированных формирований. Италия предлагала сохранить *статус-кво* для наиболее сильных в военном отношении держав и удовлетворить требования Германии, не учитывая наличия этих формирований.

Было решено, что нам следует занять позицию, обеспечивающую свободу действий, и дожидаться, как предлагал сам Иден, результатов его поездки в Рим и в Берлин. Обсуждение принимало острый характер, и чувствовалось, что будет необходимо принять серьезные решения. Петен сообщил, что в настоящее время Германия располагает вместе с войсками, находящимися под ружьем, и прошедшими военную подготовку резервистами армией в 840 тысяч человек. Денэн полагал, что ей достаточно будет трех месяцев, чтобы создать авиацию, равную по силе нашей авиации. Альфан пишет мне из Москвы, что Советы считают нежелательным ослабление Франции как путем разоружения сверх установленного нашим военным

командованием уровня, так и путем разрешения перевооружения Германии. Я не нахожу более той политики, к осуществлению которой я стремился. Лигой наций, которая оставалась нам верной, когда предпринимались опасные для нас соглашения с Германией, явно пренебрегают. С момента заключения пакта четырех был потерян правильный курс.

II. Разоружение и перевооружение

За последние четыре месяца эта проблема рассматривалась исключительно дипломатическим путем; этот метод не имел успеха[150], и заключить какое-либо соглашение не удалось; правда, переговоры способствовали прояснению ситуации.

III. Советы вступают в Лигу наций

Я по-прежнему стою за политику сближения с Россией. По моему мнению, это является для нас лучшей гарантией.

IV. Нота Барту от 17 марта

13 марта германское правительство вручило нашему послу меморандум в качестве ответа на нашу памятную записку от 14 февраля. По мнению Франсуа-Понсэ *(«Souvenirs»,* p. 173), Гитлер не «пришел в ярость» при получении нашей ноты. Он рассчитывает на поддержку англичан и итальянцев. «Дискуссия вылилась в топтание на месте, и с мертвой точки сойти не удалось».

Я уже говорил, каким образом совет министров занимался рассмотрением этого важного внешнеполитического вопроса.

Нота от 17 марта является очень сильным документом. В ней вновь указывалось, что Франция придала организации своих вооруженных сил исключительно оборонительный характер, при котором запас не играет непосредственной роли, что она не отказывается пойти на уступки, если будет обеспечена ее безопасность. Но Германия вышла из Лиги наций; уровень ее вооружений значительно превысил уровень, установленный существующими договорами. Не постигнет ли новую конвенцию участь военных статей мирных договоров? На каждую новую уступку Германия отвечает новыми требованиями. Что представляют собой ее военизированные формирования? Где гарантии выполнения? Недостаточно принять обязательство о проведении консультаций в случае нарушения конвенции.

V. Конференция в Доме инвалидов (14 и 17 апреля)

Командование вооруженных сил заявило, что поставленные перед ним технические вопросы не могут рассматриваться изолированно, так как они тесно связаны с политическими проблемами.

Исходя из этого, 17 апреля Тардье и я в полном согласии составили письмо Думергу, в котором, оговаривая право Высшего совета национальной обороны обсудить этот вопрос, требовали гарантий выполнения и предлагали правительству самому принимать решение по определенным вопросам; из-за отсутствия данных мы не касались проблем, относящихся к военно-морскому флоту и авиации. Комиссия не сочла возможным указать цифровые данные эвентуального сокращения французской армии. Тардье и я просили разрешения изложить наше особое мнение по ряду принципиальных вопросов, отклоненных комиссией.

Сделав эти оговорки, мы изложили ответы специальной комиссии на вопросы, сформулированные Барту в его письме от 6 апреля. Только само правительство может высказать свое мнение по поводу гарантий выполнения. В случае если Германии разрешат тот уровень вооружений, который она требует, комиссия предлагала принять ряд мер.

VI. Нота от 17 апреля

Этот документ был подписан Тардье и мной. Но когда 17 апреля мы явились на заседание совета министров, Барту сообщил нам, что наша работа оказалась бесполезной в связи с решением, которое он принял в согласии с председателем совета министров. Когда все собрались, он ознакомил нас с содержанием известной ноты от 17 апреля.

Зачитав ее, Барту заявил нам, что за последние 40 лет он ни разу не был так обеспокоен. Чего бы ни стоил нам этот ответ, он становился необходимым после ознакомления с германским бюджетом. «Совершенно очевидно, – пишет Франсуа-Понсэ (р. 174), – что, если бы конвенция, разрешающая рейху ограниченное и контролируемое международной организацией перевооружение, не была достигнута, Гитлер счел бы себя свободным от всех обязательств, вытекающих из Версальского договора, и стал бы осуществлять перевооружение по своему усмотрению, без ограничения и без контроля, при восторженном одобрении своего народа». Но с какой международной организацией стала бы считаться страна, которая только что вышла из Лиги наций? Разве Версальский договор не был уже нарушен? Разве военизированные формирования, искусно замаскированные Гитлером, не были зародышем его эсэсовских войск, которые, как мы убедились во время последней войны, превзошли в жестокости традиционную германскую армию. *Фактически Гитлер поставил перед союзниками проблему, которую он уже заранее решил.* Могли ли две державы осуществлять за ним контроль и санкционировать его действия? Можно ли было доверять «конвенции, им признанной и подписанной»? Я удивлен, что Франсуа-Понсэ считает Барту сторонником этой конвенции. Правда, прежде чем принять столь серьезное решение, Барту должен был в течение некоторого времени испытывать сомнения. Однако мне кажется невероятным, чтобы министр, позицию которого на различных этапах кризиса я только что осветил, мог отказаться накануне решающего заседания совета министров от своих убеждений из-за доклада двух государственных министров, являвшегося в конечном счете лишь информационным документом, не содержавшего никаких политических выводов и оставлявшего за правительством полную свободу действий.

Нота от 17 апреля была единогласно одобрена советом министров.

Ни на единое мгновение у меня не возникало чувства, что

Францию «можно упрекнуть в срыве конференции» и что она позволила Гитлеру перевооружаться. Он перевооружался без нашего разрешения. Не могло быть и речи о том, чтобы навязать ему контроль по международной конвенции, от участия в которой он уже уклонился. Контрольный орган? Какой? Кто мог обеспечить этот контроль?

«Нота от 17 апреля, – пишет Франсуа-Понсэ, – имела, во всяком случае, тот недостаток, что она выставляла нас в качестве виновников провала конференции, в то время как истинным виновником был гитлеровский режим». Конференция? Германия ушла с нее. 27 апреля в Берлине выступил Нейрат, который подчеркнул добрую волю рейха, противопоставив ее непримиримости Франции, но, отмечал Франсуа-Понсэ, в этом же выступлении «он утверждал, что независимо от результатов начатых, переговоров Германия уже приступила к созданию своей новой армии». Следовательно, сам Нейрат оправдывал нас. 18 апреля я принял Титулеску; он энергично поддерживал французскую ноту и мою идею сближения с Россией, что, по моему убеждению, должно было явиться необходимым завершением событий. По этому поводу он сообщил мне о враждебной позиции царя Бориса по отношению к Франции. «Имеется два опасных интернационала, – сказал он шутя, – интернационал международных спальных вагонов и интернационал королей». В Англии «Дейли экспресс» от 14 апреля опубликовала весьма интересную статью, доказывавшую, что Германия создает армию в 4 миллиона человек. В ней говорилось об организации трудовых лагерей, на которые рейх выделял ежегодно 15 миллионов фунтов стерлингов по статье «*Общая финансовая администрация*». В экзаменационную программу этих лагерей включены стрельба из мелкокалиберкой винтовки, строевая подготовка, топография, полевые занятия. 4 миллиона молодых людей проходят эту подготовку. 13 миллионов фунтов стерлингов были выделены на реорганизацию ПВО и на создание специального комиссариата авиации. 17 апреля Бенеш прислал мне из Праги тревожное письмо.

Что касается меня, то я принял окончательное решение. Замечательные доклады Франсуа-Понсэ очень помогли мне в этом. 19 числа на заседании совета министров Петен, которому была известна моя точка зрения, ознакомил меня с докладом полковника Мандра, нашего военного атташе в Москве, исключительно благоприятно отзывавшегося о Красной Армии и определенно высказывавшегося за франко-русское сближение. Сообщенные им сведения соответствовали моим впечатлениям от прошлогоднего пребывания в Советском Союзе. Розенберг, с

которым я встретился 21 числа, явно одобряет французскую ноту; он очень доволен результатами своих последних переговоров с Барту. Я стараюсь как можно лучше разобраться в создавшемся положении. Гитлер принял решение; он уже полным ходом осуществляет свою программу; его маневры – лишь хитрость и ложь. Именно с помощью России Великобритания и Франция должны стремиться обеспечить безопасность малых государств Европы и свою собственную. Немой язык карты убедительнее всяких слов.

Бенеш пишет мне из Праги 17 апреля 1934 года:

> «Мне не удалось повидаться с вами во время моего недолгого пребывания в Париже, когда я возвращался из Лондона в марте месяце. Я мог бы рассказать вам об определенной эволюции умов в Англии, эволюции, которая с той поры в значительной степени усилилась. Но тем не менее я не знаю, достаточно ли этого, чтобы мы допустили возможность перевооружения Германии. Все, что я видел в Женеве, свидетельствует скорее о том, что англичане все еще колеблются и что потребуется еще много усилий, чтобы убедить их занять правильную позицию. Наше сражение в Центральной Европе продолжается. Аншлюс в данный момент провалился; агитация, конечно, возобновится; но сейчас поражение первой крупной попытки Гитлера неоспоримо. Я внимательно слежу за последними маневрами итальянцев и вместе с Парижем буду всеми силами стремиться направить все по верному пути; и в конечном итоге, несмотря на трудности, я надеюсь, что можно будет избежать серьезных событий. Но сражение будет упорным. Положение демократии в Центральной Европе плачевно. Наша *«Splendid isolation» («блестящая изоляция»)* среди диктаторов полностью завершена. Положение это весьма неудобно. Но мы не уступим; я продолжаю идти своим путем и в этом отношении в общем спокоен. Мы еще будем свидетелями, и, возможно, раньше, чем некоторые думают, лучших дней для демократов. *Но нам нужна сильная Франция,* по-прежнему бдительная и уверенно стоящая во главе наших демократий, верная принципам решимости и умеренности, порядка и твердости. Без этого Европа погибнет. Я знаю, что вы согласны со мной и что в этом отношении я могу рассчитывать на вас, так же как вы можете рассчитывать на меня. Национальное единство

Франции является для нас в настоящее время насущной необходимостью».

В мерах, предлагавшихся командованием, проводилось различие между гарантиями «выполнения» и «гарантиями безопасности». «Так как в основе гарантий выполнения лежит контроль, командование считает необходимым, учитывая опыт, приобретенный после победы, то есть при благоприятных условиях, которые больше не повторятся, а также результаты недавнего тщательного изучения этого вопроса, высказать следующее мнение о контроле: либо контроль не будет действенным – и тогда его сочтут приемлемым; либо он будет стремиться выполнить возложенную на него задачу – и тогда он явится источником неразрешимых и опасных конфликтов. Фактически конвенция узаконила бы неограниченное перевооружение Германии.

В связи с этим командование считает, что опасность, которой чреваты технические пункты конвенции, должна быть уравновешена предварительным получением предельно четких, действенных, быстро осуществимых гарантий безопасности.

Этим оно лишь повторяет свою точку зрения, изложенную на заседании Высшего комитета 8 марта 1934 года и записанную в протоколе этого заседания.

Оно просит разрешения добавить, что, по его мнению, при создавшейся в настоящее время обстановке единственно действенной гарантией безопасности Франции будет *предварительное обязательство* Англии выступить на ее стороне, если Германия снова попытается разжечь» войну в Европе».

17 апреля Тардье и я направили следующее письмо Думергу:

«Господин председатель,

разрешите направить вам выводы специальной комиссии, руководство которой вы нам поручили. Комиссия провела два заседания: 14 и 17 апреля.

Согласно вашим инструкциям, комиссия не стала *«предвосхищать дальнейших обсуждений в Комитете национальной обороны или в Высшем совете национальной обороны всей или части проблемы ограничения вооружений».* Согласно этим указаниям, она исходила в своей работе из *«гипотезы, что это ограничение будет сопровождаться достаточно действенными, с точки зрения французского правительства, гарантиями выполнения».*

Таким образом, рамки, которыми комиссия ограничила свою работу, не позволили ей изложить свое мнение относительно возможности юридического и фактического согласия на перевооружение Германии, а также высказаться по существу гарантий выполнения конвенции, выработанной на этой основе.

Она пришла к выводу, что инструкции правительства резервировали за самим правительством право высказать окончательное, мнение как по первому, так и по второму вопросу (принцип перевооружения Германии; характер и эффективность гарантий выполнения конвенции; связь этих гарантий выполнения с гарантиями безопасности, определенными Уставом 1919 года[151], различными предложениями, внесенными от имени Франции в Женеве, доктриной Высшего совета национальной обороны и последними французскими нотами от 10 февраля, 17 марта и 6 апреля 1934 года).

В связи с этим комиссия воздержалась от ответа на III часть (стр. 4) ваших инструкций, которая касается вопроса о контроле и не может рассматриваться в отрыве от гарантий выполнения, рассматриваемых в этих инструкциях как приемлемые. Обе проблемы взаимосвязаны и могут быть решены лишь самим правительством.

Комиссия не сочла также своей задачей представить, хотя бы предположительные, сравнительные цифровые данные по военно-морскому флоту и авиации. С одной стороны, опубликованные в Англии и в Германии документы не дают достаточного материала для такого сравнения. С другой стороны, ввиду того, что в скором времени, в 1935 году, состоится конференция о морских вооружениях, комиссия сочла целесообразным связать рассмотрение этого вопроса с решениями правительства о взаимозависимости различных родов вооружения и о той позиции, которую следует занять по отношению к Вашингтонскому договору.

Наконец, комиссия пришла к выводу, что она не может представить в соответствии с V частью (стр. 4) правительственных инструкций цифровые данные об

эвентуальном сокращении французских вооружений. Данные, которыми она располагала, позволили ей, притом чисто предположительно, лишь рассмотреть систему ограничений, упомянутую в первых четырех параграфах ваших инструкций.

Мы просим, г-н председатель, вашего разрешения приложить к заключениям комиссии, которые мы имеем честь вам направить, наше особое мнение по принципиальным вопросам, которые комиссия должна была исключить из своего обсуждения.

Примите, г-н председатель, заверение в нашем глубоком почтении и преданности.

Подписано: *Тардье, Эррио».*

* * *

Затем следовали выводы специальной комиссии:

«I. Заседания специальной комиссии состоялись 14 и 17 апреля под председательством государственных министров, гг. Эррио и Тардье, и имели задачей подготовить ответ на вопросы, поставленные г-ном министром иностранных дел в его письме от 6 апреля сего года на имя г-на председателя совета министров.

Рассмотрев поставленные перед нею вопросы, комиссия констатировала, что данная проблема состоит из двух частей:

1. *Гарантии выполнения.* Комиссия считала, что целью ее работы не является обсуждение вопроса о гарантиях выполнения, рассмотрением которого должно заниматься само правительство, и ограничилась принятием к сведению прилагаемого ниже доклада генерала Вейгана по этому вопросу.

В связи с этим соображения, представленные военным министром по вопросу о контроле, не стали предметом изучения комиссии.

2. Установление *взаимных ограничений* вооруженных сил Германии и Франции, которые могли бы быть включены в конвенцию в соответствии с предложением г-на министра иностранных дел.

Изучив материалы, представленные военным, военно-морским, военно-воздушным ведомствами и министерством колоний, комиссия пришла к следующим выводам:

II. *Сухопутная армия.* В случае разрешения Германии установить тот уровень сухопутных войск, который она требует, необходимо предусмотреть следующие мероприятия:

Военизированные формирования. Желательно распустить военизированные формирования.

Если роспуска добиться не удастся, то для этих формирований должно быть предусмотрено запрещение военной и военно-воздушной подготовки в том случае, если будет установлено, что такое запрещение может быть действенным.

Ряд членов комиссии высказали мнение, что реформа, намечаемая в этом отношении канцлером Гитлером, не поддавалась бы контролю и вообще была бы неосуществимой.

Следовательно, решение поэтому вопросу должно быть принято самим правительством.

Допризывная подготовка. Прохождение всеобщей допризывной подготовки должно быть приравнено к трем месяцам действительной службы. Что касается добровольной допризывной подготовки, охватывающей относительно небольшое число лиц (как, например, в настоящее время во Франции), то сокращение следует производить в соответствии с правилами, установленными Женевским комитетом по численному составу войск. Всеобщая обязательная допризывная подготовка может распространяться лишь на лиц, достигших 18-летнего возраста, причем количество

проходящих ее не должно превышать 10 процентов числа лиц, подлежащих призыву.

Полиция. Сокращение общей численности германской, военизированной полиции, тем более что по своей численности она превосходит нашу мобильную гвардию (15 тысяч человек).

Реорганизация германской армии. Принятие мер, которые бы воспрепятствовали, по мере возможности, существованию в Германии одновременно профессиональной армии и армии, комплектуемой на основе всеобщей воинской повинности. Для этого можно предусмотреть порядок, указанный Женевским комитетом по численному составу войск (резолюция от 20-22 ноября 1933 года).

Численность французских вооруженных сил. В соответствии с ограничением численности германской армии до 300 тысяч человек установить численность французской сухопутной армии на уровне, предусмотренном меморандумом от 31 июля 1931 года, то есть ее средняя общая численность должна составлять 651 тысячу человек с возможным увеличением числа кадровых военнослужащих в пределах этой цифры. Указанная выше цифра будет включать и резервистов, количество которых, впрочем, будет ограничено рамками общей средней численности.

Общая продолжительность военной службы. Установить максимальный срок продолжительности военной службы в 27 месяцев, а минимальный – 15 месяцев, с учетом лагерных сборов запасников; при этом для каждого государства срок должен быть установлен в зависимости от его конкретных условий. Если возникнет необходимость предусмотреть менее продолжительный срок службы, то следует ограничить среднегодовой контингент.

Численность личного состава авиации и военно-морских сил. Ограничение численности личного состава авиации в соответствии с меморандумом от 31 июля 1931 года и численности личного состава военно-морских сил в соответствии с действующими

договорами.

Численность личного ссстава военно-морских сил береговой обороны. Не включать этот личный состав в общее число военнослужащих сухопутной армии. Если же этот личный состав должен учитываться вместе с сухопутной армией, то следует соответственно увеличить общую численность этой армии.

Техническая оснащенность сухопутной армии. Сохранение *статус-кво* технической оснащенности сухопутной армии Франции и ограничение технической оснащенности германской армии соответственно: для танков до 6 тонн и для полевой артиллерии до 150 мм, причем оснащение армии этими видами техники должно производиться лишь начиная с определенной даты.

III. *Авиация, военно-морские силы, взаимозависимость видов вооруженных сил.* Комиссия особо подчеркивает исключительную важность принципа взаимозависимости видов вооруженных сил (численность личного состава и техническая оснащенность) как для сохранения общего равновесия сил, так и для позиции, которой следует придерживаться во время предстоящих переговоров. В связи с этим она считает: a) что для сухопутной армии должны быть предусмотрены ограничения во изменение существующих договоров лишь в той мере, в какой авиация и военно-морские силы явятся объектом новых (по сравнению с существующими договорами) договорных обязательств; b) что в этом случае для авиации и военно-морских сил должны быть предусмотрены ограничения, соответствующие тем ограничениям, которые будут приняты для сухопутной армии; c) что же касается германской авиации, то для нее должна быть установлена максимальная грузоподъемность в 2 тонны (предпочтительно – 1700 кг). Количество германских самолетов должно быть по возможности сокращено и не должно ни в коем случае превышать половины численности французской истребительной, сторожевой и разведывательной авиации, базирующейся на территории метрополии.

IV. *Этапы и срок действия конвенции.* Большинство комиссии не считает целесообразным определять

заранее мероприятия (в частности, по вопросу о сокращении вооружений), которые могли бы быть осуществлены лишь после первого этапа действия конвенции. Что же касается срока действия конвенции, то было предусмотрено два решения: 1) продолжительный срок (примерно 10 лет), что в принципе было бы более предпочтительно, и 2) довольно короткий срок (например, 6 лет), охватывающий, во всяком случае, период наборов «оскудевших призывов»; это лучше, чем брать на себя заранее вторую серию обязательств, содержание которых трудно определить. Изучение новых мероприятий было бы отложено до даты, предшествующей истечению срока конвенции, в случае, если это окажется тогда необходимым.

V. *Нарушения.* Комиссия признала, что определение нарушений в статье 8 проекта конвенции, представленного подготовительной комиссией, и в статье 88 плана Макдональда было бы в достаточной мере приемлемо для Франции в том, что касается переходных мер, которые она должна будет принять во время периода призыва малочисленного контингента военных лет или при других исключительных обстоятельствах.

VI. *Война с применением химического, бактериологического оружия и специальных зажигательных средств.* Комиссия считает, что эти формы войны должны быть запрещены. Соответствующая подготовка также может быть запрещена, если будут предусмотрены немедленные репрессии в международном плане, формы которых были бы заранее установлены и обнародованы.

VII. *Воздушные бомбардировки.* Комиссия высказалась за запрещение воздушных бомбардировок, во всяком случае бомбардировок объектов, не имеющих военного значения, и признала, что это запрещение должно предусматривать, кроме того, меры, способные воспрепятствовать использованию гражданской авиации в военных целях.

VIII. *Ограничение военного производства.* Ограничение военного производства и импорта военных

материалов было бы необходимым, но лишь при условии наличия контроля и действенных санкций, определение характера которых не входит в компетенцию комиссии.

IX. *Ограничение общих расходов.* Это ограничение должно быть произведено в порядке мероприятий по контролю».

Во время обсуждения, проходившего 17 апреля, Барту сослался на свои предыдущие заявления и на свою ноту от 17 марта. Предлагалось два решения: 1) не проводить разоружения и не разрешать перевооружения Германии; 2) не проводить разоружения и легализировать перевооружение Германии. Барту изложил преимущества и недостатки этих двух решений. По его мнению и по мнению Думерга, основным фактом является увеличение германского бюджета; оно доказывает, что Германия совершенно не считается с происходящими переговорами. Германия как бы говорит: что бы там ни случилось, я перевооружаюсь. Ответ германского правительства Англии является малоудовлетворительным; он ничего не говорит о возможном возвращении в Лигу наций. Английское правительство намерено, по-видимому, завершить всю эту работу заключением конвенции, пусть даже неудовлетворительной. Даже по вопросу об авиации оно как будто расположено уступить ради достижения соглашения. Между тем бюджет рейха впервые предусматривал ассигнования на организацию гитлеровской армии.

Барту зачитал нам свою ноту. Необходимо привести ее здесь полностью. Она является ответом на британские ноты от 28 марта и 10 апреля.

«17 апреля 1934 года.

Своей вербальной нотой от 28 марта, дополненной сообщением министра иностранных дел от 10 апреля, британское правительство обратилось к правительству республики с просьбой сообщить ему, готово ли оно принять за основу конвенции по разоружению британский меморандум от 29 января сего года с изменениями, вытекающими из германского предложения, с содержанием которого г-н Иден ознакомил французское правительство 1 марта.

Британское правительство сформулировало этот вопрос исходя из предположения, что соглашение смогло

бы обеспечить гарантии выполнения конвенции. Оно желает, с другой стороны, узнать точку зрения французского правительства относительно характера этих гарантий.

В тот самый день, когда английский посол передал эту ноту, «Монитэр оффисьель дю рейх» опубликовал в Берлине бюджет, утвержденный германским правительством 22 марта, на 1933-1934 финансовый год. Изучение этого бюджета позволило совершенно точно установить, что на нужды военного, военно-морского министерства и министерства авиации расходы были увеличены на 352 миллиона марок.

Британское правительство в неменьшей степени, чем французское правительство, было обеспокоено значительным размером этого увеличения. Серьезность этого факта была подчеркнута демаршем, предпринятым послом Англии в Берлине перед министром иностранных дел рейха. Объяснения, которые он получил по этому поводу, явились не столько оправданием, сколько подтверждением.

И действительно, не дожидаясь результатов переговоров, германское правительство захотело показать свою решимость продолжать всестороннее перевооружение в тех рамках, которые только оно одно считает себя вправе устанавливать, и вопреки статьям договора, которые за неимением какой-либо другой конвенции продолжают определять статут ее вооруженных сил. Оно намерено в самое ближайшее время и в больших масштабах увеличить не только мощь своей армии, но также и мощь своего военно-морского флота и своей авиации. В связи с этим соседи Германии никак не могут недооценивать опасность, нависшую над ними в результате недавнего создания в демилитаризованной зоне многочисленных аэродромов, что также является нарушением договора. Одновременно с этим германское правительство не намерено упразднить или разоружить военизированные организации, стремясь еще больше приспособить их для военных целей. В доказательство этого достаточно ознакомиться со всеми невоенными статьями ее бюджета.

Какое бы объяснение ни пытались им дать постфактум, эти исключительно серьезные факты требуют совместного их изучения и совместных выводов.

Они доказывают, что правительство рейха, с умыслом или нет, сделало невозможным проведение переговоров, основу которых подорвали осуществленные им мероприятия.

Констатация этих фактов указывает правительству республики на его долг и определяет его ответ. Не дожидаясь даже возможности достижения соглашения о системе гарантий выполнения, достаточно эффективных, чтобы позволить подписать конвенцию, которая узаконила бы значительное перевооружение Германии, Франция должна прежде всего позаботиться об обеспечении условий своей собственной безопасности, которую она, впрочем, не отделяет от безопасности других заинтересованных держав.

Возвращение Германии в Лигу наций, из которой она так внезапно вышла, могло бы привести хотя бы к частичному разрешению этого вопроса. В своей ноте от 17 марта правительство республики заявило о своем согласии с британским правительством относительно необходимости рассматривать это предварительное возвращение Германии в сообщество государств как главное условие подписания конвенции по разоружению. После этого оно имело контакт со многими правительствами, которые, будучи также заинтересованы в этом, выражали аналогичную точку зрения. Присутствие Германии на женевской Ассамблее было бы не менее необходимым для выработки удовлетворительной системы гарантий выполнения. Но по этому основному вопросу г-н Иден не смог привезти из Берлина никакого благоприятного решения, и молчание, хранимое во время последних переговоров, не позволяет надеяться на лучшее.

Правительство республики не может отказаться в принципе от основного и необходимого условия, которое оно выдвинуло. Но еще в меньшей степени оно может взять на себя ответственность за последствия этого

отказа в столь опасное время, когда готовится и осуществляется перевооружение Германии вопреки всем переговорам, предпринятым согласно желанию самой Германии.

Уроки последней войны, ужасы которой Франция испытала на себе более, чем какое-либо другое государство, обязывают ее проявлять осторожность. Ее стремление к миру не должны смешивать с отказом от обороны. Она признательна британскому правительству за его дружеское желание выработать совместно с ней действенную систему гарантий выполнения конвенции по разоружению. Она сожалеет, что в результате посторонней инициативы внезапно оказались бесполезными переговоры, проводимые до этого обеими странами в атмосфере взаимопонимания и чистосердечия.

Конференции по разоружению следует возобновить свою работу, которая должна быть завершена; она должна возобновить ее с того самого этапа, на котором она прервала ее, когда предложила правительствам провести вне ее рамок обмен мнениями, не приведший к желаемым результатам. В ходе всех этих переговоров Франция оставалась верной и желает остаться верной как принципам, которыми всегда руководствовалась в своей работе Генеральная комиссия, так и самому Уставу Лиги наций, являющемуся гарантией мира во всем мире.

Французское правительство не сомневается, что на предстоящем совещании оно может рассчитывать на столь ценное для него сотрудничество британского правительства в деле упрочения мира при помощи гарантий, необходимых для всеобщей безопасности».

Четверг 19 апреля. Заседание совета министров. Барту сообщил нам о том, какое впечатление произвела на Кемпбелла наша нота. Реакция Германии была более резкой, чем можно было ожидать, а первая реакция Англии более умеренной. Малая Антанта, кажется, удовлетворена. Польша, которой мы направили недавно памятную записку, проявляет сдержанность. Бек удивлен, что наша нота умалчивает о разоружении. «Если будет заключено соглашение о перевооружении Германии, – заявил он, – то это будет нарушением договора».

Внутреннее положение улучшается. Курсы рент благодаря поддержке мелкой клиентуры повышаются. Правительство стремится замедлить повышение. Поступления золота во Французский банк возрастают. Оживляется оборот капиталов. Доверие восстанавливается. Торговый баланс становится более благоприятным. Французская нота вызвала многочисленные отклики. 20 апреля Пьер Вьено, депутат от департамента Арденн, отказывается от своих полномочий делегата конференции по разоружению. 20 апреля в «Попюлер» Леон Блюм приветствовал отказ правительства легализовать в каких бы то ни было масштабах гитлеровское перевооружение, но при этом обвинил правительство в отказе от заключения общей конвенции по разоружению, при участии или без участия Германии.

Я был поражен сообщением японского министра иностранных дел (нота от 17 апреля), заявлявшего, что его страна рассматривает Китай как зону исключительно японского влияния. Это открытый вызов договору девяти держав, угроза доктрине «открытых дверей». Решительно все основные дипломатические акты рушатся один за другим.

II. Провал разоружения (21 апреля – 28 сентября 1934 года)

Выступление по радио г-на Думерга и доклад Жермен Мартена вызвали общий подъем оптимизма, о чем свидетельствовало резкое повышение курса ренты. Председатель совета министров умеет говорить в непринужденном тоне, который так нравится публике: «Я не хочу, чтобы вас надували, мне тяжко и т. д.…» Состояние государственных финансов значительно улучшилось. Назначенная на 1 мая выплата (1 миллиард) не вызовет затруднений. Заем «Национального кредита» реализуется успешно. В воскресенье, 22 апреля, в Виллёрбанне я был исключен из Лиги прав человека за то, что вошел в кабинет Думерга. Эта клоунада произошла в присутствии немца, Эмиля Гумбеля, в защиту которого я выступил, когда тот был выгнан из своей страны. Ряд федераций (Уазы, Нижней Сены) голосовали за довольно недружелюбные по отношению ко мне резолюции.

Четверг, 26 апреля. Заседание кабинета. Новости из Варшавы. Телеграмма Ларош. Маршал Пилсудский заявил о своей верности Франции и о независимости своей политики; он предложил реформу Лиги наций; он не верит, что Россия желает в нее вступить. По его мнению, Советскому Союзу еще нельзя доверять. Бек утверждает, что заключенное им с Германией соглашение не содержит никаких секретных пунктов.

Шерон больше не верит в «добродетель» Пренса. Меня ознакомили с результатами вскрытия. Они довольно путаны и кажутся мне противоречивыми. В субботу, 28 числа, я имел продолжительную беседу с Герню и Моро Жиаффери. Моро твердо верит в самоубийство Пренса. Он привел убедительные аргументы: 1) Почему ничего не было сказано о найденной жандармами ампуле? А пуховка? 2) Перчатки на рельсах. 3) Поезд Пренса прибыл в 16 часов 44 минуты. Телеграмма была отправлена в 16 часов 50 минут. Каким образом можно было в течение шести минут выйти из вокзала, дойти до телеграфа и встретиться за это время со своими убийцами? 4) Наличие ножа является инсценировкой, так как на трупе не было обнаружено ни одной ножевой раны. Смерть произошла в 20 часов 46 минут. Предыдущий поезд прошел в 19 часов 35 минут.

29 апреля на департаментском съезде в Лионе я объяснил причины, побуждающие меня оставаться в правительстве, в которое я вошел по единодушному предложению партии. Мое

простое объяснение было встречено очень благожелательно. Пресса утверждает, что оно содействовало в какой-то мере повышению курса ренты. Сообщают об оживлении торговли в универсальных магазинах. Положение на бирже очень устойчиво.

2 мая Барту сообщил нам о резких выступлениях Анрио в Бельгии. В Румынии Ренэ Бенжамен выступил с грубыми нападками на республиканских руководителей, одним из которых являюсь и я; это происходит на собраниях под председательством директора газеты «Эпока» Григора Филипеску и директора газеты «Курентул» г-на Памфила Сейкаро. Некоторые газеты («Эндепанданс румен», «Ля Лупта») выступили с протестом. Бенжамен был принят королем.

Жермен Мартен изложил нам принципы своей финансовой реформы.

Суббота, 5 мая. Барту сделал отчет о своей поездке в Польшу. Отношение там. к нам весьма хорошее. Пилсудский – человек энергичный и здравомыслящий. Бек – чопорный и сухой, особой сердечности не проявил, по крайней мере вначале; в своем заявлении французской печати он энергично настаивал на сохранении союза, заключенного в 1921 году. Пилсудский сначала проявлял сдержанность; во время своей последней поездки в 1933 году Бек выразил желание заключить соглашение и сделал соответствующие предложения, которые остались без ответа. Пилсудский не любит Вейгана, но ценит Петена. Предложение о военном сотрудничестве в ближайшее время снова будет изучено. Что представляет собой польско-германское соглашение? Мне кажется, что Барту сообщил по этому поводу мало точных сведений. Бек не торопится, по всей видимости, поддержать демарш в защиту Австрии. Что касается вопроса о разоружении, то Пилсудский считает, что упорство Франции не будет продолжительным и что мы пойдем на уступки.

Он не особенно верит в Лигу наций, имеющую слишком много членов и занятую слишком маловажными делами, однако выходить из нее Польша не собирается. Пилсудский не верит в прочность советского строя. Он еще не подписал пакта о ненападении. Затруднения с Чехословакией явились предметом обсуждения на ряде совещаний. Барту был поражен национальным величием и силой Польши. Он мне долго говорил о Беке, и я сказал ему шутя: «В Европе появился еще один человек, которого вы будете называть «мой дорогой друг», вот и все».

В Чехословакии наш министр был встречен с большим энтузиазмом и более чем сердечно. Ничто нас не разделяет с этим народом.

Нота от 6 апреля по поводу разоружения не будет опубликована в «Белой книге», но Барту желает, чтобы она стала известна общественному мнению. Англия оказалась в затруднительном положении. Будучи не в состоянии дальше уклоняться от ответа, она становится истицей, так как мы остаемся на позиции конференции по разоружению. В Италии Муссолини принял Беранже; он считает, что можно помешать перевооружению Германии, пойдя на неизбежные уступки, иначе, говорит он, это вызовет гонку вооружений. Он хотел бы вступить с нами в переговоры о морском статуте, о Ливии, о гражданстве перемещенных лиц. Положение Гитлера как будто осложнилось ввиду конфликта между рейхсвером и коричневорубашечниками; среди штурмовиков наблюдается распространение коммунистического влияния. Соберется ли конференция 29 мая? Муссолини желает ее отсрочки. Совет Лиги наций соберется 14 числа для обсуждения вопроса о Сааре. Мне кажется, что по всем этим вопросам мы не занимаем твердой позиции. Заявление Японии по поводу Китая не вызвало с нашей стороны никакой серьезной реакции; мы направили ноту, за которую обе страны выразили нам благодарность, что, по всей видимости, свидетельствует о ее расплывчатости.

Состояние финансов продолжает оставаться хорошим: значительно пополнился золотой запас, повысился курс государственной ренты, широкий размах приняла подписка на облигации займа обороны. Германское правительство выразило желание вступить в переговоры с держателями займов Дауэса и Юнга. Я поражен нашей экономической анархией. У нас имеется 36 авиационных фирм, у Соединенных Штатов их 5. Мне кажется, что по крайней мере 25 наших фирм – лишние. Так как государство приобретает только на 600 миллионов в год, то как могут существовать эти предприятия?

10 мая. Заседание совета министров. Мы познакомились с важным донесением нашего посла в Вашингтоне от 22 февраля. «…Становится очевидным, – пишет Лабуле, – что обсуждение вопроса о долгах приняло теперь здесь общенародный характер, чего не было вначале. Искусно используемый политиканами и националистической прессой, этот вопрос является в настоящее время орудием, которым готовы воспользоваться все те, кто, имея на то основание или нет, хотят помешать Соединенным Штатам играть определенную роль в международной политике и готовы при каждом удобном случае парализовать соответствующие усилия президента и его правительства. Что же касается нас, то, если все будет продолжаться в том же духе, напрасно было бы рассчитывать на исключительно благоприятное личное

отношение к Франции г-на Рузвельта, чтобы преодолеть эту оппозицию… Сменявшие друг друга после окончания войны вашингтонские правительства питали к нам большое недоверие; разочарование, которое вызывала у нас их политика, могло быть значительным; но ни мы, ни они не должны забывать ту эффективную и даже решающую помощь, которую нам оказали Соединенные Штаты после поражения России в 1917 году, дав нам возможность противостоять натиску германских сил. Трудно также недооценить значение для обеспечения победы и спасения нашей страны денежного займа, предоставленного нам на столь льготных условиях американским казначейством, погашение которого является в настоящее время причиной столь досадных разногласий между нашими странами».

Лабуле обращал внимание правительства на опасность подобной ситуации в случае возникновения европейского кризиса, указывая, что приход Гитлера к власти создал для нас условия, которые мы должны постараться использовать, и напоминал, что в апреле 1933 года, во время моего визита, президент Рузвельт выразил готовность занять в вопросе о разоружении более радикальную позицию, чем республиканское правительство и добиться присоединения своей страны к мерам, принимаемым против агрессора. Благожелательное отношение Рузвельта не только не было оценено во Франции, но в его адрес даже раздавалась критика и насмешки. Если мы нуждаемся в Соединенных Штатах для защиты нашей безопасности, «то, – утверждает Лабуле, – необходимо незамедлительно решить вопрос о долгах». Он советует предусмотреть сначала выплату суммы, которая соответствовала бы суммам, выплаченным другими правительствами в счет частичного погашения займа. Г-н Левинсон, франкофильский адвокат из Чикаго и личный друг сенатора Бора, изучает возможности урегулирования этого вопроса. В Соединенных Штатах, как заявил г-н Лауренс Хилс в американском клубе в Париже, продолжают утверждать, что мы даже не оплатили стоимость американских товаров, хотя мы их перепродали.

Заключительная часть доклада Лабуле была пророческой: «Мир, и в частности Европа, испытывает в настоящее время серьезные потрясения; демократия, там, где ей на смену еще не пришла диктатура, находится в опасности. Соединенные Штаты, что бы там ни говорили, находятся вместе с Францией и Англией в первом ряду великих держав, приверженных принципам демократии. Важно не только сохранить, но и укрепить солидарность этих трех государств, если мы хотим отстоять не только свободу, но и мир». Но этому торжественному

предупреждению, как и следовало ожидать, не было уделено никакого внимания. Франции доставляло удовольствие играть роль нечестного должника; она старалась найти этому всякого рода оправдания. Мы предпочитали страстно увлекаться делом Пренса, спорить о том, было ли это самоубийством или нет. Между тем недостатка в причинах для беспокойства не было: 1 мая было подписано германо-югославское соглашение. Король Александр не изменил своего политического курса, определяемого верностью Франции и Малой Антанте, но он заявил, что предпочитает немцев итальянцам. Положение в Сааре было малоутешительным. Не могу понять, почему Барту столь враждебно настроен по отношению к Бонкуру, которого я всячески защищаю.

Жермен Мартен продолжает работать и проводить консультации, подготавливая финансовую реформу.

11, 12 и 13 мая в Клермон-Ферране состоялся чрезвычайный съезд Республиканской партии радикалов и радикал-социалистов. С самого начала я понимал, что мне нужно утверждать свой авторитет. Ряд делегатов съезда потребовал, чтобы председателем был Кюдене, руководитель федерации Сены и Уазы. Я заявил, что не хотел бы, чтобы меня лишали этого права. Совещание председателей и генеральных секретарей федераций предложило создать комиссию по чистке из 25 членов; это были наши «овернские великие дни». Г-н Альбер Бейе, которому был поручен доклад о незаконных действиях ряда парламентариев, выступил прежде всего с обвинением против правых деятелей: против Пьера Лаваля – за то, что тот позвонил в прокуратуру и попросил выгодной для Ставиского отсрочки, и против Кьяппа. Но он также строго осудил тех левых деятелей, поведение которых он расценивал как проявление слабости; он упомянул Гара, Боннора, Далимье, Пруста, Рене Рену. Он выразил протест против парламентского кумовства и предложил резолюцию о запрещении депутатам или сенаторам, являющимся адвокатами, выступать в роли поверенных тех акционерных обществ, которые используют денежные вклады населения или кредит; о запрещении выступать против государства, департаментов, коммун и колоний; о запрещении всем членам сената или палаты депутатов под страхом немедленного отзыва входить в состав административного совета какого-либо общества, прибегающего к вкладам, заключающего сделки с государственными органами или получающего от них субсидии. Альбер Бейе требовал также применения суровых санкций в случае коррупции или использования служебного положения в корыстных целях. Исключительно смело и авторитетно он требовал оздоровления

политических нравов.

В последовавших затем бурных прениях г-н Галиман (департамент Нижней Сены) высказал ряд упреков в мой адрес, конечно, не в связи с тем, что я якобы замешан в скандале Ставиского, а за то, что я вхожу в правительство. Я немедленно ответил, что мне было предложено войти в правительство не парламентской группой, а самой партией; и раз дав слово, я не возьму его обратно, но что, с другой стороны, я, конечно, готов оставить пост председателя партии. Я тут же поставил свои условия. «Для того чтобы я остался председателем партии, – заявил я, – необходимо наличие двух условий: прежде всего это должно соответствовать вашему желанию; но я также являюсь свободным человеком, и я чувствую себя оскорбленным, когда мне говорят, что я гоняюсь за министерскими портфелями; поэтому я решу, когда вы выскажете свое мнение, могу ли я остаться председателем партии». После того как этот инцидент был исчерпан, выводы доклада г-на Альбера Бейе были одобрены единогласно.

Экономические вопросы отошли на второй план. Большое число и резкий характер выступлений свидетельствовали о том, что основное внимание съезда направлено на общеполитические проблемы, обсуждение которых началось в субботу, 12 мая, на утреннем заседании. Г-н Кюдене согласился с тем, что я вошел в кабинет Думерга по предложению партии, однако при этом он заявил, что правительство отказалось от выполнения своей программы успокоения страстей и умиротворения; он требовал роспуска заговорщических организаций. «Это, – заявил он, – попытка установить диктатуру побежденного в стране меньшинства над ограбленным большинством. Это ниспровержение всех исторических основ, на которых зиждется не только партия, но и сам строй. В этом случае правительство уже перестает быть нейтральным или, если угодно, как говорят в Англии, своего рода *trustee*[152] общественных дел; оно становится пособником мятежников и их добычей». Кюдене резко критиковал режим чрезвычайных декретов, который погубил в Германии правительство Брюнинга. Он присоединился к мнению г-на Пуанкаре, заявившего в «Иллюстрасьон» 29 апреля 1933 года, что он считает недопустимым проведение финансовой реформы и бюджетных реформ при помощи декретов. «Вы не можете, – добавлял он, – построить демократический город на земле банкиров и финансистов». «Необходимо, – заявил он в заключение, – все подчинить этим трем лозунгам: оздоровлять, дерзать, заставлять уважать свои решения».

Днем 12 мая атмосфера накалилась. Взял слово председатель

парламентской группы Камилл Шотан. Он поднялся на трибуну, весь его вид свидетельствовал о двух месяцах моральных страданий. Его выступление звучало недвусмысленно с самого начала. «Я все время смотрел на дело Ставиского только глазами начальника полиции; ни прямо, ни косвенно, ни лично, ни через других людей я никогда не знал этого мошенника, я его и в глаза не видел». Таким же образом он отверг легенды о деле Пренса. Разоблачив тех, кто уже возлагал свои надежды на установление подобия диктаторского режима, Шотан заявил, что, как только 21 сентября 1933 года им была получена соответствующая информация, он тотчас же дал строгие указания начальнику Сюртэ Женераль. С 1926 по 1931 год, то есть в то время, когда Ставиский развертывал свою деятельность, его предшественники, казалось, ничего не подозревали. Он отверг ряд других обвинений и советовал партии придерживаться благоразумной политики, подчиняя свою программу требованиям событий и ожидая того момента, когда радикализм сможет снова играть руководящую роль в государственных делах.

После выступления Гастона Мартена, который заявил, что разоружение фашистских лиг является самым минимальным требованием, взял слово Даладье. Он также подвергся резким нападкам; одни называли его убийцей, другие – капитулянтом. Он заявил, что полностью отвечает за свои поступки. Что произошло 6 и 7 февраля? 6 февраля объединились две силы: одна – тщательно подготовленная, имевшая руководителей и оружие, другая – взбудораженная и возмущенная скандальным делом Ставиского. Даладье с трагической откровенностью объяснил, почему он решил не прибегать к помощи вооруженных сил: в результате могло бы погибнуть больше невинных, чем виновных. Он высказался далее за сохранение перемирия между партиями, но за перемирие честное.

Председателю партии нельзя было отмалчиваться. Я должен был рассказать о результатах переговоров с социалистами после выборов 1932 года, об условиях, в которых было сформировано мое правительство, о моем отказе упразднить лагерные сборы резервистов, о падении моего кабинета. Но я защищал также правительство Бонкура, Даладье, Шотана, Сарро, которые пытались обеспечить финансовую стабильность. Я объяснил, почему я был против роспуска парламента после 6 февраля: «Я сказал тогда моим друзьям: мне часто приходится вести борьбу; я готов продолжать ее вести и сейчас, но я предпочитаю не сражаться на зыбкой почве. Я хочу прежде всего, чтобы была внесена ясность в некоторые дела, чтобы стало известно, кто виновники и где они, чтобы были применены санкции, и только

потом принять любой бой… Нужно было выждать, чтобы спала горячка». Я напомнил, при каких условиях мне было дано официальное указание, получившее единогласное одобрение, войти в кабинет Думерга. В качестве члена кабинета я защищал его финансовую политику, принимаемые им меры для изыскания необходимых 4 миллиардов, его политику дефляции; я настаивал на принятии программы национальной технической реконструкции и финансовой реформы, на неотложности оказания помощи крестьянам, рабочим и безработным. Молодые радикалы требовали установления контроля за экономикой; я присоединился к этому требованию при условии, чтобы контроль основывался на цифрах и фактах.

Было внесено несколько проектов резолюции. Отклонив все прочие, я принял резолюцию, предложенную федерациями Востока, Запада, департаментов Од, Ардеш и Верхней Гаронны, в которой говорилось:

> «Съезд партии радикалов и радикал-социалистов предлагает председателю партии Эдуарду Эррио оставаться верным слову, данному им от имени партии, и вновь заверяет его в своем полном доверии.
>
> Съезд с негодованием отвергает кампании, которые были организованы против него, а также против председателей Даладье и Шотана и других членов партии, честность которых остается незапятнанной вопреки ухищрениям клеветников.
>
> Он выражает министрам-радикалам свое полное доверие и считает необходимым поддержать правительство перемирия партий, которое должно:
>
> 1) обеспечить уважение тех принципов, которыми руководствовались при его создании;
>
> 2) требовать от всех такой же верности принципам перемирия партий, которую проявляет партия радикалов и радикал-социалистов;
>
> 3) использовать весь свой авторитет, чтобы пресечь действия мятежных организаций и всех подстрекателей и положить конец пропаганде, проводимой самыми подлыми средствами против левых общественных деятелей;

4) руководствоваться в деле восстановления финансового благополучия и авторитета государства, а также во внешней политике демократическими принципами, от которых республиканская Франция может отказаться лишь ценой своей гибели.

Съезд призвал правительство проводить мирную политику, которой следовали все левые правительства».

В воскресенье, 13 мая, на утреннем заседании комиссия по чистке представила свой доклад. Съезд исключил Гара, Боннора, публициста Пьера Бонарди, Луи Пруста, Рене Рену, Андре Эсса, Далимье. Было принято решение не исключать Юлена и Зейца. Спорным оставался вопрос о Мальви. Его обвиняли в том, что с разрешения парламентской группы он воздержался во время голосования доверия кабинету Даладье; он ссылался на свою дружбу с Кьяппом, который поддержал его перед Верховным судом. Защищался он искусно. Я должен был выступить и указать на то, что парламентская группа несет ответственность за принятое ею решение; я напомнил о процессе Мальви, где я сам являлся судьей; я напомнил также обсуждение вопроса о государственных долгах, чтобы показать, что я не ставил тогда в вину Мальви то, что он не голосовал за меня. Альбер Бейе с обычной для него резкостью выдвинул ряд новых обвинений. Он напомнил, что Кьяпп, смещенный г-ном Даладье, сказал ему: «Мы встретимся с вами на улице». Даладье подтвердил этот ответ. И снова на съезде разгорелись страсти. По требованию одного из делегатов я вновь взял слово и заявил, что если кто-либо должен нести ответственность за это, так это я, председатель парламентской группы. В обстановке невообразимого шума предложения комиссии были отклонены. В результате проведенного по требованию Мальви формального голосования он был оставлен в партии. После съезда он выразил мне свою горячую признательность; он даже сделал мне ряд странных признаний. Но когда позднее, в сентябре 1940 года, я был снят его зятем Пейрутоном с поста мэра Лиона, Мальви совершенно не вспомнил ни о своем процессе в Верховном суде, ни о бурном съезде в Клермон-Ферране; я напрасно ждал от него выражения хоть малейшей симпатии.

Кюдене и его коллеги направили мне свои заявления об отставке. Общее мнение сводилось к тому, что оппозиция потерпела поражение. Отношение ко мне прессы было в общем благоприятным. В Париже меня ожидало любезное письмо

президента республики.

На заседании совета министров 15 мая состоялась продолжительная дискуссия относительно резолюции парламента. Жермен Мартен продолжал заниматься подготовкой финансовой реформы; его предложения почти готовы. Британское и французское казначейства заняли одинаковую позицию в вопросе прекращения платежей по планам Дауэса и Юнга. Денэн сообщил нам, что за 3 месяца Германия закупила в Англии и Соединенных Штатах 333 мотора, то есть в 7-8 раз больше, чем производится у нас. Маршал Петен утверждает, что перевооружение Германии особенно активно проводится в области авиации… Английское правительство отказалось наложить запрет на поставки частным лицам, но оно формирует 6 новых эскадрилий и намерено создать авиационные базы в Бельгии и во Франции.

Рене Рену исключен из коллегии адвокатов; это меня очень взволновало, гораздо больше, чем мое исключение из лионской секции Лиги прав человека. Какое шутовство!

Пятница, 18 мая. Утреннее заседание палаты депутатов. Возникают некоторые трудности. Мне кажется, что дискуссия неблагоприятна для правительства. Фроссар, который так энергично выступал за создание правительства «Национального единения», настроен агрессивно. Друзья Даладье маневрируют; с этим, возможно, связано выступление Марселя Деа. Несмотря на поддержку, которую нам оказывал Шотан, 30 радикалов проголосовали против кабинета, а 13 воздержались. Жан Пио в «Эвр», заявил, что партия радикалов утратила свое единство. Скоро станут неизбежны «политические расслоения и перегруппировка сил… Остаются только чисто сентиментальные связи, которые с каждым днем слабеют и рвутся при столкновении с реальной действительностью».

Заседание совета министров 19 мая. Жермен Мартен снизил процентную ставку по облигациям займа Национальной обороны и по облигациям государственного казначейства. Французский банк продолжает проводить политику высокой процентной ставки. Актив казначейства доходит до 1 миллиарда 350 миллионов. Выпуск облигаций Национальной обороны проходит успешно. За период с 8 по 14 мая вклады в сберегательные кассы превысили выдачу. Страна наконец вздохнула свободно. Расходы на национальную оборону ставят под удар статью 70 закона 1934 года, которая обязывает определять источники доходов в соответствии с намечаемыми расходами.

Посланник Латвии сообщил мне о государственном перевороте, совершенном в Риге правительством Ульманиса. Это

был акт, аналогичный акту канцлера Дольфуса. С точки зрения внешней политики этот поворот вправо опасен если не в настоящее время, то, во всяком случае, для будущего.

Парламентские каникулы во время троицы (20-21 мая) проходили под знаком усиленной политической активизации, или скорее ажиотажа. Состоялись четыре съезда.

1. Съезд Лиги прав человека в Нанси, где меня «заклеймили» за то, что я наказал муниципальных служащих, которые не захотели подчиниться приказу о проведении занятий по противовоздушной обороне. Этот инцидент вызвал отставку Баша при обстоятельствах, подробности которых мне неизвестны.

2. Крайне бессодержательный съезд объединенной партии в Тулузе. Фроссар, так яро выступавший за национальное единство, полностью отрекся от своих слов.

3. Съезд неосоциалистов в Париже, представляющий интерес из-за любопытных речей Марке и Марселя Деа.

4. Съезд Федерального союза бывших фронтовиков в Виши, на котором Пишо выступил против «старой гвардии» и призвал к сближению с ВКТ. Но Жуо в «Пёпль» от 26 марта отказался ответить на этот призыв. Возможно, что демонстрация в Виши, в которой приняло участие много чиновников, была вызвана чрезвычайными декретами.

Все эти съезды отрицательно сказываются на положении правительства. Когда нападают на «старую гвардию», я это принимаю, как говорят, на свой счет. Мне смешно читать резолюцию Александра, принятую Лигой прав человека: «Съезд считает, что во Франции, пока она остается республикой, ни один закон, ни один трудовой контракт не может милитаризировать граждан до такой степени, чтобы заставить их участвовать вопреки их убеждению в учениях по обороне или псевдообороне против чудовищной газовой войны, и поэтому осуждает необоснованный и недостойный акт мэра Лиона Эдуарда Эррио, который вопреки всем правам человека в декабре прошлого года уволил и понизил в должности 22 служащих лионских скотобоен за то, что они отказались участвовать в том, что они называли, справедливо или несправедливо, лживым и смехотворным парадом…» Это поистине монумент глупости. Я гордился своей принадлежностью к Лиге, когда она защищала Справедливость, ставя себя вне партий и над партиями. Теперь, когда она стала грязной лавочкой, прибежищем интриганов или обанкротившихся политиков, я совершенно не намерен считаться с ее решениями.

На заседании совета министров 24 мая Барту сделал отчет о работе Лиги наций. Он ознакомил нас с обсуждением саарского вопроса; согласно хорошо известной формулировке, дело было

отложено до будущей сессии. Он изложил содержание своих бесед с Литвиновым, с которым познакомился еще в Генуе. Он заявил нам, что ничего не предпримет в отношении России без ведома совета министров.

Литвинов по-прежнему предлагает свой Европейский пакт; он согласен на вступление СССР в Лигу наций, но внутри Советского правительства мнения по этому вопросу разделились[153]. Барту считал бы желательным это вступление. Литвинов сообщил ему о своих оговорках (арбитраж, равенство рас, мандаты), из которых ни одна не является значительной. Литвинова особенно беспокоит политика Варшавы; Польша требует постоянного места в Совете Лиги наций, на что Испания не согласна. Теперь, после прихода Гитлера к власти, я более чем когда-либо считаю союз с Россией необходимым для Франции. Это моя навязчивая идея начиная с 1922 года.

Говорят, что Иден якобы одобрил ноту от 17 апреля. По мнению Барту, английское правительство не хочет, чтобы мы шли на уступки. Но мы по-прежнему находимся в заколдованном круге. Барту признал, что после провала Протокола 1924 года о мирном урегулировании международных конфликтов мы топчемся на месте. Я должен был снова выступить с длинной речью в защиту Поль Бонкура.

Жермен Мартен ознакомил нас со своим проектом финансовой реформы, который он представил 23 мая. Он сообщил нам о трудностях, с которыми ему придется столкнуться в делах казначейства до конца 1934 года. Понадобится консолидационный заем. Новый нажим со стороны Тардье и Марэна с целью проведения финансовой реформы путем чрезвычайного декрета. Я возражал против этого. Правительство решило не осуществлять девальвацию пиастра.

Четверг, 24 мая. Выступив в палате депутатов в защиту шелковой промышленности, я с большим удовлетворением отметил, что мое предложение нашло широкую поддержку. Мой дорогой Лион, я, как всегда, думаю прежде всего о тебе. Утром в совете министров маршал Петен уговаривал меня выдвинуть свою кандидатуру в Академию. Об этом же писал мне Барту. В палате депутатов в кулуарах ходят разговоры о моем инциденте с Лигой прав человека. Калибан мстит.

В своей речи Барту энергично заявил о своем согласии с предыдущей политикой, придерживавшейся формулы – разоружение вплоть до признания за Германией равноправия в вопросе безопасности. Он высказал свое мнение о якобы существующем противоречии между нотой от 17 марта и нотой от 17 апреля и о ноте от 6 апреля, которую мы не опубликовали

раньше по просьбе британского правительства. Мы высказались в ноте от 17 апреля за политику разоружения, говорит он. Его речь, вначале несколько нерешительная, стала в этот момент исключительно выразительной и четкой. Сказался его большой парламентский опыт, его умение подбирать ответы, позволяющие настигнуть мысль противника, его молодость (если молодостью можно назвать живость действия и мысли), его изумительное красноречие, певучесть ясного и иногда резкого голоса. Он прямо и смело выступил в защиту Лиги наций, строго осудив тех, кто иронизирует по ее поводу. Социалисты были смущены; некоторые даже аплодировали.

26 мая. Заседание совета министров. Гиманс сообщил нам, что он хотел бы, чтобы Англия уточнила военные обязательства, вытекающие из Локарнских соглашений, как это сделала Франция. По всей видимости, конец конференции по разоружению близок. Обсуждался вопрос о долгах. Барту зачитал записку, подготовленную аппаратом его министерства. Лабуле недавно прислал телеграмму. Рузвельт согласился бы на незначительное погашение долгов и с удовлетворением отметил бы, что можно перейти к другим вопросам, как, например, к вопросу о разоружении и вопросу о германской опасности. Как я с ним согласен! Лаваль бросил резкую реплику. «Мы не должники, – заявил он – …Предложение Гувера создало новое право». Я ему обстоятельно ответил. Я еще раз доказывал, что, приняв предложение Гувера, мы были специально предупреждены им, что оно ничего не изменит в наших обязательствах. Председатель совета министров прилагал все усилия, чтобы найти выход. Фланден поддержал меня с юридической точки зрения; он хотел бы достичь соглашения и предложил продолжить мораторий Гувера. Тардье яростно возражал против платежей. Барту относился к дискуссии явно безразлично, заявив, что он присоединится к мнению правительства. Совет министров молчаливо отверг символическое погашение долгов. Потерпев поражение, я заявил, что добьюсь общественного признания моей верности своим идеям или в палате депутатов или где-либо в другом месте.

После заседания меня вместе с Шероном вызвал президент республики; он признал мою правоту. Но, несмотря на это, я ни за что не согласился присоединиться к заявлению, которое было поручено составить Барту и Фландену.

Прямо в кабинете президента, в присутствии Шерона, я написал следующее заявление: «Я оказался в меньшинстве в совете министров. Но я остался верным идее, которую я всегда защищал». Президент республики принял к сведению этот

протест.

Заседание совета министров во вторник, 29 мая. Я убедился, что Думерг не возражает против роспуска парламента. Фроссар поставил вопрос об избирательной реформе. Какова будет позиция кабинета по этому вопросу? Начались прения; обсуждалась государственная реформа. Риволле считал желательным создание большой внепарламентской комиссии для изучения данного вопроса. Думерг и Шерон энергично защищали идею независимости государства по отношению к группировкам и ассоциациям. Шерон также предпочитал роспуск. Фланден опасался образования «неофициального парламента» в противовес официальному парламенту; если парламент не справляется со своей задачей, нужно провести новые выборы, но благоразумно воздержаться от избирательной реформы, так как этот вопрос входит в компетенцию палат парламента. Правительство присоединилось к этому мнению.

Из достоверного английского источника мы узнали о предстоящих переговорах между Германией и Японией о создании «оборонительного союза», который позволит Германии продолжить ее политику экспансии на Восток за счет Прибалтийских государств. Переговоры состоятся в июле.

Муссолини, выступив с речью перед итальянской палатой депутатов 26 мая, заявил о своем твердом намерении, несмотря на финансовые трудности, которые испытывает страна, израсходовать 1 миллиард лир на военно-морской флот и 1 миллиард на авиацию. Он указал на провал конференции по разоружению. «Война, – сказал он, – является для человека тем же, чем материнство для женщины». Он цитировал Прудона и «меланхоличного» Гераклита Эфесского.

Жермен Мартен добивался одобрения финансовой реформы в целом, с опубликованием суммы уплаченного налога.

29 мая 1934 года в Женеве на заседании Генеральной комиссии Литвинов произнес важную речь. Он констатировал невозможность достигнуть решения проблемы разоружения. Советская делегация сначала предложила общее и полное разоружение. Но она предвидела и предсказывала неизбежное и близкое наступление периода новых войн и настаивала ввиду этого на быстром принятии радикальных мер; против этого предложения выступили все другие делегации, за исключением турецкой. «Исходили они из того, – заявил Литвинов, – что вопрос о войне и мире не является актуальным, что история дает нам десятилетние сроки для разрешения вопроса о гарантиях мира длинными этапами и гомеопатическими дозами»[154].

Советская делегация не сделала из своего предложения

ультиматума и заявила о своей готовности сотрудничать с другими делегациями для выработки системы частичного сокращения вооружений. И тут-то начались настоящие затруднения. Прежде всего дискуссия коснулась следующего вопроса – следует ли сокращать существующие вооружения или ограничить их нынешним уровнем. Никакого единогласия относительно размеров, принципа и критерия этого разоружения. Должно ли это касаться всех видов вооружений или только некоторых? Ни один из вопросов, поднятых на конференции, не нашел еще конкретного решения. Политические события шли своим чередом. В ряде стран сменились правительства и их идеология. Некоторые правительства открыто включили в свою программу завоевание чужих земель (безусловно, военным путем, так как никто не уступит своих территорий добровольно), в то время как абстрактный принцип равноправия столкнулся вполне реальными опасностями для своего применения. «И ныне, подводя итоги более чем двухлетней работы конференции, мы должны открыто сказать, что наметившиеся уже на заре ее жизни затруднения не смягчались с течением времени, а, наоборот, шли crescendo, заведя нас в конце концов в тупик»[155].

Государства, принимавшие участие в переговорах, не пришли к соглашению. Конференция провалилась. Честнее было бы смело признаться в этом. Советское правительство продолжает считать желательным разоружение и готово присоединиться к любому плану, принятому другими государствами; но такого плана не существует. Следует ли закрыть конференцию? Советская делегация считает, что скорее следует искать другие гарантии мира, другие меры обеспечения безопасности, для принятия которых не требовалось бы единогласия. Литвинов напомнил о советском предложении по определению агрессии, принятом одной из комиссий конференции и воплощенном уже в ряде международных договоров. Могут быть сделаны новые предложения того же порядка, предусматривающие, например, те или иные санкции против нарушителей мира или против нарушителей пакта Келлога.

Таким образом, 29 мая 1934 года Литвинов возвратился к принципам, которые мы положили в основу протокола 1924 года. «В дополнение к такому более или менее универсальному пакту могут быть заключены еще отдельные региональные пакты взаимной помощи, предложенные здесь в свое время французской делегацией… Если мы пойдем по. этому пути, то время и энергия, потраченные на конференцию, не пропадут даром, и мы не вернемся с пустыми руками к народам, пославшим нас сюда». Литвинов четко и предельно ясно поставил проблему

безопасности. Он предложил даже превратить конференцию в постоянный орган, следящий за обеспечением безопасности всех государств, за сохранением всеобщего мира. «Я предлагаю, – сказал он, – превратить эту конференцию в перманентную, периодически собирающуюся конференцию мира… Теперь же, когда опасность войны перед нашими глазами, можно было бы подумать о создании специального органа, устремленного в своей деятельности в одну цель, в сторону предупреждения или уменьшения опасности войны»[156].

Всякий объективный политик должен признать благородство и разумность этой мысли. В то время как наша пресса, невежественная и пристрастная, давала французской публике глупую карикатуру на советскую дипломатию, что эта публика впоследствии хорошо поняла и о чем она весьма сожалела, Литвинов старался доказать, насколько предложенный им орган отличался бы от Лиги наций и дополнял бы ее, указывал на неизбежность новых кровопролитных войн, разоблачал устремления диктаторских режимов. «История, – заявил он в заключение, – не знает таких случаев, когда империалистические государства, склонные к завоеваниям и расширению своего господства, облюбовали бы лишь одну страну света – юг, запад, восток или север. Укрепившись в одном направлении, они с окрепшими и увеличенными силами бросались на новые завоевания в других, а чаще всего во всех направлениях… Принятием эффективных мер безопасности мы окажем услугу не только своим собственным народам, но и тем народам, которые против собственной воли могут быть брошены ради чуждых им целей и вопреки своим истинным интересам в огонь авантюристических кровавых экспериментов…»[157]

Тем временем в Женеве сэр Джон Саймон, казалось, хотел остаться на положении арбитра между Францией и Германией. Барту выступил с речью, которая вызвала смятение среди нейтральных государств и обрадовала наших друзей, в том числе русских. Он заявил (его выступление состоялось 30 мая), что Лига наций необходима человечеству. Международные меры предосторожности против воздушной войны необходимы, но нужно также принять меры против других видов угроз и решить проблему безопасности. «Эта проблема лежит в основе любого вопроса о разоружении». Германия покинула конференцию. Франция отказалась легализовать ее перевооружение, но она не закрыла двери для переговоров. Барту напомнил, что правительство рейха в своем бюджете на 1934 год увеличило на 2 миллиарда 500 миллионов свои официальные военные расходы, не говоря уже о неофициальных. С 1932 по 1933 год Франция

уменьшила свои военные кредиты на 17 процентов; она еще больше их снизила в 1934 году. С 1933 по 1934 год бюджет рейхсвера, не говоря уже о коричневорубашечниках, увеличился на 33 процента; бюджет германских военно-воздушных сил возрос на 160 процентов. Франция придерживалась своего плана ограничения вооружений от 1 января 1934 года; но она желала, как и Гендерсон, как и Литвинов, найти решение проблемы безопасности. В общем Барту скорее выпячивал, чем затушевывал наши разногласия с Англией; он резко критиковал ее ноту от 29 января и высказал ряд лестных замечаний в адрес Муссолини, который пытался пригласить его в Рим, но в конечном итоге вопреки некоторым внешним впечатлениям поддерживал Германию. Поляки и бельгийцы занимали весьма сдержанную позицию.

В Париже долго обсуждался ответ правительства на запрос Фроссара. От имени председателя совета министров был составлен следующий текст:

> «Я считаю необходимым проведение государственной реформы, которую палата депутатов недавно одобрила, назначив комиссию с целью разработки ее элементов. Эта реформа является лучшим средством для того, чтобы не допустить смешения полномочий, исключительно опасного для существования свободного строя, которому я всецело предан. Страна явно желает проведения этой реформы. И она, и только она одна, должна будет, когда придет время, сказать решающее слово».

5 июня 1934 года. Заседание совета министров. В Женеве Гендерсон отошел от нас. Нам предложили *региональный пакт взаимопомощи:* Германия, Советский Союз, Польша, Прибалтийские государства, Финляндия. В таком случае был бы договор А и договор Б, второй – между Советским Союзом и Францией. Я узнал предложения, которые мне были сделаны прошлой зимой, но я хочу видеть сам проект. Барту запросил полномочий на ведение переговоров на этой основе. Русские даже предложили взять обязательство, аналогичное тому, какое мы имели с Англией до 1914 года; это то же самое, что мне предлагал Литвинов. Барту оставался исключительно сдержанным. Позиция Польши довольно загадочна, она не хочет сближения ни с Литвой, ни с Чехословакией; некоторые думают, что она заодно с Берлином. Лаваль относился исключительно благоприятно к союзу с Германией и враждебно к сближению с Россией, что якобы принесло бы к нам Интернационал и красное

знамя. Эти бывшие революционеры просто ужасны! По страстности, с которой Лаваль выдвигает свои аргументы, я узнаю человека, которому в прошлое воскресенье в Обервилье досталось от коммунистов. Малые причины – большие последствия.

Турецкая нота в Женеве носит явно профранцузский характер. Барту был уполномочен продолжать переговоры на указанной им основе. Думерг представил дело очень искусно и осторожно. Я избегал задавать вопросы, чтобы не смущать его.

Левая демократическая группа в сенате усиленно жалуется на активизацию лиг. Она требует также контроля над секретными фондами.

Сарро представил нам свой проект организации пассивной обороны.

Министр финансов сообщил об ослаблении деловой активности из-за страха перед войной. Бюджетные поступления находятся под угрозой. Плохое общеэкономическое положение. На бирже «затишье»; клиентура из провинции не дает больше заказов. Жермен Мартен сообщил нам, что Великобритания не будет производить выплат Соединенным Штатам после 15 июня. Думерг заметил, что это сообщение не является еще официальным.

Заседание кабинета 9 июня. Глава правительства поздравил Барту с результатами, которых тот добился в Женеве. Барту с гордостью сообщил о том, каким образом была урегулирована саарская проблема. Что касается разоружения, то англичане и итальянцы вначале согласны были отложить рассмотрение этого вопроса, ответственность за что пала бы на Францию. Сначала Гендерсон энергично высказался за безопасность, поддержав, таким образом, позицию Франции. Барту кратко изложил речь Литвинова. Мне кажется, что глава советской делегации не слишком большой оптимист. 4 июня он писал мне из Женевы:

> «Мне было исключительно приятно узнать, что вы надеетесь на благоприятный исход дела, которое вас интересует. Не стану, однако, скрывать, что я далеко не в восторге от хода этого дела и что я предвижу сильное противодействие со стороны предполагаемых участников. Нам предстоит преодолеть много трудностей. Со своей стороны я сделаю все возможное, чтобы достичь цели, к которой мы оба так стремимся».

По мнению Барту, речь сэра Джона Саймона произвела плохое впечатление. Он признает, что ответил в тоне, который совсем не напоминает тон *тихой мессы.* «Впечатление от моей

речи было сильным, – сказал он. – По отношению к Германии я отбросил всякие церемонии». После обмена речами он продолжил переговоры; он выразил удовлетворение поведением турок, которые согласились представить подсказанный им проект резолюции. В этот момент Гендерсон под воздействием британской делегации изменил свою позицию и предложил отправиться для переговоров в Берлин. Нейтральные страны выработали свой проект резолюции. Барту предложил провести совещание всех авторов резолюций. Гендерсон отказался и отпустил по поводу частой смены французских министров рискованную шутку, которую наш коллега живо парировал; выступление его было резким, атакующим, причем он даже предложил свою отставку.

В среду, 6 июня, Барту и Пьетри составили проект резолюции; на Барту произвели сильное впечатление ум и честность шведского министра Сандлера. Предложенный им текст не уполномочивал Гендерсона вести переговоры в Берлине. Однако Макдональд поручил Идену заявить, что Германия несет большую долю ответственности за то, что происходит; он приглашал Барту приехать в Лондон, чтобы «в совместной работе развивать далее достигнутое в Женеве согласие». Гендерсон вновь стал исключительно любезным. *Франко-британское сближение наметилось на заседании 8 июня.* Барту заявил, что ему «аплодировали, как не часто аплодируют в Женеве». Иден утверждал, что Великобритания по-прежнему придерживается позиции, на которой она стояла в октябре; таким образом, он, кажется, противоречит сэру Джону Саймону и, во всяком случае, явно затрагивает Германию. Италия, которая желала бы сорвать конференцию, выразила свое неудовольствие, так же как и Венгрия. Все державы, за исключением двух, присоединились к Франции.

С Россией продолжаются переговоры о пакте. Германия предупреждена об этом; следовательно, не может быть и речи об окружении. Опасаясь нашего соглашения с Москвой, Лондон вынужден идти на сближение с нами. Поведение Польши остается загадочным и озадачивающим. Она не проявляет настоящей солидарности с нами, хотя голосовала за проект резолюции. Думерг опасается, что она, возможно, связана секретным соглашением с Германией, Венгрией и Италией. Барту по-прежнему ждут в Риме, но он не хочет туда ехать до заключения соглашения по основным вопросам. Болгарский представитель вел себя очень корректно.

Вторник, 12 июня. Заседание совета министров. Вопрос о долгах. Барту предложил не платить по следующим двум

соображениям: 1) позиция Англии; 2) невозможно рассчитывать на согласие парламента. Новое выступление Лаваля, путаное и построенное на софизмах, поразило меня своей страстностью. Какая жалкая дискуссия! Председатель Думерг пытался сократить ее, Берто и Сарро не особенно энергично меня поддерживали. По моему настоянию, будет по крайней мере официально отмечено, что я остался при своем мнении.

13 июня «Тан» опубликовала следующее коммюнике: «… Министр иностранных дел г-н Луи Барту ввиду предстоящего 15 июня платежа сделал сообщение по вопросу о долгах Франции Соединенным Штатам Америки. После обстоятельного обмена мнениями совет министров решил придерживаться позиции, которую мы заняли с декабря 1932 года. Г-н Эррио заявил, что он не изменил точки зрения, которую он постоянно защищал, о необходимости урегулировать спорные вопросы между двумя странами». «Добавим к этому официальному сообщению, – пишет «Тан», – что большая часть заседания совета министров была посвящена вопросу о долгах. Выступили ряд министров, в том числе г-н Эррио, который, как сказано в коммюнике, энергично защищал ранее занятую им позицию о необходимости уплатить долги». Если бы это мое требование не было удовлетворено, я бы немедленно вышел из кабинета.

Италия заявила, что она приступает к строительству двух кораблей водоизмещением в 35 тысяч тонн. Следует внимательно следить за Югославией, которая, по мнению маршала Петена, имеет тенденцию отойти от нас и, как говорит Пьетри, выходит из-под нашего военного влияния.

Я в шутку сказал Шерону: «Здравствуйте, убийца», на что он мне ответил: «Вы очень добры, что не употребили более сильного выражения».

13 июня. Вечером состоялось совещание Исполнительного комитета партии. Маршандо сделал замечательный доклад о государственной реформе. Государство должно быть посредником между антагонистическими группами и защищать общенациональные интересы. Оно обладает в настоящее время следующими недостатками: 1) недостаток авторитета; 2) парламентский паралич (действия групп, показной характер дебатов); 3) смешение полномочий не только в старом смысле этого слова, но и в результате давления со стороны заинтересованных группировок. Следовательно, нужна реформа. Но какая? В данном случае следует придерживаться не столько политических и партийных соображений, сколько чувства долга перед республикой. Конституция 1875 года не была рассчитана на продолжительное время. Необходимо провести реформу

исполнительной власти, гарантировать стабильность правительства, упорядочить работу председателя совета министров, установить число министров, разработать процедуру референдума и роспуска парламента. Следует ограничить право интерпелляции и право инициативы в области финансов. Нужно шире привлекать экономические силы, не уменьшая приоритета политической власти. Следует также гарантировать независимость судебных органов. Исполнительный комитет решил включить этот вопрос в повестку дня съезда партии. После этого доклада произошли небольшие инциденты. Я чувствую, что возбуждение, вызванное Клермонским съездом, еще не улеглось. Я энергично возражал.

В пятницу, 15 июня, благополучно закончились прения по военным кредитам. Все радикалы, за исключением четырех, проголосовали за правительство.

Заседание совета кабинета в субботу, 16 июня. Согласно сообщениям Лабуле, Рузвельт и Кордэлл Хэлл восприняли французскую ноту несколько философски. Из Италии к нам поступают довольно тревожные сведения о перевооружении Германии, которая начинает обращать свои взоры даже на Голландию и Швейцарию. Италия по-прежнему ведет двойную игру (встреча Гитлер – Муссолини).

В знак протеста против чрезвычайных декретов возобновились демонстрации бывших фронтовиков, спровоцированные, по всей видимости, чиновниками. Национальный союз собирается выпустить афишу с критикой парламента за отказ принять избирательную реформу. Совместно с Национальной конфедерацией он готовит кампанию с целью роспуска парламента. Думерг предложил рассмотреть вопрос о смягчении наказания инвалидам войны.

19 июня. Продолжительная беседа с делегацией депутатов-радикалов: Шотаном, Пальмадом, Мартино-Депла, Бонне, Мазэ, Перфетти, Бренье. Обсуждались три вопроса:

1) Опасения по поводу продления срока военной службы. Я посоветовал моим друзьям поставить на обсуждение группы вопрос о позиции, которую займет наша партия в том случае, если не будут приняты меры по сохранению без риска для страны годичного срока службы.

2) Роспуск парламента. Бонне предложил мне взять на себя обязательство подать в отставку вместе с другими министрами-радикалами, если правительство будет требовать роспуска. Я ответил, что было бы более благоразумно не доводить до сведения общественного мнения и даже вообще не принимать в настоящее время такого решения. Я буду бороться всеми силами

против роспуска парламента. Если мои усилия не увенчаются успехом, я буду консультироваться с партией о том, какие надлежит принять меры.

3) Дело Ставиского. Шотан сильно страдает (и его можно понять) от ведущейся против него кампании. Мы пришли к единому мнению, что все же было бы лучше добиваться научно обоснованного следствия, чем противопоставлять догматизм догматизму.

Вторник, 26 июня. Спокойствие, на которое мы надеялись, не наступило. Страсти разгораются и слева и справа. Собрания, организованные Анрио, вызвали многочисленные и серьезные инциденты. С другой стороны, организуется Общий фронт[158], в частности в Лионе. Я подвергся прямым нападкам со стороны Эмери и косвенным – со стороны Бержери. Газета «Ла Флеш» опубликовала направленную против меня статью Алена. «Лион репюбликен» заняла враждебную позицию. Я не смог ввиду моей исключительной занятости лионскими делами присутствовать на заседании совета министров в понедельник, 25 июня. Мне сообщили, что оно прошло очень плохо; произошел конфликт между Думергом и Риволле, с одной стороны, и между Думергом, Жермен Мартеном и Марке – с другой. Марке не присутствовал на заседании палаты депутатов, где в понедельник во второй половине дня состоялось обсуждение принципа организации работ по национальной технической реконструкции. Он поставил меня в известность о своих разногласиях с Думергом и заявил о возможном выходе его и Риволле из кабинета.

Визит Франсуа-Понсэ. По его мнению, Германия создает армию в 300 тысяч человек, как она этого требовала. Скоро у нее будет вместо 7 дивизий – 14, а *затем* 21. У нее уже имеется 1000 самолетов; а вскоре у нее будет их 2 тысячи. Она спешно готовит летчиков.

В палате депутатов этот день не был удачным для кабинета. Он вынужден был частично уступить в вопросе о поправках к финансовой реформе.

Четверг, 28 июня. Вторая половина дня. Несколько важных визитов: германский посол, Марке, Шерон, Шотан. Дело Марке как будто улаживается. Шотан очень расстроен из-за новых нападок на него. Германский посол заявил о своей озабоченности в связи с саарским вопросом, он утверждает, что Германию можно было бы заставить вернуться в Лигу наций. Я ему прямо высказал свое мнение о политике Гитлера, которую он не одобряет, о перевооружении его страны, которое он не отрицает, и о комбинациях рейха с Польшей, которые он не опровергает.

Суббота, 30 июня. Заседание совета министров. Жермен

Мартен познакомил нас с проектом чрезвычайного декрета о сокращении заработной платы рабочим государственных предприятий, который я попросил его снять с обсуждения, что он и сделал. Марке добился вчера одобрения своего плана. Палата депутатов утвердила финансовую реформу. Но общая обстановка как в парламенте, так и вне его остается скверной. Повсюду создаются лиги, активизируется Общий фронт. В Лионе недавно исключенный из Лиги прав человека Эмери и его друг Бержери обрушились на меня с нападками. Центральный комитет Лиги 27 голосами против 6 и при одном воздержавшемся высказался за оставление меня в числе членов Лиги. Лига заявила, что «она по-прежнему считает, что не должна вмешиваться в правительственную и парламентскую политику, что является делом партий, и не будет осуждать кого бы то ни было из своих членов за вхождение в правительство по указанию партии или же за пребывание в нем с разрешения партии». Думерг обещал рассмотреть проект улучшения пенсионного обеспечения престарелых рабочих. Барту отложил отчет о своей поездке.

4 июля 1934 года. Посланник Литвы от имени своего правительства пригласил меня посетить его страну. Волнения среди местного населения в Алжире.

Четверг, 5 июля. Я выступил в комитете Лиги прав человека с объяснением по поводу дела лионских скотобоен. Большинство было настроено благожелательно, если не считать нескольких педантов, реплики которых я живо парировал.

Пятница, 6 июля. Визит Лабуле. Он долго рассказывал мне о том, что реакция общественного мнения Америки после 15 июня оказалась не столь бурной, как этого можно было опасаться. Основным нападкам подверглись англичане. Наша нота была встречена довольно хорошо; общественное мнение считает, что создавшаяся ситуация является результатом непримиримости закона Джонсона. К тому же в связи с предстоящими перевыборами палаты представителей и одной трети состава сената будущие кандидаты предпочитают придерживаться непримиримой позиции и не идут на компромисс, который им трудно было бы защищать.

7 июля. Заседание совета кабинета. Председатель совета сообщил нам приятные новости об оживлении деловой активности, сокращении безработицы и повышении жизненного уровня. Общее моральное состояние улучшается. Вчера парламент был распущен на каникулы после принятия финансовой реформы и плана Марке. Отчет Барту в комиссии по иностранным делам сената прошел удачно.

Поступили сообщения о резне в Германии, о кризисе 30 июня

1934 года и о казнях, совершенных под руководством полковника Буша. Были расстреляны генералы Шиейдхубер, Хайн, фон Хайдебрек, Шмидт, фон Краусснер, полковники Лаш и Копп, граф фон Шпрети, капитан Уль, лейтенант Рейнер, как об этом пишет г-н Бенуа-Мешэн в своей «Истории германской армии». Рем был убит в тюремной камере; Фон Шлейхер и его супруга были умерщвлены в своей берлинской вилле. В тюрьме Лихтерфельде расстрелы следовали один за другим. «Я сам отдал приказ, – заявил Гитлер 13 июля в своей речи в рейхстаге, – расстреливать виновных». Начальник канцелярии фон Папена фон Боск был убит за то, что пытался помешать открыть ящики стола своего патрона. В Мюнхене были казнены преподаватель университета Бек и музыкальный критик Вилли Шмидт, который был убит по ошибке (его спутали с его однофамильцем группенфюрером СА). Труп фон Кара был найден на улице вместе с трупом Шерингера, бывшего офицера рейхсвера, перешедшего к коммунистам. В одном из своих докладов Франсуа-Понсэ описывает это дикое и нелепое нордическое представление и Геринга в роли старшего ловчего. Германия возвращается к язычеству и дикости. Геринг утверждает, что «древние греки были германцами, пришедшими с севера».

Однако Иден по-прежнему считает, что британский меморандум является возможной основой для соглашения. Великобритания не хочет идти дальше Локарно.

8 июля. Открытие памятника Куйба в Дампьер-сюр-Салоне. Красивая церемония à la Жан-Жак Руссо среди платанов и каштанов.

10 июля. Визит Венизелоса. Он хотел объяснить мне, что он выступил не против Балканского пакта, а против тех разделов секретного протокола, которые обязывали Грецию вступить в войну в случае агрессии со стороны какой-либо великой державы. «Греция, – заявил он мне, – не в состоянии оказать сопротивление Англии, Франции или Италии. После бедствий, которые она претерпела, я не хочу, чтобы она вновь им подверглась. Я добился примирения с Турцией, чтобы иметь прочный и основанный на взаимном доверии мир». Венизелос сообщил мне, что турки заявили о своем намерении ни в коем случае не воевать против Советской России.

Я получил очень любезное письмо от Литвинова по поводу моей книги «Восток».

11 июля. Посланник Литвы сообщил мне о соглашении, заключенном между тремя Прибалтийскими странами – Эстонией, Литвой и Латвией, – о проведении единой внешней политики.

Заседание совета министров 12 июля. Мы отказали польскому правительству в выдаче Ладовского. Лейтенант. Ладовский, в прошлом сторонник Пилсудского, перешел в оппозицию и был обвинен в просоветской деятельности. Барту представил отчет о своей поездке. Он ничего не добавил к тому, что было сообщено в газетах. Говоря о своем пребывании в Лондоне, он подчеркнул частный характер приемов, на которые его приглашали. Сэр Остин Чемберлен заявил о солидарности Великобритании с Францией. Барту считает, что женевские инциденты уже забыты; он хотел успокоить Лондон относительно нашей политики на Востоке. По его словам, Англия обеспокоена судьбой конференции по разоружению. Барту не просил ее участвовать в соглашении с Москвой, которое к тому же не включает военной конвенции. Мы предупредили о нашем плане Польшу, и Германию. Польша заявила о своем враждебном отношении к этой идее, а Италия встретила ее довольно холодно.

Я вижу, что мой проект соглашения с Россией сильно продвинулся вперед. Теперь и Барту выступает за союз с Россией, который не имеет целью окружение Германии. Это, говорит он, является актом европейского сотрудничества; чтобы содействовать его осуществлению, он использует резкое недовольство в Англии политикой Германии. Сэр Джон Саймон, как и Иден, положительно относится: 1) к вступлению Советского Союза в Лигу наций при условии уважения ее Устава; 2) к нашей политике на Востоке при условии присоединения к ней Германии и Бельгии. Барту доказывает, что Бельгию это не интересует; что же касается Германии, то ей будет сделано соответствующее приглашение.

В общем под тем или иным наименованием готовилось Восточное Локарно. Сэр Джон Саймон хотел бы связать эти переговоры с дискуссией по перевооружению Германии, находящемуся в настоящее время в руках рейхсвера; Барту рассматривал эту идею не как условие, а как следствие. Соглашение, достигнутое вначале при переговорах с сэром Джоном Саймоном, натолкнулось на трудности, вызванные страхом перед общественным мнением и парламентом Англии. Тем не менее был выработан следующий текст: «Английское правительство не хочет принимать на себя новых обязательств, однако оно согласно рекомендовать Польше, Германии и Италии проект Восточного пакта при условии, что Россия присоединится к Локарнским соглашениям». Таким образом, выявляется идея создания Восточного Локарно. Великобритания считает, что такие переговоры позволят вновь приступить, при более благоприятных условиях, к рассмотрению принципа «равноправия всех наций в

обстановке коллективной безопасности». Следовательно, Барту вернулся к нашему предложению 1932 года.

Гендерсон, ознакомившись с содержанием данного решения, одобрил его. Барту сообщил ему об опасности, связанной с развитием военно-воздушного флота. Если к концу года конференция по разоружению не примет какого-либо определенного решения, то тогда все ее участники потихоньку разбегутся. Что же касается авиации, то будет запрошено мнение французских и британских экспертов. Пьетри продолжает переговоры о военно-морском флоте. Наш посол в Лондоне пишет, что его визит оказался очень полезным и что британский кабинет одобрил сделанные им выводы. Сэр Джон по согласованию с нами информировал Рим, Берлин и Варшаву. Текст его ноты может быть опубликован. В то же время стало известно, что Муссолини собирается совершить поездку в Германию. Доклад Барту отличался исключительной ясностью. Я вновь был поражен дальновидностью Думерга и его здравым смыслом.

Получил от губернатора Экваториальной Африки Антонетти следующую телеграмму:

> «В момент, когда открытием железной дороги Конго – Океан завершилось имеющее общегосударственное значение строительство, которое смогло быть продолжено после нескольких лет неуверенности и сомнений лишь в результате решения совета министров, принятого благодаря вам в сентябре 1924 года, я обращаюсь к вам от имени всего населения и от моего собственного имени со словами глубокой признательности».

Жермен Мартен сделал сообщение о займе казначейства, реальная процентная ставка которого равна 5,08. Кей предложил установить цену зерна в 110 франков.

Инцидент с Тардье. В среду, 18 июля, я находился в Женеве в связи с работой Комиссии культурного сотрудничества. Будучи немного нездоров, я лежал у себя в номере в отеле «Берг». В 17 часов в одной из вечерних газет я прочел краткое изложение резкого выступления Тардье перед комиссией по расследованию. Я был обеспокоен. И действительно, около полуночи Сарро сообщил мне о волнении, которое вызвал в Париже этот инцидент. Шотан утверждал, что на очной ставке с Тардье он «положил его на обе лопатки», но по-прежнему возмущен и заявил, что необходимы солидарные действия всей партии. Я предлагаю в качестве первой меры созыв совета кабинета, даже в

отсутствие Думерга.

В Париже утром в пятницу, 20 июля, я обнаружил довольно сильный ажиотаж. Долго беседовал с Шотаном, Шероном и Марке. В 15 часов я созвал бюро партии совместно с несколькими парламентариями. Единогласно была принята следующая резолюция:

> «Бюро Исполнительного комитета партии радикалов и радикал-социалистов, обсудив 20 июля 1934 года вопрос об инцидентах, в связи с которыми было созвано заседание совета кабинета, констатирует, что выступление г-на Тардье имело место на следующий день после того, как комиссия по расследованию вынесла заключение на основе доклада Катала о том, что г-н Шотан не совершил ничего бесчестного и незаконного; что, с другой стороны, аргументы г-на Тардье основываются на документе (корешок от чековой книжки), приложенном к делу не при правительстве г-на Шотана, а при правительстве г-на Думерга; что к тому же в ряде мест своего выступления г-н Тардье имел в виду не только г-на Шотана, но и всю партию радикал-социалистов; поэтому в этих условиях это выступление является безусловно политическим актом и нарушением соглашения о перемирии между партиями, на основе которого был сформирован нынешний кабинет. В связи с этим бюро единогласно решило довести свое мнение в качестве мнения партии радикалов до сведения г-на председателя совета министров, чтобы он мог принять решение в соответствии со своими полномочиями».

В 17 часов в помещении государственной канцелярии состоялось заседание совета кабинета. Марке внес процедурное предложение отложить обсуждение до возвращения Думерга. Я выступил против этого предложения: нужно отложить не обсуждение, а принятие решения; надо, чтобы каждый изложил свое мнение. Совет присоединился к моей точке зрения. Слово взял Барту; он неопровержимо доказал, что Тардье нанес ущерб авторитету государства и его внешней и внутренней политике; он настаивал на выходе Тардье из правительства. Я указал на невозможность для радикалов примириться с выступлением Тардье; оно недопустимо с юридической точки зрения; чек был приложен к досье не при правительстве Шотана, а при правительстве Думерга; комиссия по расследованию вынесла свое заключение по делу Шотана после продолжительного разбирательства. Выступление Тардье недопустимо также и с

точки зрения фактов; Шотан был основной поддержкой правительства. Кроме того, Тардье обвинял всю партию или, как он выразился, «всю компанию». Тардье утверждает, что он лишь защищался и говорил то, что считал правдой; его аргументация вполне корректна, но малоубедительна; он согласен подать заявление об отставке, но не Барту, а Думергу. Марэн говорил о последствиях возможного выхода Тардье из состава кабинета. Жермен Мартен, кажется, согласен с нами. Лаваль выразил сожаление по поводу слишком резкого тона министра иностранных дел. После заключительного обмена репликами между Барту и Тардье прения прекратились. Шерону было поручено проинформировать Думерга и просить его провести заседание совета. После того как все разошлись, я говорил по телефону с Жермен Мартеном. Он полностью с нами согласен; он заявил, что дело не может быть урегулировано при помощи благих заверений, что «припаркой» здесь не поможешь и что если радикалы выйдут из правительства, то он поступит так же.

19 числа Тардье написал мне следующее письмо:

> «Дорогой Эррио, я никогда так не сожалел, что Женева столь далеко, так как очень хотел бы поговорить с вами как до, так и после случившегося. Нужно ли мне говорить вам, что я совершенно неповинен во всем том, в чем меня обвиняют? В течение четырех с половиной месяцев я безропотно сносил гнусную клеветническую кампанию. Я не отвечал на нее. Я не просил, чтобы меня заслушали на комиссии. Она сама меня вызвала. В качестве свидетеля, присягнувшего говорить правду, я вынужден был сказать все, что я знаю, и все, что я считаю правдой. Превращение этого юридического акта в политические нападки и слезы, проливаемые по поводу нарушенного перемирия всякими Жанами Зей, которые всегда голосовали против нас, кажутся мне балаганом. Мы попытаемся урегулировать все это завтра. Искренне ваш Андре Тардье».

Воскресенье, 22 июля. В Лион для беседы со мной приехал из департамента Верхней Луары Жермен Мартен. Он считает, что нужно прежде всего попросить Тардье дать объяснения по поводу его обвинений (например, о подделке чеков). Если он сообщит новые факты, тогда мы будем решать, что делать. В противном случае возникает дилемма: или он, или мы; для партии радикалов создавшаяся ситуация недопустима; следует предпочесть кризис плохому компромиссу. Я полностью согласен с Мартеном.

В 22 часа прибежал Шерон. Он предложил два решения: 1) чтобы председатель совета министров напомнил принципы и условия перемирия между партиями; 2) чтобы Тардье был заменен кем-либо из представителей того же направления. Я отверг первое решение.

Вторник, 24 июля. В 10 часов 30 минут я встретился с председателем совета министров. Он сообщил мне о своем решении; оно изложено в заявлении, которое он зачитает на заседании совета кабинета; если совет не примет этого заявления, он подаст в отставку. Во время нашей беседы мне стало ясно, что Думерг, по-видимому, нерасположен к радикалам, хотя утверждает, что «спас их честь» и что Шотан плохо его поддержал. Был момент, когда я готов был встать и уйти. Я заявил, что, во всяком случае, сохраняю за собой право принять решение после того, как я ознакомлюсь с заявлением. В 11 часов совещание с радикалами – членами совета кабинета, затем – с бюро партии. Как здесь, так и там – полное единогласие. Мы были единодушны в своем желании не свергать кабинет, но требовали сатисфакции.

В 17 часов заседание совета кабинета. Думерг зачитал нам свое заявление; он упрекал Тардье в том, что тот перешел границы, «в которых он должен был держаться», но заявлял, что он не может обойтись ни без его, ни без моей помощи. «О выводе, – заявил он, – вы догадываетесь: или сохранение правительства в том виде, в каком оно было сформировано, или его полная отставка с вытекающими отсюда последствиями – создание нового правительства во главе с новым председателем». Затем Думерг зачитал нам примирительную статью из «Депеш де Тулуз». Я спросил, могу ли я взять слово.

Ответ. Если для того, чтобы начать дискуссию, то нет.

Я. Тогда я оставляю за собой право ответить.

Председатель совета министров заявил, что он не может допустить, чтобы решение было подчинено мнению какого-то «комитета». Я заявил протест против этого выражения, и Думерг взял его обратно. Я сказал, что речь идет не обо мне лично, а о крупной партии, принципам которой я остаюсь верен. Тардье объявил: «Я принимаю упрек». Атмосфера накалялась. Думерг начал писать заявление об отставке, желая, по-видимому, произвести на меня впечатление. Лаваль предложил, чтобы министры-радикалы временно остались в правительстве. Заседание было прервано. Министры-радикалы собрались на совещание. Барту, Жермен Мартен, Фланден, Марке и Лаваль поочередно приходили к нам изложить свою точку зрения. После тщательного обсуждения мы составили следующее заявление:

«Министры-радикалы рассматривают происшедший инцидент как нарушение перемирия. Отвечая на призыв г-на председателя совета министров и желая избежать в этой исключительно серьезной для страны обстановке принятия таких мер, как созыв парламента, они решили остаться на своих постах. Но положение, в котором они оказались в результате этих событий, обязывает их поставить этот вопрос в октябре на обсуждение съезда партии радикалов и радикал-социалистов».

Председатель совета министров принял это заявление. Заседание возобновилось. Фланден произнес по моему адресу несколько лестных слов. Председатель совета обнял меня. Но он обнял также и Тардье. После заседания Тардье сказал мне, что у него и в мыслях не было ни нападать на мою партию, ни ставить меня в затруднительное положение. «В таком случае, – сказал я ему, – вы серьезно ошиблись».

Во вторник вечером состоялось довольно тяжелое заседание бюро партии, а в среду, во второй половине дня – собрание парламентской группы, но и в том и в другом случае были приняты разумные решения.

Четверг, 26 июля, утро. Меня принял президент республики, который был очень расстроен и выражал беспокойство в связи с предстоящим в октябре съездом нашей партии. Я беседовал также с председателем совета министров, который изложил мне причины своих столь прямолинейных действий. Завтрак у германского посла, который весьма обеспокоен событиями в Австрии.

10 августа. Заседание совета кабинета. Сарро и Барту отсутствовали. Обсуждалось финансовое положение. Заем дал хорошие результаты при покупке облигаций за наличный расчет в банках, чего нельзя сказать о подписке по линии казначейства. Правительство получило 3 миллиарда без консолидации бон Клемантеля; вероятно, это является следствием политических инцидентов. В октябре предстоит провести операцию, которая должна принести по меньшей мере 6 миллиардов. Для успеха этой операции в стране должно царить полное спокойствие, которое тем более необходимо, что международные финансовые события значительно усугубят трудности. Подготовка бюджета проходит при благоприятных условиях; он должен достичь 47 миллиардов франков. Урожай зерновых составил 80 миллионов центнеров при потребности в 90 миллионов; мы имеем в резерве еще 22 миллиона. В Советском Союзе принят принцип кредитного обеспечения. Пуанкаре протестует против упразднения школ.

Берто дано указание действовать осторожно; он собирается сократить число учителей всего лишь на одну тысячу. Думерг осудил выступления преподавателей Ниццы. Серьезная дискуссия развернулась по вопросу о начальном образовании.

4 августа Литвинов писал мне из Москвы:

> «Я полностью разделяю ваше мнение, что уже проделан известный путь для достижения нашей цели – более тесного сближения с Францией. Я полностью удовлетворен сотрудничеством, установившимся с вашим правительством, и надеюсь на дальнейший прогресс в этом направлении. Я надеюсь также, что скоро нам представится возможность снова встретиться для личной беседы».

30 августа. Заседание совета кабинета. Вчера, вернувшись в Париж, я нашел у себя письмо Тардье. Он снова возмущен; забыв, что он признал справедливый упрек Думерга, он обвиняет Шотана в том, что тот «из политических соображений изъял из дела некоторые важные для правосудия документы (бумаги Эймара, бумаги Россиньоля, корешки чеков)».

Я присутствовал на заседании парламентской группы, которое проходило очень спокойно и было занято исключительно вопросом о хлебе.

В ближайшее время будет открыта линия телефонной связи Париж – Москва. Шерон после небольшого инцидента с Марке выражает некоторое недовольство. Он решил опубликовать доклад Гийома, уже ставший известным в результате чьей-то нескромности.

Ухудшившееся было состояние финансового рынка вновь улучшилось. Дела казначейства снова идут хорошо.

Проект бюджета на 1935 год, кажется, должен быть утвержден раньше, чем в предыдущие годы. Нынешние источники доходов позволяют рассчитывать максимум на 46 миллиардов. Между тем необходимо 47 миллиардов 240 миллионов; следовательно, нужно изыскать примерно 1 миллиард; однако это все же шаг вперед, так как дефицит 1933 года был равен примерно 7 миллиардам. Ресурсы были рассчитаны с учетом существующих трудностей с абсолютной точностью, за исключением изменений, которые могут произойти в последнюю минуту. Жермен Мартен против введения новых налогов. Я указал, что дефицит в 1 миллиард все еще очень велик, даже если мы будем, как это предлагал председатель совета министров, упорно проводить политику строгой экономии средств.

Берто рассказал о положении с преподавателями и о тех

значительных трудностях, с которыми ему пришлось столкнуться. В конце концов была принята приемлемая для Думерга резолюция. Государственная светская школа, за дело которой мы столько боролись, подвергается серьезной опасности из-за недопустимых выходок нескольких фанатиков и демагогов.

30 августа. Вторая половина дня. Меня вызвал к себе президент республики. Его весьма обеспокоило внутреннее положение, и он просил меня сделать все возможное, чтобы Нантский съезд не нарушил перемирия между партиями. Я обещал ему не допустить этого, но необходимо, чтобы мне не мешали. Я убедился, что президент республики, как и председатель совета министров, готов пойти на роспуск парламента в случае ладения правительства Думерга.

31 августа. Заседание совета министров. По сообщению Барту, в Германии было казнено от 400 до 600 человек. Г-жа фон Папен указывает цифру в 700 человек. Министр иностранных дел доложил совету министров содержание подготовленной им памятной записки по вопросу о Сааре, которую он намерен представить в Бюро Лиги наций. Он предложил утвердить следующий состав нашей делегации в Женеву: он сам, Жермен Мартен, Ламурё, Баржетон, Массигли, Бадеван, Жюль Готье, Кассен, Луи Обер, Грембак, г-жа Малатер, технические советники. С Жуо встретиться не удалось; если он согласится, Барту включит его в состав делегации.

Мы приступили к обсуждению важного вопроса о *Восточном пакте.* Отношение английского правительства к этому проекту по-прежнему благожелательное. В Германии фон Бюлов, по-видимому, настроен враждебно, но рейх еще не дал официального ответа. Италия согласна. Польша колеблется; ее поведение в этом, как и в некоторых других вопросах, кажется подозрительным. Вступление Советского Союза в Лигу наций ставит другую проблему. Москва не связывает больше между собой эти два вопроса. СССР отказался от некоторых своих условий: о равноправии рас и о мандатах. Он продолжает только настаивать на своих вполне приемлемых и совпадающих с требованиями Турции оговорках по вопросу об арбитраже[159].

Барту представил на рассмотрение Англии и Италии подготовленный им проект сокращенной процедуры заседаний Совета и Ассамблеи Лиги наций; Англия (письмо от 24 августа) обещала действовать в том же направлении, она проявляет безупречную лояльность. Италия заявила о своем полном согласии; она будет стремиться преодолеть оппозицию Швейцарии. Было запрошено мнение Польши. Бек высказал удивление по поводу разделения этих двух вопросов: Восточного

пакта и вступления в Лигу наций; он признал необходимость упростить процедуру, хотя это приведет к нехватке времени для обмена информацией; он поднял вопрос о национальных меньшинствах и как будто не согласен на создание так называемого Восточного Локарно. Он ставит двадцать вопросов и просит некоторых гарантий, усиленно подчеркивая, что его позиция «ни в коей мере не является негативной». Позиция Швейцарии под давлением общественного мнения остается резко отрицательной; она опасается коммунистической пропаганды в Женеве и-в других местах. Бельгия, в течение долгого времени выступавшая против Советов, даже когда они предлагали Барту полностью признать долги, еще не высказала своего отношения. Ватикан дал отрицательный ответ. Никаких сведений из Испании, Португалии, Аргентины и Мексики. Благоприятные ответы были получены из Китая, Дании, Панамы. В конечном итоге Франция сделала все от нее зависящее для подготовки вступления Советского Союза в Лигу наций. Для принятия на Ассамблее необходимо большинство в две трети голосов. Единогласие необходимо для получения постоянного места, без чего Советский Союз не войдет в Лигу наций.

Барту просил вновь вернуться к рассмотрению вопроса об обеспечении кредита; он предложил принимать решение в каждом отдельном случае, чтобы не лишить себя свободы действий в отношении долгов.

1 сентября 1934 года. Перед моим отъездом в Лион меня вызвал Думерг, который долго беседовал со мной. «Я думаю, – сказал он мне, – что, возможно, я буду вынужден подать в отставку – из-за неудач или же по состоянию здоровья. Вы один из немногих людей, способных возглавить правительство». Председатель совета министров сегодня весьма благосклонен к партии радикалов, «необходимому центру любой политической комбинации». Он просил не подходить предвзято к создавшейся ситуации и не отвергать никаких проявлений доброй воли. Он подчеркнул опасность искусно составленного коммунистического манифеста[160]. В ходе беседы он высказал странную похвалу по адресу Мак-Магона[161]. Что означает этот разговор?

21 сентября. Заседание совета кабинета. Думерг сделал обзор общеполитического положения. Он указал на необходимость сохранения спокойствия в стране для осуществления финансовых операций. Он заявил, что обеспокоен политикой Германии, особенно в Саарском вопросе. Затем сообщил, что в скором времени им будут представлены проекты государственной реформы и усиления исполнительной власти; он намерен осуществить роспуск парламента и предполагает, что Общий

фронт сможет получить 200 мест в новой палате. Он хочет улучшить работу экономического совета, выделить из него комитет экспертов и создать в каждом министерстве организационное бюро.

Итак, мы на пути к неизвестному. Шерон кратко информировал нас о своих юридических делах. Жермен Мартен изложил соображения, по которым он предпринял свою казначейскую операцию, и определил тип займа (облигации сроком на 3, 6 и 10 лет). Первые результаты положительные; заграница реагирует хорошо. Мы обсуждали вопрос об изменении декрета о пенсиях. В Северной Африке назревает мятеж; Сарро заявил, что там необходимо проводить происламскую политику.

22 сентября 1934 года. Заседание совета в Рамбуйе. Барту обратил наше внимание на речь Нейрата и на тот факт, что Германия решила присвоить себе те права, в которых ей было отказано. Впрочем, рейх, кажется, занят главным образом Сааром, где он создал единый фронт – от коммунистов до католиков[162]. Затем министр иностранных дел сделал сообщение о переговорах в Женеве. Польша неожиданно подняла вопрос о национальных меньшинствах, отказавшись соблюдать существующие договоры. Англия, Италия и Франция выступили с совместным протестом. В конечном счете Польша отказалась от своих претензий.

Было запрошено мнение варшавского правительства по вопросу приема Советского Союза. Барту имел с Беком беседу о промышленных судебных процессах, целью которых является изгнание из Польши французских предпринимателей; нашим соотечественникам было отказано даже в праве иметь адвоката. Думерг указал на существующую в Польше общую тенденцию к вытеснению французского капитала. Она уже не является нашим другом. Что касается Восточного пакта, то Бек занял неопределенную позицию.

Прием Советского Союза проходил с большим трудом. Нужно было добиться для него постоянного места в Совете и получить две трети голосов на Ассамблее. Во время переговоров, главным образом в Совете, было поднято несколько деликатных вопросов. Бек ставил условия и требовал от русских особого заявления о том, что все договора, ранее заключенные между Москвой и Варшавой, остаются в силе. Панама, после того как она обещала голосовать за прием, воздержалась. Наиболее сильное сопротивление оказала Португалия; в конечном итоге она воздержалась. Оппозиция была фактически религиозного порядка: протестантского и католического. Газета «Журналь де Женев» не скрывала своей ярости.

Я получил от Литвинова следующую телеграмму:

«Приношу вам горячую благодарность за ваши поздравления. Вы не только желали этого события, но и значительно содействовали его осуществлению всей своей политикой в отношении моей страны. Я убежден, что это событие окажет в свою очередь самое благоприятное влияние на дальнейшее развитие франко-советских отношений, которым вы всегда стремились придать сердечный характер».

Австрийские дела приняли деликатный и сложный характер. Италия маневрирует. В Вене канцлер обещает обеспечить спокойствие, если не будет вмешательства со стороны Берлина; он настойчиво требует экономической сатисфакции; он заявляет, что у него имеются доказательства того, что июльские события были подготовлены Мюнхеном. Фон Папен не пользуется больше влиянием. У Жермен Мартена состоялась беседа с канцлером по техническим вопросам, последний показался ему искренним. Барту просил его выступить против реставрации Габсбургов, так как это может привести к войне. Английское правительство не хочет идти дальше обязательств, которые оно взяло на себя 17 февраля. Австрия высказалась за «итало-французский» пакт, к которому в принципе примкнула бы Англия. Фактически Италия и Австрия постоянно консультируются друг с другом. Канцлер заявил, что он намерен принять меры против монархических выступлений. Италия желала бы, чтобы австрийский вопрос не обсуждался Лигой наций, а был урегулирован ею и Францией и согласован с Англией и Германией. Позиция Италии ясна: она хочет разъединить нас с Лондоном, Югославией и Малой Антантой.

Во время сессии англо-французское согласие было полным. Австрия предложила, чтобы в случае возникновения конфликта итальянское и французское правительства были поставлены в известность и оказали помощь; чтобы пограничные государства и Англия были проинформированы лишь во вторую очередь. Барту противопоставил этому предложению резолюцию, которая основывалась на Сен-Жерменском договоре и ставила независимость Австрии под защиту государств – членов Совета. В общем политика защиты Австрии Лигой наций противопоставляется политике защиты ее двумя державами.

Эти события связаны с вопросом о реставрации. Тироль и Штирия как будто благосклонны к Отто. По мнению князя Штаренберга, Муссолини считает, что ему удастся убедить Шамбрена. Может быть, Отто женится на младшей дочери итальянского короля. Его сторонники надеются также, что он

станет королем Венгрии. Весь патриотический фронт стал бы тогда монархическим. Что касается Италии, то она по-прежнему намерена создать союз, куда входили бы, кроме нее, Австрия и Венгрия.

Напряженное положение в Тунисе и Марокко.

Фланден вынес из своей поездки впечатления, которые подтверждают беспокойство англичан и американцев по поводу перевооружения Германии. Рузвельт заявил, что нужно как можно меньше говорить о долгах. Он, кажется, намерен положить конец девальвации доллара; его беспокоит главным образом вопрос о безработице; вполне возможно, что произойдет непроизвольная девальвация. Во Франции преувеличивают пресловутую сумятицу в Соединенных Штатах. За президента стоит подавляющее большинство страны.

Денэн сообщил нам, что перевооружение Германии в области авиации идет необычайно быстрыми темпами; Германия составила при содействии какого-то француза доклад о состоянии нашей авиации. Одна из трудностей нашей экономики проистекает из распыленности наших сил. Денэн считает, что необходима концентрация. Пьетри сообщил, что мы располагаем 17 верфями, то есть большим количеством, чем Англия.

Гендерсон согласен отложить конференцию по разоружению.

III. Государственная реформа (28 сентября – 8 ноября 1934 года)

28 сентября. Заседание совета кабинета. В прошлый понедельник председатель совета министров выступил с речью по радио, в которой подробнее, чем на последнем заседании совета министров, сообщил о целой серии серьезных реформ: право роспуска должно быть предоставлено председателю совета министров, депутаты лишаются права инициативы в области финансовой политики, изменяется статут чиновников. Я полагаю, что эти проекты натолкнутся на энергичное сопротивление со стороны республиканцев, и в частности со стороны радикалов. Во всяком случае, нас не ознакомили с этой программой, и я отношусь к ней отрицательно.

Обсуждался представленный мною и Тардье доклад о дороговизне.

Из достоверного источника мы узнали, что в Германии большое число лиц зачислено в рейхсвер со сроком службы на один год. Думерг сообщил нам, что он требовал установления срока в шесть месяцев. Он изложил свой проект реорганизации аппарата председателя совета министров и 4-х отделов. Он оставит непосредственно в своем ведении Статистическое управление, Экономический совет и Высший совет национальной обороны. Он переедет в бывшее австрийское посольство. Он объяснил, почему не говорил нам раньше о своих планах, касающихся государственной реформы: он боялся огласки. Это по меньшей мере незамысловатый аргумент! Между тем речь по радио отнюдь не является сугубо конфиденциальным приемом!

Думерг решил созвать Национальное собрание. Но когда? Не требуя от нас немедленного решения, он хотел бы, опасаясь Общего фронта, скорее созвать совместное заседание обеих палат в Версале уже в начале ноября. Я взял слово.

Реформа? Хорошо. Но какая? По этому вопросу наши мнения могут разойтись. Ведь мы, радикалы, поддерживаем контакт с Общим фронтом. Нужно действовать осторожно, дать нам возможность проконсультироваться с партией, чтобы не допустить ее выступления против нас.

Думерг усиленно настаивал. Он не желал отказываться от своей идеи; он готов требовать роспуска даже в настоящих условиях. Марке заявил, что согласие партии радикалов необходимо. Я вновь выступил, обратившись к своим коллегам: «Вы должны решить, как вы хотите осуществить реформу – с нами

или без нас? Если вы поступите неосторожно, предупреждаю вас, что мы провалимся. Если вы хотите действовать без нас, то это ваше дело. Если вы желаете, чтобы мы остались с вами, то предоставьте нам время для изучения проектов председателя совета министров, дабы выяснить, совместимы ли они с нашей доктриной». Кабинет был предупрежден. Здесь я вновь использую записи, составленные мною непосредственно на заседании совета министров.

Жермен Мартен сообщил нам, что он больше не опасается за конверсию; но падение на бирже началось.

Кантональные выборы 7 октября внесли мало изменений в существовавшее ранее соотношение сил. Меня очень интересовали результаты, достигнутые радикальной партией; она сохранила и даже усилила свои позиции. В Лионе борьба была упорной; бросившие мне вызов социалисты потерпели явный провал.

9 октября. Заседание совета министров. Положение в Северной Африке продолжает оставаться серьезным. Зато в Эльзасе отмечается ослабление движения за автономию. Реализация займа в скором времени будет закончена, результаты очень хорошие.

После заседания совета, в общем довольно малозначительного, Думерг попросил меня зайти к нему в 17 часов на Кэ д'Орсе. Когда я приехал туда, я застал там делегацию от департамента Сарты в составе Кайо, Монтиньи и Гурдо, которые сообщили мне о покушении на югославского короля. Я вошел к Думергу. Он был сильно возбужден. Правда, информация у него еще неполная: ему только сообщили, что король Александр умер, а Барту ранен, как говорят, легко. Мы наметили меры, которые следует принять в первую очередь. Президент республики решил выехать в Марсель.

Когда в 18 часов мы собрались на заседание совета кабинета, созванное Думергом, Сарро сообщил нам о смерти Барту. Атмосфера заседания была мрачной. Каждый чувствовал себя подавленным. Однако мы приняли необходимые решения. Я вместе с Тардье составил воззвание правительства. Государственным министрам было поручено сопровождать президента республики. О состоянии здоровья генерала Жоржа точных сведений не было.

10 октября в 10 часов утра прибыли в Марсель. В префектуре царило уныние. Сербы Ефтич и Спалайкович замкнулись в себе; их гнев выражался в желании увезти тело короля в тот же день. Точно через 24 часа после своего прибытия Александр вновь оказался на борту «Дубровника», но на этот раз уже в гробу.

Врачи забальзамировали оба трупа, точнее, ввели в них формалин; нужно было дождаться конца этой зловещей операции. В 11 часов королева встретилась с президентом в большом красном салоне префектуры. Я был восхищен ее спокойствием, ее самообладанием, ее героической улыбкой. Здесь же находились сестра короля и его тетка Ксения, дочь королевы Черногории, которую я сначала не узнал, хотя принимал ее в Лионе во время войны. Они в плохих отношениях с королевой. «Мы приехали сюда, – сказали они мне, – чтобы проливать слезы». Семейные разногласия имеют место и в королевской среде и проявляют себя даже при подобных обстоятельствах. Прибывшая из Ментоны сестра короля была довольно бедно одета и вызывала жалость. Ее муж был убит во время русской революции.

Королева держала себя поистине величественно. Когда ее провели в траурный зал, где на двух парадных ложах покоились тело короля и французского министра, я стоял за ней. Она стояла прямо, не двигаясь; я смотрел на ее тонкие руки, в которых не заметно было ни малейшей дрожи. Траурное одеяние обрамляло ее молодое лицо с ясным взглядом; ее покрытые вуалью волосы были повязаны белой лентой. Она говорила с президентом о своем сыне, «бедном мальчике». Никто не видел на глазах у этой убитой горем женщины ни единой слезы.

Чтобы избежать слишком многолюдной трапезы, которая выглядела бы при данных обстоятельствах неприлично, я с женой, которая ночью сопровождала королеву, пошли завтракать вместе с Буиссоном, Тардье и мэром Рибо. Рибо сам рассказал нам о неорганизованности вчерашней церемонии, о беспорядке, который заметен даже на фотографиях в газетах. Было слишком мало войск. Правда, их вообще было очень мало в городе, но ведь в Тулоне была морская пехота, а в Оранже находились спаги (колониальные части). Убийца, вскочив на подножку автомашины, открыл огонь из настоящего ручного пулемета. Говорят, это был македонский террорист. На нем обнаружили татуировку, которая указывала на это. Но кто дал ему оружие? Можно ли верить полиции, которая виновна в происшедшем? Как французу, помнящему о слепом доверии, с которым к нам относились сербы, мне стыдно и больно.

В 16 часов началась траурная церемония. Организована она была весьма скверно. Довольно небрежно одетые служащие похоронного бюро передали гроб югославским офицерам. Разве не могли поручить это французским офицерам? Гроб установили на берегу возле небольшого военного корабля. Краткая религиозная церемония. У моряков на глазах слезы. Все исполнены почтительного благоговения перед несчастной

королевой, полной достоинства и самообладания в своем горе.

Мы присутствовали, когда опускали в гроб тело Барту. Я был неприятно поражен грубыми действиями персонала, поднимавшего тело с парадного ложа; эти люди даже не поддержали ног, которые жалко свешивались вниз. Траурные кружева закрывали умное и тонкое лицо человека, который еще совсем недавно был так жизнерадостен, который умел быть любезным даже во время полемики и был блестящим образцом изысканной учтивости своей нации. В 18 часов состоялся вынос тела. Тардье и я сопровождали гроб в Париж. Наше прибытие утром в четверг было мрачным. Думерг вызвал нас на Кэ д'Орсе для первого ознакомления с ситуацией. Он еще колебался, но был намерен оставить за нами наши должности. Еще в Марселе, возле гроба Барту, президент республики быстро спросил меня: «Что мы предпримем в отношении Кэ д'Орсе?» Я ответил: «Подчинимся решению председателя Совета».

Несмотря на весь этот кошмар, я должен был пойти в бюро партии для определения нашей позиции во втором туре голосования. Совещание, которое состоялось накануне, выявило ряд расхождений. Однако бюро единогласно одобрило линию, которую я наметил в своей речи в Лионе.

Вечером, в 21 час, отъезд королевы, ее матери и маленького короля с Восточного вокзала. Маленький король – очаровательный ребенок *à l'anglaise*. По-видимому, он очень счастлив снова быть со своей семьей, и ему нравится путешествовать. Румынская королева-мать любезно беседовала со мной, вспоминая наши прошлые встречи.

После возвращения с вокзала я направился к Шерону, который еще раньше пригласил меня к себе. Он узнал, что Сарро подал в отставку, и ждет, что его также сместят. Он расстроен и одновременно доволен. В пятницу, 12-го числа, в 11 часов, я снова встретился с Думергом и Тардье. Беседа носила более конкретный характер, чем накануне. Прежде всего было решено, что будет произведена внутренняя перестановка, а не отставка всего кабинета, так как в этом случае Думерг не возьмется сформировать новое правительство. Когда об этом договорились в принципе, я, желая спасти Шерона, высказал мысль, что перестановка, затрагивающая трех основных министров, была бы излишней; что Шерон смог бы отомстить за себя и что в конце концов не следует ставить на одну доску убийство короля и смерть Пренса. Мои собеседники присоединились к этой точке зрения. Министра юстиции решили оставить на своем посту. По крайней мере в настоящее время. «Шерон, – сказал мне Думерг, – это бальзаковский персонаж».

Что касается кандидата на пост министра иностранных дел, то Думерг колебался между Лавалем, Фланденом и Пьетри. Тардье согласен был на любого из трех. «Если бы я пошел в министерство иностранных дел, – сказал он мне, – взяли бы вы на себя министерство внутренних дел?» Я категорически отказался. Думерг остановился на Лавале, потому что он был раньше председателем совета министров. Относительно министерства внутренних дел Тардье опередил меня и заявил, что на эту должность следует назначить радикала, предпочтительно Дельбоса или Кея; Думерг остановился на Маршандо. Роллен будет министром колоний. Заседание совета министров было назначено на понедельник, 15-го; я просил, чтобы оно состоялось 13-го вечером, после похорон Барту; так и было решено. Я отправился к Шерону, чтобы конфиденциально предупредить его. Его жена и он встретили меня со слезами на глазах.

13 октября. Похороны Барту. Организованы они были весьма пышно. Но как все подобные официальные церемонии лишены смысла и значения!

Председатель совета шел впереди своих министров; за ним следовал церемониймейстер, которого, если бы не его форма, можно было бы принять за вице-председателя совета министров. Прямо Робеспьер на празднике Верховного Существа; отсутствует только колос пшеницы. У меня создалось впечатление, что Думергу не по себе. Только народ казался действительно опечаленным. Наиболее искренней была скорбь камердинера Густава, семьи и сотрудников покойного. Слушая в церкви бездушное исполнение мессы, я невольно вспомнил, с каким самозабвенным трепетом слушал Барту музыку в своей ложе в консерватории. Два момента были более достойны покойного. Во дворе Дома Инвалидов, населенного тенями прошлого, был дан прощальный воинский салют, прозвучал траурный марш, раздалась последняя дробь барабана. И потом, в самом конце, в наступающих сумерках на кладбище Пер-Лашез вокруг узкой глубокой могилы под большими, еще зелеными деревьями столпились вдоль аллей парижане. Они переживали происходящую драму гораздо глубже всех актеров официальной церемонии. Кортеж тронулся. В последний раз я взглянул на гроб. Я любил Барту; на него много клеветали. Иногда его острый ум ранил или по меньшей мере жалил; он разжигал пламя ненависти у тех, кто не умел ему ответить. Он играл идеями, словами. Говорить же с ним о вещах, не относящихся непосредственно к политике, было отдыхом, исполненным очарования. Он имел привычку поглаживать переплет книги с такой лаской, будто это было живое существо. Он был для меня замечательным другом.

В 18 часов заседание совета министров в Елисейском дворце. Сначала неизбежные ритуальные соболезнования. Президент республики сообщил нам, что в ближайшее время он поедет в Белград. Затем рассматривался вопрос о санкциях. Сарро потребовал наказания для чиновников и для себя. После этого вопрос о назначениях. Думерг заявил, что он не хотел бы посягать на символ, воплощенный двумя «столпами» – Тардье и мною. Он назначил Лаваля в Кэ д'Орсе (утешительный комплимент с улыбкой в адрес Фландена), Маршандо – министром внутренних дел, Роллена – министром по делам колоний.

После этого произошел следующий инцидент. Маршал Петен заявил, что операция не доведена до конца, что в правительстве остались слабые места. *Шерон:* «Какие?» – *Петен:* «Вы». Этот «экспромт» маршала показался мне в какой-то степени преднамеренным. Как он мог взять на себя задачу спровоцировать расправу над одним из министров, не будучи кем-то уполномочен на это? Эта сцена, безусловно, связана с разговором, который я и Тардье имели с Думергом. Мной овладело яростное желание уйти прочь от всех этих комбинаций и интриг. Шерон, который, может быть, был даже не прочь выйти из кабинета, заявил, что он оскорблен и просит отставки. Думерг явно желал ее принять; сам он спровоцировал инцидент или нет, ясно одно: он хотел им воспользоваться. Он угрожал, что уйдет в отставку или добьется роспуска парламента; старая песня. Я был поражен враждебным отношением Марке к Шерону. Лаваль был, пожалуй, за отставку всего кабинета. Я отметил, насколько опасны уступки улице, особенно в области юстиции; я вновь повторил свой вчерашний аргумент, что нельзя ставить на одну доску смерть короля и смерть Пренса. Напрасный труд. Думерг заявил, что он принимает отставку Шерона. Всеобщие заверения во взаимной преданности, однако атмосфера насыщена ненавистью. Я должен был предвидеть этот инцидент, так как заметил, что во время дневной церемонии председатель совета не сказал ни единого слова Шерону, находившемуся все время рядом с ним. Право же, в политических делах лучше быть обвиняемым, чем министром юстиции. Я еще раз увидел в действии метод, с помощью которого председатель совета добивается своего. После заседания совета Шерон заявил о своем твердом намерении защищаться и защищать в своем лице республиканские принципы. Он ушел весь багровый от гнева. Малоприятное для кабинета заседание. «По-моему, правительству конец», – сказал я маршалу, – «Ему уже раньше был конец», – ответил он.

На место Шерона был назначен Лемери, выбор которого не был одобрен единогласно. Я почувствовал, что мне не долго быть

в правительстве.

Второй тур кантональных выборов 14 октября не был благоприятным для радикалов, несмотря на искусно представленные министерством внутренних дел результаты. Я полагал, что мы потеряли около пятидесяти мест; правда, у нас еще оставалось почти пятьсот, и мы впервые выступали на выборах одни. В Лионе мы сохранили наши позиции (13 против 13); но социалисты потерпели крах (2 места вместо 6), в результате чего большинство в Генеральном совете перешло к умеренным.

Я возвратился 20 числа, чтобы присутствовать на похоронах Пуанкаре. Я часто бывал у него во время его последней болезни, до такой степени истощившей его, что больно было смотреть. Я привез ему с юга золотую древнеримскую монету, что доставило ему величайшее удовольствие. Семья покойного оказала мне честь, попросив нести ленту траурного покрова. Официальная церемония была очень пышной; общество оказало покойному президенту всевозможные знаки внимания: хвалебные гимны прессы, армейские почести, фимиам священников. Мне вспомнились похороны Карно сорок лет тому назад; возле Пантеона я узнал маленькую комнату в отеле, из окна которой я наблюдал тогда церемонию. В этой пышности все было для фотографов и ничего для истинного чувства. Гораздо более трогательными были похороны Нюбекура в Лотарингии: деревня на холме на берегу Эра с домами, крытыми розовато-лиловой черепицей; она почти не пострадала во время войны; церковь, напоминающая наши крестьянские храмы в Шампани; кладбище, похожее на поле, все увитое плющом; семейный склеп под старой сосной. Счастлив тот, кто, закончив свою трудовую жизнь, может быть похоронен рядом со своей матерью!

В субботу, 20-го числа, в 18 часов вечера я снова встретился с Думергом. Сначала он ополчился против франкмасонов. Если это ради меня, то он ошибся адресом. Он ознакомил меня со своими проектами, заявив, что не будет публиковать их до съезда. Степень важности этих проектов различна. Что касается государственных служащих, то он предлагает установить специальным законом их статут, запрещающий создание организаций и проведение забастовок. Я посоветовал, и он согласился принять, более простой текст, гарантирующий чиновников от любого произвола и указывающий, что любое неоправданное прекращение работы влечет за собой разрыв их контракта с государством. Относительно инициативы депутатов в области финансовой политики (которую всегда защищал Пуанкаре), он по моему совету принял текст парламентского

регламента. Вопрос об определении функций министров мы не обсуждали. Но двумя самыми важными вопросами являлись вопрос о предоставлении правительству права принять к исполнению бюджет предыдущего года, если новый бюджет не утвержден к 1 декабря, и главным образом вопрос о праве роспуска парламента.

Я хорошо понимаю Думерга. Он хотел или добиться от Национального собрания права его роспуска президентом республики и председателем совета министров, или же, в случае провала этого предложения, – сенатом. В этих двух вопросах он был непреклонен и отвергал всякую дискуссию. Я ему заявил, что в этих условиях я оставляю за собой право высказать свое мнение позже.

В понедельник, 22 числа, в Лионе я узнал, какое впечатление произвело это на сенат. Мне это стало известным из телеграмм агентства Гавас. Думерг заявил, что в субботу, 3 ноября, он выступит по радио с речью, где изложит свой проект государственной реформы. «Сегодня днем, – добавил он, – я принял председателя и вице-председателя демократической левой сената гг. Бьенвеню Мартена и Кюминаля, которые, в частности, ознакомили меня с настроениями верхней палаты. Что касается моих намерений, то я сказал им, что мои проекты уже составлены окончательно». На другие заданные ему вопросы председатель совета ответил, что в случае необходимости он использует все средства, которые предоставляет в его распоряжение конституция, в том числе роспуск парламента, чтобы добиться принятия предлагаемых им реформ. В заключение г-н Гастон Думерг сказал: «Я не нарушу конституцию; я ее применю».

Руководящий комитет демократической левой сената решил поставить меня в известность о точке зрения его группы. Г-н Кайо направил комитету телеграмму, где было сказано, что его точка зрения совпадает с мнением группы. Во вторник утром, 23 числа, я встретился с Бьенвеню Мартеном, который был полон решимости оказывать сопротивление. В тот же день состоялось заседание совета министров. Председательствующий Лебрен с волнением сообщил нам о замечательном приеме, оказанном ему в Югославии. Думерг заявил, что на следующее заседание совета он назначил обсуждение государственной реформы. Ламурё был послан в Россию. Дела казначейства идут очень хорошо. Серьезные волнения в Алжире. Вечером я принял у себя членов бюро Федерации государственных служащих; они выразили мне благодарность за результаты моего демарша перед председателем совета. Затем ко мне пришли Бонне и Корню, чтобы заявить о

своем согласии со мной по вопросу о роспуске парламента. Много визитов в том же духе. Альбер Мило направился от моего имени к Думергу и заявил ему, что я готов с ним встретиться для беседы. Думерг ответил, что это бесполезно, что он непреклонен и решил идти до конца. Визиты Розенберга, Политиса; последний был очень обеспокоен внешнеполитическим положением и плебисцитом в Сааре.

Открылся съезд партии радикалов. Когда в четверг, 25 октября, я прибыл в Нант, там царило всеобщее возбуждение. Исраэль, назначенный председателем комиссии по государственной реформе, сообщил мне в 12 часов, что в этот же день я должен выступить на съезде и что резолюция против пересмотра права роспуска парламента будет немедленно поставлена на голосование. Я высказался против этой ускоренной процедуры и попросил заслушать меня на комиссии. На дневном заседании я дважды заявил, что буду выступать только в субботу. Я хотел, чтобы моим друзьям и мне самому было дано время обдумать этот столь важный вопрос, так как разрыв перемирия между партиями мог вызвать беспорядки. Министр внутренних дел Маршандо был очень обеспокоен.

В пятницу съезд продолжал свою работу. Представители партии в сенате первыми приняли резолюцию, которая легла в основу прений:

> «Сенаторы – радикалы и радикал-социалисты, собравшись в Нанте, после всестороннего обсуждения нынешней обстановки пришли к единодушному мнению по следующим вопросам: 1) они заявляют о своем желании не разрывать перемирие между партиями; 2) они намерены оказать свое содействие проведению реформ, предусматривающих усиление исполнительной власти, организацию аппарата председателя совета, улучшение методов работы парламента, обеспечение своевременного принятия бюджета, избежание всех расходов, могущих нарушить финансовое равновесие. Они готовы рассмотреть в духе самого широкого сотрудничества все предлагаемые в этом плане меры. Но они считают своим долгом заявить о своем категорическом несогласии с упразднением права сената утверждать решение о роспуске парламента, так как, хотя они и доверяют лично г-ну председателю совета министров Думергу, они осознают опасность, которая может возникнуть для республиканского строя в случае злоупотребления личной властью и посягательства на

гарантии республиканских свобод со стороны какого бы то ни было главы правительства. Они просят министров – членов партии радикалов и радикал-социалистов сообщить их точку зрения г-ну Гастону Думергу и, памятуя о том, что он был председателем демократической левой сената, взывают к его верности идеям республиканского примирения и к его желанию установить социальный мир».

Я тщательно изучил стоявшие перед нами проблемы. События 2 декабря 1851 года явились следствием кампании за пересмотр конституции[163]. Чтобы убедиться в этом, достаточно перечитать опубликованный тогда *«Призыв к народу»* президента республики: «…Ассамблея, призванная служить самой надежной опорой порядка, стала очагом заговоров… Я распустил ее. Вы знаете, что Конституция была выработана с определенной целью – ослабить власть, которую вы хотели мне доверить… Мой долг… сохранить Республику». И Луи-Наполеон Бонапарт изложил свой проект конституции, предусматривавший, в частности, что «министры будут подчинены только исполнительной власти». В воззвании к армии содержались идеи, с которыми мы непосредственно столкнулись несколько позже. «С полным сознанием ответственности за свои действия перед народом и перед будущими поколениями я должен принять меры, которые я считаю необходимыми для блага нации».

Буланжистское движение также сопровождалось кампанией за пересмотр конституции.

События прошлого учат нас. Организация государственной власти регулируется, как всем известно, законом от 25 февраля 1875 года. В статье 5 этого закона говорится: «Президент республики может с санкции сената распустить палату депутатов до истечения срока ее полномочий». Статья 6 добавляет: «Президент республики может привлекаться к судебной ответственности только в случае государственной измены».

Каким образом удалось добиться принятия статьи 5? Комиссия предложила предоставить право роспуска палаты лично маршалу Мак-Магону. Валлон предложил поправку, предусматривающую необходимость в этом случае санкции сената. Борьба была острой; комиссия отклонила поправку Валлона, но предложение поставить на голосование сначала ее проект получило лишь половину голосов, и 2 февраля поправка Валлона прошла 449 голосами против 249. За нее голосовали три левые группы, немногочисленная группа Лаверня и часть правого центра. Следует отметить при этом, что Берто, автор резолюции,

противопоставленной поправке Валлона, просил предоставить право роспуска лишь одному маршалу Мак-Магону. «Моя поправка, – сказал он, – не предоставляет всем последующим, после маршала Мак-Магона, президентам права роспуска, каковое я считаю в корне несовместимым с республиканскими принципами» («Journal Officiel», 3 février 1875, p. 900). Виконт де Мо также считал, что право роспуска должно принадлежать лишь одному маршалу. Часто ссылаются на Дюфора, который, как известно, высказывался в защиту этой прерогативы сената, ибо, говорил он, неправильно считать, что палаты всегда являются рассадниками крамолы, а руководители государства – философами.

Но вот еще более убедительный довод. Послушаем, что сказал сам маршал Мак-Магон в своем обращении от 6 января 1875 года: «Конфликты могут возникать, и, чтобы покончить с ними, вмешательство второй палаты, представляющей в силу своего состава солидные гарантии, является необходимым… Злоупотребление этим чрезвычайным правом (правом роспуска) было бы чревато опасностью, *и я не решился бы применить его, если в критических обстоятельствах государственная власть не будет чувствовать достаточной поддержки со стороны сдерживающей Ассамблеи».* Не собирается ли Думерг пойти дальше Мак-Магона, которого он превозносил в часы откровения?

Я навел справки в работах юристов. Леон Дюги («Traité de droit constitutionnel», 2-e édition, II, p. 811 et IV, p. 572 et suiv.) напоминает, что Вальдек-Руссо 9 июля 1896 года высказывался за право роспуска, которое является в Англии прерогативой монарха. Англия основывается на том принципе, что «король не может ошибаться» *(The king can not do wrong).* Постепенно это королевское право превратилось в право правительства, но к роспуску прибегали лишь в случае наличия разногласий между правительством и парламентом. У нас Конституция 1791 года отказала королю в праве роспуска; Конституция III года Республики[164] не предоставляла этого права Директории. В то же время хартии 1814 и 1830 годов давали королю это право, но Шатобриан протестовал против этого в своей работе «Монархия согласно хартии» («La Monarchie selon la Charte»). Своим конституционным декретом сенат предоставил право роспуска императору (статья 35). Глава государства не имел этого права по Конституции 1848 года и вновь получил его по Конституции 1852 года (статья 46). Дюги признает право роспуска, добавляя, однако, что «необходимость согласия сената представляется достаточной гарантией против возможных злоупотреблений этим правом со стороны президента республики». По его мнению,

роспуск не может быть произведен без санкции большинства сената. Он добавляет: «что бы об этом ни говорил г-н президент Мильеран, уроки 1879 года[165], мне кажется, не могут способствовать предоставлению главе государства безоговорочного права роспуска парламента» (IV, p. 584).

Эсмен (Eléments de droit constitutionnel francais et comparé», Recueil Sirey, 1928, t. II) указывает, что Прево-Парадоль в «Франс нувель» требует санкции сената; он выступает за роспуск, но считает «логичной и последовательной систему нашей конституции» (стр. 185).

Маттер («La dissolution des assemblées parlementaires», Paris, Alcan, 1898) пишет: «Это одобрение сената, дающее гарантии против действий слишком энергичного и честолюбивого президента, необходимо в интересах самого президента; он будет опираться на авторитет сената и не один будет нести ответственность перед страной за эту меру… Особенности подбора членов сената, спокойная обстановка прений, стабильность его мнения, вытекающая из его частичного обновления, – все это дает ему авторитет, необходимый с этих двух точек зрения, и *вместе с большинством авторов мы считаем, что заключение сената должно быть обязательным»* (стр. 107, 108).

Однако Думерг в своем предисловии к книге Мориса Ординера («Le vice constitutionnel et la revision», Nouvelle librairie Francaise) предложил порвать с этой традицией.

На съезде в Нанте стремление к примирению и единству было всеобщим. Только сенатор Ле Бай, не забывший о событиях 16 мая[166], остался непреклонным. Молодые радикалы, такие, как Кейзер и Жан Зей, были готовы присоединиться к соглашению, если будут удовлетворены требования их экономической программы. В пятницу утром была выработана резолюция по вопросу о праве роспуска. Я Долго готовился к своему выступлению; исключительно напряженная и мучительная умственная работа продолжалась несколько дней; никогда у меня не было более трудной задачи. В пятницу днем после одного двусмысленного инцидента я почувствовал враждебное отношение к себе со стороны части съезда и предложил сложить с себя полномочия председателя.

Я выступил в субботу, 27-го, на дневном заседании. Даладье произнес длинную речь на экономическую тему о «тающей валюте», которая имела большой успех, бесспорно самый большой из всех речей, произнесенных на съезде, но которая, как мне кажется, противоречила позиции, занятой им в 1933 году по вопросу о золотом эталоне. «В стране индивидуалистов, – заявил

он, – двести семейств стали неоспоримыми хозяевами французской экономики и политики. Ришелье не допустил бы развития подобных факторов… Промышленник стал вассалом финансистов; банковские объединения оказывают значительное влияние на установление таможенных тарифов, на политическую жизнь, на общественное мнение… Производство велось без учета платежеспособного спроса; качество было принесено в жертву количеству, а в Соединенных Штатах и Германии громадные пирамиды, созданные наукой, техникой и гордыней, обрушивались на миллионы людей». Даладье предложил создание «тающих» денег; которые теряли бы каждый год 5 процентов своей стоимости.

Герню обратился непосредственно ко мне. «Вы являетесь, – сказал он, – чутким и в то же время смелым человеком, который не будет проявлять колебаний в наступающий ответственный момент. Мы знаем, что вы сделаете все возможное и невозможное, чтобы защитить интересы республики от угрозы возрождения личной власти. Мы знаем, что, если вы не сможете выполнить этот наказ, вы уйдете из правительства. Мы ставим вас на страже границ республики; вы не пропустите никого».

В семнадцать часов я взял слово. Я защищал право инициативы палаты в области финансовой политики, «однако, – сказал я, – было бы логично, чтобы после представления бюджета в него не включались бы никакие новые расходы, если одновременно не будут предусмотрены соответствующие доходы». Я заявил, что я против изменения записанной в конституции формулировки о праве роспуска парламента. «Если окажется, что эта формулировка будет представлять в определенный момент опасность для республики, то министры-радикалы будут действовать в соответствии со своей республиканской совестью».

Было единогласно решено рекомендовать пересмотр методов работы парламента, «и особенно ограничение инициативы в области предложения новых расходов при обсуждении бюджета, рассмотрение и обязательное утверждение в нормальные сроки своевременно представленного правительством бюджета и строгую дисциплину прений, устраняющую возможность импровизированных выступлений». Съезд «считает, что в случае возникновения серьезного конфликта или между двумя палатами, или между правительством и палатой, избранной непосредственно путем всеобщих выборов, только самому народу принадлежит право выступить в качестве арбитра». Съезд «предлагает своему Исполнительному комитету и своим представителям в парламенте разработать и представить в

кратчайший срок проект референдума, который, поставив на обсуждение не вопрос о тех или иных лицах, а существо обсуждаемых проблем, обеспечит, в обстановке порядка и общественного мира, безусловное соблюдение всеобщих интересов, явившись выражением национального суверенитета». Предлагая провести реорганизацию Государственного экономического совета и обеспечить независимость судебных органов, «партия радикалов и радикал-социалистов готова поддержать любую реформу, имеющую целью добиться стабильности правительства и улучшения работы государственного аппарата, но партия не может допустить принятия мер, которые могут способствовать посягательствам личной власти на республиканские свободы. Она выражает доверие председателю партии и своим представителям в обеих палатах и призывает их всеми силами стремиться к осуществлению этих идей, руководствуясь своим патриотизмом и республиканским сознанием. Она уполномочивает их добиваться успешного осуществления любого мероприятия, которое обеспечит, одновременно с проведением в жизнь этой программы, разоружение заговорщиков и прочную защиту гражданских свобод и мира».

В воскресенье, 28-го, утром, Дюко зачитал декларацию партии, содержавшую эту резолюцию. Депутат и мэр Руана Жорж Метейер в тот же день посвятил мне в газете своего города «Ла Депеш» очень лестную статью. Английские газеты «Таймс», «Дейли телеграф», «Морнинг пост» высказывались обо мне очень доброжелательно. Генерал Спирс направил мне очень любезное письмо о моем, как он выразился, «триумфе в Лондоне». Нантский съезд оставил двери открытыми для примирения; именно к этому я стремился всеми силами. Но в то же время появились первые угрозы. 30 октября г-н Пьер Теттенже заявил в «Пресс»: «Решение съезда ограничилось тем, что выразило веру в республиканское благоразумие министров-радикалов. Если это благоразумие заставляет их выступать против проектов Думерга и разрывать перемирие, то организация «Патриотической молодежи»[167] и, я думаю, вместе с ней население Парижа энергично выступят на защиту честности и здравого смысла… Если Общий фронт выступит против выезда в Версаль (объединенного заседания обеих палат), то против него выступит полиция и в случае необходимости армия. Следовательно, нам нужно будет выйти на улицу только в том случае, если этих сил окажется недостаточно. И тогда действовать мы будем с максимальной энергией». Г-н Жан Гуа, депутат от Парижа, выступил не менее откровенно: «Развал правительства с тем,

чтобы возобладала ориентация на «Левый блок»? Это, несомненно, мятеж».

Возвратившись в Лион 29-го, я констатировал удовлетворение общественности, но меня угнетало то доверие, которое мне оказывали, так как у меня не было полной уверенности в том, что я смогу его оправдать. 30-го утром я встретился с председателем совета министров. Он принял меня весьма приветливо, но я убедился, что его точка зрения осталась неизменной. У меня создалось впечатление, что он меня прощупывал. Когда во время разговора я упомянул о том, что министры-радикалы не примут его формулировки о роспуске парламента, мне показалось, что, несмотря ни на что, это произвело на него впечатление. Правда, он слегка изменил свой первоначальный текст, признав необходимым заключение сената, впрочем не обязательное для президента республики. Очевидно, Думерг прежде всего заботился о том, чтобы не создавалось впечатление, что он капитулирует.

30-го числа в одиннадцать часов утра заседание Совета кабинета. Жермен Мартен изложил свой новый декрет о пенсиях. После заседания Фланден и Денэн любезно предложили свои услуги, чтобы попытаться разрешить создавшиеся трудности.

Я не терял из виду русский вопрос. «Известия» от 24 октября опубликовали важную статью Радека, который заявил, что Европа в настоящее время висит над бездной; он привел телеграмму парижского корреспондента «Дейче Альгемайне Цейтунг», согласно которой Лаваль «мог бы повернуть французскую политику «обратно – на рельсы пакта четырех и соглашения с Германией».

По мнению Радека, Франция должна теперь внести ясность в свои отношения с Польшей. «Не подлежит сомнению, – добавляет он, – что Германия концентрирует свои дипломатические усилия на ближайшее время на вопросе о легализации германских вооружений… и на вопросе о присоединении Саара. Для достижения этой цели она будет одновременно усиливать работу по подрыву французской системы союзов и протягивать руку Франции для примирения…

В такое время незачем колдовать. Достаточно не быть песком, а быть утесом, стоящим среди крутящихся песков. Советский Союз – это такой утес, готовый защищать себя против всех врагов… Так лучше отказаться от знахарства и ставить правильный диагноз, чтобы найти правильное лекарство». Я послал Литвинову несколько дружеских слов по случаю десятой годовщины установления дипломатических отношений между нашими странами. Он поблагодарил меня от имени Советского

правительства и от своего собственного имени. «Советский Союз, – писал он мне, – сохранит верную память о тех больших услугах, которые вы постоянно ему оказываете в деле упрочения франко-советского сотрудничества, основного фактора мира во всем мире».

Среда, 31 октября. Меня вызвал к себе президент республики и беседовал со мной с 11 часов до 12 часов 30 минут Он настойчиво убеждал меня принять текст Думерга. Я ему ответил, что, к сожалению, не могу поступиться принципами, которые защищают самого президента республики.

Генерал Денэн сообщил мне, что его демарш был напрасным; по его мнению, если мы выступим в субботу, Думерг подаст в отставку. В конце дня я встретился с Маршандо, который имел продолжительную беседу с Думергом и Лебреном, но без какого-либо ощутимого результата.

1 ноября. Праздник всех святых. День прошел спокойно. Желая дать отдых голове, я отправился в Оранжерею на выставку рисунков Корреджо и его школы. В 17 часов ко мне пришел Альбер Сарро и от имени президента республики снова просил меня пойти на уступки, так как Лебрен ничего не смог добиться от Думерга, а Морие Сарро отказался приехать в Париж. Мне не привели никакого нового аргумента, и я остался на прежних позициях. Пришел Маршандо. Он не сообщил ничего нового, если не считать того, что совместно с маршалом Петеном он принял необходимые меры. Думерг был неуловим в течение всего дня.

В 22 часа я отправился к Лавалю, который пригласил меня к себе. Он попросил меня рассказать все, что я знаю о содержании проектов, и сообщил, что Жермен Мартен меня поддерживает, что Тардье проявляет мало энтузиазма в связи с намечаемой реформой и что даже руководитель «Огненных крестов»[168] просил Думерга пойти на отсрочку. Неожиданно он заявил, что будет оказывать мне всяческую помощь во время предстоящего заседания совета кабинета.

Пятница, 2 ноября. Продолжительное свидание с президентом республики с 11 часов до 12 часов 30 минут. Он еще раз пытался убедить меня принять текст. Я отказался. Тогда он начал говорить о других средствах, оставшихся в его распоряжении: отложить хотя бы на короткий срок обсуждение спорного вопроса; предоставить министрам право свободного голосования. Этот последний вопрос был изучен мною. По мнению Пьерра (Supplément de 1919, p. 136, 137), правительство может позволить одному из своих членов выступать или голосовать по определенному вопросу вопреки мнению кабинета в целом. Например: Гобле – 11 февраля 1889 года; Пеллетан – 4 и

24 ноября 1903 года; Мильеран – 8 ноября 1909 года; Пуанкаре – по вопросу о виноделах.

Комитет бдительности интеллигентов-антифашистов опубликовал 26 октября 1934 года очень резкое воззвание против проектов Думерга и существования вооруженных лиг. «Мы не желаем, – говорилось в нем, – чтобы роспуск палат зависел от воли одного человека». Призыв подписали Ален, профессор Госс, Жак Адамар, Поль Ланжевен, Люсьен Леви-Брюль, Жан Перрен, Поль Риве, Жорж Юрбен, Ирен Жолио-Кюри и ряд других лиц.

В этот же день, 2 ноября, в 15 часов состоялось совещание министров-радикалов. Момент был исключительно напряженный. Мы решили вести последовательную борьбу по следующим линиям: требование отсрочки; включение в текст Думерга поправки, предложенной, насколько нам было известно, Риволле, согласно которой сенату предоставляется право вето; свобода действий для каждого министра. В 16 часов я встретился у Лаваля с Тардье. Я ожидал увидеть человека, готового к примирению, но Тардье был разъярен и возмущен тем, что с ним предварительно не проконсультировались и не поставили его в известность; он был настроен, как всегда, крайне враждебно по отношению к партии радикалов. На несколько минут он зашел к Думергу, чтобы предложить ему, как он говорит, соглашение. Он быстро вернулся и заявил, что ничего не добился.

В итоге назначенное на 17 часов заседание совета кабинета не сулило ничего хорошего.

Началось заседание. Нам предложили следующий текст:

Проект пересмотра конституции

1. Внести в начало статьи 6 закона от 25 февраля 1875 года следующий абзац: «Число министров не может превышать 20 человек, не считая председателя совета, который является премьер-министром без портфеля».

2. Заменить 1-й абзац статьи 5 закона от 25 февраля 1875 года следующим текстом: «Президент республики может распустить палату депутатов до истечения законного срока ее полномочий. В течение первого года действия этих полномочий роспуск может быть произведен только с санкции сената.

В течение последующих лет президент республики может распустить палату депутатов без санкции сената».

3. Дополнить статью 4 закона от 25 февраля 1875 года следующим текстом: «Государство обеспечивает государственным служащим постоянную работу и гарантирует их продвижение по службе. Всякое неоправданное или организованное прекращение работы влечет за собой разрыв их связи с государством».

4. Дополнить статью 8 закона от 25 февраля 1875 года следующим текстом: «Ни одно предложение о расходах, не исходящее от правительства, не может быть принято, если обе палаты не утвердили до этого соответствующую статью доходов. Если государственный бюджет не будет утвержден обеими палатами до 1 января соответствующего года, то президент республики путем декрета, принятого Государственным советом, может предложить к исполнению на весь или на часть этого года бюджет предыдущего года».

* * *

По заметкам, сделанным мною непосредственно на заседании, я восстанавливаю подробности обсуждения.

Думерг, дабы объяснить свое продолжительное молчание, еще раз напомнил об опасении разглашения и заявил, что меня он заранее информировал. Он хотел своим текстом о праве роспуска упразднить санкцию сената; он не соглашался ни на ограничивающие формулировки, которые слишком легко обойти, ни на автоматические формулировки, применению которых слишком легко помешать. Наложение вето двумя третями сената противоречило бы принципу большинства. Думерг, основываясь на голосовании, состоявшемся в комиссии палаты депутатов, уточнил, что, согласно его тексту, президент *может* запросить

заключение сената, но что санкция сената не обязательна. Он прокомментировал также другие статьи своего проекта.

Получив слово, я начал говорить о долге совести, коллективной и персональной, которая лежит на республиканцах и на мне лично. Я внес поправку в утверждение Думерга о том, что я был им проинформирован; он позволил мне высказать свое мнение по поводу статей о государственных служащих и о праве инициативы в финансовых вопросах, но категорически отказался обсуждать со мной другие статьи. Да не возникнут ни у кого сомнения по этому поводу! Я напомнил, что в Нанте партия, пославшая меня в правительство, не предоставила мне безусловной свободы действий, а лишь дала почетный наказ. Я настаивал не столько на наших партийных принципах, сколько на необходимости соблюдать перемирие и не ставить на обсуждение проблему, вызывающую столь глубокие разногласия.

Тардье вступил в бой. Я еще раз убедился в его агрессивности, хотя внешне он держится иногда весьма любезно. Он полностью согласен с проектом. «Глава высказал свое мнение. Этого достаточно». Он ополчился против партии радикалов, чья концепция якобы совпадает с концепцией Мак-Магона. Он сослался на некоторых юристов и на предисловие Думерга к книге Мориса Ординера и атаковал Маршандо.

Позиция, занятая Лавалем, резко отличалась от агрессивной непримиримости Тардье; Лаваль утверждал, что, не будучи доктринером, он не придает никакого значения конфликту о праве роспуска. Но он старался доказать, что проект Думерга является неэффективным, указал на серьезность внешнеполитического положения и считал желательным достижение соглашения. «Самым великим, – говорит он, – будет тот, кто пойдет сегодня вечером на самые большие уступки». – «Я согласен, – ответил Думерг, – не быть самым великим».

Маршал Петен во время обсуждения бросил следующую фразу: «Если кабинет падет, то в Берлине устроят иллюминацию».

Затем последовала целая серия заявлений. Лемери желал защитить «престиж и авторитет вступившего в бой вождя». Если не будет найдено решение, гарантирующее этот престиж, то он целиком и полностью присоединится к проекту председателя совета министров. Маршандо дал объяснения по поводу резолюции комиссии, за которую его упрекали; в конце концов текст Думерга не будет поставлен на голосование в палате депутатов; созыв заседания в Версале привел бы к возникновению серьезнейшей опасности. «Сейчас такое время, когда один человек на улице призывает выйти на улицу других людей».

Думерг резко прервал его: «Нечего смотреть на меня, когда

вы говорите это». Жермен Мартен указал, что в Англии и в Бельгии стабильность государства обеспечивается королем, тогда как текст Думерга ввязывает в борьбу президента республики; он выразил пожелание, чтобы было найдено приемлемое для всех решение.

Председатель совета начал нервничать. Обсуждение принимало острый характер. Лаваль предложил, чтобы проект рассматривался только после урегулирования саарского вопроса. Я настаивал на том, что перемирие было сорвано обсуждением проекта государственной реформы, а не нами. Думерг еще раз напомнил, что он стал председателем совета министров, чтобы исправить ошибки «правительства «Левого блока». Это искажение фактов; но теперь я понимаю, что он затаил злобу против левой оппозиции еще с того времени, как выдвигал свою кандидатуру на пост президента республики. Он заявил, что связал себя своими выступлениями по радио; между тем именно этот метод действий и руководства мы ставили ему в вину, считая, что он противоречит республиканским принципам. В свою очередь я предложил или отсрочить обсуждение проекта, или предоставить министрам свободу голосования. Это поистине минимальное требование. Фланден уклонился от выступления, он произнес только несколько слов, не имевших прямой связи с возникшими трудностями. Что думал Марке? Тайна; его выступление скорее повредило мне, чем помогло. Малларме и Жермен Мартен заняли выжидательную позицию. Риволле, напротив, выразил свой энтузиазм.

Казалось, мы находились на грани немедленного разрыва. Я был удивлен, когда обстановка изменилась и внезапно наступила разрядка. Председатель совета министров согласился, чтобы в официальном заявлении было сказано только то, что проекты были одобрены большинством, и министрам-радикалам было позволено сделать особое заявление, текст которого я сразу же составил. «Что касается голосования проекта о роспуске парламента, то министры-радикалы оставили за собой свободу действий». К этой формулировке пришли не сразу. Кажется, она поможет разрешению опаснейшего осложнения.

3 ноября 1934 года. Заседание совета министров. В соответствии с принятыми формулировками улаживали вчерашний инцидент. Думерг удовольствовался утверждением его проекта большинством голосов и разрешил министрам сделать особое заявление. Марке представил свои соображения, которые я плохо понял; как обычно, он кажется мне довольно загадочным. Президент республики всех поздравил.

Неожиданно Думерг в категорическом тоне потребовал у

Жермен Мартена представить проект *трех двенадцатых* (временного квартального бюджета) и тут же, безусловно, ради того, чтобы обезоружить меня, заявил, что готов подписать пакт о ненападении с русскими. Такая уловка была мне не по душе. Жермен Мартен пытался воспротивиться этому требованию, но безуспешно. Думерг спросил его: «Вы министр финансов или нет?» Я сразу обнаружил, что возник новый инцидент, грозящий очень серьезными последствиями. Жермен Мартен усиленно подчеркивал, что ему была поручена *техническая* сторона проекта и что *политическую* ответственность он с себя снимает. Я еще раз намерен был набраться терпения и ждать того момента, когда проект будет представлен совету министров для вынесения его на обсуждение палаты депутатов.

Маршандо изложил свои проекты о складах оружия.

В одном из дипломатических донесений сообщалось, что представитель «Солидаритэ франсэз» г-н Перрье якобы посетил Берлин и встретился там с сотрудниками «Дейче Альгемайне Цейтунг», рейхсвера, и в частности с неким г-ном Силексом. Вопрос об иностранцах, проживающих во Франции, встал довольно остро.

По марсельскому делу ведется следствие; тяжелое обвинение выдвигается против Систерона, который предстанет перед дисциплинарным советом, где будет рассматриваться вопрос о его отставке.

Мне казалось, что наступает политическое затишье. Но сообщение о решениях совета министров вызвало в палате депутатов и особенно в сенате бурю недовольства министрами-радикалами и главным образом мною. Речь Думерга, переданная по радио 3-го числа в 19 часов 45 минут, усилила озлобление, вызываемое теперь не столько проектом о праве роспуска, сколько сообщением о трех двенадцатых.

Думерг, по его словам, хотел обратиться к общественности до возобновления работы парламента, то есть до вторника, 6 ноября. Правительство выполнило первую часть своей задачи; он желал теперь восстановить его авторитет; он нападал на парламент, критиковал конституцию, в которую собирался внести изменения; он разоблачал Общий фронт социалистов и коммунистов и высмеивал его попытки защитить сенат. Думерг не хочет прибегать к роспуску парламента. «Но, – заявлял он, – я без колебаний воспользуюсь этим правом, если вопреки моим надеждам мен я вынудят к этому». Чтобы избежать обструкции, он будет просить парламент сразу же после возобновления сессии утвердить несколько временных месячных бюджетов; народ мог бы утвердить его проекты путем новых выборов. Затем Думерг

прокомментировал свои проекты, представив их как воплощение самого последовательного республиканского духа, подверг критике роль, отводимую в конституции сенату, разъяснил свои намерения относительно утверждения бюджета и статута государственных служащих. Речь была составлена искусно. Думерг льстил публике, заверял ее, что он стремится укрепить демократический строй и не допустить установления личной власти. Основной софизм его аргументации, так как фактически председатель совета министров и президент республики приобретали неограниченное право роспуска парламента, прикрывался заверениями в преданности порядку. Думерга явно вдохновлял призыв 1851 года. Речь его заканчивалась патетическими словами о его личном положении, преклонном возрасте и взволновавшим всех напоминанием о жертвах войны и перемирии 11 ноября. Несомненно, те, кто хотел защищать республиканские принципы против этой в общем демагогической и, во всяком случае, довольно ловкой инсценировки, подвергались серьезному риску потерять популярность. Думерг снова отклонял всякий компромисс.

Я не колебался. Я считал, что я сделал все, чтобы избежать этого кризиса, и не видел другого выхода, кроме своей отставки. В воскресенье, 4-го числа, после беседы с Маршандо и Жермен Мартеном, я сообщил о своем решении президенту Лебрену, который на этот раз не пытался меня разубедить и, кажется, понял меня. Хотя он воздержался от сколько-нибудь определенного одобрения моего намерения, но, во всяком случае, и не возражал.

Воскресенье, 4 ноября. Совещание министров-радикалов. Зашедший на минуту Жермен Мартен сообщил нам, что он не подаст в отставку, а направит председателю совета министров письмо, где заявит, что считает его ответственным за создавшееся положение. Мы долго совещались. Мои коллеги пытались найти возможность избежать решения, столь чреватого серьезными последствиями. Но в конце совещания мы пришли к единодушному мнению о необходимости этого решения и постановили сообщить о нем во вторник утром, на заседании совета министров.

5 ноября. Берто встретился с председателем Жанене, который считает, что мы должны немедленно подать в отставку. Президент республики направил мне письмо, где пишет, что, взвесив все обстоятельства, он пришел к выводу, что наша отставка «заранее исключила бы всякую возможность найти выход из создавшегося положения»; однако он еще надеется на примирение. Тардье недавно перенес небольшую операцию и на

несколько дней выбыл из строя.

Поздно вечером и в течение части ночи я имел длительное совещание с моими коллегами министрами-радикалами. Они были по-прежнему солидарны со мной, но проявляли некоторое колебание перед лицом близкой и чреватой опасностью развязки. Но решение принято, и они заверяют меня в том, что пойдут за мной. Маршандо сообщил мне, что для того, чтобы сохранить свой авторитет временно исполняющего обязанности министра внутренних дел, он формально выйдет из партии радикалов.

Я составил следующее письмо об отставке, которое вместе со мной подписали Берто, Вильям Бертран и Кей:

«Господин председатель совета министров!

Когда вы, преисполненный гражданского мужества, вызвавшего у каждого искреннее восхищение, согласились взять на себя руководство делами страны и призвали нас принять участие в вашем правительстве, сформированном под знаком перемирия между партиями, мы лояльно приняли предложение, с которым вы к нам лояльно обратились.

В Клермон-Ферране мы заявили, что ни под каким предлогом не хотим нарушать принятое нами на себя обязательство. Мы разделяли с вами подчас довольно тяжелую ответственность.

Во время кантональных выборов мы защищали проводимую вами политику.

Совсем недавно в Нанте мы приложили все силы к тому, чтобы поддержать идею перемирия и воспрепятствовать принятию решений, которые сделали бы невозможным дальнейшее соблюдение этого перемирия.

На заседании кабинета в прошлую пятницу, когда положение уже казалось безвыходным, мы пошли на соглашение, так как от нас не требовали немедленного принятия решения и еще имелась надежда на возможность примирения.

Мы отдаем себя на ваш суд и на суд всей Франции. Нам кажется, что мы честно выполняем соглашение, на

основе которого было создано ваше правительство. Но сегодня мы считаем себя свободными от этого соглашения.

В своих выступлениях по радио, содержание которых не было заранее доведено до сведения правительства, вы обратились непосредственно к стране и предложили целую серию важных реформ чисто политического характера. Мы предпочли бы, чтобы вы предварительно ознакомились с нашим мнением.

Мы за государственную реформу, за то, чтобы государство стояло над политическими группировками, за ограничение права парламентской инициативы в области финансов. Мы желаем укрепления стабильности правительства, лишь бы это не привело к тому, что в политическую борьбу будет втянут президент республики и будет нарушен принцип его неподответственности.

Должность первого министра без портфеля, которую вы хотите создать, представляла бы в нормальной обстановке большие преимущества. Если бы эта должность предусматривалась конституцией, то это помешало бы Клемансо быть одновременно председателем совета министров и военным министром, а Пуанкаре – быть одновременно министром финансов и главой правительства.

Разве мы вправе, не взвесив предварительно всех обстоятельств, принимать решение не о законе, который можно легко изменить, а о пересмотре постоянной конституции, что затрагивает судьбу республики?

Внося проект временных месячных бюджетов, вы стали на путь роспуска парламента. Первое решение, как вы это убедительно разъяснили, повлекло бы за собой все остальные. Следовательно, было бы нечестно с нашей стороны пойти вместе с вами, не принимая всей вашей программы. И мы не можем понять, почему вы возражаете против нормального порядка утверждения бюджета, который вы сами так убедительно рекомендовали 27 февраля в сенате.

Роспуск парламента, независимо от того, требуется для этого или нет санкция сената, является, по нашему мнению, средством урегулирования конфликта между исполнительной и законодательной властью. Этого конфликта не существует, пока его не создадут. Нынешняя палата депутатов принимала все предложения нашего правительства. Она даже ему передоверила часть своих полномочий. Ваши же проекты дезавуируют тех, кто верно следовал за вами.

Правда, вы заявляете, что в ближайшее время не пойдете на роспуск, но что в качестве угрозы вы намерены сохранить за собой постоянную возможность прибегнуть к этому.

Разрешите нам, г-н председатель совета министров, сказать со всей откровенностью, высоким образцом которой вы сами являетесь: представители народа, действительно достойные этого звания, не боятся снова предстать перед своими избирателями, однако они считали бы позором для себя участвовать в работе парламента под двойной угрозой – роспуска и мятежа. Можно желать упразднения парламента; такая теория существует. Но если верить в необходимость народного представительства, то нужно обеспечить этому представительству свободу, что является непременным условием его достоинства.

Во вся ком случае, роль правительства перемирия состоит в том, чтобы устранять все то, что разобщает, и изыскивать то, что способствует сближению. Вы очень хорошо говорили о единстве французов; подобно вам, мы считаем его необходимым; однако нам трудно понять, как можно проводить выборы в обстановке безработицы, особенно тягостной в условиях зимы, и разгула политических страстей, перед лицом стольких трудностей и опасностей, которые, по нашему мнению, обязывают добиваться успокоения умов и временно забыть о разногласиях.

Именно по этим соображениям, хотя они, конечно, будут извращены предвзято настроенными людьми, но которые мы выносим на суд вашей и всеобщей совести, мы вынуждены, г-н председатель совета министров,

расстаться с вами, под чьим руководством нам было так приятно работать.

Мы просили вас только об одном: продолжать политику перемирия, сторонниками которой мы остаемся. Мы стремились к тому, чтобы возникшее недоразумение не отразилось на стране. Если бы не поспешность в действиях, то, возможно, удалось бы прийти к соглашению. Но когда перед парламентом были поставлены с требованием немедленного решения серьезные проблемы политического характера, вызывающие вполне законные разногласия, когда таким образом было нарушено перемирие, можно ли упрекать нас за желание сохранить верность своим принципам и обязательствам?

Будучи вынуждены, таким образом, голосовать либо против правительства, членами которого мы являлись, либо против своей совести и своих друзей, мы решили, г-н председатель совета, что единственным честным выходом для нас будет заявление об отставке, которую мы и просим вас принять вместе с заверениями в нашем глубоком уважении».

Перед заседанием совета министров я принял одного из руководителей Национального союза бывших фронтовиков, г-на Лебека, который просил меня поддержать Думерга.

Заседание совета министров 6 ноября. 10 часов утра. Первым выступил Лаваль с сообщением о международных делах. Затем Думерг заявил о своем намерении представить проект закона временного квартального бюджета (законопроект был опубликован в приложении к протоколу заседания от 8 ноября 1934 года за номером J, 17732-34). Тогда корректно, но решительно я заявил, что не могу оставаться в правительстве и выступать в поддержку этого законопроекта. Думерг предложил мне подать ему заявление об отставке, после чего он обсудит со своими коллегами вопрос о своей собственной отставке, о которой он уже предупреждал. Это было приглашением удалиться. Я подчеркнул это, заявив, что иду писать заявление об отставке, оставляя при этом за своими коллегами по партии свободу выбора. Возможность их оставления в правительстве была предусмотрена нами ранее. Вопрос разрешился очень быстро. Весьма резко (не по форме, а по существу) Думерг дал им понять, что им следует уйти вместе со мной, что они и сделали. В

одной из небольших комнат Елисейского дворца я зачитал им письмо об отставке, которое они одобрили.

Президент республики пригласил меня к себе в кабинет. В работе совета министров был объявлен перерыв. Президент умолял меня любой ценой найти средство достигнуть соглашения. После довольно продолжительной беседы сама обстановка подсказала нам такое средство. Проект закона временного квартального бюджета может быть внесен, повидимому, только в четверг, 8 ноября. Следовательно, каждому представляется возможность зарезервировать свое мнение до заседания совета министров, которое назначено на утро в четверг. Мы вернулись в совет министров, где было принято соответствующее решение. «Это отсрочка», – заявил президент республики. Когда при возобновлении заседания Ламуре упал со стула, маршал Петен сказал мне с улыбкой: «Не предвосхищает ли он событий?»

6 ноября. Траурное заседание палаты депутатов, посвященное памяти югославского короля, Барту и Пуанкаре.

На совещании парламентской группы партии радикалов было предложено сохранять и соблюдать перемирие и заявлено о согласии на серьезную реорганизацию государственных органов, за исключением мер, противоречащих республиканским принципам; группа выступила за немедленное обсуждение бюджета после представления общего доклада.

7 ноября. Парламентская группа партии после оживленного обсуждения подтвердила свое несогласие с проектом временного квартального бюджета.

8 ноября, 10 часов утра. Последнее заседание совета министров. Президент республики обратился с весьма настойчивым призывом сначала к председателю совета, а затем ко мне. Ознакомившись с резолюцией депутатов-радикалов, Думерг с раздражением отказался от каких бы то ни было уступок. Он потребовал безоговорочной поддержки своего проекта пересмотра конституции (он пошел, таким образом, дальше, чем в прошлую субботу), а также всего комплекса законопроектов, частью которого является законопроект о трех двенадцатых. В ответ, избегая полемики, я изложил нашу позицию. Я доказал, что наша группа проявила большое благоразумие, и подчеркнул противоречие, существующее между требованием председателя совета и идеей перемирия. Речь идет не о мелком процедурном вопросе, как это утверждает президент республики, а о комплексе решений, принять или отвергнуть который можно только целиком. *Думерг:* «Перемирие – это не инертность, а действие». Я ответил: «Да, но на основе согласия».

Думерг считал, что он уже и так сделал слишком много уступок. «В моих проектах нет ничего – даже комар носа не подточит»[169]. Я отвечаю: «Да, но зато он подточит парламент».

Таким образом, я ушел из правительства. Думерг вновь подчеркнул, что мои коллеги министры-радикалы должны последовать моему примеру. Жермен Мартен сделал шаг к двери; однако дверь далеко, и дойти до нее он не смог. Марке старался утопить рыбу в воде. Мы уходим. Маршандо настаивал на том, чтобы я не представлял мотивированного заявления об отставке. Я отказался. Маршандо составил письмо об отставке лично от себя. Ламурё был болен. Только 9 ноября утром я ознакомился с его письмом председателю совета, в котором он солидаризировался со мной.

В прессу было передано официальное коммюнике об этом заседании: «В связи с тем, что совет министров не пришел к согласию по проекту временного квартального бюджета, министры-радикалы подали в отставку. В этих условиях председатель совета министров вручил президенту республики заявление о своей отставке совместно с поддерживавшими его членами кабинета». В своем письме Думерг напоминал о том, как он сформировал правительство, каких результатов он добился, как возникли разногласия. Его заявление для печати было гораздо агрессивнее. В нем он говорил, в частности: «Люди, ответственные за политику, приведшую к февральским бунтам и гибели безоружных бывших фронтовиков во время демонстрации на площади Согласия, никак не хотят отвечать за эту. политику перед суверенным народом, прежде чем не пройдет большой срок». Комиссия по расследованию событий 6 февраля немедленно заявила протест по поводу искажения фактов в этом заявлении, напомнив о письме г-на Жоржа Лебека, согласно которому ни один из участвовавших в демонстрации членов Национального союза бывших фронтовиков не был ранен или убит из огнестрельного оружия. Комиссия по расследованию единогласно констатировала этот факт 7 июня. Погибшие и пострадавшие бывшие фронтовики в общей демонстрации не участвовали.

Днем 8 ноября фракция радикалов палаты депутатов оказала мне теплый прием и выразила свою солидарность. Точно так же в резолюции группы радикалов-сенаторов указывалось: «Демократическое левое крыло сената, ознакомившись с письмом гг. Эррио, Вильяма Бертрана, Берто и Кея председателю совета министров Гастону Думергу, разделяет столь четко выраженные в нем республиканские чувства».

Около 16 часов ко мне пришел г-н Фланден, которому было

поручено сформирование нового правительства, с тем чтобы заручиться поддержкой депутатов-радикалов и моей лично. Он изложил мне свою программу; он отказывался не от реорганизации государства, а от методов Думерга; опираясь на большинство, он хотел пытаться договориться по этим вопросам с комиссиями обеих палат, причем «выезд в Версаль» будет предложен им только в том случае, если этого нельзя будет избежать. Он спросил меня, не хочу ли я быть министром иностранных дел, и заявил о своей готовности предложить мне этот пост. Я ответил ему, что я хотел бы возвратиться на Кэ д'Орсе, но не теперь. Я попросил Фландена резервировать за мной такую возможность, если этот пост останется свободным. Пока же я хотел бы, чтобы меня послали в Женеву, если возникнет в этом необходимость, и выразил также желание ознакомиться с дипломатической перепиской.

Депутаты-радикалы решили оказать новому правительству самую широкую поддержку, выдвигая единственное требование: изъять оружие у гражданского населения. Не желая вмешиваться в вопрос о том, кто из радикалов примет участие в правительстве Фландена, я тем не менее, получив некоторую информацию, предупредил его в 10 часов вечера по телефону, что было бы недопустимо, если бы факт подписи моего заявления об отставке или же факт ухода в отставку совместно со мной послужил мотивом для невключения в правительство. Фланден быстро успокоил меня.

В ночь с 8 на 9 ноября под председательством Лебрена было проведено совещание, на котором был утвержден состав нового правительства.

9-го утром парламентская группа партии радикалов приняла решение об опубликовании моего письма об отставке.

В пятницу, 9 ноября, в 17 часов состоялось первое заседание совета кабинета Фландена, на котором обсуждался вопросе правительственной декларации. На бирже началось заметное повышение курса акций, приостановленное государственными кассами. «Если бы биржа была плебисцитом, – сказал нам Фланден, – мы бы оказались победителями». Все категории ценных бумаг повысились на 1 франк 70 сантимов – 2 франка 35 сантимов. Только акции Суэцкого канала упали на 250 франков. Казначейство имеет на своем текущем счету во Французском банке 3 миллиона франков.

В одной из газетных статей утверждалось, что маршал Петен сказал мне: «Вы совершаете преступление, разрывая перемирие». Маршал опроверг это заявление: действительно, я ничего подобного от него не слышал.

Мне запомнилось признание Кериллиса в «Эко де Пари» от 9 ноября: «Время от времени я бывал у него». По свидетельству Поля Шопина («Шесть лет в организации «Огненных крестов», стр. 118), Думерг предлагал полковнику де ла Рокку пост генерал-губернатора Алжира.

Правительство Фландена

I. Итальянский вопрос (8 ноября 1934 года – 21 февраля 1935 года)

В состав нового правительства вошли: Фланден – премьер министр; Перно – министр юстиции; Эррио и Марэн – государственные министры; Пьетри – министр военно-морского флота; Маршандо – министр торговли; Мандель – министр связи; Кассэ – министр сельского хозяйства; Денэн – министр авиации; Ренье – министр внутренних дел; Лаваль – министр иностранных дел; Жермен Мартен – министр финансов; Малларме – министр просвещения; Роллен – министр по делам колоний; Кей – министр здравоохранения; Вильям Бертран – министр торгового флота; Жакье – министр труда; Руа – министр общественных работ; генерал Морэн – военный министр; Перро-Прадье – товарищ министра.

Таким образом, с правительством Думерга было покончено, что вызвало дикое озлобление правых. 9-го утром Кериллис писал о моей «лицемерной маске». С каждым днем выяснялись все новые подробности и факты, убеждавшие меня в том, что я не ошибался, считая, что Думерг стал орудием в руках реакции. События подтвердили инстинктивные предчувствия республиканских масс. Бешеные вспышки уязвленного тщеславия Думерга, его призыв к гражданской войне под прикрытием призыва к спокойствию, его гнусная фраза о так называемом убийстве бывших фронтовиков – все это успокаивало мою совесть; единодушное одобрение демократического левого крыла парламента, поддержка парламентской группы радикалов, ликовавшей по поводу своего освобождения, говорили об опасности, порожденной этим человеком, который, выйдя из рядов нашей партии и поднявшись благодаря ей, с 1924 года стремился лишь к тому, чтобы продолжать и навязать нам свою политику соглашения с правыми, которым он был обязан своим успехом в Версале.

К счастью, не было пролито ни одной капли крови. Но то, что господствовало на протяжении всего кризиса, – это страх. Я отказался полемизировать и отвечать на бесконечные заявления Думерга. Восстанавливая правду о действительном ходе событий, я писал: «В одной из своих бесед со мною, 1 сентября, г-н Думерг с восхищением говорил мне о Мак-Магоне, ставя ему в упрек лишь то, что во время государственного переворота 16 мая Мак-Магон не обратил должного внимания на проблему денег, что заставило его позднее пойти на уступки. Как и все

республиканцы, я охотно признаю, что г-н Думерг поступил умнее. При случае я докажу это с большими подробностями».

11 ноября я был в Лионе на праздновании годовщины перемирия[170]. В городской ратуше мне был оказан весьма сдержанный прием членами Союза бывших фронтовиков. На площади Терро по моему адресу раздалось несколько свистков, а при выходе из Дворца Ярмарки я услышал брань. Общественное мнение было неспокойно, однако ничего тревожного не наблюдалось. В Париже происходили многочисленные манифестации против меня и в поддержку Думерга; двадцать тысяч человек прошло перед его домом. Вблизи моего отеля произошло несколько весьма живописных столкновений. Своими злобными заявлениями Думерг умело поддерживал беспорядок. В своем интервью газете «Фигаро» он поставил под сомнение способность депутатов выражать волю своих избирателей.

13 ноября правительство окончательно утвердило редакцию своей декларации: «Перемирие продолжается… Мы будем защищать республику от любых попыток революции или диктатуры… Республиканское государство не капитулирует перед мятежными группами». Правительство заявило о своем твердом стремлении к миру во внешней и внутренней политике. 13 ноября в палате депутатов Торез заявил, что отставка правительства Думерга – это первый результат борьбы с фашизмом. Марсель Деа произнес интересную речь о связи между защитой республики и плановой экономикой и против экономического либерализма. Он хотел бы дополнить политический суверенитет суверенитетом экономическим. Он высказался за выезд в Версаль. Социализм должен, по его мнению, согласиться действовать на благо нации, однако правительство должно принять минимум социализма. Леба рассказал о политике Рузвельта, направленной на защиту заработной платы и сокращение рабочего дня. Его резкое выступление против заговорщических лиг вызвало шум на скамьях правых. Председатель совета министров в весьма республиканских выражениях заявил, что необходимо найти выход из кризиса, а не дискутировать о теоретических проблемах, ибо речь идет о последнем испытании парламента. Рейно занял весьма ловкую позицию. Леон Блюм констатировал решающее изменение, явно преувеличивая свои заслуги в этом деле. Он указал на опасность, угрожающую нашим институтам и свободам, и призывал вернуться на путь законности и порядка. «Республика свободно вздохнула, – заявил он. – Это очень большое событие». Тем не менее он против экономического либерализма и перемирия и за смену правительства. Дельбос заверил правительство в поддержке радикалов, оговоренной рядом

условий, но без каких бы то ни было задних мыслей. Из 541 депутата, принявшего участие в голосовании, 423 проголосовали за правительство и 118 – против.

14 ноября меня посетил посол Японии в Париже г-н Сигеру Иосида, пришедший ко мне вместе со своим сотрудником г-ном Т. Митани. Сославшись на мою книгу «Восток», он просил меня выступить посредником в деле сближения между Советским Союзом и Японией. Я ответил ему, что готов поддержать любое мирное усилие. Иосида намерен предложить создание демилитаризованной зоны на русско-японской границе. Он считает, что идея пакта о ненападении между Японией и Советским Союзом является преждевременной, в то время как предлагаемая им процедура позволит постепенно прийти к более существенным соглашениям как экономического, так и политического характера. Иосида уезжал в Лондон. Он обещал зайти ко мне по возвращении и просил меня продолжать переговоры с г-ном Сато.

15 ноября Лаваль информировал совет министров о своих инструкциях Шамбрену относительно франко-итальянского сближения. Вот их основные положения. Что касается перевооружения Германии, то не допускать нарушения договоров. 1) Оставление в силе принципа, согласно которому рейх не может односторонним актом отказаться от своих обязательств; 2) взаимная поддержка в случае эвентуального денонсирования; 3) солидарность в случае возобновления переговоров. Мы будем требовать тогда зоны безопасности; 4) зарезервировать вопрос о паритете военно-морских сил. Оба правительства могли бы совместно выработать специальную программу, если все державы не выработают общей программы; 5) независимость и целостность Австрии. Италия не хотела бы передавать эту проблему в Лигу наций. Мы же хотели бы добиться участия в ее урегулировании Югославии вопреки принятым в сентябре решениям. Во всяком случае, мы выступаем за общее соглашение о невмешательстве в дела Австрии; 6) противодействовать реставрации Габсбургов; 7) разработать экономический статут для Центральной Европы; 8) улучшить итало-югославские отношения. 11 ноября 1927 года был заключен франко-югославский договор, продленный в 1932 году, причем мы считали желательным, чтобы Италия присоединилась к нему. Поскольку эта возможность не была использована, мы добиваемся теперь параллельного договора путем заключения итало-югославского арбитражного договора, соответствующего Генеральному акту по арбитражу.

С другой стороны, мы предлагаем следующий проект решения африканских проблем: 1. Прежде всего исправление

границы к югу от Триполитании. Итальянское правительство просит: 1) продлить на десять лет льготы, предоставленные в Тунисе итальянцам конвенцией 1896 года; 2) исправить границу кюгу от Киренаики;3)передать Италии нашу колонию на Сомалийском берегу, за исключением Джибути. Речь идет о предоставлении итальянцам в Тунисе режима наиболее благоприятствуемой нации. Урегулирование этого, вопроса является, по-видимому, основным условием всякого соглашения. Италия просила также треугольник Джадо. Похоже на то, что сейчас она откажется от этой просьбы и ограничится требованием исправления угла Туммо с передачей ей 110 тысяч кв. км. Это означало бы осуществление статьи 13 Лондонского договора 1915 года. Удовлетворив требования Италии, мы сохранили бы на Сомалийском берегу только Джибути и начало железнодорожной линии, что является совершенно неприемлемым с точки зрения безопасности Джибути и наших морских коммуникаций. В действительности Италия могла бы удовлетвориться меньшим. Она заинтересована главным образом в железнодорожной линии, относительно которой имеется Лондонское соглашение 1906 года. Возникающая теперь опасность связана с вопросом о независимости Эфиопии. Если бы удалось урегулировать эти дела, то можно было бы выработать и подписать франко-итальянскую декларацию о дружбе. Обе стороны могли бы взять на себя обязательство совместно защищать их общие интересы, не заключая, однако, договора о союзе.

В вопросе о Сааре Франция придерживается международного плана и своих обязательств. Очень серьезным является вопрос о нашем эвентуальном вмешательстве в случае возникновения беспорядков. Германия утверждает, что существующий ныне режим не ликвидировал ее суверенитета над Сааром. При этом она высказывается за проведение *свободного плебисцита.* Некоторые считают, что наше вступление в Саар явилось бы *casus belli.* Между тем в 1926 и 1927 годах мы имели на это санкцию Лиги наций. Лаваль намерен добиваться, чтобы Совет Лиги наций подтвердил эту санкцию. «Ни войны, ни унижения», – говорит он нам. В крайнем случае Германия согласилась бы на ввод нашей мобильной гвардии. Впрочем, мы уже излагали нашу точку зрения в памятной записке от 31 августа; у меня складывается впечатление, что Пьер Лаваль уже вполне примирился с возвращением Саара Германии и действует именно в этом духе. 15-го вечером меня посетил Макс Браун со своими друзьями. Я нахожу их слишком оптимистичными. Что-то с ними будет?

Палата благоразумно решила не принимать во время обсуждения бюджета никаких предложений об отсрочке или

изъятии той или иной статьи бюджета, если только эти предложения не будут внесены правительством или финансовой комиссией. Сегодня утром Думерг уехал в Турнефей. Он продолжает неистовствовать и плакаться в жилетку журналистам. Курс ренты поднялся сегодня на один пункт. 15 ноября Фланден разослал министрам следующий циркуляр: «Восстановление авторитета государства предполагает, что государственные учреждения будут строго соблюдать существующие законы и постановления. Никакие индивидуальные и коллективные нарушения, никакое ослабление деятельности не должны в будущем мешать правильной работе учреждений и ведомств. В связи с этим я прошу вас: 1) следить за тем, чтобы в вашем министерстве не допускалось никаких нарушений и чтобы руководители отделов несли личную и служебную ответственность за каждый проступок; 2) ежемесячно составлять и направлять мне список проступков, совершенных в вашем министерстве, с указанием санкций, которые вы собираетесь применить». Правые продолжают разоблачать себя. 16 ноября в газете «Капиталь» была опубликована статья г-на Рене Пинона[171], которую он сам же резюмировал в следующих выражениях: «Последние события, по-видимому, показывают, что парламент упустил последнюю возможность самому преобразоваться. Отныне, если хотят организовать государственную власть, не отказываясь от свободы, необходимо вдохновляться примером Древнего Рима, в котором законодательные органы имели право назначать на ограниченный срок и для разрешения определенной задачи полномочного диктатора». По мнению г-на Пинона, «реформа Думерга была минимумом, но могла быть и началом». Началом чего? Отныне «в парламенте нет ни одного человека, обладающего необходимым авторитетом для проведения благоразумной, умеренной и эффективной реформы конституции… Когда настанет день, то выход придется искать вне обычных рамок парламентарного управления». Таким образом, мы предупреждены. Правые не отказались от своего намерения повторить неудавшуюся попытку 6 февраля. «Демократическая система, – продолжал г-н Пинон, – почти повсюду устарела и отброшена… В жизни народов бывают часы, когда только воля одного человека может обеспечить спасение всех».

Несмотря на эту кампанию против парламента и демократии, курс ренты продолжал повышаться. «Сегодняшнее заседание, – писала газета «Тан» 16 ноября, – было самым лучшим из тех, на которых нам когда-либо приходилось присутствовать на протяжении длительного периода». С большой ловкостью и

коварством Думерг продолжал поддерживать возбуждение и публиковать длинные заявления с объяснением причин своего нежелания давать интервью. В журнале «1934 год» (в номере от 21 ноября) он исповедуется г-ну Пьеру Лафю, критикуя авторитетным тоном эксперта «посредственность парламентариев» и обвиняя молодежь в невежестве как в области искусства, так и в политике. «Если бы мне пришлось сегодня сформировать новое правительство в составе двадцати министров, я не смог бы этого сделать. Я не смог бы найти достаточно достойных людей, во всяком случае в парламенте… Никакого благородства мысли, никакой общей идеи». И затем г-н Думерг, этот глубокий ум и строгий судья, принимался хвалить свои выступления по радио. Куда девалась его улыбка коммерсанта, которая придавала ему такое обаяние. Теперь он скрежещет зубами.

Тем временем Жозеф Кайо – один из тех депутатов, на которых так резко обрушивался бывший лидер демократического левого крыла сената, – опубликовал в газете «Капиталь» статью о Конституции 1875 года. Он признавал необходимость оздоровления государственной системы, однако в рамках простых и гибких конституционных законов. Эти законы, писал он, «допускают любые желаемые реформы, которые могут быть проведены законодательным путем и даже простыми актами исполнительной власти, действующей или в рамках своих обычных функций, или уполномоченной заменить законодательную власть». «Можно с полным основанием утверждать, – заявил он, – что Конституция 1875 года исключает только личную власть». Члены правительств той эпохи панически боялись угрозы со стороны императорской власти. Ссылаясь на свои воспоминания и документы из личного архива[172], Жозеф Кайо доказывал, что больше всего они боялись союза между левыми экстремистами и партией Призыва к народу, то есть партией бонапартистов. Противники законов 1875 года, писал он в заключение, «должны понять, что никоим образом нельзя затрагивать сущность этих законов, что отнюдь не исключает возможности дополнять их законами и декретами, которые, восстановив правительственный авторитет, столь необходимый стране, и настойчиво требуемую ею парламентскую дисциплину, положив конец затянувшемуся царствованию бесстыдных бездельников, перестроив и создав прочную администрацию, огражденную от фаворитизма, позволили бы нации дышать, работать и жить». В конце г-н Кайо напомнил слова герцога Одиффре-Паскье о «гнусности личной власти».

* * *

Председатель совета министров назначил меня председателем межминистерского комитета по охране рабочей силы Франции. На сегодняшнее число в стране насчитывалось 350 тысяч безработных французов, получавших пособия, и 800 тысяч трудящихся иностранного происхождения. С одобрения совета министров комитет решил: 1) объединить ведомства сельскохозяйственных и промышленных рабочих; 2) усилить пограничный контроль; 3) более последовательно проводить в жизнь закон от 10 августа 1932 года с тем, чтобы сократить число иностранцев, занятых в торговле, промышленности и сельском хозяйстве. Министр юстиции был уполномочен внести законопроект о статуте иностранцев, проживающих во Франции. Министру внутренних дел было предложено представить в палату два законопроекта: один об импорте, производстве, торговле, продаже и хранении оружия, а другой об уличных демонстрациях и мерах против скоплений народа. Были начаты переговоры о заключении франко-германского торгового соглашения.

17 ноября посланник Китая предпринял демарш, дабы выразить мне горячее желание его страны иметь постоянное место в Лиге наций[173]. Я дружески упрекнул его по поводу присутствия в Нанкине германской миссии фон Секта. Он смущенно объяснил мне, что немцам было оказано предпочтение: 1) потому что они не имеют в Китае консульской юрисдикции, которая могла бы помешать в случае возникновения затруднений; 2) потому что они соглашаются на ответственную работу за весьма скромное вознаграждение. Мне показалось, что на него довольно сильно подействовали мои замечания. С другой стороны, мне стало известно, что Зювик сделал важное заявление Фишу Армстронгу – редактору журнала «Форейн афферс», сообщив ему, что Италия не хочет сближения с Югославией и что она рассматривает хорватских сепаратистов и террористов как своих политических союзников. Белградское правительство весьма насторожено. Все это не вызывает у меня доверия к Италии Муссолини.

В Женеве Гендерсон, продолжая защищать принцип конференции по разоружению, удовольствовался разработкой ряда протоколов – о регламентации производства и торговли оружием, о гласности бюджетов, об образовании постоянной комиссии по разоружению. Литвинов по-прежнему выступает за создание постоянной конференции мира; он заявляет, что франко-советская дружба является краеугольным камнем стабильности в Европе. Я разделяю его точку зрения. Италия

выступает против продолжения работы в Женеве. Обсуждая эти вопросы со многими иностранными представителями, я занимаю крайне осторожную позицию – во время дипломатических переговоров ни один шаг не должен быть так продуман, как отказ.

В четверг, 22 ноября, парламентская группа радикалов приняла по моему предложению резолюцию, напоминавшую о том, что «всем реакционным государственным переворотам или попыткам таковых предшествовала кампания за пересмотр конституции (государственный переворот 2 декабря 1851 года, попытка государственного переворота, предпринятая генералом Буланже)»; сославшись на мнение Пуанкаре, группа вновь заявила свой протест против предоставления прямого личного права роспуска парламента, что означало бы ликвидацию неответственности президента республики, а также вкратце изложила основные решения Нантского съезда. Я нанес визит председателю сената. Он выразил свое удивление по поводу поведения Думерга, который накануне парламентских каникул держался очень примирительно, ограничивая свои требования проектом избирательной реформы, но, когда парламент возобновил свою работу, вновь проявил полное нежелание идти на какие бы то ни было уступки по своим новым законопроектам. Председатель сената заявил ему тогда о своем несогласии с ним.

23 ноября. Литвинов обеспокоен тем, что франко-советские переговоры пока еще не достигли желаемого результата. Он предложил принять нечто вроде протокола, указывающего, что *пока идут переговоры, правительства будут консультироваться друг с другом относительно всех предложений, которые могли бы быть сделаны другими державами.* Муссолини, по-видимому, благосклонно относится к французским предложениям.

Заседание совета министров 24 ноября. Мы согласились на участие Германии в франко-советском пакте. Польша потребовала, чтобы ее соглашение с рейхом от 26 января 1934 года было оставлено в силе. Мы не возражали, поскольку речь шла о региональном пакте. Варшава сделала оговорки относительно Литвы и Чехословакии. Франция предложила решения, принимающие во внимание эти оговорки, однако потребовала от Польши ответа. Показательно, что Бек не участвовал на заседаниях в Женеве.

Лаваль заявил, что он имел «полезную и сердечную» беседу с Литвиновым, который хотел бы иметь гарантии против заключения франко-германского соглашения во время франко-советских переговоров о Восточном пакте. При этом он согласился бы даже на заключение секретного соглашения,

подобно его соглашению 1932 года с Германией[174]. Лаваль предложил ему обменяться письмами, гарантирующими взаимную информацию и запрещающими проведение сепаратных переговоров. Мы обещали России, что в период подготовки Восточного пакта мы не заключим никакого особого двустороннего соглашения с Германией. Англия будет в курсе дела. Лаваль сообщил нам об обострении отношений между Белградом и Будапештом из-за ноты Югославии Лиге наций. Он, на мой взгляд, преувеличивает результаты работы трех по Саару.

Думерг горячо благодарил Байльби. В воскресенье, 25 ноября, в Шато-Тьерри, члены партии радикалов встретили меня с трогательным радушием. Они прекрасно разобрались в событиях. На банкете присутствовали умеренные и социалисты.

В понедельник, 26 ноября, Ли Ю-ин посетил меня в Лионе и сообщил, что мое заявление посланнику Китая взволновало Нанкин, в связи с чем он был вызван на родину.

Заседание совета министров 27 ноября. В воскресенье вечером, по возвращении из Шато-Тьерри, я встретился с Розенбергом. Литвинов крайне недоволен опровержением, помещенным по поводу речи Аршембо о франко-советском союзе, медленным ходом Женевской конференции и нашим отказом облечь в форму протокола наше соглашение о взаимной информации. Лаваль согласился с мнением Литвинова, принял его предложения, и совет министров это одобрил. Об этом протоколе в соответствии со статьей 4 договора 1921 года мы должны были сообщить Польше. Варшава получила нашу ноту и попросила предоставить ей время на размышление. Бек хотел обсудить этот вопрос с Пилсудским. Маршандо сообщил нам о своем отъезде в Москву. Решено, что министерство сельского хозяйства также пошлет туда своего представителя. 25 ноября мы получили сообщение от нашего посла Альфана о том, что последние решения французского правительства упрочили его положение. Впервые советская цензура допустила в газетах намек на «союз» с Францией.

27 ноября. Обед на Кэ д'Орсе с Титулеску и Рюштю-беем. Продолжительный визит Титю, он стал теперь решительным сторонником франко-советского соглашения, против которого выступал в 1932 году. Он согласен со мной в том, что необходимо включить Турцию в нашу систему мирных соглашений, и сообщил мне в связи с этим ряд любопытных подробностей. Когда Турция присоединилась к Балканскому пакту[175], Мустафа Кемаль сообщил о содержании ряда секретных правительственных документов, в числе которых было соглашение, заключенное самим Титю с поляками. Кроме того, Титю узнал: 1) о странном

соглашении между Турцией и Венгрией о взаимной защите своей независимости, к которому были приложены венгерские оговорки относительно договоров и границ; 2) о вербальном соглашении Мустафы Кемаля с королем Александром.

Фланден произнес большую речь по экономическим вопросам на банкете Конфедерации торговых и промышленных ассоциаций. Правительство, заявил он, «может не нравиться тем, кто любит смешивать авторитет с диктатурой. Однако оно обойдется без помощи этих людей, ибо оно хочет добиться единства для борьбы с нищетой… Реформа конституции является лишь незначительной составной частью целого комплекса мероприятий, которые необходимо провести для усовершенствования организации и улучшения работы государственного аппарата».

28 ноября. Визит Тевфика Рюштю. Он подтвердил дружественный характер отношений между Турцией и Югославией нее враждебность к Италии. Турция хотела бы, чтобы Франция нашла ей место в общей программе обеспечения мира.

В пятницу, 30 ноября, палата депутатов утвердила Законопроект о заслугах Луи Барту перед родиной, представленный Пьером Мортье. Пьер Лаваль зачитал декларацию об основных задачах своей политики: добиваться международного примирения; вести переговоры с Италией и добиваться ее сближения с Малой Антантой; обеспечить независимость Австрии; заключить для стран Восточной Европы пакт взаимопомощи, исключающий какую бы то ни было агрессивную направленность и основанный на уважении нынешних границ. «Россия, – заявил Пьер Лаваль, – полностью согласна с нами относительно концепции этого коллективного мероприятия, инициативу которого она разделила с нами. Во имя интересов всех стран и укрепления мира на Востоке Европы франко-советская солидарность должна осуществляться открыто. Германию уже приглашали и пригласят вновь на одинаковых с другими странами условиях присоединиться к этому пакту взаимопомощи, который предоставит ей те же гарантии, что и другим участникам пакта. Канцлер Гитлер заявлял, что он стремится к миру. Мы предлагаем ему претворить свои слова в жизнь, присоединившись к политике, которую мы проводим в Восточной Европе». Затем Лаваль выступил в защиту системы коллективных договоров. Он напомнил о недавних дебатах в палате общин, в ходе которых Болдуин отметил беспокойство, вызванное в Англии интенсивным перевооружением Германии. «Мы никоим образом не собираемся, – уточнил Лаваль, – ни примириться с положением, которое создается для нас в

результате перевооружения Германии, ни уклоняться от обязанностей, которые в связи с этим ложатся на нас. Однако нам хочется верить, что в час, когда Германия говорит о своем стремлении к миру, она поймет, что, отказываясь присоединиться к политике сотрудничества, к которой все призывают ее, она лишь усугубляет свою моральную ответственность перед другими нациями». В заключение Лаваль дал торжественное обязательство. «Мы рассматриваем расширение Лиги наций, – сказал он, – как необходимое условие сохранения и укрепления мира. *Мы хотим продолжать работу по реконструкции Европы только путем коллективных усилий и в рамках Устава Лиги наций… Я заверяю всех наших друзей и союзников, что мы будем участвовать в женевских переговорах с еще большей активностью и большей верой в успех, чем когда бы то ни было…* Мы рады, что полное единство взглядов в этом вопросе позволяет двум великим западным демократиям проводить в трудных условиях, которые переживает мир, политику тесного сотрудничества, являющуюся основным залогом мира в Европе».

Дебаты, на которые намекал Пьер Лаваль, происходили в палате общин 28 ноября. Дискуссия была открыта Уинстоном Черчиллем, предложившим следующую поправку к тронной речи: «Учитывая условия, преобладающие в мире, оборонительная система Великобритании, и особенно сила ее военной авиации, недостаточны больше для обеспечения мира, безопасности и свободы граждан и подданных империи». В 1935 году, – заявил Черчилль, – германские военно-воздушные силы будут по меньшей мере равны нашим; к концу 1936 года они превысят наши силы на 50 процентов, а к концу 1937 года – на 100 процентов. «Тайна германских вооружений должна быть раскрыта. Продолжая политику проволочек хотя бы в течение еще нескольких месяцев, правительство добьется того, что страна никогда не сможет превысить уровень рейха». Болдуин не оспаривал активности Германии. Он признал, что были приняты меры по преобразованию профессиональной армии долгосрочной службы численностью в 100 тысяч человек в трехсоттысячную армию мирного времени с кратким сроком службы; по его подсчетам, военно-воздушные силы рейха насчитывали 800 самолетов, однако он оспаривал, что они могут в скором времени достигнуть уровня Великобритании. «К тому же правительство, – добавил он, – полно решимости не допускать отставания по сравнению с Германией, каким бы ни был уровень ее вооруженных сил в будущем».

Впервые за несколько месяцев с речью выступил Давид Ллойд Джордж. Он отрицал немецкую угрозу, но подчеркивал опасность

со стороны Японии. Дебаты закончились выступлением сэра Джона Саймона, выразившего надежду, что разоружение еще возможно. В общем только Черчилль бил тревогу.

Среди всех этих забот мы по-прежнему продолжали подвергаться нападкам со стороны Думерга. Свою очередную декларацию он написал на этот раз для «Кандида», где она была опубликована 13 декабря. Мы имели счастье узнать, что он сидит в «звуконепроницаемой» библиотеке, окна которой выходят в живописный дворик с бассейном. Он снова кичился своими выступлениями по радио и своей программой. Считая, по-видимому, что такого рода декларации недостаточно, он снабдил ее многочисленными комментариями, обвинив, в частности, свою партию в том, что она ни разу «не сдержала своих предвыборных обещаний». Затем следовал ряд маловразумительных метафор. Я также удостоился пинка ногой. В этом океане общих идей, если можно так выразиться, содержалось, однако, одно недвусмысленное признание: «Я собирался через три дня распустить палату депутатов, однако меня опередили». Можно ли выразиться более ясно?

* * *

Заседание совета министров 20 декабря 1934 года. Две недели я был болен. За это время в Женеве Лаваль урегулировал саарский и югославский вопросы. Правительство утвердило бюджет и законы о хлебе и вине. Странная эпоха – когда урожай достигает 62 центнеров с гектара, то это считается несчастьем. Положение правительства в общем хорошее. Маршандо резюмировал результаты своей поездки в Россию; речь шла о том, чтобы финансировать заказы на сумму 1 миллиард франков, которые СССР хочет разместить во Франции в 1935 году.

Лаваль объяснил, каким образом ему удалось урегулировать югославский вопрос, добиться согласия Венгрии, а также не восстановить против себя Италию. Что касается Саара, то англичане внесли предложение о посылке туда войск при условии, что Франция и Германия не будут в этом участвовать. Лаваль согласился с этим, оговорив, что инициатива внесения этого предложения будет принадлежать Франции. Германия, проинформированная послом Роландом Кестером, также согласилась на это. Переговоры с Италией осложнились. Не столько из-за спорных колониальных проблем (Тунис, Сомали, Триполитания), сколько из-за югославского и австрийского вопросов. Муссолини отказался признать целостность

Югославского государства и не пожелал выразить свое согласие на независимость Австрии. Лаваль заявил, что ему не нужны показные решения. Он поедет в Рим только в том случае, если будут достигнуты конкретные результаты. Еще более ухудшились отношения с Польшей, которая вела себя так, как будто она полностью зависела от Германии. Мне было поручено изыскать средства обеспечить жильем и работой тех жителей Саарской области, которые переедут во Францию.

Заседание совета министров 2 января 1935 года. Жерме Мартен изложил нам нужды казначейства (14 миллиардов франков в 1935 году, из которых 11 миллиардов – в первом квартале). Для подкрепления казначейства он хочет использовать золотой запас Французского банка, располагающего 81 миллиардом франков, и фонды «Кэсс де Депо». По его мнению, это лучшее средство установить правильную процентную ставку для краткосрочных и среднесрочных кредитов и избежать банковского кризиса. По примеру Англии он намерен организовать финансовый рынок, обеспечивающий обращение краткосрочных и среднесрочных ценных бумаг. У банков будут более широкие возможности финансировать предприятия. Жермен Мартен предлагает сместить управляющего Французским банком, заменив его Таннери. Максимальная сумма подписки на облигации была увеличена с 10 до 14 миллиардов.

Лаваль изложил нам результаты своих переговоров с Италией. 1 ноября состоялся первый обмен мнениями. Начиная с этого дня появились трудности, которые вызывало обсуждение австрийского вопроса и гарантии независимости Австрии, а также выработка конвенции о территориальной независимости стран Центральной Европы с заключением консультативного пакта. Италия, кажется, не намерена присоединиться к этому проекту. Австрия сама создает трудности; она не желает, чтобы ее безопасность обеспечивалась государствами-преемниками[176]. Однако Лаваль выразил удовлетворение первыми достигнутыми результатами, считая, что впервые была гарантирована неприкосновенность границ в Центральной Европе. Все эти переговоры кажутся мне довольно туманными и ненадежными. Так как предполагавшуюся конвенцию еще не удалось заключить, то пока было решено в случае возникновения опасности проводить консультации между Францией, Италией и Австрией, с приглашением стран, согласных подписать конвенцию. Лаваль заявил, что он не хотел бы уезжать, пока не будет решен вопрос о протоколе. По колониальным вопросам соглашение еще не было достигнуто. Министр колоний заявил, что уступки, которые решено сделать в Триполитании, не представят никаких

затруднений. Муссолини согласен отказаться через десять лет от итальянской ипотеки на Тунис; но подробности еще нужно уточнить.

Сразу после заседания совета министров Лаваль принимает решение о своем отъезде в Италию.

Заседание совета министров 8 января. Реорганизация министерства юстиции и министерства торговли. Мандель предложил создать ведомство почтовой авиации.

Заседание совета министров 10 января. Лаваль представил нам отчет о своей поездке и познакомил нас с предполагаемыми текстами: 1) Общей декларацией о франко-итальянском сотрудничестве; 2) Конвенцией о взаимном уважении территориальной целостности государств Центральной Европы; 3) Консультативным франко-итальянским пактом. Лаваль заверял нас, что с Малой Антантой, и в частности с Югославией, не существует никаких недоразумений, несмотря на досадный отказ Муссолини признать территориальную целостность Югославии. Впрочем, Муссолини обещал в ближайшее время сделать по этому поводу ряд позитивных заявлений. В Риме было решено, что Германия, как и всякая другая держава, не может односторонне принимать решение об изменении уровня своего вооружения. Если она потребует свободы перевооружения, то оба правительства будут консультироваться по этому вопросу! В случае возобновления работы конференции по разоружению оба государства постараются обеспечить себе необходимый уровень превосходства в вооруженных силах. По этому четвертому пункту соглашение является секретным, за исключением общей части, подлежащей опубликованию.

Лавалю и Муссолини удалось разрешить трудности колониального вопроса, было достигнуто согласие относительно исправления триполитанской границы и по тунисскому вопросу. Были определены статут и права итальянцев, проживающих в Тунисе. В Эритрее граница была установлена по линии Даиль-дикома – Дель Элуа. Соответствующие законы о гражданстве будут введены в Тунисе, как и во Франции, в 1965 году. Начиная с 1955 года итальянские школы будут приравнены к французским частным школам. Были оговорены права частных лиц. Лаваль считал, что урегулирование тунисского вопроса вызвало резкое недовольство Сувича. Мне кажется, что Малларме не особенно удовлетворен.

С другой стороны, Франция оставила Эфиопию на произвол судьбы, предоставив там Италии экономическое преобладание[177].

Мы продаем Италии 2500 акций железной дороги, в то время

как общее число акций составляет 34 тысячи, из которых 19 тысяч – французские. Мы хорошо отдаем себе отчет, и Лаваль не отрицает этого, что это соглашение об Эфиопии может в будущем доставить много беспокойства. Лаваль квалифицировал достигнутое соглашение как «многообещающее»; кроме того, он очень доволен своей встречей с папой римским.

Вместе с Марэном я высказал серьезные сомнения по поводу наших уступок в Африке. В частности, мне казалось, что они угрожают безопасности прохождения наших кораблей через Баб-эль-Мандебский пролив. В палате депутатов Утре высказал мне аналогичные опасения.

10 числа в 19 часов вечера меня посетил германский посол. Он спрашивал, что он мог бы сделать после урегулирования вопроса о Сааре, чтобы добиться сближения. Он предложил мне совершить летом поездку в Германию и встретиться с Гитлером. Но у меня нет никакой охоты встречаться с убийцами.

12 января. Ознакомившись с телеграммами, я составил себе представление о возмущении Югославии и Турции; я опасаюсь маневра со стороны английского правительства, которое под давлением лейбористской партии может предложить нам отказаться от военных статей Версальского договора и пойти на уступки Германии. Мы бросили на произвол судьбы Эфиопию, после того как она по нашему приглашению вступила в Лигу наций; но с этим я не могу примириться. Среди своих заметок, составленных на заседании совета министров, я обнаружил следующее: «Мое впечатление о франко-итальянском соглашении: мы договорились на слове «si» (если), но по-итальянски это значит *«да»* и выражает реальность; а по-французски оно означает *«может быть»* и выражает надежду или иллюзию».

Заседание совета министров 18 января 1935 года. Пьетри сообщил мне содержание оптимистической, но показавшейся мне не совсем убедительной ноты о Баб-эль-Мандебском проливе.

Изучаются мероприятия, ставшие необходимыми в силу Саарского плебисцита[178]. 17-го вечером прибыли 826 беженцев, 474 из которых прошли через приемные пункты.

Маневры пораженцев на бирже. Вымышленное интервью Гитлера. Ложное истолкование решений парламентской группы радикалов. Министр юстиции изложил свой проект изменения закона об акционерных обществах. Новые осложнения, связанные с делом Ставиского.

Утверждение чрезвычайных декретов, кажется, будет трудным делом. Для их рассмотрения парламентская группа радикалов предложила создать специальную комиссию из 44 депутатов, но, поскольку другие комиссии уже занимаются этим,

эта процедура становится, по-видимому, невозможной. Министр финансов заявил, что он не сможет согласиться с новым усилением бремени пожизненного долга.

Было реорганизовано верховное командование. Генерал Вейган ушел со своего поста; он был заменен генералом Гамеленом, помощником которого на случай войны был назначен генерал Жорж, а в качестве начальника Генерального штаба армии – генерал Кольсон.

Жакье предложил отменить принцип сверхурочных часов в промышленности.

Вторник, 22 января. Заседание совета кабинета и совета министров. Бюджетные прорехи ощущались все сильнее. Дефицит возрастал, хотя начиная с 1932 го да-он заметно уменьшился. Положение железных дорог ухудшилось.

Лаваль представил отчет о ходе работы в Женеве. Венгеро-югославское дело временно урегулировано. Иден выступит с докладом, который завершит дискуссию. Лаваль хвастается Ефтичем[179]. Будапештская пресса злобствовала. Тем не менее все еще надеялись, что Муссолини сделает благоприятное для югославов заявление.

Эфиопский вопрос осложнился. Барон Алоизи обещал избегать всяких инцидентов, но Эфиопия не желала вступать в прямые переговоры с Италией. Однако между обеими странами существовала конвенция об арбитраже, благодаря которой должно быть достигнуто соглашение.

По словам Лаваля, он выступал одновременно в защиту Восточного пакта и Дунайского пакта, успокоил Турцию, пообещав ей заключить Восточносредиземноморский пакт, достиг полного соглашения с Литвиновым и с Балканской Антантой и таким образом укрепил римские соглашения. Что касается Польши, то за внешней сердечностью скрываются действительные трудности. Оставаясь «союзником» Франции, Бек, однако, не желает подвергать опасности свой договор с Германией. Лаваль утверждает, что говорил с ним весьма резко. Польша присоединяется к Римскому договору, поскольку с ним согласна Венгрия, но отвергает Восточный пакт. Наш министр намерен и впредь проводить на Востоке ту же политику, вместе с Польшей или без нее – этот вопрос Польша должна решить сама.

Вопрос о Сааре урегулирован, несмотря на запоздалые требования нашего военного министерства, настаивавшего на уничтожении некоторых военных сооружений; генерал Морэн не упорствовал. Германия согласилась на демилитаризацию; она вступит во владение Сааром 1 марта.

Лаваль полагает, что мы не сможем вступить в переговоры о

вооружении Германии, если она сама откажется участвовать в наших международных соглашениях (Дунайский пакт, Восточный пакт).

Крупный инцидент в Сомали. Представитель администрации Бернар убит; вместе с ним погибло около ста человек. Интересно, кто инициатор этого покушения?

29 января 1935 года. Заседание совета министров. Жакье представил свои проекты относительно безработицы: выдача премий предпринимателям, берущим на работу безработных сверх установленной нормы; сокращение продолжительности рабочего дня, поскольку половина французских рабочих и так уже работает меньше, чем установлено законом.

Министр юстиции полагает, что дело Ставиского будет слушаться в мае. Он предвидит, что суду присяжных будет задано около двух тысяч вопросов.

Фланден и Лаваль скоро отправятся в Лондон. По их словам, речь идет *о визите в целях информации,* чтобы изучить прежде всего вопросы денежного обращения, заявить о том, что Франция сохранит паритет франка, а затем выступить против кампании Поля Рейно и Патенотра. Что же касается конференции по разоружению, то Лаваль уточнил положение. Лондон предлагал заявить протест против одностороннего вооружения Германии и в случае согласия Германии на возвращение в Женеву аннулировать Версальский договор. Франция отказалась присоединиться к этой программе. В Лондоне она ограничится беседами и консультациями. Таким образом, между двумя правительствами существует полное несогласие. Английское предложение неприемлемо ни для нашего общественного мнения, ни для наших союзников.

Франко-британские переговоры состоялись с 1 по 3 февраля. В заключительном коммюнике говорилось, что «встреча имела целью способствовать укреплению мира во всем мире путем более тесного европейского сотрудничества в духе полного и дружественного доверия и положить конец тенденциям, которые, если им не воспрепятствовать, приведут к гонке вооружений и росту военной опасности». Министры обеих стран выразили благодарность Лиге наций и обязывались придерживаться и далее своей программы сотрудничества и примирения. Английские представители полностью одобрили франко-итальянские соглашения и выразили согласие действовать в духе этих соглашений. Правительство Его Величества «считает себя принадлежащим к числу тех держав, которые, согласно Римским соглашениям, должны будут консультироваться между собой, если независимости и целостности Австрии будет угрожать

опасность». Французские и английские министры выражали надежду на прямое и эффективное сотрудничество Германии. «Они напоминают, что Германия, более чем какое-либо другое государство, размеры вооружений которого установлены мирным договором, не имеет права изменять свои обязательства путем одностороннего акта», однако выражают желание достигнуть путем свободных переговоров с Германией соглашения, обеспечивающего взаимную помощь в Восточной Европе.

Общее урегулирование, которое предлагали Германии, основывалось бы на декларации 11 декабря 1932 года, то есть на равноправии в условиях системы безопасности; оно заменило бы V часть Версальского договора. Германия вновь заняла бы свое место в Лиге наций. Французские и английские министры, озабоченные опасностью, которую представляет авиация, рассмотрели возможность соглашения некоторых держав по этому вопросу. «Государства, подписавшие соглашение, обязывались бы немедленно прийти на помощь своими воздушными силами тому из них, которое подверглось бы неспровоцированной агрессии с воздуха со стороны одного из договаривающихся государств». Французское и английское правительства заявили о своей готовности возобновить консультации.

Председатель совета министров выступил по поводу этого коммюнике по радио. Он подчеркивал тот факт, что Германия в течение последних лет значительно увеличила свои вооружения и практически расторгла Версальский договор. Он полагал, что решение возникшей таким образом проблемы заключалось не в гонке вооружений, а в укреплении гарантийных пактов и пактов взаимопомощи, в Дунайском пакте и в Восточном пакте, в организации контроля и международных полицейских сил. Фланден все еще надеялся на возвращение Германии в Лигу наций и на возобновление переговоров в целях заключения общей конвенции о вооружениях. Он говорил о мерах предосторожности, принятых на случай воздушной войны и внезапного нападения.

Однако Япония, покинувшая Лигу наций 26 марта 1933 года, опубликовала в октябре 1934 года брошюру о «значении национальной обороны», которую Бенуа-Мешэн изложил вкратце в своей «Истории германской армии». В ней говорилось, что «борьба составляет истоки вселенной; она является прародительницей культур. Она определяет источники и саморазвитие жизни». Муссолини со своей стороны восхвалял войну в речи, произнесенной 24 августа 1934 года. 18 сентября он опубликовал новый военный закон Италии, согласно которому военное обучение включалось в систему народного образования и

начиналось, «как только ребенок достигал возраста, необходимого для его усвоения».

5 февраля. Заседание совета министров. Президент республики поздравил Фландена и Лаваля, которые сделали отчет о своей поездке в Лондон. В Англии началась избирательная кампания. По словам Фландена, не следует рассматривать достигнутое соглашение как возобновление Сердечного согласия, хотя Макдональд заявил о своей твердой решимости продолжать сближение и готов приехать в Париж. Общественное мнение менялось под влиянием сообщений из Германии. Переговоры оставались открытыми. По словам Лаваля, коммюнике редактировалось весьма тщательно; очень важно, чтобы Англия согласилась с принципом консультаций в случае возникновения угрозы для Австрии; она совершенно не интересовалась Восточным пактом. Наши представители настаивали на том, чтобы коммюнике представляло единое целое. Для них воздушный пакт благодаря его автоматическому вступлению в действие и взаимности означал прогресс по сравнению с Локарнскими соглашениями.

Продолжительная дискуссия по поводу мер, которые следует принять в связи с годовщиной 6 февраля.

Министр иностранных дел Германии фон Нейрат в ответ на сделанное ему сообщение о соглашении от 3 февраля вручил 14 февраля послам Франции и Англии в Берлине ноту. Германское правительство заявляло, что оно желает усиления гарантий мира, и обещало приступить к глубокому изучению всего комплекса вопросов, касающихся европейской политики. При этом изучении оно будет руководствоваться стремлением к укреплению мира, а также заботой о безопасности германского государства, особенно необходимой в связи с его географическим положением в центре Европы. «Германское правительство изучит, в частности, вопрос о том, каким образом можно избежать в будущем опасности гонки вооружений, порожденной отказом хорошо вооруженных государств приступить к предусмотренному договорами разоружению». Оно «с удовлетворением принимает предложения, направленные на усиление безопасности в отношении внезапного воздушного нападения путем заключения в возможно кратчайший срок соответствующей конвенции… В принципе оно готово предоставить свои воздушные силы для устранения и пресечения действий возможных нарушителей мира». Таким образом, германское правительство выразило готовность изучить после специальных переговоров с заинтересованными правительствами проект воздушной конвенции.

Вторник, 19 февраля. Заседание совета министров. Лаваль

изложил нам обстановку, создавшуюся в связи с германской нотой. Я усиленно подчеркивал тот факт, что эта нота имеет целью разобщить Англию и Францию. И действительно, она содержала следующую фразу: германское правительство «было бы счастливо, если бы после только что закончившихся франко-английских переговоров правительство Его Величества, являясь одновременно участником Лондонских переговоров и гарантом Локарнских соглашений, выразило бы готовность начать непосредственный обмен мнениями по этому вопросу также и с германским правительством». Не следует допускать отрыв военно-воздушной проблемы от других проблем. Я настаивал на том, чтобы наше правительство, уточнив инструкции, данные 16 февраля нашему послу в Лондоне в виде вопросника, подтвердило свою идею полной солидарности со всеми положениями, изложенными в коммюнике от 3 февраля. Я сумел настоять на своем. К тому же в конфиденциальной телеграмме нам сообщили, что сэр Джон Саймон придерживается той же точки зрения. (Секретная телеграмма № 190.)

На Мартинике произошли довольно серьезные инциденты, вызванные некоторым снижением заработной платы. Туда были посланы два корабля.

Среди всего этого непрерывно возрастающего смятения я все более и более приходил к убеждению, что соглашение с Советским Союзом является нашей наиболее прочной гарантией, хотя моя точка зрения наталкивалась на всеобщее противодействие.

30 января заместитель народного комиссара обороны Тухачевский выступил с очень важной речью о росте сил Красной Армии, «политическое и моральное состояние которой, – заявил он, – крепко, как никогда». Командиры работают днем и ночью над повышением не только своего военного образования, но и над повышением своей общей культурной подготовки. Осоавиахим помогает армии, работая над физической подготовкой молодежи. Численность авиации непрерывно увеличивается, ее качество совершенствуется. «Наша авиация, – говорит оратор, – подготовляется тактически как для взаимодействия с другими родами войск – сухопутными и морскими, так и для производства самостоятельных воздушных операций, *которые в будущей войне приобретут особенно большое значение.*

Танки выросли очень значительно. Со времени VI съезда мы имеем следующее процентное увеличение: в отношении танкеток – 2475%, в отношении легких танков – 760%, в отношении средних танков – 792%. Скорость, например, наших танков возросла от 3 до 6 раз… Число пулеметов для стрелковых

и кавалерийских соединений увеличилось в два с лишним раза, число пулеметов для авиации и танков – в 7 раз, число орудий танковых и противотанковых выросло в 4,5 раза, число тяжелой артиллерии выросло в 2 с лишним раза… Мы имеем целый ряд новых прекрасных, вполне современных орудий, которые внедряются в Красную Армию».

Заместитель народного комиссара отметил также успехи в области радиофикации, средств связи, авиационных радиостанций, военно-морского флота (сторожевых кораблей, торпедных катеров, подводных лодок). На западных и восточных границах построены укрепленные районы. На Дальнем Востоке созданы специальные гарнизоны. В конце 1934 года численность армии достигла 940 тысяч человек. Ассигнования по наркомату обороны на 1935 год достигли 6500 миллионов рублей. Присутствующие встретили аплодисментами эти цифры и сведения о подготовке снайперов и о маневрах. «Мы работаем, – продолжал комиссар, – над развитием подвижности, смелости, над вопросами развития инициативы, самодеятельности, напористости, нахрапа, сказал бы я грубо… Над вопросами управления боем, над вопросами организации тесного, непрерывного взаимодействия, потому что каждый род войск в отдельности не даст полного эффекта, мы работаем особенно сильно… Война готовится, товарищи, против нас усиленными темпами. Мы в Красной Армии это понимаем, мы полны бдительности и готовимся к отражению этих ударов»[180].

Я приходил в бешенство, видя, что французская пресса и общественное мнение отказывались замечать это грандиозное развитие. Каждый раз, когда я говорил публично о Красной Армии, меня оскорбляли. К тому же советское правительство считало своевременным выступить против опасности предварительных и сепаратных переговоров о воздушной конвенции. Верное своей доктрине неделимости мира, которую я сам защищал 19-го в совете министров, советское правительство встретило сообщение о Лондонском соглашении с удовлетворением. «Советское правительство давно уже пришло к заключению, что при выявившейся невозможности осуществления полного разоружения и затруднительности контроля ограничения вооружений единственным средством противодействовать надвигающейся реальной опасности нового вооруженного столкновения народов является система региональных пактов, обеспечивающих взаимную помощь, между теми государствами, которые искренне стремятся предотвратить эту опасность». Таким образом, советское правительство одобрило франко-английский проект, подчеркнув, однако, невозможность «локализации войны,

вспыхнувшей в любом пункте Европы»[181]. Оно выражало надежду, что Лондонское соглашение не повредит Восточному пакту. Я обрадовался, узнав, что Англия приняла положение о нераздельном единстве затронутых проблем и что Лаваль отправил 19-го в Лондон телеграмму, составленную в том же духе. Германия добивается приезда в Берлин сэра Джона Саймона, который, по-видимому, желает этого. Мне кажется, что германо-польские переговоры сильно продвинулись вперед в результате поездки Геринга; не предполагают ли они заключить авиационное соглашение против русских? Я отдавал себе отчет, что Германия готовилась поставить вопрос о демилитаризованной зоне.

II. Военная проблема (21 февраля – 1 апреля 1935 года)

21 февраля 1935 года около 7 часов вечера ко мне зашел генерал Морэн, чтобы посоветоваться со мной, каким образом лучше всего продлить срок военной службы. Я предложил ему прежде всего попытаться улучшить организацию набора добровольцев, сверхсрочников и специалистов. Надо действовать осторожно, избегая всего, что могло бы представить Францию как инициатора прекращения поисков международной безопасности и разоружения. По-моему, лучше всего использовать закон о комплектовании армии от 31 марта 1928 года, статья 40 которого гласит: «В случае если этого потребуют обстоятельства, правительство может временно задержать на военной службе часть призывного контингента, который уже отслужил свой срок (1 год). В этом случае, а также в течение первых трех лет пребывания в резерве военнообязанные могут быть мобилизованы в индивидуальном порядке. Эта мобилизация может касаться всего контингента военнообязанных, находящихся в запасе, или же одной или нескольких категорий запаса. Офицеры запаса, унтер-офицеры запаса, окончившие военные училища, врачи, аптекари, дантисты и ветеринары, являющиеся военнослужащими запаса, а также другие специалисты могут быть призваны в армию при тех же условиях независимо от того, к какому призывному контингенту они принадлежат. Правительство обязано доложить об этом решении палатам немедленно, если они в данное время заседают, и в восьмидневный срок после их созыва, если они в данное время не заседают…» Генерал Морэн сказал мне, что эта процедура кажется ему наиболее разумной.

В самом деле, положение было весьма деликатным. Маршал Петен, выступая перед военной комиссией 3 июля 1934 года, заявил после соответствующего анализа, что «если не произойдут события, которые потребуют принятия чрезвычайных мер по обеспечению безопасности, то в период «оскудевших призывов» с 1936 по 1940 год вопрос об увеличении срока военной службы рассматриваться не будет». Он даже уточнил, что «наличие подвижных войск заморских территорий, расположенных на территории метрополии, которые, однако, в случае войны пришлось бы использовать в наших африканских владениях для подавления восстаний, инспирированных агентами врага или явившихся следствием наших ошибок, позволит ограничить число необходимых теперь дополнительно для армии кадровых

военнослужащих 30 тысячами. Если этот набор не может быть осуществлен, парламент должен принять соответствующее решение».

Председатель военной комиссии подчеркнул, что глубокие изменения, внесенные после 1928 года в структуру германской армии, заставили маршала принять решение о прекращении действия так называемой системы предварительной экономии, одобренной палатой при голосовании закона от 15 июля 1932 года и законопроекта №2499, который разрешал министру обороны увеличивать средний призывной возраст не более чем на 4 месяца. Г-н Сенак спросил, готово ли правительство немедленно внести соответствующие законопроекты на рассмотрение палаты, чтобы подтвердить свою решимость сохранить короткий срок службы путем применения существующей системы набора и оставления на сверхсрочной службе кадровых военных и специалистов. Начальник генерального штаба генерал Гамелен ответил, что для улучшения дела набора специалистов и возобновления набора и оставления на сверхсрочной службе достаточно принятия декретов. Путем применения той же процедуры можно ускорить продвижение унтер-офицеров, минуя в некоторых случаях должности старшего капрала или старшего бригадира.

Официальное сообщение военной комиссии резюмировало и подтверждало заявление маршала.

26 февраля. Заседание совета министров. Аграрные вол. нения в департаменте Нижней Сены. Фон Нейрат согласился с тем, чтобы намечаемые переговоры затрагивали весь комплекс вопросов, поставленных франко-английским коммюнике от 3 февраля. Однако Германия сильно обеспокоена вооружением России, и особенно заявлениями начальника штаба военно-воздушных сил Хрипина; она полагает, что советская авиация является первой на континенте.

Австрийские министры не говорили о восстановлении Габсбургов. Они заявили, что между Австрией и Италией или между Австрией и Венгрией нет никаких тайных соглашений. Они потребовали оказания немедленной помощи в случае грубого нарушения обязательства о ненападении. Французская нота от 23 февраля, с которой их ознакомили, уточняла условия применения Римского соглашения от 7 января. Необходимо, говорится в ней, предусмотреть все возможные случаи вмешательства, установить порядок оказания немедленной помощи, которая предшествовала бы даже вынесению заключения Советом Лиги наций. Лаваль изложил нам принципы этой ноты и зачитал ее. Обязательство об оказании помощи может вытекать только из частных соглашений.

Одним словом, Австрия теперь соглашается принять в некоторых случаях помощь государств-преемников. Лаваль объяснил нам, каким образом он использовал приезд австрийцев, чтобы продвинуть переговоры о Восточном пакте. Абиссинское дело осложнилось.

Военный министр сообщил нам о своих затруднениях в получении информации о вооружении Германии. Тем не менее в апреле он произведет очередное увольнение в запас. Генерал Морэн подозревает, что только что происшедшее нападение на супрефектуру в Мостаганеме вызвано происками Германии в Африке. Ее подрывная деятельность усиливается повсюду. Впервые у военного министра проскользнули пессимистические нотки. Несмотря на инциденты в Сетифе, туземные войска в полном порядке.

Фланден все еще не ставит на обсуждение вопрос о продолжительности срока военной службы.

Ренье известил нас о своей предстоящей поездке в Алжир. На меня было возложено исполнение его обязанностей. Он анализировал алжирский кризис, объясняя его тремя причинами: первая из них – экономического, вторая – религиозного и третья – политического характера, связанная с деятельностью тайных агентов, французов или иностранцев. Лаваль высказался против этой поездки. Донесения, которые мы получили из Германии в конце февраля, вызвали большое беспокойство. Согласно им, за последние месяцы 1934 года Германия усиленно вооружалась. Огромные усилия были предприняты в авиационной промышленности. Заводы Юнкерса в Дессау и «Хейнкель-верке» в Варнемюнде были расширены, и созданы дочерние предприятия; на них было возложено выполнение самых различных заказов. Автомобильные предприятия изготовляли авиационные моторы и отдельные части самолетов. Создавались не только аэродромы, но и подземные укрытия для самолетов, надежно защищенные от бомбардировки. Спортивный авиационный союз был милитаризован. Строевые занятия его членов, которых можно опознать по желтым петлицам, проходили на авиационном плаце Котбуса.

Заводы Юнкерса, охрана которых возложена на 200 тайных агентов, работают в три смены. Юнкерс приобрел в Кётене (Ангальт) большой машиностроительный завод и бывшие заводы Эшбаха в Дрездене (Барбара и Ризерштрассе). Они завербовали пятьсот рабочих Вумага в Гёрлице (вагоностроение и машиностроение). В руки Юнкерса перешла фирма «Альгемейне транспорт анлаген гезельшафт» в Лейпциге. В августе 1934 года был построен первый самолет типа W-33; пробные полеты

происходили на аэродроме Лейпциг-Мокау.

В свете этих данных понятна поспешность, с которой Германия заявила о своей готовности присоединиться к воздушной конвенции, одним из преимуществ которой для нее была бы легализация воздушного флота, созданного в нарушение Версальского договора. В Ганновере бывшая фирма Гаваг («Ганноверше ваггонбау акциенгезельшафт») занимается обработкой легких металлов и изготовляет части самолетов. В Берлине фирма «Фокке-Вульф флугцейгбау» производит так называемые спортивные самолеты, снабженные хорошо скрытым приспособлением для бомбометания. Гамбургские верфи «Блом и Фосс» ежедневно изготовляют два двухмоторных моноплана с 37-миллиметровым орудием, стреляющим снарядами из хромированной стали. Такую же деятельность развивают заводы «Хейнкель» в Варнемюнде, изготовляющие самолеты для «сбрасывания почты», то есть для бомбометания, фирма «Ауто Унион» в Цвиккау, в Саксонии, заводы «Адлер» в Дрезден-Альбертштадте. Фирма «Фольсхаус» в Дрездене использует в качестве чертежников молодых инженеров. На заводах «Марк» в Бреслау работа идет без перерыва; так же обстоит дело на заводах Дорнье в Фридрихсхафене, где рабочих стремятся убедить в том, что они производят автомобили, в Висмаре, где аэродром защищен военными укреплениями. Подземные аэродромы строятся близ Вюрцбурга, в Ханау около Франкфурта, в Бёблингене, в Гёппингене, в Руите около Штутгарта, во многих местах Южной Германии, в Ваггуме близ Брауншвейга, в одном из ганноверских лесов. В Вюнсдорфе для постройки ангаров использовали заброшенные карьеры для добычи гравия. Тем же целям послужила пустошь в Люнебурге. К нам поступают десятки сообщений о сооружениях подобного рода, хотя за раскрытие их местонахождения и грозит смертная казнь. Для строительства этих сооружений, которое ведется даже ночью, используются отряды всеобщей трудовой повинности. При этом подземные ангары в Пренцлау выдаются за ирригационные сооружения. Жители окрестностей аэродрома в Котбусе жалуются, что их сон нарушается шумом моторов эскадрилий. Везде пущены в ход машины для производства бетона, деревья скрывают цементированные стены; под предлогом занятий воздушным спортом идет подготовка летчиков, создаются специальные школы, автоматические киноаппараты регистрируют результаты испытаний пулеметов, ствол которых проходит через ось пропеллеров. Большие самолеты совершают полеты ночью; юные гитлеровцы, поощряемые муниципальными советами, например в Штеттине, спешат пройти курс военного обучения, ревностно

занимаются военной подготовкой, а в подземных ангарах они обучаются поражать пулеметы, обнаруживая их только по стволу, скрытому в траве. Эта лихорадка охватила всю Германию.

В то же время германское военное ведомство не только вернуло себе здания, принадлежавшие старой армии и с 1919 года использовавшиеся в других целях, но и приступило к сооружению многочисленных казарм на всей территории Германии, строя их с расчетом обеспечить укрытие войск от налетов неприятельской авиации. Создаются склады оружия и боеприпасов. На морском побережье и в пограничных районах возводятся полевые укрепления. Выпускаются танки различных типов. Были быстро достигнуты большие успехи в области механизации армии. Германия приобретает облик обширного, укрепленного лагеря, огромного арсенала, действующего под защитой военного режима и под прикрытием драконовского законодательства, с происходящими время от времени таинственными казнями. 12 новых казарм строятся в Оппельне, 8 – в Глогау, 3 – в Лигнице; расширяется сеть госпиталей. Близ плотины в Оттмахау под предлогом строительства шоколадной фабрики сооружаются железобетонные укрытия. В Франкенберге, около Хемница, возводятся ангары. Казармы покрываются круглыми бетонированными крышами; иногда их устраивают на склонах холмов, как в Губене. Помещения для войск проектируются в Корнвестхейме, непосредственно рядом с сортировочной станцией, одной из самых важных в Южной Германии. Но это лишь примеры. В Вестфалии, на границе с демилитаризованной зоной, подготовлены конюшни для приема тысяч лошадей. В Бамберге обитатели частных домов были эвакуированы, а дома переданы военным.

Кенигсберг будут защищать два новых внешних форта. Береговая артиллерия в Пиллау получила оснащенные дальномерами пушки, дальнобойность которых позволяет поразить Гдыню. В Дейч-Кроне отряды всеобщей трудовой повинности прокладывают каналы в районе озер. В заново восстанавливаемых фортах в Фридрихсорт. и в Гервате проводится ток высокого напряжения. На всех высотах вокруг Кильского залива воздвигают сооружения из бетона, в том числе так называемую «дачу» со стенами толщиной в один метр на берегу моря близ Штейна. В Нордерней, в глубине острова, расположены укрепления, замаскированные растительностью. Так называемые «дома товарищества» в Вюрцбурге, в Баварии, являются в действительности не чем иным, как казармами, заставленными тяжелыми орудиями. Горючее в лагеря доставляется автоцистернами. Все эти приготовления происходят

под наблюдением отрядов СА, которые выселяют жителей деревень, контролируют дороги, ведущие к складам оружия, маскируют артиллерийские платформы, охраняют пороховые склады, подготавливают лесные участки к маневрам.

Тем временем заводы (фирм «Мейер и Вейгель» в Лейпциге, «Гредиц, Зейдель и Науман» в Дрездене) производят военное снаряжение. Рабочие должны были давать подписку о сохранении тайны. Заводы «Саксенверке» изготовляют гидрофоны для морского флота. Реквизируются фрезерные и токарные станки. Фабрика перчаток Рекля в Мюнхене получила заказы на изготовление противогазовых масок. Жестяники поставляют выхлопные трубы для самолетов. Предприятия Круппа в Эссене, закрытые, согласно Версальскому договору, вновь были пущены в ход в целях производства броневых башен, артиллерии и танков; на полигонах фирмы все время раздаются взрывы. Вещества, необходимые для снаряжения снарядов, доставляются от калийной шахты близ Ганновера до заводов «Ганомаг» по восьмикилометровому тоннелю с маленькой двухколейной железной дорогой. Сдвоенные вагончики на самом деле предназначены для перевозки взрывчатых веществ; в «ящиках для сохранения льда» содержатся боеприпасы. На Гамбургских верфях «Блом и Фосс» строятся мониторы. Производство ватербалластов во Фленсбурге предназначено для подводных лодок. В Киле на верфях «Германиа» проводятся испытания судов, управляемых на расстоянии с парохода «Саар». Заводы «Линке-Гофманн» в Бреслау налаживают производство гусеничных цепей *(Laufbänder)* для быстроходных танков.

Можно наблюдать успехи механизации. В Мюнхене, близ Английского сада, заводы Маффей-Краус выпускают шасси *(Gestelle)* для танков, которые на испытаниях показывают скорость в шестьдесят километров. Крупп в огромных количествах выпускает грузовики, а фирма «Гановрaг» – восьмиместные бронированные шестиколесные вездеходы; на заводах «Феномен» в Циттау сконструирован образец очень мощного мотора для танков. Заводы Лаухаммера в Ризе на Эльде производят танки. На многочисленных предприятиях осуществляют слежку тайные ячейки *(Geheimzelle)*.

24 февраля швейцарский народ, опрошенный путем референдума, принял 506 845 голосами против 431 902 закон о продлении срока военной службы, одобренный федеральными палатами 28 сентября прошлого года. Согласно этому закону, срок службы в пехоте и в инженерных частях продлен с 65 до 90 дней, в артиллерии и в авиации – с 75 до 90 дней, в кавалерии – с 90 до 104 дней.

* * *

В «Ревю де дё монд» от 1 марта 1935 года маршал Петен рассмотрел военное положение Франции, сравнив его с положением перевооружавшейся Германии, силы которой быстро возрастали. Маршал сослался на цифры, приведенные Аршембо в палате депутатов и Сари в сенате: 400 тысяч солдат в мирное время, 21 пехотная дивизия плюс переведенная на казарменное положение полиция. Наши неполноценные призывные контингента насчитывают от 110 до 130 тысяч военнообязанных, в то время как в Германии они составляют около 200 тысяч. Германия может поставить под ружье, во-первых, полсотни дивизий пограничной охраны, во-вторых, полевую армию в два эшелона: кадровую армию в 600-700 тысяч человек и ополчение с военизированными организациями. Всего в настоящее время она может выставить от 85 до 100 дивизий.

Маршал отметил рост авиации, бюджетные ассигнования на которую в 1934 году увеличились по сравнению с 1932 годом в шесть раз, и увеличение производства самолетов. Он разоблачил тактику Германии (стремительное внезапное нападение) и ее методы, разработанные фон Сектом и его преемниками. Среди опасных симптомов он особо отметил широкий размах механизации.

Французские вооруженные силы создавались с расчетом на ослабленную военную мощь Германии. «Конечно, – пишет маршал, – не может быть и речи об изменении принципов, на которых основывается наша военная система. Так как современная война предполагает вовлечение в действия всех ресурсов народов, то наша национальная оборона должна быть основана на принципе вооруженной нации. Эта концепция вполне соответствует политическому и социальному положению нации, не выступающей ни с какими территориальными притязаниями и не имеющей никакой другой цели, кроме защиты того, что ей принадлежит. Эта концепция остается неизменной. Но наша военная система должна быть приведена в порядок». Маршал ограничился рассмотрением проблемы численности армии и проблемы военного обучения. Войска прикрытия должны быть в состоянии заполнить бруствер, то есть держать линию непрерывной обороны; такова роль, отводимая крупным соединениям в крепостях в глубине укрепленной зоны и, вне пределов этой зоны, некоторым другим дивизиям, выставленным на больших фронтах.

«В течение 1934 года положение начало

выправляться благодаря ряду мероприятий, принятых на основе действующих законов; одни из них были направлены на более эффективное осуществление закона об одногодичной службе, другие – на увеличение нашего личного состава мирного времени с 210 до 240 тысяч человек. Эти мероприятия были дополнены предоставлением 800-миллионного кредита на скорейшее оснащение наших крупных войсковых соединений наиболее необходимым современным снаряжением».

Далее маршал настаивал на необходимости реорганизации системы военного обучения. Он требовал двухлетнего срока службы. «Германия, – писал он, – намерена создать в Европе опасное положение и строит на этом свою политику. Презирая принципиально мистику разоружения, с безразличием встречая осуждение актов насилия, *она уважает только силу*. Она будет вынуждена соблюдать мирные обязательства лишь при наличии сил, способных сдерживать ее». Читая эту столь простую и дельную статью маршала, изучая его подсчеты и отмечая, что даже закон о двухлетней военной службе даст нам, по его мнению, лишь 405 тысяч человек против 600 тысяч рейхсвера и германской военизированной полиции, я укрепился в своем убеждении, что для обороны против Германии Франции необходима помощь союзника, располагающего сухопутными силами, и, несмотря на упорное ослепление нашей общественности, я не вижу другого союзника, кроме советской армии.

Среда, 6 марта. Меня вызвал председатель совета министров. Он вручил мне письмо генерала Морэна, приложенное к законопроекту об изменении срока военной службы. Он сообщил мне, что Лаваль, «уехав в неизвестном направлении», ведет против него кампанию, стараясь спровоцировать такое голосование по вопросу двухлетней военной службы, в результате которого от партии радикалов отошли бы все левые. Фланден заявил мне, что не позволит провести себя.

В проекте генерала Морэна, датированном 4 марта 1935 года, излагалась проблема «оскудевших призывов»; число призывников, которое обычно составляет 230 тысяч, упадет в среднем до 118 тысяч. Для разрешения этого кризиса комплектования армии были предусмотрены различные меры. Министр доказывал недостаточность этих мер и предложил следующий законопроект:

«Статья 1. С 1936 по 1940 год включительно военному министру предоставляется право в момент,

который будет признан наиболее благоприятным, постепенно снижать, но не более чем на один год, существующий средний призывной возраст (21 год) и производить ежегодные призывы сразу или в исключительных случаях несколькими этапами. В этой связи он сможет изменять условия взятия на учет, приема новобранцев, их обучения и распределения по воинским частям, призыва контингента и его последующей классификации во время нахождения в распоряжении и в резерве первой очереди, то есть те условия, которые были определены в статьях 10, 11, 28, 40 и 42-й закона от 31 марта 1928 года относительно комплектования армии.

Статья II. В силу статьи 40 закона от 31 марта 1928 года относительно комплектования армии правительству предоставляется право, в случае если этого потребует обстановка, задержать в армии на шесть месяцев контингент, призванный в апреле 1935 года, и на один год контингента, призванные с октября 1935 года по 1939 год включительно. С другой стороны, ему предоставляется право увеличивать в размерах, ежегодно определяемых бюджетом, число кадровых военнослужащих, установленное законом от 28 марта 1928 года и измененное законами от 16 и 17 марта 1932 года, а также законом от 31 мая 1933 года в отношении специалистов. Это увеличение должно учитывать и унтер-офицеров, числящихся сверх комплекта, что предусмотрено статьей 3 закона от 27 февраля 1935 года.

Статья III. Военному министру предоставляется право приступить к организации личного состава и провести меры, необходимые в связи с применением предыдущих статей, ограничиваясь, однако, во всем, что касается общей численности офицеров и количества офицеров в каждом чине, общими рамками положений закона от 28 марта 1928 года относительно положения, о кадрах и личном составе армии, измененного законами от 16 и 17 марта 1932 года. Настоящей статьей упраздняются все противоречащие ей положения, а именно статья 90 закона от 28 февраля 1933 года».

Четверг, 7 марта. Заседание совета министров. Жермен

Мартен изложил обстановку, возникшую в результате падения фунта. По его словам, франку ничего не угрожает, но другие валюты золотого блока находятся в опасности. При этом Соединенные Штаты одобряют идею стабилизации валюты, но англичане не хотят этого. В случае дальнейшего падения фунта Маршандо предпочел бы дополнительному обложению обмена введение контингентирования.

Военный министр изложил свои трудности и свои проекты. Число призывников, которое обычно должно составлять 230 тысяч, упадет в среднем до 118 тысяч в связи с «оскудевшими призывами». Система так называемого *перераспределения (étalement),* то есть постепенного возвращения к призыву 20-летних, дает ежегодное увеличение личного состава лишь на 42 тысячи. Система так называемой *экономии* (система Бернье) – повышение призывного возраста, то есть установление призывного возраста выше 21 года до начала обновления личного состава с целью экономии трех или четырех месяцев на возрастах, призванных с 1933 по 1935 год, – дает нам дополнительно только 20 тысяч человек, то есть при перераспределении на годы «оскудевших призывов» приблизительно 4500 человек в год. Месяц экономии был «съеден» в связи с потерей Саара. Нам остался всего один месяц экономии, который следует использовать в октябре. Набор добровольцев и сверхсрочников является эффективным, хотя и дорогостоящим, средством увеличения личного состава в мирное время. Общее число солдат, могущих остаться на сверхсрочной службе, достигает 103 тысяч, из которых только 61 тысяча принадлежит к частям, расположенным на территории метрополии. Предстоит найти почти полностью 15 тысяч специалистов, набор которых был разрешен законом от 31 мая 1933 года. Установленное законом число кадровых военнослужащих – 117200 человек – по-видимому, не будет значительно превышено.

Итак, Германия угрожающим образом увеличивала свой военный потенциал. Ее 480 тысячам человек, находящимся под ружьем или в резерве, мы можем противопоставить в любое время только 278 тысяч человек.

В 1936 году у нее будет армия в 600 тысяч; у нас же, по самым оптимистическим подсчетам, численность армии упадет до 208 тысяч плюс 70 тысяч подвижных сил, расположенных на территории метрополии.

Денэн поддерживал Морэна. Морэн настаивал на скорейшем принятии решения. Я указал, что проблема является одновременно национальной и международной, поэтому следует предоставить председателю совета министров полную свободу

действий. Фланден жаловался на болтливость печати и на политические кампании, которые неуместны особенно потому, что сейчас происходят международные переговоры.

10 марта Фланден, Морэн и Маршандо прибыли в Лион для открытия ярмарки и вручения креста Почетного легиона Военно-медицинскому училищу.

11 марта премьер-министр Макдональд сделал палате общин заявление относительно имперской обороны, опубликованное в форме Белой книги (Cmd., 4827). Он предложил увеличить общую сумму ассигнований на военные расходы и старался оправдать и обосновать это предложение. Главная цель английской внешней политики состоит в установлении мира на прочной основе. Правительство Его Величества добивалось этой цели следующим образом: 1) постоянная поддержка Лиги наций; 2) инициатива в заключении международных соглашений, важнейшими из которых являются: а) пакт Бриана – Келлога 1928 года об отказе от войны; б) Тихоокеанский договор четырех держав и договор девяти держав на Дальнем Востоке; в) Локарнские соглашения и англо-французское предложение от 3 февраля о заключении воздушной конвенции; г) различные предложения, направленные на обеспечение большей безопасности в Восточной Европе и в Дунайском бассейне и касающиеся прежде всего сохранения независимости Австрии, но без принятия каких-либо военных обязательств; 3) усилия с целью облегчения международного взаимопонимания (отмена санкций, предусмотренных Версальским договором; допуск бывших противников в Лигу наций; эвакуация Рейнской области на пять лет раньше срока; постепенная рационализация и последующее урегулирование репарационного вопроса на Лозаннской конференции 1932 года; Саарский плебисцит); 4) сокращение и ограничение международных вооружений (Вашингтонский договор 1922 года; Лондонский договор о морских вооружениях 1930 года; декларация о равенстве в правах от 17 ноября 1932 года; английские январские предложения 1934 года, которым предшествовал английский проект конвенции от 16 марта 1933 года).

Однако безопасность не удалось обеспечить. Государства не отреклись от политики силы и угроз. Англия допустила ослабление своей мощи, например, в области авиации, потенциальное разоружение которой было начато в 1919 году. «Мы приближаемся к такому моменту, когда у нас не будет необходимых средств для защиты против агрессора», – заявил Макдональд. Япония и Германия вышли из Лиги наций. Правительство Его Величества было вынуждено разработать

согласованную программу восстановления оборонной мощи Великобритании. Было признано необходимым немедленно и значительно увеличить королевские воздушные силы; 19 июля 1934 года об этом решении было объявлено в парламенте. Германия продолжала вооружаться. «Не только действующие силы, но даже сам дух, в котором проводится организация населения, и особенно молодежи страны, делают вероятным и оправдывают чувство нависшей опасности, которое, бесспорно, уже возникло». Макдональд подчеркнул огромную роль английского флота, который должен обеспечить охрану имперских коммуникаций. Ему необходимо значительное число крейсеров сверх тех, которые уже имеются в составе Большого флота. Устаревшие броненосцы следует заменить новыми, снабдив их противовоздушным вооружением и достаточным количеством самолетов. Нужно модернизировать оборону портов. Армии необходимо новейшее снаряжение, механизированные средства передвижения, запасы боеприпасов. Макдональд указал на необходимость мощной авиации на случай, если противник оккупирует берега Ла-Манша или Северного моря.

Предлагаемая система мероприятий будет гибкой и подлежит дальнейшему пересмотру, однако, подчеркнул Макдональд, «дальнейшие проволочки в деле увеличения ассигнований на вооружение всех трех видов сил обороны чреваты угрозой» *(«An additional expenditure on the armaments of the three Defense Services can no longer be safely postponed»)*.

Сэр Остин Чемберлен внес следующую поправку: «Оставаясь верной обязательствам, которые страна взяла на себя в качестве члена Лиги наций, и стремясь достигнуть сокращения вооружений путем международного соглашения, палата общин признает, что эти цели не могут быть достигнуты путем одностороннего разоружения, и одобряет политику правительства Его Величества, которая является необходимой как для защиты нашего народа, так и для выполнения наших международных обязательств». Сэр Остин Чемберлен критиковал Герберта Семюэла за его колебания и г-на Эттли за его противодействие. Он положительно оценил систему коллективной безопасности, над созданием которой он работал, но выразил опасение относительно возможности агрессии со стороны некоторых держав. Подтвердив верность Локарнским соглашениям и защищая Восточный пакт и региональные пакты, он в то же время требовал, чтобы в империи были созданы достаточные полицейские силы и значительно увеличена авиация.

Опубликование некоторыми газетами проекта Морэна вызвало довольно сильное волнение во французском парламенте.

12 марта Жорж Бонне направил мне пространную записку, составленную им совместно с Бернье и Дельбосом, в которой излагалось мнение парламентской группы радикалов. Группа высказывалась за применение статьи 40 закона от 31 марта 1928 года, предусматривающей возможность оставления в армии на восемнадцатимесячный срок контингента, призванного в апреле, и на два года контингента, призванного в октябре. Эта точка зрения совпадала с точкой зрения, высказанной маршалом Петеном 3 июля 1934 года, не требуя не предусмотренного им призыва в двадцатилетнем возрасте. Статья 40 казалась вполне достаточной, так как она предоставляла правительству право принимать необходимые меры, не принуждая его к этому.

В этой обстановке 12 марта открылось заседание совета министров. Фланден заявил протест по поводу допущенной кем-то нескромности, которая позволила агентству Фурнье преждевременно опубликовать законопроект. Генерал Морэн докладывал о военных приготовлениях Германии: о казематах из хромированной стали, военных грузовиках, танках, о 150-миллиметровых гаубицах, о съемных орудийных башнях. В Германии работают над созданием 220-миллиметровой мортиры и 280-миллиметровых пушек. Имеются сведения, что Маузер получил заказ на миллион автоматических винтовок. Два с половиной миллиона человек могут быть призваны немедленно; за ними могут последовать еще 5 миллионов. Я сообщил совету свои замечания: «Германия имеет наготове 45 дивизий, в том числе 15 моторизованных. Германская военная доктрина предусматривает прорыв фронта путем внезапной лобовой атаки с участием авиации, кавалерии и артиллерии. Прорыв должен быть углублен моторизованными силами. Следовательно, нам необходима крепкая армия прикрытия».

Военный министр прокомментировал свой законопроект. Лаваль выступил за сильную армию, но не высказал своего мнения относительно путей ее создания. Он также сообщил нам сведения о силе германской армии: 600 тысяч солдат плюс 350 тысяч в отрядах трудовой повинности, плюс 600 тысяч милиции, плюс моторизованные нацистские отряды численностью около 300 тысяч. Уровень перевооружения Германии зависит только от ее финансовых возможностей. Лаваль сообщил нам также о продолжительности срока военной службы в других странах: в Японии – 2 года, в Советском Союзе – 2 и 4 года, в Югославии – 18 месяцев, в Чехословакии – 2 года, в Италии – 18 месяцев. Советский Союз увеличил свою армию с 600 до 900 тысяч человек. Он зачитал нам также телеграмму из Англии, в которой говорится, что для Лондона важно, чтобы принимаемые меры

носили временный характер.

Жермен Мартен сделал оговорки финансового порядка; он предложил прибегнуть к средствам военного казначейства Франции. Денэн сообщил о накоплении Германией сырья, особенно магния.

Фланден определил свою точку зрения: срок военной службы должен быть продлен путем применения статьи 40. В пятницу он сделает об этом сообщение палатам, ответит на интерпелляции и потребует голосования резолюции о доверии правительству. Что касается внешнеполитических вопросов, то он намерен проявить осторожность; нельзя задевать Соединенные Штаты и, главное, оправдывать действия Германии. Его положение, действительно, весьма сложное. Мандель его одобрил. Марэн, который хотел бы немедленно урегулировать вопрос об «оскудевших призывах», тем не менее присоединился к нему. Риволле и Пьетри поддержали правительственное заявление.

13 марта. В своем интервью «Дейли мейл» от 12 марта Геринг признал существование германской военной авиации. Требуя для своей страны «абсолютной безопасности», он, очевидно, требует, чтобы германская авиация была равна английской и русской авиации, вместе взятым. Военно-воздушные атташе предупреждены, что в Германии будет шесть воздушных округов. Италия увеличивает число своих войск в Африке. Польша проявляет все большую враждебность в отношении Восточного пакта.

В четверг, 14 марта, утром я выступил перед парламентской группой радикалов. Она одобрила занятую мной позицию и большинством, за исключением одного, приняла следующую резолюцию:

> «Группа напоминает, что проблема национальной обороны не будет решена, если будут заниматься только вопросом продолжительности военной службы; для полного разрешения этого вопроса необходимы другие меры, имеющие своей целью современную организацию армии и особенно привлечение специалистов, более рациональное использование авиации, набор добровольцев и сверхсрочников и мобилизация промышленности. Группа готова оказать правительству доверие с тем, чтобы эти реформы были изучены и предложены парламенту, и в связи с этим заявляет также о своей готовности уполномочить его применить статью 40 в той мере, в какой это будет необходимо для сохранения нормальной численности армии, обычной

при годичном сроке военной службы».

В палате депутатов правительственное заявление было зачитано самим председателем совета министров, а в сенате – Перно. Фланден резюмировал аргументы, приводившиеся в совете министров. «Когда был опубликован закон от 31 марта 1928 года, который был и ныне является основой нашей военной организации, – сказал он, – то можно было надеяться, что еще до наступления периода «оскудевших призывов» международная организация безопасности сделает возможным ограничение и сокращение вооружений, бремя которых столь тягостно для народов, и без того разоренных войной. Эта надежда не только не была реализована, но, наоборот, положение Франции все более ухудшалось, так как после того, как Германия покинула Женеву, перевооружение этой соседней с нами великой державы осуществлялось в самых различных формах и в огромных масштабах вопреки положениям V части Версальского договора. В момент, когда численность германской армии была значительно увеличена путем одностороннего решения, на которое ни французское, ни английское правительство не дали своего согласия, Франция не может, не подвергая опасности свою национальную оборону, мириться с падением численности своей армии ниже уровня, предусмотренного законом от 31 марта 1928 года, когда германские вооружения были официально ограничены постановлениями мирного договора».

Председатель совета министров привел данные о германской и французской армиях. «Франция остается верной политике упрочения мира и организации международной безопасности, которую она всегда защищала и поддерживала. Она не хочет ставить под сомнение чьи бы то ни было миролюбивые намерения. Недавно она обратилась к великим державам, от действий которых во многом зависит всеобщее чувство безопасности или неуверенности в безопасности в Европе, с новым призывом принять участие – в рамках Лиги наций – в региональных пактах о взаимопомощи против войны. Она горячо желает, и это чувство всегда поддерживается воспоминанием о полутора миллионах павших французов, чтобы идея мира воодушевляла правительства и народы и чтобы молодые поколения воспитывались в этом духе.

Однако правительство констатирует, как это сделало недавно в официальном документе английское правительство, что «предстоит еще многое сделать, прежде чем можно будет достичь абсолютной безопасности, когда не нужно будет держать в запасе средства защиты от нападения…» *В этих условиях правительство,*

сознавая лежащую на. нем ответственность и следуя положениям, закона от 31 марта 1928 года, постановило, в силу статьи 40 упомянутого закона, временно задержать в армии часть контингента, призываемого в октябре этого года. Это постановление будет применяться ко всем контингентом, призываемым до 1939 года включительно, если только благоприятный ход переговоров об организации безопасности и ограничении вооружений не позволит допустить послабление в этом вопросе. Таким образом, для той части призывников, которые заканчивают год службы в апреле 1936 года, срок будет продлен на шесть месяцев, а для последующих призывных возрастов на год. Согласно статье 40 закона от 31 марта 1928 года, правительство уведомляет палаты об этом решении, принятом в совете министров».

Итак, правительство взяло на себя ответственность за решения. Председатель совета министров дал также объяснения относительно снижения среднего призывного возраста и увеличения числа кадровых военных. Правительство, сказал он в заключение, никогда не смешивало и не смешивает решение проблемы численности армии с более широкой проблемой национальной обороны. Тем не менее оно подчеркивает, что простая охрана укреплений, защищающих страну от нашествия, а также использование и поддержание в сохранности современного вооружения требуют определенного минимума численности армии, который ранее обеспечивался законом о годичном сроке военной службы и который без проведения предложенных и принятых мер не может быть обеспечен в период «оскудевших призывов»…

Во время перерыва заседания большинство группы радикалов высказалось против или выразило желание воздержаться от одобрения этого законопроекта. Однако ходят слухи, что Сенак сделает благоприятное заявление. Чтобы поддержать тех, кто будет голосовать вместе со мной, и подчеркнуть лояльность моей позиции, я счел необходимым выступить.

В субботу, 16-го, появилось заявление Гитлера. Я излагаю факты такими, как их описал впоследствии Бенуа-Мешэн в своей «Истории германской армии» (*Benoist-Méchin,* Histoire de l'armée allemande, t. II, p. 597). 15 марта фюрер срочно собрал нескольких членов кабинета, чтобы обсудить вместе с ними обстановку. На другой день, 16-го, он вручил правительству, собравшемуся в полном составе, текст закона о реорганизации вермахта. Закон состоял из трех пунктов: § I. Служба в вермахте основывается на обязательной воинской повинности. § II. В мирное время германская армия состоит из 12 армейских корпусов и 36

дивизий. § III. Дополнительные законы, регламентирующие обязательную воинскую повинность, будут в кратчайший срок представлены кабинету военным министром. В тот же вечер газеты опубликовали текст закона, а также воззвание Гитлера… «С сегодняшнего дня обеспечение чести и безопасности рейха вновь доверено силе самой германской нации».

Только наивные люди и невежды удивились этому. Письменное доказательство военной реорганизации Германии содержалось уже в бюджете, принятом Германией в 1934 году. Все перечисленные нами в начале этой главы факты стали нам известны еще до конца февраля 1935 года. Терпеливая и длительная подготовка проектов и их внезапная публикация при наиболее благоприятных, по мнению Гитлера, условиях были его обычным методом. Так действовал он в дальнейшем при оккупации Рейнской зоны, при захвате Австрии, при удушении Чехословакии, при агрессии против Польши, при насилии в отношении Бельгии и Голландии, при нападении на Россию. Однако врагов правительства Фландена устраивала возможность возложить ответственность на него, и они не преминули этим воспользоваться.

15 марта 1935 года Поль Рейно выступил со своей знаменитой речью, изложив тезис, к которому он вновь вернулся во «Французской военной проблеме» («Problème militaire francais»). Полю Рейно ответил генерал Морэн.

В воскресенье, 17 марта, я отправился в Туркуэн на открытие памятника Дрону. Там состоялся банкет на восемьсот персон; я был ободрен и даже удивлен оказанным мне теплым приемом.

Заседание совета министров 20 марта. Лаваль изложил нам сообщения, число которых не перестает возрастать с тех пор, как Гитлер вручил 16-го свой законопроект послу Франции. Лаваль предложил выступить *с протестом* и провести *консультацию.* Но Англия предприняла сепаратный маневр, согласившись послать в Берлин сэра Джона Саймона. Впрочем, Лаваль настаивал главным образом на кратком изложении фактов; он, по-видимому, в большом затруднении, и это не удивительно.

Фланден, с которым я имел встречу сегодня утром, высказался в пользу обращения к Лиге наций, согласно статье 11 ее Устава. Конечно, это не решающее средство, но все же лучшее или, во всяком случае, наименее плохое. Я изложил совету свои идеи, анализируя обстановку. Протест? Но такой человек, как Гитлер, посмеется над ним, он ответит на это меморандумом. Консультация трех держав – Франции, Англии и Италии? Но демарш Англии делает ее невозможной. С другой стороны, что могла бы гарантировать Италия? Обращение к Лиге наций

целесообразно по следующим трем причинам: 1) по соображениям принципиального характера, ибо нельзя не вынести на обсуждение Совета Лиги наций такой вопрос, как расторжение Версальского договора; 2) это в наших интересах, ибо именно там у нас больше всего друзей и там мы встретимся с Советской Россией, оказывающей нам самую надежную и мужественную поддержку; 3) по соображениям долга, ибо мы не можем жертвовать свободой и правами других держав, особенно наших союзников. Марэн горячо поддержал меня. Лаваль присоединился к этой идее и получил согласие на поездку в Москву. Совет единогласно решил обратиться в Лигу наций.

Во второй половине дня состоялось заседание сената.

Вечером 20 марта на пленарном заседании Исполнительного комитета партии радикалов я четко определил занимаемую мною позицию, подчеркнул, что я со всей ответственностью принимаю это решение. Я зачитал составленное мною заявление, выразив предварительно чувство симпатии к моему дорогому и отважному другу Эльбелю, ставшему недавно жертвой политического нападения; он потерял один глаз, но терпеливо переносит это несчастье. Я напомнил о наших усилиях достигнуть соглашения с Германией и привел цифры, иллюстрирующие различные этапы ее перевооружения. Я резюмировал собранные мною документы, зачитал заявление Геринга об авиации, сослался на меры предосторожности, принятые англичанами, русскими и швейцарцами. «Я прошу тех, кто критикует нас слева, объяснить нам, почему и как они считают законным то, что Россия увеличила свою армию с конца 1934 года с 600 тысяч до 940 тысяч человек, а свои военные расходы (слушайте хорошенько эти цифры) с 1665 миллионов рублей, предусмотренных на 1934 год, до 6509 миллионов рублей – на 1935 год. И, как об этом заявил Тухачевский, она сможет удовлетвориться такой численностью армии только при одновременном увеличении снаряжения и развитии механизации.

Нам говорят: не хотите ли вы участвовать в гонке увеличения численности армии, которая окончится для вас неизбежным поражением? Ответ: нет, мы хотим совсем другого. *Мы не стремимся к максимуму, а лишь отстаиваем минимум…* Нам говорят – и это самый серьезный аргумент в глазах международной общественности, – Германия вооружается потому, что Франция не разоружилась. Говорить таким образом – это значит совершать вопиющую несправедливость. Шаг за шагом Франция осуществила переход от трехгодичного до двухгодичного срока военной службы, от двухгодичного до восемнадцатимесячного, от восемнадцатимесячного до

одногодичного. В 1914 году она имела под ружьем 735 тысяч человек; сравните эту цифру с теми, которые я вам привел, – и вы увидите разницу… Я не верю, чтобы хоть один член ответственного за безопасность Франции правительства мог бы уклониться от принятия диктуемых интересами страны мер, имея дело с личностями, о которых по меньшей мере можно сказать, что они принимают внезапные решения».

После этого заявления Тиссье выступил со своими возражениями и критикой, которая, впрочем, была сдержанной и путаной. Зато в сенате Поль Бонкур и де Жувенель поддержали точку зрения правительства.

Гитлер заявил английскому послу, что численность вновь созданной германской армии составит приблизительно 500 тысяч человек.

В Лондоне «Таймс» критикует воззвание Франции, направленное Совету Лиги наций. Сэр Остин Чемберлен и четыре других депутата-консерватора направили в редакцию газеты свой протест, оправдывая в своем письме позицию нашей страны: «Аргументация, согласно которой Лига наций не может говорить о Германии, в то время как Германия имеет право оскорблять Лигу наций, поистине вызывает изумление. Согласно этой аргументации, Германия имеет все права, если не придерживаться юридической точки зрения, на создание самой мощной армии в Европе под бесспорным контролем режима, кичащегося своей революционностью и жестокостью. В то же время ни одна другая держава будто бы не имеет права обратить внимание Лиги наций на нелепость такого положения, при котором все страны в своей дальнейшей политике должны полагаться на слово Германии и, несмотря на ее недавние действия, не придавать никакого значения ее поступкам. Какой же смысл в коллективной безопасности, какой смысл в самом Уставе Лиги наций, если Совет Лиги не будет устанавливать на основе заключения Апелляционного суда факт явного нарушения договоров?» Письмо было подписано сэром Остином Чемберленом, Э. Гренселлом, Флоренсом Хорсбью, Никольсоном, У. Росс Тэйлором. Отвечая на это письмо, «Таймс» ограничилась заявлением, что ее передовая была неправильно понята, что она якобы имела целью не избавить Германию от осуждения за ее жест, а лишь высказать сомнение в практическом значении обращения в Лигу наций в момент, когда сэр Джон Саймон направляется в Берлин, чтобы попытаться, в частности, добиться возвращения Германии в Женеву.

Суббота, 23 марта. Я встретил на Кэ д'Орсе Сувича и Идена.

Беседы прошли в чрезвычайно сердечной обстановке.

Вторник, 26 марта. Заседание совета министров. Лаваль получил от сэра Джона Саймона очень важное письмо, в котором подтверждалась «тесная солидарность Франции и Англии в стремлении к миру и безопасности». Что же произошло? У нас есть информация о германо-английских переговорах. Гитлер не осуждает в принципе Лигу наций, но хотел бы, чтобы она была организована другим образом. По поводу Восточного пакта он заявил, что никогда не объявит войны России; он ожесточен только против Литвы. Он высказался в пользу двусторонних пактов, не отвергая и многосторонних, хотя и считает, что они слишком напоминают довоенные союзы. Он полагает, что в настоящее время русская армия является первой в мире.

Надежда на возвращение Германии в Женеву потеряна не совсем.

Совещание в Стрезе состоится 11 апреля; совещание в Женеве – 15 апреля. Поездка в Москву состоится, только позднее. По словам Лаваля, Белград обрадован новой итальянской политикой. Чехословакия присоединяется к Римским соглашениям. Лаваль полагает, что Англия хочет успокоить свою пацифистскую совесть, но готова проводить и другую политику, если это будет необходимо.

Гитлеризм появляется и во Франции. Когда член Французской академии Луи Бертран прибыл в Марсель читать лекцию, журналист из «Пти Марсейе» взял у него 25 марта интервью. Бертран объявил себя сторонником сближения Франции с ее соседкой. «… Германия вовсе не является народом кровожадных зверей, как о ней говорят. Среди всеобщего лицемерия ее искренность удивляет и скандализирует… Ах, – возмутился вдруг Луи Бертран, – лучше немец, чем русский, лучше гитлеровец, чем большевик! Я громко заявляю о том, что я гитлеровец».

31 марта 1935 года Поль Рейно представил бюро палаты контрпроект, предлагающий создание бронетанкового корпуса в составе 7 моторизованных дивизий, из которых 6 – бронированные, то есть состоящие из тяжелых танков. Рейно сообщил нам о странном явлении: тяжелым танкам не придана пехота, а легким танкам – кавалерия. Контрпроект пронизан идеями генерала де Голля. Каждая бронетанковая дивизия должна состоять из: 1) разведывательной группы легких машин; 2) бригады в 500 тяжелых танков; 3) пехотной моторизованной бригады; 4) моторизованной артиллерийской бригады. Бронетанковые дивизии должны сопровождаться моторизованными пехотными дивизиями. Бронетанковый корпус должен включать сто тысяч добровольцев и сверхсрочников.

Известно, как этот контрпроект был отвергнут кабинетом Фландена и кабинетом Лаваля. «Специализированный корпус, – возражал военной комиссии палаты генеральный штаб, – был бы чрезвычайно мощным дополнением к системе национальной обороны. Однако он не является ни возможным, ни желательным, так как против него логика и история». Контрпроект, отвергнутый во Франции, был осуществлен в Германии и положил начало «бронекорпусу» *(Panzercorps),* который в мае 1940 года на Маасе сломал хребет французской армии.

III. Франко-советский договор (1 апреля – 31 мая 1935 года)

В четверг, 28 марта, я присутствовал на открытии памятника Ришелье в Люсоне. После этого вернулся в Лион на съезд нашей партии. Съезд протекал спокойно. В духе пожеланий, выраженных нашими провинциальными организациями, был пересмотрен устав. Два дня ушли на обсуждение вопросов торговли. Затем последовал доклад сенатора Серлэна и обсуждение муниципальной программы. 31-го, в воскресенье вечером, на банкете я выступил с речью, которая была хорошо встречена. Мне сообщили, что Фланден будто бы склонен впасть в уныние. Я решительно высказался в его поддержку. Прибыв в Париж 2 апреля, я нашел его успокоившимся. Политическое положение значительно улучшилось. Вопреки пессимистическим прогнозам парламентская сессия завершилась весьма благоприятным вотумом доверия (401 голос против 125).

Тем лучше, так как международная обстановка действительно скверная. Германия сорвалась с цепи. Сэр Джон Саймон вернулся из Берлина очень встревоженный, под сильным впечатлением опасной личности Гитлера. Когда английский министр упрекнул фюрера за его пренебрежение к договорам и подписям, тот ему ответил: «Когда Блюхер при Ватерлоо пришел на помощь Веллингтону, разве его спрашивали о том, соблюдал ли он договоры?» На основании нашей официальной и секретной информации можно сделать следующие выводы: 1. Гитлер согласился бы на заключение двусторонних пактов о ненападении или договоров об арбитраже, но против взаимопомощи. 2. Он не принимает всерьез Дунайский пакт, заявляя, что Австрия желает присоединиться к Германии. 3. Германия вернется в Лигу наций только в том случае, если получит мандаты на колонии. 4. Он требует, чтобы тоннаж германского флота составлял 35 процентов тоннажа британского. 5. Германия располагает уже более чем тысячью военных самолетов (больше, чем Соединенное Королевство). 6. Он хотел бы прямого соглашения между Великобританией и Германией. 7. Он намерен сформировать 550-тысячную армию (36 дивизий).

Я глубоко размышлял над положением моей страны. Я сделал все от меня зависящее, чтобы помочь Фландену, которого я хорошо понимаю, увеличить нашу армию. Однако численность армии, как это хорошо подметила и указала партия радикалов, еще не исчерпывает всей проблемы. Несмотря на свои столь

дальновидные заявления в совете министров 12 марта об угрозе «прорыва фронта в результате внезапной лобовой атаки» и «углубления прорыва моторизованными частями», генерал Морэн отклонил предложения Поля Рейно. Между тем Германия вооружается, не признавая никаких ограничений. Мне кажется, что на протяжении всей своей политической карьеры я предпринял все возможное, чтобы склонить ее к соглашению с нами. В Лондоне в 1924 году я вел с ней переговоры на началах полного равноправия; она располагала полной свободой для защиты своих интересов. Я помог ей вступить в Лигу наций. В Лозанне я был с ней весьма либерален. Но я больше не верю ее слову. Теперь я знаю, что Штреземан был обманщиком. Когда был принят план Юнга, Германия поклялась соблюдать добровольно принятые ею обязательства. Но она не сдержала своего слова. Нельзя верить Германии. От нее довольно легко добиться подписи под каким-либо документом, но она не уважает этой подписи. Весьма прискорбно, но это факт. Я знаю, что не только я, но и многие другие поддадутся иллюзии достигнуть столь желанного сближения между двумя великими странами. Но если они добросовестные люди, им придется отказаться от этого намерения.

Что же делать? Франция с ее 40 миллионами жителей не сможет одна противостоять государству с 60-миллионным населением. Будучи аграрной страной, она не сможет вооружиться столь же быстро и мощно, как страна с высококонцентрированной промышленностью, в которой силы человека многократно умножаются силами машины и которая противопоставляет грубый материализм нашему идеалистическому индивидуализму. Где нам искать поддержки? Мы можем рассчитывать на Югославию и на Чехословакию.

Несмотря на свои колебания и приступы близорукости, Англия в случае опасности не откажет нам в помощи своей авиации и своего флота. Я не верю в франко-итальянскую дружбу. Я высоко ценю итальянский народ; как культурный человек, я связан с его цивилизацией и с его прошлым. Но его правительство нас ненавидит. Наши отношения омрачены рядом спорных территориальных проблем. Мне кажутся смешными эти официальные и добровольные послы, которые ездят в Рим, смиренно выпрашивая автограф или фотографию. Муссолини ненавидит в нашем лице ту самую демократию, которую он отверг. Вопреки всем соглашениям он домогается Туниса; он хочет даже гораздо большего. Я не раз говорил президенту республики: «Что касается Италии, то мы должны всего опасаться и ни на что не надеяться». Мне говорят: «Не следует строить

внешнюю политику на идеологических основах». Конечно, это так. Но неужели мы настолько глухи, чтобы не слышать бесконечных выпадов диктаторов против демократических государств?

Итак, я изучаю карту. Я вижу на ней только одну страну, которая была бы для нас необходимым противовесом и могла бы создать в случае войны второй фронт. Это Советский Союз. Я говорю и пишу об этом уже с 1922 года. На меня смотрят, как на коммуниста или безумца. Даже царь при всем своем деспотизме пошел некогда на союз с республикой. Неужели наша буржуазия, наша печать окажутся менее умными? Что касается меня, я не изменю своих убеждений. По моему мнению, это диктует сама логика развития и даже просто здравый смысл. 4 апреля 1935 года под впечатлением дурных вестей из Германии я нанес визит послу Потемкину и обсудил с ним условия франко-русского соглашения.

6 апреля. Заседание совета министров. Лаваль сделал сообщение о дипломатической обстановке. По его словам, именно Италия является в данный момент той страной, которая наиболее полна решимости применить в случае надобности силу. Муссолини согласен на содействие России только при условии одновременного участия Польши. В отношении Стрезы и Женевы Лаваль пока не сделал нам никакого определенного предложения. Он зачитал нам проект меморандума Лиге наций, в котором упоминается «непрерывная и очевидная ложь» Геринга и Нейрата и предлагается разработать проект резолюции.

Однако в связи с создавшейся обстановкой и итальянским предложением возник чрезвычайно серьезный вопрос о возможном применении силы, то есть о войне. Этот вопрос поставил Фланден. Пространные объяснения Лаваля показались мне отвлеченными и туманными. Затем он перешел к франко-русскому вопросу. Я отметил, что он задумал *многосторонний пакт о ненападении и консультациях наряду с двусторонними договорами о взаимопомощи.* Он зачитал нам проект двустороннего договора, который он представил Потемкину и в котором содержится ссылка на Устав Лиги наций. Он хочет вести переговоры с Советами лишь для того, чтобы поддержать Малую Антанту и помешать германо-русскому соглашению. Но в глубине души – и он признает это – он опасается возможного воздействия большевистской армии на французскую армию. Он пока еще не согласен, чтобы союзные обязательства вступали в силу автоматически.

Фланден изложил нам решения верховного командования. 6 апреля было опубликовано следующее коммюнике:

«Правительство постановило временно оставить в армии контингент, который подлежал демобилизации 13 апреля. Однако на призывников этого контингента, которые принадлежат к предыдущим призывным возрастам, но ранее получали отсрочку и были временно освобождены от военной службы, распространяются обязательства только их призывного возраста, и, следовательно, они будут демобилизованы согласно условиям, установленным ранее. Этот контингент останется в армии до тех пор, пока новобранцы, подлежащие призыву в апреле, не пройдут необходимой подготовки. Он будет использован для пограничной службы и для возведения защитных укреплений и будет демобилизован не позднее 1 августа. Военнослужащие, задержанные в рядах армии, будут пользоваться особым режимом отпусков, и в частности отпуском на время сельскохозяйственных работ; сверх того им будет сокращен срок последующего пребывания в запасе».

Я узнал, что во время берлинских переговоров 25-26 марта фон Нейрат вручил сэру Джону Саймону ноту об отношении Германии к проекту Восточного пакта. Германия предлагала следующие положения:

«1. Договаривающиеся державы обязуются не нападать друг на друга и не прибегать к силе в какой бы то ни было форме. 2. Договаривающиеся державы обязуются заключить между собой – в случае если они еще не сделали этого, – договоры об арбитраже и согласительной процедуре, предусматривающие процедуру обязательного арбитража в случае спора юридического порядка и согласительную процедуру в целях мирного урегулирования политического конфликта.

3. Если тем не менее одна из договаривающихся держав считает, что ей угрожает агрессия или применение силы со стороны какой-либо другой договаривающейся державы, то по требованию вышеупомянутой державы должна быть немедленно созвана конференция представителей правительств всех договаривающихся государств с целью обсуждения создавшегося положения и в случае необходимости мер, которые следует принять для поддержания мира.

4. Если вопреки этому соглашению между двумя договаривающимися державами возникнут все же военные действия, другие договаривающиеся державы обязуются не оказывать агрессору никакой поддержки ни в области экономики, ни в области финансов, ни в военной области.

5. Пакт заключается на десятилетний срок, который может быть продлен на дальнейший период».

9 апреля. Заседание совета министров. Подготовка конференции в Стрезе, куда отправится Фланден. Приступили к обсуждению австрийского вопроса. В этом вопросе задает тон Муссолини. Я хотел бы, чтобы обязательство англичан от 3 февраля (участвовать в консультации в случае возникновения опасности для Австрии) оставалось в силе.

Лаваль изложил затем возможное содержание двусторонних соглашений о воздушном флоте. В этом вопросе совет министров единодушен. Затем рассматривали проект резолюции, которая будет предложена в Женеве. Мне кажется, что Лаваль относится к Лиге наций весьма прохладно.

Восточный пакт. Потемкин только что вручил нам довольно резкую памятную записку, в которой проскальзывает горечь. Он требует определенных обязательств, впрочем, он смягчил формулировки московского сообщения. «Что бы ни случилось в Стрезе, – заявил Лаваль, – мы подпишем двусторонний пакт о взаимопомощи с Советским Союзом». Совет министров одобрил это решение и предоставил министру иностранных дел срок, необходимый для обсуждения этого вопроса с Англией и Польшей. Фланден уточнил, что этот пакт будет заключен в рамках Лиги наций и к нему смогут в дальнейшем присоединиться другие державы. Лаваль был уполномочен сообщить от имени правительства это решение Потемкину.

Согласно резолюции, принятой 14 апреля на англо-франко-итальянской конференции в Изола Белле, представители трех правительств рассмотрели общее положение в Европе в свете результатов обмена мнений, состоявшегося за последние недели, решения, принятого германским правительством 16 марта, а также информации, полученной английскими министрами во время их недавних визитов в различные европейские столицы.

«1. Три правительства пришли к соглашению относительно общей линии поведения во время предстоящего обсуждения жалобы, с которой французское правительство обратилось в Совет Лиги

наций.

2. Они продолжат переговоры с целью достижения в Восточной Европе желаемой безопасности.

3. Что касается Австрии, то они подтверждают англо-франко-итальянские декларации от 17 февраля и 27 сентября 1934 года, согласно которым три правительства признали необходимым по-прежнему стремиться в их совместной политике к сохранению независимости и целостности Австрии. Ссылаясь на франко-итальянский протокол от 7 января 1935 года и на франко-английские заявления от 3 февраля 1935 года, в которых подтверждалась решимость консультироваться относительно тех мер, которые необходимо будет принять в случае возникновения угрозы для целостности и независимости Австрии, они решили рекомендовать представителям всех перечисленных в Римском протоколе государств собраться в ближайшем будущем для заключения соглашений, касающихся Центральной Европы.

4. Что касается воздушного пакта, предлагаемого для Западной Европы, то представители трех правительств подтверждают принципы и процедуру, которым надлежит следовать, в том виде, в каком они были предусмотрены в лондонском коммюнике от 3 февраля, и соглашаются продолжать активное изучение вопроса в целях подготовки договора между пятью державами, упомянутыми в лондонском коммюнике, а также всех двусторонних соглашений, могущих его дополнить.

5. Перейдя к рассмотрению проблемы вооружений, представители трех держав напомнили, что лондонское коммюнике предусматривало порядок ведения свободных переговоров с Германией в целях заключения соглашения, которое должно заменить соответствующие положения V части Версальского договора. Преисполненные чувства ответственности, они обсудили недавний демарш германского правительства и представленный сэром Джоном Саймоном доклад о его беседах с германским канцлером по этому вопросу. Представители трех правительств с сожалением

констатировали, что применение германским правительством метода одностороннего расторжения договоров в то время, когда предпринимались усилия с целью разрешения вопроса о вооружениях путем свободных переговоров, серьезно подорвало веру общественного мнения в прочность мирного порядка. С другой стороны, широкая программа вооружения, провозглашенная Германией, осуществление которой весьма продвинулось, лишила всякого значения те количественные ограничения, которые до сих пор лежали в основе усилий, направленных на разоружение, и в то же время поколебала надежды, которые вдохновляли на эти усилия. Представители трех держав тем не менее подтверждают свое величайшее желание сохранить мир, возродив чувство безопасности, и заявляют со своей стороны, что они по-прежнему будут стремиться поддержать любое практическое усилие, направленное на достижение международного соглашения об ограничении вооружений.

6. Представители трех держав приняли к сведению желание государств, военный статут которых определен соответственно Сен-Жерменским, Трианонским и Нейиским договорами, добиться пересмотра этого статута. Они решили информировать об этом дипломатическим путем другие заинтересованные государства. Они согласны рекомендовать заинтересованным государствам рассмотреть этот вопрос с целью урегулирования его договорным путем в рамках региональных гарантий безопасности.

Представители Италии и Соединенного Королевства вновь подтверждают обязательства, возложенные на них согласно Локарнскому договору. В заключительной декларации три державы, целью политики которых является коллективное сохранение мира в рамках Лиги наций, заявляют о своей полной решимости воспрепятствовать всеми возможными средствами всякому одностороннему расторжению договоров, могущему поставить под угрозу мир в Европе. Во имя достижения этой цели они будут действовать в тесном и сердечном сотрудничестве».

Сложность пространной резолюции от 14 апреля лишь

отражала сложность самой обстановки. На заседании совета министров 16 апреля Фланден изложил нам затруднения, с которыми он столкнулся, пытаясь добиться применения санкций (путем расширительного толкования статьи 16 Устава[182]) в случаях одностороннего нарушения договоров. Лаваль столкнулся в Женеве с аналогичным противодействием со стороны нейтральных государств. Он отказался требовать докладчика и желает лишь представить свой текст от имени трех держав, собравшихся в Стрезе. Я полагаю, он прав: лучше несколько воздержавшихся при голосовании, чем сокращение текста. Фланден весьма доволен позицией английского правительства, особенно Макдональдом. Заявление о Локарнском договоре было включено по инициативе Англии и Италии при обсуждении вопроса о демилитаризации левого берега Рейна. Заключительная декларация была усилена именно по желанию Макдональда. Раздел о вооружениях был составлен им лично; параграф 5 возлагает на Германию ответственность за провал разоружения и дает возможность оправдать оборонительные мероприятия трех держав.

Что касается воздушного пакта (§ 4), то, очевидно, английские министры были сильно озабочены мнением своего парламента; они не без колебаний приняли фразу о двусторонних соглашениях. Муссолини, кажется, готов заключить с нами подобный пакт. Англия пока что не разделяет этой идеи. Германия не будет допущена к участию в воздушном пакте, если она не примет в целом программу от 3 февраля.

Доклад Муссолини по австрийскому вопросу был, кажется, знаменательным; он сильно обеспокоен положением этой страны и, по-видимому, готов потребовать ее перевооружения, как и перевооружения Венгрии и Болгарии.

Три правительства призовут Литву не выдвигать более своих необоснованных претензий в вопросе о Мемеле.

В отношении Восточного пакта затруднений не было. Сэр Джон Саймон заявил, что Германия не исключает возможности заключения договоров о взаимопомощи в рамках общего пакта об арбитраже.

Американское правительство, кажется, собирается стабилизировать доллар.

В марте было очень плохо с поступлением налогов. Паника привела к тому, что сделки совершенно прекратились.

В Женеве 16 апреля Пьер Лаваль зачитал в Совете Лиги наций следующую декларацию:

«Принимая решение начать это обсуждение,

французское правительство тем самым демонстрирует свою веру в Лигу наций. Оно воздает должное независимости, беспристрастности и авторитету женевского института. Инициатива, проявленная Германией 16 марта, должна быть осуждена. Для того чтобы в будущем Устав был более действенным в вопросах организации коллективной безопасности, надо рассмотреть некоторые мероприятия. Совет Лиги наций выполнит возложенную на него задачу. Будучи облечен полномочиями по поддержанию мира, он не будет сегодня молчать и не останется безразличным. Пусть он вспомнит о том, как его создавали, о принципах, положенных в его основу, пусть взвесит последствия своего поведения – и он выполнит свой долг.

Народы знают, что соблюдение клятвенных заверений и взятых обязательств является не только моральным принципом, но и действующим законом Лиги наций. Я не хочу вести тяжбу. Вам известны факты. Они перечисляются, анализируются и квалифицируются в меморандуме правительства республики. Вы их оценили. Вы выскажете ваше мнение. Франция доказала своими действиями, что она хочет лишь мира. 3 февраля текущего года в Лондоне мы совместно с английским правительством рассмотрели программу переговоров, которая должна способствовать быстрому созданию в Европе прочной организации безопасности. Наши предположения были опровергнуты инициативой Германии. Кто же может оспаривать тот факт, что правительство рейха своим поступком вызвало в мире разочарование и тревогу?

Вам предстоит принять решение. Я уверен, что вы сумеете преодолеть колебания, если они имеются у некоторых из вас, и заставите уважать правила международной жизни. Выполнив свой долг, мы бросим взгляд в будущее. Мы не делаем различий между государствами. Принцип равенства должен лежать в основе отношений со всеми народами. Наша политика не направлена против какой-либо страны. Что касается нашего требования безопасности, то мы хотим ее для всех. Это означает, что мы не отреклись и не отречемся от нашего мирного идеала.

Таков язык Франции. И никто в мире не скажет, что жалоба правительства республики, обращенная к Совету Лиги наций, преследует цель воспрепятствовать делу необходимого примирения между народами. Если для удовлетворения требований международной морали полезно выносить на суд прошлое, то совершенно необходимо не прерывать трудной, медленной и часто неблагодарной работы по организации мира».

В тот же день – 16 апреля – французская, английская и итальянская делегации внесли следующий проект резолюции:

«Принимая во внимание: 1) что точное выполнение всех договорных обязательств является основным правилом международной жизни и первоочередным условием сохранения мира; 2) что основной принцип международного права состоит в том, что ни одна держава не может ни отказаться от обязательств, вытекающих из какого-нибудь договора, ни изменить его условий без согласования с другими договаривающимися сторонами; 3) что обнародование германским правительством военного закона от 16 марта 1935 года противоречит этим принципам; 4) что этим односторонним актом германское правительство не смогло приобрести для себя никаких прав; 5) что этот односторонний акт, внеся новый элемент беспокойства в международную обстановку, неизбежно должен представлять угрозу для европейской безопасности,

принимая во внимание, с другой стороны:

6) что английское правительство и французское правительство с согласия итальянского правительства представили 3 февраля 1935 года на рассмотрение германского правительства программу общего урегулирования, которая должна быть осуществлена путем свободных переговоров с целью организации безопасности в Европе и осуществления общего сокращения вооружений, на основе равноправия и при одновременном обеспечении активного сотрудничества Германии в Лиге наций;

7) что вышеуказанное одностороннее действие Германии не только несовместимо с этой программой, но к тому же было предпринято в момент успешного

развития переговоров.

I. Совет заявляет, что Германия пренебрегла долгом членов Международного сообщества соблюдать взятые на себя обязательства, и осуждает всякое одностороннее расторжение международных обязательств.

II. Совет призывает правительства, явившиеся инициаторами программы от 3 февраля 1935 года или присоединившиеся к ней, продолжать начатые ими переговоры и прежде всего содействовать заключению в рамках Лиги наций договоров, которые – с учетом возлагаемых Уставом обязательств – могли бы способствовать осуществлению поставленной в программе задачи – обеспечить сохранение мира…»

Возникло два затруднения: 1. Советский Союз требовал, чтобы был упомянут § 7 статьи 15 Устава, предусматривающий свободу действий в случае неспровоцированного нападения и отсутствия единогласия. Лаваль соглашался, ставя, однако, это решение в зависимость от согласия гарантов Локарно. Литвинов, сославшись на общественное мнение своей страны, высказал пожелание, чтобы Локарно не упоминалось. В последний момент была найдена приемлемая формула. 2. Франция требовала, чтобы оказание взаимной помощи было поставлено в зависимость от решения Совета Лиги наций. Договоренность по этому вопросу была достигнута. Литвинов как будто бы был еще не уверен в согласии Москвы; он сделал уступку, но не вполне уверен в том, что ее одобрят. Предполагается, что он приедет подписывать договор в Париж, а Лаваль отправится подписывать его в Москву.

Я принял также посла Турции, который очень расположен сделать для Франции все, что ей будет приятно и полезно.

Пятница, 19 апреля. Заседание совета министров. То, чего удалось добиться в Женеве, достигнуто благодаря принятому Лавалем с согласия французского правительства решению выступить самому с изложением текста, учитывая колебания предполагаемых докладчиков.

Лаваль зачитал нам свой проект франко-советского соглашения, которое заключалось срокам на пять лет и могло быть продлено; текст соглашения должен был сопровождаться дополнительным протоколом и обменом письмами. В целом это договор о взаимопомощи. Я был рад видеть Лаваля изменившимся в лучшую сторону. Локарно упоминается в тексте, но лишь обиняком. По-прежнему оставалось возможным

заключение многостороннего договора. Президент республики сделал два замечания, одно из которых касалось отсутствия у России общей границы с Германией, а другое – состояния Красной Армии. Весь текст договора подлежал оглашению; он основывался на статьях 15 и 16 Устава Лиги наций. В общем Россия должна безоговорочно оказать нам помощь; что же касается нас, то мы будем действовать только в согласии с Англией и Италией. Генерал Морэн не очень высокого мнения о русской армии; зато он опасается влияния большевизма на французские войска. Марэн одобрил пакт; он хотел бы даже заключения военных соглашений. Лаваль был уполномочен подписать договор. Я был рад этому решению, которое я подготавливал в течение столь длительного времени.

Я думал, что с русскими все улажено. Но днем, в половине второго, телефонный звонок Потемкина известил меня о том, что все лопнуло. Утром на Кэ д'Орсе добавили фразу о необходимости ожидать рекомендаций Лиги наций, фразу, с которой русские не соглашались. Они допускают саму мысль об этом, но не хотят, чтобы она была выражена в столь категорической форме. Всю вторую половину дня я вел переговоры с Лавалем и с Потемкиным. Я предложил компромиссную формулировку: «Договаривающиеся стороны обязуются немедленно обращаться в Совет Лиги наций и следовать его рекомендациям». К десяти часам вечера мне сообщили по телефону, что, поскольку Литвинов находится на пути в Москву, для заключения договора придется ожидать его возвращения. Поистине неожиданная развязка.

Политическое соглашение с Советским Союзом мне кажется тем более необходимым, что во вторник 9 апреля Шахт от имени германского правительства и Канделаки от имени советского правительства подписали соглашение общего характера[183]. Это событие положило конец длительному германо-русскому экономическому спору, перипетии которого становились опасными; оно открыло возможность возвращения к традициям Рапалло, которые угасали со времени прихода к власти гитлеровского правительства.

Россия гарантировала германской тяжелой промышленности сверх обычного товарообмена «дополнительные» заказы на сумму до 200 миллионов рейхсмарок. В Берлине говорят, что в деловых отношениях с Советами Германия выходит на первое место среди капиталистических государств. Советский Союз погашает свою задолженность и продает Германии множество товаров; в благодарность за пунктуальное осуществление платежей он получит кредиты на пять лет. Международный кредит

укрепляется.

30 апреля. Заседание совета министров. Избирательная кампания в Лионе в самом разгаре. В субботу, 27-го, я выступил с речью, которая, мне кажется, была довольно удачной.

Я прибыл в Париж утром во вторник, 30 апреля, и сразу же был информирован Лавалем и Потемкиным об их затруднениях. Хотя текст договора в целом был согласован, некоторые его части вызывали трения. Русские стремились завести нас дальше, чем мы хотели бы; в общем мы прилагали все старания, чтобы сохранить лояльность в отношении Лиги наций и Локарно.

После нескольких последних затруднений франко-советский договор был наконец заключен. Русские уступили доводам французского правительства. Текст договора и протокол, являющийся его неотъемлемой частью, были подписаны 2 мая 1935 года.

> «Центральный Исполнительный Комитет Союза Советских Социалистических Республик и президент Французской Республики,
>
> воодушевленные желанием укрепить мир в Европе и гарантировать его благо для своих стран, обеспечив более полным образом точное применение положений Устава Лиги наций, направленных к поддержанию национальной безопасности, территориальной целостности и политической независимости государств,
>
> решив посвятить свои усилия подготовке к заключению европейского соглашения, преследующего эту цель, и, впредь до этого, способствовать, насколько от них зависит, эффективному применению положений Устава Лиги наций,
>
> решили заключить договор с этой целью и назначили своими уполномоченными:
>
> Центральный Исполнительный Комитет Союза Советских Социалистических Республик – г-на Владимира Потемкина, члена Центрального Исполнительного Комитета, чрезвычайного и полномочного посла при президенте Французской Республики,
>
> Президент Французской Республики – г-на Пьера

Лаваля, сенатора, министра иностранных дел,

которые после обмена своими полномочиями, признанными находящимися в должной форме и надлежащем порядке, условились о следующих постановлениях:

Статья I

В случае, если СССР или Франция явилась бы предметом угрозы или опасности нападения со стороны какого-либо европейского государства, Франция и соответственно СССР обязуются приступить обоюдно к немедленной консультации в целях принятия мер для соблюдения постановлений статьи 10 Устава Лиги наций.

Статья II

В случае, если в условиях, предусмотренных в статье 15, параграфе 7 Устава Лиги наций, СССР или Франция явились бы, несмотря на искренне мирные намерения обеих стран, предметом невызванного нападения со стороны какого-либо европейского государства, Франция и взаимно СССР окажут друг другу немедленно помощь и поддержку.

Статья III

Принимая во внимание, что согласно статье 16 Устава Лиги наций каждый член Лиги, прибегающий к войне вопреки обязательствам, принятым в статьях 12, 13 или 15 Устава, тем самым рассматривается как совершивший акт войны против всех других членов Лиги, СССР и взаимно Франция обязуются, в случае, если одна из них явится в этих условиях, и несмотря на искренние мирные намерения обеих стран, предметом невызванного нападения со стороны какого-либо европейского государства, оказать друг другу немедленно помощь и поддержку, действуя применительно к статье 16 Устава.

То же обязательство принято на случай, если СССР или Франция явится предметом нападения со стороны

европейского государства в условиях, предусмотренных в параграфах 1 и 3 статьи 17 Устава Лиги наций.

Статья IV

Так как обязательства, установленные выше, соответствуют обязанностям Высоких Договаривающихся Сторон, как членов Лиги наций, то ничто в настоящем договоре не будет толковаться, как ограничение задачи этой последней принимать меры, способные эффективно ограждать всеобщий мир, или как ограничение обязанностей, вытекающих для Высоких Договаривающихся Сторон из Устава Лиги наций.

Статья V

Настоящий договор, русский и французский тексты которого будут иметь одинаковую силу, будет ратифицирован и ратификационные грамоты будут обменены в Москве, как только это будет возможно. Он будет зарегистрирован в секретариате Лиги наций.

Он вступит в действие с момента обмена ратификациями и будет оставаться в силе в течение пяти лет. Если он не будет денонсирован одной из Высоких Договаривающихся Сторон с предупреждением, по крайней мере, за один год до истечения этого периода, то он останется в силе без ограничения срока, причем каждая из Высоких Договаривающихся Сторон будет иметь возможность прекратить его действие путем заявления об этом с предупреждением за один год.

В удостоверение чего уполномоченные подписали настоящий договор и приложили к нему свои печати.

Совершено в Париже в 2-х экземплярах, 2 мая 1935 года».

Протокол подписания

«В момент подписания советско-французского договора о взаимной помощи от сего числа уполномоченные подписали нижеследующий протокол, который будет включен в обмениваемые ратифицированные грамоты договора.

I

Условлено, что следствием статьи III является обязательство каждой договаривающейся стороны оказать немедленно помощь другой, сообразуясь безотлагательно с рекомендациями Совета Лиги наций, как только они будут вынесены в силу статьи 16 Устава. Условлено также, что обе договаривающиеся стороны будут действовать согласно, дабы достичь того, чтобы Совет вынес свои рекомендации со всей скоростью, которой потребуют обстоятельства, и, что, если, несмотря на это, Совет не вынесет, по той или иной причине, никакой рекомендации, и если он не достигнет единогласия, то обязательство помощи тем не менее будет выполнено. Условлено также, что обязательства помощи, предусмотренные в настоящем договоре, относятся лишь к случаю нападения, совершенного на собственную территорию той или другой договаривающейся стороны.

II

Так как общее намерение обоих правительств состоит в том, чтобы ни в чем не нарушать настоящим договором обязательств, принятых ранее СССР и Францией по отношению к третьим государствам в силу опубликованных договоров, то условлено, что постановления упомянутого договора не могут иметь такого применения, которое, будучи несовместимым с договорными обязательствами, принятыми одной из договаривающихся сторон, подвергло бы эту последнюю санкциям международного характера.

III

Оба правительства, считая желательным заключение регионального соглашения, целью которого явилась бы организация безопасности договаривающихся государств и которое вместе с тем могло бы включить обязательства взаимной помощи или сопровождаться таковыми, признают друг за другом возможность, в соответствующем случае, участвовать, с обоюдного согласия, в той форме, прямой или косвенной, которая представлялась бы подходящей в подобных соглашениях, причем обязательства этих соглашений должны заменить собой те, которые вытекают из настоящего договора.

IV

Оба правительства констатируют, что переговоры, результатом которых явилось подписание настоящего договора, были начаты первоначально в целях дополнения соглашения о безопасности, охватывающего страны северо-востока Европы, а именно: СССР, Германию, Чехословакию, Польшу и соседние с СССР Балтийские государства; наряду с этим соглашением должен был быть заключен договор о помощи между СССР, Францией и Германией, в котором каждое из этих трех государств должно было обязаться к оказанию поддержки тому из них, которое явилось бы предметом нападения со стороны одного из этих трех государств. Хотя обстоятельства до сих пор не позволили заключить эти соглашения, которые обе стороны продолжают считать желательными, тем не менее обязательства, изложенные в советско-французском договоре о помощи, должны пониматься, как имеющие действовать лишь в тех пределах, которые имелись в виду в первоначально намечавшемся трехстороннем соглашении. Независимо от обязательств, вытекающих из настоящего договора, напоминается вместе с тем, что согласно советско-французскому договору о ненападении от 29 ноября 1932 г. и притом без ущерба для универсальности обязательств этого пакта, в случае, если бы одна из сторон подверглась нападению со стороны одной или нескольких третьих европейских держав, не предусмотренных в вышеназванном тройственном соглашении, другая договаривающаяся сторона должна будет воздерживаться в течение конфликта от прямой или косвенной помощи или поддержки нападающему или нападающим, причем каждая из сторон заявляет, что она не связана никаким соглашением о помощи, которое находилось бы в противоречии с этим обязательством.

Совершено в Париже в 2-х экземплярах, 2 мая 1935 г.»

Польский посол одобрил пакт. Потемкин прислал мне телеграмму с выражением признательности.

7 мая. Заседание совета министров. Лаваль сделал нам некоторые разъяснения. Он, выразил мне благодарность за

оказанную ему помощь.

Первый тур муниципальных выборов состоялся 5 мая. В Лионе социалисты потерпели поражение, и состав большинства изменился; теперь в ратуше большинство составляют радикалы. Тем не менее баллотировка моей кандидатуры вызвала даже у меня самого неприятное впечатление. Министр внутренних дел заявил нам, что выборы в целом не приведут к существенным изменениям; успеха добились коммунисты и партии концентрации.

Мы узнали, что рейхсвер состоит из 27 дивизий (он включает кавалерийские дивизии, полицию и другие формирования). Мы же имеем 30 дивизий вместе с североафриканскими. Германия уже имеет от 1500 до 1800 самолетов. Поддерживаемый и ободряемый Лавалем генерал Денэн изложил нам содержание военно-воздушного соглашения, заключенного между итальянским и французским штабами.

В результате кампании по девальвации финансовое положение стало весьма серьезным. Решение бельгийцев благоприятствует определенным интересам, в частности интересам банков. Во Франции стали распространяться ложные слухи, поговаривают о затруднениях казначейства. Обладатели ренты и облигаций с твердым доходом встревожены. Поль Рейно продолжает свою кампанию.

12 мая. Второй тур муниципальных выборов. Ожесточенная борьба в Лионе, где я столкнулся с серьезными трудностями. Результаты следующие: 35 радикалов и радикал-социалистов, 8 социалистов, 14 умеренных.

Смерть Пилсудского.

Пьер Лаваль отправился в Москву; там было опубликовано следующее коммюнике:

> «Во время переговоров, имевших место в Москве 13, 14 и 15 мая, И. В. Сталин, В. М. Молотов и М. М. Литвинов и г-н Пьер Лаваль выразили свое удовлетворение подписанным в Париже 2 мая 1935 года договором, который определил обязательства взаимной помощи между СССР и Францией и установил надлежащее их истолкование. Представители СССР и Франции имели возможность констатировать наличие дружественного доверия, созданного между их странами вышеупомянутым договором, оказавшим свое благотворное влияние на рассмотрение всех вопросов как советско-французских отношений, так и общеевропейского порядка, возникающих в плане

сотрудничества обоих Правительств.

Обе стороны приступили к вышеупомянутому рассмотрению с полнейшей искренностью, причем могли убедиться, что их постоянные усилия, проявляющиеся во всех намеченных дипломатических начинаниях, с полной очевидностью направляются к одной существенной цели – к поддержанию мира путем организации коллективной безопасности.

При обмене мнений было констатировано полное совпадение взглядов обеих сторон на те обязательства, которые, при создавшемся международном положении, вытекают для государств, искренне преданных делу сохранения мира и уже давших бесспорные доказательства своего миролюбия путем готовности участвовать в создании взаимных гарантий.

Именно в интересах сохранения мира эти государства обязаны прежде всего ничем не ослаблять свои средства государственной обороны. При этом, в частности, И. В. Сталин высказал полное понимание и одобрение политики государственной обороны, проводимой Францией в целях поддержания своих вооруженных сил на уровне, соответствующем нуждам ее безопасности.

Представители СССР и Франции подтвердили, с другой стороны, свою решимость не оставить неиспользованным, в процессе дальнейшего своего сотрудничества, ни одного средства, способного, при содействии всех правительств, придерживающихся политики мира, создать политические условия, без которых невозможно восстановление доверия между государствами, столь необходимого с точки зрения материальных и моральных интересов народов Европы.

Представители обоих государств установили далее, что заключение договора о взаимной помощи между СССР и Францией отнюдь не уменьшило значения безотлагательного осуществления регионального восточно-европейского пакта, в составе ранее намечавшихся государств, и содержащего обязательства ненападения, консультации и неоказания помощи

агрессору. Оба Правительства решили продолжать свои совместные усилия по изысканию наиболее соответствующих этой цели дипломатических путей.

Предавая гласности вышеуказанные совместные решения, представители СССР и Франции со всей ответственностью заявляют, что тем самым они демонстрируют объединяющую их преданность созидательному делу, которое, отнюдь не исключая ничьего участия, может найти свое полное осуществление лишь при условии искреннего сотрудничества всех заинтересованных стран».

Заявление Сталина о военной политике Франции, то есть о восстановлении двухгодичного срока военной службы, вызвало оживленные комментарии в крайне левых кругах. Я нахожу это заявление мужественным; оно должно бы дать моим соотечественникам представление о реализме советского государственного деятеля.

17 мая. Совет кабинета. Ренье доложил нам о результатах муниципальных выборов. Добавив к результатам первого тура итоги перебаллотировки, мы получаем следующие данные для 858 коммун, имеющих более 5 тысяч жителей:

Коммунисты и отколовшиеся от них	90 мандатов
Социалисты (СФИО)	168 мандатов
Французские социалисты	15 мандатов
Республиканцы-социалисты	32 мандата
Радикал-социалисты	207 мандатов
Независимые социалисты	3 мандата
Независимые радикалы	48 мандатов
Левые республиканцы	125 мандатов
Народные демократы	8 мандатов
Республиканцы (ЮРД)	99 мандатов
Консерваторы	9 мандатов
Неясной партийной или беспартийной принадлежности	53 мандата
Пюписты	1 мандат

Коммунисты и отколовшиеся от них группы завоевали 52 места и потеряли 9. Социалисты (СФИО) завоевали 32 места и потеряли 39. Радикал-социалисты завоевали 42 места и потеряли 61. Левые республиканцы завоевали 19 и потеряли 51 место. Республиканцы (ЮРД) завоевали 20 и потеряли 35 мест. Успех коммунистов бесспорен, особенно в департаменте Сены и Уазы.

Вильям Бертран ввел нас в курс затруднений, с которыми он столкнулся. Моряки в Гавре не хотят отплывать, не получив 80 процентов суммы, причитающейся при зачислении в штат. Жермен Мартен сообщил нам пессимистические сведения о финансовом положении.

19 мая. 40 голосами из 56 участвовавших в голосовании (я не голосовал) я был переизбран мэром Лиона. 8 социалистов голосовали против меня. Я получил 34 голоса радикалов и 6 голосов умеренных.

Пятница, 24 мая. Я встретился с Фланденом, который все еще очень страдает от последствий автомобильной катастрофы. Он описал мне финансовое положение и спекулятивные маневры в национальном и международном масштабе, направленные на подрыв франка. Я предостерег его от опасности, которой он может подвергнуться, потребовав неограниченных полномочий в день возобновления заседания обеих палат. Во время нашей беседы Жермен Мартен прислал записку, в которой заявлял о своей отставке в случае, если во вторник проект не будет внесен на рассмотрение.

Я возвратился от Фландена после полудня вместе с Жермен Мартеном. Министр финансов был встревожен, он опасался прекращения платежей; я пережил некогда эту драму. Что касается платежа 31 мая, то Французский банк поддержит его только в том случае, если он приступит к широкому сокращению бюджета. Из сообщения Буиссона вытекало, что даже если проект будет представлен палате во вторник, она сможет обсудить его только в следующий понедельник или, самое раннее, в воскресенье. Оставалось узнать, представит Жермен Мартен проекты экономии или требование неограниченных полномочий.

У меня создалось впечатление, что на парламент снова начинается наступление в широких масштабах. Я припомнил, что Пуанкаре дважды проводил свои финансовые реформы при поддержке» палат. В приемной Фландена мы столкнулись с де Ванделем[184]. Он сказал нам: «В техническом отношении в создавшемся положении нет ничего серьезного. Зло заключается в политической обстановке…» Было ли это признанием? Утечка золота продолжалась. Только в пятницу утекло 850 миллионов. Лучше чем когда-либо я понимал, что произошло в прошлом.

Нам необходима была, однако, полная свобода мысли для того, чтобы следить за международными событиями. 21 мая Гитлер произнес в рейхстаге пространную речь, дабы высказаться «с полной откровенностью» о злободневных проблемах. По его словам, Германия также имеет демократическую конституцию. Он напомнил о работе, проделанной за два года для ликвидации

разрухи в промышленности, в сельском хозяйстве, и о работе среди средних слоев. Число безработных превышало семь с половиной миллионов. Нужно было прибегнуть к управляемой экономике, разместить рабочую силу, упорядочить рынок, установить определенные цены и заработную плату, упразднить классовые организации и политические партии, воинствующие профсоюзы. Партия национал-социалистов создала новую Германию, которая, по словам Гитлера, стремится к миру. «У нас нет, – заявил он, – ни желания, ни намерения лишать чужеземцев их этнической национальности, их языка или их культуры, чтобы взамен этого принудить их принять германские традиции, язык или культуру, которые им чужды… Наша этническая доктрина исходит из того, что всякая война, ведущаяся с целью поработить какой-либо другой народ и установить над ним господство, рано или поздно приведет к внутренним изменениям среди победителей, ослабит их и таким образом превратит их фактически в побежденных. К тому же мы не верим, чтобы в век торжества национального принципа народы Европы, среди которых столь глубоко укоренилась национальная идея, можно было бы лишить национальности… Если вспыхнет война, национальные государства Европы не добьются ничего – если абстрагироваться от преходящего ослабления своих, противников, – кроме минимальных результатов и исправлений своих этнических границ, совершенно не соответствующих принесенным жертвам».

Таким образом, Гитлер высказывался против войны, которая лишь внешне «задевает» народы и уничтожает их элиту. «Германии, – восклицает он, – нужен мир, и она хочет мира». В частности, «после разрешения саарского вопроса она больше не будет предъявлять Франции территориальных претензий». Однако рейхсканцлер подверг критике понятие «коллективного сотрудничества». По его мнению, Германия «с подлинным фанатизмом» выполняла условия, навязанные ей мирным договором. Несмотря на заявления лорда Роберта Сесиля, Поль Бонкура, Гендерсона, Бриана и Вандервельде, напоминавшие о взятых обязательствах, другие государства не разоружились, даже когда Германия стала демократией. Они увеличили свои вооружения, скорость своих истребителей и разрушительную мощь своих бомб, построили авианосцы и аэродромы. «В тот момент, – заявлял он, – когда Германия только что уничтожила свои танки и ожидала, что другие поступят так же, другие государства построили более 13 тысяч новых танков, которые они постоянно совершенствовали и укрупняли, стремясь превратить их в самый ужасный вид оружия». Один из методов Гитлера как

раз и состоит именно в том, чтобы сопровождать самые фантастические утверждения самыми точными цифрами. По его словам, французским заводам удалось построить гаубицу калибром в 540 миллиметров. Подобные же заявления были сделаны по поводу химического оружия и подводных лодок.

Гитлер намекнул на ноту от 17 апреля, на отказ Франции принять «английское посредничество» и на свой конструктивный план, предусматривающий создание трехсоттысячной армии. Он восстановил обязательную воинскую повинность и издал закон об организации новой германской армии. Равноправие является для Германии первым предварительным условием всякого практического и коллективного сотрудничества. «Мы не примем участия, – заявил он, – ни в одной конференции, программа которой не будет выработана с самого начала в сотрудничестве с нами». Он отверг положение о неделимости мира, которое, как известно, было выдвинуто Советским Союзом.

«Германия, невзирая на прошлое, заключила с Польшей договор о неприменении силы, внеся новый и ценный вклад в дело обеспечения европейского мира; она не ограничится только его слепым соблюдением, ибо у нее нет другого желания, кроме стремления бесконечно его развивать и углублять наши дружественные отношения с Польшей». Рейхсканцлер подтвердил свое отречение от Эльзас-Лотарингии и свое желание добиться дружбы французского народа. Что касается Восточного пакта, то он критикует, впрочем в очень туманной форме, обязательство о взаимной помощи. Национал-социализм принципиально против большевизма, марксизма и безбожия.

Вообще «Германия ничего не выиграла бы в случае любой европейской войны». Она всегда готова заключить пакты о ненападении со всеми своими соседями, за исключением Литвы – в связи с вопросом о Мемеле. Она не желает дополнять эти договоры новыми обязательствами. «Военный союз, заключенный между Францией и Россией, внесет, несомненно, элемент юридической неустойчивости в Локарнский пакт, единственный договор о взаимной безопасности в Европе, который ясно определен и действительно полезен». Гитлер уже утверждает, что этот союз «несовместим с духом и буквой Устава Лиги наций», которую он покинул и на которую теперь ссылается. Но логика для него ничего не значит.

Затем следовало категорическое утверждение: *«У Германии нет ни намерения, ни желания вмешиваться во внутренние дела Австрии, а также аннексировать или присоединить эту страну».*

В конечном итоге вырисовывалась следующая картина:

1. Правительство рейха отвергло резолюцию, принятую 17

апреля в Женеве. Оно не желало возвращаться в Лигу наций до тех пор, пока последняя не будет иметь юридического статута, независимого от Версальского договора. 2. Рейх заявил, что считает себя вправе вооружаться, подтвердив в то же время свое уважение к другим «статьям, касающимся совместной жизни наций», в том числе территориальных положений. 3. Германия будет соблюдать Локарнские соглашения, сделав, однако, оговорки относительно демилитаризованной зоны. 4. Она настаивает на возможности пересмотра договоров. 5. Она полагает, что европейское сотрудничество может быть восстановлено лишь на основе договоров, ограничивающихся минимальными положениями. 6. Она расположена заключить пакты о ненападении с различными соседними государствами. 7. Рейх даст свое согласие на заключение воздушного пакта. 8. Германия сообщит о «пределах организации своих новых сил национальной обороны. *Она не откажется от них ни в коем случае».* Она пойдет на такие же ограничения, как и другие государства. Что касается воздушных вооружений, то она требует равенства с другими великими западными державами и *«торжественно обязуется не превышать этого максимума».* Что касается военно-морского флота, то она требует для себя 35 процентов тоннажа английского флота. Она желает хороших отношений с английским народом и с английским государством. 9. Рейх согласен объявить вне закона некоторые средства ведения войны. 10. Он готов присоединиться к решению о запрещении сверхтяжелой артиллерии и сверхтяжелых танков. 11. То же самое относительно ограничения калибра артиллерии кораблей, их размеров и тоннажа подводных лодок. 12. По мнению рейхсканцлера, следовало бы предупреждать возбуждение общественного мнения путем речей, выступлений в печати, кинофильмов и театральных постановок. 13. Он требует заключения международного соглашения о запрещении всякого вмешательства извне во внутренние дела государств.

Германия, вновь заявил он, хочет мира. «Она не намерена бесконечно вооружаться. *Мы не располагаем 10 тысячами бомбардировщиков, и мы их не построим.* Напротив, мы сами поставили себе предел, достаточный, по нашему убеждению, для обеспечения защиты наций». И он закончил свою речь гимном миру.

Английский парламент дожидался речи Гитлера, чтобы обсудить международное положение. Прения открылись 22-го. Макдональд, находившийся на ежегодном собрании пресвитерианской церкви в Шотландии, отсутствовал. Он вернулся для участия в дискуссии. Стэнли Болдуин сказал, что

заявления германского рейхсканцлера будут «тщательно и лояльно рассмотрены британским правительством». Он выразил надежду на ограничение воздушных вооружений, но признался, что имел превратное представление «о быстроте, с которой Германия могла бы приступить и фактически приступила к своему перевооружению» на протяжении шести месяцев. Великобритания желает, сказал он, как и Германия, воздушного паритета с Францией, то есть примерно 1500 самолетов первой линии. «Занавес в Германии был частично приподнят. Я надеюсь и хочу верить, что он будет поднят целиком, с тем чтобы мы могли быть откровенны друг с другом, как мы сами всегда были откровенны в области вооружений. До тех пор пока это не будет достигнуто, мы не можем испытывать подлинного доверия. Приподнять лишь часть занавеса столь же опасно, как не приподнимать его вообще».

От имени лейбористской оппозиции майор Эттли выступил против предложений правительства. Уинстон Черчилль повторил свои предостережения и еще раз высказал свои опасения. Он указал на свойственное Германии противоречие между словами и делами. Он требовал детального обсуждения программы воздушных вооружений, в случае надобности на секретном заседании. Сэр Филипп Сэссун сделал технические уточнения, о которых уже говорил в палате лордов лорд Лондондерри; он сообщил, что Англия намерена увеличить число своих самолетов и пилотов, а также количество центров военного обучения. Поправка лейбористов была отвергнута 340 голосами против 52. Правительственные ораторы мужественно признали, что вера Великобритании в идею разоружения привела к ее значительному ослаблению. Заявление германского рейхсканцлера сэру Джону Саймону и ассигнования рейха на авиацию в 1935 году открыли глаза англичанам. Лорд Лондондерри заявил, что надо действовать «решительно». В мае 1935 года у Англии было только 580 самолетов, не считая морской авиации. В марте 1937 года она хотела иметь 1500 самолетов. «Мы должны, – заявил министр авиации, – иметь на 2500 пилотов больше, чем сейчас, и набрать в наземные службы еще 22 500 человек. Мы откроем 5 новых училищ королевских воздушных сил. Для защиты метрополии мы создадим 71 новую эскадрилью вместо 22, намеченных программой. Кроме предусмотренных 18 аэродромов, мы должны построить еще 31». Английское правительство заручилось помощью лорда Уэйра, который был организатором воздушных сил Великобритании в 1915-1918 годах.

* * *

В момент, когда международная обстановка требовала внимания с нашей стороны, Франция, к несчастью, была вновь ввергнута в финансовый кризис. 27 мая мы собрались на заседание совета кабинета. Нам тотчас же были изложены мотивы выдвижения законопроекта о неограниченных полномочиях, причем министр финансов требовал незамедлительно поставить его на голосование. Кризис разразился две недели назад; он глубоко затронул ресурсы казначейства и значительно уменьшил запасы драгоценных металлов в Эмиссионном институте. Спекуляция постепенно распространилась на девизы стран золотого блока. После сокрушительного удара, нанесенного ей защитительными мероприятиями в Голландии и Швейцарии, она обернулась против французской валюты. Она имела следующие последствия. 1. Значительная утечка золота из Французского банка. 2. Соответственное сужение денежного рынка, которое привело к повышению процентной ставки за краткосрочный кредит (повышение ставок за репорт в фунты стерлингов, повышение оплаты помещения ценных бумаг казначейства в различные учреждения, постепенное повышение учетного процента Французского банка). 3. Предъявление к погашению бон, вызванное низким доходом ценных бумаг казначейства. 4. Снижение курса ренты на валютном рынке и повышение курса ценных бумаг с переменным доходом.

Достаточно привести несколько цифр, чтобы показать размах этого движения. Утечка золота с 1 по 17 мая составила 933 миллиона, с 17 по 25 мая – 3 915 миллионов. Эта утечка золота и трудности получения краткосрочного кредита вызвали весьма чувствительное сокращение свободных средств на денежном рынке, предъявление к оплате краткосрочных ценных бумаг казначейства и значительное снижение курса ренты. С 1 по 24 мая было предъявлено к уплате на 483 миллиона бон казначейства и на 345 миллионов (только в Париже) бон национальной обороны.

Таким образом, за две недели обстановка резко ухудшилась. 17 мая благодаря некоторому прояснению на бирже смог быть выпущен, но в неблагоприятных условиях, заем ведомства связи на 800 миллионов. Тем не менее положение банков было непоколебимо; французские учреждения занимали сильные позиции, а их ликвидность ставила их вне всякой опасности. Степень ликвидности главных банков составляла от 73 до 105 процентов. Не было причин для тревоги и в области экономики: в апреле наблюдалось небольшое повышение оптовых цен и заметное рассасывание запасов, уменьшалась безработица, сокращался разрыв между ценами на внутреннем и на внешнем

рынках. Стоимость франка была по-прежнему гарантирована на 80 процентов золотой наличностью.

Но что омрачало положение, так это состояние государственных финансов, постоянный бюджетный дефицит, превышения расходной части бюджета. В 1930/31, 1931/32, 1932/33 и 1934 финансовых годах выходили из положения за счет превышения кредитов, достигавшего соответственно 2638, 5508, 6017, 7036 и 6418 миллионов; таким образом, общая сумма кредитов казначейства без обеспечения составляла 27 600 миллионов. Хотя свободная конверсия в сентябре 1932 года и дала ежегодную экономию более чем в 1 миллиард, ежегодные недоимки по займам достигают 1 700 миллионов. Стоимость жизни государства превышает 100 миллиардов: 47 800 миллионов расходуется по общему бюджету, 8 миллиардов – по дополнительным бюджетам, 3 миллиарда – по различным специальным счетам (национальная оборона, хлебный и винный рынки), 4 миллиарда – на расходы, оплачиваемые Автономной амортизационной кассой, 15 миллиардов – на железные дороги, 24 миллиарда – на департаменты и коммуны, 2 миллиарда – на социальное страхование. Благодаря притоку капиталов, вызванному стабилизацией валюты, французское государство установило более высокий уровень жизни по сравнению с нормальным. Между 1928 и 1930 годами проводили политику уступок, теперь мы за нее расплачиваемся. Недостаточно повысить стоимость денег, нужно бороться с бюджетным дефицитом. Жермен Мартен против девальвации, он требовал приведения наших расходов в соответствие с нашими ресурсами, повсеместной усиленной экономии.

На заседании совета кабинета 27 мая он прокомментировал изложение своих мотивов. Кризис начался действительно 13 мая; 29 марта мы имели 82 миллиарда 625 мил» лионов золотом. В начале апреля имела место некоторая утечка золота в связи с тем, что мы поддерживали курс флорина и швейцарского франка. 10 мая золотая наличность составляла 97 процентов по отношению к денежным знакам, находившимся в обращении. После муниципальных выборов против Франции была начата кампания в Испании, Голландии, Бельгии, Англии и в Соединенных Штатах. Эта кампания была поддержана внутри страны наживой спекулянтов на бельге[185]. Заявление Моргентау о возможной в ближайшем будущем стабилизации произвело неожиданный эффект: исходя из этого факта, спекулянты взяли установку на девальвацию франка. Утечка золота (10 мая – 40 миллионов, 12-го – 232, 17-го – 342, 21-го – 660, 24 мая – 960 миллионов) благоприятствовала бегству спекулятивных капиталов, а

массовый вывоз в один день 960 миллионов предполагает вмешательство отечественных спекулянтов, временно играющих на франке. Разместить боны казначейства оказалось невозможно. Французский банк повысил учетный процент; таким образом надеются замедлить, но не прекратить утечку золота. Бюджетный дефицит, по-видимому, делает девальвацию неизбежной – такова точка зрения, поддерживаемая газетой «Таймс».

По мнению Жермен Мартена, в центре всего бюджетный дефицит; от решения этого вопроса зависит судьба нашей страны. Согласно Дессирье, соотношение между расходной частью бюджета и доходами Франции повысилось с 38 в 1928 году до 66 в 1935 году. Нужно выправлять положение, иначе французской нации грозит гибель. К займам больше прибегать нельзя. Необходимо самое срочное вмешательство, заключил министр. В противном случае мы дождемся прекращения платежей.

Председатель совета министров спросил министра финансов о платежах, срок которых истекает 31 мая. Их можно будет осуществить лишь с помощью Французского банка. Я вновь повторил свои столь часто выдвигавшиеся возражения, подчеркнув свое отрицательное отношение к неограниченным полномочиям и верность своим принципам. Ведь вполне достоверно, что при современном капиталистическом режиме правительство не имеет свободы действий! Как же получилось, что после оптимистических заявлений мы оказались на краю пропасти! Пьетри поддерживал Жермен Мартена. Фланден требовал неограниченных полномочий, подразумевающих и борьбу против денежных воротил. Впрочем случилось так, что в 12 часов 20 минут я был вынужден покинуть заседание совета кабинета, чтобы вернуться в Лион и председательствовать на муниципальном совете. После моего ухода кабинет министров уполномочил Жермен Мартена представить свой проект.

Я возвратился утром во вторник, 28-го, и принял участие в заседании совета министров. Спекуляция приобретает все более широкий размах. *Вчера, 27-го, утечка золота достигла 1123 миллионов.* Наступление ведется в международном масштабе. «Пти журналь» от 28-го неистово требует девальвации. За нее выступают Поль Рейно, Раймонд Патенотр, Анри де Жувенель, Фроссар, Марсель Деа. Из сберегательных касс в большом количестве изымаются вклады. Сегодня утром мне показалось, что Лаваль хочет раскрыть свои карты. Он обрушился, с одобрения президента республики, на парламент и на правительства, якобы не выполнившие свой долг. Я ему энергично возразил, что возглавлявшееся мною в 1932 году правительство было первым, выступившим за экономию. Я

предложил и составил воззвание против девальвации и добился его принятия правительством. По моему настоянию термин «чрезвычайные полномочия» был заменен термином «специальные полномочия».

«Законопроект, согласно которому правительство уполномочивалось принимать все надлежащие меры в целях обеспечения оздоровления государственных финансов, возобновления экономической активности, защиты государственного кредита и поддержания курса валюты», был поставлен на обсуждение палаты 28 мая. Изложение мотивов представляло сводную таблицу всех трудностей положения: резкое уменьшение золотого запаса, наступление на французские девизы, предъявление к погашению бон казначейства, падение стоимости государственных процентных бумаг и т. д.

Вторник, 28 мая, после полудня. Открылись заседания палаты. Речь Жермен Мартена не произвела эффекта. Казалось, что положение правительства очень плохо, хотя Леон Блюм, по-видимому, не вел серьезного наступления. В газете «Пти провансаль» от 27 мая Даладье потребовал роспуска палаты по «взаимному согласию».

Я выступил перед группой. Ее враждебность правительству совершенно определенна. Особенно отличается Жорж Бонне. Даладье также в воинственном настроении.

Вечером – продолжительная беседа с управляющим Французским банком, который подробно проинформировал меня о создавшейся обстановке. Подтасовка баланса Французского банка ясна, как никогда. Я сказал об этом Таннери, который не отрицает этого.

Вечером в среду, 29 мая. Парламентская группа радикалов настроена по отношению к правительству очень враждебно. Собравшееся затем бюро партии держалось гораздо более примирительно.

Утром в четверг, 30 мая. Я встретился с председателем совета министров. Я сообщил ему о положении и о кампании, которая ведется против министра финансов. По-моему, необходимо хотя бы заверить палату, что она не будет распущена, и сократить период неограниченных полномочий. Он согласился со мною и просил известить об этом президента республики, что я и сделал. Группа настроена по-прежнему враждебно.

После полудня – очень бурное заседание палаты. Рейно и Деа выступили с блестящими речами в пользу девальвации. Жермен Мартен вручил заявление о своей отставке. Около семи часов вечера произнес речь председатель совета министров. Первая часть его выступления произвела глубокое впечатление. Однако в

общем его нападки на Рейно находят слишком сильными. Фланден сообщил об отставке Жермен Мартена. Эта новость привела палату в замешательство; даже те, кто нападал на министра, теперь выступают в роли его защитников. Окончательное впечатление от речи было очень сдержанным.

Премьер-министр отдавал себе в этом отчет. Он покинул трибуну и предоставил мне закончить дело. Приятная миссия для противника чрезвычайных декретов! Однако в течение всего пребывания в правительстве Фландена у меня с ним были настолько корректные отношения и я столь глубоко верю в солидарность членов правительства, что не мог отказать ему в этой услуге. Итак, я выступил ночью, стараясь, чтобы это выглядело не слишком плохо. Палата выслушала меня вполне благосклонно; мне показалось, что она оценила акт лояльности. Слово взял Франклэн-Буйон; это естественно – нужно было добить раненого. В результате голосования правительство пало. Моя группа не поддержала меня. Я вспомнил фразу кардинала де Реца[186]: «Гораздо труднее жить с теми, кто идет вместе с вами в одной партии, чем действовать против тех, кто ей противостоит».

В ночь с 30-го на 31-е, около двух часов утра, мы вручили нашу отставку президенту республики. После окончания этой формальности он задержал меня и сказал, что он предложил формирование нового правительства Буиссону, который выдвинул в качестве первого условия мое участие в кабинете. Я ответил сдержанно, сославшись на обязательство (в соответствии с нашим уставом) проконсультироваться сначала с парламентской группой.

Я встретился с Буиссоном в пятницу, 31 мая, около одиннадцати часов утра. Он изложил мне свои три условия: 1) предоставление без всякой дискуссии неограниченных полномочий, 2) единодушная поддержка радикалов, 3) мое участие в кабинете. Я информировал об этом группу, которая должна обсудить это предложение в четыре часа дня.

Очень сердечный прощальный визит Фландену. Он горячо благодарил меня за мою работу в его правительстве. Он был лоялен со мною; я держался лояльно по отношению к нему.

Кризис (31 мая – 7 июня 1935 года)

Парламентская группа радикалов получила следующее сообщение: «Г-н Фернан Буиссон неоднократно доказывал, как он озабочен защитой прерогатив парламента. Только в силу необходимости, неизбежной в (настоящих) обстоятельствах для любого правительственного формирования, он намерен просить у парламента предоставления ему полномочий, необходимых для того, чтобы немедленно покончить со спекуляцией, поддержать настоящий курс валюты и принять все законодательные меры в целях оздоровления финансового положения и оживления национальной экономики».

Группа предложила нам поставить перед Фернаном Буиссоном несколько вопросов. Я возглавил направившуюся к нему делегацию. Вот его заявления: *1*. Продолжительность срока действия чрезвычайных полномочий. *Ответ:* до 31 октября 1935 года с утверждением решений правительства до 15 марта 1936 года. Бюджет должен быть принят до 31 декабря 1935 года. *2*. Широта чрезвычайных полномочий. *Ответ:* Председатель палаты заявил, что он не намерен использовать расширение полномочий, дабы каким-либо образом затронуть органический или политический статут страны. Он ограничится защитой франка, которая предполагает, по его мнению, использование валютных, финансовых и экономических средств. *3*. Буиссон осведомил нас также о составе своего правительства.

Началось обсуждение. Мальви полагал, что предоставление чрезвычайных полномочий в области финансов необходимо, поскольку дефицит составляет около восьми миллиардов. Потю высказался в том же духе, заявив, что быстрота принятия решений является необходимым условием борьбы со спекуляцией. Группа проголосовала за следующую резолюцию: «Партия радикалов и радикал-социалистов заслушала сообщение о беседе своей делегации с председателем палаты по поводу срока и объема полномочий, которые он требует ему предоставить, а также по поводу возможного состава правительства. В этих условиях она большинством, за исключением двенадцати голосов, постановила оказать поддержку формирующемуся правительству».

Парламентская группа социалистов отказалась от предложения Буиссона. Она напомнила решение, принятое административной комиссией партии 7 ноября 1934 года: «Если перед лицом опасности, угрожающей общественным свободам и свободам рабочих, перед лицом все более усиливающихся

бедствий, вызванных безработицей и разорением крестьянства, республиканцы, осознавшие со своей стороны чрезвычайный характер сложившихся обстоятельств, решатся противопоставить насилию фашистов республиканскую силу и создадут правительство борьбы за сохранение демократических свобод и против кризиса, административная комиссия заявляет, что она не будет выдвигать никаких предварительных ограничений для той поддержки, которую окажет им партия». Однако парламентская группа социалистов отказалась присоединиться к формированию правительства так называемого «Национального единства», которое «включает группы и людей, естественно солидарных с политическими и экономическими силами, о борьбе с которыми идет речь». Она заявила, что она всегда готова взять на себя осуществление своей программы.

Было сформировано правительство. Фернан Буиссон взял на себя руководство советом министров и министерством внутренних дел. Четыре государственных министра – маршал Петен, Жозеф Кайо, Луи Марэн и я. Другие министры: Пьер Лаваль – министр иностранных дел, Жорж Перно – министр юстиции, генерал Морэн – военный министр, Франсуа Пьетри – министр морского флота, генерал Денэн – министр авиации, Лоран Эйнак – министр торговли, Пальмад – министр финансов, Марио Рустан – министр просвещения, Паганон – министр общественных работ, Луи Роллен – министр колоний, Фроссар – министр труда, Перфетти – министр пенсий, Эрнест Лафон – министр здравоохранения, Жорж Мандель – министр связи. Катала был назначен товарищем министра при председателе совета министров и министре иностранных дел. В последний момент оказалось, что Пальмад отказался от министерства финансов. Вместо Руа, отказавшегося от портфеля министра сельского хозяйства, назначен Жакье.

Вторник, 4 июня. Заседание совета кабинета. Зачитывается правительственная декларация. Короткая дискуссия по поводу бывших фронтовиков. Кайо согласен, чтобы они были затронуты в последнюю очередь. Он заявил нам: «При одном упоминании моего имени рента едва не поднялась вчера с 6 до 7 франков. Я вынужден был помешать повышению».

Датой утверждения чрезвычайных декретов было назначено 1 января.

Заседание совета министров. Лаваль изложил нам меморандум, в котором Германия пытается доказать, что франко-советский договор противоречит Локарнским соглашениям. Она, кажется, согласна в принципе на Восточный пакт о консультации и ненападении. Представительство Франции в Китае будет

преобразовано в посольство. Во второй половине дня Буиссон просил меня встретиться с парламентской группой радикалов. Я отправился туда в четверть восьмого. Я подвергся яростным нападкам Жубера, который поставил под сомнение точность рассказа о моих действиях. Рассердившись, я предложил уйти в отставку с поста председателя партии.

Заседание палаты. Выступил Буиссон. Его непринужденная, остроумная, но в то же время высокомерная речь задела радикалов сравнением, которое он провел между ними и социалистами. Ему ставят в упрек некоторую развязность. Правительство оказалось в меньшинстве: ему не хватило двух голосов. Некоторые депутаты хотели было переголосовать, но секретари, особенно Герэн (от департамента Ла-Манш), воспрепятствовали этому.

Мы отправились в Елисейский дворец с заявлением об отставке. Президент задержал меня на несколько минут. В связи с возникшими международными проблемами, которые необходимо урегулировать, он расположен был избрать Лаваля. Он вызвал его для беседы. По возвращении в здание правительства я застал там весьма растерянную делегацию радикалов (Дельбос, Мазе, Мартино-Депла, Герню). Они привели меня на заседание парламентской группы. Обстановка была следующей: среди моих коллег существовало сильное стремление к образованию широкой коалиции – от радикалов до коммунистов. Я заявил им, что самой важной проблемой является не политическая, а финансовая; между тем деньги, даже принадлежащие демократам, консервативны. Тем не менее переговоры продолжались.

Ночью у меня состоялось небольшое собрание с участием Даладье и Шотана. Оно проходило в обстановке сердечности, по крайней мере внешне.

Среда, 5 июня. В одиннадцать часов я выступил на собрании делегатов левых групп, включая коммунистов и социалистов. Я откровенно изложил причины моих опасений и сдержанности; мне кажется, что мои объяснения имели успех.

Я отправился вместе с Дельбосом к Лавалю, который, мне кажется, колеблется и расположен требовать предоставления лишь минимума чрезвычайных полномочий. Мы рекомендовали ему ограничиться средствами борьбы со спекуляцией и защиты франка.

В три часа дня я предстал перед группой. Потю заявил, что можно добиться переучета бон Французским банком, но трудности вновь возникнут по истечении срока платежа. В заключение он сказал, что если политическая обстановка будет спокойной, то можно будет легко решить вопрос, в противном

случае это будет невозможно. По мнению Мендес-Франса, необходимо урегулировать вопрос о переучете, который все еще не разрешен, но также и вопрос о правлении Французского банка, которое в настоящее время, по-видимому, проводит свою собственную политику, противоположную политике правительства и поддерживаемую двумястами наиболее крупных акционеров. Шотан считал, что для проведения этих реформ надо либо последовать примеру бельгийцев, либо опереться на большинство Блюма – Бонневе.

Около 4 часов дня Лаваль сообщил, что он только что беседовал с представителями Французского банка и чиновниками из управления движением государственных средств и управления фондов. В результате этой беседы Лаваль пришел к выводу, что ему нужны более широкие полномочия. Мы направились к нему делегацией; он сообщил нам, что социалисты не согласны проводить существенную экономию ни путем предоставления чрезвычайных полномочий, ни законодательным путем. Он подтвердил свое намерение не распускать парламент, но заявил, что не может ограничиться формулировкой о чрезвычайных полномочиях только для борьбы против спекуляции. По-видимому, он не хотел бы продолжать усилия по формированию кабинета; он уже заготовил заявление об отказе от возложенной на него миссии. Однако он попросил нас дать ответ.

Группа приняла следующую резолюцию: «Заслушав сообщение своих делегатов, партия радикалов и радикал-социалистов благодарит г-на Пьера Лаваля за оказанный им прием и выражает сожаление по поводу того, что он не счел возможным принять формулировку о чрезвычайных полномочиях, ограниченных только борьбой против спекуляции и защитой франка».

Лаваль не без некоторой театральности отказался от формирования правительства.

Продолжается обсуждение предложений социалистов. Их парламентская группа «принимает во внимание тот факт, что фракция коммунистов считает необходимым создание правительства из представителей левых групп, чтобы защитить от фашизма демократические институты, оградить франк от спекуляции и принять все надлежащие меры в интересах трудящихся, защиты демократических свобод и мира». Группа социалистов, отвечая на поставленные ей делегацией радикалов вопросы, изложила свою программу: национализация важнейших отраслей промышленности, создание пенсионной кассы, облегчение налогового бремени, пресечение спекуляции на курсе франка, сорокачасовая рабочая неделя, осуществление

программы общественных работ, урегулирование проблемы арендных договоров, немедленный роспуск военизированных лиг, введение пропорциональной избирательной системы, никаких неограниченных полномочий, «за исключением случая, когда обструкция со стороны сил оппозиции воспрепятствовала бы работе парламента».

Эта программа показалась мне слишком ко многому обязывающей. Я старался по мере сил сосредоточить внимание моих друзей на проблеме финансов. Положение, мне кажется, легко охарактеризовать: радикалы боятся социалистов, а социалисты боятся коммунистов. Лишний раз убеждаешься, что всем движет страх.

Перед обедом я встретился с Фланденом, который согласился бы сформировать правительство с минимумом чрезвычайных полномочий. Нас, Дельбоса и меня, вызвал президент республики. Он предложил и ему и мне образовать правительство, но мы оба отказались.

Формирование кабинета было поручено Пьетри. У меня с Дельбосом состоялась с ним первая беседа.

В четверг, 6 июня, около одиннадцати часов утра Шотан, Герню, Дельбос, Даладье и я направились к Пьетри. Он сообщил нам, что Французский банк уже переучитывает боны казначейства. Мы предложили ему такую формулировку – чрезвычайные полномочия только в области борьбы со спекуляцией и защиты франка, недопустимость роспуска парламента и внесение кратких законопроектов, например о замене капитализации распределением в области социального страхования. Пьетри заявил, что не может дать ответ до тех пор, пока не переговорит как следует с социалистами, и назначил нам встречу вечером, в половине шестого.

В половине шестого я направился к Пьетри. Ориоль и Блюм заявили, что не смогут ему помочь. Бывшие фронтовики не соглашались ни на какое сокращение. Пьетри уже отказался от своей миссии.

Пригласив меня к себе, президент республики просил меня засвидетельствовать, что он предлагал мне сформировать правительство. Он сообщил мне, что намерен вновь пригласить Лаваля.

Партия радикалов после длительной дискуссии приняла следующую резолюцию: «Делегаты группы, побывавшие у г-на Пьетри, представили отчет о своей миссии. Они обсудили вместе с ним компромиссные решения в целях защиты франка, борьбы против спекуляции и за бюджетное равновесие, которые показались им вполне удовлетворительными. Партия воздает

должное духу примирения г-на Пьетри и выражает сожаление, что принятые ее делегатами формулировки не могли по не зависящим от партии причинам послужить основой для образования правительства».

Дельбоса вызывали в Елисейский дворец, но он отказался формировать правительство. Шотан выступил перед группой, призывая учитывать создавшуюся обстановку. *«Мы находимся сейчас,* – заявил он, – *в таком же положении, как и 5 февраля.* Нужно с этим покончить». Он говорил очень искусно, смело и красноречиво; ему аплодировали. Я спросил, не возьмется ли кто-нибудь сформировать крайне левое правительство, тогда я назвал бы его имя президенту республики. Даладье покинул зал заседания, Мальви предложил положиться на бюро партии. Хорошо, сказал я, но при условии, что делегаты будут иметь моральную поддержку. Я чувствовал, что мои друзья в большом замешательстве. Вполне очевидно, что политическая ситуация была столь же неустойчива, как и финансовое положение; мы находились на повороте. По всеобщему признанию, заседание всех глубоко взволновало. Я заявил, что беру ответственность на себя. Была принята следующая резолюция: «Партия радикалов и радикал-социалистов и ее парламентская группа, сделав все возможное для защиты доктрины, в отношении которой партия единодушна, и преисполненные решимости не подвергать страну затруднениям, которые использовали бы враги республики, уполномочивают своих делегатов принимать все решения, которые они сочтут необходимыми для образования правительства». Резолюция была принята большинством при трех воздержавшихся.

Лаваль согласился сформировать правительство. Мы направились к нему. Он сообщил нам свое заявление для печати: «Президент республики только что вновь возложил на меня миссию образования правительства. Вчера, изучив обстановку и проведя ряд консультаций, я был вынужден отклонить это предложение. Были рассмотрены различные комбинации, но, несмотря на бесспорный авторитет политических деятелей, которым поручалось сформирование кабинета, эти комбинации не удалось осуществить. Председатель группы радикалов и радикал-социалистов в палате депутатов г-н Ивон Дельбос, на которого до меня возлагали ту же миссию, от нее отказался. Учитывая серьезность сложившейся обстановки, я считаю себя не вправе уклониться от выполнения долга. Я откликнулся на призыв главы государства. Я буду формировать правительство». Делегация договорилась с Лавалем на следующих условиях: правительство образуется, дабы обеспечить с помощью

чрезвычайных полномочий защиту франка и борьбу против спекуляции. Оно не выйдет за пределы необходимого. Оно не затронет органического и политического статуса страны. Палата депутатов не будет распущена. Срок чрезвычайных полномочий прекращается 31 октября, а представления на утверждение – 1 января. Отвечая на вопрос Мазе по поводу пенсий, Лаваль принял формулу Буиссона.

И вот наступила традиционная ночь формирования кабинета. Пьетри отказался от министерства финансов. Я старался ввести в правительство как можно больше радикалов.

В последний момент, когда мы были в Елисейском дворце, Марэн заявил по телефону Лавалю о своей отставке; он считал, что в кабинете слишком много левых. Лаваль отбивался и наконец покончил с инцидентом, согласившись назначить Блезо на пост товарища министра при главе правительства.

Когда мы предстали перед президентом республики, было уже более четырех часов утра. В течение этой недели я так часто ходил в Елисейский дворец, что уже перестал сознавать, иду ли я туда для вручения отставки или же для утверждения. Кризис был очень серьезным. Начиная с 6 февраля 1934 года обстановка сильно изменилась. Когда я вошел по требованию моей партии, находившейся в опасности, в правительство Думерга, левые республиканцы прятались за моей спиной и просили меня о защите. Но постепенно те, кто в то время оборонялся, осмелели; они хотели бы перейти в наступление. Социалисты становятся все более воинственными. И это вполне понятно: народ, который не принимал никакого участия в маневрах спекулянтов, пострадал от них, народ который наблюдал единение экономического своекорыстия и реакционных устремлений, – этот народ восстал. Наступление коммунистов лишь отражало, и пока еще робко, это недовольство и тревогу. Левые все более сближались с крайне левыми. Все более четко вырисовывалась новая коалиция. Я хорошо чувствовал, что был всего лишь заложником. Если бы позволили интересы страны, я уже отошел бы в сторону.

Правительство Лаваля

I. Финансовые и политические трудности (7 июня – 17 июля 1935 года)

Новое правительство было сформировано 7 июня 1935 года. Оно имело следующий состав: председатель совета министров и министр иностранных дел – Пьер Лаваль, товарищ министра при председателе совета министров – Камилл Блезо; государственные министры: Луи Марэн, Пьер-Этьенн Фланден, Эдуард Эррио; министр сельского хозяйства – Пьер Катала; министр авиации – генерал Денэн; министр колоний – Луи Роллен; министр торговли – Жорж Бонне; министр просвещения – Марио Рустан; министр финансов – Марсель Ренье; военный министр – Жан Фабри; министр внутренних дел – Жозеф Паганон; министр юстиции – Леон Берар; министр военно-морского флота – Франсуа Пьетри; министр торгового флота – Вильям Бертран; министр пенсий – Анри Мопуаль; министр здравоохранения – Эрнест Лафон; министр труда – Фроссар; министр общественных работ – Лоран Эйнак; министр связи – Жорж Мандель.

В «Эко де Пари» Анри де Кериллис высказал в мой адрес ряд комплиментов, которых я не желал и которые были неприемлемы для меня, поскольку он угрожал парламенту. «Гнев нарастает, – писал он. – Дело кончится тем, что революция грянет, подобно взрыву бомбы, и никому не придется даже зажигать фитиль». Леон Блюм в «Попюлер» пытался расколоть партию радикалов и привлечь на свою сторону нашу молодежь путем подрыва авторитета «старых вождей». Так как он того же возраста, что и я, то я не чувствую себя уязвленным; при этом я констатировал, что в условиях происходящего кризиса социалистическая партия не сделала нам никаких практических и действенных предложений.

Правительство заявляет, что его целью является борьба против спекуляции и защита франка; оно обязуется уважать органический и политический статус страны, сокращать расходы, ликвидировать злоупотребления, работать над оздоровлением национальной экономики. «Наша внешняя политика, направленная с очевидной для всех последовательностью и всеми одобряемой мудростью на поддержание безопасности и мира, могла бы быть подорвана лишь в том случае, если бы вы потеряли всякую веру в нее. Но вы этого не захотите». Правительство предлагает проект закона, состоящего из одной-единственной статьи: «Дабы избежать девальвации, сенат и палата депутатов

уполномочивают правительство провести до 31 октября 1935 года с помощью чрезвычайных декретов все меры, имеющие силу закона, необходимые для борьбы против спекуляции и для защиты франка. Эти декреты после принятия их советом министров будут представлены на утверждение палатам до 1 января 1936 года». Эта формулировка была предложена фракцией радикалов.

Деа говорил о конфликте между законной и действительно существующей властью; он напомнил о положении во Франции накануне 1789 года. Жан Зей произнес от имени молодых радикалов, которые собирались воздержаться при голосовании, энергичную речь о будущих политических учреждениях, которым предстоит создать экономическую демократию. При этом он допустил обидную фразу в адрес «старого штаба». Я, по-видимому, действительно сильно состарился после 6 февраля! Бэсс смело настаивал на применении закона 1933 года и на установлении различия между фронтовиками и тыловиками. Мой друг Альбер Мило выступил в мою защиту в «Эр нувель»; я очень признателен ему за то, что он столь правильно выразил мои мысли: «Эррио… мог бы махнуть на все рукой и после целого ряда нанесенных ему оскорблений вообще замкнуться в свою скорлупу. Никто бы не осудил его за это. Но он счел своим долгом еще раз выручить растерявшийся радикализм и, спасая свою партию, сохранить для демократии ряд ее представителей, поддавшихся панике. Он сплотил значительную часть центра палаты в тот момент, когда этот центр стоял на грани распада… Правительству нужен был фундамент; руководитель партии радикалов дал возможность разрешить кризис, перегруппировав свои войска и выведя их на передовую линию…»

Правительство получило 324 голоса против 160, но эта победа была одержана в мрачной атмосфере усталости и даже уныния.

Буиссон был переизбран председателем палаты 285 голосами из 444 голосовавших.

Вновь возникли внешнеполитические трудности. Сначала Соединенные Штаты направили нам перечень долгов, которые мы должны выплатить к 15 июня. «Представляя этот перечень, – ответил Пьер Лаваль 12 июня, – вы желали подтвердить, что правительство Соединенных Штатов согласно обсудить дипломатическим путем любые предложения правительства Республики по вопросу об урегулировании этого долга и внимательно их изучить для возможного представления американскому конгрессу. Французское правительство благодарит правительство Соединенных Штатов за то, что оно

вновь подтвердило эти заверения. Напоминая о своих прошлых заявлениях, оно желает со своей стороны вновь подчеркнуть свою готовность, как только позволят обстоятельства, заняться вопросом урегулирования своего долга на приемлемых для обеих стран условиях. Но так как в настоящее время оно пока еще не в состоянии сформулировать свои предложения, оно может лишь надеяться на такое изменение существующего положения, которое в ближайшем будущем позволит начать переговоры, способные обеспечить быстрое достижение соглашения, в котором в равной степени заинтересованы оба правительства». На заседании совета министров 14 июня я буду просить, чтобы было официально отмечено мое особое мнение в данном вопросе и моя верность своей прежней точке зрения.

С другой стороны, мы получили довольно тревожные сообщения из Италии. После состоявшегося в Кальяри парада частей дивизии «Савойя», которая должна в ближайшее время отправиться в Африку, Муссолини произнес следующую речь: «Вы присутствовали на замечательной демонстрации силы и дисциплины, достойной героического и воинственного народа Сардинии. Само имя «Савойя», которое носят ваши войска, является лучшим лозунгом. Нам необходимо свести старые и новые счеты, и мы их сведем. Мы не будем обращать никакого внимания на то, что скажут за границей; так как только мы, только мы одни и никто другой, можем судить о наших интересах и о гарантиях нашего будущего. Мы в точности подражаем тем, кто дает нам урок. А они доказали, что когда необходимо было создать Империю и защищать ее, они совершенно не считались с мировым общественным мнением. Если режим чернорубашечников призывает молодежь Италии к оружию, то делает это потому, что это является его неукоснительным долгом, и потому, что он стоит перед лицом высшей необходимости. Весь итальянский народ сознает это, и весь народ готов подняться как один человек, когда речь идет о могуществе и славе родины». Во всяком случае, Муссолини откровенен и не скрывает своих целей. Тем временем в прессе продолжалась резкая антианглийская кампания. Гайда утверждал в «Джорнал д'Италиа», что Великобритания имеет виды на Эфиопию и хочет превратить Лигу наций в орудие своего мирового господства.

Действительно, эфиопский вопрос с каждым днем занимал все большее место в политике итальянского правительства и особенно в политике его руководителя. Муссолини не скрывал своего намерения довести дело до конца; его решимость становилась тем большей, чем больше приходилось ему подавлять сопротивление внутри страны, особенно в армии.

Моральная поддержка, оказываемая негусу Англией, вызывала в Риме резкое недовольство. Что же касается Франции, то ее упрекали за «слишком строгий» контроль, осуществляемый при перевозке оружия в Джибути. В заявлении, сделанном нашему представителю заместителем начальника Европейского управления министерства иностранных дел Италии, говорилось: «Незаинтересованность Франции в Эфиопии является ключом африканских соглашений от 7 января, и только эта незаинтересованность позволила Муссолини убедить итальянские колониальные круги принять эти соглашения». За Францией следят, Германии угрожают. Между Государственным секретариатом по делам печати и посольством рейха установился постоянный контакт. Г-н Хассел укреплял свои позиции, и это беспокоило представителей Советской России.

Из секретных и достоверных источников мы узнали, что Титулеску благосклонно относится к франко-советскому пакту и стремится способствовать его эвентуальному применению.

Четверг, 13 июня. В 9 часов 55 минут я явился на заседание совета министров. Еще до начала заседания я занял свое место, чтобы привести в порядок кое-какие бумаги. Маркомб с улыбкой подошел ко мне: «Мне необходимо встретиться с вами, чтобы поговорить о делах моего министерства. Вы не возражаете, если мы это сделаем на будущей неделе?» Через три минуты нам сообщили, что ему стало плохо и вызван врач. Я нашел его лежащим на диване в первом салоне Елисейского дворца, справа от входа. По-видимому, он был уже мертв: не было ни пульса, ни дыхания. Два или три судорожных вздоха – вот и все. Прибежал Денэн; он был того же мнения, что и я. Пришли врачи. Затем появилась г-жа Маркомб, которая попросила прислать священника. Все было кончено.

14 июня. Заседание совета министров. Финансовое положение стало довольно серьезным. Обострился денежный кризис. Золотой запас Французского банка, который колебался между 82 и 83 миллиардами в начале года, упал к 1 июня до 71 779 миллионов; таким образом, за два месяца из Французского банка было изъято золота на 11 миллиардов. Довольно медленный вначале, этот процесс принял в конце мая поистине панический характер. Французский банк повысил учетный процент и ссудную ставку на слитки золота, которые повысились соответственно с 2,5 до 3,5 процента к 1 марта и до 6-7 процентов к 28 мая. 27 мая утечка золота достигла 1223 миллионов франков.

Конечно, утечка золота не должна сама по себе рассматриваться как непременный показатель глубокого неблагополучия. Свободный обмен по золотому паритету

вызывает усиленное движение золота. Опасен не сам по себе этот факт, а те условия, в которых он проявляется; усиленная утечка золота свидетельствует о том, что вместо нормальной финансовой деятельности у нас налицо острый кризис, осложняемый спекуляцией, которая пытается повторить с нашим франком ту операцию, которую ей удалось проделать с бельгой. Перепуганные вкладчики бросились в кассы банков обменивать на золото банковские билеты и облигации. А ведь изъятие вкладов всегда нарастает, как снежный ком. Наш народ легко смешивает общественное богатство с кассовой наличностью Французского банка. Требования погашения бон, изъятие вкладов из сберегательных касс ставили казначейство в довольно тяжелое положение. К тому же казначейство задолжало 18 миллиардов, чтобы оказать помощь бюджету и покрыть чрезвычайные расходы, предусмотренные специальными законами (национальная оборона, борьба против кризиса в сельском хозяйстве, социальные мероприятия). Ни одно государство не может долго жить в условиях хронической задолженности. Наличие необходимых разрешений ничего не даст, если невозможно разместить займы. Следовательно, необходимо восстановить общественное доверие.

Дефицит бюджета составил в 1930/31 году – 2638 миллионов; в 1931/32 году – 5508 миллионов; в 1932 году – 6017 миллионов; в 1933 году – 7036 миллионов; в 1934 году – 6418 миллионов. В 1935 году опасаются еще более высокого дефицита. В первом квартале поступления от косвенных налогов были на 1 миллиард меньше предусмотренного уровня. После принятия финансового закона расходы увеличились. Бюджет 1935 года даст дефицит по меньшей мере в 7 миллиардов.

На заседании совета министров 14 июня министр финансов сообщил о наступлении некоторого успокоения.

Генеральный прокурор сообщил нам, что он не располагает никакими уликами против Далимье.

* * *

В области внешней политики нас беспокоили англогерманские морские переговоры. В памятной записке, переданной 7 июня нашему послу в Лондоне, британское правительство запросило мнение французского правительства относительно германских предложений о морском перевооружении рейха, которые британское правительство со своей стороны считает приемлемыми. Основные пункты проекта

соглашения были следующие: 1) Германия ограничится для своего флота 35 процентами британского флота и будет постоянно придерживаться этой цифры; 2) это соотношение будет в принципе касаться не общего тоннажа британского флота, а существующего тоннажа по различным категориям военных кораблей; 3) ограничение будет сохранено при любых обстоятельствах независимо, в частности, от военно-морского строительства, предпринимаемого третьими державами.

В ответе французского правительства от 17 июня указывалось, что последствия предусматриваемого соглашения не ограничатся морским вооружением; поэтому оно считает своим долгом сделать ряд серьезных возражений по поводу возможного заключения этого соглашения:

1. Основываясь на лондонских переговорах и на переговорах в Стрезе, а также на совместно выработанной в Женеве позиции, оно считает, что в вопросе о вооружениях ни одно из солидарно выступивших тогда правительств не должно вставать на путь одностороннего соглашения с Германией, предусматривающего пересмотр основных положений Версальского договора. Оно опасается, что попытка решения общей проблемы перевооружения рейха путем частичного урегулирования может привести к тому, что постепенно, без всякой компенсации будут удовлетворены все германские требования. Оно, в частности, напоминает, что еще не известно, можно ли будет заключить разумное соглашение в области военной авиации, а также откажется ли рейх от своих планов увеличения численности сухопутных войск, отражающих его намерение обеспечить себе военное превосходство на континенте. Для соседей Германии на континенте проблема вооружения является единым целым. Кроме того, эта проблема тесно связана с политическими условиями, указанными в лондонском коммюнике от 3 февраля 1935 года в качестве основы общего урегулирования. За истекшее с тех пор время в деле организации взаимопомощи не было достигнуто никакого прогресса, который мог бы в какой-то степени уменьшить опасность, связанную с существенным изменением равновесия военных сил.

2. При определении уровня своего флота правительство республики никогда не исходило из относительной мощи военно-морских сил Великобритании. Оно исходило из географических условий, из необходимости обеспечения безопасности французской колониальной империи, а также из уровня германского флота. Принятие предложений рейха увеличило бы в четыре раза предусмотренные для него Версальским договором военно-морские силы, что вынудило бы Францию также

увеличить свой тоннаж. 3. Правительство республики уверено, что проекты Германии вызовут беспокойство держав Северного и Балтийского морей, а также Советского Союза, который в свою очередь увеличит свои военно-морские силы.

В тот же день, 17 июня, сэр Сэмюэль Хор принял нашего посла Корбена. До этого он встретился с фон Риббентропом и недвусмысленно заявил ему, что морское соглашение с Германией не изменит британской политики в отношении Франции. Если ведущиеся переговоры не приведут к положительному результату, это вызовет враждебное отношение к нам британского общественного мнения. В доказательство этого английский министр иностранных дел сослался на вопросы, которые были заданы ему в палате общин главой либеральной оппозиции сэром Робертом Сэмюэлем. В конечном итоге Англия по-прежнему ставит нам в вину ноту от 17 апреля 1934 года.

Вторник, 18 июня. Заседание совета министров. Лаваль зачитал нам посланную им ноту. Я указал, что Англия порвала не только с соглашением, заключенным в Стрезе, и с соглашением от 3 февраля 1935 года, но и с политикой Лиги наций. Она взяла на себя серьезную ответственность. В тот же день, 18 июня, в Лондоне было подписано морское соглашение путем обмена письмами между министром иностранных дел сэром Сэмюэлем Хором и главой германской делегации, главным представителем фюрера по вопросам вооружений фон Риббентропом. Англия действовала за нашей спиной; это было ее ответом на ноту от 17 апреля.

По сообщению военного министра, официально численность германской армии составляла минимум 550 тысяч человек.

19 июня. Лионская секция Лиги прав человека снова заявила о моем исключении. В своем ответе я резко подчеркнул, что не намерен отдавать ей отчет в своей политической деятельности. Политические страсти явно разгораются. Алжирские радикалы сообщили мне телеграммой и письмом о серьезных инцидентах, происшедших 7 июня; «Огненные кресты» добились для проведения своей демонстрации специальных поездов; полковник де ла Рокк произвел смотр своих формирований; состоялся настоящий военный парад, а республиканцы, собравшиеся для выражения мирного протеста против фашизма, были разогнаны полицией.

20 июня. Трудно переоценить всю важность последствий англо-германского морского соглашения. Лондон хорошо отдавал себе в этом отчет. По всему было видно, что Германия начинала ставить вопрос о колониях (Камерун, покупка у Португалии Анголы, переуступка Маршалловых островов). Самым

существенным является то, что Англия не предупредила нас о своем решении; успех ее состоит в том, что она добилась зависимости германского тоннажа от английского тоннажа, но это отказ от политики 3 февраля и от политики Стрезы; это первое соглашение по вопросам вооружений, которого удалось добиться Германии; это триумф политики силы и совершившегося факта. Я часто защищал Англию; на этот раз я ее полностью осуждаю. К тому же осложнилась обстановка на Дальнем Востоке.

Пятница, 21 июня. Заседание совета министров. Лаваль зачитал нам свою ноту Германии по вопросу Локарно. Ефтич подал в отставку. Берлин с полным основанием торжествует по поводу заключения морского соглашения. Я вновь настаивал на необходимости сообщить Идену о том, что мы не одобряем образ действий английского правительства.

Активизация фашистских лиг все больше и больше беспокоила моих левых друзей, и я разделял их чувства. Я исключительно резко выступил против «Огненных крестов», осуждая терпимость, которую проявляют по отношению к ним наряду со строгостью в отношении левых деятелей. Мне возразил Паганон; подозреваю, что все это тайны сераля. Я возражал против запрещения демонстрации у Пантеона в честь Виктора Гюго. Я доказывал изо всех сил, что партию радикалов толкают к Общему фронту; показательным является вчерашнее голосование радикалов по заявлениям Лаваля (44 за, 83 против). Блезо зубоскалил. Бертран и Бонне поддерживали меня, если не на словах, то по крайней мере своим поведением. Фроссар, видимо, хотел высмеять меня; он заявил Бертрану: «Остается только закрыть заседание под возгласы «Да здравствует республика!» Эти господа, ныне раскаявшиеся бывшие коммунисты или социалисты, не очень-то жалуют рассудительных, но последовательных демократов. Я выступил с протестом против терпимости, проявляемой по отношению к «Огненным крестам», которые организовали военный парад в Алжире, а также против того, что во время праздника Жанны д'Арк правительство подчинилось угрозам молодчиков из «Аксьон франсез». Бедная Жанна! Теперь от ее имени выступают уже роялисты и клерикалы. Это абсурдно и возмутительно, но факт остается фактом.

Политическая неразбериха все возрастала. Лионская секция Лиги прав человека, моя малая местная инквизиция, вновь возобновила дело о моем исключении, в то время как «Попюлер» комментировала мои заявления в совете министров, содержание которых она узнала помимо меня. Лихорадка усиливалась. Как отметил Альбер Мило, партию радикалов раздирали на части.

25 июня. Заседание совета министров. Лаваль информировал нас о своих переговорах с Иденом. Повторив наши возражения по поводу существа, метода и формы подписания англо-германского морского соглашения, он отклонил настойчивые предложения Идена начать в ближайшее время переговоры между французскими и английскими военно-морскими экспертами. И действительно, общественное мнение расценило бы эти переговоры как окончательное признание соглашения, заключенного за нашей спиной. Великобритания еще больше затруднила дело общего урегулирования всех стоящих перед нами проблем. Лаваль сделал ряд оговорок относительно переговоров и немедленного заключения военно-воздушного пакта, расценивая его как средство нажима во время дискуссии о наземных вооружениях. К тому же Иден должен совершить поездку в Рим и надеется получить там конкретные предложения. Париж попросил Москву занять сходную с нами позицию, так как мы защищаем идею неделимого мира. С другой стороны, Лаваль заявил протест по поводу отказа британского эксперта Крейги сообщить нам программу военно-морского строительства рейха. Муссолини заявил о своем согласии с нами, но у меня создалось впечатление (как я отметил это тогда же в своих записках), что он прежде всего согласен с Германией, поддержка которой ему нужна для эфиопского дела. Фон Нейрат повысил тон; о Дунайском пакте он~ сказал: «Это заснувшая собака, которую не следует будить».

26 июня я был в Оксфорде, где местный университет присвоил мне звание *доктора гражданского права honoris causa.* Я говорил моим английским друзьям о необходимости преодолеть возникшие между нашими странами недоразумения, вызывающие тревогу. Церемония проходила в полном соответствии с установившейся традицией; меня принимали исключительно любезно. 30 июня в Фонвьей состоялся несколько сумбурный, но сердечный провансальский праздник в честь Альфонса Доде. Леон не приехал; но его брат и мать с настоящей французской любезностью попросили меня выступить с речью.

В ночь с 29-го на 30 июня палаты были распущены на каникулы.

2 июля. Заседание, совета министров. По просьбе англичан германское министерство военно-морского флота сообщило нам программу своего военно-морского строительства. Оно уже приступило или приступит в 1935 году к строительству следующих военных кораблей: 1) двух линкоров водоизмещением 26 тысяч тонн с орудиями калибром 28 см; 2) двух крейсеров водоизмещением 10 тысяч тонн с орудиями калибром 20 см; 3)

шестнадцати контрминоносцев водоизмещением 1625 тонн с орудиями калибром 12,7 см; 4) а) двадцати подводных лодок водоизмещением 250 тонн, первая из которых недавно вошла в строй; б) шести подводных лодок водоизмещением 500 тонн; в) двух подводных лодок водоизмещением 750 тонн; 5) различных мелких судов *(exempt ships)*. Эти сведения будут переданы другим державам – участницам Вашингтонских соглашений (Америке, Италии, Японии). Дипломатическая переписка, переговоры Корбена с Крейги доказывают, по мнению Лаваля, что англичане скрыли от нас свои переговоры с немцами и что в ходе переговоров немцы становились все более и более требовательными.

Ренье и Мопуаль представили нам свои декреты. Все это в тот момент выглядело довольно мелко; были назначены комиссии и подкомиссии. У меня даже создалось впечатление, что некоторые предложенные меры, как, например, пересмотр пенсий и система взаимопомощи, потребуют увеличения расходов.

В среду, 3 июля, состоялось весьма важное заседание Исполнительного комитета партии радикалов. В печати разгорелась по этому поводу большая полемика; несмотря на мои опровержения, было опубликовано много фантастической информации. Зал был переполнен. Радикалы были очень многочисленны и весьма экспансивно настроены. Произошел явный сдвиг влево. Мое двойственное положение председателя партии и члена правительства становилось невозможным. Я уточнил свою позицию в следующем заявлении:

> «Вы не ждете от меня в этот вечер подробного описания политических событий, происшедших после нашего последнего собрания. Вам они известны, и вы даже были их непосредственными участниками. Во время последних правительственных кризисов партия в лице своих представителей регулярно созывалась; она следила за всеми нашими действиями, за всеми нашими дискуссиями. И если наши решения, что совершенно естественно, не принимались единогласно, то никто не может отрицать, что процедура, которой мы следовали, была безупречно правильной. Мы руководствовались в своей деятельности решениями партии. И в соответствии с этими решениями некоторые из ваших представителей входят в правительство; как и прежде, они могут заявить, что действовали согласно наказу своей партии.
>
> Серьезность финансового положения, утечка золота,

достигшая за два месяца 11 миллиардов, спекуляция, которая после белый посягала на наш франк, другие симптомы, о которых я не хочу даже упоминать, сделали необходимым принятие этих мудрых решений. Финансовая проблема продолжает оставаться в центре нашего внимания. Я также серьезно обеспокоен зависимостью политики от экономики, опасностью, которую представляет зависимость казначейства, в том что касается краткосрочных бон, в то самое время, когда оно призвано заботиться не только о непосредственных нуждах государства, но и о всякого рода дополнительных нуждах. У меня всегда стоит перед глазами ряд цифр: дефицит бюджета 1935 года равен 7 миллиардам; с 1930 года по сегодняшний день государственный долг увеличился с 269 до 319 миллиардов. Оздоровление государственных финансов является в настоящее время, по моему мнению, самой насущной необходимостью не только с финансовой, но и с политической точки зрения. Нельзя бороться против кредиторов, которые нужны нам каждый день и каждый час. Сбалансировать бюджет – это лучшая услуга, которую можно оказать республике, чтобы обеспечить ей полную свободу в принятии своих решений и в определении своей судьбы. Во всяком случае, это является моим убеждением, и все последние годы я неустанно стремился сделать это убеждением моей партии и всего критически мыслящего общества. Бельгийский опыт доказал, что девальвация не устраняет сама по себе необходимости соблюдать экономию. И именно по этим причинам некоторые из нас решили следовать политике экономии, рискуя подвергнуться многочисленным нападкам и несправедливым обвинениям. Но я помню слова Эмиля Комба[187]: «Пусть погибнет мое имя, лишь бы жили Франция и Республика».

Самое меньшее, чего следует пожелать, это чтобы оздоровление финансов и не менее необходимое оздоровление экономики могло протекать в спокойной обстановке. Недавно в Англии я был свидетелем замечательного подъема, которого может добиться народ в течение нескольких месяцев благодаря добровольной дисциплине. Следовательно, дело, которое мы начали, является осуществимым.

К сожалению, слишком многие стремятся увеличить и без того уже вызывающий тревогу беспорядок. Кое-кто старается даже

использовать возникшие трудности, перед лицом которых следовало бы объединиться всем честным французам, для посягательств на республику и на ее институты. Наша партия снова поднялась против этих попыток. Республика – неизменный строй Франции, и мы не позволим посягать на нее. Мы не можем ни допустить, ни понять некоторых приготовлений к насилию; нам непонятно, как могут некоторые французы, которые заявляют о своей преданности национальным интересам, говорить о своем намерении переоборудовать гражданские самолеты в военные, чтобы использовать их против своих соотечественников, и о создании отрядов сестер милосердия для ухода за ранеными во время гражданской войны, как об этом свидетельствуют некоторые документы. Мы не хотим гражданской войны, как и войны вообще, мы не хотим никакого насилия, от кого бы оно ни исходило. Мы хотим свободы мнений и собраний для всех, согласно законам государства. Но представительное и ответственное правительство республики должно обеспечивать порядок, разрешать трудности, заботиться о безопасности каждого гражданина. Мне хочется верить, что республиканцы, даже умеренные, так же как и мы, возмущены имитацией (чтобы не сказать больше) грозного и торжественного акта мобилизации, ибо право обращаться с призывом к своим сынам может принадлежать только находящейся в опасности родине.

Эти угрозы не только вызвали беспокойство; они пробудили республиканскую энергию всех демократических масс страны. Крайне левые партии осознали, что республиканская свобода является непременным условием всех других свобод (в том числе свободы мысли) и всего прогресса. Мы можем лишь поздравить себя с тем проявлением преданности строю, которое будет продемонстрировано 14 июля в районе площади Бастилии[188]. Всякому свободомыслящему человеку будет интересно отметить, что порою против республики выступают те, кто извлекает из нее наибольшую выгоду, в то время как защищают ее люди, на долю которых выпали сейчас наибольшие страдания.

Однако я категорически настаиваю на том, чтобы в этом сплочении сил, решивших защищать республику, партия радикалов и радикал-социалистов сохранила свою индивидуальность, свое лицо. Вы знаете, я всегда думал и говорил, и продолжаю думать и говорить, что для защиты страны и ее институтов нужна сильная и независимая партия радикалов и радикал-социалистов, не допускающая никаких компромиссов с врагами строя, враждебная любой диктатуре, не берущая на себя обязательств, которые она не может выполнить, стремящаяся сохранить, в такой же степени, как и другие партии, свою

независимость. Как на нашем левом, так и на нашем правом фланге мы не отвергаем никого, кто захочет встать на защиту республики. Я со своей стороны готов бороться за нее, но только под ее трехцветным знаменем».

В заключение я заявил, что в связи с окончанием срока действия моего мандата председателя партии я хотел бы снова стать ее рядовым членом. Я отдавал себе отчет в том, что занимаемая мною позиция подвергается нападкам с различных сторон. К тому же я был серьезно обеспокоен. Бек прибыл в Берлин с первым официальным визитом; внутри страны велся подкоп под республику, на внешнеполитической арене – под Францию. А председатель совета министров занимался созданием комитета по изучению финансового управления департаментов и коммун.

9 июля. Заседание совета министров. Осложнилось дело с Абиссинией. Великобритания по-прежнему резко настроена против Италии, но часть ее прессы бьет отбой. Соединенные Штаты отказались вмешаться. Отношение Германии к Восточному пакту было по-прежнему враждебным. Она упрекала Чехословакию в том, что та стала «авианосцем России». Поездка Бека как будто подтверждает установление хороших отношений между Польшей и Германией.

Ренье представил два декрета о реорганизации министерств.

Фабри просил и добился ассигнования 600 миллионов на военные расходы.

Четверг, 11 июля 1935 года. Венское правительство возвратило личную собственность бывшей императорской семье и разрешило ей проживать в Австрии; Малая Антанта заявила против этого решения энергичный протест.. Отмена запрещения на проживание касается лишь эрцгерцогов. Отто и Зита не получат разрешения на въезд. Трудно должным образом оценить эти меры: для одних – это шаг к реставрации, для других – простое урегулирование. Малая Антанта предпочитает реставрации аншлюс, заявляя, что «Габсбурги – это война».

Визит посла Потемкина. Он просил ускорить, насколько это возможно, ратификацию франко-советского соглашения и сообщил о прибытии Мурадзяна для ведения экономических переговоров.

Придя к Лавалю после беседы с Фроссаром и Бонне, которые выражали беспокойство по поводу политической ситуации и чрезвычайных декретов, я заявил ему, что не смогу согласиться с его проектами, если они не обеспечат равенства жертв со стороны всех французов и если мероприятия по дефляции в фискальной области не будут сопровождаться мерами экономической

дефляции. «Француз, – заявил я ему, – более чувствителен к равенству, чем к справедливости». Я предложил, например, увеличить налог на доходы с капитала. Что касается метода нашей работы, то я предложил, чтобы заседания совета кабинета проводились до заседаний совета министров. Он согласился со мной.

Обедал вместе с Леоном Блюмом, который очень озабочен возможностью создания в ноябре крайне левого правительства. Он выразил сожаление в связи с моим намерением оставить пост председателя партии радикалов; его беспокоила возможность образования скороспелого, лишенного будущего политического формирования. Отдает ли он себе отчет в том, что кампания, ведущаяся на страницах «Попюлер», крайне затрудняет и делает невыносимым мое положение?

Празднование 14 июля 1935 года в Париже и в Лионе стало важной датой. В Лионе мне стоило больших трудов убедить радикалов не участвовать в шествии, организованном Общим фронтом. Несмотря на мое желание сохранить за нашей партией роль республиканского посредника, некоторые радикалы присоединились к этому шествию. Демонстрация радикалов перед памятником Республики во второй половине дня прошла несколько сумбурно и нарушалась криками коммунистов. В Париже демонстрация Народного фронта имела больший успех, чем об этом сообщалось в печати. Это была преимущественно коммунистическая демонстрация, в которой роль социалистов, как мне кажется, была весьма незначительной. Толпа требовала поставить у власти Даладье.

16 июля 1935 года. 10 часов. Первое заседание совета кабинета. В этой обстановке всеобщей сумятицы нам нужно было приступать к восстановлению финансового равновесия в стране. Ренье сделал обзор положения; он сообщил об увеличении долга и объяснил наличие дефицита проводившейся ранее политикой уступок, а также экономическим кризисом. Нужно сбалансировать расходы и поступления или же пойти на девальвацию, что, впрочем, не устранит необходимости проводить политику экономии. Перед девальвацией фунта стерлингов Англия заставила своих налогоплательщиков пойти на жертвы, достигающие суммы в 20 миллиардов. Бельгия, проведя девальвацию, вынуждена была прибегать к экономии. В настоящее время мы сводим концы с концами только благодаря помощи, которую нам оказывают в надежде на оздоровление финансов; мы почти исчерпали возможность дальнейшего размещения облигаций. В этом году сверх бюджетных поступлений необходимо изыскать 20 миллиардов. Громадное

усилие уже было сделано; оно дает свои результаты, но этого пока недостаточно.

Чтобы окончательно добиться сбалансированного бюджета, нужно ограничить ассигнования на некоторые социальные нужды[189], прекратить рост расходов, привести бюджет в соответствие с уменьшившимся в результате кризиса национальным богатством Франции, не допустить объединения неоплаченных кредиторов с неплатежеспособными должниками, снизить процентную ставку. Следовательно, мы должны с болью в сердце просить французов пойти на жертвы ради собственного спасения. Логически эти жертвы не так велики: заработная плата была установлена в 1930 году, исходя из индекса 600; в настоящее же время этот индекс равен примерно 500. Стоимость жизни уменьшилась на 17 процентов в Париже и на 20 процентов в провинции. При этом мы постараемся, чтобы эти жертвы охватывали возможно более широкий круг лиц, ведя борьбу против мошенничества и подлогов, увеличив налоги на процентные бумаги (24-процентный налог на ценные бумаги на предъявителя, 17-процентный – на именные бумаги). Доходы, превышающие 100 тысяч франков, будут обложены дополнительным налогом. Бюджеты департаментов и коммун будут урезаны. Мы изучим вопрос о концессиях. По словам Ренье, бюджет Парижа и Марселя находится в плачевном состоянии.

Председатель совета министров поддержал предложения и выводы министра финансов.

Принятие декрета № 4, согласно которому Государственному управлению по делам инвалидов предоставлялась половина средств, сэкономленных при пересмотре пенсий, и декрета № 6 о департаментах и коммунах было отложено. Были приняты декрет № 7 об увеличении сроков продвижения по службе, декрет № 8, отменяющий квартирные деньги; декрет № 9, касающийся Эльзаса и Лотарингии, а также декреты № 10 и 11 (о совмещении пенсии за выслугу лет и реверсионной пенсии (pension de reversion)[190]).

Во время всего обсуждения Лаваль вел себя весьма гибко. Мопуаль высказал ряд возражений относительно бывших фронтовиков. Декрет № 12 о резервировании должностей решили изучить позже; никаких затруднений не вызвал декрет № 13, отменявший одновременную выплату пособия на содержание семьи и надбавки к пенсии на детей, установленной законом от 31 марта 1919 года (50 миллионов экономии); так же обстояло дело с декретами № 14, 15, 16 и 17 (особый контроль над доходами свыше 80 тысяч франков). Принятие декрета № 18 (упразднение ряда льгот на прямые подоходные налоги) было

отложено; что касается декрета № 19, устанавливавшего специальный налог на доходы предприятий, работающих на национальную оборону, то текст его был так плохо подготовлен военным министром, что мне было поручено упростить его. Декретом № 20 налог на доход от процентных бумаг на предъявителя был повышен до 24 процентов. Декрет № 21 устанавливал именную форму для четырехпроцентной ренты 1925 года. Я отклонил проект, предусматривавший сокращение на 600 миллионов налоговых поступлений с железных дорог. Прения продолжались весь день, обсуждение шло медленно, но тщательно и в дружеской обстановке. Вот к чему нас привела пресловутая политика уступок!

Леон Берар внес два проекта о квартирной плате. Один из них предоставляет всем главным квартиросъемщикам и лицам, снимающим часть помещения у главных нанимателей, право на немедленное расторжение договора; второй в качестве чрезвычайной и временной меры уменьшает на 10 процентов размер квартирной платы. В 19 часов приступили к обсуждению большого декрета № 22 о сокращении на 10 процентов расходов на социальные мероприятия. Фроссар и я просили освободить от налогов чиновников, получающих меньше 10 тысяч франков. Марэн предлагал распространить эту льготу на престарелых. Ренье возражал. Было решено отложить принятие решения до окончания обсуждения вопроса о пенсиях.

Покончив с рядом менее важных декретов, в 9 часов вечера перешли к обсуждению статута бывших фронтовиков. Мопуаль изложил свою точку зрения с добродушной прямотой, но и с большой настойчивостью. Был урегулирован вопрос о чиновниках, получающих менее 10 тысяч франков (3 процента с тех, кто получает менее 8 тысяч, и 5 процентов с тех, кто получает от 8 до 10 тысяч). Я добился принятия предложения о повышении на 15 процентов налога с тотализатора. Эйнак предложил понизить плату за электричество. Фроссар просил, чтобы эта массовая дефляция не использовалась для снижения заработной платы. Заседание закончилось в 12 часов ночи, после того как Лаваль зачитал подробное изложение мотивов. В течение всего Дня бедные французы находились на операционном столе. Но и министрам пришлось нелегко!

Состоявшееся затем заседание совета министров было посвящено подписанию декретов, которые были опубликованы в «Журналь оффисьель» 17 июля 1935 года. Общий доклад президенту республики об этих чрезвычайных декретах заканчивался следующим образом: «Такова совокупность мер, которые в решительный для страны час правительство сочло

своим долгом принять и провести в жизнь. Оно повторяет, что оно отдает себе отчет в суровости и порою слишком тяжелом характере принятых постановлений. Оно не считает, следовательно, что эта программа не дает оснований к критике ее отдельных положений, но оно убеждено в ее общей эффективности. Люди, стоящие сегодня у власти, не стремились взять на себя эту тяжелую ответственность. Их заставила необходимость, и они не отступят перед ней.

Правительство хочет уберечь страну от финансового и валютного кризиса, последствия которого скажутся не на спекулянтах, а на основной массе вкладчиков и трудящихся. Не часто правительству приходится просить страну оказать ему доверие, призывая ее к подобному усилению дисциплины. Это доверие не будет обмануто. История доказала, что наша страна всегда шла за тем, кто имел мужество сказать правду и призвать французов сплотиться в едином порыве, чтобы спасти достояние, свободу и достоинство нации».

17 июля состоялось заседание совета в составе нескольких министров для окончательной доработки декрета о коммунах.

II. Эфиопский вопрос (17 июля – 3 октября 1935 года)

19 июля 1935 года. В Женеве состоялся съезд Объединения интеллигентов.

21 июля. Из-за болезни я не смог выехать в Карпантра, где Даладье произнес речь о присоединении партии к Общему фронту.

25 июля. Заседание совета министров. Чрезвычайные декреты были встречены не слишком плохо. Если бы не трудности с голландскими флоринами, биржа могла бы отметить повышение деловой активности. Лаваль поставил вопрос о принятии других мер и, в частности, о так называемых *моральных декретах.* Я настаивал на необходимости продолжать начатое дело, принимая: 1) уравнительные меры (например, обложение тантьем членов административных советов акционерных обществ); 2) меры экономической дефляции; 3) позитивные меры защиты интересов вкладчиков, изменив в случае надобности закон об акционерных обществах. Бонне в свою очередь заявил о необходимости экономической дефляции; он хотел бы, чтобы компаниям была предоставлена возможность рассчитаться по слишком обременительным займам путем предоставления им капиталов, необходимых для конверсии. Ренье заметил, что он понизил учетный процент Французского банка. Лаваль отмечал

помощь, которую нам оказывает управляющий Французским банком. Я предложил лучше информировать общественное мнение о наших усилиях; оно должно знать, что бюджет в целом снизился с 51 миллиарда в 1932 году до 36 миллиардов в 1935 году.

Правительство решило применить в качестве максимальной санкции против демонстрантов на площади Оперы удержание четырехдневной заработной платы. Из 15 тысяч демонстрантов было арестовано примерно 1500 человек. Это также составляет 10 процентов!

Затем Лаваль сделал сообщение об Эфиопском вопросе. Франция обязана учитывать интересы как Англии, так и Италии, а также интересы Лиги наций; Муссолини отклонил все сделанные ему предложения с просьбой изложить свои претензии. 18 июля Лаваль дал следующие инструкции нашему послу в Италии: 1) французское правительство, как и британское, не имеет достаточных аргументов, которые могли бы убедить правительство Эфиопии принять примирительно-арбитражную процедуру. Положение изменится, если итальянское правительство уполномочит нас сообщить Аддис-Абебе, что в том случае, если не будет достигнуто соглашения между четырьмя арбитрами, будет несомненно назначен пятый арбитр; 2) при нынешнем положении вещей в соответствии со второй резолюцией от 24 мая необходимо созвать заседание Совета; дата заседания не установлена, но оно должно состояться не позже 25 июля. Генеральный секретарь Лиги наций считает, что Совет совершенно не компетентен назначать пятого арбитра. Итальянское правительство могло бы, следовательно, счесть выгодным для себя заявить Совету Лиги наций, что затруднение, возникшее в Гааге, является следствием различного толкования полномочий комиссии, и попросить Совет дать свое толкование имеющегося соглашения. Если это предложение не будет принято, то Совет будет вынужден поставить вопрос по существу на основании статьи 15, на которую уже ссылается Эфиопия. Итальянскому правительству указывалось также на опасность, которую может повлечь для него отказ от участия в заседании Совета.

19 июля Лаваль послал нашему послу в Италии новые инструкции, которые он конфиденциально сообщил нашему послу в Англии. Муссолини положительно отзывается о лояльной и дружественной позиции Франции, о ее верности декларации от 7 января 1935 года. «Но, – писал Лаваль, – наше отношение к Италии обязывает нас дать понять Риму, что мы не можем ни поощрять, ни поддерживать действия, несовместимые с

принципами, записанными в Уставе Лиги наций. *Вся европейская политика Франции тесно связана с Лигой наций; именно на базе Лиги наций были заключены Локарнские соглашения, являющиеся основным фактором французской безопасности и в рамках которых были заключены конвенции, которые связывают нас с нашими друзьями в Центральной Европе, и, наконец, лишь в Лиге наций стало возможным установление франко-британского сотрудничества.*

Следовательно, разрыв Италии с Женевской организацией создал бы самые серьезные препятствия на пути нашей совместной политики, явился бы причиной возникновения напряженной обстановки в Центральной Европе, которую могла бы попытаться использовать Германия, и мог бы положить начало серьезнейшим осложнениям».

Я был полностью согласен с Лавалем относительно этих заявлений. В своей телеграмме от 19 июля он напоминал, что, не отступая от этих принципов, сделал все возможное, чтобы помочь Италии. Лаваль хотел бы добиться назначения пятого арбитра и убедить Муссолини умерить свои требования.

30 июля. Заседание совета министров. Итальянский вопрос по-прежнему находится в центре нашего внимания. Италия с трудом согласилась прислать в Женеву своего представителя; она желала обсуждать лишь Уал-Уальский инцидент в соответствии с резолюцией, принятой 24 мая Лигой наций. Лаваль намерен оставаться в намеченных им процедурных рамках; у него создается впечатление, заявил он нам, что он теряет время и что Муссолини хочет войны. Как сообщают, Абиссиния якобы закупила у Японии 10 миллионов патронов. Английское правительство будто бы разрешило провоз оружия через Сомали.

Так как срок, предусмотренный резолюцией от 24 мая, истек, то Совет Лиги наций снова должен рассматривать этот вопрос. Среди малых держав наметилась тенденция перенести урегулирование этого вопроса в Совет Ассамблеи. Итальянское правительство поднимает бесконечные процедурные вопросы.

Англия заявила о своей готовности заключить с нами двусторонний воздушный пакт.

В прошлое воскресенье в Клермон-Ферране состоялись неудачные для партии радикалов выборы депутата вместо умершего Маркомба. Движение в поддержку Народного фронта усилилось.

Ренье сообщил, что последний урожай винограда дал 90 миллионов гекталитров вина, в то время как потребление внутри страны составляет 77 миллионов. В связи с этим государство приняло ряд ограничительных мер, которые, во всяком случае,

показывают, в какой степени частные интересы превалируют над идеями, когда навязывается плановое хозяйство. Теперь речь идет о том, чтобы вырвать кусты на площади в 200 тысяч гектаров и увеличить перегонку винограда на спирт. Финансирование проекта обеспечивается реформой и расширением государственной винно-водочной монополии. Только государство будет закупать спирт и перепродавать его промышленникам, причем по более высокой цене, чем они платят сейчас. Виноделы юга снова навязывали нам свой закон. Я пытался убедить своих коллег, что это приведет к повышению цен на вино в то самое время, когда мы сообщаем о дефляции цен. Ренье зачитал очень сложный декрет; по моему мнению, было бы проще перечислить то, что осталось разрешенным, чем все то, что запрещено.

Подготовляется военное соглашение между Венгрией и Германией.

8 августа 1935 года. Заседание Совета кабинета. Лаваль представил нам новую серию декретов. За последние дни усилилось движение против финансовых мероприятий; серьезные инциденты произошли в Тулоне и особенно в Бресте; становилось очевидным, что Народный фронт расширяется.

Берар представил свои законопроекты о «демаршах» и об изменении закона об акционерных обществах. Ренье предложил целую серию декретов. Декреты Фроссара показались мне очень удачными. В 18 часов 10 минут нам сообщили о захвате Тулонского почтамта. По моему настоянию было принято решение об обеспечении почтовой связи при помощи авиации и о замене телеграфной связи радиосвязью.

В 19 часов состоялось заседание совета министров для подписания декретов, которые были 9 августа опубликованы в «Журналь оффисьель». Лаваль поставил нас в известность о трудностях, с которыми ему пришлось столкнуться в Женеве в связи с итало-абиссинским вопросом. У него довольно мало надежды на мирное урегулирование этого дела. Его план состоит в сохранении нашей дружбы с Италией и в еще большей степени – наших связей с Англией и нашей верности Лиге наций. Его рассказ был очень прост и, по-видимому, вполне правилен.

Учетный процент снизился до 3 процентов, ссуды под ценные бумаги – до 4 процентов, ссуды под боны казначейства – до 3,5 процентов. В течение второй половины августа движение против чрезвычайных декретов несколько утихло. На заседании Генерального совета департамента Роны я добился голосования резолюции, требующей разоружения мятежных лиг; несмотря на предложение префекта предварительно обсудить, следует ли рассматривать данный вопрос на этом заседании, резолюция была

принята. Бонневе с нескрываемым удовлетворением голосовал вместе с представителями левых партий.

28 августа. Заседание совета министров. Я был назначен делегатом в Женеву; но я заявил, что если мне придется заниматься итало-абиссинским вопросом, я буду действовать в соответствии со своими убеждениями. Лаваль согласился; он дал пояснения к франко-итало-английскому проекту об установлении мандата над Эфиопией, который стал теперь франко-английским проектом, призванным заменить договор 1906 года[191], при соблюдении принципа независимости Эфиопии. Алоизи[192] не принял этого проекта; кроме того, не было проведено консультации с Эфиопией. Алоизи представил другие предложения, обеспечивающие политическое господство Италии. Англия согласна на уступку Эфиопией Огадена при условии передачи ей порта Зейла. *Муссолини утверждал, что договоры гарантируют целостность Абиссинии, а не ее независимость.* Следовало бы пересмотреть итало-английские переговоры 1891-1894 и 1902-1903 годов, трехсторонний договор 1906 года, а также англо-итальянское соглашение 1925 года.

Лаваль заявил, что в Риме он лишь признал экономическую незаинтересованность Франции; в письме, которое он нам зачитал, действительно говорится только об интерпретации декабрьского соглашения 1906 года в экономическом плане. В ходе последних переговоров Лаваль подчеркнул, что в политических вопросах он намерен придерживаться решений Лиги наций. *В этом суть конфликта: Англия и Франция согласны на экономические решения; Италия же хочет политических решений.* Возражая против этих притязаний, Англия ссылается, в частности, на статью 10 Устава Лиги наций. Муссолини отклонил все предложения трехсторонней конференции; по его признанию, он намерен уничтожить военные силы Абиссинии, насчитывающие 450 тысяч человек; для него неприемлемы «туманные формулировки в духе Лиги наций»; он послал в Африку 200 тысяч солдат, затратив на это 2 миллиарда лир. Он отказался от проведения каких бы то ни было переговоров до Женевы. Иден заявил, что он не видит никакой возможности прийти к соглашению по этому вопросу. Италия согласилась участвовать в работе Ассамблеи Лиги наций и готовится к выступлению в защиту своей позиции. Чувствовалось, что Лаваль относился к Абиссинии со скрытой враждебностью и сожалел о ее принятии в Лигу наций; он полагал, что Англия не потребует на Ассамблее применения санкций, а выступит за коллективные действия. «Британская мощь больше не существует», – заявил Лаваль. Он намерен был еще раз воздействовать на Англию с тем,

чтобы она «умерила» свои требования; он уверен, что в случае применения санкций Италия нападет на Англию.

Итак, карты раскрыты. Я категорически изложил свою точку зрения: «Да, необходимы переговоры до конца, да, следует воздерживаться от резких санкций. Но если наступит такой момент, когда придется выбирать между Великобританией и Муссолини, я не стану колебаться и десяти секунд: я пойду вместе с Великобританией. Я не хочу отрекаться от Лиги наций, являющейся оплотом нашей безопасности». Я подчеркнул свою верность доктрине, кратко сформулированной в телеграмме Лаваля от 19 июля. Фабри выразил свои проитальянские симпатии. «Я никогда не буду голосовать за санкции», – заявил Лаваль. – «Я никогда не отрекусь ни от Англии, ни от Лиги наций», – ответил я. Позиции определились. Ни разу еще мой конфликт с Лавалем не принимал столь острой формы.

Заявление, сделанное Лавалем на Совете Лиги наций, в какой-то степени успокоило меня:

> «Я хотел бы сделать краткое заявление в дополнение того, что сообщил вам господин Иден о наших переговорах: Франция по-прежнему горячо поддерживает усилия по примирению, предпринятые под эгидой Лиги наций; она по-прежнему убеждена, что мир можно еще обеспечить, действуя в соответствии с Уставом Лиги наций. Это означает, что при исполнении задачи, которая отныне возложена на Совет, он может полностью рассчитывать на сотрудничество представителя Франции.
>
> Я не хочу верить, что это последнее усилие будет напрасным и что невозможно добиться справедливого урегулирования, способного обеспечить удовлетворение законных требований Италии при уважении основных суверенных прав Эфиопии.
>
> Сейчас перед нами выступит наш итальянский коллега; я не сомневаюсь, что его претензии будут рассмотрены Советом самым тщательным образом. Я убежден, что представитель Итальянского королевства со своей стороны встретит предложения, которые могут быть ему сделаны, в духе самого широкого примирения.
>
> *Устав связывает нас всех.* Вы только что выслушали выступление представителя Соединенного Королевства,

> который заявил о верности своей страны принципу коллективной безопасности, выразителем которого является Лига наций. Подобное утверждение радует представителя Франции более чем кого бы то ни было. Я не хочу ссылаться на прошлое, но я вправе сказать, что ни одно правительство не защищало с таким рвением, как правительство Франции, этот принцип, на котором основаны все международные обязательства моей страны. Сейчас мир задает себе вопрос: сумеет ли женевский институт выдержать испытание, которое ему предстоит. Моя вера в будущее Лиги наций непоколебима. Скоро год как я имею честь представлять здесь правительство республики, и за все это время, преодолевая самые опасные затруднения, Совет с неизменным успехом справлялся со своей высокой и благородной миссией. Благодаря лояльному содействию Соединенного Королевства, Италии и других держав были урегулированы проблема Саара и венгро-югославский спор. Тесное, смелое и благородное сотрудничество всех представленных здесь ответственных правительств позволило нам устранить в ряде случаев угрозу войны.
>
> Я не собираюсь напоминать вам все, что Лига наций имеет в своем активе; чтобы укрепить наши надежды, достаточно и этого. Мы будем продолжать свои усилия. Мы исполним свой долг членов Лиги наций, не пренебрегая ничем ради достижения мирного разрешения рассматриваемого нами спора. *Все «мы заботимся о соблюдении обязательств Устава. Все мы полны решимости служить делу мира».*

Никогда еще «дух Лиги наций», повторяя, выражение Муссолини, не был воплощен в более ортодоксальной речи.

Неужели я ошибался относительно истинных намерений Пьера Лаваля?

8 сентября Лаваль телеграфировал французскому послу в Лондоне, предложив ему поставить перед британским правительством конкретный вопрос относительно готовности Англии выступить в духе немедленной и эффективной солидарности в случае нарушения Устава и применения силы в Европе. (Донесения французского посла в Лондоне, № 1634-1640). «Опасаясь неблагоприятного развития итало-эфиопского конфликта и военного выступления Италии, сэр

Сэмюэль Хор пришел к выводу, что в случае явной агрессии со стороны Италии необходимо, в силу статьи 16 Устава, прибегнуть к немедленным санкциям. Несомненно, с правовой точки зрения Устав в этом случае применим, поскольку Эфиопия является – правильно или неправильно – членом Лиги наций. Со своей стороны в своих вчерашних заявлениях я также подтвердил верность Франции принципам и процедуре Устава. Тем не менее, когда речь идет о государстве, занимающем в европейской политике такое большое место, как Италия, французское правительство считает своим долгом подумать о фактическом положении, которое могло бы возникнуть в случае применения санкций, иными словами, об осложнении и расширении вооруженного конфликта, который, в случае невозможности помешать его возникновению, напротив, надлежало бы ограничить в пространстве и времени».

Лаваль напоминал при этом, что до сих пор британское правительство уклонялось от принятия каких бы то ни было обязательств в рамках всеобщей системы взаимопомощи, в частности в 1930 году, во время морской конференции. «Английское правительство должно понять, – писал Пьер Лаваль, – что в настоящее время мы вправе задать себе вопрос, не могли ли измениться основные принципы британской политики в такой степени, чтобы гарантировать нам отныне в Европе, в любом случае и при аналогичных условиях, такое же эффективное выполнение своих обязательств, которого она требует сегодня. В связи с тем, что в декларации от 11 декабря 1932 года английское правительство провозгласило принцип отказа от применения силы в Европе, готово ли оно теперь уточнить, что во всех случаях, когда будет констатировано применение силы со стороны какого-либо европейского государства, члена или нечлена Лиги наций, Великобритания возьмет на себя обязательство немедленно и эффективно применить против такого государства все санкции, предусмотренные статьей 16? Вопрос этот может быть поставлен в еще более конкретной форме: если применение санкций было бы признано возможным и необходимым в случае с Италией и привело бы к расширению конфликта в Европе и Германия захотела бы воспользоваться этим обстоятельством для того, чтобы осуществить свои планы в Австрии, что будет делать Англия? Сочтет ли она себя обязанной гарантировать независимость Австрии, от чего она до сих пор отказывалась? Мне известно, что лондонское правительство не любит основывать свои обязательства на гипотезах. Однако рассматриваемая возможность слишком непосредственно связана

с нынешним кризисом, чтобы мы не имели права на точный ответ». Телеграмма от 8 сентября предлагала нашему послу поставить эти вопросы перед министром иностранных дел Англии в порядке информации, не связывая правительство Франции.

* * *

Я прибыл в Женеву 8 сентября вместе с Поль Бонкуром. По правде сказать, ознакомившись на заседании совета министров с взглядами Лаваля на итало-эфиопский конфликт, я принял это поручение не без некоторого беспокойства. Речь Лаваля в Совете Лиги наций, полностью отвечавшая принципам этой организации, явилась для меня приятной неожиданностью. Чем объяснить такую перемену? Я не осмеливаюсь думать, что этому способствовало мое выступление. По-видимому, в дело вмешались Кэ д'Орсе и Леже[193]. Вопреки моим опасениям Лаваль не рассорился с Англией. Он содействовал образованию Комиссии пяти, которая в настоящее время занимается разбором конфликта. По прибытии в Женеву я был проинформирован Леже; он почти не надеется на мирное урегулирование. Италия и Эфиопия занимают одинаково непримиримые позиции.

Понедельник, 9 сентября, ушел на всякого рода формальности и выборы. Я завтракал с Политисом[194], который с присущей ему прямотой резко выступает против претензий Италии. Председателем Ассамблеи был избран Бенеш. При выборах вице-председателей на первом месте оказалась Франция, получившая 46 голосов из 50 (Англия и Италия получили 41 голос). Это было явным доказательством влияния, которым пользуется наша страна. Россия оказалась забаллотированной; это произошло не в силу какого-то политического маневра, а потому, что выставленные ею неожиданные кандидатуры вызвали раскол голосов; постараемся уладить этот инцидент.

10-го утром вернулся Лаваль.

Я долго беседовал с Жезом[195] по поводу Эфиопии. Он сообщил мне, что уполномочен предложить ряд уступок, но что негус никогда не согласится на итальянский контроль в какой бы то ни было форме, так как иначе он будет дезавуирован своим народом и даже убит. Я подсказал ему следующую мысль: если негус отклонит предложения, которые будут ему сделаны, то, может быть, ему стоит самому выдвинуть идею всеобщего контроля со стороны Лиги наций, членом которой является Абиссиния. Я посоветовал также, чтобы в случае объявления войны Италией негус не ответил таким же объявлением. Жез

согласился изучить эти предложения, которые я и сам хотел обдумать. По его мнению, Италия сможет довольно легко завладеть пограничными районами Абиссинии, но не самой страной.

Сегодня произошла встреча между Хором и Лавалем. Вечером 9 сентября Иден сообщил мне, что Алоизи по-прежнему непримирим, но зато Англия и Франция приходят к согласию и Хор выступит с речью, которая должна понравиться французам.

В Бюро Ассамблеи с помощью Ван-Зееланда был урегулирован инцидент с Россией.

Среда, 11 сентября. Вчерашнее заседание Комитета пяти не дало никаких результатов. От имени Муссолини Алоизи продолжал отклонять все предложения. Лаваль познакомил меня с посланной им в Рим телеграммой, в которой он умоляет Муссолини принять во внимание невозможность для Франции отказаться от линии Лиги наций. Муссолини возразил, что он не принимает этого; однако на него должно было произвести впечатление изменение позиции французской печати, до сих пор слепо стоявшей на стороне Италии Д'Аннунцио направил президенту Франции бестактное письмо.

В 11 часов утра на трибуну Ассамблеи поднялся сэр Сэмюэль Хор. Элегантная осанка, тонкие черты лица, высокий открытый лоб. Он почти не жестикулировал, лишь изредка подчеркивал свою речь мягким движением правой руки. Его ясный голос отчетливо слышен в абсолютной тишине переполненного зала Ассамблеи. Я восхищался его спокойствием, самообладанием, его механической, ровной, спокойной манерой речи без всякой патетики, без резких телодвижений. Он произносит фразу за фразой, не делая особого ударения ни на одной из них. Речь его обращена не к Ассамблее, а к председателю. Было бы напрасным трудом искать в ней какой-то след волнения или желания взволновать. Это простое изложение доводов, стремление убедить, не прибегая ни к каким ухищрениям. Только к концу оратор несколько оживился. Речь его была очень хорошо принята Ассамблеей. Однако в зале царит скорее смятение, чем энтузиазм.

Сэр Сэмюэль Хор заявил, что в своей политике, лишенной всякого национального эгоизма, Англия придерживается Лиги наций и принципа коллективной безопасности. Он говорил о безошибочности британского инстинкта, о решимости правительства Англии не возвращаться к осужденной системе союзов и о его готовности поставить свое влияние на службу международной справедливости. «Возможно, что нашим друзьям за границей было порою нелегко следить за эволюцией британской мысли; и порой трудно понять психологию

британского народа. В самом деле, даже благожелательные критики считают нас странным народом, который часто стоит в стороне от вопросов, имеющих жизненный интерес для других стран, и который занят главным образом своими обычаями, своими симпатиями и предрассудками. Что касается критиков, настроенных к нам менее благосклонно, то наша политика давала им повод для гораздо более горьких обвинений».

«На этой Ассамблее, – продолжал сэр Сэмюэль Хор, – я самый последний из тех, кто мог бы выступить поборником национальной непогрешимости или отказаться признать ошибки, которые, без сомнения, допускались в прошлом правительством Его Величества в Соединенном Королевстве и английским народом, как и всеми другими правительствами и народами. Но я убежден, что, несмотря на свои национальные недостатки и ошибки, английское общественное мнение проявило в общем весьма надежный инстинкт в решении серьезных вопросов, сумев занять в критические моменты твердую, справедливую и здравую позицию. Вступая в Лигу наций, английский народ руководствовался отнюдь не эгоистическими побуждениями. Он убедился в том, что старая система союзов непригодна для предотвращения мировой войны, и его практический ум стремился поэтому найти более эффективный инструмент мира. После четырехлетних бедствий он старался предпринять все усилия, чтобы помешать вовлечению не только своей страны, но и всего мира в новую аналогичную катастрофу. Он был полон решимости бросить всю тяжесть своего могущества на чашу весов международного мира и международного порядка». *(«They were determined to throw the whole weight of their strength into the scales of international peace and international order».)*

Сэр Сэмюэль Хор давал, таким образом, публичный ответ на телеграмму Лаваля от 8 сентября. В своей речи, имевшей существенное историческое значение, он подтвердил, что Лига наций воплощает идеал англичан. «В нашей политике, – подчеркнул он, – мы не руководствуемся абсолютно никакими эгоистическими или империалистическими мотивами». Однако недостаточно иметь и определить свой идеал; необходимо претворить его в жизнь. Лига наций не является ни сверхгосударством, ни четко выраженным единством; государства-члены остаются суверенными, будучи при этом связаны обязательствами Устава. При этом коллективная безопасность – это не только статья 16, но весь Устав в целом. Она предполагает строгое соблюдение всех принятых обязательств: стремиться к мирному урегулированию всех разногласий не прибегая к войне; принимать коллективные

действия для прекращения войны в случае ее возникновения.

Таковы принципы, выдвинутые сэром Сэмюэлем Хором в связи с сложившейся ситуацией. Государства не разоружились; более того, они перевооружаются; образовался «порочный круг необеспеченной безопасности». Ряд больших государств ушли из Лиги наций. Тем не менее Великобритания намерена выполнить обязательства, налагаемые на нее Уставом. «Малые нации имеют право на независимое существование и на коллективную защиту, призванную помочь им отстоять свою национальную жизнь». *(«We believe thai small nations are entitled to a life of their own and to such protection as can collectively be afforded to them in the maintenance of their national life»).* Отсталые народы *(backward nations)* имеют право рассчитывать на помощь со стороны более развитых народов *(more advanced peoples).*

Остановившись затем на вопросе о распределении сырьевых ресурсов, сэр Сэмюэль Хор вновь подтвердил свои заявления и обязательства. «Политика правительства Его Величества была всегда основана на непоколебимой верности Лиге наций и всем защищаемым ею принципам. И вопрос, который мы разбираем в настоящее время, никоим образом не представляет исключения из этого правила; напротив, он является следствием его применения. *(«The case now before us is no exception but, on the contrary, the continuance of that rule».)* Последняя реакция общественности свидетельствует о том, что английский народ всецело поддерживает правительство в его решимости полностью и безоговорочно выполнить обязательства, вытекающие из членства Англии в Лиге наций, решимости, являющейся одной из основ ее внешней политики, как мы неоднократно провозглашали… В соответствии со своими точными и ясными обязательствами Лига наций, а вместе с ней и моя страна, выступает за коллективное соблюдение Устава в целом и, в частности, за решительное коллективное сопротивление любым актам неспровоцированной агрессии. *(«In conformity with its precise and explicit obligations the League stands, and my country stands with it, for the collective maintenance of the Covenant in its entirety and particularly for steady and collective resistance to all acts of unprovoked aggression».)* Позиция английской нации на протяжении последних недель ясно доказала, что это не изменчивое и временное настроение, а принцип международного поведения, верность которому народ и правительство Англии будут твердо хранить везде и всегда» («*a principle of international conduct to which they and their Government hold with firm, enduring and universal persistence»).*

Эта последняя фраза являлась, по-видимому, прямым ответом на вопрос, поставленный Лавалем 8 сентября. Речь Хора вновь

вернула нас к временам женевского протокола. Наконец-то Великобритания брала на себя обязательства и тем самым политическое и моральное руководство Ассмаблеей. Она заняла позицию, которую я целиком разделяю: «Верность Уставу, только Уставу, Уставу в целом». Англия заговорила языком, которого я ждал в течение одиннадцати лет. Но это пока лишь холодный свет. Теперь необходима была французская теплота.

* * *

В тот же день, в среду, 11 сентября, в 16 часов на трибуну поднялся представитель Эфиопии и произнес простую, но своеобразную речь, проникнутую заботой о высокой нравственности и упованием на божью милость. Эфиопия требовала посылки международной комиссии по расследованию. Она готова была принять «любое разумное предложение». Она с должным вниманием отнесется к экономическим интересам и к требованиям прогресса цивилизации. Она взывала «к сердцу человечества»; она хотела «способствовать сохранению мира в божьем царстве на земле».

Сэр Сэмюэль Хор, принимая мои поздравления, настаивал на том, чтобы Франция дала свой ответ.

Четверг, 12 сентября. Мне по-прежнему неизвестны намерения Лаваля, с которым я не виделся. Ван-Зееланд сообщил мне, что Бельгия поддержит Лигу наций на все «сто процентов». Повсюду задают один и тот же вопрос: «Как поступит, что скажет Франция?» Лаваль разыскал меня на Ассамблее, чтобы узнать мое мнение о подготовленной им речи. То, что он мне сообщил, на мой взгляд, соответствует традиционной доктрине Франции, хотя в речи имеется ряд шпилек в адрес Англии, которые я посоветовал ему смягчить.

Министр иностранных дел Нидерландов г-н де Грефф выразил недовольство нападками на идею коллективной безопасности и высказался в поддержку Лиги наций. В свою очередь он также затронул вопрос о распределении сырьевых ресурсов, актуальность которого в этом году ощущается повсеместно, потребовав, однако, чтобы этот вопрос был разрешен в соответствии с принципами права. Он высказался за экономическую политику открытых дверей. «Необходимо, – заявил он, – чтобы, принимая решение, каждый осознал свою ответственность». Речь де Греффа имела большой успех. Министр иностранных дел Швеции Сандлер, также встреченный громкими аплодисментами, подчеркнул интерес малых государств к

обсуждаемым вопросам. «Проблема рабства касается не только Италии; она должна интересовать всю Лигу наций».

Таким образом, мнение мировой общественности постепенно определялось. Мужественно и ясно изложил свою точку зрения Ван-Зееланд. Он согласен нести свою долю бремени коллективных решений и полностью поддержал представителя Великобритании. «Бельгия до конца выполнит свои обязательства».

Завтрак с Хором и Иденом. После завтрака Лаваль, Поль Бонкур, Бонне и я обменялись мнениями относительно принципиального содержания подготавливаемой Лавалем речи. В пятницу, 13 сентября, до начала заседания, Лаваль передал мне текст своего выступления. По моему предложению он внес в текст ряд поправок, усиливавших места, где говорилось о нашей верности Лиге наций и о франко-британской солидарности.

Взяв слово и напомнив о своих заявлениях в Совет Лиги наций, Лаваль вновь подтвердил верность Франции Уставу и ее решимость выполнить свои обязательства и всемерно содействовать росту авторитета высшего международного института. Со времени протокола 1924 года и вплоть до конференции по разоружению Франция постоянно поддерживала доктрину коллективной безопасности. «Устав, – заявил Лаваль, – остается для нас международным законом. Разве мы можем допустить ослабление этого закона? Это означало бы измену нашему идеалу и противоречило бы нашим интересам. Политика Франции всецело основывается на принципах Лиги наций… Любое посягательство на женевский институт явилось бы посягательством на нашу безопасность. Заявляя о нашей верности Уставу, я лишь повторяю и подтверждаю все заявления, с которыми выступали с этой трибуны представители моей страны…»

Трудно было сделать более определенное заявление. Лаваль поздравил сэра Сэмюэля Хора с его речью, «явившейся новым свидетельством либеральной традиции Англии и свойственного ей чувства универсальности. Солидарность в принятии ответственных решений любого порядка, при любых обстоятельствах места и времени, к которой обязывает на будущее подобное заявление, является важной вехой в истории Лиги наций, – справедливо указывал он. – Я радуюсь этому вместе с моей страной, которая понимает всю необходимость тесного сотрудничества с Великобританией во имя защиты мира и спасения Европы». Далее Лаваль напомнил о программе 3 февраля. «Это было моей чудесной мечтой. Неужели она близка к осуществлению?» Он напомнил о римских соглашениях, о

соглашениях в Стрезе, о своих усилиях добиться примирения. В заключение он заявил: «В Комитете пяти мы изучаем все предложения, способные удовлетворить законные требования Италии в той мере, в какой это совместимо с уважением суверенитета другого государства, являющегося членом Лиги наций. *Необходимо, чтобы все знали, что между Францией и Великобританией нет никаких разногласий в деле, эффективных поисков мирного решения…* Всех нас связывают узы солидарности, которая укажет нам наш долг. *Наши обязательства записаны в Уставе.* Франция не намерена уклоняться от их выполнения».

Речь Лаваля, неоднократно прерывавшаяся аплодисментами, была очень хорошо принята всей Ассамблеей. Когда Лаваль сходил с трибуны, его остановил и поздравил сэр Сэмюэль Хор. Его поздравили также Ван-Зееланд, Политис, Осусский, Мадариага и Бек. Иден любезно поблагодарил меня за ту роль, которую я, по его мнению, сыграл при подготовке выступления. 13-го я получил записку от Гастона Жеза, в которой говорилось: «Не нахожу слов, чтобы выразить вам свою признательность за благотворное влияние, оказанное вами при окончательной редакции французской декларации. Особое внимание обращает на себя конец выступления. Я последовал вашим добрым советам. Как стало известно, сегодня вечером император выступит с заявлением по радио. Не будет ли это ответом на посланные ему мною телеграммы?»

На трибуне Ассамблеи один оратор сменял другого. Представитель Южно-Африканского Союза Те Уотерс отметил беспокойство, вызванное в его стране стремлением некоторых европейских государств к новому расчленению Африки, а также угрозой уничтожения одной из последних суверенных стран этого континента. «Если допустят это преступление, если Африка будет использована Европой в своих корыстных планах и целях, – заявил он, – то настанет час – и мы глубоко убеждены в этом, – когда, вооружившись, она восстанет и добьется свободы, как это уже случалось прежде в ее долгой и мрачной истории. И тогда она снова впадет в то состояние первобытного варварства, на преодоление которого мы затратили на Юге столько усилий». Те Уотерс выразил свое удовлетворение по поводу того, что представитель Франции нарушил свое молчание, так как «правительство и народ Южной Африки с законным основанием считают великую французскую нацию, обладающую столь высокой культурой, основным оплотом коллективной системы и самым эффективным поборником коллективных действий и коллективной безопасности… Было бы непостижимо, если бы Франция продолжала колебаться в утверждении той идеи, что все

мы связаны обязательствами, принятыми нами на себя согласно Уставу Лиги наций, и торжественными формулировками Парижского пакта».

Замечательные дебаты! Впервые за все время, прошедшее со дня обсуждения протокола 1924 года, прозвучал голос международной совести; мир стремился к единству на основе разума. Выступление министра иностранных дел Португалии г-на Монтейро в защиту Устава было проникнуто глубоко возвышенными мыслями. Малая Антанта также стоит на позиции коллективной безопасности: ее точка зрения была изложена Пуричем. Представители Скандинавских стран и Латвии высказались в том же духе. Теперь международное согласие было достигнуто. Я нахожу, что сами итальянцы смягчили свою позицию. Барон Алоизи, зная о моей любви к народу Италии и о моих симпатиях к нему лично, просил меня о содействии, не подозревая, что это несовместимо с моими убеждениями.

Настала очередь Литвинова. Он впервые участвовал в общей дискуссии. Он держался очень скромно; похвалил деятельность Лиги наций, оспаривал тезис барона Алоизи об агрессии, выразил сожаление, что конференция по разоружению не была преобразована, как он предлагал, в постоянную конференцию мира, возобновил свое предложение о всеобщем полном разоружении, выразил сожаление по поводу того, что Восточный пакт не получил более широкого применения, одобрил франко-английское соглашение от 3 февраля и приветствовал речь сэра Сэмюэля Хора, которая, по его мнению, является благоприятным предзнаменованием для будущего Лиги наций. Литвинов предпочел бы обсудить вопрос о мире в целом, не ограничиваясь рассмотрением итало-абиссинского конфликта; однако Советское правительство рассмотрит и этот конфликт со всей беспристрастностью и решимостью. Советский Союз принципиально враждебен любым проявлениям империализма, он выполнит все свои международные обязательства; он не хочет повторения недавних ордалий[196]. Литвинов выступал по-английски. Его последними словами было: *«No more of such Ordalies».*

* * *

Задержавшись 16 и 17 сентября в Лионе из-за плохого самочувствия, я возвратился в Женеву 18 сентября. Комитет пяти уже закончил свою работу, подготовив проект итало-абиссинского соглашения. Проект предусматривал территориальные уступки со

стороны Франции и Великобритании в пользу Италии, а также установление международного контрольного мандата с ее участием. Однако уже вечером в среду, 18 сентября, стало известно, что Муссолини отклонил этот проект. На следующий день в четверг, было опубликовано его интервью, в котором он заявлял, что не желает *коллекционировать пустыни.* Он поднял на смех уступки, бескорыстно сделанные Францией. Великобритания проявляла все большую твердость; точнее говоря, она не намерена отступать от однажды принятого решения. Обманутый в своих надеждах, Лаваль вечером 18 сентября произвел на меня впечатление человека, убежденного в невозможности соглашения. «Имеется лишь полшанса на успех», – сказал он мне. Он был особенно настроен против русских, обвиняя их в том, что они хотели бы заменить его мною. Действительно, на банкете представителей международной печати мне был оказан самый теплый, братский прием, в то время как часть французской печати обрушилась на меня с нападками. Особенно отличился де Кериллис, а также газета «Тан», которая потребовала, чтобы представители Франции в Женеве были «честными в своем рвении»; все это меня смешит. Два сенатора из департамента Об, бескорыстие которых обычно весьма относительно, выступили в поддержку Италии. Лаваль, разумеется, против принятия каких бы то ни было военных санкций. Он согласен в лучшем случае на экономические санкции. Я заявил ему, что на его месте, убедившись в истинных намерениях Муссолини, я предпринял бы поиски такой линии, на основе которой можно было бы добиться единодушия Лиги наций по вопросу необходимых действий. По моему мнению, это было бы самым «честным» и наименее опасным для Франции решением.

19 сентября Лаваль послал из Женевы французскому послу в Риме следующие инструкции:

> «Я уже телеграфировал вам анализ предложений, передать которые барону Алоизи было поручено председателю Комитета пяти г-ну Мадариага, а также резюме франко-британского заявления, приложенного к этому документу. Прошу вас добиться аудиенции у г-на Муссолини с тем, чтобы сообщить ему мое мнение.
>
> Мне нет необходимости напоминать о тех усилиях, которые были предприняты мною для того, чтобы добиться удовлетворения «законных требований Италии», как было сказано мною в выступлении на Ассамблее. В ходе обсуждения, прошедшего без каких бы

то ни было инцидентов, Комитет пяти одобрил предложения, выдвинутые в качестве основы для переговоров. Правительство Италии должно определить свое решение. Оно должно принять или отклонить предлагаемый ему текст. Настал момент, когда Муссолини должен сопоставить опасность разрыва с выгодами соглашения. Мне нет необходимости говорить о том, что я более всего желаю, чтобы г-н Муссолини согласился на переговоры.

Простое отклонение предложений Комитета пяти или же отказ г-на Муссолини от переговоров подтвердили бы и без того широко распространенное подозрение, что он систематически противится всякому мирному урегулированию конфликта. Это привело бы к бесполезному и опасному осложнению его международных позиций. Я слишком опасаюсь раскола фронта Стрезы, чтобы не бояться подобной возможности. По моему мнению, итальянскому правительству не следует отклонять наш проект. Выражая эту точку зрения, я исхожу из чувства дружбы, связывающего мою страну с Италией. Г-н Муссолини будет, без сомнения, удивлен, не найдя в проекте уточнений, которых он вправе был бы ожидать: не определен состав международных органов, не уточнены их функции. Он, конечно, обратит внимание на то, что в предусмотренных постановлениях нет специального упоминания об Италии. Вы можете заявить г-ну Муссолини, что в силу своего международного характера эти формулы не могли быть составлены иначе. Если он согласится с предлагаемой ему основой для дискуссии, то ему будет предоставлена возможность поставить любые вопросы и требовать любых уточнений и справок относительно проведения в жизнь проекта Комитета пяти. Тем самым он докажет свою волю к сотрудничеству и воздаст должное замечательным усилиям к примирению, предпринятым Советом Лиги наций.

Я констатировал в Женеве столь большое желание добиться примирения, что он может надеяться на ответы, способные рассеять беспокойство, которое может вызвать у него этот проект. Реальные факты, скрывающиеся за этими формулами международного характера, не замедлят проявить себя. Он убедится в этом, детально

изучив наши предложения. Если он уполномочит итальянскую делегацию приступить к переговорам, он может рассчитывать на мою всемерную поддержку. Я не пожалею усилий, чтобы поддержать требования Италии, если они не будут противоречить Уставу Лиги наций. Я изложил барону Алоизи причины, в силу которых я присоединился к британскому предложению об эвентуальном отказе в пользу Эфиопии от ряда территорий пограничного района английского Сомали и побережья французского Сомали. Я согласился на эту жертву, чтобы компенсировать негуса за территориальные уступки, которые он должен будет сделать Италии. Мне известно, что г-н Муссолини отклонил это предложение Англии. Однако теперь, в связи с нашим планом, предусматривающим для Эфиопии новый режим, я полагаю, г-н Муссолини не может не видеть всех выгод принятия такой системы. Я рассчитываю на то, что вы скажете г-ну Муссолини, какое огромное значение я придаю его согласию участвовать в переговорах. Скажите ему, что я поручил вам передать ему это послание, руководствуясь чувством доверия и дружбы.

Пьер Лаваль, передано Ш. Роша»

Пресса не дремала. «Мы *хотим мира»,* – восклицал 19 сентября в газете «Ла Журне эндюстриэль» К. Ж. Жинью, весьма симпатизировавший главе правительства. «Мы не прислужники коммунизма, этого проповедника войны». В тот же день в газете «Эко де Пари» Анри де Кериллис, поздравляя Дорио в связи сего исключением из III Интернационала, обрушился на меня за мои симпатии к Советскому Союзу, якобы «принимающие совершенно бредовые формы». Все это позволило мне сделать ряд любопытных сопоставлений. «Необходимо, – писал он, – решительно покончить с этим невыносимым русским «интервенционизмом». Нынешнее правительство в первую очередь заинтересовано в решительных действиях. Ультиматум Москве и в случае необходимости – угроза… которая будет понята!» Итак, для того, чтобы щадить Италию, нужно рисковать войной с Советским Союзом. Позднее мы увидим, как Анри де Кериллис будет выражать иные настроения. В тот же день в газете «Тан» был заклеймен «агрессивный пацифизм», причем не обошлось без нападок на меня. Лондонская газета «Таймс» встревоженно вопрошала, будет ли французское правительство

хранить верность обязательствам.

Заседание совета министров 21 сентября в Рамбуйе. Перед заседанием Пьетри поздравил меня с «работой» в Женеве. Лаваль зачитал нам инструкции, посланные им 28 августа в Рим, и ответ Муссолини от 3 сентября. Инструкции были вполне правильны и соответствовали нашей традиционной политике. Однако *Муссолини требовал военного контроля и не хотел санкций.* Министр иностранных дел резюмировал свои выступления в Женеве, зачитал свою телеграмму от 8 сентября Англии и последнюю депешу в Рим. Сегодня ночью в 3 часа 54 минуты получен из Рима ответ Шамбрена, имевшего более чем двухчасовую беседу с Муссолини. Глава итальянского правительства «не дал себя убедить». Он сваливает ответственность на Великобританию. Он утверждает, что его подвергали постоянным унижениям! В настоящее время он ограничивается пожеланием и просьбой не применять против него военных санкций. В ответ на запрос Лаваля Великобритания дала понять, что она не желает военных санкций, но без возражений исполнит решения Лиги наций.

Ренье изложил проект бюджета на 1936 финансовый год (приложение к протоколу заседания от 28 июня 1935 года). «Нынешний бюджет, – пишет он в изложении мотивов, – отражает самые большие усилия, которые предпринимались с начала экономического кризиса для восстановления финансового хозяйства страны. Масштабы и всеобщий характер жертв, которых пришлось потребовать у нации, не имеют прецедента в истории наших финансов. Наш народ пошел на эти жертвы с сознанием гражданского долга, достойным великого народа, и они принесли ожидаемый эффект. Не может быть никакого сомнения относительно полезности начатого дела, результаты которого были бы сведены на нет, если бы Франция не признавала переживаемых ею финансовых трудностей и если бы в момент их преодоления она поставила под сомнение правильность выбранных для этого средств». Ренье резюмировал историю развития наших финансов со времени стабилизации франка, дал анализ чрезвычайных декретов и перечислил причины, в силу которых правительство выносит на обсуждение наряду с общим бюджетом вопрос о создании фонда на расходы по вооружению, техническому оснащению и кредитованию работ на сумму 6230 миллионов франков. Фонд состоит из двух частей: из крупных дотаций на усиление темпов производства по линии военного министерства и министерства военно-воздушных сил и темпов строительства по линии министерства военно-морских сил; а также из ассигнований на сумму один миллиард франков на

расходы по линии противовоздушной обороны (отчет в парламенте об осуществлении законопроекта № 5446). В заключение изложения мотивов говорилось: «История не скажет, что мы заслужили суровое предостережение, сделанное Людовику XVI его канцлером, не сумевшим добиться согласия на проведение необходимых реформ: «Если король хочет потерять свою корону, то это в его власти».

Лебо был назначен генерал-губернатором Алжира.

24 сентября наш посол в Лондоне сообщил нам, что он имел беседу с государственным секретарем (№ 1338-1342). Совет британского кабинета утвердил ответ на вопросы Лаваля относительно применения Устава в случае агрессии в Европе. Ответ этот будет передан нам. Со своей стороны Лондон запросил Париж о позиции Франции в том случае, если в период *напряженности* государство, находящееся под угрозой санкций, совершит акт агрессии против Англии путем нападения на ее корабли или военно-морские базы.

Женевская Ассамблея объявила перерыв в своей работе. Перед закрытием последнего заседания председатель Бенеш подвел итоги проделанной работы: «Никогда еще делегации великих держав, – сказал он, – не выступали со столь ясными и конкретными заявлениями по поводу работы женевского института и неукоснительного соблюдения Устава Лиги наций». Их заявления «могут означать, что после многолетнего периода больших испытаний Лига наций вступает в новый период своей истории и становится новой моральной, политической и даже материальной силой».

Бенеш продолжал надеяться на возможность примирения. «Во всяком случае, – сказал он, – мы все сознаем, что мы сделали все возможное для сохранения мира».

26 сентября в 11 часов 40 минут открылось заседание Совета Лиги наций. Представители Эфиопии, гг. Текле Хавариат и Жез, заняли свои места. Г-н де Мадариага зачитал доклад Комитета пяти. Делегация Эфиопии заявила, что ее правительство «несомненно, подвергнет самому глубокому и внимательному изучению все предложения Совета». Председатель поблагодарил Комитет пяти за проделанную им (увы, безрезультатную) работу, выразив при этом надежду, что примирение остается возможным; он предложил Комитету продолжать свою работу, а Совету, после того как он подготовит свой доклад, также не считать завершенной свою миссию. Иден согласился с этим решением и подтвердил верность Великобритании своим заявлениям. Лаваль занимал такую же позицию: «На Совете и на Ассамблее, – заявил он, – я выступил с заявлениями, которые определили позицию

Франции. К этому мне нечего добавить. Совет выполнит свою задачу в соответствии с буквой и духом Устава». Литвинов также подтвердил свои обязательства. От имени одной из стран, не представленных в Комитете пяти, он выразил свое согласие с принципами, принятыми этим комитетом. Он заявил, что Совет не должен оставаться пассивным и ограничиваться ожиданием развития этого серьезного конфликта. После единогласного принятия заявления председателя заседание было объявлено закрытым. Каждый добросовестный человек должен признать, что у органов Лиги наций – Комитета пяти, Совета и Ассамблеи – не было недостатка ни в терпении, ни в осторожности.

29 сентября Кэ д'Орсе и Форейн оффис одновременно опубликовали ноту сэра Сэмюэля Хора Лавалю. Это был ответ на французскую ноту от 10 сентября сэру Роберту Ванситарту. Министр иностранных дел Великобритании ссылался на речь, произнесенную им в Женеве 11 сентября: «Мною было заявлено, – подчеркнул он, – *и я искренне рад предоставившемуся случаю со всей ответственностью подтвердить, что народ нашей страны поддерживает все принципы Лиги наций в целом, а не некоторые из них.* Всякий иной взгляд означал бы сомнение в добросовестности и искренности британского народа. *В соответствии со своими точными и ясными обязательствами, – говорил я тогда и повторяю сейчас, – Лига наций, а вместе с ней и моя страна, выступает за коллективное соблюдение Устава в целом и, в частности, за решительное коллективное сопротивление любым актам неспровоцированной агрессии».*

Британское правительство указывало, что его позиция является предельно ясной и определенной. «Я говорил и пишу теперь, – указывал Хор, – *о любых актах неспровоцированной агрессии».* Однако, по его мнению, процедура, предусмотренная статьей 16 Устава, «неприменима к негативному акту, заключающемуся в невыполнении условий договора». Более того, даже в случае применения силы характер санкций может быть различным. «Гибкость является составной частью безопасности… Мир не статичен». Английский народ широко поддерживает и одобряет заявления нынешнего правительства. «Правительство Его Величества уверено, что орган, который, по глубокому убеждению нашей страны, представляет единственную реальную надежду избежать повторения бессмысленных бедствий прошлого и обеспечить миру в будущем мир путем коллективной безопасности, не совершит необдуманного шага, обрекая себя на бессилие из-за недостаточной веры в свои идеалы и из-за отказа от эффективных действий во имя этих идеалов. Однако *эта вера и эти действия, как и безопасность, должны быть коллективными.*

Вопрос этот имеет такое жизненно важное значение, что я хочу в заключение вновь напомнить слова, сказанные мною в Женеве: «Если в интересах мира необходимо пойти на риск, то сделать это должны все». Пока существование Лиги наций будет гарантировано ее собственным поведением, Англия и ее правительство будут полностью поддерживать все ее принципы».

Заявление, датированное 26 сентября, носило категорический характер.

III. Итало-эфиопская война (3 октября – 10 декабря 1935 года)

3 октября 1935 года между Италией и Эфиопией начались военные действия. Итальянское коммюнике было составлено с возмутительной недобросовестностью.

Лаваль зашел ко мне показать сообщение, полученное от Муссолини. По его мнению, оно доказывает, что дуче, продолжая военные операции (оборонительные, говорит мне он), уже предпринимает попытки вступить в переговоры на основе предложений министра иностранных дел Франции (уступка Италии *пограничных районов* Абиссинии, международный мандат над остальной частью Эфиопии). Он предлагал Лавалю самому выбрать момент для соответствующего демарша.

Лаваль направил ко мне Леже, чтобы обсудить ответ на запрос Лондона относительно готовности нашего правительства исполнить свои обязательства, если в период принятия Советом Лиги наций предварительных мер будет совершен акт агрессии. Британское предложение имело целью заполнить одну из брешей в системе коллективной безопасности. По мнению нашего министерства иностранных дел, оно отвечало нашим интересам, так как процедура, предусмотренная Уставом Лиги наций, была слишком затяжной, в то время как это предложение лишало агрессора возможности свободно подготавливать свою агрессию. Принятие этого предложения означало бы образование оборонительного союза между Францией и Великобританией в интересах сохранения мира в Европе и укрепило бы надежду на то, что в случае франко-германского конфликта Англия выступит на нашей стороне. Я одобрил ноту, подготовленную и представленную мне министерством иностранных дел, оговорив при этом необходимость внесения ряда поправок в детали. Впрочем, по мнению Леже, в настоящее время эта нота не представляет никакого интереса, так как в связи с агрессией встает вопрос о применении статьи 16 Устава. Кстати, он сообщил мне, что сэр Сэмюэль Хор относится к осуществлению

санкций весьма прохладно и не желает ни военных санкций, ни закрытия Суэцкого канала, ни экономической блокады. Следует ограничиться запрещением поставлять Италии оружие, сырье и не давать ей денег.

Так называемые *«зеленые»,* то есть строго секретные, документы полны нападок итальянцев на меня. Весьма любопытное совпадение – особенно резко меня атакуют газеты «Гренгуар» и «Эко де Пари». Это меня не удивляет: дела есть дела. В газете «Аксьон франсез» от 4 октября небезызвестный Моррас обвинил меня в продажности: выступая за уплату долгов Америке я якобы действовал в «частных интересах». Он угрожал мне убийством. «Как только протрубит горн войны, г-н Эдуард Эррио первым получит свою порцию пуль. Этого ему не миновать». Интересно, вмешается ли в это дело глава правительства. Оказывается, нет, но я доволен, так как не хочу быть ему обязанным. По своему уровню Моррас вполне достоин глупой и жестокой реакционной буржуазии, интересы которой он защищал, готовясь к своей будущей роли гитлеровца, близкого советника маршала Петена. Я полон презрения к этому глухому, неопрятному субъекту, который повсюду оставляет за собой смрадный запах пота и гноя.

4 октября. Заседание совета министров. Лаваль зачитал нам ноту, которую он обсуждал со мной сегодня утром. Я подтвердил свое согласие. Фланден также заявил о своем согласии, поскольку предусматриваемые совместные действия предполагают предварительное согласование. Министр иностранных дел сообщил, что он сделал предложения о примирении и что Италия в принципе приняла их. Он изложил свой взгляд на санкции и сообщил о беседе, в ходе которой Хор заявил, что он не хочет даже произносить этого слова: он будет говорить только о мерах *экономического давления.* В свою очередь Лаваль также исключает военные санкции и считает возможным только экономические санкции; он просит предоставить ему свободу действий с тем, чтобы договориться по этому вопросу с Великобританией: «Я являюсь единственной надеждой Италии, против которой настроено мировое общественное мнение», – это его буквальные слова. Лаваль подтвердил свое намерение сохранять верность одновременно Уставу Лиги наций и Римским соглашениям. Не вижу, как это ему удастся достичь.

Фланден высказывает пожелание, чтобы, если это возможно, были применены положения статьи 15 Устава. Однако это мне представляется очень трудным. В статье 16 говорится: «если член Лиги прибегнет в войне…» Если исходить из позиций лояльности, то очевидно, что в данном случае применима именно эта статья.

Фабри выступил против военных санкций и в защиту Италии. Его тактика произвела на меня весьма посредственное впечатление, как, впрочем, и он сам. Из его аргументов я обратил внимание только на следующее высказывание: необходимо, чтобы Великобритания поняла свою заинтересованность в сохранении франко-итальянской дружбы. Фроссар предложил ограничиться на сегодняшний день принятием предложений Лаваля. Пьетри уточнил, что в Средиземном море находится лишь половина английского флота. Вежливый и, как всегда, сердечный Леон Берар констатировал согласие членов правительства и сказал несколько любезных слов по поводу нападок, которым я подвергся. Как приятно неожиданно встретить среди политических деятелей по-настоящему культурного и воспитанного человека! Тогда я заявил: «Прошу извинить меня за неудобства, доставляемые мною правительству. Я вполне понимаю, насколько это его стесняет». Я еле удержался, чтобы не сказать: «И меня тоже».

* * *

9 октября я возвратился в Женеву. Война длится уже несколько дней[197]. Совет Лиги наций принял решение. Вслед за Комитетом шести и Комитетом тринадцати он заявил о нарушении Италией Устава Лиги. «Я констатирую, – заявил председатель, – что 14 членов Лиги наций, представленные в Совете, считают, что война начата в нарушение обязательств, предусмотренных статьей 12 Устава».

Ассамблея собралась в шесть часов вечера. Делегатов присутствовало меньше, чем обычно, однако публики было больше. Бенеш охарактеризовал сложившееся положение и запросил согласия Ассамблеи на внесение в повестку дня вопроса, поставленного в докладе председателя Совета.

Ассамблея высказалась за внесение этого вопроса в повестку дня и за немедленное проведение дискуссии.

Мне была не совсем ясна процедура обсуждения вопроса о применении статьи 16. От имени Австрии Пфлюгль заявил о «твердой и неизменной верности его страны» принципам Лиги наций и в то же время о ее дружеском расположении к Италии; он не возражал, впрочем, против санкций в надежде, что Лига наций, прежде чем встать на этот путь, исчерпает все средства для достижения примирения. В общем это означало, что Австрия не присоединяется к принятым решениям. Де Велич заявил от имени Венгрии, что его страна поддерживает Италию и возражает

против санкций. После этих заявлений председатель отложил заседание на следующий день с тем, чтобы заслушать выступления представителя Италии барона Алоизи.

По окончании заседания я встретил Идена, который сказал мне, что он удовлетворен состоянием англо-французских отношений «на сегодняшний день» и основными положениями речи, с которой собирается завтра выступать Лаваль. Ко мне зашел Жез. Он сообщил, что, несмотря на недостаток оружия и денег, негус полон решимости оказывать твердое сопротивление. Я попросил Лаваля говорить в своей речи не только от своего имени, но и от имени всего правительства, единодушного в своем стремлении к миру.

В четверг, 10 октября, в 11 часов утра на трибуну поднялся барон Алоизи. Сделав замечание по процедуре обсуждения, он заявил о своем намерении исчерпывающе изложить мнение итальянского правительства. Он вынес на суд «совести всего мира» два обстоятельства: первое заключалось в том, что не была рассмотрена памятная записка Италии от 4 октября, второе – в «поспешности», с которой дело было вынесено на Ассамблею. Затем он перешел к сути вопроса. Италия активно сотрудничала и шла на жертвы ради Лиги наций. Напротив, Эфиопия не имеет никаких заслуг в этом отношении. Она не является единым государством и состоит из двух политически и географически различных районов; «крайний беспорядок во внутреннем положении» этой страны является само по себе постоянной угрозой миру в Восточной Африке; в стране царит произвол и ненависть к иностранцам.

Я цитирую не по отчету, помещенному в бюллетене Лиги наций, а по тексту, розданному делегатам представителями Италии. «В силу трагической иронии судьбы Эфиопия владеет неабиссинскими колониями, над которыми она господствует с помощью зверского подавления и угнетения. Нет необходимости вновь возвращаться к вопросу о рабстве. Имеется много других обстоятельств: кастрация *(sic*!) детей и военнопленных и особенно систематическое уничтожение угнетенных народностей…» «Случай этот настолько серьезен и ясен», что барон Алоизи ставит вопрос о возможности исключения из Лиги наций, предусмотренного параграфом 4 статьи 16 Устава. «Отказ принять во внимание соображения Италии нанес тяжелый удар чувствам всего итальянского народа, ободрив в то же время Эфиопию и усилив ее агрессивную позицию». Италия была вынуждена прибегнуть к своим собственным силам и принять военные меры, чтобы ответить на «решение правительства Эфиопии о мобилизации более чем миллиона человек».

В свое оправдание Италия ссылалась на три статьи Устава: 1-ю, 23-ю и 16-ю (параграф 4). Она ссылалась также на статью 22-ю, в которой говорится:

> «Благосостояние и развитие народов, еще не способных самостоятельно руководить собой в особо трудных условиях современного мира, составляет священную миссию цивилизации. Лучший метод практически осуществить этот принцип – это доверить опеку над этими народами передовым нациям, которым в силу своих ресурсов, своего опыта или своего географического положения более всего пристало взять на себя эту ответственность».

Барон Алоизи пытался даже доказать, что Италия не нарушила пакта Бриана – Келлога; она использовала право законной защиты согласно интерпретации сената Соединенных Штатов и оговоркам Великобритании. Права Италии и ее преобладающие интересы в Эфиопии были признаны в ряде договоров, в итало-британском соглашении 1925 года. Италия ссылалась на позицию Лиги наций в японо-китайском конфликте, в споре между Боливией и Парагваем. «Войну не уничтожают, ее заменяют… Италия испытывает законную гордость, уверенно указывая Лиге наций путь, вступив на который она станет жизненной и эффективной организацией. Этот путь характеризуется двумя принципами: 1. Решительно отказаться от пристрастной политики. 2. Упорядочить весь Устав в целом: часть, относящуюся к эволюции, необходимо привести в соответствие с частью, относящейся к консервации, с тем чтобы добиться необходимой эластичности, позволяющей идти в ногу с историей и тем самым разрешать возникающие в любой момент новые ситуации, которые при отсутствии подобной эластичности становятся самым верным источником конфликтов. Никто не может лучше, чем Италия, выразить этот новый дух, эту настоятельную необходимость жизни. Переживая период духовного и материального подъема и будучи в то же время в силу превратностей истории и международных ограничений втиснута в территориальные рамки, в которых она задыхается, Италия вынуждена поднять на Ассамблее государств свой голос великой пролетарки, требующей справедливости».

Так был выдвинут пресловутый тезис о «государствах-пролетариях», который нам приходилось столь часто слышать впоследствии. Речь барона Алоизи была выслушана в полном молчании. Я отметил абсолютное спокойствие представителей Эфиопии в течение всего выступления. Председатель Бенеш

принял к сведению заявление итальянского делегата, запросил мнение Ассамблеи относительно правильности примененной процедуры и констатировал, что Австрия и Венгрия не согласились с решениями Совета, мнение которого, за исключением этой оговорки, было одобрено.

* * *

Лаваль заявил (цитирую его выступление по бюллетеню Лиги наций от 11 октября), что Франция выполнит свои обязательства. Он говорил об этом на Совете и повторил на Ассамблее. «Устав является международным законом членов Лиги наций, они не могут ни нарушать его, ни допускать его ослабления. В эти минуты, когда каждый должен сознавать свою ответственность, представитель Франции с волнением исполняет свой долг. *Его страна будет соблюдать Устав.* Однако у нее есть и другой долг, диктуемый ей чувством дружбы. И если Франция наряду с соблюдением законов Лиги наций будет продолжать добиваться примирения, то это отнюдь не означает, что она отрицает авторитет высшего международного института. Французское правительство отдаст все свои силы делу восстановления мира, и представитель Франции убежден, что Ассамблея окажет ему всю возможную помощь». Жидкие аплодисменты.

Выступивший затем Иден заявил, что ему нет необходимости снова излагать точку зрения своего правительства, которое превыше всего заинтересовано в сохранении мира и в борьбе с «жестким анахронизмом» войны. «Теперь нужно действовать. Членам Лиги наций следует коллективно определить характер этих действий. Правительство Его Величества в Соединенном Королевстве заявило о своей готовности всецело участвовать в них… Крайне важно действовать быстро… Однако действия такого рода отнюдь не уменьшают стремления британской делегации к скорейшему урегулированию конфликта мирным путем, в соответствии с принципами Устава. Она готова от всей души, принять в любой момент участие в осуществлении этой задачи». Заявление Идена было воспринято несколько более благоприятно, чем выступление представителя Франции.

От имени Швейцарии Мотта присоединился к констатации Совета, отметив, что еще никто не говорил о военных санкциях, указав при этом, что экономические санкции не являются враждебным актом. «Швейцарская конфедерация не нарушит своего долга солидарности с другими членами Лиги наций. Уважение принятых на себя обязательств и верность свободно заключенным договорам являются принципами, которые с ее точки зрения не подлежат дискуссии. Политика Швейцарии всегда была и будет честной, ясной, прямолинейной». Однако рамки ее обязательств определяются ее нейтралитетом. Она не считает себя обязанной участвовать в санкциях и присоединяется

к пожеланию достигнуть примирения, высказанному делегатом Франции.

Потемкин подтвердил обязательства, взятые Литвиновым, и готовность Советского Союза исполнить их.

Представитель негритянской республики Гаити генерал Немур отметил важность решения, которое предстоит принять. «Прецедент, который возникнет сегодня, будет использован завтра. Нет двух истин – одной для Африки, другой для Европы. Каким бы ни был цвет кожи раненых и убитых, белым или черным, одна и та же красная кровь льется из их ран». *Период колониальных войн отошел в прошлое, как отошел в прошлое и период эксплуатации одной расы другой. С* тех пор как Лига наций создала новое право, открылся новый период истории цивилизации…. Перед Лигой наций стоит последнее испытание. Представитель Гаити всеми силами протестовал против намерения раздавить в так называемой колониальной войне независимый негритянский народ…. Он выступил от имени одного маленького негритянского народа, проникшегося принципами французской революции 1789-1793 годов, положившими начало его самостоятельной жизни. «Разумеется, легко иронизировать, спрашивая, где армия, тяжелые пушки, танки и броненосцы Гаити. У нас их нет, но наша молодежь в 1870 и в 1914 годах своей грудью защищала свободу, и пример ее вдохновит миллионы других черных и цветных народов».

Речь генерала Немура глубоко взволновала меня. Некоторые его фразы прозвучали с потрясающей силой: «Гаити не хочет быть клятвопреступником. Бойтесь того, как бы кто-нибудь из нас не оказался когда-нибудь в положении Эфиопии».

Жез зашел узнать мое мнение о предстоящем выступлении делегата Эфиопии; я посоветовал ему составить речь в возвышенном стиле, избегать полемики и выразить доверие Постоянной палате международного правосудия Лиги наций.

Мексика заявила «о своем намерении всегда выполнять свои обязательства, каких бы стран это ни касалось и при любых обстоятельствах». 10-го, в четверг, во второй половине дня представители Чили, Венесуэлы, Уругвая, Эквадора, Перу и Боливии заявили о своем согласии; это означало, что Латинская Америка полностью одобряла организацию мира на основе юридических принципов. «Устав Лиги наций, – заявил представитель Эквадора Зальдумбиде, – должен соблюдаться при любых обстоятельствах места и времени». В нескольких словах Пурич изложил мнение трех правительств стран Малой Антанты. С такой же ясностью высказался Максимос от имени Балканской Антанты.

Затем от имени Эфиопии с ответом барону Алоизи выступил Текле Хавариат. Заявив, что «невоздержанная полемика умалила бы величие этих замечательных прений», он выразил благодарность всем защитникам Устава Лиги наций, независимости и целостности государств; особую благодарность он принес представителю Гаити. Правительство Эфиопии ожидало справедливости в течение 10 месяцев. Теперь, когда решение вынесено, оно просит всех выполнить свой долг. Оно напомнило Ассамблее, что в своей агрессии итальянское правительство использует самые совершенные орудия смерти. Как остановить это массовое уничтожение? Необходимы быстрые и энергичные действия, а не доктринерские запреты и моральное осуждение на словах. Эфиопия готова принять решения любого органа, который будет образован Советом или Ассамблеей для прекращения военных действий; она готова заключить почетный мир, но не уступит силе. Произнося эти слова, Текле Хавариат бросил взгляд на места итальянской делегации. Ассамблея наградила его аплодисментами. Лаваль отсутствовал и не слышал этого выступления.

Список ораторов был исчерпан. Бюро вынесло на одобрение Ассамблеи следующий проект:

> «Заслушав мнение членов Совета, выступивших на заседании 7 октября 1935 года, и принимая во внимание обязательства членов Лиги наций в силу статьи 16 Устава, а также желательность координации мер, вопрос о принятии которых будет рассмотрен каждым из них, Ассамблея предлагает членам Лиги наций, за исключением заинтересованных сторон, образовать комитет в составе одного представителя от каждого государства, с участием экспертов, чтобы изучить и облегчить координацию мер, а в случае необходимости обратить внимание Совета или Ассамблеи на любую ситуацию, которая нуждалась бы в их рассмотрении».

Барон Алоизи сделал ряд оговорок. Он будет голосовать против проекта резолюции. Представители Венгрии и Австрии воздержались. Председатель констатировал, что предлагаемый текст принят большинством при одном против и двух воздержавшихся.

11 октября после представителя Албании, сделавшего ряд оговорок, в защиту позиции Ассамблеи выступил Бенеш, давший ответ на речь Алоизи.

Пятьдесят государств высказались за санкции и четыре – против[198]. 18 октября в ответ на устное сообщение от 16 октября

Лаваль заявил послу Великобритании, что «французское правительство полностью разделяет точку зрения британского правительства относительно значения обязательства о взаимной поддержке, вытекающего из параграфа 3 статьи 16. Иными словами, если бы в связи с выполнением своих обязательств в соответствии со статьей 16 Устава одно из государств – членов Лиги наций подверглось нападению со стороны государства, нарушившего Устав, французское правительство сочло бы себя обязанным к неограниченным солидарным действиям в смысле военной, военно-воздушной и военно-морской помощи». «В конкретном случае, упоминаемом в последнем сообщении посла Великобритании, а именно в случае эвентуального нападения Италии на Великобританию в связи с участием последней в международной акции Лиги наций совместно с Францией, Великобритания может заранее и полностью рассчитывать на поддержку Франции во всех отношениях, как это было признано обязательным правительствами обеих стран, согласно статье 16 Устава».

* * *

Выборы в сенат 20 октября прошли в общем неблагоприятно для радикалов. Мы потеряли 7 мест, однако в департаменте Роны получили на одно место больше.

22 октября. Заседание совета кабинета. Лаваль поставил нас в известность об осложнении, возникшем с Англией, и о довольно резком заявлении Лондона по этому поводу. Лаваль зачитал нам свою телеграмму от 15 октября, содержавшую ряд оговорок по поводу мер, принятых Англией в отношении своих военно-морских сил; в телеграмме предлагалось провести частичный отвод этих сил одновременно с выводом итальянских войск из Ливии. Шел спор о проведении в жизнь параграфа 3 статьи 16. «Ни разу, – подчеркнул Лаваль, – я не выступил против применения экономических санкций, требуемых Англией».

16 октября Клерк[199] имел объяснение с Лавалем по поводу замечаний Франции относительно английских мер в области военно-морских сил. Лондон утверждал, что эти меры были приняты в плане выполнения Устава, что они связаны с определенным риском и поэтому не должны служить поводом для «торговли». К тому времени Англия запросила у нас определенных гарантий, что мы поддержим ее против любого нападения, причем подразумевалось, что со своей стороны она не предпримет никаких агрессивных шагов. Итальянские войска в

Ливии в пять раз превышают по численности английские войска в Египте. Лондон ставил нам в упрек, что мы не ответили на его предложение о сотрудничестве. Англия утверждала, что в Средиземном море она располагает флотом водоизмещением в 488 тысяч тонн, а Италия – 342 тысячи тонн; она ставила вопрос о Локарно и заявляла, что в случае необходимости ей придется выступить с оговорками относительно ряда принятых нами мер и даже по поводу наших фортификаций, которые могли бы помешать осуществлению договоров. Англия жаловалась также на нашу печать.

В связи с этим инцидентом французское правительство указывало в своем ответе от 18 октября: 1. Английский демарш свидетельствует о неточной интерпретации. Франция стремится к установлению взаимного доверия между нашими странами. 2. Англия хочет, чтобы все члены Лиги наций лояльно исполняли параграф 3 статьи 16, предусматривающий эвентуальную военную поддержку. Французское правительство дает на это *свое неограниченное и безусловное согласие; оно признает обязательство о взаимной поддержке и неограниченной солидарности действий в военной, военно-воздушной и военно-морской областях*[200]. Само английское правительство заявило о своем намерении действовать исключительно в рамках Устава. Следовательно, в случае агрессии со стороны Италии поддержка Англии со стороны Франции обеспечена. 4 и 5. Британскому военно-морскому атташе было сообщено, что этот вопрос поставлен перед председателем совета министров Франции, так как он носит не технический, а политический характер. 6. Таким образом, все недоразумения теперь рассеяны.

Лаваль напомнил нам, что в Женеве он условился с Хором ограничиться применением параграфа 1 статьи 16 (экономические санкции). Военные санкции, морская блокада и закрытие Суэцкого канала были исключены. Лаваль выразил сожаление, что Великобритания не опубликовала своих решений по этому вопросу. Он возвратился к своей идее отвода части военно-морских сил Англии; что касается слова «торговля», то он считает его неприемлемым, так как не может нести ответственность за разглашение фактов, связанных с отводом флота (намек на статьи Пертинакса).

В заключение французское правительство просило Англию быть выше полемики и признать, что конечные решения обоих правительств всегда совпадают, что общность их взглядов является полной и что, следовательно, не может быть никаких недоразумений.

19 октября стало известно, что Форейн оффис признало этот

ответ *полностью удовлетворительным.* Продолжается пока что негласный обмен мнениями. Лаваль считает, что Лондон склоняется к соглашению с Италией. Англия, повидимому, готова теперь поддержать идею полюбовного урегулирования итало-эфиопского конфликта. Муссолини выступил с предложениями. Лаваль пока не говорит нам о них; он хотел бы дождаться результатов выборов в Великобритании; он желает прямого соглашения между Лондоном и Парижем и в этом отношении проявляет большой оптимизм.

Ренье сообщил нам о трудностях, с которыми он столкнулся в финансовой комиссии, где его обвинили в сокрытии бюджетного дефицита. Положение казначейства вызывало тревогу ряда членов кабинета. В 1936 году придется выпустить заем на сумму 10 миллиардов франков. С 1930 по 1935 год государственный долг возрос на 75 миллиардов франков. В связи с возобновлением инфляции пришлось прибегнуть к чрезвычайным декретам.

23 октября. Заседание совета кабинета и совета министров. По моему предложению было принято несколько декретов, подготовленных Комиссией департаментской и коммунальной администрации, председателем которой я являюсь, в том числе декреты о пересмотре железнодорожных концессий, представляющих общегосударственный интерес. Фроссар представил свой декрет по социальному страхованию. Берар представил законопроект о заговорщических лигах; основное в этом вопросе – это наличие оружия у слишком большого числа людей. Речь идет о том, чтобы упорядочить право на демонстрации и ввести правило обязательного предварительного уведомления с тем, чтобы мэры могли разрешать или же запрещать их проведение. Демонстрации, организованные в нарушение этого правила или же запрещенные, будут считаться *незаконными,* и к их участникам могут быть применены санкции. Было предложено подвергать тюремному заключению за ношение огнестрельного и холодного оружия, а также повысить сроки наказания, предусмотренные в статье 3 закона от 24 мая 1834 года за создание складов оружия и за его перевозку. Упростили процедуру применения закона 1901 года. Трудности (вернее, даже сражение) возникли, когда я потребовал четкого подтверждения статей 3 и 7 закона 1901 года, имея в виду роспуск заговорщических лиг. Я настаивал на включении формулы Вальдека-Руссо о защите республики. Лаваль сильно колебался. Он зачитал нам письмо, полученное им от полковника де ла Рокка; однако в конечном счете он согласился.

* * *

В четверг, 24 октября, в зале Ваграм открылся съезд партии радикалов; он продолжался до 27 октября. Прибыв на съезд, я убедился, что две трети присутствовавших было на моей стороне. Мое вступительное слово было очень хорошо принято, хотя, по-видимому, аудитория была несколько разочарована в своем ожидании большой речи. Но когда я пришел на заседание общеполитической комиссии, то сразу же столкнулся с серьезными трудностями. Даладье резко критиковал чрезвычайные декреты о заговорщических лигах. Я защищал, как мог, принятые положения, считая их шагом вперед. Отношение комиссии ко мне было враждебно-холодным. Впрочем, я твердо решил уйти с поста председателя партии. За последние четыре года возникало слишком много трудностей, слишком много противоречий между моим долгом в качестве председателя партии и моими функциями в качестве министра.

В пятницу состоялось заседание, посвященное внешней политике.

Докладчиком был Поль Бастид, председатель комиссии по иностранным делам палаты депутатов. Указав на нашу «твердую и действенную веру в Лигу наций согласно традиции, начало которой положил Леон Буржуа[201], он подтвердил нашу верность доктрине коллективной безопасности. «Солидарность, – говорил он, – не только порождает права, но и налагает обязанности. Совпадение наших принципов и наших интересов в этом вопросе обязывает нас проводить такую политику, которая соответствует и тому и другому, – политику честного соблюдения без всяких недомолвок своих обязательств, пользу из которой мы сможем когда-нибудь извлечь в случае возникновения других конфликтов. Солидарность при любых обстоятельствах места и времени, – справедливо заявила Франция в Женеве. Твердое коллективное сопротивление любому акту неспровоцированной агрессии, – провозгласила Великобритания. Мир неделим, – ответила Россия. Право и сила находятся по сути дела на одной стороне».

Бастид оправдывал позицию Великобритании. По его словам, дружба с этой страной втройне ценна для нас из-за ее приверженности праву, внутренней свободе и миру; он превозносил «зрелость, ясность ума и историческую флегматичность Англии». Если бы в 1919 году, как предлагал Леон Буржуа, были созданы международные силы, то это избавило бы мир от множества тревог. Необходимо поэтому осуждать любую агрессию, так как иначе можно подорвать весь Устав. Сейчас представляется возможность «усовершенствовать на опыте систему, учрежденную не для нанесения удара тому или

иному государству, не для раздувания ненависти, а для того, чтобы сделать невозможным продолжение войны». Поль Бастид нашел удачное и сильное сравнение; итало-эфиопский конфликт, сказал он, «является *как бы поединком между порядком и авантюрой».* «Если международная организация будет ослаблена, – добавил он, – то сегодня над ней посмеются, а завтра – растопчут, и на ее развалинах отпразднуют возвращение к варварству наших предков, к разгулу всех страстей и аппетитов, которые часто объявляются священными, когда они носят коллективный характер. «Мы присутствуем при одном из самых великих опытов, которые проводил мир на протяжении жизни нескольких поколений», – говорил недавно министр иностранных дел Англии. Впервые испытывается на практике механизм коллективной безопасности. Если он окажется действенным, то это будет означать огромный прогресс. Если нет, то страшное разочарование постигнет всех тех, кто стоит за отказ от войны как средства национальной политики. На тех, кто проявит колебание, ляжет столь же тяжелая ответственность… Мы проводим не политику коалиции, не политику окружения, мы хотим построить умиротворенную Европу при помощи всеобщего равноправного сотрудничества». Выступивший затем Жак Кейзер защищал Антанту и Лигу наций.

Я должен был принять участие в дебатах. В своем выступлении я напомнил, что мы, радикалы и радикал-социалисты, на съезде в Тулузе в 1932 году первыми выступили за сближение с Италией и что, верные доктрине Революции, мы стремились не смешивать внутриполитические и внешнеполитические проблемы. Я защищал затем нашу дружбу с Англией. «В деле защиты оставшейся в мире свободы, публичного права и конституционного духа Франция и Великобритания являются дополняющими друг друга нациями. Наш союз, будь то союз по чувству или по рассудку, необходим для гарантии основных интересов, успешно защищаемых нами в этот час… Мы боремся за общие нам цели неодинаковыми средствами. Англичане действуют путем индукции; мы действуем методом дедукции. Они медленно, шаг за шагом, отправляясь от своей древней Хартии, пришли к таким понятиям, как свобода, при помощи метода, который можно назвать прагматическим развитием понятия удобства. Мы распространяем с высот своего интеллекта истины, которые считаем справедливыми, согревая их всем пылом своего сердца. В конечном счете, несмотря на различный характер наших действий, мы приходим к цели одновременно с англичанами, а иногда они оказываются у цели даже раньше нас».

Я счел необходимым поставить вопрос так: стоит Франция за Лигу наций или против нее? Будет ли она помнить о клятве, данной жертвам великой войны, или нет? Хочет ли она покончить со старой эрой и открыть новую эру или же желает возвратиться к старой системе союзов, комбинаций и политике равновесия сил, которая всегда приводила к войне? «В прошлом договор был перемирием между двумя войнами, дипломатическим актом, таившим в себе столько источников конфликта, что, являясь заключительным актом недавней войны, он в то же время был уже предвестником новой войны». Я указал на ряд успехов, достигнутых Лигой наций: ликвидация саарского режима, сохранение мира после убийства короля Александра, принятие Советского Союза в Лигу наций. Я напомнил, что в связи с итало-абиссинским конфликтом 50 членов Лиги наций высказались за совместные действия.

Это событие свидетельствует о трех важных новых обстоятельствах, увидеть которые французскому народу помешала его предвзятость: возникновение международного общественного сознания; провозглашение доктрины неделимости мира, особенно отстаиваемой представителем Советского Союза; доктрина коллективной безопасности, положенная Англией в основу ее заявлений. Я заявил, что выполнение Устава Лиги наций является для Франции делом долга и чести. Именно Франция в 1924 году в Женеве выступила за систему санкций, против которой Англия сначала возражала. «Старые химеры, – заявил я, – договор, долг, честь! Да, это старые слова, старые химеры, но я хочу умереть с ними. Старые химеры, но я хочу остаться верным им, иначе я недостоин быть истинным французом. Ибо быть французом – это не только жить на определенной территории, это – быть верным наследником традиции, которой следовали наши государственные деятели». И я воздал должное одному из них, Кайо, который в момент Агадирского кризиса сумел отвратить от нас войну. «Да разве есть народ, – говорил я, – который был бы более, чем мы, заинтересован в том, чтобы после определения агрессора применение санкций носило, так сказать, характер автоматической неизбежности?… Кем бы вы ни были и где бы вы ни находились, вы берете на себя страшную ответственность за будущее, осмеливаясь лишать надежды тех, кто наконец согласился с необходимостью быстрых автоматических санкций против агрессии». Мы говорим французскому народу: «Пойми, что верные Лиге наций демократы лучше всего защитят будущее твоей земли, твоего дома и, главное, твоих детей от возможных опасных осложнений».

Съезд с энтузиазмом одобрил эти выводы в резолюции, составленной Бастидом в следующих выражениях: «Республиканская партия радикадов и радикал-социалистов… более чем когда бы то ни было решительно заявляет о своей верности политике международного сотрудничества и коллективной безопасности, центром которой является Женева, той политике, которая, не дискриминируя ни одну из держав, всегда стремилась к соблюдению равенства между ними и главным оплотом которой являются в настоящее время объединенные силы Великобритании, Советского Союза и Франции».

Выступая на заседании 26 октября, я вновь почувствовал, как трудно совместить мои министерские обязанности с обязанностями главы партии. Благорасположение съезда побуждало меня продолжать участвовать в работе правительства, где я не прекращал борьбы «против тех, кто считал, что национальное единство должно привести к созданию правого правительства». Это благорасположение побуждало меня оставаться председателем партии, о чем говорили генеральный докладчик Жан Зей, председательствовавший Камилл Шотан и Эдуард Даладье. За мое избрание председателем единогласно проголосовали все делегаты. Когда 14 июля я говорил о своем нежелании оставаться более на этом посту, который я занимал уже четыре года, то мне хотелось положить конец конфликтам с совестью, которые так часто отравляли мне жизнь. Чувства, проявленные моими товарищами, побудили меня уступить. Кампэнки, выступивший с декларацией от имени партии, поблагодарил меня с той глубокой сердечностью, которая придавала столько прелести его дружбе.

На банкете в воскресенье, 27 октября, все выступавшие подтвердили единодушное стремление партии к единству.

Утром в субботу, 26 октября, я принял посла Италии. Несмотря на его горделивые заявления, у меня создалось впечатление, что его страна уже желала мира.

Вторник, 29 октября. Заседание совета кабинета, посвященное новой серии чрезвычайных декретов. С 9 часов 30 минут утра и до 12 часов ночи, с 3-часовым перерывом, мы приняли 297 декретов. Это много, слишком много.

В конце заседания Ренье сообщил нам о важных решениях финансовой комиссии, которая постановила ассигновать 500 миллионов франков в помощь «жертвам чрезвычайных декретов». Со времени съезда партии радикалов атмосфера все накалялась. Лаваль был заподозрен в намерении выступить с предложением о продлении законодательных полномочий. «Попюлер» даже

заявила, что Шотана просили предъявить мне нечто вроде ультиматума, в связи с чем Шотан опубликовал опровержение. Лаваль, конечно, думал об этом проекте; Паганон заявил ему, что его кабинет обречен. Я пытался разрядить обстановку, присоединившись к протесту Ренье против решения финансовой комиссии.

Среда, 30 октября. До начала заседания совета министров я встретился с Лавалем; наша беседа, которая могла быть очень трудной, после вчерашних объяснений оказалась спокойной и сердечной. Единственное, на что я обратил внимание, это то, что Муссолини выступил с мирными предложениями, которые были переданы затем нашим министерством иностранных дел Англии. Лаваль заявил мне, что, по его мнению, следовало бы целиком передать Италии ту часть Эфиопии, которая находится за восьмым градусом.

На заседании совета министров в этот же день, после подписания декретов, он сообщил нам, что санкции уже применяются; остается установить дату осуществления некоторых мер относительно покупки ряда итальянских товаров. Министр иностранных дел в скором времени встретится в Женеве с Хором; он явно делает все от него зависящее, чтобы оттянуть применение санкций; он стремится к полюбовному урегулированию на основе итальянских предложений, которые он полностью поддерживает и для обсуждения которых Муссолини предоставил ему свободу действий. Английский эксперт Петерсон прибыл в Париж для совместной работы с Сен-Кантеном. Лаваль намерен предпринять серьезные усилия до применения санкций. С другой стороны, Англия ведет переговоры с Италией. Меня удивляет и раздражает то обстоятельство, что наш министр продолжает с таким пренебрежением относиться к Великобритании. Ни слова в защиту подвергшейся нападению Абиссинии. Решительно, слабые всегда виноваты!

Днем я встретился с Потемкиным, итальянским послом и президентом республики. Президент ожидает правительственного кризиса; мне кажется, что он думает о Фландене.

На заседаниях 29-го и 30-го финансовая комиссия разнесла в пух и прах правительственный проект бюджета. 30 октября на заседании бюро Исполнительного комитета у меня произошло резкое объяснение с радикалами – членами комиссии, причем меня поддержали активисты. Вечером в четверг, 31 октября, во время продолжительной беседы с Леоном Блюмом я пытался несколько умерить его пыл. Он хотел бы, чтобы власть перешла к левым. Я высказал ему весьма пессимистический взгляд на финансовое положение и отказался связать себя какими бы то ни

было обещаниями. В случае падения кабинета Лаваля я за переходное правительство.

С 1 по 12 ноября я находился в Лионе. В течение недели заседал Генеральный совет Роны, который очень любезно отметил мой юбилей. В Париже во время моего отсутствия против меня развернули яростную кампанию, особенно «Эко де Пари». Предлогом послужило мое присутствие 3 ноября в Лионе на собрании Общества друзей Советского Союза. Я сидел рядом с Вайяном-Кутюрье, который, следует сказать, вел себя очень корректно и сдержанно. Небезызвестный Карбюксиа в своем грязном листке «Гренгуар» обвинил меня в оказании протекции подозрительному иностранцу Эберлейну, которого я никогда не видел и не знал. Я выступил с опровержением. Министерство внутренних дел «заявило самым категорическим образом, что ни г-н Эррио, ни кто-либо иной из членов парламента не обращались в министерство или в его органы ни по поводу следствия, ни по поводу высылки из страны находящегося в настоящее время под судом обвиняемого». Анри де Кериллис посвятил мне четыре исключительно резкие статьи. Он особенно ставит мне в вину верность Советскому Союзу (впоследствии он сам встал на мою точку зрения). «Внимание! этот человек опасен, – пишет он 6 ноября в «Эко де Пари». – Это общественный враг номер один». По поводу одного выступления Шотана Лаваль сделал в печати следующее заявление («Тан» от 10 ноября): «Я считаю своим долгом заявить, что в деле выполнения тяжелой и трудной задачи, возложенной на нас парламентом, г-н Эдуард Эррио постоянно оказывал мне самое лояльное и искреннее содействие». Разъяренный Кериллис, попав в смешное положение (ведь он обвинял меня в том, что каждую ночь «я полупьян от кофе»), выпустил против меня пропагандистские афиши. Леон Байльби также «разоблачал» меня в газете «Жур».

12 ноября, заседание совета министров. Лаваль представил нам отчет о своих последних переговорах в Женеве с сэром Сэмюэлем Хором, который продолжает выступать против итальянского мандата на Эфиопию и настроен скорее в пользу территориальных уступок. Оба министра пришли к единому мнению о необходимости получить согласие Эфиопии и о целесообразности отложить принятие решения до окончания выборов в Англии. Как один, так и другой хотят сослаться на сложность проблемы. Чувствуется, что Лаваль по существу не очень благосклонен к Лиге наций и предпочитает вмешательство великих держав; он настаивал на том, чтобы сделать Италии существенные территориальные уступки. Собираются позондировать по этому вопросу негуса.

При обсуждении положения на Средиземном море возникли значительные трудности. У итальянцев в Ливии было в три раза больше сил, чем у англичан в Египте. Муссолини отмобилизовал еще одну дивизию. Лаваль настаивал на выводе английских крейсеров. Что касается санкций, то Хор хотел, чтобы было создано впечатление, что Лига наций готова проявить решимость и твердость. Начало осуществления намеченных мер назначено на 18-е. В итоге между Францией и Великобританией, во всяком случае внешне, достигнуто согласие.

Лаваль встречался также с Алоизи, который сильно возмущен и считает, что экономические санкции ведут к войне и что к тому же в Женеве начинают относиться с симпатией к Италии. Следует также отметить, что итальянская печать начала усиленную кампанию против нас. Незаметно, чтобы Лаваль был вознагражден за свои услуги. Он пожаловался на это Риму в довольно резкой телеграмме, где, в частности, указал, что Франция никогда не соглашалась на ликвидацию политической независимости Эфиопии. Эта телеграмма, датированная 9 ноября, напоминала о торжественных обязательствах французского правительства, протестовала против кампании, которая может привести к «переоценке отношений доверия» между Францией и Италией, перечисляла уступки, на которые пошел Париж, и указывала на важность сдерживающих действий французского правительства. «Римские соглашения, – писал Пьер Лаваль, – не только не означали поддержку со стороны Франции итальянской политики в Эфиопии, но исключали всякую возможность посягательства на независимость или суверенитет этой страны». Французское правительство заявляло Муссолини о своей верности Уставу Лиги наций. «Применение минимума мер, требуемых Уставом, то есть экономических мер, позволило франко-британскому содружеству удержать Великобританию в границах коллективных действий, что дало Италии самую надежную гарантию против риска возникновения англо-итальянского конфликта (риска, который по просьбе самого г-на Муссолини я особенно стремился предотвратить; причем в поисках соглашения между Великобританией и Италией я пошел даже на существенное ухудшение франко-британских отношений, явившееся следствием моих настойчивых демаршей с целью разрядки напряженности в районе Средиземного моря)».

Телеграмма от 9 ноября 1935 года заканчивалась следующим образом: «Франко-итальянская дружба не может держаться лишь усилиями одной стороны. Если в Риме по-прежнему ценят ее преимущества, то не мешало бы по крайней мере ее щадить».

В итоге 12 ноября, когда собрался совет министров, было все

еще не ясно, каким будет принципиальное решение этого вопроса. Муссолини протестовал против экономических санкций и против того, что его не поставили о них заранее в известность. Для Лаваля день 18 ноября явится важной датой; он еще надеется, что сможет найти к этому числу пути к соглашению; он продолжает выступать против санкций. Италия, по его мнению, никогда не откажется от Тигре.

Переходим к финансовому вопросу и к трудностям, связанным с решениями финансовой комиссии; министр внутренних дел хотел бы *«гуманизировать»* декреты. Ренье сообщил, что обстановка продолжает оставаться довольно напряженной. Падение курсов на бирже; возобновилась кампания за девальвацию и паника. Вновь усилилась утечка золота: 4 ноября – 5 миллионов; 6-го – 42; 7-го – 116, 9-го – 326. Наступление ведется как на внешнем, так и на внутреннем фронте. Сберегательные кассы еще держатся. Имеется опасность, что Французский банк будет вынужден повысить учетный процент. 29 и 30 октября финансовая комиссия вынесла решение о принятии очень серьезных мер, но Ренье настроен довольно миролюбиво, лишь бы было сохранено равновесие. Ориоль потребовал выделить в помощь рантье 500 миллионов на дополнительные пособия. Каталан настаивал на изменении пенсий по инвалидности, что потребовало бы дополнительных расходов в 1700 миллионов франков, и на выплате 967 миллионов чиновникам. Всего комиссия просила 2600 миллионов, которые она намерена изыскать с помощью Пенсионной кассы и некоторых других мер. Было утверждено так называемое «фискальное удостоверение личности», введение которого было отложено до 31 декабря 1935 года (но и в 1936 году результат будет равен нулю). Комиссия потребовала также повышения налога на наследство и на крупные доходы.

Нужно было выбирать между резким противодействием и переговорами. Я предложил испытать второй способ. Фланден настаивал на необходимости успокоить общественное мнение, которое боялось девальвации, – нужно убедить его в платежеспособности государства. Доллар вновь стал валютой-убежищем; французские капиталы снова потянулись к нью-йоркскому рынку.

Во вторник, 12 ноября, состоялось заседание бюро партии радикалов. Обсуждался ответ на предложения Народного фронта. Я считал, что необходимо пойти на сотрудничество в борьбе против лиг и в вопросах внешней политики, но сделать ряд оговорок по вопросу финансовой политики. Я снова советовал проявлять исключительную осторожность. Бюро единогласно

рекомендовало депутатам парламента искать соглашения с правительством.

В среду, 13 ноября, я отправился в Брюссель. Ван-Зееланд, Гиманс, Вандервельде, Бовесс, Пьерар встретили меня с исключительной теплотой. Я выступил с лекцией о девятой симфонии.

Четверг, 14 ноября, 18 часов. Ко мне пришли радикалы – члены финансовой комиссии вместе с Дельбосом. Я посоветовал им искать пути к соглашению, и они приняли мой совет. Я направился вместе с ними к министру финансов, который готов оказать содействие этой попытке. В пятницу, 15-го, утром фракция нашей партии в палате депутатов единогласно одобрила этот метод. Обстановка осложнилась. Утечка золота продолжалась; курс ренты падал. Призрак девальвации вновь появился на горизонте. Леон Блюм, который, как мне кажется, настроен против создания Народного фронта, пытается в «Попюлер» переложить ответственность за провал попытки объединения на радикалов и коммунистов. Я заявил на заседании нашей группы, что, если об этом встанет вопрос, я не соглашусь стать преемником Лаваля.

Среда, 20 ноября. Я попросил Ренье информировать меня об обстановке. Французский банк объявит завтра, что утечка золота за неделю достигла 1 миллиарда франков. Сберегательные кассы отмечают превышение расхода над приходом на несколько миллионов. Стремясь прийти к соглашению, Ренье предложил ассигновать 200 миллионов; что же касается Пенсионной кассы, то он согласился бы на создание специальной исследовательской комиссии. Он готов выделить уже сейчас 125 миллионов для мелких чиновников, 20 миллионов для мелких рантье, 50 миллионов для бывших фронтовиков плюс все то, что может принести борьба с излишествами. Во время заседания парламентской группы радикалов Ренье прислал мне следующую записку:

> «Мне сообщили, что сегодня днем утечка достигла 400 миллионов, и если это продолжится, то я вынужден буду повысить учетный процент до 5 процентов. Это очень серьезно; я прошу вас не сообщать эти сведения парламентской группе. Меня уверяют, что все это вызывается исключительно политическим положением, и я этому верю».

В 14 часов 30 минут состоялось заседание парламентской группы радикалов. Сообщения Каталана и Мальви о предпринятых демаршах. Группа, кажется, склонна одобрить

результаты переговоров с министром финансов; была принята резолюция, одобрившая достигнутое соглашение.

20 ноября, заседание совета министров. Лаваль сообщил пессимистические сведения о финансовом положении и о настроениях в палате депутатов. Он поблагодарил меня за резолюцию, принятую нашей парламентской группой, которая в какой-то степени успокоила совет министров. Он хотел бы, чтобы бюджет был сначала принят министерскими департаментами. Фланден очень логично возражал против этого. Затем началась дискуссия о беспорядках в Лиможе. Я совершенно несогласен с Лавалем и Паганоном. Паганон предложил проект циркуляра о частных объединениях, но затем снял его с обсуждения, что меня полностью удовлетворило. Заседание проходило довольно бурно; чувствовалось, что нависла угроза падения кабинета. Палата депутатов возобновит работу 26 ноября.

Четверг, 21 ноября. Заседание бюро партии, где вновь обсуждались вопросы о Народном фронте и об инцидентах в Лиможе. После этого заседания я вместе с Дельбосом и Мазе отправился к Венсану Ориолго, где мы встретились с Блюмом, Бонкуром, Деа, Торезом, Дюкло, Даладье, Кампэнки. Спросили мое мнение. Я заявил, что считаю крайне нежелательным сформирование правительства Народного фронта, которому по меньшей мере угрожала бы необходимость провести девальвацию. Коммунисты согласились с моими доводами и с возможностью сформировать переходное правительство. Бонкур и Деа, напротив, высказались за создание в ближайшее время правительства Народного фронта. Что касается лиг, то я указал на опасность падения правительства в первый же день возобновления работы палаты депутатов в результате инцидента в Лиможе, отчасти еще не ясного. У меня сложилось впечатление, что коммунисты, и социалисты понимают обоснованность моих доводов, но зашли уже слишком далеко, чтобы согласиться с этим.

Пятница, 22 ноября. Заседание Высшего совета национальной обороны. Маршал Петен сделал сообщение о стратегических запасах Германии, которая значительно опередила нас в деле промышленной мобилизации. Совет обсуждал вопрос о снабжении страны сырьем. Марэн и я выразили сожаление о нашей недостаточной подготовленности.

Генеральный секретарь Высшего совета национальной обороны генерал Жаме довел до нашего сведения содержание важного досье от 14 ноября, содержавшего протоколы специальной исследовательской комиссии под председательством Ф. Пьетри, переписку между министерствами по поводу

стратегических запасов, общий доклад и много других документов. 7 ноября 1935 года председатель совета министров Пьер Лаваль направил маршалу Петену следующее письмо:

> «Осуществление мер по мобилизации национальных ресурсов требует, чтобы Генеральный секретариат национальной обороны уделил особое внимание подготовке экономической и административной мобилизации и чтобы деятельность этого органа все более тесно увязывалась с работой различных министерств. Имею честь уполномочить вас направлять и координировать от моего имени работу различных органов, которым поручена подготовка экономической и административной мобилизации. Эти полномочия позволят вам, в частности, в рамках существующей в настоящее время организации контролировать деятельность Генерального секретариата национальной обороны и делать мне любые полезные предложения по этому вопросу».

* * *

Со всех сторон возникают трудности.

С 1 октября по 19 ноября 1935 года чистая утечка золота составила 1541 миллион.

Распря между Эфиопией и Италией вызывает многочисленные осложнения. 16 октября 1935 года в Женеве координационный комитет, «считая, что следует обеспечить быстрое и эффективное осуществление мер, которые он уже предложил или предложит в дальнейшем, а также считая, что каждая страна должна обеспечить осуществление этих мер (в соответствии с положениями своего публичного права, и в частности с компетенцией своего правительства) для выполнения договоров, напоминает, что члены Лиги наций, будучи связаны обязательствами, вытекающими из статьи 16 Устава, должны принять необходимые меры, чтобы в самое ближайшее время суметь выполнить эти обязательства». Эта резолюция была принята вслед за основной декларацией от 14 ноября, ссылавшейся на статью 16 Устава.

28 октября председатель совета министров представил президенту республики проект декрета, предусматривающего выполнение принятой в Женеве резолюции.

2 ноября юридический подкомитет Лиги наций сообщил, что 43 страны, в том числе Франция, уже приняли предложение относительно экспорта оружия, боеприпасов и военных материалов.

7 ноября был принят декрет, согласно которому «всякий импорт итальянских товаров на территорию, подведомственную французской таможне, а также во французские колонии и в африканские территории, находящиеся под французским мандатом, может быть произведен только после соответствующей декларации импортера в Компенсационное управление Парижской торговой палаты. Соответствующие платежи по этому импорту должны будут производиться в обязательном порядке только через упомянутое управление». Другой декрет запрещал экспорт в Италию некоторых товаров. Еще один декрет от 16-го запрещал «импорт во Францию, во французские колонии и в африканские территории, находящиеся под французским мандатом, сырья или промышленных товаров из Италии или из итальянских владений».

15 ноября государственный секретарь Соединенных Штатов Хэлл вновь повторил предупреждения, уже ранее сделанные им и президентом, о необходимости прекратить торговлю с воюющими странами. Он напомнил, что «эта торговля полностью противоречит политике правительства, а также духу закона о нейтралитете».

Вторник, 26 ноября. Заседание совета министров. Лаваль сообщил нам о своем намерении воспротивиться эмбарго на нефть. Вопрос серьезный, но не требующий немедленного решения. Будем терпеливыми, подождем.

Ренье сообщил о результатах переговоров с финансовой комиссией. Общее положение остается по-прежнему тяжелым; утечка золота все так же велика; основные закупки идут из-за границы, через Нью-Йорк; банк борется, повышая учетный процент. Кампания за девальвацию вырисовывается все более четко. Ренье не желает накладывать эмбарго на золото. Лаваль хочет, чтобы палата депутатов высказалась прежде всего по финансовому вопросу.

Затем перешли к обсуждению вопроса о лигах. Я потребовал, чтобы правительство заняло решительную позицию и приняло твердое решение. Развернулась продолжительная дискуссия по политическим и юридическим вопросам. Совет принял основные, положения доклада Шовэна. (Документы палаты депутатов № 4414 и приложения.) «Руководствуясь всегда твердым стремлением к внутреннему миру и желанием обеспечить нормальное функционирование общественных учреждений,

назначенная вами комиссия, – писал Шовэн в своем докладе, – считает, что эта двойная задача может быть разрешена только в том случае, если исчезнет опасность вооруженных конфликтов между согражданами. Помня о Декларации прав человека и гражданина, она считает, что институт насилия учрежден во имя общего блага, а не для защиты интересов отдельных лиц. Он должен находиться только в руках правительства. Этот принцип изложен в статье 12 Декларации прав человека и гражданина. В соответствии с этим комиссия просит вас распустить декретом министра внутренних дел, одобренным Государственным советом, ассоциации и группировки, носящие характер боевых соединений или частной милиции, которые организуют вооруженные уличные демонстрации, пытаются посягнуть на территориальную целостность государства или на республиканскую форму правления».

Лаваль зачитал депешу Франсуа-Понсэ о его беседе с Гитлером, состоявшейся 21 ноября в присутствии фон Нейрата (№ 2936). Беседа длилась более часа. Франсуа-Понсэ выразил удовлетворение менее резким тоном германской прессы; Лаваль сообщил, что в ближайшее время на утверждение парламента будет представлен франко-советский пакт, носящий чисто оборонительный характер и «продиктованный желанием создать коллективную безопасность, то есть дело, участие в котором Германии всегда будет желательным и будет встречено с удовлетворением». Наш посол проконсультировался также с канцлером относительно военно-воздушного пакта и ограничения вооружений. Гитлер отвечал очень любезно, но высказал много критических замечаний по поводу франко-советского пакта; он настойчиво подчеркивал, что видит в нем военный союз, направленный против его страны. «Россия представляет опасность для Европы; она не является европейской страной, она думает только о разрушении Европы». Канцлер сослался на итало-абиссинский конфликт в качестве аргумента против систем коллективной безопасности. «Гитлер заявил, что он не думает нападать на Россию, что он об этом никогда не думал, что, кроме того, не имея общей границы с этой страной, он не представляет, каким образом он мог бы вступить с ней в вооруженный конфликт».

После этого Гитлер произнес не менее длинную обвинительную речь против политики санкций. Он заявил, что по отношению к Франции он испытывает только самые добрые чувства. Он ставит себе в заслугу улучшение германо-польских отношений и желал бы добиться также улучшения франко-германских отношений. У него нет больше Никаких притязаний

на Эльзас-Лотарингию. Саарская проблема урегулирована.

«Что же касается более конкретных проблем, которые возникают в связи с возможностью заключения военно-воздушного соглашения и ограничения вооружений, то канцлер считает, что еще не наступил подходящий момент, чтобы снова заниматься их рассмотрением». Затем он перешел к итало-абиссинскому конфликту. «Он явно порицает позицию Муссолини, но думает, что Англия вынуждена будет вступить в войну с Италией, и опасается, не высказывая этого открыто, краха итальянского фашизма». В общем «он не намерен занять какой-либо иной позиции, кроме нейтралитета и выжидания, пока ему не станет ясен дальнейший ход итало-абиссинского конфликта».

После зачтения этой депеши Лаваль перешел к вопросу о нефти. Я вновь указал, что нужно зарезервировать наше мнение по этому вопросу.

Паганон сообщил нам содержание своего циркуляра префектам о применении чрезвычайного декрета от 23 октября 1935 года, регламентирующего уличные демонстрации и ставящего их проведение в зависимость от предварительного формального уведомления властей.

26 ноября проходило совещание парламентской группы радикалов. Группа по-прежнему относится к правительству резко отрицательно. Я повторил, что, если в случае кризиса мне предложат пост главы правительства, я откажусь.

Совещание в среду, 27 числа. Лаваль произнес по радио речь, содержание которой не было сообщено заранее правительству. Бюро партии приняло следующую резолюцию:

> «Бюро констатирует свое удовлетворение принятием следующих решений: 1) смягчить чрезвычайные декреты в отношении мелких рантье, чиновников, железнодорожных служащих и пенсионеров; 2) изучить вопрос о создании Пенсионной кассы в соответствии с просьбой бывших фронтовиков; 3) утвердить принцип прожиточного минимума.
>
> Кроме того, были приняты основные положения доклада Шовэна, а также циркуляр министра внутренних дел, на основании которого мэры и префекты могли отныне запрещать собрания, даже носящие частный характер, если они представляют опасность для общественного порядка.
>
> Верное делу внутреннего мира, оно указывает на

необходимость дополнить, усилить и ввести в действие законодательные положения, предусматривающие запрещение вооружения граждан.

Оно заявляет о своей решимости продолжать усилия, направленные на исправление чрезвычайных декретов в соответствии с решениями Парижского съезда.

Оно намерено также сохранять связь со всеми демократическими силами, требующими, чтобы никакая политическая фракция не подменяла государство, которое одно правомочно обеспечивать порядок.

В интересах республики, которой угрожают происки ее врагов, оно приняло, после всестороннего изучения вопроса, решение просить радикалов – депутатов парламента приложить все силы, при условии соблюдения принципов своей партии, дабы сохранить единство при голосовании и избегнуть в настоящих условиях опасности политического кризиса».

Это решение было принято единогласно.

В четверг, 28 ноября, состоялось совещание парламентской группы радикалов и радикал-социалистов. Мнения явно разделились, но все выступления слушались с большим вниманием. Пио развивал мысль, согласно которой не следует свергать правительство, поскольку нет возможности исправить его внутреннюю и внешнюю политику. Группа, по-видимому, единодушно считает, что в случае правительственного кризиса невозможно будет сформировать правительство из одних радикалов. По всей видимости, многие коллеги весьма считаются с общественным мнением. Незначительным большинством группа решила голосовать за то, чтобы первым вопросом повестки дня был утвержден финансовый вопрос; в ходе предстоящих прений она намерена внести свою собственную резолюцию.

Во второй половине дня в палате депутатов начались прения по утверждению первоочередности вопросов повестки дня. Лаваль произнес фразу, которую сам признал неудачной: «Если бы я мог, – сказал он, – провести бюджет при помощи чрезвычайного декрета, я бы это сделал». Потю произнес хорошую речь, умную, аргументированную и осторожную. При голосовании правительство получило 345 голосов против 225. Радикалы голосовали следующим образом: 74 – «за», 56 – «против», 19 воздержалось, 6 отсутствовало.

В пятницу, 29 ноября, начались прения по существу вопроса. Выступили Ориоль и Поль Рейно. Леон Блюм изложил свою теорию: ни дефляция, ни девальвация. Деа благовестил. Хорошее выступление Ренье, простое и лояльное. Лаваль был в надлежащей форме. 324 человека проголосовали «за», 247 – «против». 73 радикала голосовали «против».

1 декабря 1935 года. Я отправился в Англию. Самый молодой из английских университетов – Ридингский – присвоил мне докторскую степень. В путешествие меня снарядили профессор Дессенье и мой старый школьный товарищ профессор Рюдле. Сэр Остин Чемберлен должен был выступать в качестве почетного президента. 2-го я был принят вместе с виконтом Хэйлшэмом, лордом-канцлером Англии и сэром Робертом Ванситартом. Студенты и публика встретили меня прекрасно. Сэр Сэмюэль Хор прислал мне очень любезную телеграмму. Я поспешил вернуться в Париж, чтобы принять участие в заседании палаты.

Во вторник, 3-го, начались прения о лигах. Герню произнес замечательную речь, которая произвела на собрание большое впечатление. Выступили Рюкар и Вальер. В среду, 4-го, состоялось заседание парламентской группы радикалов, находившейся в состоянии небывалого смятения. Я застал председателя совета министров крайне озабоченным; он мне предоставил полную свободу действий в отношении радикалов. Мои друзья просили меня выяснить, согласен ли Лаваль: 1) поставить вопрос о доверии при голосовании основных положений проекта Шовэна, 2) усилить законодательство об оружии, 3) предоставить министру внутренних дел право непосредственно распоряжаться жандармерией и охранными отрядами, 4) незамедлительно положить конец подстрекательству к убийству путем применения существующих законов или принятия новых. Председатель совета министров принял эти четыре условия. В четверг вечером я передал его ответ группе, но не смог ни успокоить моих коллег, ни ослабить, хотя бы внешне, решительную оппозицию большинства из них. Однако в четверг, 5 декабря, прения приняли совсем иной характер, чем накануне. Речи ораторов, представлявших лиги, – Теттенже и Валла – были в достаточной степени сдержанны. В конце утреннего заседания Фро, энергично и мужественно защищавшийся, обратился с кратким, благородным призывом к согласию.

В газете «Ордр» от 2 декабря Эмиль Бюре опубликовал статью, в которой напоминал Жаку Бенвилю, что франко-русский союз оказал Франции в 1815, 1875 и 1914 годах большие услуги и даже мог бы предотвратить Седан, если бы Наполеон III не пренебрег им. «Сегодня, как и вчера, политические интересы

Франции и России требуют объединения их сил, чтобы сдержать воинственную и алчную Германию». Бюре предвидел нападение Гитлера на Чехословакию и предостерегал Францию от политики изоляции. В заключение он писал: «Союз с Россией в дипломатическом отношении необходим. Будет ли он полезен в военном отношении? Наши высшие ответственные руководители национальной обороны ответили: «да»; и я склоняюсь к этой точке зрения». Действительно, наш посол предупреждал нас 2 и 3 декабря, что Москва обеспокоена ожесточенной кампанией, ведущейся большинством французских газет против сближения Франции с Советским Союзом, и поразительным совпадением аргументации этих листков с возражениями, представленными Гитлером Франсуа-Понсэ. Между тем, казалось бы, франко-русская политика, основанная на соображениях географического и демографического порядка, на справедливой идее равновесия сил в Европе, должна была бы быть освобождена от всех предубеждений внутренней политики. После Рапалло Россия и Германия в течение более десяти лет жили дружно. Не кроются ли за коммунистическими волнениями, о которых сообщалось из Эльзаса или из Марокко, скорее германские деньги, чем русские? Москва не заявляла протеста против репрессий, даже самых жестких. С самой же Германией можно прийти к выгодному соглашению только в том случае, если говорить с ней как равный с равным, если она чувствует реальную силу собеседника и если она понимает, что агрессия с ее стороны натолкнулась бы на грозную для нее коалицию.

Наблюдения и советы Шарля Альфана[202] были действительно пророческими. «Договор, столь отличный от довоенного франко-русского союза, – писал он, – преследует определенно мирную цель. Его гласность в противовес секретности предыдущего союза ведет свое происхождение от теории маршала Лиоте, согласно которой нужно демонстрировать свою силу, чтобы не пользоваться ею. Но в то же время не следует и трубить о том, что ружья заряжены холостыми».

Поймут ли это? Объединятся ли для защиты страны и режима? В пятницу, 6-го, прения в палате привели к совершенно неожиданной развязке. Ибарнегаре заявил о своем согласии разоружить «Огненные кресты». Блюм предложил в случае искренности этого согласия также распустить свои группы защиты. От имени коммунистов такое же обязательство взял Морис Торез. В этот момент председатель совета министров занял свое место на скамье. Я быстро рассказал ему о случившемся и предложил записать в протокол это согласие. Он сделал это, после чего был поставлен вопрос о прекращении

прений и заседание было закрыто. Вся палата была повергнута в изумление. Никто еще не представляет себе последствий этих инцидентов.

В половине третьего группа радикалов собралась снова. Один из наших коллег сделал оговорки относительно достигнутых утром результатов, но не встретил никакой поддержки. Эльбель, наоборот, потребовал одобрения этих соглашений, чтобы положить конец кошмару, в котором мы живем на протяжении нескольких лет. Мы вынуждены были отправиться на заседание. Лаваль внес три проекта постановлений: первый из них предусматривал предание уголовному суду подстрекателей к убийству; второй объявлял незаконными и полностью распущенными боевые группы и частные военные формирования; третий предусматривал тюремное заключение за ношение запрещенного оружия. Председатель Буиссон зачитал проект решения. Заседание было прервано. Мы возвратились в помещение группы. Атмосфера явно разрядилась.

Когда в половине шестого заседание возобновилось, Леон Блюм выступил с подтверждением своего утреннего заявления. Однако при этом вновь проявил свое недоверие правительству. Торез высказался в том же духе. Пио объяснил, почему он отдает свой голос за правительство; если левые не достигли между собой согласия по вопросу взятия власти, то незачем втягивать страну в авантюру. Деа высказался за национальное примирение и против гражданской войны, жестокой и в еще большей степени глупой. Он заявил о своем «чувстве нации»; он не хочет пролития драгоценной крови, крови французов; он отметил наличие в палате всеобщей воли к объединению в целях совместной конструктивной работы. Однако он упрекал правительство за проявление слабости, за применение дефляции, за то, что оно не сумело воспользоваться случаем и призвать партии к примирению. «Правительство действовало», – заявил Лаваль. – «Оно маневрировало», – ответил Деа, речь которого имела большой успех у левых. Герню питает некоторую надежду; он воздержится. Рюкар остался в оппозиции. Лаваль сказал несколько слов о суверенитете государства и обещал провести в жизнь постановления, которые ставятся на голосование. Результаты голосования были следующие: 351 – «за», 219 – «против», 29 воздержалось, 13 отсутствовало.

Обсуждение постановлений возобновилось в тот же вечер в пятницу, 6 декабря, в 9 часов. По правде говоря, утренний энтузиазм несколько остыл. Дискуссия относительно процедуры роспуска лиг вызывала резкие разногласия. Шовэн и Рюкар были настроены очень враждебно. Прения закончились к трем часам

утра под шум показных угроз и проклятий Анрио, оговорок правых и части центра. Левые, ведущие за собой большинство, добились отражения своей точки зрения в постановлениях. Публика незамедлительно приветствовала надежду на примирение. Курс ренты повысился на два пункта. Долго ли продлится этот оптимизм?

7-го президент республики обратился ко мне со следующим любезным посланием: «Я не хочу дожидаться ближайшего заседания совета министров, чтобы сказать вам, как я ценю настойчивые усилия, которые вы предприняли в течение прошлой недели и которые столь способствовали вчерашней счастливой развязке».

IV. Парижский план (10 декабря 1935 года – 30 января 1936 года)

10 декабря 1935 года. Заседание совета министров. Председатель совета министров изложил нам результаты своей беседы с сэром Сэмюэлем Хором; он сделал ряд оговорок по поводу нефтяных санкций и стремился найти основу для соглашения. Он настаивал на необходимости уступок со стороны Англии в вопросе о Тигре[203], хотя этого не предусматривали предложения экспертов. Сэр Сэмюэль Хор выразил готовность изыскать возможности для нового соглашения, принципы которого было поручено определить экспертам. Он проинформировал английское правительство, которое в понедельник, 9-го, к шести часам вечера одобрило согласованные пункты, сделав оговорки по поводу существовавших затруднений.

Мирное урегулирование могло бы быть осуществлено на следующей основе: 1. *Территориальный обмен:* а) Тигре. Уступка Италии восточной части Тигре, ограниченной на юге рекой Гхева, а на западе – линией, проходящей с севера на юг между Аксумом (к Эфиопии) и Адуа (к Италии); б) исправление границ между областью Данакиль и Эритреей с тем, чтобы на юге остались Аусса и часть эритрейской территории, обеспечивающие Эфиопии выход к морю; в) исправление границ между Огаденом и Итальянским Сомали; д) Эфиопия получит в полную собственность выход к морю.

2. *Зона экономической экспансии и заселения.* Границами этой отводимой Италии зоны будут на востоке – измененная граница между Эфиопией и Итальянским Сомали, на севере – 8 параллель, на западе – 35 меридиан, на юге – граница между Эфиопией и Кенией. Внутри этой зоны Италия получила бы исключительные

экономические права. Контроль за управлением в этой зоне осуществлялся бы (при сохранении верховной власти императора) органами, которым будет поручено проведение плана содействия Лиги наций. Италия пользовалась бы преобладающим, но не исключительным влиянием в этих органах[204].

Я подчеркнул, что ни одно решение не может быть проведено в жизнь: 1) без согласия негуса и 2) без согласия Лиги наций. Совет министров в принципе согласился с моими предложениями. Я указал на опасность такого рода прецедентов. «Это, – сказал я, – генеральная репетиция. Не следовало бы допускать, чтобы при случае нам предложили отдать Эльзас и сохранить Лотарингию». Я поставил вопрос, что произойдет, если Италия согласится, а негус откажется дать на это согласие. Лаваль не стал скрывать от нас, что в этом случае он не присоединился бы к нефтяным санкциям. Я подверг критике существо этого тезиса. Вокруг этого вопроса развернулась долгая дискуссия. Я отстаивал свою точку зрения, а также заявил протест против нападок тех, кто обвинял меня в том, что я хочу войны, так как защищаю права подвергнувшегося нападению государства. Лаваль делает вид или действительно находится под впечатлением итальянского блефа: Рим угрожает войной всему миру, если вмешательство не будет в его пользу. Я заявил, что не намерен поддаваться этому шантажу.

Между тем 10 декабря в 11 часов вечера английский и французский послы были уполномочены сделать Муссолини следующее сообщение («Донесения французского посла», № 2459-2463). Накануне заседания в Женеве, намеченного на 12 декабря, английское и французское правительства, следуя призыву продолжать усилия по примирению, обменялись в Париже мнениями с целью выявить основу соглашения, которое могло бы быть выработано под руководством Комитета пяти. Приемлема ли эта основа для Муссолини? Обращаясь от своего имени, Пьер Лаваль настойчиво призывал главу итальянского правительства «умерить свои требования и не брать на себя в результате своего отказа ответственность за продолжение и углубление кризиса, во время которого Франция не смогла бы проявить свое дружественное отношение» («Донесения французского! посла в Риме», № 2456-2458).

В дополнительной телеграмме (№ 2471) уточнялось, что предоставляемым Эфиопии выходом к морю мог бы быть порт Ассаб; в случае возражений Соединенное Королевство и Франция по-прежнему будут готовы содействовать разрешению этого вопроса.

В тот же день английскому и французскому дипломатическим представителям в Аддис-Абебе было поручено проинформировать императора Эфиопии и просить его согласия («Донесения французского посланника в Аддис-Абебе», № 450, 451, 452).

Нескромность печати вызвала сильное возбуждение общественного мнения. Уже 10 декабря Комитет бдительности интеллигентов-антифашистов (Риве, Ален, Ланжевен) просил меня выступить против «чудовищного принципа вознаграждения агрессора» и защитить Устав Лиги наций. Из Нью-Йорка я получил телеграмму следующего содержания: *«Тысячи читателей ваших последних статей в американских газетах с тревогой взывают к вам – спасите Лигу наций от морального разгрома. Шотуелл».* Мнения членов английского кабинета, вновь собравшегося на заседание, по всей видимости, разделились. Иден и Болдуин выступили в палате с очень путаными объяснениями. Развязка была совершенно неожиданной: Англия изменила свою позицию. Идену стоило большого труда объяснить, как, действуя подобным образом, она сохраняет верность Лиге наций.

Завтрак в английском посольстве. Я высказал без обиняков свое неодобрение английскому послу, сэру Роберту Ванситарту. В качестве причины или оправдания сэр Роберт сослался на страх перед всеобщей войной, который испытывала его страна, и на плохие условия, в которых она оказалась бы в случае войны. Союзники, например югославы, еще не готовы, сказал он мне. Я же видел другие причины: трудности с материальной частью и с кадрами в английском флоте, осложнения в Египте и на Дальнем Востоке, быть может, влиятельное вмешательство извне. На заседании бюро партии 11-го вечером и на совещании левых партий утром в четверг, 12-го, я столкнулся с всеобщим негодованием, которое испытывал сам. 12-го состоялся завтрак у Жюстена Годара, на котором присутствовал албанский посланник, который был возмущен франко-английской капитуляцией.

Посланник Эфиопии в Париже с большим достоинством ответил от имени негуса отказом. В пришедших во второй половине дня телеграммах из Рима сообщалось, что Муссолини далек от принятия предложений, держится очень высокомерно и холодно; он требует Аксум. 12 декабря в 1 час 27 минут пришла депеша от Шамбрена. Накануне, в 5 часов вечера, он был принят Муссолини и вручил ему памятную записку и текст предложений; он передал также призыв Лаваля. Его коллега сэр Эрик Друммонд был принят после него. Возражения дуче носили двоякий

характер: 1. Что касается процедуры, то он выступил против указаний печати и против немедленного ответа. 2. Что касается существа вопроса, то, подчеркивая малую выгодность предусмотренного обмена территорий, он отказывался отдать Аксум, который «стихийно присоединился к Италии», и заявлял о невозможности развивать итальянскую колонизацию в зоне экспансии, граничащей с территориями; на которых бы оставалась армия Эфиопии. «В конечном итоге» он согласился дать публично «свою высокую оценку усилиям, предпринятым во время англо-французских переговоров в Париже», но зарезервировал за собой право принять решение лишь тогда, когда сочтет это нужным.

Пятница, 13 декабря. Вчера в Женеве Лаваль и Иден вынуждены были отступить. Комитет пяти не согласился выдвинуть от своего имени франко-английское предложение. Турция и Польша отказались от миссии, которую хотели на них возложить. Даже сам Иден в своей речи, казалось, просил его отвергнуть. Негус прислал из Дессие свой официальный отказ. Правая парижская печать вновь нападает на меня за мою позицию в бюро партии радикалов и за мои беседы в кулуарах с Котом и Герню, которые сообщили мне о своем намерении обратиться с интерпелляцией. В Лондоне «Таймс» заявила, что предложения, о которых идет речь, якобы никогда не должны были быть сделаны. Оппозиция против деятельности кабинета Болдуина охватила даже консерваторов. Против соглашения выступают такие люди, как генерал Спирс. С другой стороны, сообщили о смерти американской санитарки, раненой во время бомбардировки Дессие. Я представляю, сколь сильное впечатление эта новость произвела в Соединенных Штатах.

Визит Поль Бонкура, вполне согласного со мной по существу и, как и я, серьезно озабоченного внутригосударственными и международными последствиями этого дела. «Это – Садова»[205], – говорит он мне. К несчастью, французская общественность не отдавала себе отчета в опасности, которой были чреваты эти события.

Парламентская группа радикалов собралась без меня. Она приняла следующую резолюцию:

> «Она подтверждает свою верность принципам коллективной безопасности и неделимости мира, лежащим в основе внешней политики Франции начиная с 1919 года. Она объявляет себя сторонницей заключения скорейшего и справедливого мира, который не поощрял бы нарушений Устава Лиги наций. Она

выражает пожелание, чтобы переговоры, ведущиеся под эгидой Лиги наций, позволили прийти к почетному компромиссу, приемлемому для Лиги наций, Эфиопии и Италии».

Кот выступил в палате депутатов с краткой речью, направленной против проекта Лаваля – Хора.

* * *

15 декабря я выступил в Монбельяре перед полутора тысячами радикалов с речью общего порядка, в которой, не касаясь личностей и ставя вопрос в теоретической плоскости, я показал, что хотя мы считаем, конечно, примирение необходимым, но для нас оно зависит от согласия: 1) заинтересованных сторон и 2) Лиги наций. Часть прессы изобразила эту речь, основные идеи которой мне кажутся бесспорными, как выпад против Лаваля.

Я заявил своим противникам: «Одобряя эфиопский поход, эти неистовые хулители в то же время кричат: «Долой войну!» Понимай, как хочешь! Они пытаются спекулировать на законном отвращении нашей страны к человекоубийству. Они стараются изобразить нас в качестве сторонников войны, потому что мы считаем справедливость единственной прочной основой мира. Во всяком случае, мы разоблачим этот софизм, в любой момент мы изобличим этих мнимых поборников национального примирения, уста которых не изрыгают ничего, кроме оскорблений по адресу тех, кто столь часто жертвовал своей свободой действий и даже свободой слова во имя идеи перемирия… Позиция партии радикалов и радикал-социалистов в международных вопросах была четко определена резолюцией нашей парламентской группы… Примирение должно охранять, а не уничтожать результаты замечательного сотрудничества, достигнутого впервые в этом году в Женеве. Зародились великие надежды, и ни один мыслящий француз, думающий о будущем своей страны, не может позволить разрушить эти надежды».

Пертинакс (Анри Жеро) в своем письме от 18 декабря обратил мое внимание на декрет от 30 октября 1935 года (опубликованный в «Журналь оффисьель» от 3 ноября), согласно которому охрана глав государств от возможных нападок распространялась на «глав иностранных правительств и на министров иностранных дел этих правительств». Этот декрет был принят в связи со статьей Пертинакса, напоминавшей о сговоре

полковника Бека с Берлином. 15 декабря мой выдающийся дорогой друг профессор Гилберт Мэррэй направил мне из Оксфорда свой протест против предложений Хора – Лаваля. «При этих обстоятельствах, – писал он мне, – вы несете очень большую ответственность, быть может, большую, чем кто-либо в Европе, и с моей стороны было бы дерзостью брать на себя смелость что-либо советовать вам. Но те, кто борется за коллективную безопасность и защищает права слабых против посягательств агрессоров во всем мире, возлагают на вас надежду и желают вам всяческих успехов».

Вторник, 17 декабря. Представляет интерес то, что произойдет теперь в палате депутатов. Я имел личную встречу с Лавалем и официально заявил ему о своем несогласии с ним. Он зачитал заявление и согласился назначить прения на 27-е. По непонятным для меня причинам Леон Блюм потребовал немедленного обсуждения. В результате во второй половине дня разгорелся основательный спор по вопросу о дате. Правительство получило большинство лишь в 25 голосов. Лаваль выехал в Женеву.

Бюре в «Ордр» от 17 декабря одобрил мою позицию; он разоблачил англофобов, которые играли на руку Германии. «Министры иностранных дел в Белграде, в Праге, в Бухаресте, – писал он, – которых ежедневно оскорбляет французская националистическая печать, видят, как их франкофильство высмеивается агентами Гитлера, старающимися оторвать их от нас. Наша страна внемлет только Муссолини, который начиная с 1918 года постоянно сам себя опровергал в своей дипломатии и будет нарушать свои обязательства еще более в дальнейшем, если будет настойчиво придерживаться политики своего учителя – Криспи. Я могу смело сказать, что французский национализм не переставал вредить французской нации с тех пор, как на повестке дня встал итало-эфиопский конфликт… После 6 февраля 1934 года у французов как будто нет иных помыслов, кроме разрушения своих последних укрытий перед новой германской агрессией».

* * *

В среду, 18 декабря, произошли важнейшие события. В Женеве Эфиопия подтвердила свой отказ. Она ссылалась на мою речь в Монбельяре. Отношение к проекту Лаваля – Хора было резко отрицательным.

В Италии Муссолини произнес очень воинственную речь:

«Я хочу сказать, – воскликнул он, – что мы не послали бы в далекие варварские земли цвет нашей расы, если бы не были уверены в том, что он будет под защитой знамени отечества. Я хочу также вам сказать, что итальянский народ, малоизвестный в том мире, который все еще живет старыми банальными представлениями лживой литературы, итальянский народ, добывающий себе пропитание из земли упорным повседневным трудом, – этот итальянский народ способен выдержать очень долгую осаду, особенно когда он уверен, что его совесть чиста и спокойна, что правда на его стороне, поскольку вина лежит на той самой Европе, которая при нынешних обстоятельствах сама бесчестит себя. Предпринятая нами в Африке война является войной за цивилизацию и освобождение. Это война народа. Итальянский народ считает ее своим делом. Это война бедняков, обездоленных пролетариев. В самом деле, против нас воздвигнут фронт своекорыстия, эгоизма и лицемерия.

Мы вступили в жестокую битву против этого фронта. Мы доведем ее до конца. Народ, насчитывающий 44 миллиона не просто людей, а людей, объединенных единой верой, не позволит себя безнаказанно душить, а тем более мистифицировать. Наше государство, уверенное в единодушном и полном одобрении мужчин, женщин и детей, то есть всего итальянского народа, воплощающего в себе историю и вечность, уверенное в этом одобрении, будет идти вперед. Оно не может и не желает поступать иначе. Это испытание, которому подвергаемся мы все, от первого до последнего человека, и которое свидетельствует о возмужании итальянского народа. Это испытание, товарищи, из которого мы непременно выйдем победителями. Понадобится время, но когда битва начата, товарищи, то думают не о времени, а о победе».

18-го вечером, около 10 часов, мы узнали об отставке сэра Сэмюэля Хора.

В тот же день я подал в отставку с поста председателя партии радикалов. В газете «Журналь» от 19 декабря Доминик Канаваджио опубликовал правдивый рассказ о происшедшем. Собрание обратилось с сердечным посланием к Шотану, одобряя его поведение и показания перед судом присяжных департамента

Сены. Затем оно послало поздравления Масарику и Бенешу. Начались прения по вопросу об итало-эфиопском конфликте. Кот взял слово и со своей обычной горячностью вновь повторил речь, произнесенную им накануне в Бурбонском дворце. Джемми Шмидт в свою очередь критиковал политику правительства. Мое выступление не вызвало никаких инцидентов. В этот момент один из деятелей партии Адде-Дюваль поставил под сомнение мой поступок и заговорил о «мошенническом посредничестве». Я вручил собранию свою отставку и настоял на ней, несмотря на любезное выступление Даладье. Положение, в котором я находился в течение ряда месяцев, не могло далее продолжаться.

Четверг, 19 декабря, Важные события в Женеве. Полный провал плана Хора – Лаваля. Совет Лиги его похоронил или, вернее, забальзамировал, согласно обычаю этого учреждения. Комитет экспертов по применению санкций продолжал свою работу.

В английском парламенте отставка сэра Сэмюэля Хора вызвала жаркие дебаты. Палата выразила свои симпатии уходящему в отставку министру. Он рассказал о предпринятых им усилиях в целях изыскания основы мира, сохраняя в то же время верность доктрине коллективной безопасности. Встал вопрос о наложении эмбарго на нефть; опасность войны все возрастала. Сэр Сэмюэль Хор решил отправиться в Париж, куда его настоятельно приглашали, за пять дней до начала женевских дебатов о нефтяных санкциях. Его переговоры с Лавалем состоялись 7 и 8 декабря; несмотря на свое резко отрицательное отношение к некоторым разделам проекта, он согласился начать переговоры на основе, представлявшей собой минимум французских предложений. «Сегодня, – заявил сэр Самюэль Хор, – эти предложения мертвы, против них восстал весь мир». Уходивший в отставку министр выступал перед возбужденными депутатами и перед лицом открытой оппозиции, которая проявлялась даже на скамьях правительства. Чувствовалось, что враждебный ропот приводил его в замешательство. Он говорил, что Англия одна приняла военные меры предосторожности. Он утверждал, что его совесть безупречна.

От имени лейбористов выступил Эттли и после обычных слов вежливости напал на него и подверг критике деятельность правительства в целом. «Парижские предложения», – заявил он, – отдают Италии половину Эфиопии взамен коридора для верблюдов. Оппозиция требует, чтобы эти предложения были отвергнуты. Они мертвы, но их продолжают рассматривать в настоящий момент по меньшей мере как мнение английского правительства. Это – предательство по отношению к английскому

народу. Совсем не в духе английского правосудия идти на огромные уступки злоумышленнику за счет жертвы. Это означало бы противозаконную премию и поощрение войны в будущем… Даже если бы существовала непосредственная угроза войны, то и это не оправдывало бы действия правительства… Правительство не ограничилось переговорами; оно стало на сторону агрессора».

Болдуин в меру своих сил защищал сэра Сэмюэля Хора и правительство, заявляя, что в течение всего воскресенья отсутствовала связь и что Лондон узнал о заключении соглашения еще до того, как стали известны его условия. «Утечка» произошла до того, как кабинет смог изучить эти документы. Премьер-министр не пожелал дезавуировать своего отсутствовавшего коллегу, а лишь подтвердил свою верность Лиге наций при условии, что она будет действовать коллективно. Сэр Остин Чемберлен поддержал правительство и попытался успокоить страсти. Сэр Арчибальд Синклер и сэр Стаффорд Криппс, а также лейборист Дальтон обрушились на него. Невиль Чемберлен, который внутри самого кабинета поддержал Парижский план, откровенно признал, что правительство, поразмыслив, сочло свое одобрение плана ошибкой. Палата общин воздала должное этой откровенности. Оратор указал на ответственность Франции за эту авантюру. В конце обсуждения критическая резолюция, предложенная лейбористами, была отвергнута 397 голосами против 165.

В том же духе прошло в палате лордов обсуждение резолюции, предложенной от имени оппозиции либералом лордом Дэвисом. Лорд Галифакс не без некоторого замешательства объяснил внезапное решение правительства, вызванное разоблачениями французской печати. Палата была возмущена. Лорд Понсонби выступил с обвинением против нашего министра. Верхняя палата приняла открытым голосованием резолюцию лорда Дэвиса, призывавшую правительство возобновить традиционную политику Великобритании. Тревога была очень сильной.

В тот же день, в четверг, 19 декабря, германский посол нанес мне продолжительный визит, сообщив о своем предстоящем отъезде. Сердечная беседа о России, разоружении, колониях. Он все еще заверял меня в стремлении Германии к соглашению, но не сказал ничего определенного.

От парламентской группы радикалов я получил послание с выражениями симпатии; я ответил на него, изложив причины моей отставки, вызванной невозможностью совместить мои различные обязанности. «Председатель партии обязан, сохраняя и развивая доктрину партии, обеспечивать независимость этой

партии, свободу ее действий. Министр же, пока он участвует в правительстве, в силу парламентской и республиканской традиции должен, каковы бы ни были его убеждения, сохранять в тайне обсуждаемые правительством вопросы и быть с ним солидарным при голосовании. Во многих случаях я пострадал от этого противоречия, которое подвергало человека опасности показаться нелояльным одной или другой стороне. Это послужило причиной решения, о котором я заявил в июле; этим же объясняется и мое сопротивление на ваграмском съезде. Инциденты, имевшие место вчера вечером, лишь укрепили меня в давно созревшем, продуманном и глубоком убеждении. Я прошу своих коллег понять его и согласиться с ним. Я остаюсь среди них, преисполненный желания разделить их борьбу, преданный, как и они, доктрине партии, готовый на все для ее защиты».

Пятница, 20 декабря. Меня навестил Лаваль. Явно озабоченный, но очень спокойный, он ввел меня в курс событий. Он поблагодарил меня за мое выступление в Исполнительном комитете. Он очень хорошо переносит свое поражение в Риме, в Аддис-Абебе, в Лондоне, в Женеве. Однако моральный урон велик. Один профессор истории Франции в лондонском университете написал мне 19 декабря:

> «Добившись подписи сэра Сэмюэля Хора, мы потеряли *весь* английский народ – как тех, кого наша несостоятельность вынудила отступить, так и тех, кто поднимает голос протеста. Нужно совершенно не знать Англии, чтобы воображать, как это делает наша общественность, что правительство этой страны смогло бы в решающий час принять нашу сторону, если оно не может объединить свой народ во имя защиты идеала. Только защита свобод и публичного права может возродить в будущем то, что сделала в 1914 году Бельгия. Как объяснить наше упорное стремление разрушить все то, что мы старались построить после войны, расколоть Антанту, разоружить Женеву и подорвать основы Локарно? Урон столь велик, что я не могу больше сдержать крика ужаса».

Четверг, 26 декабря 1935 года. Заседание совета министров. Я провел несколько дней в Лионе, занимаясь административной работой и отдыхая, что мне позволило как следует поразмыслить. Лаваль сделал нам общий отчет о событиях. О внешней политике он говорил очень мало, он, кажется, верит в успех правительства во время предстоящих дебатов. Прекрасный пример подобных заседаний совета министров, на которых о главном умалчивается,

но зато о второстепенных вещах говорится непомерно много.

После совещания меня вызвал президент республики. Он призывал меня воздействовать на моих друзей с тем, чтобы они голосовали за правительство. Наша беседа затянулась. Я напомнил президенту все, что я сделал, дабы помочь правительству, но теперь речь идет о вопросе морали, о чести Франции и всей совокупности ее интересов. «Не идем ли мы, – сказал я главе государства, – к возобновлению слепой политики, которая привела нас к 1870 году?» Он заверил меня, что и сам был не в восторге от проекта Лаваля – Хора, когда представил себе его на карте. Мы долго говорили о статье 16 Устава. Я доказывал ему, скольких трудов нам стоило склонить Англию действовать в духе этой статьи и сколь опасно отрекаться от этой статьи, когда Англия выступает за нее.

* * *

В пятницу, 27 декабря, заседание началось в обстановке величайшей неуверенности. Лаваль зачитал свое заявление, напомнив обстоятельства, при которых возник и разрабатывался его план. Его слушали в полном спокойствии, пока он не высказался в резких словах об итальянском правительстве, что вызвало аплодисменты среди левых. По мнению Лаваля, нужно было решить, соответствовала ли проводимая им политика интересам нашей страны и не уклонился ли он от выполнения обязательств Франции в отношении Лиги наций. Он торжественно заявил о своем уважении Устава Лиги наций и о том, что он содействовал претворению этого Устава в жизнь; он заявил, что Франция приняла на себя обязательство оказать Великобритании помощь в случае нападения на нее; он подтверждает это обязательство. Он снова признался, что опасался возникновения какого-либо инцидента; правые аплодировали ему за проявленное им стремление избежать войны. Что касается наложения эмбарго на нефть, то он считал, что это увеличит военную опасность; вместе с сэром Сэмюэлем Хором он изыскивал наилучшее средство защиты интересов обеих стран. Парижские предложения погребены, но Комитет тринадцати возобновил свою работу. Расширит ли поле своей деятельности Комитет восемнадцати? «Международное право создано для того, чтобы помешать возникновению войны, а не сделать ее всеобщей». Эта фраза, встреченная аплодисментами правых, вызвала протесты и критические замечания среди левых. Затем Лаваль намекнул на опасность в будущем. Лига наций не

является всемирной организацией, поэтому ее задача становится более сложной; она сама должна осознать пределы своих возможностей. Однако председатель совета министров не ответил на выдвинутое им самим возражение; чувствуется, что у него нет доверия к женевскому институту. Он не отрицал своих разногласий с лондонским правительством, признавая в то же время, что франко-английское сотрудничество является важнейшим фактором мира. Его речь встретили прохладно; ему кое-как аплодировала лишь правая половина палаты.

Первым с интерпелляцией выступил Блюм, поставивший в упрек председателю совета министров личный характер его заявления и подчеркнувший полноту его провала. Лига наций взяла обратно данный ею мандат и передала его Комитету тринадцати. «Против наших предложений, – сказал сэр Сэмюэль Хор, – восстал весь мир». Впрочем, выступление Блюма не произвело особого эффекта – либо потому, что его все время прерывали, либо вследствие его усталости. Я ожидал, что он приведет знаменитую фразу: «Империя – это мир». Но он ограничился общими словами и отвлеченными понятиями. Неумное и грубое поведение правых заставило меня весьма сожалеть о моем присутствии на скамье правительства. Я так хорошо представлял себе, что следовало бы сказать о парижском плане, как можно было бы его разобрать и показать его преступную несправедливость, раскрыть перед палатой всю опасность для Франции такого прецедента, такого предательства в отношении Лиги наций в тот самый момент, когда она впервые продемонстрировала свою преданность международному праву!

В речи Блюма довольно сильной была та часть, где он доказывал необходимость разоружения, дабы обеспечить выполнение норм международного права. После перерыва заседания он вновь выступил, теперь уже гораздо эффектней; с большим мужеством он разоблачал недопустимость для «французской чести» военной угрозы Англии и Франции со стороны Италии. Война была бы невозможна, утверждал он, если бы государства – члены Лиги наций проявили солидарность; опасность возникнет только в том случае, если не будет солидарности, если, в частности, французское правительство отречется от коллективной безопасности. Пьер Лаваль, заявил он, посеял сомнения; он объявил себя «толкователем угрозы», он породил «риск войны, которым он сегодня оперировал». Эта часть речи произвела действительно сильное впечатление. На самом деле опасна не верность Уставу Лиги, а неверность ему. Проблемой нашей безопасности является проблема франко-германских отношений. Риск заключается в Гитлере. Для того

чтобы защищаться, нужны мощная коалиция и всеобщее соглашение о разоружении. В случае нападения наша защита будет обеспечена поддержкой Англии и Советской России, это будет поддержка международной совести. Эти последние слова, которые я вполне одобряю, вызвали сильный шум. Правые зубоскалили. Таковы, заявил Блюм, основы нашей безопасности, заключающиеся в коллективной безопасности. В настоящее время Германия выжидает, окажется Лига наций победительницей или побежденной.

Оратор заканчивал. Палата слушала более внимательно. Речь завершилась в преднамеренно резком тоне. Блюм упрекал Лаваля за то, что он создал атмосферу военной угрозы и, попустительствуя Италии, сделал возможной африканскую экспедицию, за то, что он помешал возрождению Лиги наций и порвал с французской традицией, отказавшись «встать во главе человечества», за то, что он не проявлял доброй воли и оттолкнул от нас малые и средние державы, за то, что он пообещал Италии столько, что, разочаровавшись, она проникнется к нам еще большей враждой, чем к другим странам. Этот суровый конец речи вызвал среди правых резкие возгласы неодобрения.

С двусмысленной и демагогической речью выступил Теттенже. Около шести часов вечера на трибуну поднялся в свою очередь Дельбос. В вежливых и осторожных выражениях, в умеренном тоне он указывал на провал политики Лаваля и на то, что она противоречила нашей национальной традиции. Его речь, более проникновенная, чем шумная, имела большой успех среди левых; правые слушали ее молча. Он говорил мягко и вежливо – и это производило хорошее впечатление. Его сравнение санкций с действиями жандармов в отношении преступников было сильно именно своей простотой и вызвало бурные аплодисменты. «Примирение не должно доходить до отказа от принципов, оно не должно поощрять агрессора, отдавая ему в руки его жертву. Речь идет уже о нашей собственной безопасности. Если Лига наций добьется выполнения своих решений – будущее обеспечено, если она будет осмеяна – это означает крах коллективной безопасности и возвращение к закону джунглей». Дельбос сослался на речь сэра Сэмюэля Хора, произнесенную им 11 сентября в палате общин; он упрекал Лаваля за то, что он пообещал Италии относиться к санкциям как к несуществующим обязательствам.

Это была речь всего лишь трезво мыслящего человека, но она была преисполнена здравого смысла. В ходе выступления оратора его успех становился все очевиднее. Он показал, что парижский план означает превышение и нарушение полномочий,

представленных Лигой наций Англии и Франции. «Можно не любить санкции, но допустимо ли стремиться заменить их вознаграждением?» Предложения, сделанные Италии, являются премией для агрессора; в этом основной порок плана. Правые и центр спокойно слушали эту обличительную речь, столь суровую, несмотря на ее вежливый тон. «Попирая справедливость, войну не ограничивают, а раздувают…» Дельбос обратился к Лавалю: «Вы вызвали недовольство всего мира, не удовлетворив, однако, и Италии. Нужно вновь вернуться к духу Устава Лиги наций, не доходя, однако, в вопросе санкций до крайностей. Если мы подадим пример отказа от Устава, как вы думаете – сможет ли Англия остаться ему верной?»

Дельбос отметил разочарование, вызванное этой политикой в странах, являющихся духовными детищами Франции. Надо действовать, чтобы привести итальянский народ в чувство. Необходимо до 20 января найти соглашение, которое соответствовало бы Уставу, укрепляя в то же время солидарность наций в Женеве. Дельбос очень ловко сделал комплимент правым писателям, ставящим свой патриотизм выше своих страстей. Намекая на диалог между Теттенже и Жаном Зеем, он заявил, что мы, пацифисты, стремимся к союзу со всеми народами, даже с Германией, при условии, что этот союз не направлен против какой-либо другой страны. Теперь палата совсем успокоилась; большинство аплодировало намеку Дельбоса на то, что случилось бы, если бы Германия одержала верх над Россией, и по крайней мере половина собрания отметила успех его речи.

* * *

Пока раздавались не представляющие интереса возгласы с мест, на трибуну поднялся Поль Рейно. Он указал на серьезность спора, в котором участвует «третий молчащий»; его слушали очень внимательно. Его речь зазвучала торжественно, когда он заговорил о народе с фанатичной молодежью, воспитанном в духе «Майн кампф» и стремящемся к войне, пытающемся порвать дружбу между Англией и Францией, чтобы последняя оказалась в изоляции. Затем Рейно, внезапно повысив голос, стал описывать силу и богатство Великобритании, ее отношения с Соединенными Штатами, благодаря которым Америка вступила в войну. Таким образом, он подошел к вопросу о том, что стало с франко-английским согласием. Он подчеркнул, что нельзя после того, как агрессор определен, принимать его оправдания (эта часть речи имела успех у левых); далее он показал мощь великого движения,

преобразившего Англию и нашедшего выражение в 9 627 тысячах голосов, собранных при опросе общественного мнения под лозунгом «Мир голосованием». Затем он упрекнул правительство за то, что оно не использовало возможность, которую ему предоставила сама судьба: проблема мира была решена победой французской идеи. Германия оказалась в проигрыше, если она действительно имела своей целью разобщение Франции и Англии.

Рейно обвинял правительство в том, что оно в начале войны с Эфиопией не поняло, насколько глубоки были чувства, охватившие англичан. Палата следила с напряженным вниманием за этим блестящим развитием мысли: английская общественность предпочитает материальным выгодам защиту моральных устоев. Во имя защиты этих моральных устоев и борьбы против премирования агрессора она добилась изменения в правительстве. И оказалось, что, действуя таким образом, она следовала нашей собственной традиции. «Провал плана Хора – Лаваля – это победа французской идеи». В волнующих выражениях Рейно описал заседание палаты общин, на котором исповедовался Хор. По его словам, Англия приняла парижский план только потому, что не была уверена во французской поддержке. С большим остроумием он доказывал, что проблема итальянской экспансии не может быть разрешена в Африке; столь же убедительно доказал он, что отказ Муссолини принять мирные предложения обусловлен прежде всего глубоким противоречием, которое существует между женевской доктриной и фашистскими теориями. Его слова о необходимости сделать выбор между Англией, блюстительницей Устава Лиги наций, и Италией, враждебной Уставу, вызвали долгие аплодисменты. Муссолини и сэр Сэмюэль Хор поставили нас перед выбором. Не надо вызывать смятения общественности нефтяными санкциями. Чтобы применить эти санкции, нужно прежде всего согласие американского конгресса. «Во всяком обществе взаимопомощи надо платить страховую премию». Речь Поля Рейно, законченная в еще более возвышенном тоне, имела огромный успех у всех депутатов, от Бонневе до крайне левых. Так уже тогда проявлялись противоречия доктрин и характеров, сказавшиеся столь трагическим образом во время войны 1939 года.

В пятницу вечером, 27-го, палата заслушала также выступления Бибье и Габриеля Пери (против правительства) и молодого и энергичного Телье (за него). Я наблюдал за Лавалем: он воспринимал эти нападки хладнокровно и с видимым безразличием.

Дебаты по-настоящему возобновились лишь в субботу утром,

28-го, около одиннадцати часов, после зачтения резолюций; первым выступил Вьено, повторивший аргументы Хора о необходимости приступить к перераспределению рынков сырья. Вьено утверждал, то Франция оказалась в изоляции из-за ее неверности международному праву. Вейль вернулся к тезису Рейно о стремлении гитлеровцев разъединить Францию и Англию. Кампэнки употребил очень хорошее выражение: «Мы любим Италию, но еще больше мы любим Францию и мир».

Когда в субботу после полудня заседание возобновилось, нельзя было предвидеть исход дебатов. Де Монзи, выступавший в своем обычном красочном стиле, назвал Лаваля «Людовиком XI из большого предместья». Пикар зачитал заявление от имени республиканских представителей освобожденных районов; сожалея о трудности настоящей задачи, он высказался против парижского плана.

Лаваль сослался на свое заявление от 13 сентября в Лиге наций и напомнил, что согласно английской точке зрения нефтяные санкции могут применяться только в том случае, если их одобрят государства, не являющиеся членами Лиги наций. Слушая Лаваля, я отметил, что от правительства был скрыт целый ряд фактов, в частности дальнейшее развитие технических соглашений между Францией и Англией. Затем председатель совета министров, которого все слушали очень внимательно, напомнил о своих дипломатических шагах; он еще раз подчеркнул свое уважение к Уставу и сослался на свои переговоры с Италией, утверждая, что, будучи в январе в Риме, он не предоставил Италии никакой опасной свободы действий в отношении Эфиопии. Однако я вспомнил фразу, произнесенную им по возвращении на заседании совета министров, когда он нам заявил, что предоставил Италии полную свободу экономической деятельности в Эфиопии и что, очевидно, придется позаботиться о том, как будет воспринято с моральной точки зрения это решение Лигой наций.

В ходе своего выступления Лаваль заявил о своем желании добиваться сближения с Германией, без которого мир в Европе невозможен, но делать это в рамках всеобщей безопасности. По словам Лаваля, франко-советский договор никоим образом не направлен против рейха; он просил Гитлера сделать заявление о том, что он не нападет на русских. При чтении дипломатических донесений у меня не создалось впечатления, чтобы Гитлер действительно испытывал желание сблизиться с Францией; наоборот, я пришел к убеждению, что Германия вовсе не отказалась от своих притязаний на Востоке. Лаваль уточнил, что франко-советское соглашение не является военным союзом; он

намекнул на свою трехчасовую беседу с Герингом в Варшаве.

Он говорил авторитетно, ясно, энергично. Половина палаты приветствовала его возгласами. Из его выступления вытекали два вывода: 1, Он говорил гораздо лучше, чем обычно, как настоящий оратор. 2. Его речь была очень благожелательна по отношению к Лиге наций. К тому же, когда я встретил его в кулуарах и указал ему на неустранимость наших разногласий, он мне ответил: «Тем не менее я сделал все возможное, чтобы приблизиться к вам». Приступили к голосованию. Большое значение имело голосование по вопросу о первоочередности вопросов. Правительство получило большинство в 20 голосов. Но результаты голосования были подтасованы: в нем приняли участие депутаты, избранные сенаторами. На следующем заседании были внесены многочисленные поправки и протокол голосования был отвергнут.

Вторник, 14 января 1936 года. Я встретился с Лавалем перед заседанием совета. Я заявил ему о своем отрицательном отношении к назначению выборов на более ранний срок.

Заседание совета министров. Лаваль кратко сообщил нам об эфиопских делах, несколько более подробно – о позиции Германии, довольно тревожной, в том что касалось демилитаризованной зоны. Муссолини спорит с нами по поводу значения римских соглашений. Он претендует на то, что наша экономическая незаинтересованность якобы дает ему политические права. У меня впервые создалось впечатление, что Лаваль бьет отбой в отношении Италии. Он поставил вопрос о дате выборов, не требуя его немедленного обсуждения. Министр финансов настаивал на более раннем сроке, ссылаясь на затруднения казначейства.

После заседания совета министров во вторник, 14-го, палату охватило волнение. Я принимал множество посетителей. В письме из Нью-Йорка от 1 января мой друг Сфорца выразил свое одобрение по поводу моей речи в Монбельяре. «Когда нибудь вся Италия узнает, что тягчайшим оскорблением для нее были крики «Да здравствует Италия!», раздававшиеся на бульварах в 1935 году. Как же Франция не поняла, что только падение одной диктатуры, одной для начала, открыло бы ей путь к безопасности и миру?.. Необходимо все наше желание полного согласия с Францией, чтобы забыть то зло, которое причинил нам Лаваль. Если бы французы знали, с каким смешанным чувством иронии и неприязни говорят повсюду об их стране. И люди, которые сделали все это, – *«патриоты»!*

16-го утром ко мне зашел Лаваль. Я заявил ему, что, сделав все возможное, чтобы помочь ему, я не могу оставаться в его

правительстве в период предвыборной кампании, подвергаясь оскорблениям правых. Он понял мою точку зрения и согласился с ней. Он лишь просил меня пока не указывать даты моей отставки.

Во второй половине дня состоялось заседание палаты. Правительство получило большинство в 64 голоса. Голоса радикалов распределились следующим образом: «за» – 45, «против» – 88,9 воздержалось. Парламентская группа в замешательстве. Я повторил свое заявление Лавалю. Фланден склонен последовать моему примеру. В тот же день, 16-го, вечером я изложил обстановку министрам-радикалам и Дельбосу.

В пятницу, 17-го, ко мне зашел Таннери и сообщил, что государству нужно до конца марта по крайней мере 5 миллиардов и еще 5 миллиардов до конца июня.

17 января. Около 5 часов вечера я встретился с Жоржем Бонне и Вильямом Бертраном. Они одобрили мои намерения; или я ухожу в отставку, а им Исполнительный комитет нашей партии позволит остаться в правительстве, или же, если комитет пожелает этого, нас обяжут подать в отставку всем вместе. 88 депутатов, голосовавших против правительства, принесли мне резолюцию, предлагавшую министрам-радикалам уйти из правительства. Я им ответил, что принятие нашего решения не может обосновываться подобными демаршами. Я принял большую группу сенаторов, которые пришли настаивать на том, чтобы я вновь стал председателем партии. Я отказался. После обсуждения было достигнуто общее соглашение о том, что следует попытаться избежать правительственного кризиса до следующего воскресенья, когда соберется Исполнительный комитет, то есть избежать повторения каннского и анжерского событий.

Суббота, 18 января. Я нанес визит Лавалю, чтобы поставить его в известность. Визит вежливости Фландену. Совещание министров-радикалов.

Воскресенье, 19 января. Президент республики оказал мне честь, вновь обратившись ко мне с просьбой предпринять еде одно усилие в отношении моих коллег.

Заседание Исполнительного комитета. Я ожидал его не без опасения. Основываясь на некоторых сведениях, я боялся резкого взрыва, который мог бы в тот же самый день положить начало правительственному кризису. Таково было желание Альбера Бейе, которого я знал как человека прямого и непримиримого. После долгой беседы с ним мне удалось убедить его в том, что нельзя действовать таким образом. Сердце у меня сжалось, когда я входил в переполненный зал отеля «Континенталь». Избрание Даладье председателем партии вызвало сильное волнение; среди

собравшихся были большие разногласия. Доклад Жана Зея, сдержанное выступление Бейе несколько успокоили присутствующих. Собрание явно желало единства; мой призыв к сдержанности, который мне столь трудно было произнести, оно восприняло с тронувшей меня благосклонностью. В конечном итоге оно формально осудило внешнюю политику Лаваля; оно потребовало соблюдения партийной дисциплины, но предоставило парламентариям самим претворять свою волю в действия. В ходе моего выступления я имел возможность объяснить яростные нападки печати, и в частности нападки де Кериллиса. «Реакция, – сказал я, – хотела бы нам навязать перемирие только в одном смысле». Не без волнения я распрощался с немногочисленным персоналом дома на улице Валуа.

Понедельник, 20 января. Я съездил на несколько часов в Лион и возвратился во вторник вечером. Теттенже привел «Патриотическую молодежь» на лионский вокзал, чтобы приветствовать Лаваля.

Вторник, 21 января. Меня осыпают угрозами. Очевидно, это продуманный план. В сегодняшнем номере «Либерте» Дезире Ферри обрушился на меня с крайне яростными нападками. Я еще раз убедился, что значит для этих господ правительство «Национального единения»; если соглашаешься на перемирие, надо разделять их фанатизм, их ошибки, их обманы, дезавуируя всю французскую внешнюю политику.

Среда, 22 января. Жорж Бонне, Паганон, Вильям Бертран и я вручили председателю совета министров наше заявление об отставке, составленное в следующих выражениях: «Вам известна резолюция Исполнительного комитета партии радикалов и радикал-социалистов, касающаяся политики правительства, и его желание единогласия министров, принадлежащих к парламентской группе. Руководствуясь чувством верности нашей партии и лояльности по отношению к вам, мы полагаем, что совершаем акт политического прямодушия, заявляя вам о своей отставке. Действительно, нам кажется, что мы более не сможем обеспечить вам необходимое содействие наших друзей и гарантировать вам в палате большинство, необходимое для любых действий правительства, в тот час, когда перед нами встает столько сложных проблем, требующих разрешения. Мы вновь выражаем вам, господин председатель совета министров, нашу благодарность за постоянную благожелательность, которую вы проявляли по отношению к нам в течение этих восьми месяцев сотрудничества. В полном согласии с парламентом мы делали все от нас зависящее для экономического и финансового

восстановления и умиротворения». Пьер Лаваль тотчас же вручил президенту республики заявление об отставке всего кабинета.

Желая спросить номер телефона, я приоткрыл на Кэ д'Орсе дверь кабинета, сообщающегося с кабинетом Лаваля, и заметил Дезире Ферри, пришедшего за указаниями. Простой случай дал мне, наконец, решающее доказательство, которого я искал.

Четверг, 23 января.. Десять часов. Елисейский дворец. Президент республики настоятельно предлагал мне разрешить кризис. Я отказался. И в самом деле, я отдавал себе отчет, в какое положение меня поставило участие на протяжении двух лет в правительствах так называемого Национального единения. Правые и центр рассматривали меня, по выражению де Кериллиса, как общественного врага номер один; я не мог и не хотел ожидать чего-либо с этой стороны. Но в то же время я был вынужден отказаться от поста председателя партии радикалов, так как, желая сохранить ее самостоятельность, я опасался комбинаций, в которых она теперь участвует. Я оказался повисшим в воздухе; я решил больше не участвовать ни в какой правительственной деятельности.

Кроме того, я напомнил президенту, что в конце декабря он призвал меня и просил подождать с уходом в отставку до голосования бюджета. Я пошел навстречу этому пожеланию, чего бы это мне ни стоило; тогда же я сообщил ему о своем отрицательном отношении к внешней политике Пьера Лаваля; я сказал ему, что для меня является пыткой оставаться далее в этом правительстве. Однако я в нем остался, поскольку президент заявил мне, что после 15 января он не усмотрел бы никаких препятствий к моему уходу. «Мои претензии, – сказал я, – остаются в силе. Председатель совета министров заключил соглашение с сэром Сэмюэлем Хором, не предупредив свое правительство. Он поставил нас перед свершившимся фактом. Между тем парижский план имел чрезвычайное значение; он привел к расколу в английском правительстве и возмутил мировую общественность. В нем достаточно такого, что может взорвать французский кабинет, если б даже терпение и не дошло еще до крайнего предела». «Это верно, – ответил президент. – В воскресенье, когда встретились оба министра, я успокоился, так как там был англичанин, который должен был отстаивать свою точку зрения». Я намекнул также на кампанию оскорблений со стороны поддерживающих Лаваля газет и лиц, жертвой которой я стал. Я теперь знаю, откуда идет эта кампания, у меня есть доказательство. Я ухожу без сожаления и без намерения вернуться.

В четверг, около одиннадцати часов утра, я встретил в палате

Альбера Сарро. У меня создалось впечатление, что он уже пришел к соглашению с Елисейским дворцом относительно формирования нового кабинета. В своей группе Фланден ведет со своими коллегами жаркие споры о внешней политике Лаваля, которую он не одобряет.

Пятница, 24 января 1936 года. Дружеский визит Поль Бонкура. Около полудня ко мне зашел на несколько минут Сарро, чтобы показать свой список. Он его составил помимо меня, ибо я в конце концов, не будучи более председателем партии, никак не мог рассчитывать на его откровенность. Я на него не в претензии; он предоставил мне в отношении своего правительства свободу действий, которой мне так не хватало вот уже два года.

Когда в четверг, 30 января, Альбер Сарро предстал перед палатой, я должен был ожидать, что речь зайдет обо мне.

Фернан Лоран обвинил меня в том, что я нарушил перемирие своим присутствием на собрании Общества друзей Советского Союза. Мне не составляло труда ответить, что, действуя таким образом, я не думал предавать председателя совета министров, который сам ездил в Москву для переговоров со Сталиным. Я подчеркнул, что, войдя в правительство согласно указанию своей партии, я не мог в нем оставаться вопреки ее формальному желанию. Я подтвердил свою верность политике коллективной безопасности и свою симпатию к той Эфиопии, которую Италия и Франция ввели в Лигу наций. Я напомнил выступление итальянского делегата и слова Анри де Жувенеля, требовавших принятия негуса в Лигу наций. «Не надо учреждать классификацию, которая вновь открыла бы дорогу предрассудкам расы, касты, цвета кожи и нации». 28 сентября 1923 года Эфиопия была принята единогласно. Я еще раз выступил за соблюдение данного слова и решения Лиги наций. «Этот тезис о территориальной целостности государств – членов Лиги наций обязывает нас, – говорил я, – поддерживать его не только во имя французской чести, но и во имя интересов нашей страны». Я сослался на неосторожные действия, на секретные пакты, которые накануне 1870 года привели Францию к изоляции, и противопоставил этим зловещим маневрам внешнюю политику Третьей республики. В момент, когда Англия приняла, наконец, торжественные обязательства в пользу коллективной безопасности, в этот памятный день 11 сентября, в момент, когда Советская Россия только что заняла место в Лиге наций, чтобы защищать там доктрину неделимости мира, когда, наконец, было достигнуто международное согласие и мы, по выражению одного южноамериканского делегата, оказались на повороте мировой истории, когда 11 октября 1935 года пятьдесят государств

высказались за применение Устава, – Франция вернулась к устаревшей политике торга и подачек, отказавшись от новой дипломатии солидарности в вопросах права. Наконец я мог говорить, изобличать возвращение к закону джунглей, подтвердить неизменность моей мысли и показать мое постоянное стремление действовать во имя блага Франции, оставаясь в стороне и выше внутриполитических забот.

Заключение

Итак, я заканчиваю эти воспоминания на том моменте, когда формировалось правительство Сарро. 4 июня 1936 года я действительно был избран председателем палаты депутатов, но я не принимал никакого участия в работе правительства на протяжении того года, когда германские войска вновь оккупировали Рейнскую область, а итальянцы захватили Аддис-Абебу, когда образовалось правительство Блюма. Следовательно, я не смог бы описать столь точно, как старался это делать ранее, важные события, которые уже вели к войне, позицию Англии, забастовки, сопровождавшиеся захватом заводов. Я был непосредственным свидетелем, но лишь со стороны, тех событий, о которых говорилось в правительственном заявлении Леона Блюма, матиньонских соглашений[206], роспуска мятежных лиг. Начинала осуществляться совершенно новая социальная политика; имели место такие трагические инциденты, как самоубийство Саленгро[207]. Леон Блюм провозгласил необходимость передышки и вскоре потребовал принятия чрезвычайных декретов. После захвата Гитлером Австрии внешняя политика приобрела совершенно трагический характер. Это была действительно эпоха потрясений, когда резко обострилась судетская проблема, эпоха миссии Ренсимена в Чехословакию, переговоров между Даладье и Чемберленом, первых мобилизаций в Германии, призыва запасников во Франции. Кульминационным пунктом была мюнхенская конференция 29-30 сентября 1938 года.

Что касается внутренних проблем, то я, пожалуй, мог бы провести аналогию между трудностями, с которыми столкнулся Леон Блюм, и теми трудностями, которые испытывал я сам в 1925 году. Он выступил за проведение широких реформ, и это ему не простили, несмотря на матиньонские соглашения; особенно ему ставили в упрек занятие заводов, изменение статута Французского банка, постепенную национализацию авиационной промышленности. Социалист-доктринер Леон Блюм вынужден был предложить в январе 1937 года «передышку», отменить меры принуждения по отношению к капиталам, восстановить свободное обращение золота, потребовать (в июне) чрезвычайных декретов.

Что же касается внешней политики, то она с тех пор приняла направление, прямо противоположное тому, которому я следовал. Не мне говорить о том, насколько повлияло на решение нашего правительства необходимое для нас соглашение с Великобританией. Я хотел бы просто поставить на обсуждение

два факта, свидетелем которых я был. Накануне Мюнхенской конференции у меня состоялась долгая и, как обычно, сердечная беседа с Литвиновым в Женеве. Он подтвердил, что Советский Союз преисполнен решимости оказать Франции поддержку против Гитлера. Возникала только одна проблема – проблема прохода русских войск через польскую территорию. Литвинов полагал, что решение этого вопроса было бы более легким для Франции, чем для России. Можно задать себе вопрос: как обстояли бы дела, если бы Советский Союз был бок о бок с Францией во время встречи в Мюнхене?

Когда я возвратился из Женевы в Париж, меня посетил член палаты общин Спирс, который тогда был, если я не ошибаюсь, председателем франко-британской группы. Он был настроен очень враждебно по отношению к русским; я его убеждал целое утро. В конце нашей беседы он заявил мне, что я его убедил и что в Лондоне он будет действовать в духе моих советов. Я часто задаю себе вопрос, не был ли этот разговор со Спирсом одной из причин той более примирительной позиции которую Форейн оффис заняло в последний момент.

О той роли, какую я играл во время самой войны я опубликовал особую книгу под названием «Эпизоды».

* * *

В течение всей моей долгой общественной деятельности меня, однако, более всего занимала проблема управления городом Лионом, мэром которого я был избран впервые в 1905 году. С тех пор я постоянно избирался вновь на этот пост, за исключением периода моего пребывания в плену.

Я любил Лион, как любят человека. Я поставил своей задачей воскресить его прошлое, обеспечить его настоящее и подготовить его будущее.

Прошлое Лиона – это прежде всего его римское прошлое начиная с 43 года до нашей эры, когда он был основан, и до сражения, которое было дано и проиграно в 197 году претендентом в императоры Альбиной и которое повлекло за собой разрушение города и потерю им своего былого значения. После открытия профессором Лафоном некоторых исторических памятников я предпринял раскопки, в результате которых было обнаружено два театра, один храм (посвященный, вероятно, Сивилле) и две широкие дороги. Мои работы позволили установить, что амфитеатр мучеников находился не в Фурвьере, а в селении Кондате, близ алтаря, посвященного Риму и

императору. Главный из двух театров достигает в диаметре 108 метров; он гораздо больше театров в Арле и в Оранже, но меньше по размерам, чем в Вьенне и в Отёне. Этот театр разделен на два этажа. Оркестр помещался на прекрасных многоцветных подмостках, украшенных зеленой эмалью, розовой брекчией и серым гранитом; украшенная нишами и колоннами сцена представляет архитектурное целое, наиболее сохранившееся по сравнению с другими известными театрами. Это сооружение могло вместить около семи тысяч зрителей. Маленький театр достигает всего лишь 73 метров в диаметре; в нем имеется шестнадцать рядов ступенчатых скамей амфитеатра и две крытые галереи; его выложенные плитами подмостки еще красивее, чем у соседнего с ним театра. Мы смогли устроить великолепные представления и концерты в обоих этих театрах. Я выражаю здесь пожелание, чтобы после моей смерти этот замысел не был предан забвению и чтобы в Фурвьере старались не ставить посредственные и вульгарные спектакли.

Я хотел бы описать жизнь Лиона в XVI веке. Это необъятная тема. В то время, как говорил мой учитель Фердинан Брюнетьер, наш город был подлинной столицей Франции.

Не только потому, что во время итальянских войн сюда переехало правительство и здесь зародилось протестантство, но потому, что здесь намного раньше, чем в Париже, расцвела эпоха Возрождения. В XVI веке Лион со своими ярмарками был великим банком Запада, большим рынком юго-востока Франции, крупным центром книгопечатания, местом деятельности Филибера Делорма, Мориса Сэва и Луизы Лабе[208], первым очагом светского образования с коллежем троицы. Это был город, куда приезжали искать убежища подвергавшиеся гонениям писатели, среди которых Рабле был лишь самым знаменитым; это было убежище свободной мысли, в котором творил Этьен Доле[209]. Духовное богатство Лиона равно его материальному богатству. Я долго изучал этот славный период нашей истории; я собирал материалы и прервал эту работу лишь тогда, когда возникла необходимость перенести исследования за границу, хотя бы для уточнения связей иностранных банкиров в Лионе с французскими королями.

Последующие века, конечно, менее славны для нашего города, эксплуатировавшегося королевской властью. Даже деятели искусств, как, например, Куазво и его племянники – Никола и Гийом Кусту, работали прежде всего для Версаля. Лион украшался – были сооружены площадь Людовика Великого, порты, набережные, театр, чище и светлее становились его улицы. Однако в конце старого режима беспорядок и нищета там были

велики. Лион лишился своих муниципальных учреждений, и лишь после падения Второй империи республика восстановила и развила их.

Именно в духе этого обновления я и стремился управлять Лионом в первой половине XX века. В своих «Воспоминаниях туриста», опубликованных в 1838 году, Стендаль высказался очень сурово о городе, в котором он не смог распознать ни его экономической мощи, ни его духовного богатства. Наша ратуша показалась ему «глупой и тяжелой». «Не напоминает ли это в какой-то степени, – писал он, – лицо провинциального мэра, который должен пользоваться уважением своих подопечных и не казаться им вздорным человеком». Глупым или нет, но я был этим самым провинциальным мэром. Я пытался способствовать духовному и материальному росту Лиона. Я считаю, что общественным деятелем, достойным этого звания, является тот, кто умножает богатство общины, которой он управляет. Когда-нибудь скажут, удалось ли мне правильно осуществить этот лозунг. В связи с моим юбилеем мэрия опубликовала перечень всего сделанного мною. Я не буду настолько педантичным, чтобы перечислять все это.

К счастью, у меня были прекрасные сотрудники, особенно один из них – бесподобный архитектор, даже своего рода гений, Тони Гарнье. Я думаю о нем, когда читаю «Eupalinos» Поля Валери или изящный диалог Сократа и Федра. Он обладал глубочайшим знанием классической античности; его реставрация виллы Цицерона в Тускулуме великолепна. Но этот маленький, хрупкий, щуплый, неразговорчивый человек очень глубоко понимал нужды современности. Он оставил много проектов, на которых смогут учиться архитекторы будущего. Он опередил свою эпоху. Построенная им больница, столь изящный и одновременно смелый рынок и стадион увековечат его имя. Изучая его творчество, убеждаешься, что он был чрезвычайно оригинальным художником, сочетавшим науку и поэзию.

Моя муниципальная деятельность проводилась под знаменем партии радикалов, которому я был всегда верен. Я боролся под ним еще в 1892 году, когда был секретарем сенатора Буасси д'Англа; доказательства этого можно найти в подборке газеты «От Ардеш». Прибыв в Лион, я записался в комитет, в котором встретил много преподавателей. Когда в 1905 году я был избран мэром, г-н Оганьёр предложил мне вступить в социалистическую партию; я отказался. Я разделял с моей партией, часто в качестве ее руководителя, ее успехи и невзгоды. Возвратившись из плена, я нашел мою партию раздробленной, оскорбляемой и теснимой со всех сторон. Я остался ей верен; я отстаивал с трибуны ее идеи, о

которых забыли или не знали. Я никогда не отрекался от них. Конечно, общественный деятель может менять свои убеждения; но если он заблуждался, то есть если он вводил в заблуждение общественность, ему лучше всего уйти в отставку и замолчать.

Поскольку мне довелось дважды руководить внешней политикой Франции, я хотел бы завершить это заключение, сказав о ней несколько слов. Для народов является большим несчастьем, что эта политика представляет в общем отражение внутренней политики. Внешняя политика должна определяться на географической карте.

Отправным пунктом любого шага Франции является, по-моему, ее дружба с Великобританией, дружба, которую я восстановил на Лондонской конференции. Обе эти страны – испытанные гаранты человеческого достоинства и свободы. Я спорил, иногда ожесточенно, с английскими министрами. Случалось, что они выводили меня из терпения. Тогда я вспоминал об одном англичанине, которого после первой мировой войны спросили, когда он испытал самое сильное волнение. «Но, – ответил он, – я никогда не испытывал никакого волнения, прежде всего потому, что я адмирал, и затем потому, что я англичанин». Когда меня пытались вывести из себя, я вспоминал этот ответ. Мои коллеги говорили: «Он уподобляется английскому адмиралу». Однако одно из преимуществ английского характера заключается в том, что он выдерживает самые сильные столкновения, не затаивая злобы. Нет ничего более замечательного, как иметь другом англичанина.

Я сделал все от меня зависящее, чтобы обеспечить сердечные отношения между Францией и Соединенными Штатами. Я не возвращаюсь к вопросу о долгах. Моя позиция в этом вопросе завоевала мне бесценную дружбу президента Рузвельта. Во время последней войны он несколько раз приглашал меня к себе в самых лестных и трогательных выражениях. Но Франция испытывала такие несчастья, в ней столь многие подвергались преследованиям, что я не захотел ее покинуть. Был я прав или неправ – об этом скажут другие. Наконец, как я многократно указывал в этой книге, я был другом русских. Наша дружба не была чем-либо омрачена, хотя я ни в коей степени не являюсь коммунистом. Это хорошо известно в Москве. Но я считаю, что дружба с Советским Союзом необходима для поддержания прочного мира. Я это думаю и теперь, когда Россия вновь стала для меня таинственной и замкнутой, когда она предала забвению времена моей борьбы в ее защиту против недоверия, с которым к ней относились. Я по-прежнему придерживаюсь той точки зрения, что Франция ничего не проиграет, способствуя сближению

Востока и Запада.

Хотя обвинение это было отвергнуто, сенат в августе 1918 года большинством в 96 голосов против 86 приговорил Мальви к изгнанию из Франции на 5 лет. Мальви опубликовал в Испании разоблачительную книгу о своем процессе – «Mon Crime» («Мое преступление»). – *Прим. ред.*

notes

Примечания

1

éd. Herriot, Philon le Juif. Essai sur l'école juive de l'Alexandrie, Paris, 1897.

éd Herriot, Madame Récamier et ses amis, v. I – II, Paris, 1904.

Raymond Poincaré, Au service de la France. Neuf Années de souvenirs, t. I-X, Paris, Plon.

Книга была опубликована в 1924 году. – *Прим. ред.*

5

Список Б – составленный французскими властями список политически «неблагонадежных» лиц, главным образом социалистов, которых должны были арестовать в случае начала войны. Переход руководства социалистической партии и ВКТ в первые же дни войны на позиции социал-шовинизма сделал список Б излишним. – *Прим. ред.*

6

Барон Шён – германский посол в Париже в 1910-1914 годах. – *Прим. ред.*

7

Германия объявила войну Франции 3 августа 1914 года в 6 часов 45 минут вечера. – *Прим. ред.*

8

Лаведан, Анри – французский писатель, драматург конца XIX – начала XX века. – *Прим. ред.*

9

«Мы медлительны, но надежны; скоро будем» *(англ.)*. – *Прим. ред.*

10

Англия объявила войну Германии в ночь с 4 на 5 августа 1914 года. – *Прим. ред.*

11

Генерал Пестич высших командных должностей не занимал, верховным главнокомандующим в 1914 году был великий князь Николай Николаевич. – *Прим. ред.*

12

Дюмен – в 1912-1914 годах французский посол в Вене. – *Прим. ред.*

13

Так в тексте; речь идет о герцоге Альбрехте Вюртембергском, командовавшем 4-й германской армией, разбившей 4-ю французскую армию в битве при Нёшато. – *Прим. ред.*

14

Гошен, Э. – английский посол в Берлине в 1908-1914 годах; Грей, Эдуард – английский министр иностранных дел в 1905-1916 годах. – *Прим. ред.*

15

Фон Ягов, Готлиб – германский статс-секретарь по иностранным делам в 1913-1916 годах. – *Прим. ред.*

16

2 сентября 1914 года французское правительство во главе с президентом республики переехало из Парижа в Бордо. – *Прим. ред.* 2 сентября 1914 года французское правительство во главе с президентом республики переехало из Парижа в Бордо. – *Прим. ред.*

Львовом. – *Прим. ред.*

18

Жюль Камбон с 1907 по 1914 год был французским послом в Берлине. – *Прим. ред.*

19

Испания первая из завоеванных наполеоновской Францией стран оказала завоевателям ожесточенное сопротивление, и в 1808 году в сражении при Байлене испанские повстанцы принудили французскую армию под командованием генерала Дюпона к капитуляции. – *Прим. ред.*

Бетман-Гольвег, Теобальд (1856-1921) – германский имперский канцлер в 1909-1917 годах. – *Прим. ред.*

21

В мае 1643 года в битве при Рокруа французские войска под командованием Конде разбили наголову испанцев. – *Прим. ред.*

22

Фон Клук командовал 1-й германской армией; фон Бюлов – 2-й германской армией. – *Прим. ред.*

23

Маркиз Антонио Сан-Джулиано в 1910-1914 годах был итальянским министром иностранных дел. – *Прим. ред.*

24

Район угледобычи в департаменте Соны и Луары. – *Прим. ред.*

25

Кайаве, Гастон Арман, де (1869-1915) – французский журналист и писатель, автор целого ряда комических опер, написанных им совместно с де Флер. – *Прим. ред.*

26

Таубе – название немецких самолетов в первую мировую войну. Таубе – по-немецки голубь. – *Прим. ред.*

27

Китченер, Г. Г. – английский фельдмаршал, в 1914-1916 годах был военным министром. – *Прим. ред.*

28

«ABC» – испанская правомонархистская реакционная газета. – *Прим. ред.*

29

«Священное единение» (Union Sacrée) – так называлась провозглашенная в первые дни войны французской буржуазией и поддержанная социалистическими лидерами, перешедшими на ее сторону, политика классового мира. Внешним выражением политики «Священного единения» явилось голосование 4 августа 1914 года социалистической фракции за военные кредиты вопреки решениям конгрессов II Интернационала и партийных съездов и затем вхождение социалистов Геда и Самба в состав буржуазного правительства. – *Прим. ред.*

30

Договором 4 ноября 1911 года между Францией и Германией завершился второй марокканский кризис (так называемый агадирский кризис). Германия должна была отказаться от своих претензий на преимущественное положение в Марокко; она получала часть территории Конго, но много меньше, чем первоначально требовала. Соглашение 4 ноября 1911 года было компромиссом, но более выгодным для Франции. – *Прим. ред.*

31

Французский броненосный крейсер, потопленный германской подводной лодкой 26 апреля 1915 года в Отрантском проливе. – *Прим. ред.*

32

Речь идет, по-видимому, о поэме «Вер-Вер» известного французского поэта XVIII века Луи Грессе (1709-1777), которого Пушкин называл «певцом прелестным», и о романе А. Р. Лесажа «История Жиль Бласа де Сантильяна». Дидо – известная издательская фирма во Франции. – *Прим. ред.*

33

Рисорджименто (Возрождение) – национально-освободительное движение середины XIX века в Италии, добивавшееся объединения страны; «тысяча краснорубашечников» – отряды гарибальдийцев. – *Прим. ред.*

Венизелос, Элефтерий (1864-1936) – греческий государственный деятель, в 1910-1915, 1917-1920 годах и позже был премьер-министром. – *Прим. ред.*

35

Ян Люксембургский, сын императора Генриха VII, после прекращения в Чехии в 1306 году династии Пржемысловичей был приглашен в 1310 году занять престол вместо изгнанного Генриха Хоруганского. Ян Люксембургский вверг Чехию в ряд европейских конфликтов, принял участие в Столетней войне и был убит в битве при Кресси в 1346 году. – *Прим. ред.*

Беррье, Никола – известный французский адвокат первой половины XIX века. – *Прим. ред.*

37

Книга Ф. Науманна «Срединная Европа» вышла в октябре 1915 года; Науманн пропагандировал в ней идею слияния Австро-Венгрии и Германии и создания между Вислой и Вогезами, Галицией и Константским озером конфедерации государств. – *Прим. ред.*

38

Имеется в виду более раннее выступление Р. Пуанкаре; с 1913 по 1920 год он был президентом республики. – *Прим. ред.*

39

На Кэ д'Орсе расположено министерство иностранных дел. – *Прим. ред.*

40

Переход с осени 1914 года к позиционной войне на западном фронте побудил часть государственных и военных руководителей Франции и Англии (Пуанкаре, Бриан, генерал Галлиени, Ллойд Джордж, Черчилль и др.) искать решения путем активных операций на каком-либо ином фронте – предпочтительно на Балканском полуострове, что облегчило бы и привлечение новых союзников – Греции и Румынии. Против «восточного варианта» возражали Жоффр, Френч, Мильеран и др. В качестве компромисса первоначально был принят план Черчилля – нанесение удара через Дарданеллы на Константинополь. В феврале – апреле 1915 года была начата Дарданелльская операция, которая привела к затяжной борьбе на Галлипольском полуострове. После того как обнаружилась безрезультатность операции на Галлиполи и положение на Востоке осложнилось присоединением в октябре 1915 года Болгарии к германской коалиции, в Салониках 5 октября 1915 года был высажен первый французский отряд, который, пополняясь новыми силами, превратился со временем в сильную Восточную армию. – *Прим. ред.*

41

Имеется в виду период осады Парижа немцами во время франко-прусской войны 1870-1871 годов, когда население столицы страдало от голода. – *Прим. ред.*

42

Республиканско-социалистическая партия образовалась в 1911 году из группы так называемых «независимых социалистов», отколовшихся в 1905-1906 годах от Единой социалистической партии. Республиканско-социалистическая партия возглавлялась ренегатами социализма А. Брианом, Р. Вивиани, Оганьером и др. – *Прим. ред.*

43

Имеется в виду операция по захвату Дарданелл (см. примечание на стр. 102), начатая в апреле 1915 года и закончившаяся эвакуацией англо-французских войск с Галлипольского полуострова в январе 1916 года. В ходе этой безрезультатной для союзников операции англичане потеряли 119 тысяч человек, французы – 26 тысяч человек. – *Прим. ред.*

Мальви, Л. – министр внутренних дел в ряде кабинетов в годы первой мировой войны (с августа 1914 года по сентябрь 1917 года), один из вдохновителей курса «Священного единения», был сторонником политики маневрирования и соглашения с социал-реформистскими элементами. В обстановке обострения политического кризиса в стране Мальви подвергся атакам справа, обвинениям в покровительстве «пораженцам» и т. п., принудившим его выйти в отставку. Клемансо после прихода к власти, потребовал в декабре 1917 года предания Мальви суду по вымышленному обвинению в «сообщничестве с противником». Мальви, как министра, судил сенат.

45

Дело Кайо, как и процесс Мальви, было организовано Ж. Клемансо, стремившимся после прихода к власти (в ноябре 1917 года) подавить нараставший революционный подъем политикой репрессий и устрашения. Кайо – один из лидеров радикальной партии, возбудивший недовольство крупной буржуазии еще в 1911 году своим проектом прогрессивно-подоходного налога и соглашением с Германией во время агадирского кризиса, оставался мишенью нападок крайне правых элементов и в 1913-1914 годах и во время войны. Клемансо предъявил ему обвинение в государственной измене, добился лишения его депутатской неприкосновенности и в начале 1918 года арестовал его. Арест Кайо был использован правительством для шумной кампании против «изменников» и «пораженцев». Однако, когда через два года сенат стал судить Кайо, обвинение в государственной измене было отвергнуто, но Кайо был все же – за «нескромные разговоры» – приговорен к 3 годам тюрьмы и поражению в правах на 10 лет. – *Прим. ред.*

46

Второй марокканский кризис 1911 года. См. прим. на стр. 83. – *Прим. ред.*

47

Леон Доде – французский монархист, крайний реакционер. – *Прим. ред.*

48

Имеется в виду процесс г-жи Кайо, жены Жозефа Кайо, убившей редактора «Фигаро» Кальметта, публиковавшего интимные письма Кайо в целях его дискредитации. Г-жа Кайо была оправдана судом. – *Прим. ред.*

49

Лувуа, Франсуа Мишель (1639-1691) – французский военный деятель. С 1668 года был военным министром Людовика XIV и великим канцлером. Провел ряд мер по улучшению французской армии. – *Прим. ред.*

50

«Берегитесь, консулы» – первые слова формулы «Caveant Consules ne quid detriment! respublica capiat», с которой римский сенат обращался в критические моменты к консулам; употребляется в смысле «нам угрожает опасность». – *Прим. ред.*

51

Англичанка мисс Кавель вместе с пятью другими лицами была обвинена в переброске через голландскую границу французов и бельгийцев и по приговору германского полевого суда казнена в октябре 1915 года. – *Прим. ред.*

52

Осенью 1918 года, в условиях начавшегося военного разгрома Германии и нарастания революции, правящие верхи Германии пошли на маневр: 5 октября 1918 года принц Макс Баденский спешно сформировал новое «демократическое» правительство, в состав которого вошли представители социал-демократической партии (Шейдеман и Бауер) и партии «центра». – *Прим. ред.*

53

Пекер, К. – французский социалист-утопист XIX века. – *Прим. ред.*

Имеется в виду Декларация прав человека и гражданина, принятая 26 августа 1789 года Учредительным собранием. – *Прим. ред.*

55

Закон об отделении церкви от государства был принят во Франции в 1905 году. – *Прим. ред.*

Речь идет о русских белоэмигрантах. – *Прим. ред.*

Бальмонт не был священником. – *Прим. ред.*

Стриндберг, Август (1849-1912) – известный шведский романист и драматург. – *Прим. ред.*

59

Речь идет о Генуэзской международной конференции по экономическим и финансовым вопросам, заседавшей с 10 апреля по 19 мая 1922 года. – *Прим. ред.*

И в освещении вопроса о составе советской делегации и в характеристике документов советской делегации, распространяемых на конференции, автор допускает неточности и ошибки. – *Прим. ред.*

61

Вирт, Карл Иосиф (1879-1956) – германский канцлер с мая 1921 по ноябрь 1922 года; возглавлял германскую делегацию на Генуэзской конференции. – *Прим. ред.*

62

Имеется в виду Раппальский договор между Германией и Советской Россией, подписанный 16 апреля 1922 года. Раппальский договор предусматривал немедленное восстановление нормальных дипломатических отношений между двумя странами на основе двустороннего отказа от взаимных претензий. Заключенный во время Генуэзской конференции Раппальский договор означал большой успех советской дипломатии и прорыв единого фронта капиталистических держав. – *Прим. ред.*

63

Ратенау, Вальтер (1867-1922) – крупный германский капиталист и политический деятель; с января 1922 года – министр иностранных дел в кабинете Вирта; подписал со стороны Германии Раппальский договор. – *Прим. ред.*

Речь идет, по-видимому, о решении Венского конгресса 1815 года. – *Прим. ред.*

65

Нансен, Фритьоф – известный полярный исследователь; был уполномоченным Женевского комитета Лиги наций по оказанию помощи пострадавшим от голода в России в 1921 году; в августе 1921 года заключил соответствующее соглашение с советским правительством. Комиссия Гувера – так называемая АРА (Американская администрация помощи), также заключившая 20 августа 1921 года соглашение с Советским правительством, использовала предоставленные ей возможности для подрывной деятельности и поддержки контрреволюционных элементов, что вызвало протест трудящихся Советской России, и работа АРА в РСФСР была прекращена с июня 1923 года. – *Прим. ред.*

Начало проведения нэпа было положено переходом от продразверстки к продналогу. Этот переход был произведен по решению X съезда партии (март 1921 года), на котором с докладом выступал В. И. Ленин, Нэп был рассчитан на допущение капитализма при наличии командных высот в руках пролетарского государства, на победу социалистических элементов над капиталистическими элементами, на ликвидацию эксплуататорских классов и создание экономической базы социализма. – *Прим. ред.*

Съезд партии радикалов и радикал-социалистов. – *Прим. ред.*

68

«Национальный блок» – объединение реакционных и правых партий, образованное накануне парламентских выборов 1919 года. «Национальный блок», представлявший интересы империалистической буржуазии, связанной с банками, монополиями и т. п., одержал победу на выборах 1919 года; правительство «Национального блока» оставалось у власти до 1924 года. В «Национальный блок» первоначально вошли также и радикалы, но вскоре вышли из него. – *Прим. ред.*

Имеется в виду политика, проводимая Кайо в качестве главы правительства и лидера партии радикалов в 1911 году. – *Прим. ред.*

Речь идет о Рене Вальдек-Руссо (1846-1904), главе французского правительства в 1899-1902 годах. – *Прим. ред.*

71

Объединение представителей крупной промышленной и торговой буржуазии, руководимое сенатором Билье; этот союз широко и активно вмешивался в проведение парламентских выборов 1919 года, прибегая к подкупу и финансированию избирательной кампании и т. п. – *Прим. ред.*

Мужественно и до конца *(лат.)*. – *Прим. ред.*

73

Вотрен – один из персонажей «Человеческой комедии» Бальзака, беглый каторжник, преступник, «воплощавший общественное зло во всей его дикой энергии». «Последнее воплощение Вотрена» – название последней главы книги Бальзака «Блеск и нищета куртизанок», в которой преступник Вотрен поступает на службу в полицию. – *Прим. ред.*

Буланжизм – монархистско-цезаристское движение, в котором приняли участие разнородные элементы, объединившиеся вокруг генерала Буланже. В 1887-1889 годах это движение угрожало республике. – *Прим. ред.*

75

Кабинет Вирта, находившийся у власти с мая 1921 года и проводивший так называемую «политику выполнения», пал в ноябре 1922 года. Сменившее его правительство Куно, состоявшее главным образом из представителей народной партии и центра, выдвинуло требование моратория для Германии на 5 лет и предоставления ей займа. Внешняя политика Куно, ориентировавшегося главным образом на Англию и частично на США, не смогла предотвратить конфликта с Францией. Во время оккупации Рура правительство Куно провозгласило политику «пассивного сопротивления». В условиях нараставшего революционного кризиса всеобщая забастовка 11-13 августа 1923 года сбросила правительство Куно. – *Прим. ред.*

Кулидж, Кальвин – член республиканской партии, с 1921 года был вице-президентом США; стал президентом в 1923 году, после скоропостижной смерти Гардинга; занимал этот пост в течение двух сроков, до 1929 года. – *Прим. ред.*

77

Гомперс (1850-1924) – почти бессменный в течение 40 лет председатель Американской федерации труда, крайне реакционный деятель американского профсоюзного движения. – *Прим. ред.*

Ла Саль, Рене Робер (ок. 1640-1687) – французский исследователь Северной Америки. – *Прим. ред.*

Шамплен, Самюэль (1567-1635) – французский путешественник, открывший земли в Северной Америке (озеро и река названы его именем); был правителем Канады; основал город Квебек. – *Прим. ред.*

80

Монкальм, Луи, маркиз (1712-1759) – французский генерал, командовал французскими войсками в Канаде во время Семилетней войны, был убит в битве под Квебеком. – *Прим. ред.*

81

Бугенвиль, Луи-Антуан, де (1729-1811) – известный французский мореплаватель. – *Прим. ред.*

82

Имеется в виду Семилетняя война 1756-1763 годов. – *Прим. ред.*

Людовику XV. – *Прим. ред.*

84

Женский религиозный орден, основанный в начале XVII века. – *Прим. ред.*

85

Вольф, Джемс (1727-1759) – английский генерал, командовал английскими войсками, сражавшимися против французов в Канаде во время Семилетней войны. Был убит, как и Монкальм, в сражении под Квебеком. – *Прим. ред.*

86

Вудро Вильсон после выборов 1920 года не был более президентом США. – *Прим. ред.*

87

Игра слов. Ластейри – министр финансов в правительстве Пуанкаре. – *Прим. ред.*

88

Победа на парламентских выборах 11 мая 1924 года «Левого блока» предрешала вопрос о досрочном уходе с поста президента республики А. Мильерана – одного из главных руководителей потерпевшего поражение «Национального блока». Вопреки ясно выраженному мнению парламентского большинства Мильеран пытался удержать свои позиции, поручив 10 июня 1924 года формирование кабинета Ф. Марсалю, составившему «президентский кабинет», то есть опирающийся не на доверие палаты депутатов, а на поддержку президента. Палата отказалась вступить в отношения с Марсалем, и тот должен был уйти в отставку. Вслед за этим ушел в отставку и Мильеран. – *Прим. ред.*

89

Автор имеет в виду историю создания «Марсельезы». Ее автор Руже де Лиль сочинил ее под названием «Боевая песнь Рейнской армии» в Страсбурге, в Эльзасе, где она впервые и была исполнена. Отсюда она была занесена на юг, и летом 1792 года отряды марсельских добровольцев пришли с ней в Париж. По имени марсельских федератов ее и стали называть «Марсельезой». – *Прим. ред.*

Часть V Версальского мирного договора охватывала военные морские и воздушные положения. – *Прим. ред.*

91

МИКЮМ – сокращенное название франко-бельгийской технической комиссии для контроля над угольным синдикатом; официальное название Mission interalliée de controle des usines et des mines (Межсоюзническая комиссия по контролю над шахтами и предприятиями). – *Прим. ред.*

92

Репарационной комиссией 30 ноября 1923 года были созданы 2 комитета экспертов. Наибольшее значение из них имел первый комитет, работавший под председательством директора крупнейшего чикагского банка Дауэса. Представленные в апреле 1924 года комитетом экспертов под председательством Дауэса предложения и составили первоначальную основу так называемого «плана Дауэса». – *Прим. ред.*

93

Макдональд послал приглашение Пуанкаре, возглавлявшему в то время правительство, приехать в Чекере 20 мая. Приглашение это было послано в разгар парламентских выборов, принесших поражение Пуанкаре и победу «Левому блоку». – *Прим. ред.*

Эберт Ф. – в 1919-1925 годах был президентом Германской республики. – *Прим. ред.*

«Миновала опасность – можно обмануть святого». (Смысл этой поговорки ближе всего передает наша поговорка: «Тонет – топор сулит, а выплыл – топорища жаль».) – *Прим. ред.*

96

Имеется в виду обмен нотами 1-8 февраля 1924 года об установлении дипломатических отношений между СССР и Великобританией, а также Общий договор и торговый договор между СССР и Великобританией, заключенные 8 августа 1924 года. – *Прим. ред.*

97

Речь идет, по-видимому, о статье 19 Устава Лиги наций, гласившей: «Собрание может время от времени приглашать членов Лиги приступить к новому рассмотрению договоров, сделавшихся неприменимыми, а также международных положений, сохранение которых могло бы подвергнуть опасности всеобщий мир». – *Прим. ред.*

98

Трианонский мирный договор был подписан 4 июня 1920 года между Венгрией, с одной стороны, и «союзными и объединившимися державами» (Британская империя, США, Франция и др.) – с другой; Нейиский мирный договор подписан 27 ноября 1919 года между Болгарией и державами Антанты. – *Прим. ред.*

Имеются в виду государства, образовавшиеся после распада Австро-Венгерской империи в 1918-1919 годах. – *Прим. ред.*

100

Печатается по тексту газеты «Известия» № 164 (2199) от 20 июля 1924 года, телеграмма Чичерина датирована 18 июля 1924 года. – *Прим. ред.*

101

Имеется в виду Лозаннская конференция 20 ноября 1922 года – 24 июля 1923 года. Предложение Советскому правительству прислать своих представителей для принятия участия в обсуждении вопроса о проливах было направлено 27 октября 1922 года от имени правительств Франции, Великобритании и Италии. – *Прим. ред.*

102

Оба документа печатаются по русскому тексту, опубликованному в газетах «Известия» и «Правда» 29 октября 1924 года. – *Прим. ред.*

103

Имеется в виду председатель финансовой комиссии сената. – *Прим. ред.*

В оригинале «odiose» и «penose». – *Прим. ред.*

105

Монархическая реакционная организация во Франции. – *Прим. ред.*

106

Автор имеет в виду участие свое и Лиоте в кабинете Бриана 1916-1917 годов. – *Прим. ред.*

Имеется в виду Марокко. – *Прим. ред.*

108

Отец Жозефа Кайо, Эжен Кайо, был финансистом и в первые годы Третьей республики неоднократно занимал министерские посты. – *Прим. ред.*

109

Игра слов; по-французски слово maitresse имеет два смысла – учительница, любовница. – *Прим. ред.*

110

Тьер был избран Национальным собранием главой исполнительной власти 13 февраля 1871 года. Его правительство было не правительством «умиротворения», а контрреволюционным правительством, подготовлявшим гражданскую войну против народа Парижа. – *Прим. ред.*

111

В ноте Бальфура от 1 августа 1922 года, обращенной к должникам Англии, заявлялось о готовности Англии согласиться на снижение долгов, но не ниже той суммы, которую сама Англия была должна *США*. – *Прим. ред.*

Под концентрацией здесь подразумевается политика так называемого «национального единения», то есть блокирование всех буржуазно-республиканских партий, осуществлявшаяся под руководством реакционных правых сил при правительстве Пуанкаре (1926-1929). – *Прим. ред.*

113

Здесь, по-видимому, имеется в виду тот факт, что в 1929 году в ряде западных стран (Германия, Англия, Швеция и др.) социал-демократические партии либо возглавляли правительства, либо входили в их состав. – *Прим. ред.*

114

На VI панамериканской конференции, происходившей в Гаване с 16 января по 20 февраля 1928 года, среди прочих решений была принята конвенция о статуте Панамериканского союза и его Руководящего совета как постоянных органов панамериканских конференций, хотя и с ограниченными правами. Именно это, видимо, имеет в виду Эррио. – *Прим. ред.*

Mea culpa *(лат.)* – моя вина. – *Прим. ред.*

116

Текст дан по оригиналу – см. *И. В. Сталин,* Соч., т. 13, стр. 57.

117

Текст дан по оригиналу – см. *И. В. Сталин,* Соч., т. 13, стр. 68.

118

Текст дан по «План Юнга и Гаагская конференция 1929-1930 гг.» Документы и материалы, М. – Л., 1931 г., стр. 233-234.

Имеется в виду избирательная кампания. – *Прим. ред.*

120

Де ла Рокк – главарь фашистско-монархической организации «Огненные кресты» во Франции. – *Прим. ред.*

121

Цитируется по сборнику документов «Репарационный вопрос военные долги», М., 1933 г., стр. 109.

122

Бриан, умерший в 1932 году, незадолго до своей смерти, в 1931 году, выдвинул свою кандидатуру на пост президента республики, но потерпел поражение, после чего отошел от политической деятельности. – *Прим. ред.*

123

Так называется французское Управление государственной безопасности. – *Прим. ред.*

124

Брюнинг, Генрих (род. в 1885 г.) – лидер партии центра, с марта 1930 по май 1932 года возглавлял правительство; его сменил на посту рейхсканцлера Папен. – *Прим. ред.*

125

Дэвис, Норман (1878-1944) – американский дипломат, крупный банкир. Во время первой мировой войны был уполномоченным США по финансовым вопросам в Европе, финансовым советником Вильсона на Парижской конференции, занимал и ряд других постов в этой же области. В 1933 году возглавлял американскую делегацию на Женевской конференции по разоружению. – *Прим. ред.*

126

Константин фон Нейрат (род. 1873) – германский дипломат с октября 1930 года по май 1932 года был послом в Лондоне; с июня 1932 года – министр иностранных дел в правительстве Папена. Сохранил тот же пост и при Гитлере до февраля 1938 года. В 1939-1943 годах был «протектором» аннексированной Чехословакии. Как военный преступник, приговорен Международным военным трибуналом в Нюрнберге к 15 годам тюрьмы. – *Прим. ред.*

127

Бертело, Филипп – французский дипломат, сын известного химика. С 1889 года работал в дипломатическом ведомстве. В 1920-1922 и в 1925-1933 годах был генеральным секретарем министерства иностранных дел Франции. – *Прим. ред.*

128

Имеется в виду пакт Бриана – Келлога, подписанный 27 августа 1928 года в Париже. – *Прим. ред.*

129

Гибсон – представитель США на Международной конференции по разоружению в Женеве в 1932 году и в следующие годы. – *Прим. ред.*

Это замечание автора весьма превратно освещает вопрос о позиции советской делегации. По всем вопросам, связанным с проблемой разоружения, как и по другим вопросам международной политики, Советский Союз занимал совершенно самостоятельную позицию, в частности он выдвигал собственную программу и отдельные конструктивные предложения по вопросам разоружения, в наибольшей степени соответствовавшие интересам безопасности народов и сохранения мира. – *Прим. ред.*

131

Ферреро, Гульельмо (1871-1942) – итальянский историк, социолог и публицист; антифашист, с 1930 года профессор новой истории в Женевском университете. – *Прим. ред.*

Annäherung – сближение *(нем.)*. – *Прим. ред.*

133

Девизы – ценные бумаги, векселя и другие платежные средства, выписанные в иностранной валюте. – *Прим. ред.*

134

Во французском издании: 20 мая, очевидно, опечатка. – *Прим. ред.*

135

Run – наплыв в банк требований о возвращении вкладов *(англ.). – Прим. ред.*

Лозанн, Стефан, – известный французский журналист прогерманской ориентации. – *Прим. ред.*

137

Цитируется по газете «Известия» № 330 (4900), 30 ноября 1932 г.

138

Сент-Эвремон, Шарль (1610-1703) – французский писатель, – *Прим. ред.*

139

Стимсон, Генри (род. 1867) – американский государственный деятель, член республиканской партии. В 1929-1933 годах, при президенте Гувере, был государственным секретарем США; в 1930 году возглавлял американскую делегацию на Лондонской конференции. В 1940-1945 годах был военным министром в администрации Ф. Рузвельта. – *Прим. ред.*

140

Железнодорожная компания Париж – Лион – Марсель. – *Прим. ред.*

141

В это время Гендерсон был председателем конференции по разоружению. – *Прим. ред.*

142

Речь идет о попытке фашистского путча 6 февраля 1934 года. – *Прим. ред.*

143

Кьяпп, Жан – в 30-х годах был префектом полиции. Крайний реакционер, связанный с фашистскими и полуфашистскими элементами. Был замешан в деле Ставиского и в 1934 году был уволен правительством Даладье. – *Прим. ред.*

144

Имеется в виду подавление правительством Дольфуса восстания австрийских рабочих и шуцбундовцев в феврале 1934 года против фашистского режима, установленного Дольфусом в стране. – *Прим. ред.*

145

Похороны короля Альберта, погибшего при автомобильной катастрофе. – *Прим. ред.*

Имеются в виду призывы молодежи 1915-1918 годов рождения, когда рождаемость вследствие войны резко пала. – *Прим. ред.*

147

Главарь фашистской организации «Огненные кресты». – *Прим. ред.*

148

Аристократическое рабовладельческое государство в Древней Греции, расположенное на юге Пелопоннеса. Более известно под названием Спарты. – *Прим. ред.*

149

Как известно, в эти годы гитлеровская Германия спешно и в широких масштабах восстанавливала свою военную мощь. Не только штурмовики, представлявшие почти незамаскированные воинские формирования, но и «отряды трудовой повинности» являлись военизированной силой, выполнявшей задачи военно-стратегического характера – строительство военных укреплений, стратегических дорог и т. п. – *Прим. ред.*

Является очевидным, что неудача решения проблемы разоружения объяснялась не принятым методом, а более глубокими причинами: обострением противоречий между великими державами и прежде всего политикой ремилитаризации гитлеровской Германии, нежеланием империалистических держав осуществить на деле разоружение. – *Прим. ред.*

Речь идет об Уставе Лиги наций. – *Прим. ред.*

Trustee *(англ.)* – лицо, которому доверено управление. – *Прим. ред.*

153

В данном случае, как и в ряде других, Эррио преподносит разные домыслы или слухи о Советском Союзе, лишенные каких бы то ни было оснований, как нечто достоверное. – *Прим. ред.*

154

Цитируется по *М. Литвинову,* Внешняя политика СССР, М., 1935, стр. 307.

155

Цитируется по *М. Литвинову,* Внешняя политика СССР, М., 1935, стр. 309.

156

Цитируется по *М. Литвинову,* Внешняя политика СССР, М., 1935, стр. 311, 312, 313.

157

Цитируется по *М. Литвинову,* Внешняя политика СССР, М., 1935, стр. 313-314.

Так в оригинале; под Общим фронтом автор подразумевает Единый фронт между коммунистической и социалистической партиями, установленный пактом о единстве действий в июле 1934 г. – *Прим. ред.*

159

По вопросу о позиции Советского Союза в связи с его вступлением в Лигу наций, переговорами о Восточном пакте и т. п. см. Историю Дипломатии, т. III, М., 1945; *В. П. Потемкин,* Политика умиротворения агрессоров и борьба Советского Союза за мир, М., 1943 и официальные советские документы, относящиеся к этому периоду. – *Прим. ред.*

Имеется в виду обращение Французской коммунистической партии, в котором она призывала к объединению всех демократических сил, к отпору фашизму. – *Прим. ред.*

161

Мак-Магон, маршал – реакционный французский военный и политический деятель. В 1873-1879 годах – президент республики. В 1873 и 1877 годах оказал поддержку попыткам восстановления монархии во Франции. После крушения этих попыток и потери монархистами позиций не только в палате, но и в сенате в 1879 году досрочно ушел в отставку с поста президента. – *Прим. ред.*

Это, конечно, совершенно неверно. Коммунисты, преследуемые фашистской диктатурой, везде, в том числе и в Сааре, выступали застрельщиками борьбы против гитлеровского рейха. – *Прим. ред.*

163

Имеется в виду государственный переворот Луи-Наполеона Бонапарта, избранного 10 декабря 1848 года президентом республики, в результате которого была ликвидирована Вторая республика и установлен (формально с 2 декабря 1852 года) режим Второй империи. – *Прим. ред.*

164

Имеется в виду принятая термидорианским Конвентом Конституция 1795 года. – *Прим. ред.*

165

Уроки 1879 года – вынужденная, до истечения срока полномочий, отставка Мак-Магона с поста президента после победы республиканцев на частичных выборах в сенат. – *Прим. ред.*

166

«16 мая» – так называют острый политический кризис, начавшийся 16 мая 1877 года и кончившийся лишь в декабре того же года. Кризис был вызван попыткой реакционно-монархистских элементов, возглавляемых президентом республики Мак-Магоном, осуществить реставрацию монархии. Мак-Магон принудил уйти в отставку республиканское правительство Симона и распустил палату депутатов, в которой республиканцы имели большинство. Однако сопротивление народа, победа республиканцев на новых выборах и отсутствие поддержки даже в армии заставили Мак-Магона и его монархистских сподвижников отступить. – *Прим. ред.*

167

«Патриотическая молодежь» – фашистская организация, возглавляемая Теттенже. – *Прим. ред.*

Видимо, речь идет о фашистском главаре – полковнике де ла Рокке. – *Прим. ред.*

169

В оригинале непереводимая игра слов. – *Прим. ред.*

170

11 ноября 1918 года в Компьенском лесу маршал Фош продиктовал представителям Германии условия ее капитуляции. – *Прим. ред.*

171

Рене Пинон – французский историк и политический деятель крайне правого направления. Автор работ по истории франко-германских отношений. – *Прим. ред.*

172

Отец Жозефа Кайо, Эжен Кайо, был в семидесятых годах XIX века министром; в своих мемуарах Жозеф Кайо использовал ряд документов из архива своего отца. – *Прим. ред.*

173

Так в оригинале. По-видимому, речь шла о постоянном месте в Совете Лиги наций. – *Прим. ред.*

Это заявление Лаваля, будто Советский Союз заключил в 1932 г. секретное соглашение с Германией, представляет собой наглую выдумку и ложь. Само собой разумеется, что Литвинов ничего подобного говорить не мог. – *Прим. ред.*

175

Речь, очевидно, идет о пакте 9 февраля 1934 года о создании Балканской Антанты, заключенной Грецией, Югославией, Румынией и Турцией. – *Прим. ред.*

Имеются в виду государства, возникшие в результате распада Австро-Еенгерской империи: Венгрия, Чехословакия, Польша, Югославия. – *Прим. ред.*

177

Как известно, визит Лаваля в Рим 7 января 1935 года и его соглашение с Муссолини во многом предрешили последующее нападение Италии на Абиссинию (Эфиопию). Лаваль не только согласился на «экономическое преобладание» Италии в Эфиопии, но дал понять, что французское правительство не будет чинить препятствий итальянской агрессии в Абиссинии. Территориальные уступки Франции в Северо-Восточной Африке, уступка части акций железной дороги Джибути – Аддис-Абеба, имеющей большое стратегическое значение, существенно облегчали подготовку Италией нападения на Эфиопию. – *Прим. ред.*

178

Плебисцит в Сааре состоялся 13 января 1935 года. Большинство голосов получило предложение о присоединении Саара к Германии. – *Прим. ред.*

179

Ефтич, Б. – югославский государственный деятель и дипломат; с 1932 по 1934 год был министром иностранных дел; с декабря 1934 года по май 1935 года – премьер-министр. – *Прим. ред.*

180

Цитируется по газете «Известия» от 31 января 1935 г. – *Прим. ред.*

181

Цитируется по газете «Известия» от 21 февраля 1935 г. – *Прим. ред.*

Устав Лиги наций. – *Прим. ред.*

183

Речь идет о советско-германском хозяйственном соглашении, подписанном в Берлине 9 апреля 1935 года. Оно предусматривало урегулирование текущих торговых отношений и кредитное соглашение и не являлось «соглашением общего характера», как пишет автор. – *Прим. ред.*

184

Один из крупнейших магнатов французской финансовой олигархии. Де Вандели стояли во главе концерна «Комите де Форж» и контролировали ряд банков. – *Прим. ред.*

Бельга – бельгийская денежная единица. – *Прим. ред.*

186

Рец, кардинал (Поль де Гонди) (1613-1679) – французский политический деятель и писатель; из его литературного наследства особенно известны его нашумевшие «Мемуары» и «Заговор Фиеско». – *Прим. ред.*

187

Комб, Эмиль (1835-1921) – один из лидеров партии радикалов в начале XX века; в 1902-1905 годах глава правительства радикалов. – *Прим. ред.*

188

На 14 июля 1935 года была намечена демонстрация трудящихся Парижа, которую возглавляли и организовывали партии, входившие в Народный фронт. – *Прим. ред.*

189

Советскому читателю нет надобности, за очевидностью, разъяснять, что финансовые затруднения Франции вызывались отнюдь не чрезмерностью расходов на социальные нужды, а своекорыстной, противоречившей национальным интересам политикой финансовой олигархии, что в ряде мест своих мемуаров вынужден признать и сам Эррио. Расходы же на социальные нужды были не только не чрезмерны, но явно недостаточны, что было подтверждено всеми партиями Народного фронта, предусматривавшими значительное увеличение расходов на социальные нужды. – *Прим. ред.*

Пенсия, переходящая после смерти пенсионера к его жене, а после ее смерти – к его детям. – *Прим. ред.*

191

Имеется в виду Лондонское соглашение от 13 декабря 1906 года между Англией, Францией и Италией о сотрудничестве в Эфиопии, устанавливавшее фактический раздел «сфер влияния» трех держав в этой стране. – *Прим. ред.*

192

Алоизи, Помпео (род. 1875) – итальянский дипломат; в 1932-1936 годах был представителем Италии в Совете Лиги наций. – *Прим. ред.*

193

Леже, Алексис – с 1933 года был генеральным секретарем французского МИД. – *Прим. ред.*

Политис, Николай (1870-1942) – греческий дипломат; в рассматриваемое время был представителем Греции в Лиге наций. – *Прим. ред.*

Жез – представитель Эфиопии. – *Прим. ред.*

Ордалия – средневековый варварский способ установления виновности подозреваемого в преступлении путем так называемого «суда божия» (пыток огнем, водой и раскаленный железом и т. п.). В данном случае употребляется в смысле тяжелых испытаний. – *Прим. ред.*

197

Итальянские войска вторглись в Абиссинию 4 октября 1935 года. – *Прим. ред.*

Нельзя не отметить, что поскольку были исключены военные санкции, закрытие для Италии Суэцкого канала и морская блокада, принятые Лигой наций санкции имели скорее моральное, чем практическое значение и не могли воспрепятствовать продолжению войны. – *Прим. ред.*

Английский посол в Париже. – *Прим. ред.*

200

В тексте французского издания § 3 пропущен. – *Прим. ред.*

201

Буржуа, Леон (1851-1925) – французский политический деятель и дипломат. Делегат Франции на Гаагской мирной конференции 1899 года, участвовал в составлении проекта Устава Лиги наций. – *Прим ред.*

Альфан, Шарль Эрвэ (1879-1942) – французский дипломат; с марта 1933 по сентябрь 1936 года был послом в Москве. – *Прим. ред.*

Тигре – область в северо-восточной Эфиопии. – *Прим. ред.*

Эти согласованные Лавалем и Хором 9 декабря 1935 года пункты предложений получили известность под названием соглашения Лаваля – Хора. Реальное содержание этого плана заключалось в отторжении от Эфиопии одной трети ее территории и превращении ее в фашистскую колонию Италии. Соглашение Лаваля – Хора означало попрание всех принципов международного права и решений Лиги наций и поощрение агрессора. – *Прим. ред.*

205

Сражение при Садове (Северная Чехия) 3 июля 1866 года, во время австро-прусской войны, закончилось жестоким поражением австрийской армии и решило исход войны в пользу Пруссии. Вслед за австро-прусской войной 1866 года последовала франко-прусская война 1870-1871 годов, а за Садовой последовал Седан. – *Прим. ред.*

Имеются в виду решения конференции представителей рабочего класса, предпринимателей и правительства, созванной правительством Леона Блюма в июле 1936 года. Созыв конференции явился следствием широкого размаха забастовочной борьбы французского пролетариата в мае – июне 1936 года. Конференция приняла решение о повышении заработной платы рабочих в среднем от 7 до 15 процентов. – *Прим. ред.*

207

Саленгро – видный деятель французской социалистической партии, мэр города Лилля, был министром в правительстве Блюма. – *Прим. ред.*

Делорм, Филибер (около 1512-1570) – известный французский архитектор и теоретик архитектуры эпохи Возрождения. Сэв, Морис – французский поэт, живший в XVI веке в Лионе. Лабе Луиза (1526-1565) – французская поэтесса. – *Прим. ред.*

209

Доле, Этьен (1509-1546) – французский гуманист и ученый эпохи Возрождения. Был приговорен за ересь к повешению и сожжению. – *Прим. ред.*